

99 $\frac{16}{132}$ 10

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Т Р У Д Ы
ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Х

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1 9 5 4 ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор
Чл.-корр. АН СССР В. П. Адрианова-Перетц

215660

О Т Р Е Д А К Ц И И

„Труды Отдела древнерусской литературы“ — неперiodическое издание Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР — начали выходить в 1934 году, в год основания в составе института Отдела древнерусской литературы, исследующего памятники русской литературы эпохи феодализма. Коллектив сотрудников этого отдела во главе со своим руководителем, покойным академиком А. С. Орловым, стремился с первого года привлечь к участию в „Трудах“ не только литературоведов, но и искусствоведов, историков и археологов, краеведов — знатоков местной старины, всех, самостоятельно разрабатывающих вопросы истории культуры древней Руси, связанные с собственно историко-литературными.

Вышедшие за минувшие двадцать лет десять томов „Трудов ОДРЛ“ свидетельствуют о трудном пути, каким шла эта область литературоведения, освобождаясь от пережитков буржуазной методологии, от порочных тенденций формализма, компаративизма, вульгарного социологизма.

Эта перестройка изучения древнерусской литературы привела прежде всего к расширению круга самых объектов исследования — из рукописных фондов за минувшие двадцать лет был извлечен ряд памятников светской по преимуществу литературы, остававшихся вне поля зрения буржуазной науки или ошибочно ею истолковывавшихся. Именно в „Трудах ОДРЛ“ были впервые опубликованы и подвергнуты историко-литературному анализу некоторые произведения повествовательной, сатирической, стихотворной и драматической литературы, еще не вошедшие в научный оборот, были определены литературно-художественные элементы летописного повествования, агиографических и дидактических жанров, существенно углубилось раскрытие многообразных связей литературы с исторической действительностью, поставлены вопросы о характере отношений литературы и народной поэзии в разные периоды эпохи феодализма, намечались пути для определения классового характера древнерусской литературы и народности ее ведущих памятников.

На основе опыта публикации разных по жанру и по своей литературной судьбе произведений литературы XI—XVII веков „Труды ОДРЛ“ в ближайшее время начнут обсуждение принципов текстологической работы над рукописным литературным материалом эпохи феодализма.

Придавая большое значение введению в научный оборот новых источников, „Труды ОДРЛ“ помещают сообщения о результатах археографической работы сектора, отводят значительное место публикации подготовленных местными архивистами и краеведами описаний периферийных государственных архивов и частных собраний древнерусских рукописей.

Однако перестройка исследования литературы древней Руси, отраженная в „Трудах“ и других изданиях Отдела древнерусской литературы, еще далеко не закончена. Как и в других областях литературоведения, здесь наблюдается резкое отставание в разработке основных теоретических проблем, связанных с пониманием сущности художественного творчества, закономерностей литературного процесса, отставание, которое отметила партийная печать (в передовой статье „Правды“ от 9 июня 1953 года — „Преодолеть отставание литературоведения“). Именно совершенно недостаточное внимание к этим теоретическим проблемам приводит к тому, что и во многих исследованиях произведений древнерусской литературы фактически почти стираются грани, отделяющие литературу как особую форму отражения исторической действительности, форму художественную, от других форм идеологии, литература представляется лишь иллюстрацией к общеисторическому процессу.

Стремясь освободиться от этих пережитков традиций культурно-исторического метода, коллектив Сектора древнерусской литературы ставит важнейшей задачей своей работы на ближайшие годы установление основных закономерностей литературного развития XI—XVII веков, определение своеобразия художественного метода писателей этого времени. Итоги работы в этом направлении будут положены в основу „Истории русской литературы эпохи феодализма“, которая должна исправить методологические ошибки первых двух томов десятитомной „Истории русской литературы“ (1941—1948 годы). В десятом томе „Трудов“ частично отражена эта работа Сектора древнерусской литературы над теоретическими проблемами, над изучением своеобразия художественного мастерства древнерусских писателей.

Другим существенным пробелом в исследованиях по литературе эпохи феодализма, сказавшимся и на содержании вышедших томов „Трудов“, является недостаточно последовательная борьба с разного рода космополитическими и буржуазно-объективистскими концепциями происхождения и развития древнерусской литературы. Представители буржуазной „академической“ науки внесли серьезный вклад в дело изучения литературы XI—XVII веков, по достоинству оцененный в свое время еще Н. А. Добролюбовым. Исследования и особенно публикации неизвестных дотоле памятников литературы, вышедшие в последней четверти XIX и в начале XX века, существенно дополнили наши сведения о культуре эпохи феодализма. Однако в области теории и обобщений, в способе анализа фактов, определения их исторического значения обнаружилась вся беспомощность самого метода буржуазной науки, бесперспективность отдельных исследований. И потому одна из важнейших задач советской науки — вскрыть методологические корни порочности концепций буржуазной науки прошлого, развиваемых нередко и современной буржуазной наукой.

„Труды ОДРЛ“, сочетая историческую конкретность исследований с теоретической глубиной, должны стать той научной лабораторией, в которой, на базе марксистско-ленинской методологии, смело пролагались бы новые пути к решению коренных вопросов истории и теории литературы эпохи феодализма, велись бы острые творческие дискуссии по основным проблемам ее происхождения и развития.

ИССЛЕДОВАНИЯ И СТАТЬИ

Д. С. ЛИХАЧЕВ

Изображение людей в летописи XII—XIII веков

Каждый, кто решит поискать в древнерусских летописях изображение живых русских людей, создававших историю Руси, и подойдет к этому с мерами и запросами нашей современной литературной культуры, неизбежно испытает некоторое чувство разочарования. Он не увидит в летописи реалистического изображения людей, не увидит в ней народа, который творил русскую историю.

Чтобы по-настоящему представить людей Руси XII—XIII веков, надо проникнуть в самую художественную систему летописи, надо понять мировоззрение летописца, его человеческие идеалы и его реальные возможности литературного творчества. Эта система, это мировоззрение, эти идеалы и возможности были совсем отличны от современных, были очень далеки от реализма, но они отнюдь не были примитивны. Изображение людей в летописи было подчинено своей и очень сложной системе, оно свидетельствует о своеобразной литературной культуре. Летописец смотрел на людей далеко не „простым глазом“. Его глаз был вооружен особой „оптической системой“, которая вводила изображаемых им людей и их поступки в его оценочные суждения, подчиняла их его идеалам — идеалам его времени и его класса. Коль скоро мы изучим эту художественную систему, для нас станет ясным и тот „угол отклонения“, те поправки, которые неизбежно следует вносить в летописные изображения, чтобы составить себе представление о действительных людях. Вместе с тем летопись вызовет в нас истинное восхищение своеобразием средств художественного обобщения.

Данная статья — только попытка подойти к раскрытию этой системы. Она охватывает XII—XIII века — время, когда более всего устоялись определенные художественные средства в изображении людей. Мы берем именно летопись как ведущий жанр этого времени. В одной из последующих статей мы обратимся к изображению людей XI века, в другой — XIV—XVI веков. Изображению людей в исторической литературе начала XVII века нами посвящена уже особая статья.¹

Изучение художественной системы изображения людей и тех изменений, которые эта система испытала, поможет нам уяснить долгий и трудный путь к реализму, который прошла русская литература более чем за девять веков своего существования.

Образы людей в летописи не могут быть отделены от ее идейного и художественного строя. Характеристики людей, характеристики лю-

¹ Д. С. Лихачев. Проблема характера в исторических произведениях начала XVII века. Труды ОДРА, т. VIII, 1951.

ских отношений и идейно-художественный строй летописи составляют неразрывное целое. Они подчиняются одним и тем же принципам феодального миропонимания, обусловлены классовой сущностью мировоззрения летописца.

В своем отношении к историческим событиям летопись официальна. Ритм истории в летописи — это ритм официальных событий. Связь между событиями также всегда официальна. История для летописца не имеет „второго плана“ — скрытой экономической или даже просто психологической подоплеки. Князья поступают так, как они сами об этом объявляют через послов или на съездах. Если они и обманывают, то мотивы их обмана также на первом плане, за ними не кроется причин иного рода, чем те, о которых они сами заявляют или могли бы заявить. Летописец не заносит в свои записи событий частного характера, не интересуется жизнью людей, низко стоящих на лестнице феодальных отношений. Попастъ в летописные записи — само по себе событие значительное. Летописец пишет только о лицах официальных, распоряжающихся судьбой людей; при этом частная жизнь этих официальных людей летописца не интересует. Если он и пишет о рождении детей у князя, об их свадьбах и пирах, то потому только, что всё это официальные события в жизни княжества — события „династического порядка“.

Человек был в центре внимания искусства феодализма, но человек не сам по себе, а в качестве представителя определенной среды, определенной ступени в лестнице феодальных отношений. Каждое действующее лицо летописи изображается только с той его стороны, с которой оно характерно как представитель определенной социальной категории. Князь оценивается по его „княжеским“ качествам, монах — „монашеским“, горожанин — как подданный или вассал. Личность князя подчиняет себе события, интерес к князю поглощает интерес к событиям народной жизни. Каждый человек представляет для летописца свою ступень в феодальной иерархии. Всё общество состоит из „лестнично“ расположенных над простым, трудовым народом различных групп феодалов. Все людские отношения подчинены этой иерархии вассальных связей. Этот иерархизм дает себя сильнейшим образом знать и в летописи, и в других литературных произведениях.

Принадлежность к определенной ступени феодальной лестницы ясно ощутима в характеристиках действующих лиц летописи. Для каждой ступени выработались свои нормы поведения, свой идеал и свой трафарет изображения. Индивидуальность человека оказывалась полностью подчиненной его положению в феодальном обществе, и изображение людей в русской летописи XI—XIII веков в сильнейшей степени подчинялось тем идеалам, которые выработались в господствующей верхушке феодального общества.

Эти идеалы ясно определимы. Их несколько, и они очень четко обозначены социально. Идеальный образ князя — один, идеальный образ представителя церкви — другой. Слабо намечены идеалы боярства — „бояр думающих“ и „дружины хоробрующей“. В основном два идеальных образа доминируют в жизни, а вслед за нею и в литературе: светский и церковный.

Это не идеализация человека, это идеализация его общественного положения — той ступени в иерархии феодального общества, на которой он стоит. Человек хорош по преимуществу тогда, когда он соответствует своему социальному положению или когда ему приписывается это соответствие (последнее — чаще).

Выработавшиеся в жизни и игравшие в ней значительную роль, эти идеалы повлияли и на письменность. Умерших, а иногда и живых, литература (в первую очередь летопись и жития святых) стремится изобразить в духе этих идеалов (если она сочувствует изображаемому) или показать их несоответствие этим идеалам (если она не сочувствует изображаемому). Этим обуславливается относительная бедность характеристик действующих лиц летописи и житий. Но этим же обуславливается и точное соответствие характеристик нуждам господствующего класса феодального общества.

Идеалы не всех ступеней иерархической лестницы равноправны. В светской области наиболее отчетливо определился княжеский идеал. Герои летописи по преимуществу князья, ибо их действия, как мы уже сказали, с точки зрения летописца, составляют суть исторического процесса. Вот почему княжеский идеал — наиболее разработанный светский идеал.

Характеристики духовенства в летописи — монахов, епископов, митрополитов, белого духовенства и людей просто благочестивых — целиком подчиняются идеалам церкви.

Особую группу составляют „святые“. Внешне они не входят в систему феодальных отношений — светских и духовных — и не принадлежат крестьянству. Они как бы внесловны. Они вышли из жизни, но встали над ней — между земным и божественным. Трафареты в их характеристиках иные, они целиком зависят от общехристианской литературы — своей, местной и переводной. В святых подчеркиваются их странности, отрешенность от мира и его интересов.

* * *

Изображение людей в строгом соответствии с иерархией феодального общества имело свои глубокие основания в самом строе феодального общества и в потребностях верхушки этого общества сохранить этот строй, удержать за собой господствующее положение.

Феодальная собственность являлась собственностью сословной. Вся земля принадлежала только феодалам. „Подобно племенной и общинной собственности, и она также покоится на коллективе, которому, однако, противостоят в качестве непосредственно производящего класса не рабы, как в античном мире, а мелкие крепостные крестьяне. Вместе с полным развитием феодализма появляется и антагонизм против городов. Иерархическая структура земельной собственности и связанная с ней система вооруженных дружин давали дворянству власть над крепостными. Этот феодальный строй, как и античная общинная собственность, был ассоциацией, направленной против поработленного, производящего класса, но форма ассоциации и отношение к непосредственным производителям были различны, ибо налицо были различные производственные условия“.¹

Иерархический характер земельной собственности обуславливался тем обстоятельством, что в обществе „политическое положение определялось размерами землевладения“² — собственность на землю соединялась с политическими правами. На этой основе вырастала вся сложная иерархия взаимоотношений феодального общества между его отдель-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. *Немецкая идеология*. Сочинения, т. IV, Партиздат, М., 1937, стр. 14.

² Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1952, стр. 179.

ными членами. Иерархия есть идеальная форма феодализма; феодализм — политическая форма средневековых отношений производства и общения.

Идеологическая надстройка призвана была в феодальном обществе охранять и укреплять эту феодальную иерархию. В связи с этим вырабатывается понятие феодальной чести. Над сложной иерархией политических отношений вырастает не менее сложная иерархия чести.

Уже в Русской Правде размер наказаний изменяется в зависимости от положения пострадавшего, от того, на какой ступени феодальной лестницы он находится, причем защищается прежде всего честь пострадавшего, его достоинство.

Согласно „Правде“ Ярослава различались побои в зависимости от того, чем они нанесены, причем за более опасные удары мечом и ранение пальца взыскивалось 3 гривны, а за удары менее опасными предметами (палкой, жердью, тыловой частью меча, ножами меча) в четыре раза больше — 12 гривен. Это объясняется тем, что последние удары были более оскорбительными, выражая крайнее презрение к оскорбляемому.

Если обиженный попытается смыть нанесенное ему оскорбление и обнажит меч, то такого рода действие ненаказуемо. В Пространной Правде говорится: „Не терпя ли противу тому ударить мечем, то вины ему в томь нетуть“,¹ „Аже ли кто вынет мечь, а не утнеть, то гривна кун“,² „Аще ли ринеть мужь мужа, любо от себе, любо к собе, 3 гривне“³ и др.

Классовое расслоение общества сказалось также и в церковном уставе Ярослава Владимировича. Здесь особо оговаривается оскорбление жен великих и меньших бояр, градских и сельских людей. Оскорбление словом каждой из этих категорий жен строго различается по налагаемой санкции. Характерно, что речь идет именно об оскорблении словом. Следовательно, вырабатываются строгие представления о феодальной чести.⁴ В цифрах этих штрафов социальное расстояние между большим боярином и сельским человеком определяется отношением 1 к 14.

Честь князя охранялась законом строже всего. За бесчестье князя по Русской Правде полагалось обезглавление: „Князю великому за бесчестье главу снять“. Смертная казнь полагалась и за восстание против князя. Князь Изяслав казнил организаторов восстания 1068 года. Князь Василько Ростиславич казнил в 1097 году мужей князя Давида Святославича, по наущению которых он был ослеплен. Ипатьевская летопись под 1177 годом приводит следующее обращение князя Святослава Всеволодовича к князю Роману Ростиславичу: „Брате, я не ишу под тобою ничего же, но ряд наш так есть, оже ся князь извинить, то в волость, а мужь в голову“.⁵ Таким образом, оскорбление чести феодала, как и измена ему, карались смертной казнью. Та же смертная казнь за измену сюзерену и оскорбление ему полагалась и на Западе. При этом надо принять во внимание, что смертная казнь в раннефеодальном древнерусском государстве применялась исключительно редко.

Процесс образования сложной лестницы феодальных отношений в основном закончился к XII веку: великий князь, местные князья, бояре,

¹ Пространная Правда, статья 26: Правда Русская, т. II, М.—Л., 1947, стр. 344—345.

² Пространная Правда, статья 24: там же, стр. 341. Ср. в Краткой Правде статью 9 (там же, стр. 80—81).

³ Краткая Правда, статья 10: там же, стр. 82—86.

⁴ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси. М., 1946, стр. 91—92.

⁵ Ипатьевская летопись. Изд. 1871 г. Под 1177 г., стр. 409.

боярские слуги. Междукняжеские отношения строятся к этому времени на основании развитого сюзеренитета-вассалитета.

Вот эта-то сложная иерархия феодальных отношений отчетливо дает себя знать в художественной литературе — в характеристиках действующих лиц летописи, житий, исторических повестей. Она налагает ясно ощутимый отпечаток на систему художественных обобщений. И это прежде всего сказывается в том, что для каждой ступени феодальной лестницы вырабатываются, как мы уже сказали, свой идеал, свои нормы поведения, в зависимости от которых и расценивается тот или иной представитель этой ступени.

Сравнительно с общинно-патриархальной формацией феодализм предоставлял бóльшие возможности для развития личности, но эти возможности открывались по преимуществу для представителей феодального класса. Согласно представлениям феодализма, история движется отдельными личностями из среды феодалов: князьями, боярами, духовенством, и это наложило свой отпечаток на образы людей в литературе. Вот почему и типизация в литературе XI—XIII веков основывается на отдельных конкретных исторических личностях. Литература — летопись или житие, всё равно — в основе своих образов имеет только исторические личности. Вымышленно-обобщенных образов людей литература феодализма не знает. Вместе с тем, каждое историческое лицо, как мы уже сказали, вводится в круг идеалов, располагающихся по ступеням феодальной лестницы.

Особое положение в этой „лестнице идеалов“ занимал трудовой народ. Сельское население, городские ремесленники не входили в состав феодальной иерархии. Они составляли только ту основу, над которой высилась феодальная лестница. Трудовой народ находился вне этой лестницы, а следовательно и вне лестницы феодальных идеалов. Ф. Энгельс указывал: „Всё, что не входит в феодальную иерархию, так сказать, не существует; вся масса крестьян, народа, даже не упоминается в феодальном праве“.¹ Не упоминаются в литературных произведениях и отдельные представители крестьянства, трудового народа.

Весь феодальный класс, несмотря на свою сложную многоступенчатую структуру, составляющую основу его неоднородности, в отношении трудового населения выступает как сплоченное единое целое. В первую очередь это касается княжеского рода — особенно спаянной, несмотря на все свои внутренние раздоры, части феодального класса. Постоянные раздоры в среде князей не мешали их сплоченности по отношению ко всем не князьям, в том числе и к другим представителям класса феодалов.

Тесное соприкосновение феодальной литературы и действительности, феодальной литературы и политики нашло свое отражение в строгом подчинении изображения людей идеалам феодальной верхушки.

Литература феодального периода была теснейшим образом связана с жизнью — с нуждами и требованиями феодального общества. Как мы увидим в дальнейшем, именно жизнь, а не литература, не литературная традиция выработала те идеалы, которые и в действительности, и в литературе служили мерилami людей. В литературном изображении реальные люди либо подтягивались к этим идеалам, признавались соответствующими им, либо отвергались именно с точки зрения этих идеалов. Литература в основном знала только две краски — черную и белую; определение же того, какой краской писать то или иное действующее

¹ Архив Маркса и Энгельса, т. X, стр. 280.

лицо, принадлежало реальной политической действительности и месту в ней самого автора. Противников своего лагеря летописец или составитель исторической повести писал темной краской, сторонников — светлой. Летописец, автор и себя подчиняли этикету феодального общества, вводил себя в иерархию феодализма: свое служение феодалу он переносил в свою писательскую деятельность. Летописец того или иного князя, того или иного монастыря, епископа выражал в своих творениях верность сюзерену. В большей мере, чем какой бы то ни было автор других веков, он подчинял задачи своего труда задачам служения своему сюзерену, оценивал события и людей так, как это ему подсказывали его обязанности подданного — человека, стоящего на одной из низших ступеней феодальной лестницы и связанного ее принципами.

*
1

Как в изображениях на мозаиках и фресках XI—XIII веков, князь в летописи всегда официален, всегда как бы обращен к зрителю, всегда представлен только в своих наиболее значительных поступках. Его речи при переговорах и на съездах князей, перед дружиной или на вече всегда лаконичны, значительны и как бы геральдичны. Порой они звучат как призывы, обращают на себя внимание своею образностью, удачно найденными формулами, сжато отражающими всегда одну и всегда основную мысль.

Геральдичность и церемониальность не требуют пространный выражения. Они обращены во вне — к зрителю и читателю. Поступки, дела, действия, слова и жесты — основное в характеристиках князей. В летописи описываются эти действия и поступки, но не психологические причины, их вызвавшие.

Князья в летописи не знают душевной борьбы, душевных переживаний, того, что мы могли бы назвать „душевым развитием“. Князья могут испытывать телесные муки, но не душевные терзания. На всем протяжении своей жизни, как она фиксируется в летописи, они остаются неизменными. Даже в тех случаях, когда летописец и говорит об их душевных колебаниях, кажется, что они больше взвешивают все „за“ и „против“, чем испытывают нерешительность. В таких случаях сама несмелость предстает как черта их политических убеждений, а не характера. Старчески слабый князь Вячеслав Владимирович¹ выглядит в изображении летописца мудрым князем, отрешившимся от политики, хотя и продолжающим находиться на княжеском столе. Для летописца не существует „психологии возраста“. Каждый князь увековечен в своем как бы идеальном, вневременном состоянии. О возрасте князя мы узнаем только тогда, когда возраст (как и болезнь) мешает его действиям. Если в летописи говорится о детстве князя, то летописец стремится и здесь изобразить его как бы в его сущности князя. Ребенок-князь начинает битву, бросая копьё (Игорь), или защищает мать с мечом в руках (Изяслав), или совершает обряд посажения на коня. С момента „посага“ (обычно в восьмилетнем возрасте) летописец по большей части уже не упоминает о возрасте князя, оценивая его поступки как поступки князя вообще. О юности князя летописец вспоминает только тогда, когда юноша-князь умирает и окружающие оплакивают его безвременную кончину.²

¹ См.: Ипатьевская летопись, под 1149—1154 гг.

² Повесть временных лет, т. 1, М.—Л., 1950, стр. 144: „Росгислава же искавше обретоша в реце; и вземше принесоша ѿ Киеву, и плакая по немь мати его, и вси

В характеристиках князей нет никаких оттенков и переходов, создающихся противоречиями внутренней жизни. Все добродетели князя точно определены, все пороки его исчислены, их может быть больше или меньше, но качественно они все одни и те же. Все они ясны, отчетливы, просты. Их скорее мало, чем много. Летописцы как бы избегают всего расплывчатого, неясного, создают как бы эмблемы и символы феодального порядка. Они пишут так же, как и иконописцы, — изображения для поклонения или, напротив, для осуждения. Их главное внимание уделено личностям феодалов, но самые эти личности служат как бы только олицетворениями существующих порядков — сложной феодальной лестницы и ее незыблемости.

Во второй половине XIII или в начале XIV века неизвестный автор, рязанец по происхождению, вспоминая рязанских князей минувших времен могущества и независимости Руси, следующим образом охарактеризовал этот уже уходящий к тому времени в прошлое идеал князей: „Сии бо государи рода Владимира Святославича — сродника Борису и Глебу, внучата великаго князя Святослава Ольговича Черниговьского. Бяше родом христоролюбивыи, братолюбивыи, ледем красны, очима светлы, взором грозны, паче меры храбры, сердцем легкы, к бояром ласковы, к приеждим приветливы, к церквам прилежны, на пиrowанье тщивы, до осподарьских потех охочи, ратному делу велми искусны, к братье своей и ко их посолником величавы. Мужествен ум имеяше, в правдеистине пребываста, чистоту душевную и телесную без порока соблюдаста. Святого корени отрасли, и богом насажденаго сада цветы прекрасныи. Воспитани быша в благочестии со всяцем наказании духовнем. От самых пелен бога возлюбили. О церквах божиих велми печашеся, пустошных бесед не творяще, срамных человек отвращашеся, а со благыи всегда беседоваша, божественных писаниих всегода во умилении послушаше. Ратным во бранех страшениа ивляшеся, многия враги, востающии на них, побежаша, и во всех странах славна имя имяща. Ко греческим царем велику любовь имуща, и дары у них многи взимаша. А по браце целомудрено живяста, смотряющии своего спасения. В чистой совести, и крепости, и разума предержа земное царство и к небесному приближаяся. Плоти угодие не творяще, соблюдающии тело свое по браце греху непричасна. Государьский сан держа, а посту и молитве прилежаста; и кресты на раме своем носяща. И честь и славу от всего мира примаста, а святяа дни святого поста честно храняста, а по вся святяа посты причащастася святых пречистых бесмертных таин. И многи труды и победы по правой вере показаста. А с погаными половцы часто бяшася за святяа церкви, и православную веру. А отчину свою от супостат велми без лености храняща. А милостину неоскудно даяше, и ласкою своею многих от неверных царей, детей их и братью к собе примаста, и на веру истинную обращаста“.¹ В этой характеристике всё собрано, всё сосредоточено, до предела сжато и выпукло, как в каменной рези владими́ро-суздальских соборов. Каждая черта до предела обобщена и продумана, каждая деталь — следствие работы мысли многих поколений, создавших свой идеал князя, его поведения, его внешнего облика. В этой монументальной характеристике рязанские князья обрисованы такими, какими они должны казаться людям: своей братье, их послам, дружине, боярам и врагам. Куда ни

людые пожалиша си по немь повелику, уности его ради“. Здесь, очевидно, имеется в виду народный плач, — следовательно, и не официальная летописная точка зрения.

¹ Труды ОДРА, т. VII, 1949, стр. 300—301.

обратится князь, всюду он лучший из лучших, для всех он такой, каким он должен быть, с точки зрения древнерусского автора. Для одних он грозен, для других ласков, к третьим щедр, для четвертых боголюбив, к пятым приветлив. Он весь в деятельности, он представитель своего положения, он как бы обращен во вне — к зрителю, к окружающим. И замечательно, что в „Похвале“ роду рязанских князей исчислены почти все те зрители, к которым обращена эффектная наружность князя: это бояре, приезжие, своя братья князя и греческие цари, „супостаты“ — враги, „неверные цари“, послы, духовенство. Ко всем этим зрителям — князь красен лицом, грозен и светел очами, всюду он первый в выполнении своих обязанностей: на пиру и в церкви, в битве и при приеме послов. Его облик легко обозрим, прост и впечатляющ. В многоликом идеале князя, то грозном, то приветливом и величавом, находят себе место и церковные добродетели. Качества князя соединены в его облике механически: рязанские князья и „на пирование тцivity“ и в poste прилежны, грозны и приветливы, до господарских потех „охочи“ и „срамных человек“ отвращаются, „пустошных“ бесед не творят.

Качества князей, их добродетели могут соединяться бесконечно, ибо они лишены внутренней, психологической связи. Добродетелей в князе может быть столько, сколько колец в его кольчуге. Каждая „добродетель“ обращена к зрителю, надета на нем, как доспех, механически соединена с соседней. Он окружается ими, как броней. Они — как бы его парадная одежда. Это хорошо подметил Даниил Заточник: „Паволока бо испестрена многими шолки и красно лице являеть; тако и ты, княже, многими людьми честен и славен по всем странам“.¹

Еще отчетливее сравнение добродетелей князя с его одеянием в пространной посмертной характеристике вольнского князя Владимира Васильковича. „Ты правдою бе оболчен, — обращается к нему летописец, — крепостью препоясан и милостынею яко гривною утварью златоу украсуся, истинною обит, смыслом венчан“.² К каждому из своих зрителей князь обращается как бы в отдельности, полностью растворяясь в окружающей его феодальной среде и становясь до предела абстрактным. „Ты бе, о честная главо, — продолжает летописец, — нагим одеяние, ты бе алчущим корьмя и жажущим во вьртыпе оглашение, вдовицам помощник и страньным покоище, беспокровным покров, обидимым заступник, убогим обогатение, страньны приимник“.³

То обстоятельство, что добродетели механически присоединяются к другим добродетелям без внутренне объединяющей их связи, привело к легкому совмещению идеалов светского и церковного. В произведениях светской литературы к дружинным добродетелям князя, рисуящим его добрым воином и добрым главой дружины, тцивым на пиры, щедрым и храбрым, присоединяются духовные добродетели аскетического характера: нищелюбие, смирение, постничество и благочестие. С другой стороны, в житийных характеристиках дружинные добродетели легко присоединяются к церковным и осеняются венцом святости. Так было в характеристиках князей, погибших от татар, так было и в „Житии“ Александра Невского.

Христианское мировоззрение при изображении людей было поставлено на службу укреплению феодального строя. Оно вступало в силу по преимуществу там, где речь заходила о правовых преступлениях:

¹ Н. Н. Зарубин. Слово Даниила Заточника. Л., 1932, стр. 16—17.

² Ипатьевская летопись, под 1289 г., стр. 607.

³ Там же, стр. 607—608.

об убийстве, ослеплении, вероломстве, нарушении крестного целования и т. д. Убийство Игоря Ольговича побудило летописца обратиться к житийным образцам, то же можно сказать об убийстве Андрея Боголюбского и о многих других преступлениях периода феодальной раздробленности.

Характерно проникновение церковного элемента по преимуществу в изображение отрицательных персонажей светских произведений — врагов внешних и внутренних. Положительный идеал был главным образом светский; церковные добродетели лишь механически присоединялись в характеристике светских героев к основным светским, феодальным добродетелям. Но коль скоро речь заходила о дурных поступках, о врагах, — летописец становился целиком на церковную точку зрения и приписывал отрицательному персонажу по преимуществу церковные грехи и недостатки. В церковной литературной традиции светский автор находил сильные слова осуждения, яркие краски и твердую почву для морализирования.

В изображении отрицательных персонажей сказывался и христианский психологизм, когда делались попытки проникнуть во внутреннюю жизнь действующего лица. Летописец в гораздо большей степени, чем в изображении положительных героев своего повествования, стремился психологически объяснить поступки врага, описать внутренние побудительные причины его дурных поступков. Правда, этих побудительных причин немного: гордость, зависть, честолюбие, жадность.

Внешний враг устремляется на Русь „в силе тяжце“, „пыхая духом ратным“, под влиянием зависти, которую вложил ему в сердце дьявол, „устремившись прияти град и землю“,¹ „надеяся объяти землю, потребити море“.² Владимир Мстиславич нарушает крестное целование, так как был к братии своей „верьтлив“ и „не управливаше к ним хрестного целования“.³

Однако и в отношении к отрицательным персонажам писатель XI—XIII веков не в меньшей степени официален, чем в отношении к положительным героям своего повествования. Отрицательный герой летописи — это внешний враг или противник своего князя в его классовой или феодальной борьбе. Отрицательные персонажи летописца найдены им не по их действительным отрицательным свойствам, а по тому положению, которое они занимали в феодальной и классовой борьбе своего времени. Характерно, что многие отрицательные психологические свойства противника определены летописцем также с этой официальной, служебной позиции. Один из самых отрицательных персонажей Ипатьевской летописи — князь Владимирко Галицкий. Его главная черта — жадность; он действует не прямо, не войной, а подкупом, деньгами. В этом изображении Владимирки сказалась ненависть представителя беднеющего Киевского княжества к гораздо более богатому в XII веке княжеству Галицкому. Беднеющий Киев презирал молодой и богатый Галич. Это презрение воплотилось в отрицательном образе „многоглаголивого“ Владимирки Галицкого, действовавшего деньгами, а не оружием, жадного к добыче и беспощадного в своей жадности.⁴

¹ Ипатьевская летопись, под 1229 г., стр. 507.

² Там же, под 1217 г., стр. 492.

³ Там же, под 1171 г., стр. 374.

⁴ „И вда Всеволоду Володимирко за труд 1000 и 400 гривен серебра, переди много глаголив, и последи много заплатив“, — говорит о нем летописец (Ипатьевская летопись, под 1144 г., стр. 226). В противоположность Владимирке Всеволод Киевский роздал всё серебро „кто же бяшет с ним был“. Об ограблении Владимирком жителей Мьческа см.: Ипатьевская летопись, под 1150 г., стр. 289: „Они же

Литературные портреты князей XII—XIII веков так же лаконичны, впечатляющи, энергичны и просты, как и их портреты живописные. На иконе XII века Третьяковской галереи из Новгородского Юрьева монастыря Георгий Победоносец стоит со щитом за спиной, с копьем и мечом в руках, с кесарским венцом на голове. Все атрибуты власти при нем, оружие при нем; вспоминаются слова из „Изборника“ Святослава 1076 года — „красота воину оружие“.¹ Одежды Георгия тщательно выписаны и поражают богатством. Он обращен к зрителю, как бы позирует перед ним и прямо смотрит на него. Всё в нем различимо, ясно. Он изображен не в один из моментов своей жизни, а таким, каким он должен представляться зрителю всегда. Художник стремился изобразить все присущие ему признаки, а не какое-то из его временных состояний. Таков же Дмитрий Солунский на иконе XII века (в Третьяковской галерее) или Ярослав Всеволодович на фреске новгородской церкви Спаса Нередицы.

И в литературе, и в живописи перед нами несомненно искусство монументальное. Это искусство, способное воплотить героизм личности, понятия чести, славы, могущества князя, сословные различия в положении людей. Бесстрашие, мужество, феодальная верность, щедрость, поскольку все они выражались в поступках и речах, были „доступны для обозрения“ читателю, не скрывались в глубине личности, были выражены явно — словом, делом, жестами, положением, могли быть переданы летописцем без особого проникновения в тонкости психологии.

В образах князей этого времени отчасти проглядывает идеал мужественной красоты, созданный народным творчеством. Этот идеал приобретал особую торжественность и парадность под пером летописца, будучи поставлен им на службу интересам феодалов, однако вместе с тем многое утерял из того, чем было богато народное творчество, — главным образом элементы непосредственно реалистического изображения. Литературные портреты князей выступают перед нами как бы высеченными из камня, подобно „прилепам“ владимиرو-суздальских соборов: с той же мерою обобщения и с тем же минимумом жизненно наблюдаемых деталей.

Литературные способы характеристики князей согласуются со способами описания их действий, поступков, подвигов. И в этих описаниях писатели XII—XIII веков также полны заботы о соблюдении этикета,

не имеяхуть дати чего у них хотяше, они же емлюче серебро из ушью и с ши, сливаюче же серебро даяхуть Володимеру. Володимер же поймав серебро и поиде, такоже емля серебро по всем градом, оли и до своей земли“.

¹ В. Шимановский. Сборник Святослава 1076 года. Изд. 2-е, Варшава, 1894, стр. 11. На это место „Изборника“ обратила мое внимание Н. А. Дёмина. В. Н. Лазарев пишет по поводу русской иконы Георгия-воина XII века Московского Успенского собора: „... в иконографии изучаемого нами памятника есть лишь одна не византийская деталь — жест левой согнутой руки, которая держит меч. Георгий выставляет этот меч напоказ подобно драгоценной реликвии. Известно, что наши далекие предки рассматривали меч как своего рода военную эмблему Руси. Вместе с тем меч являлся и символом власти, в частности — княжеской. В этом свете становится понятным жест левой руки Георгия. Он выставляет напоказ меч либо как военную эмблему Руси, либо как знак княжеского достоинства. Если образ Георгия был заказан каким-либо русским князем в качестве иконы соименного ему святого, то вероятнее второе предположение. В этом случае Георгий выступает в роли патрона князя и держит меч как знак княжеского достоинства охраняемого им лица“ (В. Н. Лазарев. Новый памятник станковой живописи XII в. и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве. Византийский временник, т. VI, 1953, стр. 190). В наблюдении В. Н. Лазарева для нас особенно важно одно: художник, как и писатель, стремится к эмблематическому изображению, к передаче признаков, знаков достоинства.

о максимальном обобщении эпизодов, о зрительном, внешнем их эффекте в первую очередь.

Говоря о князе, о своем князе, летописец постоянно изображает его в парадных и официальных положениях: князь во главе своего войска; князь въезжает в свой город, его радостно встречают жители; князь „думает“ с боярами; князь принимает и отряжает послов; князь первым кидается в битву и „ломает копьѣ“; тело князя с плачем хоронят жители, называя его защитником „сирых“, „кормителем“ и „нищелюбцем“. Перед нами несколько церемониальных положений, каждое из которых прямо годилось бы для печати князя как его эмблема. В каждом из этих положений князь предстает перед читателем прежде всего как князь, в ореоле княжеской власти и княжеской славы. Именно такие положения встречаются на иконах, на стенах храмов или на монетах (монета Владимира с его изображением и подписью: „Володимер на столе, а се его серебро“).

Князь предстает перед читателем или зрителем во всем блеске его княжеского достоинства. Летописец ловит его слова, фиксирует их, передает их в наиболее обобщенной форме — почти как сентенции, подчеркивает их мудрость и дальновидность, рисует князя только в значительные и торжественные моменты его жизни.

Вот Михалко и Всеволод въезжают во Владимир со славою и честью великою. Перед ними ведут колодников. „Узревше князя своя“, выйдут им навстречу владимирцы и духовенство с крестами.¹ В иных случаях народ, встречая возвращающихся с победой князей, поет им славу.²

Вот изображение победившего врагов Мстислава Мстиславича Галицкого. Он въезжает в Галич, встречается там с Даниилом Романовичем. „Вси бо угре и ляхове убьени быша, а инии яти быша, а инии бегающе по земле истопоша, друзии же смерды избьени быша, и никому же утекши от них; тако бо милость от бога Руской земле“.³ Победенный враг — Судислав — обнимает колени Мстислава: „Обуима нозе его обещаю работе быти ему“.⁴ Мстислав же прощает врага „и честью великою почтив его, и Звенигород дасть ему“.⁵

Еще более эффектно и импозантно картины парада княжеского войска с князем во главе. Парад войск Даниила Романовича описан под 1251 годом. Воины Даниила представлены во всем их блеске: „Щите же их яко зоря бе, шолом же их яко солнцю восходящу, копиемь же их дръжащим в руках яко тръсти мнози, стрелдемь же обапол идущим, и держащим в руках рожанци свое, и наложившим на не стрелы своя противу ратным. Данилови же на коне седящу и вое рядящу“.⁶ В следующем году Даниил Романович показывает войско свое немцам. В описании этого смотра еще большая роль принадлежит самому Даниилу. „Данила же приде к нему (к венгерскому королю, — Д. Л.), исполчи вся люди свое. Немьци же дивящесе оружью татарьскому: беша бо кони в личинах и в коярех кожаных, и людье во ярыцех, и бе полков его светлость велика, от оружья блистающася. Сам же еха подле короля, по обычаю руску: бе бо конь под нимь дивлению подобен, и седло от злата жьжена, и стрелы и сабля златом

¹ Ипатьевская летопись, под 1176 г., стр. 408.

² Там же, под 1236 г., стр. 517—518.

³ Там же, под 1219 г., стр. 493.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же, под 1251 г., стр. 540.

215660

украшена, иными хитростями, якоже дивитися, кожих же оловира гредького и круживы златыми плоскыми ошит, и сапози зеленого хъза шити золотом. Немдем же зрящим, много дивящимся“.¹ Фигура князя привлекает внимание летописца и в битве, когда князь обнажает меч, когда он ранен, когда оружие его в крови или пострадало от ударов врага: „И сулицы его кроваве суши и оскепицю исечену от ударенья мечеваго“,² — говорит летописец о Данииле в битве с венграми.

Большинство положений князя, в которых описывает его летописец, связаны с княжеским этикетом, они в какой-то мере церемониальны. Церемониальны не только встречи князя и его посажение на столе, но и такие, как езда „у стремени“, что символизировало собой вассальную службу князя, его стояние „на костях“ после битвы, „обличая“ победу,³ и т. д. Важно отметить, что во всех этих церемониальных положениях большое значение придавалось общественному признанию князя. Въезды князя в город после победы, для посажения на столе, встречаются сочувственно народом. Князь въезжает в город „с великою славою и честью“,⁴ а иногда летописец не забывает упомянуть, что князю пелась слава, что народ встречал его, как пчелы встречают матку.⁵

„Геральдические“ положения найдены летописцем не только для своих, но и для врагов — для Севенча Боняковича, например, стремившегося ударить своим мечом в Золотые ворота Киева, как ударил в них когда-то его отец — хан Боняк, или для Владимирки Галицкого, обманувшего русских послов, лежа в постели, или посмеявшегося над послом Изяслава, стоя на переходах из своего дворца в божницу. Слова того и другого выражают в лаконичной и почти лозунговой (тоже геральдической) форме смысл их действий: „Хочу сечи в Золотая ворота, — говорит Севенч Бонякович, — якоже и отец мой“; „поеха муж русский, обуимав вся волости“,⁶ — говорит Владимирко Галицкий. Свежесть и сила этих эпизодов не в том, что в них отражен какой-то новый подход к событиям, а в том только, что самые события для изображения взяты в них не совсем заурядные.

Враг изображается обычно в момент своего выступления в поход „в силе тяжце“⁷ или в момент своего поражения, когда он бежит с позором „дав плечи“, или обнимает ноги победителя, „обещаяся работе быти ему“.⁸ Боярин Доброслав выезжает „с великою гордынею“, „во одной сорочце, гордящу, ни на землю смотрящу“.⁹

В этих изображениях внутренняя жизнь князя подчинена его внешнему изображению. Князь мудр, храбр, справедлив — в той мере, в какой это полагается ему там, где это нужно по „этикету“. Всё совершается им в своем месте и в свое время. Князь поступает так, как нужно по воззрениям своего времени. Его личным привязанностям, вкусам, привычкам летописец уделяет место только тогда, когда это отражается на его судьбе. Болезнь князя описывается тогда, когда

¹ Ипатьевская летопись, под 1252 г., стр. 540—541.

² Там же, под 1232 г., стр. 512.

³ См., например: Ипатьевская летопись, под 1249 г., стр. 534: „И Льв ста на месте, воиньом посреде трупья являюща победу свою“.

⁴ Ипатьевская летопись, под 1140 г., стр. 217; под 1142 г., стр. 223; под 1146 г., стр. 233; под 1150 г., стр. 288 и мн. др.

⁵ Там же, под 1235 г., стр. 517—518.

⁶ Там же, под 1152 г., стр. 319.

⁷ Там же, под 1237 г., стр. 520; под 1240 г., стр. 522 и др.

⁸ Там же, под 1219 г., стр. 493.

⁹ Там же, под 1240 г., стр. 525.

он болен смертельно. Въезд князя в город описывается тогда, когда он приезжает с победой из похода или для того, чтобы сесть на столе. Совет князя с боярами описывается тогда, когда принимается какое-либо мудрое решение. Князь не принадлежит самому себе. Он изображается только как представитель своего сословия, во-первых, и как исторический деятель, во-вторых.

Миниатюры Радзивиловской летописи выдержаны в едином стиле с текстом летописи XII—XIII веков. Они этикетны и геральдичны в самом точном смысле. В них иллюстрируются главным образом те положения, которые связаны с церемониалом, официальные, которые необходимо упомянуть по этикету. Посажение князя на стол, въезд его в город, победа над врагами, прием послов, сцены инвеституры, осада князем или врагами города, подвиг князя в битве, похороны князя, выезд в поход, переговоры о мире и т. д. и т. п. — все эти действия изображены до предела лаконично. Войско изображается условной группой, город — воротной башней, мирные переговоры — трубачами, и т. д.¹

Хотя миниатюры Радзивиловской летописи и относятся к концу XV века, но по выбору сюжетов, по проникающему их духу феодального этикета они ближе всего стоят к XII и XIII векам, подтверждая тем самым гипотезу М. Д. Приселкова,² А. В. Арциховского³ и других о том, что в них копировались миниатюры более древние — свода 1212 года.

* * *

Подобное изображение людей было, конечно, близко к их прославлению. Там, где древнерусский автор сознательно стремился дать читателю представление о том человеке, о котором он писал, — обычно ясно ощущается и стремление прославить его или, напротив, унижить. О задаче искусства как о задаче прославления прямо писал в своем „Слове на седьмую неделю по Пасхе“ Кирилл Туровский: „Историцы и ветиа, рекше летописцы и песнотворци, прикланяють своа слухы к бывшая между царей рати и ополчения, да украсять словесы слышащая и възвеличатъ крепко храбровавшая и мужествовавшая по своем цари, и не давшихъ в брани плещи врагомь, и тех славяще похвалами венчатъ“.⁴

Общественное признание, „слава“ князя, его „честь“ — спутники феодальных добродетелей князя в писательском представлении того времени. Авторы XII—XIII веков не знают коллизий между тем, что представляет собой князь, и тем, как воспринимают его окружающие: его вассалы и народ. Как мы уже сказали, добродетели князя все обращены во вне, доступны для оценки; авторы XII—XIII веков не изображают скрытой, внутренней духовной жизни, которая могла бы быть неправильно понята читателями. Вот почему добрая слава не-

¹ Интересные особенности передачи в миниатюрах Радзивиловской летописи ряда сюжетов, отражающих феодальную идеологию „с диаграммной четкостью“ и „плакатной выразительностью“, вскрыты в работе А. В. Арциховского „Древнерусские миниатюры как исторический источник“ (М. 1944).

² М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 58.

³ А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. См. также рецензию Н. Н. Воронина на эту работу в „Вестнике Академии Наук СССР“, 1945, № 9.

⁴ Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Под ред. А. И. Пономарева, вып. 1, СПб., 1894, стр. 167.

изменно сопутствует доброму князю и служит как бы удостоверением его феодальных добродетелей. Вот почему в похвале князю, живому или мертвому, так часто говорится о его славе, о любви к нему народа.

Когда умер Владимир Мономах, „весь народ и вси людие по немъ плакахуся, якоже дети по отцю или по матери“.¹ По Изяславе Мстиславиче „плакалась“ „вся Руская земля и вси Чернии Клобуци“.² По Мстиславе Ростиславиче плакали все новгородцы — „все множество новгородское, и силнии и худии, и нищии, и убозехи, и черноризьске“,³ и т. д. Плач по умершем — это и прославление князя, его заслуг, его доброты, его храбрости, обещание не забыть его доблести и его „приголублия“. „Уже не можем, господине, — плачут новгородцы по Мстиславе Ростиславиче, — поехати с тобою на иную землю, поганых поработити во область Новгородскую: ты бо много молвяшеть, господине нашъ, хотя на все стороне поганья; добро бы ныне, господине, с тобою умрети створшему толикую свободу новгородьдем от поганых, якоже и дед твой Мьстислав свободил ны бяше от всех обид; ты же бяше, господине мой, сему поревновал и наследил путь деда своего; ныне же, господине, уже к тому не можем тебе узрети, уже бо солнце наше зайде ны и во обиде всим остахом“.⁴ Все эти плачи и прославления, конечно, далеки от передачи действительных: они в высокой степени литературны и традиционны.

Есть и другая сторона в этом общественном признании князя. Князь и вассалы, князь и народ составляют единое целое, связанное феодальными отношениями. Народ составляет неизменный и безличный фон, на котором с наибольшей яркостью выступает фигура князя. Народ как бы только обрамляет группу князей. Он выражает радость по поводу их посажения на стол, печаль по поводу их смерти, поет славу князьям при их возвращении из победоносных походов; он всегда выступает в унисон, без единого индивидуального голоса, массой, в которой неразличимы отдельные личности, хотя бы безымянные, вроде тех безликих групп, которые условно изображаются на иконах и фресках аккуратно разрисованными рядами голов, за ровным первым рядом которых только едва выступают верхушки голов второго ряда, за ним третьего, четвертого и т. д. — без единого лица, без единой индивидуальной черты. Их единственное отмечаемое достоинство — верность князю, верность феодалу.

Это вполне согласуется с основами феодальной идеологии. Князья постоянно требуют от населения верности себе. В свою очередь и население неоднократно заверяет в летописи князя о своей верности. Верность, преданность и любовь к князю народа окружают его, как ореолом. Могущество феодала тем больше, чем более преданы ему народ и вассалы. Чтобы возвеличить князя, надо подчеркнуть преданность ему его людей, готовность их в любое время выступить со своим князем по его призыву.

Описания преданности горожан своему князю обычны в летописи: народ, горожане, вассалы постоянно изъявляют готовность сложить за своего князя головы, заверяют его в своей верности и любви к нему. Изяслав Мстиславич входит в Киев, „хваля и слава бога... и выидоша противу ему множество народа и игумени и черноризци

¹ Ипатьевская летопись, под 1126 г., стр. 208.

² Там же, под 1154 г., стр. 323.

³ Там же, под 1178 г., стр. 413.

⁴ Там же.

и попове всего города Киева в ризах“.¹ Горожане радуются княжескому „седению“ в их городе.² Они действуют по формуле: „мы людие твое, а ты еси наш князь“.³ Подобно тому как полки „жадають боя“ за своего князя,⁴ и горожане заявляют князьям: „аче ны ся и [с] детьми бити за тя, а ради ся бьем за тя“⁵ или „где узрим стяг ваю, ту мы готовы ваю есмы“.⁶ Горожане обещают князю оставаться верными в самых сильных выражениях: „оли ся с ним смертию розлучити“, — говорят смоляне о сыне Ростислава Мстиславича.⁷ Галицкий летописец дал в своих записях красочное описание встречи горожанами своего князя Даниила Романовича: „Они же воскликнувши реша: «яко се есть держатель наш, богом даный» — и пустишася яко дети ко отцю, яко пчелы к матце, яко жажущи воды ко источнику“.⁸

Самому суровому осуждению подвергаются летописцем те горожане, которые проявляют к князьям „злое неверствие“,⁹ и, напротив, получают одобрение те, которые твердо держатся своего князя, своей княжеской ветви — „племени“ Володимира¹⁰ или „племени“ Мстислава и не могут „руки подъяти“ на его представителей.¹¹ Во всех случаях изъявления преданности горожане выступают как единое целое — безликой и сплоченной массой. Душевные движения всех новгородцев как единого целого широко представлены, например, в Новгородской первой летописи. Новгородцы то радуются своему князю, то печалются его неудачам, то выражают ему преданность. Их отношения с князьями идилличны. Новгородцы заявляют Мстиславу Мстиславичу: „камо, княже, очима позриши ты, тамо мы главами своими вържем“.¹² Они идут с ним на юг, но под Смоленском отказываются идти дальше, и тогда Мстислав, „человав всех, поклонився поиди“.¹³ Впрочем, на следующий год сам Мстислав отказывается от новгородцев — „суть ми орудия в Руси, а вы вольни в князех“,¹⁴ — и новгородцы не в обиде. Патетически заявленная верность князя народу и народа князю могла при известных условиях нарушаться со взаимного согласия. Во всяком случае нарушения верности не становились реже от того, что верность эта прокламировалась при всяком удобном случае с аффектацией и официальной торжественностью.

Верность народа, дружины князю подкрепляется феодальной верностью ему его вассалов. Верность — основная положительная черта и народа, и вассалов князя в изображении летописца. Главная обязанность вассалов — „ездить подле стремени князя“,¹⁵ т. е. верно выполнять военную службу князя, участвовать в его походах и войнах.

¹ Лаврентьевская летопись. Повесть временных лет, Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, под 1146 г., стр. 313.

² Ипатьевская летопись, под 1160 г., стр. 345.

³ Там же, под 1159 г., стр. 339.

⁴ Там же, под 1174 г., стр. 391.

⁵ Там же, под 1159 г., стр. 339.

⁶ Там же, под 1149 г., стр. 268; ср.: там же, под 1146 г., стр. 230.

⁷ Там же, под 1168 г., стр. 362.

⁸ Там же, под 1235 г., стр. 517—518.

⁹ Там же, под 1147 г., стр. 250.

¹⁰ Там же, под 1173 г., стр. 383 (о новгородцах).

¹¹ Лаврентьевская летопись, под 1140 г., стр. 308. „Кияне же рекоша: «Княже! ты ся на нас не гневай, не можем на Володимире племя руки възняти»“ (Ипатьевская летопись, под 1147 г., стр. 243; ср.: там же, стр. 246).

¹² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, под 1214 г., стр. 53.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, под 1215 г., стр. 53.

¹⁵ См.: Ипатьевская летопись, под 1147 г., стр. 245; под 1152 г., стр. 320.

Мужи целуют крест своим князьям „добра хотети и чести стеречи“.¹ Вассалы князя выражают готовность немедленно притти к нему на помощь. Венгры говорят Изяславу Мстиславичу, что они „готовы“, а „комони“ „под ними“.² Черные клобуки заверяют Изяслава Мстиславича и Вячеслава Владимировича: „Хочем же за отца вашего за Вячслава и за тя, и за брата твоего Ростислава, и за всю братью, и головы свое сложити, да любо честь вашу налезем, паки ли хочем с вами ту измерети“.³ То же говорят и берендеи Юрию Долгорукому: „Мы умираем за Русскую землю с твоим сыном и головы своя складаем за твою честь“.⁴ Обещание умереть за своего сюзерена Владимира Васильковича дает и Литва: „Володимере, добрый княже, правдивый! можем за тя головы свое сложити; коли ти любо, осе есмы готовы“.⁵ Литовцы же говорят ему, приходя к Берестью: „Ты нас возвел, да поведи ны куда; а се мы готовы, на то есмы пришли“.⁵

Атмосфера неуклонного выполнения вассальной службы князю служит его возвеличиванию. В вассальную службу включается даже боевой конь князя. Преданность коня служит как бы назидательным примером для вассалов князя и заставляет воздать ему почести. Конь Андрея Боголюбского, пожертвовав собой, спас ему жизнь и был им похоронен с почестями: „Конь же его (Андрея Боголюбского, — Д. Л.), язвен велми, унес господина своего, умре; князь же Андрей, жалуя комоньства его, повеле и погresti над Стрыем“.⁶

Вассальная верность далеко не бескорыстна. Она оплачивается князем его „лаской“, „хлебом“, „медвяной чашей“ и дорогим „портищем“, но от этого отнюдь не становится в глазах писателя XII—XIII веков менее похвальной. Напротив, авторы часто говорят с похвалой о верности, как бы оплачивающей доброту князя.

Верность князю так выразил в своем „Молении“ Даниил Заточник: „Яз не могу, как на свет посмотрити и на луну солнечну, то аз, госпоже осподарине, на государя подумати за его доброту и ласку, и за портище драгоценное, и за его хлеб и сол, и за чашу медвяную“.⁷ О том же портище вспомнил и Кузьмище Киянин, когда упрекнул за измену своему князю Андрею ясина Амбала: „Помнишь ли... в которых порьтех пришел бяшетъ (к князю, — Д. Л.)? Ты ныне в оксамите стоиши, а князь наг лежитъ“.⁸ О хлебе и чаше говорит летописец и в похвале ростовскому князю Васильку Константиновичу: „Кто ему (Васильку, — Д. Л.) служил и хлеб его ел, и чашю пил, и дары имал, тот никако же у иного князя можаше быти за любовь его“.⁹ Феодалная верность — это как бы плата вассала за его кормление и защиту. За измену своему князю Даниил Заточник предлагает: „За тую лихую меру от булатна меча своего мне головкою отлити та чаша медвеная кровию“.¹⁰ Медвяная чаша отольется изменнику чашею крови.

Измена князю — самое крупное преступление, и в действительности за нее полагалась смертная казнь.¹¹

¹ Ипатьевская летопись, под 1150 г., стр. 278.

² Там же, стр. 287.

³ Там же, под 1151 г., стр. 295.

⁴ Там же, под 1155 г., стр. 330.

⁵ Там же, под 1282 г., стр. 586.

⁶ Там же, под 1149 г., стр. 272—273.

⁷ Н. Н. Зарубин, ук. соч., стр. 36.

⁸ Ипатьевская летопись, под 1175 г., стр. 401.

⁹ Лаврентьевская летопись, под 1237 г., стр. 467.

¹⁰ Н. Н. Зарубин, ук. соч., стр. 36.

¹¹ См. выше, стр. 10.

* * *

Отношения вассалитета-сюзеренитета определяются взаимными обязанностями. Строгое выполнение вассалами своих обязанностей укрепляет авторитет сюзерена. Строгое выполнение сюзереном своих обязанностей по отношению к вассалам укрепляет его еще более. Авторы XI—XIII веков ставят князя на пьедестал вассальных повинностей и украшают его обязанностями сюзерена.

Если князь не считается со своими вассальными князьями, они отказываются ему служить. Так было с Юрием Долгоруким, которому южные князья прямо бросили упрек: „но с нами не умеет житьи“.¹

Повинности князя по отношению к своим боярам и дружине определены четко. Князь должен быть щедр к ним и во всем советоваться с ними — „о строем землею“ и о воинских делах. Иногда эти обязанности князя разделены: среди его приближенных есть „мужи храборствуующи“, к которым он щедр, и „бояре думающие“, с которыми он совещается в совете.²

Щедрость князя находит себе своеобразное идейное обоснование в афоризме летописца: „Златом и серебром не добудешь дружины, а дружиною добудешь и серебро и злато“. „Повесть временных лет“ неоднократно напоминает об этой дружинной морали.

Так, например, в рассказе „Повести временных лет“ о прибытии в Киев немецкого посольства проведена та мысль, что дружина дороже всякого богатства. „Се ни в что же есть, се бо лежить мертво, — говорят послы о богатствах Святослава. — Сего суть кметье луче. Мужи бо ся доищуть больше сего“.³ В сходных выражениях говорит в „Повести временных лет“ и Владимир Святославич: „Сребромь и златом не имам налести дружины, а дружиною налезу серебро и злато, яко же дед мой и отець мой доискася дружиною злата и сребра“.⁴

С небольшими вариантами эта мораль постоянно повторяется и в летописях XII—XIII веков. Князь Святослав Ростиславич был „храбор на рати“, „имеаше дружину (в чести) и именья не щадяше, не сбиряше злата и сребра, но даваше дружине“.⁵ Тот же мотив звучит и в характеристике Давида Ростиславича: „Бе бо крепок на рати, всегда бо тоснящеться на великая дела, злата и сребра не собирает, но дасть дружине, бе бо любя дружину, а злыя кажня, якоже подобаеть царемь творити“.⁶ Щедрость князя восхваляется в летописи неоднократно,⁷ как неоднократно осуждается в пей и княжеская жадность.⁸ Эта мораль отчетливо выражена в „Молении“ Даниила Заточника. Неоднократно взывая к щедрости князя, Даниил прямо повторяет и летописную формулу: „Златом бо мужей добрых не добудешь, а мужми злато и градов добудеш“.⁹

Другая обязанность князя по отношению к своей дружине и боярам — во всем советоваться с ними. Как известно, отступление князя Святополка от этого правила вызвало его конфликт со старшей дружиной.¹⁰

¹ Ипатьевская летопись, под 1148 г., стр. 257; ср.: там же, под 1150 г., стр. 276.

² Там же, под 1185 г., стр. 434.

³ Повесть временных лет, т. 1, под 1075 г., стр. 131.

⁴ Там же, под 996 г., стр. 86.

⁵ Там же, под 1172 г., стр. 376.

⁶ Там же, 1197 г., стр. 471.

⁷ Там же, стр. 288, 290 и др.

⁸ Там же, под 1150 г., стр. 289.

⁹ Н. Н. Зарубин, ук. соч., стр. 60; ср.: там же, стр. 17.

¹⁰ См.: Софийская первая летопись. ПСРЛ, т. V, вып. 1, Л., 1925, стр. 8 и 9.

Было бы неправильно видеть в обычае князей советоваться с дружиной — их консерватизм, остатки военной демократии. Авторы XII—XIII веков, восхваляя князей, неоднократно говорят об этом обычае, выставляя следование ему одной из важнейших добродетелей князя.

Летописец высоко ценит тех князей, которые свою деятельность согласуют с верхами феодального общества — с „лучшей дружиной“. Думать думу с дружиной, совещааться с ней — основная княжеская обязанность. Сын Юрия Долгорукого Глеб Юрьевич „думашеть з дружиною своею“,¹ — летописец хвалит его за это. Теплую похвалу летописца заслужил и Мстислав Ростиславич, который „прилежно бо тшашеться, хотя страдати от всего сердца за отчину свою, всегда бо на великая дела тснася, размышливая с мужи своими, хотя исполнити отечествие свое“.²

Князь, во всем советующийся с дружиной, заслуживает похвалы. Перечисляя выдающиеся добродетели своего князя, летописец наряду с тем, что он „хоробор“, „крепок на рати“, „немало показал мужество свое“ и пр., упоминает и о том, что он был „думен“, т. е. совещалялся с дружиной.³

Бассалы князя отказываются служить ему, если он не совещається с ними. Бояре Владимира Мстиславича заявляют ему: „О собе еси, князю, замыслил; а не едем по тебе, мы того не ведали“.⁴

Переводя в практический план эту феодальную мораль, Даниил Заточник говорил: „З добрым бо думцею думая, князь высока стола добудеть, а с лихим думцею думая, меншего лишен будеть“.⁵ Князь обязан быть дружен со своей дружиной. Совместно с нею он „держает“ на поганых и побеждает их.⁶ Он сохраняет ей верность, предпочитая дружину не только золоту и серебру, но и княжению. „Леплее ми того смерть, — говорит сын Владимира Мономаха Андрей Владимирович Добрый, — а с своею дружиною на своей воочине, и на дедине нежели Курьское княженье“.⁷ За свою дружину, за ее честь и „жизнь“ князь готов пожертвовать своею головою: „Любо голову свою сложю, пакы ли отчину свою налезу и вашу всю жизнь“,⁸ — говорит Иязслав Мстиславич своей дружине.

Хваля князя за то, что он „немало мужества показа“ и „много пота утер“ за Русскую землю, летописец не забывает прибавить „с дружиною своею“ и „с мужьими своими“.⁹

* * *

Идеал князя основывается на определенных представлениях о чести и о „сороме“. Он потому так прочен в литературных произведениях XI—XIII веков, что опирается на представления, широко распространенные в верхах феодального общества.

Главные добродетели князя — быть „величавым на ратный чин“, готовность пожертвовать своей жизнью за свою честь, за честь Русской

¹ Лаврентьевская летопись, под 1169 г., стр. 358.

² Ипатьевская летопись, под 1178 г., стр. 411.

³ О Льве Даниловиче: Ипатьевская летопись под 1288 г., стр. 605.

⁴ Там же, под 1169 г., стр. 367.

⁵ Н. Н. Зарубин, ук. соч., стр. 26.

⁶ Лаврентьевская летопись, под 1125 г., стр. 296.

⁷ Там же, под 1139 г., стр. 307.

⁸ Ипатьевская летопись, под 1150 г., стр. 284; ср.: там же, под 1146 г., стр. 230—231.

⁹ Там же, под 1174 г., стр. 392.

земли, мстить за свой „сором“¹ или „сором“ Руси. Формула „да любо налезу собе славу, а любо голову свою сложю за Русьскую землю“² с небольшими вариантами неоднократно повторяется в речах князей на всем протяжении XII—XIII веков.³

Даниил Романович Галицкий так определил основную заповедь княжеско-дружинной воинской морали: „Подобасть воину, устремившуся на брань, или победу прияти, или пастися от ратных“.⁴

Бесстрашие в бою — одна из важнейших черт в идеальном портрете князя. Летопись неоднократно говорит о том или ином князе, что он был „хоробр и крепок на рать“, „спешаше бо и тосняшеся на войну“, от юности навек никого не „уполошится“, что сердце его было „крепко на брань“, что он был „мужь добр и дерзок и крепок на рати“, „умом велик и дерзостью“ и т. д. Презрение к смерти хорошо выражено в ободряющей речи, которую сказал Даниил Романович своим союзникам полякам: „Почто ужасывается? не весте ли, яко война без надших мертвых не бывает? не весте ли, яко на мужи на ратные наши есте, а не на жены? аще мужь убьен есть на рати, то кое чюдо есть? инии же и дома умирають без славы, си же со словою умроша; укрепите сердца ваша и подвижете оружие свое на ратнее“.⁵

Эта мораль воинов была знакома не только княжеско-дружинной среде. Формулу „любо голову свою сложю, либо сором свой мщю“ развивает в своем слове „О терпении и милостыне“ и Феодосий Печерский. Христианскую мораль он пытается подкрепить примером морали воинской. Он говорит о воинах, что они „главы своя ни в что же помнят, дабы им не посрамленным быти“.⁶

Как и в иных случаях, летописцу важно при этом подчеркнуть действия, а не психологическое состояние героя своего повествования. Хваля его за мужество и храбрость, писатель XII—XIII веков имеет в виду в первую очередь результаты этой храбрости: его победы, страх, нагнанный им на врагов Русской земли, приобретенную им славу „грозного“ и непобедимого князя. Некрологическая характеристика Владимира Мономаха подчеркивает, что это был князь, „украшенный добрыми нравами, прослуживый в победах, его имене трепетаху вся страны и по всем землям проиде слух его“.⁷

О страхе, который нагнал князь на врагов, летописец говорит, характеризуя сына Мономаха Мстислава, Романа Галицкого, Даниила Романовича; об этом же говорится в житийной характеристике Александра Невского, в „Слове о погибели Русской земли“ и во многих других произведениях.

Храбрость князей авторы XII—XIII веков стремятся подчеркнуть не только в своих похвальных характеристиках им, но и в описании их действий.

Одна из самых важных добродетелей князя — быть впереди своего войска, первым бросаться в битву, побеждать врагов в рукопашной схватке. Этот обычай, следовать которому обязан молодой князь и по

¹ Например, Мстислав говорит Даниилу Романовичу: „А яз пойду в половци, мьстив сорома своего“ (Ипатьевская летопись, под 1213 г., стр. 491).

² Повесть временных лет, т. 1, стр. 176 (под 1097 г.).

³ Владимир Мстиславич, например, говорит: „А любо сором сложю и земли своей мщю, любо честь свою налезу, пакы ли а голову свою сложю“ (Ипатьевская летопись, под 1149 г., стр. 263).

⁴ Ипатьевская летопись, под 1234 г., стр. 512.

⁵ Там же, под 1254 г., стр. 546.

⁶ Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, стр. 39.

⁷ Лаврентьевская летопись, под 1125 г., стр. 293—294.

которому судят о своем князе его воины и народ, так объяснен в Ипатьевской летописи. „Мужи браньнии“ говорят Даниилу Романовичу Галицкому: „Ты еси король, голова всим полком; аще нас послещи наперед кого, не послушно еси! веси бо ты воиничьский чин, на ратех обычай ти еси, и всякий ся тебе устремити и убоятся; извиди сам наперед“. Даниил же, изрядив полки, и кому полком ходити, сам изиде наперед, и . . . сам же еха в мале отрок дружных¹. Так наперед выезжал сам Даниил и раньше — в битве на Калке; он бьется крепко, „бе бо дерз и храбор, от головы и до ногу его не бе на немь порока“². Он не чувствует ран, нанесенных ему в битве: „Младства ради и буести не чюяше ран, бывших на телеси его: бе бо возрастом 18 лет, бе бо силен“³. Еще раньше, когда Даниил был совсем молод, он уже участвовал в битве, укрепляя своих воинов, помогая воинам, которые, „мужескы ездяща“, бились с противником. В битве с ятвягами Даниил гонится за ними, наносит раны, вышибает копье из рук врага. Он помогает брату Васильку („обратися брату на помощь“)⁴. Дружина бьется не крепко, когда нет с ней князя, и это хорошо осознают сами князья: „Черниговцам же, бьющимся из города, князи же здумавше вси: „Не крепко бьются дружина, ни половци, оже с ними не ездим сами“⁵.

Поединкам князя с врагом уделяется особое место в его характеристике. Слава князя не в малой степени зависит от поведения князя в битве. Отправляясь против врага в рукопашную схватку, Андрей Боголюбский говорит: „Ат яз почну день свой“⁶. Он придает своему поступку демонстративный характер. Он первым обнажает меч и первым ломает копье, выезжая впереди дружины. Андрей Боголюбский „въехав преже всех в противныя, и дружина его по нем, и изломи копье свое в супротивье своем“⁷. Прочие князья стремятся подражать своему сюзерену. Так, в 1152 году „тогда же поревновавше ему (Андрею Боголюбскому, — Д. Л.) инии князи, ездяща последи под город“⁸. Князя-победителя славят „мужи отни“ — старые воины его отца. В 1149 году „мужи отни похвалу ему даша велику, зане мужьскы створи паче всех бывших ту“⁹. Но иной раз бояре говорят своему князю: „Ты еси у нас князь один, оже тебе ся что створить, то что нам деяти?“ — и не выпускают князя на стычки с врагом.¹⁰

Единоборство князя постоянно упоминается в летописи: в рассказе об Изяславе Мстиславиче — „и тако перед всими полкы въеха Изяслав один в полкы ратних, и копье свое изломи“¹¹; в повествовании о Мстиславе Андреевиче Суздальском, который под Новгородом „въеха в ворота, и побод мужей несколько, возвратится опять к своим“¹²; в описании походов Изяслава Глебовича (внука Юрия Долгорукого), который в битве с волжскими болгарами, „въгнав за плот к воротам городным, изломи копье“¹³.

¹ Ипатьевская летопись, под 1256 г., стр. 551.

² Там же, под 1225 г., стр. 497.

³ Там же.

⁴ Там же, под 1227 г., стр. 502.

⁵ Лаврентьевская летопись, под 1152 г., стр. 338.

⁶ Там же.

⁷ Там же, под 1149 г., стр. 324.

⁸ Там же, стр. 339.

⁹ Там же, стр. 325.

¹⁰ Там же, под 1153 г., стр. 340.

¹¹ Ипатьевская летопись, под 1151 г., стр. 303.

¹² Там же, под 1173 г., стр. 382.

¹³ Лаврентьевская летопись, под 1184 г., стр. 390.

Летописец пишет об этих поединках князя и славит за них князя именно потому, что за них же славил князя и его воины, горожане, народ, потому, что именно эти подвиги князя составляли существенную часть его воинской славы.

Мужество на войне согласуется с мужеством на охоте. Война и охота — два княжеских дела, в их несколько архаическом уже для эпохи феодализма сочетании. „Путями“ и „ловами“, т. е. походами и охотами гордится Владимир Мономах, перечисляя свои подвиги тут и там: „А се вы поведаю, дети моя, труд свой, оже ся есмь тружал, пути дея и ловы“;¹ „а се тружахъся ловы дея... конь диких своима рукама связал есмь в пушах 10 и 20, живых конь, а кроме того иже по Рови езда, имал есмь своима рукама те же кони дикие; тура мя 2 метала на розех и с конем; олень мя один бол, а 2 лоси — один ногами топтал, а другой рогома бол; вепрь ми на бедре мечь оттял; медведь ми у колена подьклада укусил; лютый зверь скочил ко мне на бедра и конь со мною поверже, и бог неврежена мя съблюде; и с коня много падах; голову си розбих дважды и руже и нозе свои вередих. В уности своей вередих, не блюда живота своего, ни щадя головы своея“.² Не щадить своей головы, оказывается, следует не только на войне, в битве с противником, соблюдая свою честь и честь Родины, но и на охоте. Такова мораль феодалов.

За беззаветную храбрость на охоте хвалит летописец и волынского князя Владимира Васильковича. Так же, как и Владимир Мономах, он не щадил на охоте собственной головы и делал всё сам, собственными руками: „Бяшетъ бо и сам ловець добр, хоробр, — пишет о нем волынский летописец, — николи же ко вепреви и ни к медведе не ждаше слуг своих, а быша ему помогли, скоро сам убиваше всяки зверь; тем же и прослыл бяшетъ во всей земле, понеже дал бяшетъ ему бог вазнь не токмо и на одиных ловех, но и во всем, за его добро и правду“.³

Мужество на охоте, как и мужество на войне, окружало феодала ореолом славы. Летописец говорит о брестском воеводе Тите, что он „везде словый мужьством на ратех и на ловех“.⁴ „Добро“ и „правда“ феодала — в его подвигах и в славе, которая эти подвиги сопровождает.

* * *

Воинские доблести князя интересуют летописца не только сами по себе. Он думает о княжестве, о Русской земле. Своей доблестью князь подает пример своим воинам. Князь олицетворяет могущество и достоинство своей страны.

Вот почему среди добродетелей князя перечисляются хорошие качества не только воина, но и государственного человека. В этом отношении исключительный интерес представляет в „Повести временных лет“ характеристика Ярослава Мудрого, под 1037 годом. Здесь в первую очередь восхваляется его строительная деятельность и его заботы о книжном просвещении.

И в характеристике Ярослава Осмомысла Галицкого подчеркивается то, что он „мудр и речен языком, и богобоин, и честен в землях“. На последнем месте в этой характеристике упоминается то, что он был

¹ Лаврентьевская летопись, под 1096 г., стр. 247.

² Там же, стр. 251.

³ Ипатьевская летопись, под 1287 г., стр. 596.

⁴ Там же, под 1283 г., стр. 586—587.

„славен полкы“, причем отмечается, что он не сам ходил в походы, а только посылал войско: „Где бо бяшетъ ему обида, сам не ходяшетъ полкы своими, [но посылашетъ я с вое]водами“.¹

Идеал князя XII—XIII веков был неотделим от идей патриотизма. Идеальный образ князя, так, как он рисовался летописцу, был воплощением любви к родине — к отчине, к Русской земле. Князь служит Русской земле, готов сложить за нее голову, готов со своею дружиною тотчас же выступить в поход против ее недругов, забыть свои обиды для того, чтобы „мстить обиды“ Русской земли.

Князья обещают „терпеть за Рускую землю“,² „за крестьяны и за Рускую землю головы свое сложити“,³ „Руской земли блюсти“, „стеречь Рускую землю“,⁵ „трудиться за свою отчину“.⁶ Не раз обращаются они друг к другу с призывом помириться, „хрестьян деля и всее Руской земли“,⁷ не проливать крови христианской „Руские деля земля и хрестьян деля“.⁸

Летописец говорит о князе, что он был „добрый страдалецъ за Рускую землю“.⁹ Блюсти интересы Русской земли и „хрестьян“ — не только долг князя. Летописец подчеркивает, что долг этот совпадал с личными чувствами князя. Князь мог „опечалиться Рускою землею“,¹⁰ он хочет ей добра всем сердцем¹¹ и мечтает умереть на своей Родине. Так Ростислав Иванович (сын Ивана Берладника) говорит: „А яз не хочю блудити в чуже земле, но хочю голову свою положити во отчине своей“.¹² Он и в самом деле выполняет свое желание — умирает на родной земле, и летописец подчеркивает это обстоятельство как положительно его характеризующее.

Желание умереть на родине так понятно летописцу, что он приписывает его и чужеземцу — половецкому хану Отроку. Отрок говорит: „Да лучше есть на своей земле костью лечи, нели на чуже славну быти“.¹³

Патриотизм был не только долгом, но и убеждением тех русских князей, образы которых рисовали летописцы положительными чертами. Конечно, летописцы XI—XIII веков иногда отражали в своем идеале княжеского поведения представления не только феодальных верхов, но и трудового народа. Вот почему княжеский патриотизм, в действительности ограниченный во многом феодальными представлениями, в изображении летописцев иногда наделяется чертами, свойственными народному патриотизму.

Какова была действительная роль характеристик князей в описании и истолковании исторических событий в летописи? Летописцы древней Руси придавали исключительное значение в историческом процессе поступкам князей, их распоряжениям, их политике. События вершатся, с точки зрения летописцев, волей князей, но это не означает признания роли их личных, индивидуальных характеров в историческом про-

¹ Ипатьевская летопись, под 1187 г., стр. 441—442.

² Лаврентьевская летопись, под 1205 г., стр. 420.

³ Ипатьевская летопись, под 1170 г., стр. 368.

⁴ Там же, под 1148 г., стр. 257.

⁵ Там же, стр. 258.

⁶ Там же, под 1189 г., стр. 446.

⁷ Слова Ростислава Мстиславича: там же, под 1148 г., стр. 256.

⁸ Там же, под 1149 г., стр. 266.

⁹ Там же, под 1126 г., стр. 208.

¹⁰ Лаврентьевская летопись, под 1206 г., стр. 426.

¹¹ Ипатьевская летопись, под 1170 г., стр. 368.

¹² Там же, под 1189 г., стр. 447.

¹³ Там же, под 1201 г., стр. 480.

цессе. Только в конце XVI—начале XVII веков внимание авторов исторических повестей, русских статей в Хронографе и публицистических произведений будет приковано к реальным личным характеристикам исторических лиц, якобы обуславливавшим собой движение исторического процесса. В летописях XI—XIII веков дело обстоит значительно проще: здесь почти нет столкновений характеров и связи развития исторических событий с характерами их участников, но есть столкновения интересов, притязаний, генеалогические споры. При этом по большей части каждый князь совершает свое жизненное дело как представитель определенной ветви княжеского рода. Этот взгляд также шел от жизни. Жители городов и княжеств приглашали, встречали или прогоняли князей как носителей определенных династических интересов и династической традиционной политики, определяемой местом данного князя в генеалогическом дереве княжеского рода. Так, например, новгородцы говорят Всеволоду Юрьевичу Суздальскому: „не хотим сына твоего, ни брата, ни племени [вашего, но хотим племени] Володимира“.¹ Киевляне говорят Изяславу Мстиславичу: „Княже! ты ся на нас не гневай, не можем на Володимире племя руки възняти“.² Собираясь убить Игоря Ольговича, киевляне говорили: „Мы ведаем, оже не кончати добромь с тем племенем, ни вам, ни нам, коли любо“.³ Посылая за новыми князьями к Михаилу и Всеволоду Суздальским, суздальцы, ростовцы и перяславцы говорят им: „Ваю отець добр был, коли у нас был; а поедьте к нам княжить, а иных не хотим“.⁴ Сын, следовательно, принимался по отцу. Так было и в других случаях: внук приглашался по деду и прадеду, по принадлежности его к определенному роду, т. е., по понятиям того времени, к определенной политической линии.

В свою очередь и князь говорит своим горожанам: „Вы есте людие деда моего и отца моего, а бог вы помози“.⁵ Родовая политика, честь, традиции рода ясно осознавались и самими князьями. Андрей Владимирович Добрый, сын Владимира Мономаха, говорил по поводу своей готовности пострадать за свою отчину: „Обаче не дивно нашему роду, тако и прежде было же“.⁶ Эта родовая политика часто называется в летописи „путем“, „честью“ и „утверждением“ предков. Князья нередко предпринимают те или иные действия, чтобы „поискати отець своих и дед своих пути и своей чести“.⁷ Изяслав Мстиславич посылал своих послов в Чернигов к Владимиру и Изяславу Давыдовичам с многозначительными словами: „Се есмь путь замыслили, а то есть утверждение дед наших и отець наших“.⁸

Князья „ревнуют“ своим предкам, стремятся „поревновать“ своим отцам и дедам. Самое понятие „ревности“ предкам переносится из светской области и в церковную. „Ревновать“ отцу своему можно не только в воинской славе, но и в церковной. Вдова Глеба Всеславича „велику имейаше любов с князем своим, к святей богородици и к отцю Федосью, ревнующи отцю своему Ярополку“.⁹

¹ Ипатьевская летопись, под 1140 г., стр. 220; в квадратных скобках текст из списков X, П.

² Там же, под 1147 г., стр. 243; ср. стр. 246 и 250.

³ Там же, под 1147 г., стр. 246.

⁴ Лаврентьевская летопись, под 1175 г., стр. 404.

⁵ Ипатьевская летопись, под 1150 г., стр. 285.

⁶ Лаврентьевская летопись, под 1139 г., стр. 307; ср. те же слова в Ипатьевской летописи, под 1140 г., стр. 219.

⁷ Ипатьевская летопись, под 1170 г., стр. 368.

⁸ Там же, под 1147 г., стр. 244.

⁹ Там же, под 1158 г., стр. 338.

В некрологических характеристиках князей постоянно упоминается эта родовая политика, родовой „путь“ и „пот“, их „ревность“ предкам. Так, например, о сыне Владимира Мономаха, Мстиславе Великом, автор некролога говорит, что он „наследил отца своего пот, Володимера Мономаха великаго“.¹ Князья и сами постоянно осознают себя „володимеровым племенем“² или „ольговичами“, „единого деда внуками“, „внуками ярославлими“ или „всеславлими“.

Индивидуальность князя, в летописном изображении, вырисовывалась из сравнения его с князьями его рода, которым он „ревновал“ в своих действиях и княжении. В некрологической характеристике брата Игоря Святославича Новгород-Северского говорится, что он „во олговичех всех удалее рожаемь, и воспитаемь, и возрастом, и всею добротю и мужьвеною доблестю, и любовь имеяше ко всим“.⁴

Отсюда возникала возможность характеристики не только одного князя, но целой ветви княжеского дома — характеристики положительной или осудительной, в зависимости от той политической ориентации, которой придерживался летописец. Ольговичи „скори бяхуть на пролитье крови“,⁵ говорит летописец по случаю неудачной попытки примирения между Юрием Долгоруким и южными князьями. Эта характеристика как бы смыкается по приемам своего составления с народными характеристиками целых групп населения — новгородцев, владимирцев, курян, рязанцев и т. д., о которых мы скажем несколько ниже. Однако в письменной литературе ее основы другие: они в том, что, характеризуя героя своего повествования, летописец имеет в виду не его психологию, а его политику, характеризует деятельность того или иного князя, его политическую линию, его поступки, а не их психологическую подоплеку.

* * *

Характер человеческий выступает в творениях древнерусского книжника в двух аспектах: либо как он сам хотел его представить — в его авторской „системе“, либо как мы можем его реконструировать по сообщаемым им фактам — прямо и косвенно. Возможности последнего аспекта не ограничены. Реконструкция эта может быть осуществлена и на основании литературных данных, и на основании документов. Не исключена возможность привлечения данных из области археологии, истории живописи или даже истории языка. Такова, например, попытка Б. А. Романова в его книге „Люди и нравы древней Руси“ (Л., 1947) восстановить характеры некоторых людей XI—XIII веков — Даниила Заточника, Владимира Мономаха, матери Феодосия Печерского и многих других, охарактеризовать круг интересов целых социальных групп древней Руси.

Литературоведа будет интересовать по преимуществу первый аспект, историка — второй. Литературоведа будет интересовать по преимуществу литература, авторская точка зрения, историка — реальная действительность, скрывающаяся за литературным произведением подлинная человеческая личность. Однако, поскольку литература не оторвана от действительности, а, напротив, тесно с ней связана, зависит от нее, грани

¹ Ипатьевская летопись, под 1140 г., стр. 217.

² Там же, под 1195 г., стр. 461.

³ Там же, стр. 463.

⁴ Там же, под 1186 г., стр. 467.

⁵ Там же, под 1151 г., стр. 301 (то же в Лаврентьевской летописи, под 1152 г., стр. 333).

между первым и вторым аспектом не так уж велики. Было бы неправильно игнорировать в литературоведении этот второй, „исторический“ аспект. Между литературным стереотипом в изображении человека и стихийно проникающими в письменное произведение фактами реальной жизни, рисующими совсем иные, жизненно реальные характеры людей, лежало множество градаций. Летописец или автор исторической повести нередко более или менее сознательно отклонялся от идеалов феодального класса, от трафаретных приемов характеристики людей — то отдавая дань своим личным вкусам (мы это видели выше, в характеристиках Василька Константиновича и Владимира Васильковича), то оказываясь под воздействием народного творчества, то поддаваясь тем изменениям в оценке деятельности князей, которые возникали в связи с изменениями в идейных представлениях под влиянием местных особенностей социального строя. Именно на этой грани официального и неофициального рождались все отступления от господствующего трафарета, возникало то качественно новое, что, постепенно накапливаясь, двигало литературное развитие по пути к реалистическому изображению действительности.

Чем прочнее стоял писатель XI—XIII веков на идеальных позициях феодального класса, тем прочнее входил в его произведение стереотип в изображении человека, тем консервативнее был он в своих идейных и художественных позициях. Но стоило писателю отступить от этих позиций, дав волю своим личным впечатлениям, неизменно отражающим какие-то особенности в его социальной позиции, проявить личное чувство к тому или иному изображаемому им лицу — и элементы (пусть незначительные) реалистического отношения к действительности проникали в его произведение.

Впрочем, индивидуальные интересы отражаются в литературных портретах лишь случайно. Идеал поведения порождался не индивидуальными вкусами, а социальным строем. Вот почему в различных областях Руси с различной расстановкой классовых и внутриклассовых сил мы видим некоторые различия в обрисовке идеала княжеского поведения. И эти различия ведут к расшатыванию стереотипа в изображении человеческой личности.

Характерно, например, что новгородские летописи слабо отразили образы князей. Это и понятно. Идеал существовал там, где он был необходим. В политическом же устройстве Новгорода князь занимал второстепенное место.

В новгородских летописях почти нет характеристик князей. Только об Александре Невском и Мстиславе Ростиславиче говорится с какой-то особенной значительностью, позволяющей думать, что новгородцы ценили их деятельность или что князья эти пришлись по сердцу новгородцам и летописцам. В сообщении Новгородской летописи о смерти Александра Невского есть и краткая оценка его деятельности: „Дай, господи милостивый, видети ему лице твое в будущий век, иже потрудися за Новгород и за всю Русьскую землю“.¹

Плач новгородцев по Мстиславе Ростиславиче рисует идеального князя, но идеального именно в понимании новгородцев, которое чувствуется только в оттенках, не приобрело еще законченного выражения, и понятно почему: идеал князя входил в летописи из действительности, сами же князья, княжившие в Новгороде, следовали своим, общерусским идеалам княжеского поведения, и только новгородцы

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего извода, под 1263 г., стр. 84.

смотрели на них несколько иначе, чем в других областях Руси. Мстислав Ростиславич сотворил „толикую свободу новгородьцем от поганных“, освободил их от обид. На все стороны оборонял он Новгород от поганных, „поревновал“ и „наследил путь“ деда своего, новгородского князя Мстислава Владимировича. Был он „крепок на рати, всегда бо тосняшеться умерети за Рускую землю и за хрестьяны“.¹ Он „подавал дерзость“ воинам своими речами и от всего сердца бился за свою отчину. Был он „любезнив на дружину, и имения не щадяшеть и не собирашеть злата и сребра, но даше дружине своей“.² Русская земля не могла забыть „доблести его“, а черные клобуки „приголубления его“.³ В этой характеристике лишь осторожно отобраны те черты, которые не претили новгородцам. Образ Мстислава Ростиславича только немного повернут в их сторону. Сильнее этот „новгородский поворот“ чувствуется в Новгородской первой летописи в характеристике другого Мстислава — Мстислава Мстиславича. Этот князь уважал новгородские вольности, не вмешивался во внутренние дела Новгорода, был верен святой Софии, в которой лежало тело его отца, был храбр, понимал желания новгородцев и предоставлял им действовать во всей воле их.

Иной идеал княжеского поведения создан в верхах феодального общества Владимира Залесского. Характеристика Всеволода Большое Гнездо под 1212 годом частично повторяет характеристику Владимира Мономаха: „Сего имени токмо трепетаху вся страны и по всей земли изиде слух его... и бог покаряше под нозе его вся врагы его“. Но, кроме того, этот некролог сохраняет и особенности владимирские. В нем подчеркнута борьба Всеволода с боярством и судебная деятельность: „Судя суд истинен и нелицеприятен, не обинуяся лица сильных своих бояр, обидящих менших и роботящих сироты и насилье творящих“.⁴ Во Владимире Залесском созрел идеал сильной княжеской власти, идеал этот впоследствии был подхвачен и развит Москвой.

В летописи под углом зрения определенного идеала создаются характеристики князей, отчасти по одной системе отбираются факты, но сами факты, непосредственно взятые из жизни, во всем их индивидуальном своеобразии, придают рассказу черты реалистичности, даже документальности. Этих черт в летописном повествовании появляется тем больше, чем менее официален летописец, чем меньше он связан задачей изобразить и истолковать события в свете определенной политической линии. И сама характеристика князя становится менее подчиненной идеалу, отражающему эту линию, если летописец говорит о князе лишь попутно, не ставя себе целью дать его обобщенный портрет.

С какой бы ясностью перед нами ни выступал стереотип в изображении человека, было бы неправильно сводить к нему всё летописное искусство в изображении людей. В летописи нет и двух князей, и двух положений, которые были бы обрисованы с полной одинаковостью. Феодальный идеал человека был прежде всего средством измерения людей, их оценки с точки зрения феодальной морали и феодальных норм поведения.

Люди, их поведение обсуждаются в основном с точки зрения того идеала, которому они должны соответствовать по своему социальному положению. Эти идеалы существуют в литературе, в летописи, но скла-

¹ Ипатьевская летопись, под 1178 г., стр. 413.

² Там же, стр. 414.

³ Там же.

⁴ Лаврентьевская летопись, под 1212 г., стр. 437.

дываются они в действительности. Нормы поведения человека в феодальном обществе отнюдь не литературного, а конкретно-жизненного происхождения. В литературу эти идеалы поведения пришли из жизни. Этим идеалам стремятся следовать сами люди. Однако литература подчиняется им далеко не в такой мере, как жизнь. Всю свою деятельность Владимир Мономах подчинял этому идеалу. Описывая свою жизнь — свои „пути“ и „ловы“, он создавал не литературный идеал, а жизненный. Он стремился создать о себе определенную славу, молву. Это стремление он, конечно, осуществлял в жизни в гораздо большей мере, чем в своих сочинениях. Этот идеал заставлял Мономаха отказываться от киевского стола, на который его приглашали киевляне, Мстислава Удалого — добровольно проститься со своею дружиною тогда именно, когда она ему была больше всего нужна,¹ Андрея Боголюбского — первым выезжать на стычки с врагом. Следуя этим идеалам, литература обращала внимание вовсе не на все стороны деятельности князей или кого-либо другого, а лишь на некоторые моменты их деятельности, особо важные для их оценки. Зависимые авторы и летописцы стремились изобразить своего князя наиболее соответствующим идеалу княжеского поведения.

И всё же летописец умел находить способы для изображения таких положений, которые с какой-то новой стороны показывали и самый идеал, и тех, кто от него отступал. Вот ослепленного Василька Теребовльского везут в телеге в бессознательном состоянии. В городе Звиждене попадья, приняв его за мертвого, сняла с него окровавленную рубашку и постирала ее. Очнувшись, Василько сказал: „Чему есте сняли с мене? Да бых в той сорочке кроваве смерть приял и стал пред богомь“.² Летописец нашел, следовательно, такое нетрафаретное положение и вложил в уста князя такие необычные слова, которые с наибольшей силой передали ужас преступления князей, противников Василька.

Мы отметили выше, что в исторической литературе XI—XIII веков говорилось по преимуществу о деятельности тех слоев населения, которые влияли, по представлениям того времени, на ход исторических событий, — князей и духовенства.

Однако не только князья и духовенство из его высших слоев попадали в поле зрения книжника. Изображая борьбу князя за свою власть, летописец волей или неволей вынужден был говорить о боярах, оказывавших сопротивление своему князю. Рассказывая о стремлении юноши Феодосия к монашеской жизни, приходилось выводить и его мать — решительную, смелую, немного мужеподобную, с грубым голосом, драчливую, всегда готовую избить сына, заковать его в кандалы, только бы удержать около себя. Все эти персонажи сияют отраженным светом. Они выведены для оттенения главного героя. Но и через них в литературу также обильно проникают черты стихийного реализма.

Психологическая наблюдательность в житейской практике древней Руси достигала большой тонкости, как об этом свидетельствует, например, письмо Владимира Мономаха к Олегу Гориславичу. Самый повод, по которому оно написано, не обычен: Владимир Мономах пишет письмо своему врагу Олегу Святославичу, предлагая ему примирение, после того как в сражении с войсками Олега погиб его любимый сын Изяслав. Это письмо написано с большим чувством достоинства, с полным

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, под 1214 г., стр. 53.

² Повесть временных лет, т. 1, стр. 173.

сознанием сложности образовавшейся житейской ситуации. Оно преисполнено своеобразного лирического спокойствия, желания понять своего врага, чувством бесконечной скорби о погибшем сыне. Мономах готов понять и даже утешить убийцу своего любимого сына. При этом письмо старчески мудро и спокойно.

„Поучение“ Владимира Мономаха поражает громадным запасом психологических наблюдений, обнаруживает почти поэтическое отношение автора к жизни. Выражение этого отношения в „Поучении“ носит на себе следы влияния народной поэзии.

Именно этот источник выражения поэтического восприятия жизни выдает образ горлицы, тоскующей на высохшем дереве, который Мономах применил к вдове своего сына, прося отпустить ее к нему, чтобы оплакать вместе с ней сына, его свадьбу, ее первые радости: „А бога деля пусти ю ко мне вборзе с первым сломь, да с нею кончав слезы, посажу на месте, и сядеть акы горлица на сусе древе желеючи, а яз утешюся о бозе“.¹

Так обычная житейская практика приводит литературу к стихийному реализму, а этот последний сближает литературу с богатейшим опытом народного творчества.

Летопись знает ряд жизненных положений, в описание которых больше всего проникали черты действительности, когда летописца привлекал не только официальный силуэт князя, но и его личная жизнь. К числу таких жизненных положений в первую очередь относится кончина князя. Последние дни и часы жизни князя летописец описывает подробно, придавая иногда значение всякой мелочи. Несомненно, что в таком отношении летописца к смерти нашли свое отражение общехристианские воззрения летописца. Однако, как бы то ни было, летописные повествования о смерти князей — самые реалистические в летописи. Таково, например, повествование о смерти Святослава Всеволодовича, где не забыты, например, такие детали. Святослав Всеволодович, предчувствуя кончину, собирался поклониться гробу отца своего в Кирилловском монастыре под Киевом, но не смог, так как поп, хранивший ключи от церкви, отлучился. Передан и его разговор на смертном ложе с женою. Святослав спрашивает „отемневшим“ языком, когда будет день святых Макавеев. Жена отвечает: „в понедельник“. Святослав же говорит своей жене, что вряд ли доживет до этого дня: „о не дождачю ми я того“.² В этом разговоре нет ничего исторически значительного. Он передан летописцем потому, что значительно было самое событие, с которым этот разговор был связан, — смерть.

Характерно также описание смерти князя Владимира Васильковича в Волынской летописи. Богатства, мудрость, речистость этого князя служат как бы контрастом его смерти, наводят на мысль о бренности всего земного. Так часто бывает в изобразительном искусстве: чтобы смерть производила впечатление настоящей смерти, нужно, чтобы и жизнь выглядела настоящей жизнью. Страницы Волынской летописи, рассказывающие о смерти Владимира Васильковича, натуралистически описывают развивающуюся болезнь (рак гортани), воспроизводят предсмертные распоряжения и переговоры, в которых принимала участие его жена — „милая Ольга“. Изумительные речи Владимира Васильковича сопровождаются живыми сценами. Так например, Владимир Василькович посылает слугу своего „доброего, верного, именем Рачъвшю“

¹ Повесть временных лет, т. 1, стр. 165.

² Ипатьевская летопись, под 1194 г., стр. 457.

к брату своему Мстиславу и просит передать ему, чтобы он ничего не давал после его смерти „сыновцу“ — Юрию. Свою просьбу Владимир Василькович подкрепляет выразительным жестом: он взял из своей постели пук соломы и сказал: „Хотя бых ти, рди, брат мой, тот вехоть соломы дал, того не давай по моему животе никому же“.¹

Иногда мысль о бренности всего земного служит летописцу поводом, чтобы описать какое-нибудь из ряда вон выходящее, но не очень „официальное“ событие. Так, например, летописец приводит шутку над бесплодными устремлениями Мстислава Ярославича овладеть Галичем. Некто Илья Щепанович привел Мстислава Ярославича Немого на Галичину могилу и сказал ему: „Княже! уже еси на Галичины могиле поседел, тако и в Галиче княжил еси“.² Приводит летописец и рассказ о тщетности попыток боярина сесть на княжеский стол.³ Он подчеркивает случайность гибели Холма от пожара, вызванного неосторожностью некоей бабы.⁴ Рассказывает летописец и множество других случайностей, решавших судьбу князей: то князь пошутил и своей шуткой раскрыл заговор,⁵ то князь не был узан под чужим шлемом,⁶ то жизнь князя висела на волоске и была случайно спасена.⁷ Описывает летописец и построение города, вызванное гаданием князя по Библии.⁸ Самые унижения Даниила Галицкого в Орде служат как бы обоснованием для своеобразного исторического скептицизма летописца: „О злая честь татарская! Его же отець бе царь в Руской земли, иже покори Половецкую землю и воева на иные страны все, сын того не прия чести, то иный кто может прияти? Злобе бо их и льсти несть конца“.⁹

Несомненно, что, описывая все эти „случаи“, летописец нарушал собственную систему изложений, усиливая ими в своем повествовании черты реальности, иногда быта, и это в известной мере отражалось на изображении им действующих лиц.

* * *

Нарушался литературный стереотип изображения людей и под влиянием народного творчества.

Нет сомнений в том, что многое в характеристиках действующих лиц летописи шло от народного творчества, однако точно установить, что именно в летописных способах обрисовки людей следует отнести за счет воздействия народного творчества, нелегко, так как мы не знаем самого народного творчества XII—XIII веков. Народное творчество развивается, как и литература, меняются принципы художественного обобщения, и в XII—XIII веках они, возможно, резко отличались от современных.

Современный нам эпос XIX—XX веков представляет совершенно новый этап развития сравнительно с фольклором эпохи развитого феодализма. Главные русские богатыри обрисованы в современном эпосе не только с точки зрения их поведения, но и психологически. Поведе-

¹ Ипатьевская летопись, под 1288 г., стр. 600.

² Там же, под 1206 г., стр. 484.

³ Там же, под 1211 г., стр. 489.

⁴ Там же, под 1259 г., стр. 557.

⁵ Там же, под 1230 г., стр. 508.

⁶ Там же, под 1229 г., стр. 565.

⁷ Там же, под 1149 г., стр. 272.

⁸ Там же, под 1276 г., стр. 578.

⁹ Там же, под 1250 г., стр. 536.

ние их, их подвиги взяты не сами по себе — они производные их психологии. Алеша Попович с его лукавством и хитростью, Добрыня Никитич с его „вежеством“ и душевною тонкостью, „старый“ Илья Муромец — мудрый, рассудительный, опытный и скромный — всё это психологически обрисованные герои.

Литература феодализма также знает психологические характеристики. Они имеются в литературе церковной — переводной и оригинальной, — в житиях святых, в частности и в Киево-Печерском патерике. Однако в этой церковной литературе психология действующих лиц подчинена морали, назидательному смыслу произведения. Немногие психологические качества уловлены и преломлены в литературном произведении только через призму христианской морали. Христианство обращало литературу к психологической наблюдательности, но настолько подчиняло ее своим задачам, что светскую литературу затрагивало в очень малой степени.

Нет ни одного штриха, который позволял бы с полной уверенностью возвести некоторые элементы психологической наблюдательности светской литературы XI—XIII веков к народному эпосу. Нет уверенности и в том, что народный эпос этого времени отличался той же психологической наблюдательностью, что и современный.

Кое-что всё же в обрисовке действующих лиц летописи позволяет предполагать родство с фольклором.

К народному творчеству, очевидно, восходят в летописи и в других произведениях литературы характеристики действующих лиц по их какому-либо одному крупному деянию. Так охарактеризован, например, в Киево-Печерском патерике князь Африкан: „Князь Африкан, брат Якуна Слепого, и же отбеже от златаы луды, биася полком по Яро-славе с Лютым Мьстиславом“.¹

Перед нами как бы напоминание о всем известном подвиге, деянии или случае. Так характеризуются, в частности, и некоторые из действующих лиц „Слова о полку Игореве“: „...храброму Мстиславу, иже зарьза Редедю предъ пьлкы касожьскими“, „...до нынѣшняго Игоря, и же истягну умь крѣпостию своею и поостри сердца своего мужествомъ, напальнився ратнаго духа, наведе своя храбрыя пьлкы на землю Половѣцкую за землю Руськую“.

Замечательно, что в летописи этим способом представляются читателю многие из знаменитых половецких ханов: „...Концаку, и же снесе Сулу, пещь ходя, котел нося на плечеву“;² „...Севенча Боняковича... и же башеть рекл: «хощю сечи в Золотая ворота, яко же и отець мой»“;³ „...Алтунопу, и же словяше мужьством“.⁴

Напоминанием читателю о том или ином подвиге, деянии, сделавшем знаменитым действующее лицо летописи, представляются нам и рассказы начальной летописи о первых русских князьях. Эти первые русские князья — Олег, Игорь, Ольга, Владимир Святославич или Мстислав Тмутараканский — характеризуются главным образом со стороны мудрости или подвигов мужества.

Народный характер имеют и общие характеристики жителей какой-либо местности. Киевляне называли новгородцев „плотниками“.⁵ Ростовцы,

¹ Д. Абрамович. Киево-Печерський патерик. Киев, 1931, стр. 1.

² Ипатьевская летопись, под 1201 г., стр. 480.

³ Там же, под 1151 г., стр. 299.

⁴ Там же, под 1103 г., стр. 184.

⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, под 1016 г., стр. 15.

суздальцы и муромцы говорят о владимирцах: „то суть наши холопи каменьници“.¹ Владимирцы отмечали в новгородцах их „гордость“.² Вслед за этими народными характеристиками и летописец говорит о переяславцах, что они „девзи суще“.³

К этим же характеристикам примыкает и характеристика курян — „сведомых кметей“ в „Слове о полку Игореве“. Все эти характеристики интересны тем, что они передаются летописцем как всем известные, как народное мнение и как „слава“ о тех или иных жителях. Во всех них чувствуется опора на реальную народную молву.

Характеристика „курян“ в „Слове о полку Игореве“ по своим принципам художественного обобщения совпадает с характеристикой „воинства рязанского“ в „Повести о разорении Рязани Батыем“ — тех „удальцов и резвцов“ рязанских, из которых „един бяшесе с тысящей, а два со тмою“.⁴ И в „Слове“, и в „Повести“ перед нами характеристика воинства, в которой ни слова не говорится о феодальной верности воинов своему князю, но всё направлено только на то, чтобы вывить воинские добродетели бойцов-защитников Родины.

Характерные явления обнаруживаются в XII—XIII веках в тех же памятниках при создании образа народного героя, образа защитника Родины. Этот герой гиперболизируется в своей силе и мужестве, он как бы вырастает в размерах, его не могут одолеть враги. Однако понятие гиперболы может быть здесь применено с большими ограничениями. Впечатление гиперболы достигается тем, что на этого героя переносятся подвиги его дружины. Так, например, Всеволод Буй Тур в „Слове о полку Игореве“ прыщет на врагов стрелами, гремит о шлемы мечами харалужными, и шлемы аварские „поскепаны“ его калеными саблями. Само собой разумеется, что Всеволод прыщет на врагов стрелами своей дружины, сражается ее мечами и ее саблями: у самого Всеволода мог быть только один меч или сабля. То же перенесение подвигов дружины на князя видим мы в „Слове“ и в других случаях. Святослав Киевский „притрепел“ коварство половцев „своими сильными плъкы и харалужными мечи“; Всеволод Суздальский может „Донъ шелома выльяти“ — не одним своим шлемом, а многими шлемами, конечно, его воинов.

Так же точно создается и образ Евпатия Коловрата в „Повести о разорении Рязани Батыем“. На Евпатия переносятся подвиги его воинов и их боевые качества. Он как бы соединяет в себе черты всего русского воинства. Он без милости сечет полки Батыевы так, что татары стали „яко пьяны или неистовы“.⁵ Когда мечи Евпатия притуплялись, он брал татарские мечи и сек ими. Опять-таки характерно это множественное число: „яко и мечи притупишася, и емля татарския мечи и сечаша их“.⁶ Не может быть сомнения в том, что, говоря о Евпатии, автор имел в виду не одного его, но всю его дружину. Вот почему дальше говорится: „татарове мняше, яко мертви восташа“. Речь идет именно о мертвых, о многих воскресших бойцах. Вот почему и дальше без всякого перехода говорится о полке Евпатия: полк Евпатия и сам Евпатий объединены. Благодаря этому Евпатий вырастает до богатырских размеров: он „исполин силою“, убить его удастся

¹ Лаврентьевская летопись, под 1175 г., стр. 374.

² Там же, под 1169 г., стр. 362.

³ Там же, стр. 360.

⁴ Повести о Николае Заразском. Труды ОДРЛ, т. VII, 1949, стр. 290—291.

⁵ Там же, стр. 293.

⁶ Там же.

татарам только с помощью „тмочисленных пороков“ — стенобитных машин.¹

Смерть Евпатия — это своеобразное рождение первого богатыря в русской литературе. Мы ясно видим, как соединяет в себе образ Евпатия качества его дружины. Силен не богатырь — сильно воинство, которое он собой воплощает. Художественное обобщение идет по пути создания собирательного образа героя, воплощающего в себе качества всех русских воинов. Путь этот, пока еще не проторенный и лишь слабо намеченный, в дальнейшем приведет литературное обобщение к явлениям типизации нового, реалистического характера. Этот путь, как мы ясно видели и в других случаях, был связан с нарушением узко классового, феодального литературного стереотипа в изображении людей.

Эти нарушения были особенно часты в изображении женщины. Женщина не занимала обычно своего места в иерархической лестнице феодальных отношений. Княгиней, княжной, боярыней, боярышней или купчихой она была по мужу или отцу. И это вносило ослабление в определенность ее классовой характеристики.

Произведения древней русской литературы отразили немногие черты характера женщины древней Руси. В больших государственных заботах древнерусским писателям нечасто приходилось обращать свой взор к дочерям, женам и матерям героев русской истории. Однако краткие и немногие строки русских светских произведений почти всегда с сочувствием и уважением пишут о женщинах. „Злая жена“, столь типичная для аскетической церковной литературы, — редкий гость в произведениях литературы светской: в летописи, в повестях воинских, посольских, исторических. Да и в тех случаях, когда она появляется в светских произведениях, как, например, в „Молении“ Даниила Заточника, она лишена всякой женственности: она „ротаста“, „челюста“, „старообразна“. Юные же женщины — привлекательны без исключения. С какой трогательностью пишет Владимир Мономах в письме к Олегу Святославичу о вдове убитого Олегом своего сына Изяслава; летописец вспоминает мать юного брата Мономаха, Ростислава, безвременно погибшего в Стугне. Мать Ростислава оплакивала его в Киеве, и летописец сочувствует ее горю: „И плакаси по немь мати его и вси людье пожалиша си по немь повелику, уности его ради“.²

Знает древнерусская литература и героические образы русских женщин. Княгиня Мария — дочь погибшего в Орде черниговского князя Михаила и вдова замученного татарами ростовского князя Василька — немало потрудилась, чтобы увековечить память обоих. По ее указанию (а может быть и при ее непосредственном участии) было составлено житие ее отца Михаила Черниговского и составлены трогательные строки о ее муже Васильке в Ростовской летописи.³

¹ Повести о Николе Зараском, стр. 294.

² Повесть временных лет, т. 1, стр. 144.

³ Благодаря тому, что портрет князя всегда был обращен к зрителю и написан для зрителя, в нем легко проглядывали те черты, которые больше всего были дороги именно для того зрителя, который выступал в роли заказчика произведения. В своде ростовской княгини Марии в характеристике ее покойного мужа — ростовского князя Василька Константиновича — ясно ощущается не только похвала, но и выражение горести утраты: „Бе же Василко лицем красен, очима светел и грозен, хоробр паче меры на ловех, сердцемь легок, до бояр ласков, никто же бо от бояр, кто ему служил и хлеб его ел, и чашю пил, и дагы имал, — тот никакo же у иного князя можаше быти за любовь его; излише же слугы свои любляше. Мужество же и ум в нем живяше, правда же и истина с ним ходяста. Бе бо всему хытр и гораздо

Трогателен и прекрасен в „Повести о разорении Рязани Батыем“ образ жены рязанского князя Федора — Евпраксии. Ее муж пожертвовал жизнью, защищая в стане Батыя ее честь. Услышав о смерти мужа, Евпраксия „абие ринуся из превысокаго храма своего с сыном своим со князем Иваном на среду земли, и заразися до смерти“.¹

Скупая во всем, что касается личных чувств действующих лиц, русская летопись отмечает всё же, что суздальскому князю Всеволоду Большое Гнездо было „жаль“ своей „милой дочери“ Верховславы.² Всеволод дал „по ней многое множество, бес числа злата и серебра“, богато одарил сватов и, отпустив ее с великою честью, провожал ее до трех станов. „И плакася по ней отець и мати: занеже бе мила има и млада“.³ Не забыта летописцем и та безвестная женщина, которая, приняв ослепленного князя Василька Ростиславича Тербовольского за умершего, оплакала его и выстирала его окровавленную рубашку.

Описывая смерть волынского князя Владимира Васильковича, летописец не забыл упомянуть о любви его к своей жене — „милой Ольге“. Это была четвертая дочь брянского князя Романа, но была она ему „всех милее“. Роман отдал „милую свою дочь“⁴ за Владимира Васильковича, „посла с нею сына своего старейшего Михаила и бояр много“.⁵ Впоследствии ее навещает брат ее Олег.⁶ С ее помощью на смертном одре Владимир Василькович улаживает свои государственные дела, причем называет ее „княгини моа мила Олго“. Владимир и Ольга были бездетны. Предсмертные заботы Владимира направлены на то, чтобы устроить судьбу ее и их приемной дочери — Изяславы, „иже миловах ю аки свою дщерь родимую“.⁷ Владимир Василькович разрешает своей жене поступить после его смерти как ей вздумается — жить так или идти в черницы: „Мне не воставши смотреть, что кто иметь чинити по моему животе“,⁸ — говорит он.

Нежный, задумчивый облик женщины-матери донесли до нас и произведения русской живописи XII века. В них воплощена забота женщины, ее любовь к умершему сыну. Такова, например, икона Владимирской божьей матери. Сохранились и рассказы о том, какое впечат-

умя, и поседе в доброденьствии на огни столе и дедни“ (Лаврентьевская летопись, под 1237 г., стр. 467). Этот лирический портрет, в котором внешним чертам князя придано такое большое значение, может сравниться только с портретом волынского князя Владимира Васильковича, составленным волынским летописцем, также особенно внимательным к судьбам вдовы этого князя — „милой“ Ольги. Волынский и ростовский летописцы — оба писали для вдов своих князей, оба в какой-то мере отразили их чувства. „Сий же благоверный князь Володимерь, — пишет волынский летописец, — возрасомь бе высок, плечима великь, лицемь красен, волосы имея желты кудравы, бороду стригый, руки же имея красны и ноги; речь же бяшетъ в немь толъста и устна исподняя дебела, глаголаше ясно от книг, зане бысть философ велик, и ловецъ хитр, хоробр, кроток, смирен, незлабив, правдив, не мьздоимецъ, не лжив, гатъббы ненавидаше, пития же не пи от возраста своего. Любовь же имяше ко всем, наче же и ко братьи своей, во хрестьном же целованьи стояше со всею правдою истинною, нелицемерно“ (Ипатьевская летопись, под 1288 г., стр. 605).

¹ Труды ОДРА, т. VII, стр. 239.

² Ипатьевская летопись, под 1187 г., стр. 443.

³ Там же.

⁴ Там же, под 1264 г., стр. 569.

⁵ Там же.

⁶ Там же, под 1274 г., стр. 577.

⁷ Там же, под 1287 г., стр. 595.

⁸ Там же, под 1287 г., стр. 595. Владимир говорит об Изяславе: „Бог бо не дал ми своих родити, за мои грехы, но си ми бысть аки от своее княгине рожена, взял бо есмь ю от своее матери в пеленах и вскормил“ (стр. 593).

ление у зрителей оставляли эти произведения. Гордый князь Андрей Юрьевич Боголюбский, никогда ни перед кем не склонявший головы, смелый воин, всегда первым бросавшийся в битве на врагов, был поражен изображением Владимирской богоматери. „Сказание о чудесах Владимирской иконы“ говорит о том глубоком впечатлении, которое произвела на Андрея Боголюбского икона Владимирской богоматери. Увидев ее впервые, он пал перед нею на колени — „припаде на земли“. Впоследствии все свои победы над врагами сам он и его летописец приписывали помощи этой иконы.

Во всех этих немногих упоминаниях женщина неизменно выступает в обаянии нежной заботливости, проникновенного понимания государственных тревог своих мужа и братьев. Дочь, мать или жена — она всегда помогает своему отцу, сыну или мужу, скорбит о нем, оплакивает его после смерти и никогда не склоняет его при жизни к трусости или самосохранению ценой позора. Смерть в бою с врагами она воспринимает как должное и оплакивает своих сыновей, мужа или отца, как воинов и патриотов, выполнивших свой долг, не ужасаясь и не осуждая их поведения, а с тихой ласкою и с похвалой их мужеству, их доблести. Любовь к мужу, отцу или сыну не притупляет ее любви к Родине, ненависти к врагам, уверенности в правоте дела любимого человека.

Русские женщины „Слова о полку Игореве“ воплощают в себе те же черты, которые хотя и скудно, но достаточно отчетливо донесли до нас летописи и воинские повести XII—XIII веков. Мы можем с уверенностью представить себе идеал женственности древней Руси XII—XIII веков, который будет одинаков и в летописи, и в воинских повестях, и в „Слове о полку Игореве“; только в „Слове о полку Игореве“ образ скромной, заботливой, верной и любящей женщины, достойной жены своего героя-мужа, выступает с еще большей отчетливостью и большим обаянием. Идеал женственности XII—XIII веков включает в себе мало классовых черт. Класс феодалов не выработал собственного идеала женственности, резко отличного от народного. Женщина и в среде феодалов была предана своим заботам жены, матери, вдовы, дочери. Большие государственные обязанности не были ее уделом. Именно это способствовало сближению женских образов — феодальных и народных. Вот почему и княгиня Ефросинья Ярославна в „Слове о полку Игореве“ представлена в образе лирической, песенной русской женщины — Ярославны.

* * *

Подведем итоги. В изображении людей литература XII—XIII веков следует идеалам, выработанным в феодальной действительности того времени. Она следует феодальным представлениям о том, каким должен быть представитель той или иной социальной ступени, какими должны быть сами феодальные отношения, и в основном сохраняет официальную точку зрения господствующего класса на всё, включаемое в литературу.

Интересы авторов сосредоточены по преимуществу на самых верхах феодального общества. Больше всего внимания авторы XII—XIII веков уделяют князьям и духовенству. Первых они изображают в церемониальных положениях — с позиций подданных; вторых — с назидатель-

¹ Сказание о чудесах Владимирской иконы божьей матери. Под ред. В. О. Ключевского. ОЛДП, вып. XXX, 1878, стр. 30.

ностью, свойственной представителям церкви. Система идеалов, отразившихся в литературе XII—XIII веков, служит укреплению феодального строя, оправданию феодальных отношений. Она условна и схематична.

Если мы присмотримся к тому, как строится в летописи образ того или иного князя, то должны будем прежде всего отметить, что образ каждого князя корректируется тем политическим идеалом княжеского поведения, который был признан летописцем. Летописец не создавал никакого нового своего идеала, а выражал те политические идеи, которые ему полагалось выражать как подданному или вассалу своего князя. Его писательская позиция определялась его служебным положением, последнее же подсказывало ему и интерпретацию событий, и образ князя. Исходя из этих своих политических представлений, летописец оценивает князей, своих современников, то хваля их и приписывая им те качества, которые они должны были бы иметь, то отрицая в них всё положительное, как у врагов своего лагеря.

Рассматривая характеристики князей в летописи, мы легко заметим, что они сотканы не столько из психологических, сколько из политических понятий. Не характер князя отражен в его характеристике, а его деятельность, его поведение, его политическое лицо.

Летописец оценивает не психологию князя, а его поведение, при этом поведение политическое в первую очередь. Его интересуют поступки князя, а не их психологическая мотивировка. Характеристика того или иного лица в летописи имеет в виду прежде всего его поведение; внутренняя жизнь интересует писателей XII—XIII веков только постольку, поскольку она внешне проявляется в поступках, в определенной линии поведения. Храбрость, мужество — это прежде всего подвиги. Нищелюбие, любовь к церкви, к боярам, к дружине — это прежде всего поступки — поступки щедрости по преимуществу. Летописец не случайно пишет о том, что князь „показал мужество свое“, „много пота утер с дружиною своею за Русскую землю“, „братолюбием светился“ или „славился“ своими делами, нагнал страх на врагов, „прослыл“ в победах и т. д. Внешний эффект поведения князя, „величавого на ратный чин“, интересует летописца больше всего. Нет добрых качеств князя без их общественного признания, ибо самые эти качества неразрывно связаны с их внешними постоянными проявлениями. Вот почему средневековый писатель не знает конфликта между тем, каким на самом деле является тот или иной князь, и тем, каким он представляется окружающим. Доброму князю сопутствует добрая слава, дурному — дурная. Вот почему писатели XII—XIII веков так часто и так много говорят о славе князя, о его общественном признании. Вот также почему литературный портрет князя всегда официален. Князь предстает перед читателем в одеянии своих действий. Он почти не раскрывается в своем внутреннем содержании. Летописец никогда не вступает в интимное общение с героем своего повествования, не входит в психологическое объяснение его поступков. Летописец — подданный и пишет о своем князе как подданный. Только о враге он пишет, что он совершил тот или иной поступок, движимый злобой, завистью, жадностью или гордостью (ассортимент психологических качеств и здесь не велик, анализ не сложен) или побуждаемый к тому злым советчиком, послушавшись его дурного совета, дьяволом наученный или дьяволом соблазненный.

Следовательно, летописец не потому так скуп на психологические определения, что психология раскрыта для него только в самых общих

своих основах и то по преимуществу через христианскую литературу (зависть, злоба, гордость и пр. — это всё по преимуществу христианский аспект человеческой психологии), а потому, что летописец официален, несет свои обязанности писателя как своеобразную феодальную службу, пишет то, что ему следует писать по своему служебному положению, и сохраняет основательную дистанцию между собой и своим патроном. Писательский труд не стал еще первой обязанностью писателя, не придал ему хотя бы внешней независимости. Писатель сам осознавал себя прежде всего слугой князя и, не скрывая от себя, выполнял свой долг слуги, подчиненного или вассала.

Созданный феодальным классом светский идеал поведения феодала был вполне оригинален, точно разработан и по-своему впечатляющ. Рядом с ним заметны следы и другого идеала человеческого поведения — идеала народного, подлинно гуманистического и подлинно самобытного. Однако подчиненная феодалам литература с трудом позволяет судить о нем. Изыскания фольклористов позволяют, очевидно, ближе подойти к этому идеалу.

Так обстоит дело с системой, которую применяют к изображению людей авторы средневековья; если же приглядеться к исключениям из этой системы, то в них всюду заметно стихийное проникновение в литературу элементов реалистичности, точное следование натуре, действительности, появление в литературе любовно наблюдаемого и любовно переданного. Система — идеалистична, исключения из нее — стихийно материалистичны. Последним принадлежит будущее. Жизнь побеждает схему, элементы реалистичности — идеалистическую систему.

В этом разрушении феодальных представлений о личности только как об элементе феодальных отношений огромная роль принадлежала, как мы уже сказали об этом выше, народному творчеству.

Разрушению этому способствовало и то обстоятельство, что литература XI—XVI веков не знала вымышленного героя. Все действующие лица русских оригинальных произведений — действительно жили, а не созданы только художественным воображением. Черты действительности могли поэтому особенно легко проникать в литературу. Реальные факты биографии способствовали сохранению реальных черт характера и препятствовали полному подчинению изображаемых лиц феодальному идеалу.

Однако переход от стихийного проникновения в литературу действительности к первым шагам ее нового, сознательного восприятия совершится не скоро: новое отношение к человеческой личности станет осознаваться самими авторами только с конца XVI—начала XVII веков. Это время, когда в литературе появятся первые изображения элементов человеческого характера.¹

В течение пяти столетий в русской литературе идет борьба проникающих в нее снизу реалистических элементов с идеалистической литературной системой. Система нарушается и вновь восстанавливается на новой основе. Неподвижная и инертная по самой своей сути, она тем не менее искусственно поддерживается извне — официальной идеологией класса феодалов и его потребностями, различными на различных этапах исторического развития. Однако реалистические элементы проникают в литературу всё интенсивнее, пока не начинают осозна-

¹ См. об этом: Д. Лихачев. Проблема характера в исторических произведениях начала XVII в. Труды ОДРЛ, т. VIII, 1951.

ваться как явления нового и положительного характера и пока они не находят себе уже в XVII веке своего настоящего проводника — демократические слои населения. Все нарушения системы более или менее связаны с нарушениями официальной точки зрения господствующего класса. Следовательно, литература движется вперед этими нарушениями. Ее развивает в конечном счете народ, хотя участие народа в развитии литературы кажется очень незначительным, внешне незаметно, с трудом определимо, скрыто под поверхностью, на которой массивно громоздятся застывшие формы системы, выработанной господствующим классом.

И. У. БУДОВНИЦ

**„Изборник“ Святослава 1076 года и „Поучение“ Владимира
Мономаха и их место в истории русской общественной
мысли**

Вторая половина XI века в истории Руси отмечена резким ухудшением положения непосредственных производителей города и деревни.

К этому времени значительно усилился феодальный гнет. Новый феодальный способ производства представлял собой прогресс в развитии древнерусского общества. Однако, обеспечив более быстрый рост производительных сил и двинув вперед экономику древней Руси, он в то же время вел к разорению и закрепощению свободных общинников и тружеников города.

В описываемое время народ страдал не только от гнета „своих“ эксплуататоров, но и от внешнего врага. Со второй половины XI века усилился напор степных кочевников на Русскую землю. Орды половцев, быстро овладевших всей степью от Яика до Дуная, часто совершали нападения на русские земли, разрушали цветущие города и села, уничтожали посевы и грабили имущество, убивали жителей и уводили с собой большой полон для продажи в рабство. Русские князья, занятые в это время характерными для начавшегося уже периода феодальной раздробленности взаимными раздорами и усобицами, не могли дать половцам мощного объединенного отпора.

Усиление внутреннего гнета и нарастание внешней опасности, с которой господствующий класс феодалов не в состоянии был справиться, вызывали острое недовольство народных масс, толкали их на борьбу со своими классовыми врагами. Эта борьба велась постоянно и упорно, что нашло, между прочим, отражение в нормах „Правды“ Ярославичей, составленной на специальном совещании сыновей Ярослава Мудрого — Изяслава, Святослава и Всеволода с участием их „мужей“ (между 1054 и 1073 годами). „Правда“ Ярославичей предусматривает целую систему наказаний за покушение на жизнь представителей княжеских вотчин и за ущерб, нанесенный княжескому хозяйству: за нападение на княжескую усадьбу, ограбление, убийство слуг, уничтожение живого и мертвого инвентаря. Братья Ярославичи разработали подробную систему штрафов за кражу княжеских коней и скота, охотничьих собак и птиц, сена и дров, за порчу княжеской борти и перевеси, за увод рабов и рабынь. Особенно большой штраф полагался, если запахивали межу, которой феодалы-землевладельцы огораживали привоенную ими общинную землю.

„От кого же приходилось защищаться феодалу-вотчиннику? — спрашивает Б. Д. Греков. — Сосед, такой же феодал-вотчинник, едва ли

станет красть голубя, курицу или утку, не станет запахивать между княжеского или боярского поля. Он может явиться с вооруженной дружиной, сжечь имение и увести отсюда всё наиболее ценное. С ним и расправа будет такая же: вооруженный наезд со всеми вытекающими отсюда последствиями. «Правда» Ярославичей, вырабатывая меры защиты, не об этой опасности говорит. Она видит опасность от населения соседних сел и деревень, враждебно настроенного к прочно осевшему в своем укрепленном гнезде крупному землевладельцу¹.

Предусмотренные „Правдой“ Ярославичей преступления были, очевидно, чем-то обыденным, ибо если бы они представляли собой явление исключительное, то не потребовалось бы издания специального закона для борьбы с ними, включенного в нормы, выработанные для всей Русской земли, — „Правда уставлена Руской земли“.

В обществе, где шло наступление на общину, где общинники и городские труженики разорялись, теряли свободу и превращались в зависимых людей, ожесточенная классовая борьба нередко выливалась в открытые восстания. Источники сохранили нам сведения о нескольких восстаниях в древнерусском государстве на протяжении второй половины XI и начала XII века. Киевское восстание 1068 года стоило престола киевскому князю Изяславу Ярославичу. Через несколько лет, в начале 1070-х годов, восстанием смердов был охвачен Суздальский край. В грозном киевском восстании 1113 года принимали участие и киевские горожане, и окрестные смерды.

Все эти восстания вызывали тревогу и смутение среди феодалов, что нашло отражение в литературе господствующего класса описываемого времени.

Этот „упадок общественного настроения“ во второй половине XI века давно уже обратил на себя внимание некоторых исследователей (Н. К. Никольского, М. Д. Приселкова, В. М. Истрина), отмечавших, что именно в это время на смену светлым, бодрым тонам литературы начала столетия приходят мрачные высказывания.²

Правильно отмечая это явление, названные исследователи объясняют его идеалистически. Н. К. Никольский указывает, что придворная жизнь Владимира Святославича „была полна веселия и богатырского удачества“. Ей были совершенно чужды идеалы монашеского самостязания. При Владимире, пишет далее Н. К. Никольский, большое значение придавалось милостыне, нищелюбию и „истинному учению“, а русские люди того времени считали, что, приняв христианство, они через крещение и милостыню уже обрели „спасение“. Эти взгляды выражены в „Слове о законе и благодати“ Илариона и в летописной записи под 1015 годом о добродетелях Владимира. Однако, продолжает Н. К. Никольский, это мировоззрение недолго держалось на Руси. Скоро „стала укореняться более мрачная религиозная доктрина, совсем несходная с прежнею по основным ее идеалам“.³ Эта перемена, по наблюдениям Н. К. Никольского, произошла в третьей четверти XI века, хотя, быть может, подготовлялась значительно ранее и обя-

¹ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949, стр. 143—144.

² Н. К. Никольский. О древнерусском христианстве. „Русская мысль“, 1913, июнь, стр. 11 сл. — М. Д. Приселков. Борьба двух мировоззрений. „Россия и Запад“, сб. 1, Пгр., 1923, стр. 39 сл. — В. М. Истрин. Замечания о начале русского летописания (оттиск из „Известий Отделения русского языка и словесности Российской Академии Наук“, т. XXVII). Л., 1924, стр. 96.

³ Н. К. Никольский, ук. соч., стр. 14.

зана своим возникновением Киево-Печерскому монастырю. „Теперь стало необходимым умерщвлять свою плоть, уничтожать ее, стараясь приблизиться к неземным существам, а для этого изнурять себя постом, дневно-нощною молитвою и даже изуверными подвигами“.¹ При таком положении не было уже места какому-либо оптимизму. „Взгляд на жизнь становился мрачным. Недавнее ликование народа, принявшего христианство, оказалось преждевременным“.²

Усилившуюся начиная с третьей четверти XI века проповедь смирения и послушания Н. К. Никольский объясняет влиянием принятой Киево-Печерским монастырем богомильской догмы, вытекавшей из учения о падении Сатанаила. „Так как причиной низвержения Сатанаила, — пишет Н. К. Никольский, — были неповиновение и гордость, то с высших ступеней лестницы добродетелей были сняты деятельная любовь, мудрость и проч., а их место заняли послушание и покорение, т. е. те свойства, которые часто были спутниками приниженных классов“.³ Н. К. Никольский полагает, что, объединенные единой „догматической основой“, и богомилы, и киево-печерские монахи одинаково подходили к разрешению различных житейских вопросов. „Считая женщину и брак злом, и богомилы, и киевские монахи не стеснялись разрушать семейную жизнь, совращая в монашество мужей при живых женах“.⁴ Этот вывод Н. К. Никольский делает на основании приведенного в Киево-Печерском патерике случая (едва ли не легендарного) с сыном боярина Иоанном, вступившим в монастырь вопреки желанию жены, родителей и даже великого князя. На основании одного намека в патерике Н. К. Никольский считает, что печерские монахи были такими же защитниками религиозного значения скопчества, как и богомилы. Из своего построения Н. К. Никольский делает такие далеко идущие выводы, что, теряя всякую историческую перспективу, он в борьбе двух религиозных идеологий усматривает корни женского вопроса, в том виде, как он стоял накануне первой мировой войны. В этой же религиозной борьбе XI века Н. К. Никольский видит корни наблюдавшихся в XX веке разногласий среди представителей русской церкви, из которых одни, либерально настроенные, в какой-то мере признавали необходимость „культуры“, а другие начисто ее отвергали.“

М. Д. Приселков видит принципиальную разницу между „русским христианским мировоззрением времен князя Владимира“ и христианским мировоззрением греков. Однако он не склонен считать, что русское христианское мировоззрение отступило на задний план во второй половине XI века. Наоборот, оно „продолжало жить в умах духовенства и общества не только в XI в., но и во всю первую половину XII в. для Киева, до конца XII и начала XIII в. для Чернигова, хотя, может быть, и не столь ярко и глубоко теперь расходясь с обычным греческим“. Верный своей концепции, согласно которой все проявления внешней политики Руси, как и ее внутренней жизни, вращались вокруг вопроса о церковной иерархии, М. Д. Приселков приписывает появление на Руси жизнерадостного мировоззрения влиянию независимой от Константинополя охридской митрополии, в церковном подчинении от которой Русь якобы находилась до 1037 года.⁶

¹ Н. К. Никольский, ук. соч., стр. 15.

² Там же, стр. 16.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 19—20.

⁵ Там же, стр. 13—20, 23.

⁶ М. Д. Приселков, ук. соч., стр. 51, 55—56.

В. М. Истрин, следуя за Н. К. Никольским, также приписывает совершившийся в XI веке перелом в мировоззрении русского общества появлению монашества и связанному с ним аскетизму. В этом В. М. Истрин усматривает отрицательное значение прибывшего в Киев греческого клира,¹ хотя Киево-Печерский монастырь не имел в своем составе ни одного грека и мало общался как с митрополитом, так и с окружавшими его греческими клириками.

Конечно, Киево-Печерский монастырь, пользовавшийся большой поддержкой великого князя и господствующего класса и являвшийся рассадником высших иерархов русской церкви, представлял собой мощную идеологическую силу. Но при всем этом надо обладать слишком большой долей наивности, чтобы верить, что одна только монашеская проповедь аскетизма могла „испортить настроение“ хотя бы одного господствующего класса, а тем более всего русского общества. Надо еще добавить, что представление о Киево-Печерском монастыре как образце „истинного благочестия“ и строгости христианских „подвигов“ ни на чем не основано. Все исторические сведения о Киево-Печерском монастыре, запечатленные в Киево-Печерском патерике и в некоторых летописных записях, исходят от постриженников монастыря и его горячих поклонников. Они ставили перед собой задачу возвеличить Киево-Печерский монастырь и всячески подчеркнуть его значение в насаждении „истинного“ христианства. Они явно идеализируют существовавшие в монастыре порядки, и к их показаниям следует относиться с величайшей осторожностью. Из дошедших до нас источников, при всей их тенденциозности, выявляются распушенность, недисциплинированность, праздность и алчность братии Киево-Печерского монастыря.²

Приведенные выше взгляды о смене на Руси одного мировоззрения другим в результате занесения извне монашеского аскетизма проникает иногда и в советскую историографию. Так, например, повторяя в сущности изложенные выше мысли Н. К. Никольского, В. В. Мавродин пишет, будто „русские были уверены в том, что, крестившись, они уже получили «спасение», и в этом одна из причин религиозного оптимизма древней Руси. Религиозный оптимизм предполагал, что путь к «спасению» не в покаянии, не в постах и лишениях, а в самом крещении, причем главной заповедью являлась милостыня, которой приписывалась «спасающая» сила, едва ли не бóльшая, чем все религиозные «таинства». Поэтому древнерусское христианство проникнуто необычайной жизнерадостностью, а его практика сводилась к милостыне для бедных и к участию в пирах...“³

Нарисовав такую умиленную картину „хорошего“ „обрусевшего“ христианства, В. В. Мавродин предпринимает попытку вскрыть внутренние причины так называемого религиозного оптимизма. „Причина религиозного оптимизма,— пишет он,— лежит в самой Руси. Русь с невероятной силой рвалась вперед, и ничто и никто не мог остановить ее победного марша. Сознание гордости за свою страну, за ее дела пронизывает древнерусскую литературу. Русь быстро шла вперед по пути прогресса. Она была богата и сильна“. На плечи народных

¹ В. М. Истрин, ук. соч., стр. 96.

² О распушенности нравов в Киево-Печерском монастыре см.: Б. А. Романов. Люди и нравы древней Руси. Л., 1940, стр. 204—216; И. У. Будовниц. Об исторических построениях М. Д. Приселкова. Исторические записки, т. 35, М., 1950, стр. 210—211.

³ В. В. Мавродин. 1) Образование древнерусского государства. Л., 1945, стр. 335; 2) Древняя Русь. Госполитиздат, 1946, стр. 241.

масс, продолжает В. В. Мавродин, еще не лег тяжелый феодальный гнет. Основная масса людей „еще не успела превратиться в закупов и холопов, рядовичей и изгоев, в разного рода челядь княжеского, монастырского и боярского хозяйства. Они — подданные, а не рабы, они «вои», а не вооруженные холопы, они — совладельцы общинных земель и угодий, а не безземельные рабы, они — свободные, а не «челядь невольная», они — истцы и ответчики перед судом, а не бесправная масса крепостных“¹.

Оставляя в стороне неопределенность характеристики Руси начала XI века, „в победном марше“, „с невероятной силой рвавшейся вперед“, и не останавливаясь подробно на многочисленных исторических неточностях, допущенных автором,² приходится возражать против всего построения В. В. Мавродина в целом. Из приведенного текста получается, будто русская литература первой половины XI века отражала интересы народных масс. Это глубоко неверно, ибо дошедшие до нас памятники древнерусской литературы этой поры вышли из-под пера идеологов господствующего класса, отражая именно его интересы и умонастроение.

В дальнейшем изложении В. В. Мавродин снова сбивается на схему Н. К. Никольского и В. М. Истрина. При Ярославе Мудром, пишет В. В. Мавродин, „меняется и самый характер христианства. Греческое духовенство принесло на Русь монашеско-аскетическую струю. Появляются монастыри... и монашество. Так... обрусевшее христианство Владимира, проникнутое религиозным оптимизмом, жизнерадостностью, «мирским» духом, уступало свое место аскетическому христианству греков, чуждому «мира» монашеству и черному духовенству“.³ На этот раз, следуя уже за М. Д. Приселковым, В. В. Мавродин считает, что причиной происшедших перемен „являются прежде всего обстоятельства внешнего порядка“, главным образом борьба с печенегами, которая заставила Ярослава искать помощи у Византии и согласиться на устройство митрополии во главе с греком Феопемптом.⁴

На самом деле перелом в умонастроении господствующего класса нельзя объяснить ни „переломом в самом характере христианства“, ни „обстоятельствами внешнего порядка“, связанными с открытием в Киеве митрополии. Причину этого перелома следует искать в общественных

¹ В. В. Мавродин. 1) Образование древнерусского государства, стр. 337; 2) Древняя Русь, стр. 243—244.

² Главная из них заключается в том, что из всего рассуждения В. В. Мавродина вытекает, будто феодальный способ производства на Руси возник только во второй половине XI века, между тем как феодальные отношения появились здесь за несколько столетий до этого. В отношении XI века можно говорить лишь о заметном усилении феодального гнета, который давал себя чувствовать и раньше. Отметим далее, что нельзя смешивать закупов и холопов, рядовичей и изгоев. Закрепощаемые свободные общинники вовсе не превращались в холопов; что же касается изгоев, состоявших преимущественно из бывших рабов, то положение их с развитием феодальных отношений не ухудшилось, а, может быть, даже несколько улучшилось. „Подданные“ киевского князя вовсе не превращались в рабов, а превращались в феодально зависимых людей (что далеко не одно и то же), так же как и „вои“ не превращались в вооруженных холопов (последних феодалы начали выводить на войну значительно позднее описываемого времени), и т. д.

³ В. В. Мавродин. 1) Образование древнерусского государства, стр. 367; 2) Древняя Русь, стр. 262. Странно, что изменение характера христианства В. В. Мавродин приурочивает ко времени Ярослава Мудрого. Ведь творчество апологета и ближайшего сотрудника Ярослава — митрополита Илариона — как раз представляет собой образец „религиозного оптимизма“.

⁴ В. В. Мавродин. 1) Образование древнерусского государства, стр. 367; 2) Древняя Русь, стр. 262—263.

отношениях и острых социальных столкновениях, потрясавших древнерусское государство во второй половине XI века.

Как уже указывалось, в это время господствующий класс охватывает чувство тревоги. Впервые он встречался с упорным народным сопротивлением, которое часто выливалось в опасные формы. Покорность, беспрекословное повиновение и безответность уступили в народе место открытому возмущению. Суровыми законами и другими средствами насилия защищает себя феодальный класс от эксплуатируемой массы, укрепленными замками-хоромами огораживает он себя от враждебных крестьянских миров, военной силой он подавляет открытые народные восстания. Но в то же время феодалы видят спасение не в одних законах и репрессиях. Наряду со средствами насилия пускаются в ход идеологические средства. Тут особенно выявляется классовая роль церкви, которая всей силой своего авторитета пытается ограждать эксплуататорские классы от народного гнева.

При стихийных бедствиях, нашествиях иноплемеников и народных возмущениях церковь проповедует теорию „казней божиих“. Уже под 1024 годом, описывая подавление суздальского восстания Ярославом, летопись вкладывает ему в уста рассуждение о том, что голод, мор или засуха бог наводит на землю за грехи и что не подобает людям вмешиваться в дела господни: „а человек не весть ничтоже“.¹

В дальнейшем эта тема развивается. В связи с поражением, которое половцы нанесли братьям Ярославичам, поражением, послужившим непосредственным поводом к киевскому восстанию 1068 года, летописец снова подчеркивает, что приход иноплемеников — это божья казнь за грехи. Бог прекрасно устроил мир, он „не хочет зла человеком, но блага“. Однако люди сами виновны в постигших их бедствиях: они поддались соблазну дьявола, который „радуется злomu убийству и крови пролитью, подвизая свары и зависти, братоненавиденье, клеветы“. Покорность, плач и пост — вот в чем приверженцы теории „казней божиих“ видят панацею от всех зол.² Ясно, что они всей силой осуждают выступления против властей и другие проявления классовой борьбы: всё это „братоненавиденье“, внушенное человеку дьяволом.³ Однако эти монашеские внушения не могли остановить от выступлений доведенной до крайности массы. Наряду с теорией „казней божиих“ церковь и светские идеологи господствующего класса выработали другую, более опасную для народа теорию, оказавшую огромное влияние на развитие литературы и общественно-политической мысли в древней Руси, — теорию общественного примирения и всеобщего согласия.

Впервые эта теория нашла подробное освещение в „Изборнике“ Святослава 1076 года — чрезвычайно интересном памятнике эпохи, незаслуженно пренебрегаемом историками. Святослав Ярославич княжил в Киеве всего три года, и за это время по его поручению было составлено два „Изборника“ — 1073 года и 1076 года. Оригинал „Изборника“ 1073 года был, видимо, составлен в конце IX или в начале X века для бол-

¹ Повесть временных лет, т. 1. М.—Л., 1950, стр. 100.

² Там же, стр. 112, 113.

³ О „казнях божиих“ вспоминает летописец и в связи со страшным нашествием половцев на Русскую землю в 1093 году. Приведенные мысли летописца положены в основу приписываемого Феодосию Печерскому поучения „О казнях божиих“ („Ученые записки II Отделения Академии Наук“, кн. 2, вып. 2, СПб., 1856, стр. 193—197). Автор поучения также подчеркивает, что дьявол „искони... есть враг нам, хочет убийства и кровопролитья, подвизая свары и убийства, и зависти, и братоненавидения, и на клеветы“. Но дьявол не одинок: „усобная рать бывает от соблазнения дьявола и от злых человек“ (там же, стр. 193; разрядка наша, — И. Б.).

гарского царя Симеона. Почти через 200 лет его перевели для князя Святослава на русский язык, заменив имя Симеона Святославом.

В состав „Изборника“ 1073 года вошел ряд сочинений церковных писателей первых веков христианства, трактовавших вопросы церковно-догматические и этические, крупнейший памятник так называемой „вопросо-ответной“ литературы, содержащей разъяснения по самым разнообразным вопросам, в том числе и по вопросам о том, как согласовать с требованиями христианства жизнь богатого человека, „о житейских вещех“ заботящегося. В этом „Изборнике“ читатель нашел и первое руководство по поэтике.

Шире и разнообразнее состав „Изборника“ 1076 года, составитель которого обнаружил и более самостоятельное отношение к своим источникам. Задача составления этого сборника была возложена князем Святославом на некоего Иоанна. В его распоряжение была предоставлена княжеская библиотека, из которой он должен был черпать отдельные нормы житейской мудрости и объединить их общей идеей. Так появился „Изборник“ Святослава 1076 года, в конце которого составитель увековечил себя следующей записью: „Коньчашася книги сия рукою грешнаго Иоана. Избърано из мног книг княжих... Кончак книжъкы сия в 6584 (1076 год, — *И. Б.*) лето, при Святославе князи Русьскы земля“.¹

Даже та незначительная критическая работа, которая проделана над текстом „Изборника“ до настоящего времени, свидетельствует о том, что различные статьи „Изборника“ приписываются в нем авторитетным церковным писателям только для того, чтобы придать содержанию большую убедительность. Ни одна из статей, приписываемых в „Изборнике“ 1076 года Иоанну Златоусту, Василию Великому и Афанасию Александрийскому, на самом деле им не принадлежит; в лучшем случае из сочинений этих лиц взяты небольшие отрывки или отдельные изречения, совершенно теряющиеся в окружении оригинальных мыслей, наставлений и обращений.

Видное место в „Изборнике“ 1076 года занимает „Слословец Геннадия“, который долгое время считался переводом с греческого.

¹ В. Шимановский. Сборник Святослава 1076 года. Варшава, 1894, стр. 123—124, лл. 275 об.—276 (в дальнейшем цитируется: „Сборник Святослава“, в скобках указываются страницы книги). Впервые сборник был полностью напечатан В. Шимановским в виде приложения к его труду „К истории древнерусских говоров“ (Варшава, 1887). Издание вызвало резкие рецензии А. И. Соболевского (ЖМНП, 1888, февраль, стр. 524—527), А. И. Смирнова (Русский филологический вестник, 1888, т. 19, № 1, стр. 74—117 и т. 20, № 3—4, стр. 303—310), упрекавших В. Шимановского в неправильных чтениях. Много ценных указаний сделал по поводу издания И. В. Ягич, по поручению которого П. К. Симоны сличил печатное издание с подлинной рукописью (Archiv für slavische Philologie“, т. XI, вып. 2, стр. 233—241; вып. 3, стр. 368—383). Под влиянием критики В. Шимановский сам сверил свое издание с рукописью и снова выпустил „Изборник“ отдельным изданием (Варшава, 1894). Новое издание также вызвало критические замечания в печати со стороны С. Кульбакина (ЖМНП, 1898, февраль, стр. 203—209) и В. А. Боброва (История изучения Святослава сборника 1076 года. Казань, 1902, стр. 39; К исправлению печатного текста сборника 1076 года. Варшава, 1902). Вполне пригодное для историко-литературных и чисто исторических целей, издание В. Шимановского не вполне может удовлетворить языковедов; к тому же оно давно уже стало библиографической редкостью. Повтому назрела настоятельная необходимость нового научного издания „Изборника“. Рукопись „Изборника“, по которой мной сличены приводимые ниже цитаты, хранится в Рукописном отделе Ленинградской Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. При работе над рукописью в 1949 году я мог убедиться, что хранится она чрезвычайно бережно и, кроме дефектов, указанных В. Шимановским более полувека назад, никакой дополнительной порче за это время не подверглась.

Однако последний исследователь „Изборника“, Н. П. Попов,¹ убедительно доказал, что помещенный в „Изборнике“ „Стословец“ не может быть произведением переводным. Некоторые описания рукописных собраний, составленные в XIX веке, приписывают авторство „Стословца“ знаменитому патриарху Константинопольскому Геннадию Scholarios. Но последний, указывает Н. П. Попов, умер в конце XV века и, конечно, не может явиться автором произведения, в отношении которого документально засвидетельствовано, что оно появилось в XI веке. Нет оснований, продолжает Н. П. Попов, приписывать „Стословец“ и другому константинопольскому патриарху Геннадию, умершему около 471 года, поскольку, судя по дошедшим до нас отрывкам его сочинений, он занимался только вопросами канонического права и толкованиями. Других же Геннадиев не было среди патриархов. По наблюдениям Н. П. Попова, помещенный в „Изборнике“ 1076 года „Стословец“ содержит ряд рифмованных русских поговорок, вроде „даждь мокроуштому сухоту, зимному теплоту; омый скврну тела его, яко убог есть зело; сим бо на стезю подвига вѣступаеши, душа же от расслабления свобожаети“. В изречениях „Стословца“ встречаются и оригинальные аллитерации, например: „Не буди гърд да не поне похвалиться гроб“. Все эти и другие наблюдения изобличают в авторе „Стословца“ мастера русской речи, а не просто переводчика с греческого.

Определенный ритм также чувствуется и в статье „Святого Василия о благопохвалении“. В ряде статей встречаются рифмы, например: „хранися от пития: оскврняеть бо молитвы твоя“; „кротость же есть никому не досажати ни в словеси, ни в делеси“. Здесь форма „делеси“ употребляется, видимо, ради рифмы, так как в других местах употребляется форма „в деле“. На основании своих наблюдений Н. П. Попов приходит к выводу, что начало нашей рифмованной прозы восходит к XI веку. Он считает также, что исследователь, который захотел бы изучить историю развития русских пословиц, нашел бы в изречениях „Изборника“ 1076 года немало ценнейшего материала.²

Если большинство статей „Изборника“ 1076 года является оригинальными произведениями, к которым нельзя подобрать греческих „оригиналов“, то и весь сборник в целом не воспроизводит ни одного нравоучительного сборника из обращавшихся в византийском обществе. По характеру содержащихся в нем наставлений „Изборник“ Святослава 1076 года больше всего приближается к многочисленным греческим сборникам, известным под названием „Гномология“ (собрание изречений). Однако опубликованные „Гномологии“ не только разнятся по форме от „Изборника“ 1076 года, но носят абстрактно-философский характер, в то время как русский сборник, как увидим дальше, тесно связан с жизнью, с вопросами практической морали. Даже там, где текст содержит прямые заимствования из греческих сочинений, они подверглись столь значительным дополнениям, переделкам и редакции, что и в отношении их можно говорить о самостоятельном творчестве.

В древнерусской письменности обращались многочисленные славянские списки вопросов Афанасия Александрийского и его ответов князю Антиоху, причем некоторые из этих списков содержат почти

¹ N. P o p o v. Les auteurs de l'Изbornik de Svjatoslav de 1076. Revue des études slaves, Paris, 1934, t. XV, ff. 3—4, стр. 215.

² N. P o p o v. 1) Les auteurs... стр. 210, 222; 2) L'Изbornik de 1076 dit de Svjatoslav, comme monument littéraire. Revue des études slaves, Paris, 1934, t. XIV, ff. 1—2, стр. 17—21.

все 137 вопросов с незначительными пропусками. Среди славянских рукописей „Вопросы и ответы“ Афанасия встречаются в двух редакциях — одна дает точный, даже буквальный перевод с греческого, другая же пересказывает их более простым языком, иногда с значительным отступлением от греческого оригинала. В особой редакции „Вопросы и ответы“ встречаются в „Изборнике“ 1076 года. „Впрочем, — пишет А. С. Архангельский, — это даже не редакция в строгом смысле слова, а скорее особый самостоятельный труд, самостоятельное собрание вопросов с ответами, составленное неизвестным автором. Едва ли труд этот не принадлежал кому-либо из славянских или русских «книжных людей» начального периода славяно-русской письменности; по крайней мере, по греческим рукописям не известно ничего сколько-нибудь подходящего к названной редакции“. В „Изборнике“ 1076 года помещено 34 вопроса и ответа, приписываемые составителем сборника Афанасию. Хотя большинство вопросов и ответов, действительно, взято у Афанасия (часть их заимствована из неизвестного источника), составитель сборника обращается с ними очень произвольно, соединяя с вопросами и ответами Анастасия Синаита, располагая в другом порядке, упрощая слишком буквальный текст перевода, передавая много слов и выражений более простым и доступным для читателя языком.¹

Надо, далее, обратить внимание и на внешность сборника. Это не шедевр искусства и не ценность вроде Остромирова евангелия, написанного золотом на дорогом пергамене. „Изборник“ 1076 года, написанный на обыкновенном пергамене, предназначался не для обогащения казны владельца новым сокровищем, а исключительно для чтения, причем составитель советовал читателям усердно и без излишней торопливости читать книги, внимательно вникать в их смысл и перечитывать некоторые главы по три раза.²

Важно установить, для какого круга читателей предназначался „Изборник“ Святослава 1076 года. Об этом говорят две статьи „Изборника“ — „Слово некоего отца к сыну своему словеса душеполезная“, где у сына предполагается богатый дом с отроками, и статья, озаглавленная „Наказание богатым“. Предполагаемые читатели „Изборника“ — это не только богатые, но знатные и влиятельные люди, имеющие „дрзновение“ (доступ, приближение) к князю, могущие заступиться за „сирот“, не давать их в обиду „сильным“, правомочные оказать честь „добротворящим“ и запрещение „злотворящим“.³ Но наряду с этим Слова „Изборника“ нередко обращены непосредственно к „рабам“ и „убогим“ с совершенно другими наставлениями, чем к богатым. Не им ли должны были по три раза перечитывать главы „Изборника“ хозяева богатого дома, имевшие „дрзновение“ к властям?

„Изборник“ Святослава 1076 года состоит из 48 отдельных статей. Некоторые из них названы именами „святых“, которым якобы принадлежат („Стослов Геннадия“, „Афанасьевы ответы“ и т. д.), другие имеют тематические заголовки („О десятине“, „О почитании родите-

¹ А. С. Архангельский. Творения отцов церкви в древнерусской письменности, вып. I—II. Казань, 1889, стр. 13, 37—38, 48. Еще Ф. И. Буслаев обратил внимание, что язык „Изборника“ 1076 года „проще и удобопонятнее“ языка литературных и философских статей „Изборника“ 1073 года (Ф. И. Буслаев. Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков. М., 1861, стр. 299).

² Сборник Святослава, л. 1 об. (стр. 11).

³ Там же, лл. 4 об.—29 (стр. 12—22).

лей“ и др.). Открывается „Изборник“ 1076 года „Словом некоего калугера“ о чтении книг. Автор отдает себе полный отчет в силе идеологического воздействия книги и посвящает ей восторженный панегирик: „Добро есть, братие, почитание книжное... Красота воину оружие и кораблю ветрила — тако и правьднику почитание книжное“.¹ Затем следуют „душеполезные“ статьи, излагающие общие нравственные нормы поведения людей и отдельные правила на разные случаи жизни. В отдельных статьях, например, говорится о почитании родителей, о наказании детей, об отношении к жене.² В специальной статье „О мъртвѣдих“ точно регламентируется, сколько следует плакать по мертвецу, когда вспоминать его и т. д.³ В другом месте читателю дается совет бережно хранить тайны и скрывать свои мысли. Иоанну Златоусту приписываются советы, как держать себя при встрече с другими. Особенно много „домостроевских“ мотивов в „Слове Святого Василия, како подобает человеку быти“, где преподаются правила поведения: не разговаривать во время еды („едение и питие без говора с удържанием“), „не скоро в смех въпадати“, „долу очи имети“, и т. д.⁴ В этом отношении „Изборник“ Святослава 1076 года является прообразом русского Домостроя. Однако не в „домостроевских“ правилах лежит идейная направленность всего сборника. Н. П. Попов не сумел разглядеть основную тенденцию сборника. По его мнению, „Изборник“ 1076 года обучает „основные пороки времени“ — пьянство и болтливость в церкви.⁵

На самом деле этим „основным порокам времени“ сборник уделяет меньше всего внимания, посвящая им (и то не полностью) 2 главы из 48. Основное содержание сборника заключается в другом. Подкрепленные авторитетом библейских авторов и „отцов церкви“, статьи „Изборника“ обращаются к богатым и сильным с призывом вникнуть в свое положение и осмыслить свою роль в обществе, где „большая часть мира сего в ништете есть“.⁶ С точки зрения христианской морали, богатство — это зло, мешающее человеку попасть в „царство небесное“. Но авторы „Изборника“ отнюдь не требуют у своих читателей отказать от богатства; они предлагают только богатым и знатым выполнить ряд несложных и сравнительно недорогих требований. „Аште тако можеша творити, — обращается „некий отец“ к „сыну своему“, — не створишь ти пакости богатство твое, нь... ти будеть царьству небеснууму, акы ходатай и друг добр“.⁷

К чему же сводились эти требования? У богача дом — полная чаша, он укрыт в тепле, хорошо одет, прекрасно питается, живет в полном довольстве. Но вокруг него „большая часть мира сего“ пребывает в нищете и терпит лишения. Не дай бог кичиться своим богатством, озлоблять меньших, доводить обездоленных людей до отчаяния. Уделять частицу своего богатства страждущим и скорбящим, накормить голодных, напоить жаждущих, одеть нагих, хорошо, по-отечески обращаться со своими рабами и челядью — вот путь к „спасению“, при-

¹ Сборник Святослава, лл. 1, 2 об. (стр. 11). О пользе книг говорится и в „Наказании Исихия“: „Егда об ум с языкъмь кто хочет иделити, то в книги вьину да зреть“ (там же, л. 68, стр. 38).

² Там же, лл. 155 об.—163 (стр. 74—77).

³ Там же, лл. 153 об.—155 об. (стр. 73—74).

⁴ Там же, лл. 101 об.—102 об. (стр. 52).

⁵ Н. Р. Р о р о в. L' Izbornik de 1076... стр. 24.

⁶ Сборник Святослава, л. 30 об. (стр. 23).

⁷ Там же, л. 24 (стр. 20).

чем „Изборник“ 1076 года едва ли имел в виду „спасение“ только на „том свете“. Благодетель, кротость, смирение, покорность, любовь, добросердие, милостыня, „мир къ всем малым же и к великим“¹ — такова общая идея, таковы нормы поведения, которые составитель „Изборника“ на всем его протяжении внушает своим влиятельным читателям.

С другой стороны, и на „нищих“ лежит важная обязанность. Они не должны стремиться к богатству; еще в большей мере, чем богачи, они обязаны проявлять кротость, терпение, смирение и миролюбие, не озлобляться, не осуждать других, не поддаваться дурному влиянию, быть послушливыми и трудиться, трудиться без конца.

В самой лаконичной форме этот свод житейской морали был уже преподан русским читателям в первой половине XI века Лукой Жидятой. „Любовь имейте со всяцем человеком, а боле з братиею, и не буди ино на сердце, а ино в устех; но под братом амы не рой, да тебе бог в горшаа той не вринет“. За этим идет проповедь всеобщего согласия и гражданского мира: „Претерпите брат брату, а не въздайте зла за зло, друг друга похвали, да и бог вы похвалить. Не мози свадити, да не наречешися сынъ диаволу, но смирай, да будеши сынъ богу. Не осуди брата ни мыслию, поминаа свои грехи, да тебе бог не осудить“. Очень кратко упоминает Лука Жидята об обязанности раздавать милостыню и хорошо относится к своим „сиротам“: „Помните и мвлуйте странныя, и убогыя и темничныя, и своим сиротам милостиви будете“. Но и сироты не должны ни на кого иметь гнев, терпеть „в напасти“, „на бога упование имаа“, не иметь „буести“, „ни гордости“, быть смиренными, кроткими и послушными.²

То, что во времена Луки Жидяты можно было преподнести в виде кратких аксиом христианской морали, в 1076 году, в период обострения общественных отношений, надо было подробно развить и обосновать. Составитель „Изборника“ Святослава 1076 года прежде всего советует богатым не обольщаться своим положением и во всем соблюдать кротость: „Кротько ступание, кротько седение, кротьк възбор, кротько слово, вьса си в тебе да будутъ, от них бо истинный хрьстьянин явишися“. Но кротость — это не только внешнее поведение, но и доброе согласие между людьми: „Кротость же есть, еже никомуже не досажати ни в словеси, ни в делеси, ни в повеленьи, нъ вьсякому человеку норovy своими осладити сердце“.³

В системе общественных отношений, основанных на кротости и всеобщем согласии, исключительная роль отводится милостыне. Милостыня должна совершаться не только по доброй воле богача — это его прямая обязанность. „Яко дьва разбой есте, — говорится в „Слове“, представляющем будто бы извлечение из всех „душеполезных“ поучений Иоанна Златоуста, — един, иже съвлачить с убогааго. Другой же, иже не одержеть убогааго, а и имение имея, та есть истинны разбой[ни]к“.⁴ Авторы отдельных глав облачают призыв к милостыне в форму выразительных наставлений: „Чадо, алчьнааго накърми, яко же ти сам господь повелел, жадьнааго напои, страньна въведи, больна присети, к тъмници дойди, виждь беду их и въздъхни“;⁵ или: „Посети суштых в тъмници

¹ Сборник Святослава, л. 7—7 об. (стр. 13).

² Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. 1, СПб., 1894, стр. 14—16.

³ Сборник Святослава, лл. 32 об.—33 (стр. 23—24).

⁴ Там же, л. 94 (стр. 49).

⁵ Там же, л. 11 (стр. 15).

по господню повелению (по приказу властей, — *И. Б.*), вижь беду, вижь страсть (страдания, — *И. Б.*) и рыци: ох мъне, си за едино съгрешение стражють, аз же по вся часы владыце моему Христу съгрешаю и в льготе пребываем¹. Приведем еще одно не лишнее выразительности место: „Сядящю ти над мъногоразличною трапезою, помяни сух хлеб ядуштааго и не могуштааго си (себе, — *И. Б.*) воды принести недуга ради... Лежащю ти в твърдо покръвене храмине, слышащю же ушима дъждевнoе множество, помысли о убогих, како лежать ныня дъждевными каплями, яко стрелами пронаждаеми... Сидяшту ти в зиму в тепле храмине и без боязни изнаживъшуся, въздъхни, помыслив о убогих, како клячатъ над малъмь огньдъмь съкърчивъшеся, больши же беду очима от дыма имуште, руде же тъкмо съгревающе, плешти же и все тело морозъмь измързше“². Такие наставления проходят через весь „Изборник“ 1076 года.

Составитель „Изборника“ придает столь большое значение милостыне, что решается привести даже такой „соблазнительный“ вопрос, обращенный к Афанасию: „Камо есть польза приносити имение свое: в церковь ли, ли ништим даяти?“. Ответ гласит, что Христос обещал „уготованное“ „цесарствие“ тем, кто был милостив „к ништим, инокым и темничником“, „и ничесо же иного не помяну“ Христос, подчеркивает автор. От себя же он в связи с вопросом о милостыне добавляет рассуждение о том, приносить ли дары в церкви: „Обаче суть и церкви не имушта съсуд неких нужных, тем же лепо приносити и дати. А иже в богатыя церкви приносить, то не вестъ, чьто по семь будеть събираемая ту: многы бо церкви лихо събъравъша и добре его не устройвъша. Последи же или погыбоша небрегомы, или от татий и ратьник отъята быша приношения“³.

Таким образом, на прямо поставленный вопрос: кому предпочтительнее давать милостыню — нищим или церквам, автор, опираясь на авторитет Христа, отвечает: нищим. Но если церковь нуждается в самом необходимом, можно жертвовать и ей; приношения в богатые церкви автором осуждаются.

Проповедью, нашедшей выражение в приведенных правилах, христианская церковь всегда преследовала цель сгладить общественные противоречия и смягчить недовольство угнетенных классов. Такая проповедь особенно усиливалась в периоды обостренной классовой борьбы, когда господствующий класс для „успокоения умов“ пускал в ход и средства идеологического воздействия. Именно такой цели мог служить второй „Изборник“ Святослава, в котором нормы христианской морали преподавались с исключительной настойчивостью, притом с учетом непосредственных мирских интересов своих читателей. Вот характерный пример. Предлагая широко раскрывать двери перед нищими, давать приют скитающимся по улицам, вводить их в свои хоромы, делить с ними трапезу и т. п., составитель сборника считает все-таки необходимым предостеречь своих читателей: „И не всякого человека въведи в дом свой: блюдися зьлодея“⁴.

Особенно выпукло выступает связь „Изборника“ с окружающей жизнью в тех статьях, где говорится об обязанностях богатых в отношении их работников. Прежде всего богатым и знатым предлагается не озлоблять „меньших“ и не доводить их до „гнева“: „Чадо, жита

¹ Сборник Святослава, лл. 39 об.—40 (стр. 26).

² Там же, лл. 40—42 об. (стр. 26—28).

³ Там же, лл. 205—206 об. (стр. 94—95).

⁴ Там же, л. 148 (стр. 71).

ништааго не лиши и не мини очью просльвиу. Душа алчущта не оскорби и не разгневай мужа в нищете его“ (разрядка наша, — И. Б.).¹ Кротость нужно соблюдать не только к старейшим: „Лицемерная бо то кротость, ежели больших устыдешься, а мньшая озьлобити“.² В другом месте в „Изборнике“ конкретно указывается, какие именно действия могут озлобить работников: это стремление поработить и закрепить свободного человека, вынужденного наниматься к богачу, лишение его хлеба и имущества, задержание заработной им „мзды“.³

„Изборник“, конечно, должен был также коснуться вопроса об отношении к властям и к церкви. И тут подробно развиваются наставления, которые только намечены в лапидарной форме Лукой Жидятой. „Князя бойся всею силою своею... — предписывает „Наказание богатым“, — паче научишися от того и бога бояться. Небрежение же о властях — небрежение о самом бозе“. Дальше эта тема развивается: „Бойться ученик учителя слова, паче же самого учителя: такоже бойся бога, бойся и князя, имь же казняться съгрешающии, князь бо есть божий слуга к человеком, милостью и казнию зьлым“. От князя ничего нельзя скрывать, как и нельзя его обманывать: „Пред князьмь же бойся лъжю глаголати... нъ с покорениемъ истинно отъвештавай ему, акы к самому господу“.⁴ Особенно подчеркивается в „Изборнике“ Святослава 1076 года необходимость почитать духовенство. Цитированное уже „Наказание богатым“ предписывает преклонять свою главу и припадать к ногам епископов и „пастырей христова стада“, с великим вниманием и уважением относиться к монастырям и удовлетворять их потребности.⁵ Об удовлетворении потребностей белого духовенства и монашества в „Изборнике“ говорится много и настойчиво. В „Слове некоего отца к сыну своему“ отец советует сыну обрести в городе или в окрестности богобоязненного человека, служить ему всею силою, хранить его наставления, как бисер, и исполнять их. Но этого мало: „Буди же дом твой... покой иереем, служителем божием, и всякому чину церковному и въведи таковыя в дом свой, с всякою чьстью посади я, постави им трапезу и якоже самому Христу сам же им стани в службе“. Точно так же следует принимать монахов: „Жену же свою и дети и отроky научи с страхъмь и мълчаниемъ служити [им], яко аггелом божием“. Провожать их надо с поклоном и дать им в монастырь всё потребное. Не надо ограничиваться угощением монахов на дому: „И аште чьто имеши в дому своемъ, потребно же онемъ, донеси им, все бо то в руке божи вьлагаеши, и въздай их будеши“.⁶ Одна статья „Изборника“ специально трактует „О десятине“. „Не явися пред господом тытъя, — говорится в этой статье, — приношение правьднааго мазить ольтаря и благоухания его пред вышьнимъ“.⁷

Другая статья (и единственная в этом роде), исходящая якобы от Иоанна Златоуста, обращается непосредственно к попам. Как обычно в таких наставлениях, попам предписывается воздерживаться от питья,

¹ Сборник Святослава, л. 80 (стр. 43).

² Там же, л. 32 об. (стр. 23).

³ „Не озьлоби раба делающта въ истину, ни наимьника делающта душею своею. Раба разумива да любить душа твоя, и не лиши его свободы“ (там же, л. 159, стр. 75), „Хлеб бо пот их, живот убо их, лишай же его человек кровь проливаяй есть. Якоже проливаяй кровь, такоже удържавый мзду наимьника“ (там же, л. 143, стр. 69).

⁴ Там же, лл. 46—47 об. (стр. 29).

⁵ Там же, лл. 58 об.—60 об. (стр. 34—35).

⁶ Там же, лл. 14 об.—15, 21—22 об. (стр. 16, 19).

⁷ Там же, л. 143—143 об. (стр. 69).

не объедаться, сохранять в чистоте тело и руки, соблюдать смирение, избегать сребролюбия, гордости и осуждения, славохотия, гневливости, блудных помышлений и пр.¹ Судя по другим поучениям XI—XII веков, обращенным к попам и монахам, они не очень склонны были придерживаться этих правил. На этот случай „Слово отца к сыну“ предписывает не принимать клеветы ни на черноризца, ни на святителей, а если сын и сам увидит что-нибудь предосудительное („съблагняюшта ся“), то пусть не осуждает, да не осужден будет.²

В „Изборнике“ кое-где указывается на социальную роль духовенства. Повелевая сыну прибегать к монастырям, отец указывает, что обитатели их „бес печали суть и умеють печальнааго утешити“.³ „Наказание попам“ предписывает им уклониться „народьнааго мятежа“, но быть милостивым к убогим, читать молитвы с умилением, прилежно читать жития и поучения своей братии.⁴ На попов возлагалась большая надежда по части внушения народу необходимости терпения и смирения. Недаром составитель „Изборника“, как и авторы других подобных Домостроев, так хлопочут, чтобы „серафимы во плоти“ были хорошо обеспечены.

Выше уже указывалось, что, будучи предназначен главным образом для богатых, „Изборник“ 1076 года дает правила поведения также для „меньших“ и „убогих“. Последние, конечно, не раз задумывались над причинами наблюдающейся в мире несправедливости. „Изборник“ смело воспроизводит из „Ответов“ Афанасия Александрийского один из таких „проклятых вопросов“: „Почьто младеньци мьруть, а друзии престареются, и како друзии правдьнии суште мало живут, а друзии зло творяште многа лета живут, а друзии добри суште без детей суть и убози, а друзии нечьстиви суште дети имуть в богатьство и добру жизнь“.⁵

Ответ выдержан в духе традиционной христианской морали: „Спасающтиим ся многими скърбьми есть вьнити в царьствие небесное“.⁶ С этой же точки зрения в „Наказании Исихия“ бедным дается совет: „Не веселися о богатьстве, печали бо его отьлучають ны от бога, аште и не хочем“.⁷ В другом Слове („Святого Василия, како подобает человеку быти“) нищим предписывается „не завидети“.⁸ Бедным, подчеркивается в „Изборнике“, кротость, терпение и смирение причисляется еще более, чем богатым.

На счет терпения в „Изборнике“ рассыпано много афоризмов и поучений: „Горе вам, погубившим трыпение, и чьто сътворите, егда посетитъ господь“;⁹ „егда обидим еси, подьбегай к трыпению и трыпение твое вредитъ обидяща тя и устрой“;¹⁰ „в скърбьх трыпети, [к]ь всем съмерену быти“¹¹ и т. д. „Слово“ Иоанна Златоуста, где говорится, что тот „истинный разбойник“, кто, обладая имением, не одевает убогого, в то же время подчеркивает, что лучшая добродетель в бедах — это терпение, и что бедствующий никогда не должен осуждать: „Хочеси ли судия быти? Себе буди и своим грехом“.¹²

¹ Сборник Святослава, лл. 253—253 об., 256 (стр. 114—115).

² Там же, л. 23 об. (стр. 20).

³ Там же, л. 14 (стр. 16).

⁴ Там же, лл. 254—255 (стр. 114—115).

⁵ Там же, л. 124—124 об. (стр. 61).

⁶ Там же, л. 126 об. (стр. 62).

⁷ Там же, л. 75 (стр. 41).

⁸ Там же, л. 103 об. (стр. 58).

⁹ Там же, л. 187 (стр. 86).

¹⁰ Там же, л. 70 (стр. 39).

¹¹ Там же, лл. 102 об. — 103 (стр. 52).

¹² Там же, л. 98 (стр. 50).

Терпению должно сопутствовать беззлобие¹ и воздержание. В панегирике книгам, открывающем „Изборник“ 1076 года, достоинство книг, между прочим, усматривается в том, что они учат воздержанию: „Узда коневи правитель есть и въздържаніе праввьдънику же книги я“.² Но этого мало: „Изборник“ учит бедных не только терпеливо сносить „скорби“, но находить в них какое-то удовлетворение: „Господу глаголюшту: ярым мой благ есть и бремя мое льгко“.³ В другом месте проводится мысль, что „в скорбях доброты цветут“.⁴

Разумеется, среди „скорбящих“, как показали восстания 1068, 1113 годов и другие, было не мало людей, не находивших в своем положении никаких „доброт цветущих“. „Душеполезные“ увещания плохо на них действовали, зато они сами вели между собой далеко не „душеполезные“ разговоры. „Изборник“ 1076 года предостерегает против таких разговоров: „Не оплитатися лихими речьми и не искати жития ленивых“.⁵ Подобный же запрет находим и в другом месте: „Не беседу[й] с зълыми, они бо поучають тя на зълое, а с приобштитиємъ их греха того приобштитишя“, но надо слушать и разговаривать с добрыми, которые душу „подвизают“ к добру (подразумевается духовенство).⁶

По мнению авторов „Изборника“, злые дела и помышления происходят от безделия, нерадивости и своеволия. Поэтому первой обязанностью работников является послушание и трудолюбие. „Послушьливу быти до сьмърти, тружатися до сьмърти“ предписывает „святой Василий“, и при этом „поминати приснострашное и вѣторое пришьствие и день сьмъртныи“.⁷ В „Изборнике“ рассеяно много наставлений, осуждающих леность и призывающих к труду. Ограничусь одним примером. „Любая дело, — говорится в „Наказании Исихия“ (которое почти все целиком обращено к бедным), — бес печали пребывает. Начало гърдыни еже не потрудитя с братьм противу силе. Приходящты же на дело не много глаголем, нъ тьштание наше буди его же ради изидоком. Мати зълм леность“.⁸

Мы далеко не исчерпали содержания „Изборника“ 1076 года, но это и не входило в наши задачи. Нам хотелось только осветить его общее направление, заключающееся в проповеди общественного примирения, которое сводится к тому, чтобы богатые хорошо относились к своей челяди, несколько поступились бы своим богатством, помогая нищим, раздавая милостыню и тем самым обеспечивая себе „царство небесное“, а бедные мирились бы со своей участью и работали изо всех сил. Теория общественного примирения не изобретена в 70-х годах XI века, она существовала и раньше, но в „Изборнике“ 1076 года, появившемся в период крайнего обострения классовых противоречий, она нашла полное и всестороннее развитие.

В связи с этим приобретает интерес и вопрос об авторстве „Изборника“.

¹ Сборник Святослава, л. 69 об. (стр. 39).

² Там же, л. 2 (стр. 11).

³ Там же, л. 202 об. (стр. 93).

⁴ „Егда богатство или славу видиши, помышляй тьленьныхъ вьсе и убежиши улы жития сего тьрпи скърби, в скърбьхъ бо доброты цвьтуть, акы в тьрньи цвьтцы“ (там же, л. 70 об., стр. 39).

⁵ Там же, л. 103—103 об. (стр. 52).

⁶ Там же, л. 71 об. (стр. 39).

⁷ Там же, л. 102 об. (стр. 52).

⁸ Там же, л. 68 об. — 69 (стр. 38).

Существует одна только догадка, высказанная Н. П. Поповым, автором цитированных выше двух статей об „Изборнике“ Святослава 1076 года. По предположению Н. П. Попова, „Слово некоего отца к сыну своему“ написано представителем белого духовенства из Киева. О том, что автор „Слова“ — киевлянин, свидетельствует его предложение хорошо относиться к монастырям, „суштным в горах“, под которыми следует разуметь не Афон или Олимп, а киевскую возвышенность, где были расположены Киево-Печерский и другие монастыри. По форме и стилю это „Слово“ напоминает „Стословец“ Геннадия, и автором их, следовательно, является одно лицо. Кто же, спрашивает Н. П. Попов, этот киевлянин, русский автор XI века, перу которого принадлежит и „Слово“ отца к сыну и „Стословец“ Геннадия? Н. П. Попов считает, что им мог быть только один человек, автор „Слова о законе и благодати“, митрополит русский Иларион, киевлянин, представитель белого духовенства (до поставления в митрополиты). Сыном, которому он посвящает свое „Слово“, мог быть один из бояр Ярослава. Брат, к которому обращается „Стословец“, также принадлежал к киевской высшей знати. Короткие и сильные рифмы, характерные для „Слова некоего отца“ и „Стословца“ Геннадия, встречаются также в „Слове о законе и благодати“; все эти сочинения объединены, кроме того, одной конструкцией фразы, расположением антитез; и тут и там встречается выражение „небесный Иерусалим“. Илариону Н. П. Попов приписывает также статью „св. Василия о благопохвалении“, которую он называет великолепным стихотворением в прозе. Несколько фраз из этой статьи действительно заимствовано у Василия, но здесь мы встречаемся с приемом, применявшимся уже в „Слове о законе и благодати“, где дается оригинальное развитие отдельных образов и выражений из священного писания. Н. П. Попов считает, что Илариону принадлежит также поучение „Како подобает человеку быти“, приписываемое святому Василию, и „Наказание Исихия, презвутера иерусалимского“. Наконец, позволительно приписать ему „Наказание попом“ (помеченное в „Изборнике“ именем Иоанна Златоуста) и некоторые отрывки из других произведений „Изборника“.¹

Н. П. Попов на основании некоторого (иногда довольно призрачного) сходства отдельных выражений, встречающихся в различных, отдаленных друг от друга по времени произведениях, склонен приписывать их одному автору. Но выражения эти могли быть ходячими и употребляться различными авторами. Их действительно мог пустить в литературный оборот Иларион, а затем они уже применялись другими писателями. Такое явление в литературной практике часто случалось и до Илариона, и после него.

Как будто сам себя опровергая, Н. П. Попов говорит, что давно уже в исследованиях, посвященных древнерусской литературе, принято говорить о школе митрополита Илариона, хотя вся эта школа была представлена одним только „Словом о законе и благодати“. Теперь же, говорит Н. П. Попов, чтобы говорить об этой школе, мы обладаем более обильным материалом, заключающимся в одном сборнике, древность которого придает ему исключительную ценность. Святослав, несомненно, объединял много писателей, вышедших из этой школы, которой его отец, стремясь к просвещению русского народа, оказывал свое покровительство.² Выходит, стало быть, что все перечисленные

¹ N. P o p o v. Les auteurs... стр. 214—219, 221—222.

² Там же, стр. 222.

выше произведения принадлежат уже не одному Илариону, а целой школе его последователей. Но и с этим едва ли можно согласиться, так как по характеру творчества Илариона и творчество авторов „Изборника“ 1076 года в корне противоречат друг другу. Знаменитое произведение Илариона пронизано жизнерадостным настроением писателя, оратора и государственного деятеля, создавшего свое произведение в период, когда еще не началось феодальное расчленение страны и когда классовые противоречия в обществе не достигли еще чрезмерной остроты. Авторы же „Изборника“ 1076 года писали под свежим впечатлением княжеских неурядиц и народных восстаний. Какая же тут может быть „общая школа“, даже при наличии некоторых отдельных сходных выражений?

Мы должны помириться с мыслью, что авторы многих включенных в „Изборник“ 1076 года оригинальных русских произведений XI века нам пока не известны. Возможно, что имена их были не известны и многим читателям-современникам, так как в ту пору писатели часто не подписывали свои произведения. Не забудем, что „Слово о законе и благодати“ также дошло до нас без подписи автора и только по некоторым весьма веским соображениям можно установить, что его написал Иларион.

Мы так подробно остановились на этом вопросе потому, что он имеет, на наш взгляд, большое принципиальное значение. Некоторые исследователи не могут представить себе, что в XI веке было много оригинальных русских писателей, имена которых до нас не дошли вследствие массовой гибели рукописей или из-за господствовавшего в то время обычая скрывать свое авторство. Эти исследователи стремятся все дошедшие до нас литературные произведения того времени приписывать немногим людям, имена которых случайно сохранились. Характерно, что, объединяя в одном лице Илариона и „великого“ Никона, М. Д. Приселков исходил, между прочим, из того соображения, что едва ли на Руси могли на протяжении нескольких десятилетий появиться два таких значительных деятеля.¹ А между тем, расцвет русской культуры в XI веке дает основание предполагать наличие и в это время многих русских писателей, живших и творивших одновременно.

К выводу о том, что уже в XI веке на Руси существовала разрабатанная традиция художественного (и добавим от себя—публицистического) творчества, пришел С. П. Обнорский, тщательно и кропотливо исследовавший памятники древнерусской литературы со стороны их языка. „Уровень русской культуры с ранней поры, на заре русской государственности, был очень высок,—пишет С. П. Обнорский.—Мы имеем много разнообразных свидетельств этого. И, конечно, с общим высоким уровнем культуры не могла не быть связана и достаточно сложившаяся культура русского слова уже в раннюю пору. Лучшее свидетельство этого—наличность в достаточно раннюю пору таких образцов произведений языка и художественного творчества, как «Слово Илариона» или сочинения Мономаха, или «Слово о полку Игореве» и др. Конечно, такие высочайшие образцы языка и творчества не могли бы получиться из ничего и вдруг, если бы до этого у нас уже

¹ „Едва ли древность наша была так богата людьми, подобными Илариону и Никону, чтобы нам пройти мимо такого сопоставления“ (М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, стр. 182).

не упрочилась своя традиция художественного слова, художественного творчества“.¹

Кто бы ни были авторы „Изборника“ 1076 года, для нас важен факт, что, возникнув в обстановке обостренных социальных отношений, „Изборник“ оказал большое влияние на дальнейшее развитие русской общественной мысли. Еще Ф. И. Буслаев отметил, что помещенные в „Изборнике“ поучения детям Ксенофонта и Федоры² являются „образцом“ и основой „Поучения“ Владимира Мономаха. Едва ли можно согласиться со столь категорическим утверждением, но Владимир Мономах несомненно хорошо был знаком с „Изборником“ 1076 года и, как увидим дальше, сходясь в некоторых своих взглядах с автором „Изборника“. На связь „Поучения“ Владимира Мономаха с „Изборником“ 1076 года указывали также А. Галахов, И. Порфирьев, С. Протопопов, И. Н. Жданов, Н. В. Шляков, И. М. Ивакин, Н. П. Попов.³ Ф. И. Буслаев считал „Изборник“ 1076 года также „первоначальным образцом“ „Златой цепи“, причем „расположение самых поучений по материям... указывает на ту же систему, которой пользовались составители книг, известных под именем «Пчелы»“.⁴ Огромное влияние оказал „Изборник“ 1076 года на „Измарагды“, в которых помещались „Слово-словец“ Геннадия, первая половина „Слова некоего отца к сыну“, „Слова“ Иоанна Златоуста и Менаандра Мудрого о женах и некоторые другие материалы из „Изборника“ 1076 года. Кое-какие отрывки из „Изборника“ 1076 года вошли в „Моление“ Даниила Заточника⁵ и в Кормчие. Исследователь этого вопроса А. С. Архангельский считает, что для „Измарагдов“ едва ли не древнейшим исходным прототипом был „Изборник“ 1076 года. По крайней мере, и в общем характере содержания и в подборе самих статей нельзя не видеть между первыми и последним довольно заметной близости. Во всяком случае, „Изборник“ 1076 года был одним из ближайших источников «Измарагдов», так как некоторые из статей оказываются не только одинаковыми, но и общими“.⁶ Что особенно важно, статьи „Измарагдов“, как и „Изборника“ 1076 года, посвящены преимущественно основной теме: „како крестьяном жити“.⁷ Уточняя наблюдения А. С. Архангельского, исследователь литературной истории „Измарагда“ В. А. Яковлев находит, что действительно по содержанию

¹ С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946, стр. 7.

² В статье „Ксенофонта еже глагола к сынома своим“ описывается, как Ксенофонт говорит детям перед смертью: „Аз, чаде, реку вама, челоучя жития отити хошту“. Федора перед смертью также призвала детей к себе, облобызала их и сказала: „[Сы]ну мои любьи, время съкончяния ми приспе“ (Сборник Святослава, лл. 109, 112, стр. 55—56).

³ Ф. И. Буслаев. Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков, стр. 300. — А. Галахов. История русской словесности, т. I, СПб., 1863, стр. 22. — И. Порфирьев. История русской словесности, ч. I. Изд. 6-е, Казань, 1897 (1-е изд. вышло в 1870 г.), стр. 417. — С. Протопопов. Поучение Владимира Мономаха, как памятник религиозно-нравственных воззрений и жизни на Руси в дотатарскую эпоху. ЖМНП, 1874, февраль, стр. 244—245. — И. Н. Жданов. Рецензия на сочинения А. С. Архангельского. Записки ИАН, СПб., 1892, Приложения, стр. 39. — Н. В. Шляков. О Поучении Владимира Мономаха. СПб., 1900, стр. 215—218. — И. М. Ивакин. Князь Владимир Мономах и его Поучение, ч. I. М., 1901, стр. 18, 20. — N. P. P. P. L'izbornik de 1076... стр. 21.

⁴ Ф. И. Буслаев, ук. соч., стр. 300.

⁵ О влиянии „Изборника“ 1076 года на „Моление“ Даниила Заточника см.: П. Миנדальев. Моление Даниила Заточника и связанные с ним памятники. Казань, 1914, стр. 239—240.

⁶ А. С. Архангельский, ук. соч., вып. I—II, стр. 61.

⁷ Там же, стр. 69, 70.

„Изборник“ 1076 года и „Измарагды“ — одного характера, но число общих статей в обоих сборниках незначительно, и сами статьи большей частью различной редакции. „Связь между обоими сборниками несомненна, — пишет В. А. Яковлев, — но от „Изборника“ до „Измарагда“ следует предполагать от XI по XIV век несколько переработок первого“.¹ Если это так, то значение „Изборника“ 1076 года для развития литературы и общественно-политической мысли древней Руси еще больше возрастает, поскольку „Изборник“ подвергался непрерывным переработкам в течение нескольких веков.

Ближайшим к „Изборнику“ 1076 года памятником русской общественной мысли является предисловие к Начальному своду, которое А. А. Шахматов датирует 1093—1095 годами.² Составленное в мрачные годы половецких нашествий и разорения основной массы населения, когда „люди смысленные“ жаловались алчному и ненасытному киевскому князю Святополку Изяславичу, что земля оскудела от „рати и продаж“, предисловие пытается дать ответ на основной вопрос, тревоживший все слои общества, на вопрос о том, где лежит причина постигших Русскую землю бедствий и неурядиц. Летописец видит эту причину в том, что современные ему князья отступили от политики, проводившейся первыми русскими князьями и их мужами. Новая политика началась еще при предшественнике Святополка, киевском князе Всеволоде Ярославиче, который на старости лет возлюбил „смысл уных“ и стал с ними, к негодованию своей „первой“, т. е. старшей дружины, творить совет. „И людем, — жалуется летописец, — не доходит княже правды, начаша ти унии грабити, людей продавати“, а старый князь, обремененный болезнями, об этом не знал.³

Этим новым порядкам автор предисловия Начального свода противопоставляет практику „древних князей“. Он вспоминает те времена, когда киевские князья покоряли чужие племена, жили с дружиной за счет собираемой с них дани, не обременяя своего населения поборами и повинностями. „Вас молю, стадо христово, — обращается он к своим читателям, — с любовью преклоните ушеса ваша разумно, како быша древнии князи и мужие их и како обарааху Русьския земля и иныя страны приимаху под ся. Ти бо князи не събирааху многа имения, ни творимыя вир, ни продажъ въскладааху на люди; нъ оже будяше правая вира, и ту възьма даяше дружине на оружие. А дружина его кормяхуса, воююще иныя страны и биющеся, а рькуще: братие! потянем по своем князи и по Русьской земли“.⁴

Далее автор говорит о достоинствах старой дружины, попутно разоблачая жадность, ненасытность, роскошный образ жизни новых правителей. При старых князьях мужи их „не жадааху, глаголюще: «мало ми есть, княже, дъву сът гривън». Они бо не въскладааху на своя жены златых обручь, нъ хождааху жены их в серебряных. И расплодили были землю Русьскую“.⁵ „Несытство“ современных автору предисловия властей привело к роковым для Русской земли последствиям: „За наше же несытство навел бог на ны поганья, а и

¹ В. А. Яковлев. К литературной истории древнерусских сборников. Одесса, 1893, стр. 30.

² А. А. Шахматов. Предисловие к Начальному Киевскому своду и Несторова летопись. Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук, т. XIII, кн. 1, СПб., 1908, стр. 218—226.

³ Повесть временных лет, т. 1, стр. 142.

⁴ А. А. Шахматов, ук. соч., стр. 265. Текст приведен в том виде, как его восстановил А. А. Шахматов.

⁵ Там же.

скоти наши, и села наша, и имения за теми суть; а мы злых своих дел не останем. Пишетъ бо ся: богатство, неправдою събираемо, извеется. И паки: събираеть и не вестъ, кому събираеть я. И паки: луче малое правдѣнику паче богатства грешныхъ многа“.¹ Выход из созданнаго положения автор предисловия видит в той же теории общественного примирения, которую так настойчиво за 17—20 лет до появления Начального свода проводил „Изборник“ Святослава 1076 года. „Да отъселе, братие моя възлюбленая, — предлагает автор предисловия, — останемъся от несытства своего; нѣ довольни будете уроки вашими, никому же насилия творяще, милостыней оцветуше и страннолюбимъ, в страсе божи и правоверии свое съпасение съдевающе, да и съде добре поживем и тамо вечней жизни причастьници будем“.²

Как видим, автор Начального свода не настолько наивен, чтобы призывать возвращаться к давно изжитым старым порядкам, практиковавшимся при „древних князьях“. Он понимает, что к старому возврата нет, что новые общественные отношения так властно внедрились в жизнь, что отменить их невозможно. Но он считает вполне возможным смягчить эти отношения, поставить запросы князей и их мужей в определенные рамки, прекратить излишества в поборах и повинностях („несытство“). Это ему кажется особенно необходимым ввиду нависшей над Русской землей опасности извне, со стороны половцев, которые пользовались в своих целях внутренними неурядицами на Руси.

Предисловие к Начальному своду, как и весь Начальный свод в целом, было пронизано тревогой за судьбы Русской земли, но автор предисловия вовсе не видит спасения в аскетизме и бегстве от жизни. Наоборот, для спасения Родины он предлагает вмешаться в жизнь и перестроить ее. Лишен аскетических черт и „Изборник“ 1076 года. Здесь нет призывов к излишнему воздержанию или к убиению плоти. Это дело монахов, уединившихся от жизни, но характерно, что автор „Изборника“ предлагает хорошо принимать попов и монахов, кормить их как следует, удовлетворять другие их потребности. В представлении авторов „Изборника“, дома их почтенных читателей представляют собой полную чашу. Призывая к скромности и умеренности, расчетливости и патриархальным отношениям, авторы „Изборника“ далеки от проповеди аскетизма. Все это является лишним доказательством того, насколько не оправданы идеалистические представления о связи „упадка общественного настроения“ во второй половине XI века с „греческим аскетизмом“.

Вслед за предисловием к Начальному своду с теорией общественного примирения выступает „Поучение“ Владимира Мономаха.

Поучение Владимира Мономаха дошло до нас в единственном списке Лаврентьевской летописи под 1096 годом.³ Впервые „Поучение“ издал (с помощью И. Н. Болтина) в 1793 году известный собиратель русских древностей А. И. Мусин-Пушкин,⁴ которому принадлежал древнейший список Лаврентьевской летописи. Уже первые издатели „Поучения“ по достоинству оценили огромное значение этого памятника для истории русской культуры. В „Предуведомлении“ к изданию памятника „Поучению“ придается не только большое научное, но и полити-

¹ А. А. Шахматов, ук. соч., стр. 265.

² Там же.

³ Повесть временных лет, т. 1, стр. 153—167.

⁴ Духовная великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха детям своим, названная в летописи суздальской „Поученье“. СПб., 1793.

ческое значение, поскольку „духовная“ была призвана опровергнуть распространенное в то время мнение о том, будто Киевскую Русь населял „народ дикой, препровождающий жизнь кочевую, без законов, без наук“. Наоборот, „духовная“ показывает, что „были в отечестве нашем в самых отдаленных временах премногие города в состоянии цветущем“; что „предки наши законами управлялись“; что „мы видим у праотцев наших нравоучение в самом совершенстве“; что „праотцы наши хотя не ездили толпами в чужие края для мнимого просвещения, однако не можно о них заключить, чтобы они языков иностранных не знали, а тем паче, чтоб на природном своем худо изъяснялись“ (едкий намек на господствовавшую в то время среди русского дворянства галломанию, — *И. Б.*);¹ что „великие наши князи, при всей их тогдашней пышности, были весьма хорошие хозяева“. Наконец, „Духовная“ сия показывает, что российские князи не только воевали порядочно, но с крайним соблюдением воинских правил“.² Впервые как исторический источник использовал „Поучение“ Н. М. Карамзин, и с тех пор оно прочно вошло в научный оборот, являясь предметом изучения историков и литературоведов.

„Поучение“ — сложный памятник. Уже А. И. Мусин-Пушкин отметил, что оно включает в себя самостоятельное, не связанное с другими частями „Поучения“, письмо к Олегу Святославичу.³ И. М. Ивакин насчитывает в „Поучении“ следующие части: собственно „Поучение“, письмо к Олегу Святославичу, молитву, гадальные выписки из Псалтыри, выписки из правил Василия Великого и неизвестно откуда взятое обращение к богородице, отрывок от слов „то есть человек“ до слов „да будет проклят“.⁴ В. М. Истрин делит „Поучение“ на четыре части: „Поучение“, небольшие выписки религиозно-нравственного содержания, письмо к Олегу, особая молитва.⁵ Примерно этой схеме придерживаются и другие исследователи.

Иначе смотрит на дело В. Л. Комарович, который считает, что незачем обеднять памятник и искусственно расчленять его на отдельные произведения. По мнению В. Л. Комаровича, за исключением письма к Олегу Святославичу, „все остальное вернее и проще рассматривать как единое и цельное произведение самого Владимира Мономаха... Одно с другим — традиционная дидактика с личной исповедью, автобиография с поучением — сплетено в его «грамотице» от начала и до конца с чисто авторской нерасчлененностью“.⁶

Независимо от их взаимной связи, для нас представляют интерес все части, объединенные в летописи общим названием „Поучение“,

¹ По свидетельству К. Ф. Калайдовича, это место „Предуведомления“ доставило А. И. Мусину-Пушкину много недоброжелателей. Спустя 20 лет после издания „Поучения“ (в декабре 1813 года) А. И. Мусин-Пушкин писал К. Ф. Калайдовичу, что, издавая „Поучение“, он имел единственную „цель показать отцев наших почтенные обычаи и нравы (кои модным французским воспитанием исказились)... Сии примечания причинили мне много неприятностей, и не одни французы (к сожалению) меня у Двора бранили“ (Записки и труды Общества истории и древностей российских, ч. II. М., 1824, отд. II, стр. 29).

² Духовная... стр. V—VI.

³ „Вероятно, что сие письмо писано было к Олегу в свое время и отнюдь не принадлежало к завещанию оному, но летописатель, имея и то и другое в руках, счел за одно сочинение и вместил оба в летопись свою под главу“ (там же, прим. 83 на стр. 50).

⁴ В. М. Ивакин, ук. соч., стр. 1.

⁵ И. М. Истрин. Очерк истории древнерусской литературы. Пгр., 1922, стр. 166.

⁶ История русской литературы, т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 289, 291.

так как в каждой из них рассеяны отдельные мысли, составляющие в совокупности стройную теорию классового примирения.

Особый интерес „Поучения“ заключается в том, что оно ориентируется на определенную читательскую аудиторию. Если „Изборник“ 1076 года обращался к людям богатым и знатным, которые „имеют дерзновение“ к властям, то „Поучение“ имело в виду непосредственно высших представителей власти, верхний слой господствующего феодального класса. Владимир Мономах сам был одним из сильнейших князей на Руси, с 1113 года до самой смерти (в 1125 году) занимал киевский стол, объединив под своей властью около трех четвертей территории государства. Сохранившиеся литературные произведения Владимира Мономаха представляют для нас особый интерес тем, что в них отразилась попытка Мономаха в качестве государственного деятеля провести на практике идею общественного примирения, которая лежала в основе „Изборника“ 1076 года и которую он сам развивал в наставлениях детям и последователям. Аудитория Владимира Мономаха гораздо уже того круга читателей, на который был рассчитан „Изборник“ 1076 года. Он не дает советов, „како жити крестьяном“, многим слоям общества. Зато трактуемые им вопросы разработаны шире и отделаны, так сказать, во всех гранях.

Рисуя идеального правителя, который несет ответственность за своих подданных и зависимых от него людей, Владимир Мономах, с соблюдением большого литературного такта и безо всякой назойливой нескромности, ставит в пример самого себя, показывая себя с разных сторон — и как „мужа“, творящего „мужское дело“, и как воина, совершающего многочисленные походы, и как весьма распорядительного и крупного политического деятеля, озабоченного судьбами своей страны, и как судьи, и как вотчинника-феодала, хозяина большого, поставленного на широкую ногу дома, и как отца семейства, и как верующего преданного церкви христианина... В этом отношении и собственно „Поучение“, и письмо к Олегу Святославичу, и выписки с молитвой представляют собой единый материал, пронизанный единым замыслом — дать властям наставление, как наилучшим образом, с наибольшей для себя пользой, спокойно и безопасно управлять своими подданными.

Этот замысел выполнен свежо, оригинально, с настоящим литературным блеском и талантом. Литературный талант Владимира Мономаха проявляется в том, что во всех его наставлениях чувствуется трепет подлинной жизни, что они проникнуты большой убежденностью, озарены мыслью, обогащены тонкими наблюдениями, украшены подлинным поэтическим настроением и лиричностью. Даже в краткие записи о своих „путях“ (походах) Владимир Мономах умеет вплести облеченные в образную художественную форму политические мысли и идеи. Рассказывая, как после восьмидневного боя он уступил Чернигов своему двоюродному брату Олегу Святославичу, Владимир Мономах пишет, как он пожалел христианские души, горящие села и монастыри и сказал себе: „не хвалитися поганым!“. И решив так, он уступил брату город его отца, а сам пошел в город своего отца Переяславль.

Давая драматическое описание охоты, Мономах делает вывод, что не надо полагаться на „посадников“ и на других членов княжеской администрации, а следует самим вникать во все дела — совсем не так, как было при отце Мономаха, Всеволоде Ярославиче, который на старости лет, занимая великокняжеский престол, предоставил полную свободу действий своей дружине, а они грабили и разоряли народ,

скрывая будто от него „княжью правду“. Мономах, каким он рисует себя в „Поучении“, всегда и во все вникал сам, начиная с важных государственных дел и кончая мелкими хозяйственными заботами. Описание охоты с ее опасностями понадобилось Владимиру Мономаху для того, чтобы укрепить своих детей в вере, научить их уповать во всем на бога и на промысел божий: „А иже от бога будет смерть, то ни отецъ, ни мати, ни братья не могутъ отъяти. Но аче добро есть ся блюсти себя, божие блюденье леплее есть человеческого“.¹

Священное писание и сочинения отцов церкви, из которых приводятся цитаты, доводы разума, богатейший жизненный опыт, отрывки молитв — все это привлекается для того, чтобы придать основной идее „Поучения“ наибольшую авторитетность и убедительность.

Попытки связать „Поучение“ Мономаха с определенными литературными образцами² искусственны и неубедительны. Самый жанр „Поучения“ к детям в XI веке был уже достаточно разработан, а содержание, вложенное Мономахом в эту устоявшуюся форму, неразрывно связано с определенной общественной обстановкой, с фактами его исторической биографии.

Для „Поучения“ Владимира Мономаха характерна исключительная его конкретность. В нем не встречается никакого отвлеченного, не связанного с условиями современной жизни, морализирования. О чем бы ни писал Мономах — о войне, охоте, суде, хозяйстве и пр., он всегда имеет в виду реальные отношения подлинной жизни.

Не касаясь здесь богато отраженного в „Поучении“ политического идеала Владимира Мономаха, сводящегося к тому, что князья должны владеть каждый своей отчиной, не вступаться в чужие пределы, подчиняться старейшему князю и свято соблюдать свои обязательства, — мы еще раз должны подчеркнуть, что в основе социальных взглядов Владимира Мономаха лежит та же теория общественного примирения, которая подробно разработана в „Изборнике“ Святослава 1076 года. Появление „Изборника“ не было ответом на восстание 1068 года и восстание смердов 1070-х годов; „Поучение“ Владимира Мономаха было связано с киевским восстанием 1113 года.³ Оба эти памятника разрабатывали теорию общественного примирения, осуществление которого должно было, по мысли ее авторов, обезопасить господствующий класс

¹ История русской литературы, т. I, стр. 151.

² М. П. Алексеев. Англо-саксонская параллель к Поучению Владимира Мономаха. Труды ОДРА, т. II, 1935. Последняя попытка найти „образец“ для „Поучения“ Владимира Мономаха принадлежит В. В. Данилову (В. В. Данилов. „Октавий“ Минуция Феликса и „Поучение“ Владимира Мономаха. Труды ОДРА, т. V, 1947, стр. 97—107).

³ Судя по началу „Поучения“, оно во всяком случае написано после княжеского съезда в Любече, состоявшегося в 1097 году.

О дате написания „Поучения“ в литературе существуют большие разногласия, однако ни один исследователь не относит ее ко времени ранее 1097 года. Наиболее правильным, на мой взгляд, является мнение В. А. Комаровича, считающего, что „Поучение“ написано под Минском в великий пост 1117 года, т. е. во время похода на минского князя Глеба, замыкающего список всех прочих походов Мономаха. В пользу этой даты мы можем добавить то соображение, что на 1117 год падают и *terminus post quem* и *terminus ante quem* написания „Поучения“. Оно было составлено не раньше 1117 года, поскольку в нем упоминаются походы на Глеба Минского и Ярослава Святополковича. Оно было написано и не позднее 1117 года, ибо, рассказывая о своем походе совместно с Олегом Святославичем в Чехию, Мономах добавляет, что тогда же „и детя ся роди старейшее Новгородское“. Между тем, старший сын Мономаха, Мстислав Владимирович, был князем в Новгороде с 1095 по 1117 год, когда отец перевел его поближе к себе, в Белгород. После этого Мономах едва ли стал бы его называть Новгородским.

от повторения революционных взрывов. Что же для этого, по мнению идеологов господствующего класса, следовало предпринять?

„Начаток всякому добру“, по Владимиру Мономаху, это страх божий и милостыня. Это первое наставление, которое он обращает к своим детям. И тут же, в начале своего „Поучения“, Владимир Мономах рассказывает о том, как встретили его в пути на Волге посланцы его двоюродных братьев и предложили ему сообща выгнать Ростиславичей и овладеть их волостью. Мономаху взгрустнулось от того, что люди неверны своим обязательствам, и взял он в печали Псалтырь, разогнул и выписал по порядку встретившиеся ему изречения. Он предлагает их вниманию своих детей, особенно те изречения, которые он выписал первыми. Это — упование на бога, терпение, кротость, довольство своей участью и беззлобие: „уповай на бога, яко исповемся ему“; „не ревнуй лукавнующим, ни завиди творящим безаконье, зане лукавнующии потребятся, терпящий же господя, — ти обладають землю“; „кротци же наследят землю, наслаждаться на множестве мира“; „луче есть праведнику малое, паче богатства грешных многа“ и т. д. Развивая эту тему, Владимир Мономах приводит следующее место из приписываемого Василию Великому „Поучения“: „Лишаем — не мсти, ненавидим — любя, гоним — терпя, хулим — моли, умертви грех“.

Мономах призывает в основу человеческих отношений положить терпение и всепрощение. „Мы, человеци, грешни суще и смертни, — пишет он, — то еже ны зло створить, то хоцем ѿ пожрети и кровь его прольяти вскоре, а господь наш, владея и животом и смертью, согрешенья наша выше главы нашея терпять“. В письме к Олегу Святославичу, призывая к прекращению кровопролития и к дружбе, он приводит цитату из послания апостола Иоанна: „Молвить бо иже: бога люблю, а брата своего не люблю — ложь есть“.

Обладающие „малым“ должны утешаться мыслью, что их добродетели — „паче богатства грешных многа“. Те же, кто обладает многим богатством, должны перестать быть „грешными“, иначе не получат никакой „братней любви“, никакого всепрощения и примирения. Владимир Мономах считает, что задача эта легко осуществима. Для этого не надо, говорит Мономах, ни уединяться от мира, ни предаваться подвигам аскетизма. „Улучить“ милость божью, победить и уничтожить врага можно тремя добрыми делами: покаянием, слезами и милостыней.¹

Для установления классового мира Владимир Мономах не требует больших жертв от господствующих верхов. Ему кажется, что можно добиться цели самыми незначительными усилиями — милостыней и мелкими подачками: „Всего же паче убогих не забывайте, но елико мogueще по силе кормите и придавайте сироте“; или: „Куда же поидите, идеже станете, напоите, накормите убога и странна“.² Однако центр тяжести социальных наставлений Владимира Мономаха лежит в другом.

¹ Владимир Мономах гораздо лаконичнее передает эти мысли, но смысл их именно таков: „Тремя делы добрыми [можно] избыти его (врага, — *И. Б.*) и победити его: покаяньем, слезами и милостынею. . . не бо суть тяжка; ни одиночество, ни чернечество, ни голод, яко инии добрии терпят, но малым делом уллучити милость божью“. Отклоняя для знатных людей монашество как путь к спасению, Владимир Мономах в то же время призывает своих детей чтить духовенство: „Епископы и попы и игумены — с любовью взимайте от них благословенье и не устранияйтесь от них и по силе любите и набдите“ (Повесть временных лет, т. 1, стр. 157).

² Так поправляет это место И. М. Ивакин (ук. соч., стр. 41, 133—134), в рукописи: „уне ина“.

Обращая свое „Поучение“ к владельцам, держащим в своих руках судьбы населения, он настоятельно советует им, во-первых, не применять в управлении крайних средств, а во-вторых, не отгораживать себя от подданных тиунами и прочей администрацией, а стать в непосредственные отношения с массой населения. Пронизывая собой все „Поучение“, эти мысли являются наиболее оригинальной и тщательно разработанной частью политического завещания Владимира Мономаха.

Владимир Мономах благоговеет перед памятью своего отца Всеволода Ярославича. Он нередко ставит его в пример и умиляется по поводу того, что тот, не покидая дома, изучил пять языков. И все же в дошедшей до нас редакции „Повести временных лет“, переделанной по заказу Мономаха, в некрологе Всеволода Ярославича сохранились упреки по адресу старого князя, который перепоручил дела управления своей дружине, грабившей и разорявшей население. Как и „люди смысленные“ из старой дружины, оттесненной при Всеволоде Ярославиче на второй план, Владимир Мономах видит в этих порядках основной порок своего времени. Он наивно противопоставляет князя господствующему классу и всему аппарату управления, внушая своим детям самим творить суд и защищать „сирот и вдов“ от „сильных“ людей. „Избавите обидима, — говорит он словами пророка Исаи, — судите сироте, оправдайте вдовицу“; „Вдовицу оправдате сами, — пишет он в другом месте, — а не вдавайте сильным погубити человека“. ¹ Мономах ставит себе в великую заслугу, что, как он сам уверяет, он не дал сильным обидеть худого смерда и убогой вдовицы.

Далее, Владимир Мономах советует своим детям избыть всякую крайность и жестокость, которые могут озлобить население. С этой точки зрения он высказывается, например, против смертной казни: „Ни права, ни крива не убивайте, ни повелевайте убити его; аще будет повинен смерти, а душа не погубляйте никакая же хрестьяны“. ² Но тот же Владимир Мономах, не задумываясь, велел изрубить попавшего к нему в плен половецкого хана Бельдюзя: это не грозило ему никакими внутривполитическими осложнениями. Он настороженно следит за тем, чтобы население не проклиняло своих правителей, — опасения, не лишние в его тревожное время. Разрабатывая воинские правила, Владимир Мономах особенно предостерегает против нанесения в походах ущерба населению: „Куда же ходяще путем по своим землям, не дайте пакости деяти отроком — ни своим, ни чюжим, ни в селех, ни в житех, да не кляти вас начнуть“. ³

Итак, князь должен взять на себя все тяготы управления; он должен стать для своих подданных отцом, оградить их от произвола „тиунов“ и „отроков“. Но в таком случае на его плечи ложатся многочисленные обязанности, а это в свою очередь должно резко повлиять на весь образ его жизни. Нет больше места для роскоши и неги, нет больше средостения между князем и народом. Патриархальные отношения и непрестанная деятельность должны придти на смену роскоши и безделью. На всем протяжении „Поучения“ Владимир Мономах призывает детей своих не лениться, а трудиться; трудиться ночью и днем, в жару и в холод; трудиться и самому вникать во все дела — начиная с государственного управления и расстановки военных постов в походе и кончая ловчим нарядом, церковным нарядом и приготовлением обеда

¹ Повесть временных лет, т. I, стр. 155, 157.

² Там же, стр. 157.

³ Там же, стр. 157—158.

для гостей. Самое перечисление совершенных Владимиром Мономахом „путей“ является как бы примером того, каким непрерывным трудом должна быть наполнена жизнь князя.

Мы видели уже, как автор летописного свода 1093—1095 годов негодует по поводу того, что новые дружинники возлюбили роскошный образ жизни, украшая жен своих золотыми обручами. Он страстно призывает отказаться от „несытства“ и вернуться к старым патриархальным нравам. Еще до этого такие призывы раздавались со страниц „Изборника“ Святослава 1076 года. „Простейшааго во всемь ишти, — говорится в „Наказании богатым“, — и в бращье, и в одежде“.¹ Богач не должен возвышаться над зависимыми от него людьми: „Не буди яко лъв в дому своемь и величаяся в рабех своих“.² В „Слове святого Василия, како подобаеть человеку быти“ дается наставление: „с тчьными (т. е. с равными, — *И. Б.*) любовь имети, с мьньшими любовьное съвещание“.³

Эта же тенденция проходит через все „Поучение“ Владимира Мономаха. Он повторяет совет Василия Великого „с точными и меньшими любовь имети“ и наказывает детям: „паче же всего гордости не имейте в сердци и в уме“. Сохранилось известие, что Мономах любил даже щеголять своей приверженностью к простоте. „Что подобаеть глаголати к такому князю, — пишет ему, например, в своем послании митрополит Никифор, — иже боле на земли спит и дому бегаеть, и светлы ношение порт отгонити, и по лесом ходя сиротину носить одежду, и по нужи в град въходя, власти деля, в властительскую ризу облачиться? И о вкушении такоже, иже в бращне и питии бываеть“.⁴

Со всех страниц „Поучения“ веет духом умеренного реформаторства. Как и авторы „Изборника“ Святослава 1076 года, Владимир Мономах, конечно, весьма далек от мысли круто изменить отношения между людьми. Он за полное сохранение существующей системы эксплуатации одного класса другим и стоит лишь за то, чтобы сгладить остроту этой эксплуатации, не доводить ее до ясно осязаемого гнета, придать ей характер добрых, патриархальных отношений, при которых управляющие и господствующие „заботятся“ об управляемых и не дают их в обиду, а управляемые видят в своих господах надежную защиту. Очевидно, этим принципом Владимир Мономах пытался в известной степени руководствоваться и в своей государственной деятельности. Именно духом умеренного реформаторства отличается включенный в Пространную Правду Русскую „Устав Володимерь Всеволодовича“, выработанный Владимиром Мономахом после того, как он стал великим князем киевским.

На великокняжеский стол Владимир Мономах сел в связи с крупным восстанием, разразившимся в Киеве в 1113 году. Поводом к восстанию послужила смерть киевского князя Святополка Изяславича. Жадный, скупой и мрачный, крайне непопулярный в народе, Святополк зато вел большую дружбу с киевскими ростовщиками. Он их всячески поддерживал, давал льготы, помогал грабить и порабощать городскую и сельскую бедноту. Как только Святополк умер, киевляне, поддержанные крестьянами окрестных деревень, поднялись против своих угнетателей. Они разгромили двор верного слуги Святополка Киевского тысяцкого Путяты и стали громить дворы других представите-

¹ Сборник Святослава, л. 30 об. (стр. 23).

² Там же, л. 134 об. (стр. 65).

³ Там же, л. 102 (стр. 52).

⁴ Русские достопамятности, ч. I. М., 1815, стр. 68—69.

лей власти и ростовщиков. Имущие классы оказались застигнутыми врасплох. Тогда они решили призвать на киевское княжение Владимира Мономаха, хотя по установленному на Любечском съезде порядку он не имел права на Киев, считавшийся „отчиной“ Изяславичей. После степных походов против половцев, инициатором, организатором и руководителем которых фактически был Владимир Мономах, он пользовался большой популярностью. Весьма возможно, что эта популярность поддерживалась еще той умеренностью в способах управления, которой он, вероятно, отличался, будучи князем в Переяславле (точных данных об этом у нас нет). Так или иначе, но популярность Владимира Мономаха давала господствующему классу надежду, что он сумеет покончить с грозным восстанием. Киевские верхи послали сказать ему: „Аще ли не поидеши, то веси, яко много зло уздвигнется“: грабежи расширятся, восставшие разгромят дворы „ятрови“ (имеется в виду вдова Святополка), бояр и монастырей, и он, Мономах, будет за это отвечать.¹ Владимир Мономах принял приглашение и, явившись в Киев, усмирив восстание („мятежь улеже“). Он, однако, понимал, что одними крутыми мерами нельзя водворить спокойствие, и решил одновременно смягчить положение эксплуатируемого населения, попавшего в безвыходную кабалу. Так возник „Устав“ Владимира Мономаха, выработанный им совместно с виднейшими дружинниками — тысяцкими Киева, Белгорода и Переяславля и некоторыми другими, а также с представителями князя черниговского Олега Святославича. Прежде всего, „Устав“ значительно облегчил положение должников: кто взял деньги в долг из 50% годовых, должен был платить проценты только два года; если кто-нибудь уплатил уже проценты за три года, то освобождался от всего долга („а же кто возьмет два реза, то то ему взяти исто, паки ли возьмет три резы, то исть ему не взяти“ — ст. 53 Пространной Правды).

Особый раздел в „Уставе“ Владимира Мономаха посвящен закупам. Из статей этого раздела видно, в каком тяжелом и бесправном положении находилась эта категория феодально зависимых людей. Закуп — это не холоп, не раб и даже не крепостной в позднейшем значении этого термина. Формально закуп — свободный человек, попавший во временную феодальную зависимость к господину. Предполагалось, что если закуп, отработав известный срок у господина, вернет ему полученную при установлении его зависимости определенную сумму денег, то он может от господина уйти. На деле же закуп находился в чрезвычайно тяжелой зависимости от господина, который в сущности рассматривал его как раба и обходился с ним, как с рабом. Характерно, что и „Устав“ Владимира Мономаха, всячески декларируя свое доброе и справедливое отношение к закупам, в правовом отношении мало чем отличает их от рабов. Ст. 66 Пространной Правды, замыкающая „Устав“ Владимира Мономаха,² запрещает холопу выступать послухом (свидетелем) на суде, но в то же время привлекать свидетелем закупа разрешает только „в мале тяже по нужи“, т. е. в случае крайней необходимости и то лишь по мелким делам. Закон предусматривал (и этот порядок был также подтвержден „Уставом“ Владимира Мономаха), что закуп за побег от господина превращался в раба. На этой почве, видимо, было много злоупотреблений, ибо любую отлучку закупа госпо-

¹ Повесть временных лет, т. I, стр. 196.

² О границах „Устава“ Владимира Мономаха см.: М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде. М.—Л., 1941, стр. 206 и 208.

дин мог объявить побегом и поработить закупа. Согласно ст. 64 Пространной Правды, если закуп совершит кражу, то отвечает за него господин, но в этом случае закуп опять-таки превращается в раба. Но на практике господин поработал закупа без всяких поводов и законных оснований. По крайней мере, ст. 61 Пространной Правды предусматривает, как обычное явление, продажу господином закупа в рабство („продасть ли господин закупа обель“). Правда, в этом случае „Устав“ Владимира Мономаха предусматривает освобождение закупа от всего числящегося за ним долга („свобода во всех кунах“) и штраф от господина „за обиду“. Однако статья эта явно преследует цель успокоить разбушевавшиеся страсти и создать видимость защиты интересов поработенного населения, а непреложным остается факт, что закупы продавались и покупались, как рабы. Запрещая под угрозой штрафа продажу закупа в рабство, „Устав“ Владимира Мономаха пытается также пресечь произвол господина в случае отлучки закупа. Подтверждая превращение закупа в раба в случае его бегства от господина, „Устав“ в то же время предусматривает ряд случаев, когда отлучка закупа не ведет за собой рабства. Если закуп уходит открыто, с ведома властей („явлено“) „искати кун“, т. е., очевидно, раздобыть денег, чтобы избавиться от зависимого состояния, или же к князю и судьям для подачи жалобы на своего господина, то в таком случае „не роботать его, но дати ему правду“.

Мы видим, таким образом, что „Устав“ Владимира Мономаха не покушается на основу феодальных отношений, но он стремится, хотя бы декларативно, оградить феодально зависимых людей от полного порабощения. Здесь уместно вспомнить одно из вышеприведенных наставлений „Изборника“ 1076 года: „Раба разумива да любить душа твоя и не лиши его свободы“.¹

Остальные статьи раздела о закупках „Устава“ Владимира Мономаха также рисуют тяжелое положение попавших в феодальную зависимость людей. Господин может его „переобидеть“, изменить условия зависимости, увеличить числящийся за ним долг и размеры поступающих с него оброков, отнять предоставленный ему в пользование отдельный участок, переуступить его другому хозяину, бить „про дело“ и „без вины“. Поскольку, как это вскрыл в своих трудах Б. Д. Греков, „Устав“ Владимира Мономаха возник в результате восстания масс, он осуждает излишнюю грубость и „обиды“ со стороны господина. В частности, „Устав“ определяет, что господин может побить закупа „про дело“, но отнюдь не спьяну и „без вины“. И здесь уместно вспомнить „Изборник“ 1076 года, наставлявший своих зажиточных читателей не быть, „яко лъв в дому своемъ и величаяся в рабех своих“.²

Феодально зависимый человек — более производительный и более инициативный работник, чем холоп. Выступая против порабощения закупа отдельными феодалами и проводя здесь ту же линию, какую поддерживала христианская литература, „Устав“ Владимира Мономаха соблюдал интересы всего класса в целом. В то же время „Устав“ целиком становится на защиту господина там, где речь идет о феодальной эксплуатации закупа и о защите имущественных интересов господина. Об этом свидетельствуют статьи 57 и 58 Пространной Правды, входящие в „Устав“ Владимира Мономаха. Эти статьи точно определяют, в каких случаях ролейный закуп, т. е. закуп, занятый в сельском

¹ Сборник Святослава, л. 159 (стр. 75).

² Там же, л. 134 об. (стр. 65).

хозяйстве, отвечает за гибель коня господина и за порчу его имущества и в каких случаях он освобождается от ответственности. Вынужденный соблюдать элементарную справедливость (поскольку „Устав“ должен был успокоить возбужденное состояние умов), законодатель освобождал закупа от ответственности, если господский конь погиб в то время, когда закуп работал им на своего господина, или если конь погиб в отсутствие закупа, посланного господином на другое дело („аже ли господин его отслеть на свое орудье“), наконец, если конь украден из хозяйского хлева. Во всех этих случаях предполагается, что закуп добросовестно выполнял свои обязанности,¹ и к нему вполне применимы слова „Изборника“ 1076 года: „Не озлоби раба, делаюшта въ истину, ни наймника,² делаюшта душею своею“.³

Совсем другое дело, если закуп окажется нерадивым работником. „Устав“, всячески подчеркивающий свое благожелательное отношение к за купу, тут всецело становится на сторону хозяина. Если конь украден в поле потому, что закуп не привел его во двор и не запер в хлеве, то закуп должен выплатить господину стоимость коня. Закуп возмещает также стоимость коня и в том случае, если господский конь погибнет, когда закуп работает им на себя. Точно таким же образом закуп уплачивает хозяину стоимость плуга и бороны, если он работал ими на себя и испортил их.

Итак, к за купу (и к другому феодально зависимому человеку) следует хорошо относиться, не озлоблять его, не поработать, но зато и закуп должен радеть своему господину, работать на него со всей добросовестностью, „въ истину“, „с душею“ — такова общая тенденция, которая объединяет и „Изборник“ 1076 года, и „Поучение“ Владимира Мономаха, и включенный в Пространную Правду его „Устав“.

Эта тенденция, как уже отмечалось, переходит в многочисленные нравоучительные сборники древней Руси и на протяжении долгих веков выставляется духовенством и другими идеологами господствующего класса как средство предотвращения социальных конфликтов. Очевидно, такая мораль, заключавшая в себе призыв к смирению, страху божию и классовому примирению, находила поддержку среди представителей господствующего класса. По крайней мере после „Изборника“ Святослава 1076 года и „Поучения“ Владимира Мономаха сборники с „душеполезными“ наставлениями стали появляться во множестве, и все они, пополненные любопытными вариациями, в общем перепевали знакомые уже нам мотивы.

Вот, например, пергаменный сборник „Златая чепь“ XIV века, много статей которого, по всей видимости, составлено еще до нашествия татар, т. е. не позднее начала 30-х годов XIII века. Сборник отражает идеологию феодалов периода феодальной раздробленности и пронизан моралью верного вассала. В „Слове о князех“, например, предписывается покоряться князю земли своей, служить ему головой и мечом и ни в коем случае не отъезжать к другому князю. В другом Слове говорится о том, что в походе надо ехать с другими храбрцами впереди князя, чтобы добыть себе и роду своему доброе имя и честь. Ничего нет лучше, говорится дальше, как умереть на глазах своего князя.

¹ См.: Б. Д. Греков. 1) Киевская Русь, стр. 197—198; 2) Крестьяне на Руси. М.—Л., 1946, стр. 177—178.

² Под „наемником“ и следует понимать человека, попавшего в феодальную зависимость (см.: Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 194—196).

³ Сборник Святослава, л. 159 (стр. 75).

Но воин и вассал еще также — феодал и хозяин, обладающий холопами и зависимыми людьми. О них „Златая чепь“ говорит особенно подробно, повторяя в общем то, чему наставляют авторы „Изборника“ 1076 года и Владимир Мономах. „Сирот домашних не обидите, — говорится в „Слове о посте“, — но паче милуйте, голодом не морите, ни наготово; то бо суть домашнии твои убозии: убогий бо инде себе испросит, а си в твоей руже токмо з...ть“ (неразборчиво). „Чада моя милая! — говорится в другом поучении („Слово о челяди“). — Еще вы глаголю: челядь свою кормите якоже досыти им, одевайте, обувайте. Аще ли не кормите, ни обуваете, а холопа твоего убьют у татбы или рабу, то за кровь его тоби отвещати“.¹ С другой стороны, и „рабы“ должны работать на своего господина изо всех сил: „И се ми слово еще к рабом: да и вы убо, добрыя слуги, на все взирайте яко не човеку работайте, но богу самому“.²

На обязанности феодала — хозяина своей вотчины и господина своих слуг — лежит еще воспитать своих людей в духе смирения, покорности и безоговорочной службы господину, „как богу самому“: „Также набдите сироты своя во всем, и учите я на крещение и на покаяние и на весь закон божий. Ты бо еси яко и апостол дому своему, кажи грозю и ласкою“.³ Если не помогает „ласка“, то вступает в силу „гроза“. По аналогии с тем, как „Устав“ Владимира Мономаха разрешает бить закупа „про дело“, наш сборник среди других средств воспитательного воздействия предлагает крепкие „раны“ лозой: „Аще ли тебе не послушают ни мало, то лозы нань не щадя... до 4 или 6 ран, или за 12 ран. Аще ли раб и рабыни не слушает и по твоей воли не ходити, то загода лозы нань не щадити до 6 раз и до 12. Аще ли велика вина, то и 20 ран. Аще ли велми велика вина, то 30 ран лозою, а боле 30 ран не велим“.⁴ Очень выразительно звучит конец этого наставления, сочетающий патриархальную „заботу“ о зависимых людях с крайней жестокостью и мерами физического воздействия: „Да аще тако кажете я (т. е. если будете придерживаться этих норм наказания, — *И. Б.*) и добре одеваеши и кормиши, то благ дар примеси от бога“.⁵

Сборников было так много, что уже очень рано из них начали составлять выборки различных наставлений о примерной жизни, причем все эти выборки предназначались для зажиточных хозяев, имевших в своем распоряжении зависимых людей. Вот одна из таких выборок — „Поучение правыя веры душеполезное“. „Придите, братие и сестры, — говорится в начале „Поучения“, — придите, малии и велиции, придите, попове и учителя правыя веры! Придите и излашайте не пустошных басней, но правыя веры учения“. И затем излагаются основы „правой веры“: „Се суть душевная дела добрая: кротость, смирение, послушание, доброучение, покорение, легкосердьє, безъгневьє, милость, любовь,

¹ Ф. И. Буслаев, ук. соч., стр. 480.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Памятники древней русской словесности. „Москвитянин“, 1851, № 6 (март, кн. 2), стр. 121, 124—125, 127—128, 133. „Слово о князех“ напечатано также в „Исторической христоматии церковно-славянского и древне-русского языков“ Ф. И. Буслаева, стлб. 477—479, „Слово о челяди“ — стлб. 480, „Слово о храборьстве“ — стлб. 482—483. Ф. И. Буслаев считает, что эти Слова (как и ряд других, помещенных в сборнике) — „русского происхождения, принадлежат к лучшим памятникам нашей литературы XII—XIV в., любопытны по намекам на тогдашний быт, отличаются изящной простотою и безыскусственностью“ (там же, стлб. 504—505).

немногоглаголанье, покаяние и прочая; поклон, пост, милостыня, молитва, въздержанье от похоти плотская, неленость, бодрость, неспание, не на мякце леганье, корьмя несладка, одежда не хупава (не изысканная), храми не красни¹.

Очень любопытна некоторыми чертами другая выборка — „Слово святых отец, како жити крестьяном“.² Основные положения „Слова“ сводятся к тому, что следует почитать бога и духовенство, иметь приязнь к князьям и не помышлять на них зла, почитать родителей, помогать бедным, избегать блуда, сквернослова, пьянства и т. д. Это общеморальные назидания, но мы тут же встречаем знакомые уже нам наставления, перекликающиеся с „Изборником“ Святослава 1076 года и „Поучением“ Владимира Мономаха. „Давайте убо взаим, но не отячайте лихвою, — наставляет „Слово святых отец“. — По шести резан на гривну емлите — да не будете осужени резоимства ради“.³ Это напоминает конец первой статьи „Устава“ Владимира Мономаха, ограничивающей жадность ростовщиков: „Аже кто емлеть по 10 кун от лета на гривну (это составляет 20% годовых, — И. Б.), то того не отметати“ (ст. 53 Пространной Правды).

В „Слове святых отец“ есть еще один очень интересный момент, показывающий, до какой степени отчаяния доходили люди, подавленные жестоким гнетом феодальной эксплуатации: „Душегубства же различна суть: не едино то, еже убити человека, но и се, еже не по вине челядь казнити, и не по силе делом или наготою и голодом, или должника резы насилувати, они же ли удавятся, или потопятся, или в поганья забегат“.⁴ Нет сомнения в том, что люди, с отчаяния кончавшие самоубийством и тем самым, по понятиям того времени, лишавшие себя „царствия небесного“, или же применявшие такие пассивные средства борьбы, как бегство к „поганым“, — не останавливались при благоприятных условиях и перед активными формами борьбы в виде восстаний. Этому больше всего опасались те духовные писатели, которые с такой настойчивостью проповедовали теорию общественного примирения.

Беспрекословную дисциплину и верность господину они ставили выше всего. „Слово некоего христолюбца и наказание отца духовна“ рассматривает „послушание и покорение“ как „добродетель всех добродетелей вышши“. От этой добродетели рождается „любовь“, т. е. всеобщее согласие и гармония общественных интересов.⁵

В конечном счете эта усиленная идеологическая пропаганда не могла ни вносить успокоения в среду жестоко эксплуатируемого феодалами зависимого и закрепощаемого населения, ни приучать богатых к мысли о необходимости отказаться от „несытства“. Однако в течение многих веков идеи общественного примирения, проповедовавшиеся

¹ Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. 3, СПб., 1897, стр. 23—24; см. также: Ф. И. Буслеев, ук. соч., стлб. 483—484.

² Впервые это „Слово“ было издано И. Куприяновым в ЖМНП, 1854, октябрь—декабрь, стр. 184—190. И. Куприянов признавал „Слово“ русским сочинением, написанным не позднее XIII века. По другому списку „Слово“ напечатано в „Православном собеседнике“, 1859, январь стр. 132—146.

³ Православный собеседник, 1859, январь, стр. 141.

⁴ Там же, стр. 142. — ЖМНП, 1854, октябрь—декабрь, стр. 189.

⁵ Н. К. Никольский. Материалы для истории древнерусской духовной письменности. Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук, 1903, т. VIII, кн. 1, стр. 216—217. „Слово“ извлечено из рукописи, принадлежавшей Ярославскому архиерейскому дому, XVI века, но, судя по древним выражениям и оборотам речи, — значительно старше этого времени (там же, стр. 212).

главным образом духовенством, играли реакционную роль. В угоду интересам господствующих классов они затушевывали и приглушали классовые противоречия, затуманивали сознание трудящихся, лишали их воли к борьбе и сопротивлению. „Того, кто всю жизнь работает и нуждается, — пишет В. И. Ленин, — религия учит смирению и терпению в земной жизни, утешая надеждой на небесную награду. А тех, кто живет чужим трудом, религия учит благотворительности в земной жизни, предлагая им очень дешевое оправдание для всего их эксплуататорского существования и продавая по сходной цене билеты на небесное благополучие“.¹

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 10, стр. 65—66.

Д. С. ЛИХАЧЕВ

Некоторые вопросы идеологии феодалов в литературе XI—XIII веков

Идеология феодалов XI—XIII веков в литературе изучена мало. Между тем, она представляет существенный интерес, помогая уяснить основные историко-литературные явления раннего и развитого феодализма первого этапа феодальной раздробленности (до татаро-монгольского нашествия). Феодализм этого периода представлял собою относительно прогрессивное явление, давая выход для развития производительных сил и борясь с остатками старого, отживающего общинно-патриархального строя.

Феодальная идеология обосновывает право собственности феодалов на землю и исходит из представления об этой собственности: 1) она защищает сословность владения землей и право „наделять“ этой землей крестьян; 2) классовые представления о земельной собственности сказываются в ее идеях защиты Русской земли; 3) она обосновывает единство всего феодального класса и братство князей как верховных собственников всей Русской земли в целом.

Предлагаемые ниже вниманию читателей три раздела посвящены именно этим трем темам идеологии феодалов.

К. Маркс и Ф. Энгельс в „Немецкой идеологии“ говорят о „иерархической структуре земельной собственности“ при феодализме.¹ При этой иерархической структуре земельной собственности вся земля в основном принадлежала классу землевладельцев-эксплуататоров, но крестьянам предоставлялись участки, которые они обрабатывали и к которым они были прикреплены. Феодальная собственность на землю была сословной — только феодалы имели право владеть землей. Как сословная собственность она ограничена, и в этом ее отличие от буржуазной собственности. При всем том эта феодальная форма собственности на землю представляет дальнейший шаг вперед в развитии собственности на землю сравнительно с коллективной общинно-патриархальной формой, давая выход для развития производительных сил, для индивидуальной инициативы. Историки отмечают несколько форм перехода от общинного землевладения к более высокому, феодальному. Прежде всего постепенно разлагалась сама община. Закон всех антагонистических обществ заключается в том, что „распределение собственности делается в нем все более неравномерным, противоположность между богатством и бедностью становится все резче, и собственность все

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Сочинения, т. IV, Партиздат, 1937, стр. 14.

более концентрируется в немногих руках".¹ В недрах общины выделяются крупные собственники и неимущие люди-рядовичи, закупы, изгои, которые ищут работы и защиты у крупных землевладельцев вне общины. Общинники-земледельцы со временем превращаются в феодально зависимое население путем постепенного втягивания их в систему крупных доменных владений, возникших на основе разлагающейся сельской общины.

Крупные феодальные владения создавались разными путями: на землю садились княжеские дружинники, а, с другой стороны, крупные землевладельцы выдвигались из числа местных землевладельцев. Обе категории землевладельцев входили в состав княжеского вассалитета. И те и другие занимали пустоши и отнимали насильственным путем земли у общины. Зависимое население во владениях феодалов увеличивалось путем найма, путем посажения на землю холопов и должников („закупов“, „вдачь“), а также путем постепенного превращения дани в ренту: князь становится местными землевладельцами. Таким путем крестьяне-общинники незаметно для себя превращаются в феодально зависимых людей. Постепенно вся земля перешла во владение феодалов. „Однако, — как правильно отмечает Л. В. Черепнин, — эксплуатация этой земли (как основного средства производства), концентрируемой в руках крупных собственников, при низком уровне состояния производительных сил в эпоху феодализма, когда земледелие являлось эмпирическим, механически передаваемым по наследству занятием самой неразвитой части общества, возможна лишь силами мелких единоличных крестьянских хозяйств. Поэтому если феодал являлся собственником земли, то крестьянин фактически — владельцем ее значительной части“.² Эта-то „единоличная собственность“ крестьянина на свое частное хозяйство и составляла на первых порах для самого же крестьянина существенное преимущество феодального землевладения над общинно-патриархальным. Само собой разумеется, что эти преимущества очень быстро перекрывались постепенно усиливающимся гнетом феодальной эксплуатации; переход к феодалу в подавляющем большинстве случаев оказывался не свободным, а вынужденным, — однако об этих относительных преимуществах феодального землевладения для самого крестьянина не следует забывать, так как эти преимущества были связаны с действительной прогрессивностью феодального землевладения и служили основой, как это мы увидим в дальнейшем, для идейной пропаганды феодалов.

Производственные отношения в феодальном обществе, так же как и во всяком антагонистическом классовом обществе, были отношениями господства и подчинения. Надстройка, порожденная феодальным базисом, служила целям защиты этого базиса, стремилась идеологически обосновать эти отношения господства и подчинения. Один из способов идеологического обоснования заключался в том, что этим отношениям господства и подчинения придавался характер добровольности, или „благодеяния“, „защиты“, „милости“ со стороны господствующего класса.

Поскольку в феодальном обществе земля в основном принадлежала феодалам, феодал изображал свое наделение землей крестьян как благодеяние с его стороны. Крестьянин, вышедший из общины без земли, принимался феодалом, наделялся землей и вынуждался платить оброк

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 392.

² Л. В. Черепнин. Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII века). Вопросы истории, 1953, № 4, стр. 41.

или обрабатывать землю феодала. С другой стороны, крестьянин, переходивший под власть феодала со своей землей, также оказывался в тисках „благодетней“ своего феодала. Под власть феодала переходила сперва земля крестьянина, устанавливались феодальные формы землевладения, крестьянин оказывался на земле феодала и вынужден был именно за эту землю платить феодалу отработочным трудом или оброком. В обоих случаях феодал изображал себя „благодетелем“ крестьянина, оказывая ему „милость“ и „покровительство“.

Как бы ни были разнообразны те пути, которыми феодалы подчиняли себе сельское население, из всех путей больше всего нуждался в идеологической пропаганде путь патроната. Мы не в состоянии сейчас ответить на вопрос о том, какой из путей создания феодально зависимого сельского населения был наиболее эффективным, но в идеологической пропаганде только путь патроната сыграл значительную роль: все формы феодального насилия подводились под этот патронат, изображались „кормлением сирот“. Литературу раннефеодального периода и периода феодальной раздробленности без этого понять невозможно, что особенно ясно в свете очень важных указаний К. Маркса о том, что всякий новый господствующий класс стремится выдвинуть „общенародные“ идеи для утверждения своего господства. Эти идеи иллюзорны, они ведут к обману народных масс, но на первых этапах утверждения нового общественного строя эти „общенародные“ идеи могут быть в какой-то степени правдивы. „Дело в том, что всякий новый класс, который ставит себя на место класса, господствовавшего до него, уже ради осуществления своих задач вынужден изобразить свой интерес как общий интерес всех членов общества, т. е., выражаясь идеально, придать своим мыслям форму всеобщности, изобразить их как единственно разумные, общезначимые. Класс, совершающий революцию, — уже по одному тому, что он противостоит *классу*, — с самого начала выступает не как класс, а как представитель всего общества; он представляется в качестве всей массы общества в противовес единственному господствующему классу. Происходит это оттого, что вначале его интерес действительно более связан еще с общим интересом всех остальных, не господствующих классов,¹ не успел еще под давлением отношений, существовавших до тех пор, развиться в особый интерес особого класса“.²

Идеи княжеской, феодальной „защиты“ своих смердов, „сирот и вдов“ выходили далеко за рамки патроната. Они обращались ко всему эксплуатируемому населению, каким бы путем ни попало это население в зависимость от феодала. Это находит себе объяснение в том, что основой власти феодала над крестьянином была собственность феодала на землю. Свою землю феодал-землевладелец отдавал в качестве надела крестьянину, и этот надел позволял крестьянину вести свое частное хозяйство. Это наделение землей крестьянина феодал-землевладелец пытался изобразить как величайшее благодеяние со своей стороны, как „защиту сирот“ (крестьян) от других таких же феодалов, стремился „блюсти смерд“ от различных насилий и принуждений, которые были обычны в обстановке феодальной неустойчивости и феодальной раздробленности власти.

¹ Пометка Маркса на полях: «(Всеобщность соответствует 1) классу против сословия, 2) конкуренции, мировому общению и т. д., 3) большой численности господствующего класса, 4) иллюзии *общих* интересов. Вначале эта иллюзия правдива, 5) самообману идеологов и разделению труда)».

² К. Маркс и Ф. Энгельс. *Немецкая идеология*, стр. 38.

Система патроната имела огромное значение в идейной пропаганде феодалов. Феодальная „защита“ (патронат) позволяла феодалам собирать вокруг себя силы, противостоящие общине, выделившиеся из нее. С этим связаны проповедававшиеся в литературе (в частности церковной) того времени идеи „милосердия“ — особенно важные в системе феодального мировоззрения. Идеи „человеколюбия“ приобретали в церковных проповедях этого времени совсем особую политическую окраску, не легко различимую под общецерковной фразеологией.

Призывы не обидеть „сирот и вдов“, идеи княжеской „защиты“ „малых“ от „сильных“ присущи в первую очередь литературе церковной. „Значение патроната как способа расширения круга зависимых и подвластных людей было прекрасно осознано церковью. Она добилась от князей признания за ней права осуществлять свою юрисдикцию над теми группами, которые находились в особой связи с ней в силу экономических и служебных отношений... церковь в особенности стала развивать патронат над так называемой *personae miserabiles*, различного рода выкинутыми из жизненной колеи элементами“.¹ В церковной литературе XI—XIII веков постоянны призывы к „милосердию“ и проповедь идей патроната. Климент Смолятич осуждает „славы хотящих, иже прилагают дом к дому, и села к селом, изгои же и сябры, и борти, и пожни, лядя же и старины“.²

Серапион Владимирский говорит, что сильные люди „имения не насыщаются“, но и свободные сироты поработают и продают.³ Епископ Тверской (XIII век) пишет в поучении: „Но глаголю вам, царем и князем и наместникам: утешайте скорбящих, избавляйте убогих от рук сильных: сии бо от богатых обидими суть“.⁴

Церковь и церковная литература были главными проповедниками идей патроната, так как по самому существу своему церковь служила средством идейного воздействия на массы, а не принуждения — подобно государству.

Вместе с церковью и светская литература выступала за умеренную и планомерно вводимую эксплуатацию в рамках патроната — „защиты“ сирот-крестьян. Это очень ярко сказалось в известном предисловии к Начальному своду. Автор этого предисловия выступает против „несытства“ современных ему феодалов за легкую дань и „уроки“ без всякого насилия: „Ему же дань, то дань; ему же урок, то урок; никому же насилья творяще“.⁵

В исследованиях историков литературы эти постоянные призывы в литературе XI—XIII веков, составляющие самую суть идеологической пропаганды через литературу внутренней политики феодалов, воспринимались отчасти как направленные против интересов феодалов. С этой точки зрения авторы — церковные и светские — этого времени казались людьми, стоящими на внеклассовых позициях, во всяком случае не на позициях феодалов. Однако в действительности пропаганда патроната была направлена в первую очередь на укрепление феодального строя, на „добровольную“ организацию зависимого населения, на поработение

¹ С. В. Юшков. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, стр. 306.

² Н. К. Никольский. О литературных трудах Климента Смолятича. СПб., 1892, стр. 104.

³ Е. В. Петухов. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII в. СПб., 1888, стр. 9.

⁴ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. IV. СПб., 1818, 2-е изд., прим. 178.

⁵ Новгородская первая летопись. СПб., 1888, стр. 2.

трудящихся под вывеской их „защиты“ феодалами. Это лучше всего доказывает то положение, что аналогичные идеи исходили и от самих феодалов. Князь Владимир Мономах ставит себе в „Поучении“ в особую заслугу то обстоятельство, что он „и худаго смерда и убогие вдовице не дал есм сильным обидети“.¹ „Поучение“ дает нам понять, почему киевская знать вынуждена была в 1113 году пригласить Владимира Мономаха, чтобы утолить мятеж и „голку“ в людях: как последовательный проводник политики патроната он действительно мог быть популярен в народных массах.

Идеи патроната имеют еще и потому особенное значение, что при феодализме власть политическая и власть экономическая стремятся к слиянию. Князья превращают дань в ренту. Князь стремится быть землевладельцем, найти в своей вотчине опору экономическую и политическую. Князь становится хозяином. Неудивительно, что и в политической и в экономической области выдвигаются одни и те же идеи „защиты“. Это особенно отчетливо проявляется в период феодальной раздробленности. Князь—хозяин; именно эту черту подчеркивает в своем „Поучении“ и Владимир Мономах: „Еже было творити отроку моему, то сам есмь створил, дела на войне и на ловех, ночь и день, на зною и на зиме, не дая себе упокою; на посадники не зря, ни на биричи, сам творил, что было надобе, весь наряд, и в дому своемъ то я творил есмь; и в ловчих ловчий наряд сам есмь держал, и в конюсех, и о соколах и о ястребах“.² Таков новый идеал князя—князя-хозяина.

Расширяются функции княжеской власти; „И церковного наряда и службы сам есм все призирал“.³ Князь заботится обо всем: церковь тоже ему важна. Он заботится об идеологическом обосновании своей власти. Князь—всесторонен, у него теперь больше забот.

Идеи патроната были необходимы прежде всего самим феодалам. Это была классовая политика феодалов—их идейное оружие, с помощью которого они выдавали себя за защитников общенародных интересов. Идеи патроната затушевывали классовую сущность власти феодалов.

Необходимость соблюдать патронат в период феодальной раздробленности объяснялась и тем, что смерды могли легко уйти к другому феодалу, в чужую землю. Так было, например, на грани XI и XII веков, когда после съезда в Уветичах князья-участники обратились к Ростиславичам: „а холопы наши и смерды выдаита“.⁴

В обязанности князя входило „блюсти смерд“—прежде всего с точки зрения интересов самих феодалов, чтобы смерды не перешли к другим феодалам. Вот почему обвинение новгородского князя Всеволода Мстиславича в том, что он „не блюдет смерд“,⁵ могло исходить от местных феодалов, а не от самих смердов, как думают некоторые историки.⁶ Михаил Черниговский целовал крест на всей воле новгородской „вда свободу смърдом на 5 лет даний не платити, кто сбежал на чюжую землю; а сим повеле, къто сде живеть, како уставили переднии князи, тако платите дань“.⁷

¹ Повесть временных лет, т. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 163.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Ипатьевская летопись, под 1100 г., стр. 181 (здесь и дальше цитируется по ПСРЛ).

⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, М.—Л., 1950, под 1136 г., стр. 24.

⁶ Б. Д. Греков. Революция в Новгороде Великом в XII в. Ученые записки Института истории РАН ИОН, т. IV, 1929.

⁷ Новгородская первая летопись... под 1229 г., стр. 68.

Идеи патроната были известны и крестьянам. На эти идеи ссылаются волхвы — руководители восстания 1071 года: „Нама стати пред Свято-славомъ, а ты не можеша створити ничтоже“.¹ На эти же идеи с затаенным лукавством ссылалась и Югра, когда обращалась к новгородцам с просьбой: „А не губите своих смерд и своей дани“.² В этих словах Югры ясно чувствуется понимание выгоды патроната именно для феодалов: если не блюсти смерд — погубится дань.

Собирая на свои земли крестьян, князья и крупные феодалы стремились изобразить себя защитниками крестьян, защитниками „вдов“ и „сирот“. Под этими „сиротами“ — термином первоначально библейским — очень часто разумелись в древней Руси именно крестьяне. Русская Правда называет работу по найму „сиротьей“;³ „сиротами“ же часто называют крестьян и летописи.⁴

Именно в этот раннефеодальный период вырабатывались уже некоторые элементы тех „даристских иллюзий“, которые станут так характерны для крестьянства в более позднее время. Киевляне жалуются князю на его тиунов под 1146 годом: „аще кому нас будеть обида, то ты прави“.⁵

Феодальная эксплуатация усиливалась и шла от тиунов — по крайней мере так казалось людям. Князья, например Михаил Черниговский, обещали соблюдать порядок, который был при „передних князех“, т. е. встарину.

Летописец, желая подчеркнуть положительные черты своего князя, в той или иной степени стремился ввести в его характеристику идеи патроната. Он делает это не из любви к смердам, убогим, нищим, а потому, что в интересах самих феодалов было изображать себя защитниками народа, его покровителями и „кормителями“. По смерти князя Юрия Всеволодовича, по словам летописца, „убогии“ плакали по нем, как по своему „кормителе“.⁶ Провожая князя Константина Всеволодовича в Новгород, народ плачет, называя его „отцом сирых и кормителем“, „печальных утешением великим“ и т. д.⁷ Характерно, что именно этот мотив в литературе XI—XIII веков имел огромное значение в обрисовке образа идеального князя.⁸

Идеология феодального класса служила делу защиты и укрепления феодального базиса, феодальной собственности на землю как основы феодализма. До той поры, пока феодальные производственные отношения не стали тормозом в развитии производительных сил, литература передовых слоев феодального класса была прогрессивной, отдельные представители этой литературы обращались к народному творчеству, часть их идей была идеями, в какой-то мере объективно отвечавшими интересам народа.

Вплоть до конца княжения Владимира Мономаха русская литература, светская и даже церковная, широко обращается к сюжетам народного творчества. Древнейшая русская летопись, как хорошо известно, обильно пользуется в качестве исторических источников народными преданиями,

Повесть временных лет, т. 1, стр. 118.

Новгородская первая летопись... под 1193 г., стр. 40.

„О сиротьем вырядке“. Статья 25 Краткой Правды: Правда Русская, т. II, Изд. АН СССР, М.—Л., 1947, стр. 169—170.

¹ О слове „сироти“ в значении „зависимые крестьяне“ см.: В. И. Сергеевич. Русские юридические древности, т. 1, ч. 2. СПб., 1890, стр. 273—274.

² Ипатьевская летопись, под 1146 г., стр. 229.

³ Лаврентьевская летопись, под 1238 г., стр. 468.

⁴ Там же, под 1206 г., стр. 422.

⁵ См. выше, стр. 20 и сл.

легендами, историческими песнями и, повидимому, былинами. Эти важные в идеологическом отношении виды народного творчества особенно отчетливо представлены в Древнейшем и Начальном своде. Отчасти они вносятся и в „Повесть временных лет“, составленную в первой четверти XII века, но в дальнейшем, в летописях XII и XIII веков, они уже отсутствуют.

Особенно характерно проникновение исторических форм народного творчества в Начальный свод, предисловие которого, как мы видели выше, заключало в себе идеи патроната. Исследователи давно обратили внимание на включение именно в этот свод народного предания о юноше-кожемяке, победившем печенежского богатыря на реке Трубеже, „где ныне Переяславль“. Это предание — или, как можно предполагать, былина — замечательно народностью своих идей. Однако исследователи не обратили внимания на одно особенно важное обстоятельство — почему именно это предание было включено в летопись, чем именно оно могло привлечь летописца, защищавшего классовые позиции феодалов? Ответ на этот вопрос для нас сейчас ясен: в нем так же, как и в предисловии, выражены идеи патроната — Владимир делает кожемяку „большим мужем“. Эта соблазнительная перспектива возвыситься на службе у феодала, подняться по лестнице феодальной иерархии на более высокие ступени служила одним из средств идеологической пропаганды феодального класса, уже не только в экономической, но и в политической области.

Общехристианские идеи — „милосердия“, „любви к ближнему“, „нищелюбия“ — в условиях раннего феодализма и феодальной раздробленности были приближены к реальным потребностям феодалов, хотя и не настолько, чтобы с ними слиться.

И. У. Будовниц¹ определяет эти идеи как идеи „социального компромисса“ и считает их порожденными страхом перед народными массами только в одной группе феодалов (по преимуществу церковных писателей). Предшествующий анализ достаточно ясно показывает, что идеи эти, опирающиеся на принципы христианской церкви — высшей санкции и обобщения феодального строя, — были идеями феодального класса в целом, оправдывали и обосновывали его господство, эксплуатацию большинства. В какой-то мере феодалы субъективно были уверены в своих идеях, считали свои интересы интересами всего народа. Вот почему вначале, в раннефеодальный период, возвышая свою власть и себя как носителей этой власти над народом, феодалы не противопоставляли себя народу и могли использовать отдельные элементы фольклора в литературе письменной.

Идеи патроната помогают нам понять, почему не только внешняя импозантность христианского культа, не только общеевропейские культурные связи христианства, но и самые этические идеи христианства сказались на руку феодалам, служили делу укрепления феодального базиса, были использованы и приспособлены феодалами в их политической пропаганде.

* * *

Литература XI—XIII веков отмечена сильным развитием патриотического сознания. Высокий патриотизм характеризует в это время сознание всех классов общества, все население Руси. Оно было связано с образованием древнерусской народности, государствообразующими

¹ См. его статью, стр. 49 и сл. настоящего сборника.

процессами, усилением внешней опасности со стороны различных кочевых и полукочевых народов юга, развитием международных сношений молодого русского государства, усилением его торговли, подъемом культуры, развитием городской жизни, появлением христианства и т. д. Весь процесс исторического развития в VII—XIII веках почти всеми своими сторонами побуждал развитие высокого патриотического сознания в сперва образующейся, а затем уже образовавшейся древнерусской народности.

Это патриотическое сознание в свою очередь оказывало ускоряющее воздействие на поступательный ход русской истории, способствовало сплочению русского народа, строительству русского государства, росту его культуры, укрепляло его военную мощь, вдохновляло на победы и водило пером первых писателей.

Естественно, что патриотизм был шире распространен в центральных городах, чем в отдаленных сельских местностях, — там, где процесс социального развития совершался более быстро.¹ Однако на всей территории древнерусского государства патриотизм был всеобщ, но в каждом классе обладал специфическими особенностями.

Каковы специфические особенности патриотических идей феодального класса в XI—XIII веках? Патриотические идеи народных масс нашли свое воплощение в эпосе. Патриотические же идеи феодального класса воплотились по преимуществу в литературе, в летописи, в тех устных заявлениях перед битвами, на сменах, в дипломатических переговорах, которые в той или иной форме фиксировались летописцами.

Патриотическим идеям феодального класса XI—XIII веков при всей их значимости свойственна классовая ограниченность. Эта ограниченность, резко отделяющая их от патриотических идей последующего времени — времени сложения великорусской народности или, позднее, великорусской нации, — объясняется тем, что в XI—XIII веках процесс этнического сложения русского народа далеко не закончился, а политическое единство русского народа обладало в этот период рядом своеобразных черт.

Основу феодального государства составляла феодальная собственность на землю. Л. В. Черепнин пишет: „... в результате экономического развития, роста неравенства и образования классов возникло государство, во главе которого стоял киевский князь, рассматривавший себя в качестве верховного собственника всей земли“.²

Именно на этом представлении о князе как о собственнике земли основывалась политика князей, превращавших старую дань в ренту, основывалась и их политика во внешних делах. Процесс феодализации земельных отношений был связан с процессом феодализации сознания — в первую очередь правящего класса. Русская земля признавалась собственностью киевского князя, его владением, его отчиной. Это налагало особый отпечаток на патриотические идеи феодального класса, особенно в пору феодальной раздробленности.

В период феодальной раздробленности, как мы знаем, идея единства Руси отнюдь не умирает. Она продолжает жить, поскольку продолжает жить в какой-то степени и само это единство и поскольку во много раз увеличиваются потребности в идеологическом обосновании этого единства. Внешняя опасность требовала сплочения всех военных сил Руси, это требование выражалось в идеологической сфере тем интен-

¹ См.: Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949, стр. 110.

² Л. В. Черепнин, ук. соч., стр. 48.

сивнее, чем меньше было для того экономических и политических оснований.

Вся Русская земля мыслилась и в XII веке попрежнему как владение киевского князя. С этим была связана для феодалов необходимость нести вассальную службу киевскому князю, „ездить подле его стремени“, воевать за его честь и обиду — за честь и обиду Русской земли. В сознании феодалов служение Русской земле неразрывно соединяется со служением киевскому князю. Ростислав, сын Юрия Долгорукого, приехав в Киев к Изяславу Мстиславичу, заявляет: „А за Рускую землю хочю страдати, и подле тебя ездити“;¹ „тебе деля и всея деля Рускыя земля“,² — говорят князья киевскому князю.

Всеволод Суздальский говорил Рюрику Ростиславичу через послов: „А кому еси в ней (в Русской земле, — Д. Л.) часть дал, с теми же ей и блюди и стережи“.³

Оборона Русской земли — вассальная обязанность князей. Вот почему совместные выступления русских князей против половцев всегда происходили только под главенством киевского князя — как верховного сюзерена всех русских князей. Обещая ему верную службу, русские князья постоянно говорили о своей решимости сложить свои головы за него и за Русскую землю, блюсти честь его и Русской земли.

Русские князья говорят киевскому князю Мстиславу Изяславичу: „Тако буди, то есть нам на честь и всее Рускей земли“.⁴ Вот почему в среде феодалов XII века служение Родине воспринималось как служение вассальное, и в этом отражалась ограниченность феодального патриотизма. В тех же самых выражениях, теми же самыми понятиями феодальной чести объясняют князья свое желание служить и своему сюзерену, и всей Русской земле в целом. Берендичи, вернее их феодальные властители, могли обещать служить Русской земле и русскому, киевскому князю в тех же самых выражениях, что и сами русские. В 1155 году берендичи говорят Юрию Долгорукому; „Мы умираем за Рускую землю с твоим сыном и головы своя съкладаем за твою честь“.⁵ Патриотические чувства феодалов выражаются ими в привычных формах феодальных понятий, и это отнюдь не случайно.

Блюсти честь своей земли, своей отчины, своего княжества — главная обязанность князя. Так, например, Юрий Долгорукий, князь владими́ро-суздальский, заявлял в 1149 году: „А любо сором сложю и земли своей мьщю, любо честь свою налезу“.⁶ Под „своей землей“ Юрий Долгорукий имел в виду Владимиро-Суздальское княжество и только. С другой стороны, киевские князья под „Русской землей“ имели в виду то все русские княжества, поскольку они признавали эти княжества вассальными, то только одно Киевское княжество, в котором они непосредственно княжили, и своей обязанностью считали блюсти честь этой Русской земли, умирать за нее, „стеречь“ ее, мстить ее „сором“ и т. д. Это двойное понятие Русской земли как отчины киевского князя ярко проступает в нижеследующем эпизоде с князем Мстиславом Ростиславичем. Новгородцы прислали к Мстиславу в Киев своих мужей, прося его на княжение в Новгород Великий. Мстислав сперва

¹ Ипатьевская летопись, под 1148 г., стр. 257.

² Там же, под 1151 г., стр. 292.

³ Там же, под 1195 г., стр. 459.

⁴ Там же, под 1170 г., стр. 370.

⁵ Там же, под 1155 г., стр. 330.

⁶ Там же, под 1149 г., стр. 263.

отказывается идти из своей отчины — Киева: „Он же не хотяше ити из Русской земли, река им: «яко не могу ити из отчины своее и со братьею своею разойтися»; прилежно бо тѣшеться, хотя страдати от всего сердца за отчину свою, всегда бо на великая дела тѣсняся, размышлявая с мужи своими, хотя исполнити отечество свое“.¹ Но в дальнейшем братья его и мужи его, т. е. князья и бояре, понуждают Мстислава Ростиславича идти в Новгород — „а тамо ци не наша отчина?“. Иными словами, Новгород признается всё же Русской землей, и Мстислав соглашается с ними.

Впоследствии Мстислав Ростиславич стремится „оправити Новгородскую волость и обиду“,² так же как он стремился перед тем „оправить“ Русскую землю в целом и ее „обиду“.

Таким образом, поскольку Русская земля признавалась отчиной киевского князя, понятие Русской земли понималось или более широко — в границах всех русских княжеств, или более узко — до пределов Киевского княжества, в зависимости от того, что признавалось за отчину киевского князя. Именно этим в первую очередь объясняются характерные для XII века колебания в определении границ Русской земли. Русская земля считалась вотчиной киевского князя — его владением. С падением власти киевского князя представление о Русской земле в феодальной среде могло ограничиваться только пределами Киевского княжества и нескольких зависимых от него княжеств. Те феодалы, которые не желали признавать власти киевского князя, политическое понятие „Русской земли“ сужают до пределов реальных владений киевского князя и тех русских князей, которых они признают его вассалами.

Таким образом, колебания, которые заметны в письменных источниках XII века, а отчасти и более раннего времени, в определении понятия Русской земли, отражают отнюдь не общенародные представления о Русской земле как о Руси — Родине, а феодальные понятия о вотчине киевского князя, о той территории, на которую распространялись его права сюзерена.³

К концу XII века, когда значение Киева как центра Русской земли померкло, обязанность заботиться о Русской земле, стеречь ее, блюсти ее могла ложиться на плечи старейшего князя, даже если он не княжил непосредственно в Киеве. В 1195 году Рюрик Ростиславич посылает к Всеволоду Суздальскому сказать: „А ты, брате, в Володимери племени старей еси нас, а думай-гадай о Руской земли и о своей чести и о нашей“.⁴ Отсюда ясно — забота о Русской земле к концу XII века оторвалась от Киева. Заботится о Русской земле не киевский князь, а просто „старейший“ — Всеволод Суздальский из своего Владимира Залесского.

Речь идет только о политическом, государственном понятии „Русской земли“. Иное дело слово „Русь“ — оно всегда относится ко всем русским людям и ко всем русским землям.⁵ Русские князья не переставали считать себя русскими, где бы они ни княжили — в Киеве,

¹ Ипатьевская летопись, под 1178 г., стр. 411.

² Там же, стр. 412.

³ См. неправильную точку зрения Б. А. Рыбакова в его статье „Проблема образования древнерусской народности в свете трудов И. В. Сталина“ (Вопросы истории, 1952, № 9, стр. 45 сл. Толкование Б. А. Рыбаковым значения слов „Русская земля“ не может быть принято прежде всего с лингвистической точки зрения).

⁴ Ипатьевская летопись, под 1195 г., стр. 461.

⁵ Там же, под 1221 г., стр. 488; под 1224 г., стр. 496; под 1195 г., стр. 461—462.

Новгороде, Галиче или Новгороде Северском. Они признают русским свой язык, свой военный строй,¹ свой обычай.²

В литературе XI—XIII веков сосуществуют два представления о Русской земле — народное, не чуждое и самим феодалам, когда речь не шла об их государственных представлениях, и узко феодальное, преимущественно свойственное представителям феодальной среды, которое было очень характерно для „государственных“ представлений князей, особенно не киевских.

Различие это легко проследить на конкретном материале летописей. Даже в самой княжеской среде представление о чести Русской земли как о чести Родины, а не как о чести вотчины, проступает в речах князей, с которыми они обращались к своему войску перед битвой.

Так, например, очень характерна речь Изяслава Мстиславича к своим войскам перед битвой в 1152 году на реке Сан: „Братья и дружино! Бог всегда Руския земле и руских сынов в безчестьи не положил есть; на всех местех честь свою взимали суть. Ныне же, братье, ревнуимы тому вси, у сих землях и перед чюжими языки дай ны бог честь свою взяти“.³

Здесь несомненно сказалось не узко феодальное, а народное представление о Русской земле. Само собой разумеется, что, обращаясь к дружине и простым ратникам, Изяслав Мстиславич меньше всего мог прибегать к узко феодальным понятиям.

Мы говорили выше о типических представлениях феодальной среды, об их „ходовых“ представлениях, помогающих нам понять многие страницы лигатурных произведений XI—XIII веков. Однако отдельные выдающиеся произведения литературы поднимались над ограниченностью феодальных представлений своего времени. Так, например, в „Слове о полку Игореве“ ясно ощущаются два представления о Русской земле, два аспекта, в которых Русская земля воспринималась как целое, — народный и феодальный. Оба тесно между собой связаны, не противостоят друг другу, но разницу мы отчетливо ощущаем, когда автор „Слова“ говорит о своем чувстве Родины или тогда, когда он обращается к князьям и призывает их вступить в стремя за обиду сею времени, за раны Игоревы, за Русскую землю. Не вступая в противоречие со своими убеждениями, автор „Слова“ умел призвать князей к единению, к защите Руси на языке самом для них близком, напомнить им об их феодальных обязанностях по отношению к Русской земле.

Не случайно, что обращение к русским князьям вступить в стремя за обиду сею времени, за землю Русскую идет вслед за „золотым словом“ Святослава и частично сливается с этим „золотым словом“. В обращении к суздальскому князю Всеволоду говорится о необходимости „поблюсти“ золотой стол киевского князя, что в феодальных понятиях того времени, как уже отмечалось, было равнозначно необходимости „поблюсти“ Русскую землю. Сам киевский князь говорит о „княжеском неспособии“ себе, ибо поход за Русскую землю мыслился как поход под главенством киевского князя. В этих местах „Слова“ мы всюду ощущаем типичные для феодалов представления о служении Русской земле как о служении феодальном. В остальном „Слово“ пронизано гораздо более высоким, народным представлением о Родине и о ее защите.

¹ См. „русский бой“: Ипатьевская летопись, под 1229 г., стр. 504.

² Ипатьевская летопись, под 1158 г., стр. 541.

³ Там же, под 1152 г., стр. 310.

*
:

В число патриотических идей XI—XIII веков в первую очередь должна быть включена идея единства Руси. Эта идея в тех или иных формах была свойственна всем классам древнерусского общества. Она отразилась и в народном эпосе, и в литературе — в летописи, в проповедях, в житиях святых. Она имела в древнерусском обществе особенно большое значение, так как экономические связи в древнерусском государстве были еще слабы и роль их отчасти восполнялась ролью идей — идеи единства Руси в первую очередь. Однако и эта идея единства Руси имела в среде феодального класса свои специфические особенности.

Единство Руси воспринималось в феодальном классе прежде всего как единство княжеского рода. Уже А. А. Шахматов отметил как определяющую мысль первых летописных сводов — мысль о том, что на Руси существует и всегда существовал только один княжеский род. Летописец неохотно говорит о князьях местных, называет их самозванцами, стремится установить родственные отношения между всеми князьями, даже если этих родственных отношений на самом деле не было.¹ Мы знаем только одну попытку разрушить эту кастовую замкнутость княжеского рода — это попытка боярина Володислава сесть на столе в Галиче. Но попытка эта вызвала осуждение даже Лешка Польского, заявившего: „Не есть лепо боярину княжити в Галичи“. Володислав был заточен и в заточении умер, „нашед зло племени своему и детем своим, княжения деля“.²

Все князья — братья, т. е. представители единого княжеского рода. Эта мысль пронизывает собой летописные своды XI—XIII веков. Борьба за единство Руси в княжеской среде идет именно под этим лозунгом. Летописец осуждает братоубийственные войны князей.

Мысль о братстве князей была несомненно прогрессивной для своего времени, но эта мысль вместе с тем обладала ярко выраженной классовой тенденцией. Под этим лозунгом в феодальном классе шла борьба за укрепление отношений сюзеренитета-вассалитета.

Мысль о единстве Руси в феодальном классе служила развитию и укреплению феодальных отношений, отношений вассалитета-сюзеренитета. Она укрепляла линию феодального подчинения вассалов и линию феодальных обязанностей сюзерена по отношению к своим вассалам.

Борьба за единство Руси была в феодальной среде борьбой за укрепление иерархической системы внутри феодального класса. Таким образом, идея единства Руси в феодальном классе целиком опиралась на развитие феодальных отношений и на упорядочение отношений вассалитета-сюзеренитета внутри феодального класса. Вот почему не только летописец постоянно внушает князьям мысль о братстве, но и сами князья постоянно называют друг друга братьями. Младший обращается к старшему — „брате и отче“, старший к младшему — „брате и сыну“. Я. А. Голяшкин, исследовавший терминологию междукняжеских отношений, объясняет сохранение старых семейных форм обращения в новом политическом быту тем, что „князья, даже окунувшись совершенно в водоворот новых политических отношений, продолжали составлять один род, изолированный от общества и потому теснее

¹ См. об этом: История русской литературы, т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 273.

² Ипатьевская летопись, под 1211 г., стр. 489.

захватывавший своих членов, внушая им постоянную мысль об их исключительной кровной близости друг к другу“.¹

Отсюда ясно, что идея братства князей в понимании XI—XIII веков отнюдь не была идеей равенства князей, а идеей их обособления от остального общества и подчинения друг другу: братья не равны — есть братья старшие и младшие. Князья постоянно называют друг друга „старейшим братом“ или „младшим братом“. Ассоциация „братство и равенство“ — ассоциация XVIII и XIX веков, имеющая свои основы в буржуазной идеологии. В идеологической же борьбе феодалов идеи братства распространялись только на среду самих феодалов, служили основой для установления феодальной иерархии господства—подчинения внутри феодального класса и пропаганды единства Руси как единства государственного в первую очередь и единства иерархической лестницы внутри княжеского рода — во вторую.

В основе идеи братства лежат феодальные отношения XI—XIII веков. Внешне эта идея прикреплена к христианским понятиям и к христианской терминологии. Церковь служила высшей санкцией и высшим общением феодального строя. Вот почему идея братства князей приобрела еще в самом начале своего развития культовые формы. Она получила себе церковную опору в культе братьев князей Бориса и Глеба.

Чрезвычайно важно понять классовую сущность этого культа, правильно понять идеи „Жития“ Бориса и Глеба, за религиозной оболочкой и общехристианской терминологией увидеть истинные понятия XI века.

Идеи „Жития“ Бориса и Глеба — это идеи необходимости соблюдения отношений вассалитета-сюзеренитета и в первую очередь „покорения“ старшему брату. Борис и Глеб пожертвовали жизнью своею ради этой идеи и потому оказались причислены к лику святых. Когда умер Владимир и Борис услышал, что на киевском столе сел брат его „старейший“, он возрадовался и сказал: „Сий ми будетъ яко отецъ“.² Борис отправляется к брату своему Святополку, „никогого же зла помышляющую в сердцеи своемь“, „радуясь, иже брат ему старей на столе отчи сел“. Когда его предупреждают о намерении Святополка убить его, он не верит и вновь подтверждает свое намерение выполнить свой долг вассала: „Аз мний есмь, не противен есмь брату своему старейшему сущю... Не отъиду, ни отбежю от места сего, ни паки супротивлюся брату своему, старейшему сущю“.³ Так же точно выполняет свой долг вассала и Глеб. Оба радуются, когда Святополк садится на столе в Киеве, оба покоряются его власти и не сопротивляются убийцам.

Идеи вассалитета-сюзеренитета с особенной яркостью представлены в Несторовом „Чтении“ о Борисе и Глебе. Менее отчетливо они представлены в более ранних „Сказаниях“ о Борисе и Глебе и в летописной повести о Борисе и Глебе. Замечательна в этом отношении заключительная часть „Чтения“, в которой излагается его идея. „Видите ли, братие. — обращается Нестор к своим читателям, — коль высоко покорение, еже стяжаста святая к старейшу брату. Си аще бо быста супротивилася ему, едва быста такому дару чудесному сподоблена от бога. Мнози бо суть ныне детескы князи, не покоряющеся старейшим и супротивящеся им, и убиваеми суть: ти не суть такой благо-

¹ Я. А. Голышкин. Очерки личных отношений между князьями Киевской Руси в половине XII в. „Издания Истор. общ. при Моск. унив. Рефераты“, т. II, М., 1898, стр. 270.

² Чтение о Борисе и Глебе. Жития Бориса и Глеба и службы им. Под ред. Д. И. Абрамовича, Пгр., 1916, стр. 8.

³ Жития Бориса и Глеба, стр. 9.

дати сподоблени, яко же святая сия“.¹ Здесь выражена самая суть культа Бориса и Глеба: служить укреплению „покорения“ младших князей старшим, служить примером для всех князей-современников. „Мы же ни мало имам покорения к старейшинам, нъ овогда прекий глаголем им, овогда же укаряем я, многажды же супротивимся им“,² — обращается Нестор ко всем современникам. Князья должны покоряться старшему князю, все прочие — „старейшинам“; такова идея „Чтения“.

Борис и Глеб — „земля Русьская забрала“, они „обоюдоостры меч“, направленный и против „дерзости“ поганской и против „дьяволя шатания в земли“.³ Последнее — это междоусобные раздоры князей. Борис и Глеб — избавители Руси от „усобичных брани“, так говорит о них автор „Сказания“. Сравнение Бориса и Глеба с обоюдоострым мечом с поразительной точностью определяет политическую функцию их культа, политическую функцию идеи единства Руси: она двойная — укрепление феодальной иерархии способствует внешнему могуществу Руси и внутренней силе феодального строя.

„Похвала“ Борису и Глебу XII века так наставляет русских князей: „Сима поревнуйте, сих образ примете, сима накажитесь. Аще сатана ввержетъ вражду между братиею и друзи, и вы помянете сию святою Бориса и Глеба, яко паче смерть възлюбиста прияти, нежели вражду деръжати. И пакость кто дееть, дьяволу угодие творить“.⁴ Далее „Похвала“ приводит в пример всем русским князьям внука Ярослава Мудрого — Давыда Святославича.

Давыд Святославич Черниговский был „князь старейший в братии своей“, он никогда не преступал крестного целования, никого „не приобидел“ — даже тех князей, которые „кривину к нему творяше“. За это свое примерное поведение по отношению к своим вассалам он был награжден с такой щедростью, которой не знает обычно агиография. Когда он умирал, расступился верх храмины его, и на глазах у ужаснувшихся людей влетел „голубь бел“, сел князю на „честныя его перси“ и „сягну носом в уста“ — вынул из него душу. Вечером над черниговским Спасом явилась звезда, и, когда тело князя понесли к церкви Бориса и Глеба, звезда пошла над ним и стала над церковью Бориса и Глеба. Мало этого — само солнце остановилось на небе и не зашло до тех пор, пока князя не похоронили. В таких сильных образах пропагандировал автор „Похвалы“ идея вассалитета-сюзеренитета.

Политическая тенденция культа Бориса и Глеба ясна: укрепить государственное единство Руси на основе строгого выполнения феодальных обязательств младших князей по отношению к старшим и старших по отношению к младшим. Все князья — братья, но братья старшие и младшие. Первые обязаны блюсти последних, последние покоряться первым. Таковы основы идеи „братолюбия“ литературы о Борисе и Глебе. Это „братолюбие“, следовательно, выступает как идея неравенства князей, как идея необходимости покоряться старшим и блюсти интересы младших. Характерно при этом, что последняя сторона пропагандируется в культе Бориса и Глеба даже энергичнее, чем первая: упрек „Житий“ Бориса и Глеба адресован старшему брату (Святополку) за нарушение своих обязанностей по отношению к младшим князьям.

¹ Жития Бориса и Глеба, стр. 25.

² Там же.

³ Там же, стр. 49.

⁴ Там же, стр. 129.

В „Похвале“ Борису и Глебу XII века Святополк Давидович Черниговский ставится в пример всем остальным князьям именно за то, что соблюдал интересы своих вассальных князей. Очевидно, что именно эти обязанности сюзерена больше всего нуждались в идеологическом обосновании в среде феодального класса. В этом особенность идеи единства Руси в среде феодалов.

Культ Бориса и Глеба неоднократно использовался для идейной защиты прав князя на свои вотчины. Когда сына Владимира Мономаха, Андрея Доброго, князя пытались выгнать из его вотчины и дать ему вместо Переяславля Курск, он сказал: „Отець мой Курьске не седел, но в Переяславли. И хочю на своей очине смерть прияти. Оже ти, брате, не досыти, всю землю Русскую держаще, а хочеш и сее волости, а убив мене — тебе то волость, а жив не иду из своее волости. Обаче не дивно нашему роду, тако и преже было же. Святополк про волость же ци не уби Бориса и Глеба, а сам ци долго поживе“.¹

В другом случае и при других обстоятельствах летописец говорит: „Лепо жити братьи единомыслено укупе, блюдучи отецтва своего“.² Под „отецтвом“ и здесь подразумевается летописцем вотчина.

Принцип, провозглашенный на Любечском съезде: „кождо держити очьчину свою“³ — это и есть главная идея культа Бориса и Глеба. Принцип этот послужил главным идейным основанием феодального дробления. В культе Бориса и Глеба это феодальное дробление нашло себе еще более авторитетное обоснование.

Говоря о раздорах рязанских князей в 1186 году, летописец снова вспоминает Святополка и его братьев Бориса и Глеба. Он осуждает старших князей, посягнувших на „меншею брату“.⁴

Характерно, что идеи сильной княжеской власти и объединения Руси на основе этой сильной княжеской власти, встретившие поддержку не только в феодальном классе, но и во всех прогрессивных слоях города и деревни, не опирались на культ Бориса и Глеба, ни словом не упоминали о необходимости „братолюбия“ в духе этого культа.

„Слово о полку Игореве“ в основном отражает народную идеологию. Оно не называет князей братьями, не упоминает о „братолюбии“, о культе Бориса и Глеба и пропагандирует необходимость соблюдения только вассальных обязательств князей по отношению к киевскому князю.

На северо-востоке Руси идеи сильной княжеской власти найдут себе опору не в культе Бориса и Глеба, а в культе Владимирской божьей матери. Эти идеи свяжутся не с пропагандой вассалитета-сюзеренитета, а с пропагандой министералитета, что получит свое отражение в „Молении“ Даниила Заточника.

Сильная княжеская власть опиралась на „служилое“ боярство, на торгово-ремесленную верхушку городов и на княжеских дворцовых слуг, получивших на Западе название министералов. Именно из последних образуется впоследствии мощная группа дворянства, впервые упомянутая в Лаврентьевской летописи под 1175 годом, в многозначительном, с этой точки зрения, рассказе об убийстве Андрея Боголюбского.⁵

¹ Лаврентьевская летопись, под 1139 г., стр. 307.

² Ипатьевская летопись, под 1146 г., стр. 233.

³ Там же, под 1097 г., стр. 167.

⁴ Лаврентьевская летопись, под 1186 г., стр. 400.

⁵ „Горожане же боголюбские и дворане разграбиша дом князь“ (Лаврентьевская летопись, под 1175 г., стлб. 369—370).

* * *

Мы стремились показать классовый смысл важнейших элементов идеологии феодалов. Первый раздел статьи показывает, что именно в христианской проповеди милосердия было использовано феодалами в своих интересах. Христианство было использовано феодалами не только для того, чтобы возвеличить власть феодалов, создать единый культ для всех русских племен и приобщить русский народ к общеевропейской христианской культуре, но и потому, что христианская идеология позволяла феодалам изобразить свои классовые интересы как интересы общенародные, а самих себя — защитниками „сирот“.

Второй раздел рисует ограниченность патриотизма феодалов, развитие этого патриотизма в рамках представлений вассалитета-сюзеренитета.

Третий раздел стремится вскрыть классовый смысл культа Бориса и Глеба — одной из идеологических опор феодального дробления: единства и „братства“ в рамках соблюдения вотчинного принципа.

Все три раздела только намечают темы исследования. Предстоит еще большая работа по уяснению различий этой идеологии на отдельных исторических этапах и в отдельных группах феодалов.

Идеи патроната, „защиты сирот“ были различны в среде феодалов. Феодалы церковные могли выступать с этими идеями против феодалов светских. Феодалы светские — вотчинное боярство и служилое боярство — применяли различные формы эксплуатации и могли в своей пропаганде использовать христианские идеи милосердия друг против друга.

Различными на различных этапах исторического развития были идеи феодального служения Русской земле и ее старейшему князю. Первоначально этот старейший князь был неразрывен с Киевом; впоследствии (с конца XII века) появилось понятие „великого князя“, которое было присвоено владими́ро-суздальскому князю, считавшему себя старшим в роде.

Культ Бориса и Глеба также имел свои политические оттенки, использовался в различных интересах различными группами князей. В нем подчеркивались то необходимость соблюдать права вассала и не нарушать интересы „младших“ братьев, то необходимость подчиняться и соблюдать интересы „старшего“ брата, но в обоих случаях он служил интересам феодальной децентрализации, обосновывал права вассалов и обязанности сюзеренов в той же мере, что и обязанности вассалов и права сюзеренов. Скрытый принцип взаимности утверждал существующий порядок и не открывал никаких перспектив нового. Осуждались междоусобия князей, но оправдывались те политические представления, которые эти междоусобия в конечном счете порождали.

Н. А. МЕЩЕРСКИЙ

Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 году

Четвертый крестовый поход, в завершение которого в 1204 году Константинополь был взят „крестоносными болванами“¹ — событие чрезвычайного значения для всего средневекового мира. Падение столицы Византийской державы в течение ряда десятилетий сказывалось на ходе истории в странах Востока и Запада. Оно положило конец более чем восьмисотлетнему существованию могущественной империи Нового Рима. Значительно возросли и оживились экономические и культурные связи между народами.

Это политическое событие не могло не оказать влияния на ход дел в тогдашней Руси, тесно связанной с Византией в вопросах религии. Сохранилось послание римского папы Иннокентия III к русским епископам, в котором глава римской церкви предлагает им признать его верховную власть над собой, так как Византия, которой они ранее подчинялись, перестала существовать. Послание это, как известно, осталось без ответа.

Основные источники, повествующие о четвертом крестовом походе и взятии Константинополя крестоносцами, — это французские записки Жоффруа Виллардуэна, записки маршала Шампани, одного из руководителей похода, „История“ знатного византийца Никиты Хониата, лично переживавшего осаду и штурм столицы латинянами, и наконец древнерусская повесть „О взятии Царьграда от фряг“, написанная, по всей вероятности, тоже очевидцем и участником изображаемых им событий под свежими впечатлениями пережитого.

I

Древнерусская повесть „О взятии Царьграда от фряг“ давно уже известна науке по Новгородской первой летописи (Синодальный список), но до сих пор не подвергалась обстоятельному изучению ни с какой стороны.

Отдельные замечания по поводу повести были сделаны еще Н. М. Карамзиным. „Современный новгородский летописец, — писал он, — повествует весьма обстоятельно о взятии Константинополя и рассказывает, что крестоносцы в Софийской церкви нашли 40 кадей чистого золота,

¹ К. Маркс. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. V, Госполитиздат, 1938, стр. 197.

кроме сосудов. Вероятно, что он слышал все описанные им подробности от какого-нибудь очевидца, земляка своего“.¹

В 1872 году П. Савваитов, комментируя издание „Путешествия“ в Константинополь новгородца Добрыни Ядрейковича, в будущем — новгородского архиепископа Антония, который был в Византии в 1201 году, писал: „Не был ли он (Антоний, — Н. М.) в Царьграде и во время взятия и разграбления его крестоносцами? Этим можно было бы объяснить, почему новгородский летописец так подробно и обстоятельно повествует об этом событии“. Далее, приведя выдержку из вышецитированного примечания к „Истории государства Российского“, П. Савваитов замечает: „Не был ли, прибавим, этот земляк Добрыня Ядрейкович?“²

Несколько соображений по поводу текста повести и относительно передачи в ней собственных имен крестоносцев были приведены издателями Новгородской первой летописи (ПСРА, т. III, 1841).

Примечания были перепечатаны с указанием источника и в последнем издании Новгородской первой летописи, вышедшем под редакцией А. П. Насонова в 1950 году.³

Наиболее полно освещена повесть в первом томе академической „Истории русской литературы“: „Новгородская летопись XII—начала XIII века в отличие от южнорусских и среднерусских летописей не склонна вводить в изложение готовые литературные памятники. Исключение представляет находящаяся под 1204 годом повесть о взятии крестоносцами Царьграда“. Далее указывается, что „Новгород в конце XII и начале XIII века был в постоянных сношениях с Царьградом по церковным делам. Накануне осады его крестоносцами туда ездил знатный новгородец Добрыня Ядрейкович, будущий архиепископ новгородский Антоний, археологически точно описавший Царьград перед его разгромом. Знали в Новгороде и о главной достопримечательности Царьграда — Софии — по описанию ее в Сказании о Софии Цареградской. Таким образом, почва для интереса новгородцев к завоеванию Царьграда была подготовлена“.⁴

Вслед за тем в очерке мы читаем краткое изложение содержания повести. В соответствии с примечанием издателей Новгородской первой летописи автор очерка считает, что в тексте повести „идет пропуск, и повесть возобновляется концом речи крестоносцам императора Филиппа или папы Иннокентия III, которые запрещали им «пакости деять Гречьюкой земли»“.⁵

Вопрос о том, перевод или компиляция эта повесть, разрешается автором очерка в пользу самобытности повести. Свидетельством тому является ее язык, который не носит каких-либо отчетливых следов иноязычного оригинала. Язык повести, по наблюдениям автора очерка, ничем не отличается от языка других частей Новгородской первой летописи XIII века.

Далее в очерке идет ссылка на Карамзина, который будто бы высказал предположение, „не составлена ли эта повесть на основании рас-

¹ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. III. СПб., 1818, прим. 149.

² П. Савваитов. Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград. СПб., 1872, стр. 8, прим. 17.

³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 46, 49.

⁴ История русской литературы, т. I, ч. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 302. Автором данной главы очерка является член-корреспондент Академии Наук СССР В. П. Адрианова-Перетц.

⁵ Там же.

сказа Добрыни Ядрейковича, который, возможно, задержался в Царьграде из-за военных действий¹. Автор очерка приводит доводы в доказательство допустимости такого предположения, указывая, что составитель повести использует те же названия достопримечательностей Царьграда, что и Добрыня Ядрейкович в своем „Путешествии“: ипподром называется „подрумье“, Влахерна — „Лахерна“, форум Константина — „Конный торг“. С другой стороны, в очерке подмечено: „Вряд ли однако в Добрыне—Антонии следует предполагать очевидца описанных событий; если бы он сам был в Царьграде во время погрома, то в его описание вошли бы хоть какие-нибудь отголоски несомненно сильного впечатления от разыгравшихся в Царьграде событий. Тщательно отмечая место нахождения каждой достопримечательности города, Добрыня не удержался бы от того, чтобы сообщить об уничтожении многих из них «фрягами» и об увозе их на Запад“. Поэтому вывод в очерке, в конечном счете, таков, что „Добрыня—Антоний со слов очевидца описал осаду и погром с той же обстоятельностью, с какой он за несколько лет до этого описал все богатства и всю пышность царьградских церковных сооружений“².

Коротко говорит о повести Д. С. Лихачев в своем очерке древнерусской литературы, включенном в „Историю культуры древней Руси“.³

Этим в сущности ограничивается, если не считать отдельных примеров из текста повести в работах о языке Новгородской первой летописи П. А. Лавровского, Б. М. Ляпунова и Е. С. Истриной, всё, что сделано до сих пор исследователями по поводу интересующего нас памятника. Был лишь намечен ряд проблем, связанных с изучением повести, однако ни одна из них не исследована сколько-нибудь обстоятельно. Между тем, повесть представляет для нас несомненный и всесторонний интерес как источник по истории Византии, как самобытное произведение древнерусской литературы и, наконец, как памятник древнерусского литературного языка старшего периода. Однако она остается еще настолько неисследованной, что мы не имеем ее критического издания и не можем пока прочитать ее правильный, первоначальный текст. Решению некоторых проблем, связанных с изучением повести, посвящена настоящая статья.

II

Текст повести дошел до нас в ряде списков XIII—XIV столетий, которые можно подразделить в основном на две группы. К первой группе списков следует отнести все списки Новгородской первой летописи, как старшего, так и младшего изводов; ко второй группе — все списки Еллинского летописца 2-й редакции и стоящие в тесной связи с последними: Софийскую первую летопись (списки Карамзина и Оболенского, так называемой 1-й редакции) и зависимые от нее списки Московского летописного свода конца XV века и Воскресенской летописи XVI века.

Первая группа представлена следующими списками повести.

1. Синодальный список Новгородской первой летописи, старшего извода, писанный уставом на пергамене. Повесть занимает листы 64—72 рукописи, следовательно, относится к первой части списка, напи-

¹ В действительности у Карамзина приведенного утверждения мы не находим. Не оказало ли влияние на автора очерка вышеприведенное место из Савваитова (ук. соч., прим. 5)?

² История русской литературы, т. I, ч. 1, стр. 303.

³ История культуры древней Руси, т. II, Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 199.

санной вторым почерком XIII века.¹ Список хранится в Рукописном отделении Государственного Исторического музея в Москве, в Синодальном (Патриаршем) собрании, под номером 786. Текст повести занимает стр. 46—49 по изданию 1950 г. В дальнейшем изложении обозначаем этот список буквой С.

2. Комиссионный список той же летописи, младшего извода. Рукопись относится к середине XV века, писана полууставом, повесть занимает в ней лл. 126—130. В издании 1950 года текст повести помещен на стр. 240—246. В дальнейшем обозначается буквой К.

3. Академический список той же летописи, младшего извода, XV века. Варианты по этому списку указаны в издании А. Н. Насонова, так же как и по Воронцовскому и Толстовскому спискам, скопированным с последнего в конце XVIII и начале XIX века, поэтому не представляющим интереса в отношении к восстановлению первоначального текста повести. Академический список в дальнейшем обозначается буквой А.

Ко второй группе рукописей следует причислить списки Еллинского летописца 2-й редакции. Сюда относятся следующие списки.

1. Список Библиотеки Академии Наук СССР, шифр: 33. 8. 13. Список относится к последней четверти XV века. Текст до сих пор не издан. Краткое описание рукописи дано в статье Д. С. Лихачева.² Текст повести занимает лл. 724в—726г. Список по многим признакам носит следы последней его переписки новгородским писцом. В дальнейшем обозначается буквой Б.

2. Чудовский список, 51/353(7), относится ко времени не позже середины XV столетия. Текст повести помещен на лл. 451—461. Рукопись описана М. Н. Сперанским.³ По всей вероятности, она переписывалась в Москве. Хранится в Государственном Историческом музее. В дальнейшем обозначается буквой Ч.

3. Кирилло-Белозерский список, № 86, начала XVI века. В нем текст повести занимает лл. 335—345. Хранится в Государственном Историческом музее, в Синодальном собрании. В дальнейшем обозначается *Кир*.

4. К этой же группе следует отнести и списки Софийской первой летописи, обозначаемые А. А. Шахматовым как принадлежащие к 1-й ее редакции. К сожалению, эти списки мне были недоступны, а издание Софийской летописи в „*Полном собрании русских летописей*“, т. V, опускает текст повести. Уже А. А. Шахматов указал, что в этой летописи под 6711 годом находим повесть „*О взятии Царьграда...*“, дополненную „*Сказанием об иконе пречистыя Одигитрия, о ризе Влахернской богородицы*“.⁴

Отмеченное указание позволяет не сомневаться, что в Софийскую летопись текст повести попал не из Новгородской летописи, а именно из Еллинского летописца, где мы также вслед за повестью читаем тексты упомянутых А. А. Шахматовым сказаний. Очевидно к Софийской же летописи восходит повесть по тексту Московского летописного свода конца XV века, изданного в 1949 году М. Н. Тихомировым

¹ Мы соглашались с палеографической датировкой Б. М. Ляпунова, поддержанной Е. С. Истриной и принятой в последнее время А. Н. Насоновым.

² Д. С. Лихачев. Еллинский летописец второго вида и правительственные круги Москвы конца XV века. Труды ОДРА, т. VI, 1948, стр. 99—110.

³ М. Н. Сперанский. Библиографические материалы, собранные А. Поповым. Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1889, кн. III.

⁴ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. Изд. АН СССР, М.—Л., 1938, стр. 211—212, прим. 2.

по Уваровскому (полов. XVI века) и Эрмитажному (XVII век) спискам.¹ В издании М. Н. Тихомирова текст повести занимает стр. 101—103. В дальнейшем Московский летописный свод обозначается буквой *М*. Наконец, к Московскому летописному своду следует отнести заимствование текста повести и Воскресенской летописью (XVI век). В этой летописи текст занимает лл. 695—704, по изданию 1794 года — стр. 133—139.

Во всех отмеченных списках и изданиях текст повести один и тот же и не представляет никаких отличий, кроме незначительных различий стилистического характера. Что же касается того места, в котором издатели Новгородской летописи усматривали и усматривают пропуск, то оно во всех списках читается абсолютно одинаково. Если в него внимательно вчитаться, то оно не обнаруживает никаких следов пропуска в тексте и дает вполне понятный смысл. В этом месте передается увещание крестоносцам, которое автор повести вкладывает в уста немецкого цесаря Филиппа и римского папы Иннокентия III.

Приведем это место полностью по списку *С* (пунктуация современная).

„Цесарь нѣмечьскый посла къ папѣ въ Римъ, и тако увѣчаста: яко нѣ воевати на Цесарьградъ; нѣ яко же рече Исаковиць: весь град Костянтинь хотять моего царьства, — тако же, посадыче его на прѣстолю, поидете же къ Иерусалиму въ помощь; не въсхотять ли его, а ведете и опять къ мнѣ, а пакости не деите Грьчьской земли“.

Смысл приведенного отрывка таков: „Царь немецкий послал [Алексея] к папе в Рим и они [оба] так увещевали [крестоносцев] не воевать против Царьграда: «Поскольку Исакович сказал, что весь Константинополь желает его воцарения, то, посадив его на престол, идите на помощь Иерусалиму, если же его не захотят, то приведите его опять ко мне [в Рим], а обиды не творите Греческой земле“». Ошибка издателей Новгородской первой летописи, заподозривших здесь пропуск в тексте, состояла в том, что они начало слов увещания усматривали только после приведенной прямой речи Исаковича. На самом деле увещание начинается словами: „Яко нѣ воевати на Цесарьградъ“, а прямая речь Исаковича включена в это увещание в качестве подчиненного предложения, в свою очередь зависимого от другого придаточного — условного.

При таком, единственно правильном понимании текста отпадает необходимость усматривать в нем какую бы то ни было несохранность, и надобность в предположении пропуска сама собой отпадает.

Хотя список *С* древнее, чем все остальные списки, почти на двести лет, однако его никоим образом нельзя считать ни первооригиналом повести, ни даже непосредственной копией с первооригинала. Это доказывается искажениями текста повести в списке *С*, которые в ряде случаев могут быть исправлены путем сопоставления с другими списками, хотя относительно более поздними, но вернее сохранившими особенности первого списка.

Наиболее ярко бросаются в глаза искажения текста в следующих местах:

1. Рассказывается о бегстве сына Исаака, царевича Алексея (в тексте он называется Исакович), из Константинополя. Для этого он скрывается на одном из итальянских кораблей в бочке с тройным дном.

С дает чтение: „И внидоша въ тѣ корабль, иде же бяшетъ, и вся мѣста обискаша, а изъ бѣчькѣ [род. п., мн. ч.] гвозды [вин. п., мн. ч.]

¹ ПСРА, т. XXV, 1949.

вынимаша“. Раньше шла речь лишь об одной бочке, в которой прятался Исакович. Следовательно, лучшее чтение представляет собою „бъчкы“ (род. п., ед. ч.) и „гвоздь“ (вин. п., ед. ч.), как читаем в рукописях Еллинского летописца (*Б, Ч, Кур*).

2. Далее, перед рассказом об отречении от престола Исаака в *С* читаем: „Исакъ цесарь, много съжаливъси о градѣ и о царствѣ своемъ и о граблении монастырскихъ, еже даяста фрягомъ злата и срѣбро, посуленое имъ“.

В этом чтении сомнительны два места: во-первых, сочетание „о граблении монастырскихъ“. В таком случае следует считать последнее слово субстантивированным прилагательным в роли дополнения в родительном падеже множественного числа к отглагольному существительному. Подобную синтаксическую конструкцию нельзя считать типичной для древнерусского языка XIII века.

В *К* вместо этого читаем: „о граблении монастырском“, т. е. употребляется согласованное определение, выраженное относительным прилагательным, соответствующим родительному падежу объекта; во всех других списках: „ограбление монастырское“. Вероятно, наиболее правильным следует признать чтение, имеющееся в Еллинском летописце (*Ч, Кур*), где мы встречаем: „о граблении монастырских“, т. е. употреблено такое же согласованное определение во множественном числе. В обоих случаях употребление определения, выражаемого относительным прилагательным, в соответствии с родительным падежом объекта при отглагольных существительных — явление очень обычное в древнерусских памятниках XI—XIII веков, например, в нашем же тексте ниже встречается форма: „про зажжение градное“ (пожар города).

Второе замечание относительно приведенного выше контекста касается формы родительного падежа единственного числа (или винительного падежа множественного числа) „злата“. Это, несомненно, следует считать ошибкой, так как во всех списках, кроме *С*, это слово стоит в винительном падеже единственного числа — „злато“, как и следующее за ним слово „срѣбро“.

3. Далее, в рассказе об избрании императором Николая Канава список *С* дает чтение: „и ту быша с нимъ въ святѣи Софии 6 дний и 6 ночии“. То же чтение приводится и во всех списках Еллинского летописца (*Б, Ч, Кур*). Однако один список *К* дает другое чтение, которое значительно более соответствует смыслу контекста и потому может быть принято за первоначальное: „и ту бысть снемъ“, т. е. „происходило собрание“. Ошибка переписчика *С* в этом случае состояла, вероятно, в том, что он принял незнакомое ему существительное „снемъ“ за диалектную разновидность формы местоимения „и“ в творительном падеже единственного числа мужского рода и исправил эту форму на общепринятую литературную.

4. Требование „фрягов“, предъявляемое ими к императору Мурдуфлу, в *С* передано следующим образом: „Дай намъ Исаковиця, ото [буква ѿ] поидемъ къ нѣмечскому цесарю, отнеле же есме послани“. При чтении *С* роль подчинительного союза цели выполняется предлогом „от“. Список *К* взамен этого содержит слово „даждь“. В *А* читаем: „и тако“; во всех списках Еллинского летописца имеем: „и абие“; в *М* — союз „да“. Очевидно, в первописке имелся старый русский подчинительный союз цели „ать“, „оть“, ¹ который в качестве устарелого и специфически рус-

¹ Ср. в „Поучении“ Ильи Новгородского: „взборанивати женам, отъ не ходять к вълхам“ (История культуры древней Руси, т. II, стр. 116).

ского не был признан позднейшими переписчиками, и они, каждый по-своему, заменяли его по смыслу союзами, употребительными в церковнославянском письменном языке XV века.

5. При описании кораблей крестоносцев, участвовавших во взятии Константинополя, в *С* мы читали такие слова: „Приступиша же на 40 корабль въ великих; бяху ж изременани межи ими, в нихъ [ркл. нихъхъ] же людье на конихъ, одени в бръне, и коне ихъ“.

В этом тексте следует прежде всего исправить чтение, принятое во всех изданиях Новгородской первой летописи, включая издание 1950 года. В них мы читаем: „на 40 корабль въ великих“. Такое чтение представляется бессмысленным. „Въ“ не является предлогом, относящимся к прилагательному „великих“, а представляет собой лишь часть флексии родительного падежа множественного числа 2-го склонения мягкой разновидности: „корабльвъ“, подобно тому, как мы имеем ниже в том же тексте форму „корабльвъ“ и „царевъ“. Это очень частая для древнерусского языка флексия. „Великих“ же следует понимать не как местный падеж, который был бы единственно возможен при предлоге „в“ на вопрос „где“, а родительный падеж множественного числа в согласовании с предшествующим существительным. Форма „корабльвъ“ имеется в этом месте и во всех остальных списках повести.

Во-вторых, обращает на себя внимание слово „изременани“. Подобного слова мы не встречаем нигде, кроме данного памятника. Его легче всего понять как форму причастия страдательного залога прошедшего времени во множественном числе мужского рода. В этом случае началом слова, от которого образована данная форма, был бы глагол „изременати“, „изременаю“. Именно такой глагол мы и находим в „Материалах“ И. И. Срезневского со ссылкой только на данный текст. Этот глагол, по всей видимости, следует понимать как образованный от существительного „ремень“ со значением „окутать ремнями“. Между тем, такое значение никак не соответствует контексту. По смыслу в этом месте следовало бы искать название боевого корабля, приспособленного для перевозки конницы. Если мы привлечем для сравнения другие списки повести, то увидим, что все они согласны с *С*.¹

Вне всякого сомнения, текст в этом случае испорчен. Для правильного его понимания следует обратиться к греческому тексту „Истории“ Никиты Хониата. Последний, перечисляя вооружение крестоносцев, упоминает о подобных кораблях и называет их „дромонами“: „В течение трех лет было построено в Венции сто десять дромонов для перевозки конницы“.²

По всей вероятности, в первоисписке повести и читалось это греческое слово „дромони“, оставленное без перевода. В этом случае общий контекст следует восстановить как: „бяху же и дромони“ между ними. Слово „дромони“ встречается в древнерусских памятниках, в частности в Еллинском летописце. Что же касается глагола „изременати“, то следует признать его никогда не существовавшим.

6. Вызывает сомнение рассказ о бегстве из Константинополя императора Алексея Мурдуфла. В *С* мы читаем: „Цесарь же Мюрчюфоль крѣпляше бояры и все люди, хотя ту брань створити съ фрягы, и не

¹ Следует отметить, что М. Н. Тихомиров, подготавливавший к печати текст Московского летописного свода, прочитал в соответствующем месте сочетание „и зременани“, однако никак не комментирует его значения (см.: ПСРЛ, т. XXV, 1949, стр. 102).

² См.: Никита Хониат. История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина, т. II. СПб., 1862, стр. 227.

послушаша его: побегоша от него вси. Цесарь же побеже от нихъ, и угони е на Коньнемъ търгу, и многа жалова на бояры и на все люди“.

В приведенном отрывке непонятным представляется второе предложение: кто же кого догоняет? Буквальный смысл: цесарь убежал от них и догнал их на Конном торгу. Это, разумеется, бессмыслица! В данном месте все списки Еллинского летописца согласны с С, списки же К и А предлагают чтение: „угониша е“ — т. е. „они догнали их“. Смысл и в этом чтении не ясен. Наиболее достоверно признать текст испорченным и исправить по смыслу: „и угониша и“, т. е. „они догнали его“.

7. Наконец, повидимому, следует читать вместо: „и тако бысть възятие Цесаря града велико“ (так в С) — „възятие Цесаря града великого“, т. е. родительный падеж единственного числа мужского рода прилагательного с древнерусской флексией. Вероятно, последнее слово в перво-списке повести или в непосредственном оригинале С было написано в конце строки с выноской буквы „г“, которой и не заметил переписчик, поняв „велико“ как краткое прилагательное и согласовав его в роде с существительным „възятие“. Все остальные списки согласуют прилагательное с существительным „града“ и дают членную форму родительного падежа единственного числа, свойственную книжному церковно-славянскому языку: „великаго“.

Перечисленные замечания дают основание восстановить первоначальное и правильное чтение текста повести и одновременно наводят на мысль о том, что Новгородскую летопись, в частности список С, нельзя признать источником, откуда заимствовалась повесть в Еллинский летописец, порой сохраняющий более правильное чтение. Очевидно, тексты Еллинского летописца опираются на какой-то другой, не дошедший до нас протограф.

III

Ценность повести как исторического источника несомненна. Она определяется прежде всего относительной беспристрастностью, так сказать, „нейтральностью“ изложения событий. В то время как Виллардуэн рисует события с точки зрения крестоносных рыцарей, а Никита Хониат выражает отношение аристократической части византийского населения к гибели Византии, повесть написана лицом, непосредственно не пострадавшим от событий и не принимавшим в них активного участия. Виллардуэн явно замалчивал или смягчал бесчинства крестоносцев в захваченной ими столице и возносил военные доблести своих соратников.¹ Никита Хониат горько и гневно изобличал насилия врагов над населением города, но, несомненно, склонен был их преувеличивать. Повесть не скрывает грабительств и насилий крестоносцев, но автор ее не хочет оправдывать и византийскую знать во главе с императором. Поэтому к показаниям русского автора во многих случаях следует относиться с большим доверием, чем к остальным источникам.

Обращает на себя внимание в повести полное отсутствие в ней какого бы то ни было религиозного прагматизма, столь характерного для мировоззрения историков феодальной эпохи.

Автор повести нигде не объясняет бедствий, постигших Византию, гневом божества или возмездием за грехи ее жителей. Наоборот, он склонен подчеркивать исключительно социальные и политические при-

¹ См.: Сборник документов по социально-экономической истории Византии. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 229—230.

чины поражения византийцев и столь быстрого захвата врагами их столицы. Прежде всего причиной гибели империи он называет „сваду цесаревъ“, т. е. междоусобные ссоры императоров. Повесть показывает, как во время штурма Царьграда бояре отказываются его защищать и во главе с императором и патриархом позорно бегут из захваченного врагами города. Автор подчеркивает, что доблестно защищавшие городские стены лишь немногочисленные отряды греческих воинов и наемных варяжских дружинников, верных своей присяге, погибли, будучи изрублены мечами латинян, ворвавшихся в город.

Если мы сравним описание боевых действий, изображенных в повести, с тем, что о них сообщают другие источники, то не сможем не отметить большой точности изображения. Так, автор повести с полной топографической достоверностью, как очевидец, рассказывает о расположении сухопутных сил крестоносцев под стенами столицы: „Приступиша къ граду, солнцю въсходящю, противу святому Спасу, зовемый Вергетисъ, противу Испигасу, стаща же и до Лахерны“.¹ (Испигас — это, несомненно, название ворот в западной части стены Константинополя, откуда вела дорога в Пиги, пригород столицы, *ἡς πύλας*; по названию ворот обозначался и район города).

С неменьшей топографической тщательностью, опять-таки с точки зрения очевидца, указываются границы кварталов, охваченных пожаром при первом штурме столицы: „и подрумье (ипподром) и до моря, а семо по Цесаревъ затворъ и до Суда погорь“. Это крайний юго-восточный угол столицы между Пропонтидой и Золотым Рогом (Судом). Отсюда можно сделать предположение, где жил автор повести в Константинополе, когда он описывал события. Очевидно, он жил в части столицы, прилегающей к Золотому Рогу, причем к северу от Цесарева затвора — цепи, преграждавшей доступ в Золотой Рог неприятельским судам.

Чрезвычайно точным следует признать указание повести на такую подробность, как корабль крестоносцев, прибитый ветром к городской стене во время штурма Константинополя.² Интересно указание на количество крестоносцев, убитых при отражении первого штурма, 9 апреля 1204 года: „Нъ фрягъ избиша близъ 100 мужъ“. Это позволяет критически отнестись к хвастливому заявлению Вилардуэна о том, якобы город с 400 000 населением был взят крестоносцами с потерей лишь одного рыцаря.

Точным является свидетельство повести о том, что после удачного штурма 12 апреля крестоносцы, уже фактически овладев городом, не решились продвигаться в нем до следующего утра и провели ночь на месте, где была ранее ставка императора Мурдуфла,³ и лишь с восходом солнца вошли в св. Софию.

Заслуживает полного доверия подробный рассказ повести о применении крестоносцами разнообразных боевых средств. Детальное и точное их описание обличает в авторе повести лицо, хорошо знакомое с „техникой“ военного дела и морского боя. Обращает на себя внимание также то, что в полную противоположность, например, Никите

¹ Ср. „Хронологические выписки“ К. Маркса: „Сухопутное войско с суши идет вокруг гавани и разбивает лагерь перед Влахернскими воротами“ (Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 196).

² Ср. „Хронологические выписки“ К. Маркса: „Удачный порыв ветра подогнал к одной башне два корабля епископов Суассона и Труа так близко, что с марсов можно было перекинуть мосты на стену“ (Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 198).

³ Ср. в „Хронологических выписках“ К. Маркса: „При наступлении ночи латиняне отступают к захваченной части стены“ (там же).

Хониату автор повести, упоминая лишь о разграблении крестоносцами церковных богатств, ничего не говорит об увозе или уничтожении ими художественных ценностей, унаследованных Византией еще от языческого Рима. Очевидно, автор повести счел неудобным перечислить эти ценности как предметы идолопоклонства и поэтому не упомянул о них.

Верно названы в повести дни первого и второго штурма столицы крестоносцами; точно указывается дата избрания ими нового императора Латинской империи — 9 мая. Однако если в приведенных случаях нас не может не поразить историческая точность и достоверность, то, с другой стороны, в ряде случаев проявляется стремление автора повести к некоторой легендарности в передаче сообщаемого. Особенно явно это усматривается в начале повести, когда изображается тайное бегство царевича Алексея из Константинополя на Запад от преследований своего дяди-узурпатора Алексея III. Рассказ повести обставлен сказочными подробностями и коренным образом расходится с тем, что мы узнаем об этих же событиях из сообщения Никиты Хониата. В „Истории“ последнего мы читаем: „Между тем Алексей, без сомнения, по мысли своего отца, условился бежать с одним пизанцем, который командовал большим купеческим кораблем и только ожидал удобного времени ускользнуть морем и закрыть свой след водою. Когда удобное к отплытию время наступило, корабль распустил паруса и с попутным ветром благополучно прибыл в Авлонию на Геллеспонте. Отсюда с корабля отправлена была для принятия Алексея шлюпка в Афиру, по прибытии в которую матросы, чтобы скрыть свое настоящее намерение, начали нагружать песок, как будто бы нужный кораблю, по выгрузке его товаров, для балласта. Убежав сюда из Демократии, Алексей сел на шлюпку и переехал на корабль. Бегство его скоро было замечено, и император приказал немедленно обыскать корабль; но посланные не могли узнать Алексея: он остриг себе в кружок волосы, нарядился в латинскую одежду, смешался с толпою и таким образом укрылся от сыщиков“.¹

Если сравнить рассказ Хониата с повестью, то можно предположить, что последняя основывается на устных народных сказаниях, распространившихся среди населения Византии по поводу тогдашних событий.

Точкой соприкосновения между обеими версиями можно считать слова Хониата: „закрыть след свой водою“. Не лишено вероятия, что эти слова, взятые из какого-либо официального источника, понимались народной легендой буквально, в связи с чем и появился в повести эпизод о бочке с тройным дном.

Следы народных легенд в передаче повести заметны и в особой любви ее автора к сказочному числу „сорок“: на сорока великих кораблях крестоносцы подплывают к Царьграду, после захвата ими столицы под престолом св. Софии они находят клад в сорок кадей золота, над алтарем Софии — сорок „великих кубков“.

При сравнении с другими источниками обнаруживается в повести порой и хронологическая неточность, например, в сообщении о смерти императора Исаака Ангела. Хониат и другие указывают, что этот император умер лишь после того, как его сын Алексей был уже свергнут и заточен Мурдуфлом. Повесть же рассказывает о смерти Исаака до сообщения о восстании константинопольского народа против его сына как сообщника ненавистных иноземцев.

¹ Никита Хониат, ук. соч., стр. 268—269.

Но если такое построение повести противоречит хронологии, устанавливаемой на основании других свидетельств, то благодаря этому рассказ намного выигрывает в идейном отношении. Смерть Исаака представляется прямым последствием его огорчения по поводу насилий и бесчинств, творимых „фрягами“, и вымогательства в требованиях выплаты обещанных им царевичем сумм. Не будучи в силах вынести оскорблений, Исаак „разболѣвъся, и бысть мних, и отиде свѣта сего“. Здесь особенно выразительна трехчленная концовка, построенная на постепенном усилении значения подобранных автором слов и выражений.

Итак, хотя повесть и представляет значительную ценность в качестве исторического источника, не следует забывать о том, что она остается прежде всего художественным произведением, притом произведением именно русской литературы своего времени.

IV

Можно согласиться с утверждением автора очерка о повести в первом томе „Истории русской литературы“, что язык повести не носит каких-либо следов иноязычного оригинала. Приведенные слова следует понимать в том смысле, что перед нами произведение, безусловно, не переводное и не компилятивное из каких-либо многих иностранных оригиналов, а самобытное творение русского автора; оно представляется единым и по идее, и по композиционным особенностям. Не исключается, однако, возможность использования автором повести некоторых иноязычных источников, а может быть, и устных рассказов византийцев и крестоносцев, с которыми ему приходилось лично общаться. Прежде всего обращает на себя внимание значительная прослойка в тексте повести лексики греческого происхождения. Большая часть ее относится к сфере церковной терминологии и принадлежит еще к пластам общеславянских заимствований, вошедших через церковную старославянскую книжность. К этому типу относятся слова: папа, София, монастырь, мних, патриарх, онбол (амвон), тябло, олтарь, олтарныя, тряпеза, понекадило, евангелъе, иконы, философ, пискупы.¹ К этой же группе причислим слова: цесарь, корабль, фряг. Эти слова, разумеется, настолько крепко и широко внедрились в словарный состав древнерусского языка, что могли употребляться повсеместно и потому могут встретиться в любом русском памятнике, независимо от места его создания.

К другой группе заимствований из греческого следует отнести название зданий и местностей в Константинополе: подрумье (ипподром), Вергетис (название монастыря Βεργετις), Испигас (название ворот, ведущих в пригород Пиги, Εἰς Πύγας), Лахерна (Влахернский дворец). Эти названия верно передают народно-разговорное произношение, обычное в той среде, где мог вращаться автор повести, живя в Константинополе. Эти же названия употреблял и Добрыня—Антоний в своем описании Царьграда.

К третьей группе слов относятся названия военных судов и их частей: галѣя, скала, дромон; сюда же примыкают: рая (раина-рея) и кадь (мера). Эти слова, частью заимствованные из итальянского языка в греческий, были тоже, несомненно, широко распространены

¹ См.: М. Р. Фасмер. Греко-славянские этюды, т. III. СПб., 1912, стр. 29, 76, 46, 180, 71 и др.

в народной речи византийского населения и поэтому могут служить лишним доказательством живой связи автора повести с демократическими кругами жителей византийской столицы. Кстати, название судна „галъя“ уже в то время бытовало и в русском языке; оно встречается в Лаврентьевской летописи под тем же 1204 годом, в повествовании о походе князя Всеволода на волжских болгар. Обращает на себя внимание и выражение „первыи въ боярехъ“. Так в повести передано название сана, который Мурдуфл обещает своему сопернику Николаю Канову. Это выражение — очевидная калька с греческого *protostратор* или близкого к нему слова.¹

С другой стороны, в повести можно усматривать и следы западноевропейского языкового воздействия в ряде мест, особенно когда перечисляются имена и титулы руководителей крестоносного ополчения. Так, Бонифаций маркграф Монферратский назван „маркус“, что может соответствовать итальянскому *marchio, marchiso*.

Это замечено было уже в 1-м издании Новгородской летописи, где в примечании приведена выдержка из словаря Дюканжа: „*marchae, vel marchae, seu provinciae limitaneae praefectus*“.

Любопытно, что родиной маркграфа назван город Верона, причем передано это название в немецкой форме — Берн (Bern) с пояснением: „иде же бѣ жилъ поганыи, злыи Дедрик“, т. е. Теодорих Остготский. Это наводит на мысль о знакомстве автора повести с каким-то немецким источником, возможно, с „Песнью о Нибелунгах“, в которой Теодорих, как известно, фигурирует под именем Dietrich von Bern. Форма же имени „Дедрик“, как кажется, свидетельствует о нижне-немецком его произношении. Балдуин граф Фландрский назван повестью „Кондофъ Офланъдръ“ или „Кондофларендъ“. В первой части этого имени легко узнать итальянское *conte* — „граф“. Во второй же части обращает на себя внимание предлог *of* (в соответствии с верхне-немецким *von*) — „of Flandern“. Не попали ли эти названия в повесть в результате непосредственного общения ее автора именно с фландрскими рыцарями-крестоносцами, со слов которых и были записаны имена их вождей?

Титул дожа Венеции Даноло передан в форме „дужь“, что соответствует итальянскому *Doge* (при латинском и византийском — *dux*), заимствованному очень рано также и в древнерусский язык.

Все приведенные западноевропейские элементы лексики отражают прямое общение автора повести не только с греческим населением Царьграда, но и с „фрягами“, жившими в нем и до захвата крестоносцами и особенно умножившимися после основания Латинской империи.

Повесть сравнительно терпимо относится к крестоносцам и особенно старается отвести обвинения от римского папы и от немецкого императора. Дважды подчеркивается их запрещение рыцарям творить бесчиния в Греческой земле.

В то время как Хониат не жалеет выражений, чтобы обрисовать жестокость латинян, их грубые кощунства и поругания над памятниками византийской культуры, повесть говорит об ограблении ими лишь церковных ценностей. Может быть, это объясняется тем, что для Хониата со взятием Царьграда гибла независимость его родины, сам

¹ М. Р. Фасмер (ук. соч., стр. 161) отмечал, что „ряд греческих композитов (*composita*) с *proto* настолько распространился на русской почве, что стал притягивать к себе путем народного осмысления и другие слова“.

он терял положение и богатство, тогда как русский автор всё же наблюдал происходившие события со стороны, лично ими не задетый. Сообщение повести о том, что „фряги обладают“ Константинополем, указывает, не позже какого времени она сложена: такой гранью является 1261 год.

Большую долю вины в разгроме империи повесть приписывает венецианцам и, в частности, их дожу, который „много брани на град замышляше“. Такая оценка деятельности Дандоло и его сограждан в сравнении „с крестоносными болванами, которых немилосердно надули и которые вместе со своими неотесанными князьями были всего лишь орудием в руках этих торгошай (Geldmacher)“, ¹ — вполне соответствует исторической действительности и лишний раз подтверждает политическую пронизательность автора повести.

Специфически русским является не только стиль изложения повести; соответствует интересам русского народа и основная идея, вложенная автором в его произведение и бывшая несомненно важной и злободневной для тогдашней Руси: если Царьград пал вследствие „свады цесаревь“, то в этом заключен урок и для русских князей.

В своих описаниях автор повести обращает внимание прежде всего на то, что резко отличается от тогдашней русской действительности. Его поражают одетые в броню кони крестоносцев. Его ужасает византийская казнь посредством ослепления стеклом, при которой глаза остаются неповрежденными, но человек перестает видеть.

Стиль повести полностью соответствует, как правильно замечено в „Истории русской литературы“, стилю древнерусских летописей. Особенно заметно это сказывается в частом использовании прямой речи в качестве средства характеристики изображаемых лиц. Витиевата, напыщена и громоздка по синтаксическому построению увещательная речь римского папы, отрывисто заносчивы речи Исаковича, Мурдуфла, бояр. Напоминает летописные речи своим энергичным выражением рыцарской доблести высказывание крестоносцев под стенами Царьграда: „Оже нам нѣту Исаковиця, с ним же есме пришли, да луче ны есть умерети у Цесаря града, нежели съ срамом отъйти“.

Функция приводимых речей тоже соответствует летописному стилю. В повести представлены не только военные речи, но и речи посольские, например, речь Мурдуфла „людем“, собравшимся в Софии: „Язь яль ворога вашего Исаковиця. Язь вашъ цесарь, а Николь даю първыи въ боярех. И сложи съ себе вѣнец!“.

Далее читаем типичную крестоцеловальную речь клявшихся сторонников Николая: „Кто отступит от Николы, да будет проклят“. Лаконичное, полное внутренней энергии построение речей, обилие в них исконно русской лексики вполне соответствуют построению аналогичных речей и во всех древнерусских летописях. Летописный стиль прослеживается и в описаниях боевых действий, когда мы встречаемся с точным употреблением воинской терминологии, обычной в древней Руси, например: „Оттоль начаша строити брань ко граду и замыслиша, яко же и преже, на кораблих раями на шыглах, на иных кораблих исьдиниша пороки и лѣствиця, а на инѣх замыслиша свѣщивати бочки черес град, накладыны смолины, и лучины зажегше, пустиша на хоромы, яко же и прѣже, пожьгоша град“.

В этих описаниях всё типично для летописи: и лексика (с заборолы, пороки, стрѣлы, сулица), и динамичность в изображении боя.

¹ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V, стр. 197.

V

Повесть „О взятии Царьграда от фряг“, вне всякого сомнения, следует признать памятником древнерусского литературного языка старшей формации. Структура языка, отразившаяся в ней, типична для периода его развития до татаро-монгольского завоевания. Изучению языка повести в целом должно быть посвящено специальное исследование. В настоящей статье я коснусь этой темы лишь постольку, поскольку с вопросом о некоторых особенностях языка списка С связано отнесение повести к новгородской литературе.

Большинство исследователей включают повесть в новгородскую по происхождению литературу, между тем это утверждение вызывает ряд сомнений.

Список С, как уже отмечалось, ни в коей мере нельзя считать протографом. Новгородская первая летопись, как было указано Б. М. Ляпуновым и А. А. Шахматовым, включает в себя довольно много сказаний, несомненно не новгородских, а южнорусских по своему происхождению: под 1210 годом — поход Всеволода на Рязань (Лаврентьевская летопись — под 1217 годом), под 1218 годом — повесть об убиении Глебом и Константином, князьями рязанскими, своих братьев (Лаврентьевская летопись — под 1217 годом), под 1224 годом — обширная статья о Калкском побоище, под 1230 годом — о землетрясении, ощущавшемся в южной Руси, и т. д.¹

Источником перечисленных и ряда других статей А. А. Шахматов склонен был считать восстановленный им так называемый „Владимирский полихрон“ начала XIV века. В настоящее время существование „Владимирского полихрона“ не признается доказанным. В. Л. Комаровичем с достаточной вероятностью было выдвинуто предположение об использовании Новгородской первой летописью погибшего летописного свода рязанского князя Ингвара² в качестве одного из источников.

Как бы то ни было, не исключается возможность, что наша повесть попала в С из какого-либо не новгородского памятника. Язык повести, действительно, не содержит особенностей новгородской речи, и ряд явлений скорее указывает на ее южнорусское происхождение.

Правда, фонетическое оформление некоторых слов в списке С носит явно новгородский характер. Сюда отнесем довольно систематическую взаимную замену аффриката „ѡ“ на „ч“: „чесареви“ (из „цесареви“), „сьлчю“ (2 раза); „Исаковиць“ (9 раз), „Исаковицемь“, „исьциниша“ (из „исчичниша“), „привлеце“, „полуноци“. Однако следует особенно отметить, что это явление мы наблюдаем только в списках Новгородской первой летописи, и то не вполне последовательно; что же касается списков Еллинского летописца и зависимых от него (например М), то они вовсе свободны от указанной особенности (один случай написания „Исаковидом“ в списке Б может быть отнесен за счет следов позднейшей, уже в XV веке, переписки его рукой новгородского писца). Отражением новгородского произношения, возможно, являются написания: „хресты“ вместо „крсты“, а также „гвозды“ вместо „гвозди“.

Следует отметить, что подобные же следы новгородской фонетики можно найти в других текстах списка С, явно не новгородских по своему происхождению, например, в повести о битве при Калке 1224 года: „полович“, „кобяковиць“, „поця“ (поча), „сьця“, „концяша“ и др.

¹ Ср.: А. А. Шахматов, ук. соч., стр. 130—131.

² См.: История русской литературы, т. II, ч. 1, 1945, стр. 74—77.

Что же касается редкой лексики, употребленной в нашей повести, то и она не носит на себе отпечатка чего-либо специфически новгородского. Так, слово „мѣняшеть“ — „обещал“, „сулил“ — позднейшие списки заменяют более употребительным для своего времени „суляшеть“ (А), „овѣщавашеть“ (М). Слово с данным значением в „Материалах“ Срезневского не зарегистрировано. Подобное слово с приставкой „по“ и производное от него существительное „поменение“ нередко встречаются в древнерусском переводе „Истории иудейской войны“ Иосифа Флавия.¹

Глагол „облупиша“, в Б, Ч, А замененный глаголом „обоимаша“ в значении „обобрали“, правда, встречается не раз и в Новгородской летописи, но не менее часто встречается он и в других памятниках, о новгородском происхождении которых не может быть и речи, например, в той же „Истории“ Иосифа Флавия: „живых рѣзашу, а гробныя лупяшу“, а также в Ипатьевской летописи под 6789 и 6791 годами.

Глагол „изверемени“ (изверемени) тоже находим в Ипатьевской летописи под 6660 годом.

Существительное „сънем“ (в значении „сейм“) в Новгородских памятниках не встречается. В южнорусских же летописях он обычен именно в данном значении, например, в Ипатьевской летописи под 6605, 6656, 6664, 6673 и 6676 годами. Также часто встречается в южнорусских летописях „свада“ в значении „ссора“ (Ипатьевская летопись, под 1203 г.). Слово „погоде“ в повести употребляется в значении „благоприятная погода“. Еще В. И. Даль заметил: „На юге, западе «погода» нередко значит «вѣдро» — хорошее, ясное, сухое время“. В таком же значении оно употреблено в Лаврентьевской летописи под 6736 годом.

„Безусловно северным“ морским и речным термином признавалось существительное „шьгла“.² Однако такое „безусловное“ его географическое приурочение не вполне подтверждается данными древнерусских памятников и современного словоупотребления.

В „Материалах для словаря древнерусского языка“ И. И. Срезневского для использования слова „шьгла“ (шьгла) приводится только одно значение (по Далю), а именно: „лестница в одно бревно с вырубками или набойками“, причем в качестве иллюстрации, кроме данного места повести, цитируется „Послание о рае“ Василия Новгородского: „Повѣлѣша единому другу своему взыти по шеглѣ на гору ту“.

Между тем, слово это имеет много значений, основное из которых — „мачта на корабле“, подходящее и для нашего текста. Распространено оно было широко и в прошлом и даже сейчас встречается в говорах в различных фонетических вариантах: шьгла, шегла, шегила, шогла, щегла, шелга, шылга и т. п.

В словаре Даля приводятся между прочим и такие значения: дерево, бревно, лесина, целое голомя, шест для флага, для подъема значка; шест, жердь, кою проводят невод под лодкой, шест, на котором подвешивают или ставят скворешню, и т. д. В отношении территориального распространения его Даль дает пометы: „волог., нижег., волж.“ и др.

Лично нам пришлось слышать это слово в Чкаловской области. Зарегистрировано оно и в украинских говорах.³

¹ V. M. Istrine. La prise de Jerusalem. Paris, 1934, t. I, стр. 19, 34—38, 62; т. II, стр. 60, 17, 149, 34, 193, 15.

² См.: Ученые записки Ленинградского Государственного педагогического института им. А. И. Герцена, т. 20, 1949, стр. 267—278.

³ См.: Програма для збирання матеріалів до Діалектологічного Атласа Української мови. Київ, 1948, стр. 34.

Наконец, ближайшую лексическую параллель к интересующему нас месту можно найти в той же „Истории“ Иосифа Флавия. Там рассказывается о стенобитном орудии-таране: „И поставиша овенъ, ежъ есть древо велико и толъсто, подобно шегль корабельной, а в конецъ ж его всажено железо велико, рогато, имъ ж и овенъ наречется“.

Таким образом, бесспорно, что характерная лексика, использованная в повести, не содержит в себе ничего специфически новгородского и скорее ведет нас к словоупотреблению, свойственному южной Руси того времени. К этому же выводу приводят и некоторые наблюдения над грамматическими особенностями языка повести.

Так, обращает на себя внимание большое количество глагольных форм имперфекта 3-го лица единственного и множественного числа с флексией „ть“: хожашеть, учашеть, мышляшеть, бяхуть и т. п. Из общего количества 30 имперфектных форм 3-го лица в тексте повести такую флексию имеют 15. В то же время в Новгородской летописи вообще подобные формы очень редки. Это подтверждает положение, высказанное еще в 1852 году П. А. Лавровским и в последнее время поддержанное Л. А. Булаховским¹ и П. Я. Черных,² что флексия „ть“ для формы 3-го лица имперфекта не характерна для новгородских и вообще для северных письменных памятников и является признаком южнорусского происхождения того текста, в котором она встречается и преобладает. Подобное же наблюдение, может быть, следует сделать и относительно формы родительного падежа множественного числа существительного с основой на „ю“: корабель, цесаревь. В Новгородской летописи по списку С подобная форма не обнаружена. В Новгородских грамотах попадаются лишь два случая с флексией „евь“: „купчев“, „купцев“; все остальные формы без флексии „евь“. Между тем, в „Истории“ Иосифа Флавия это наиболее частая форма: царевь, властелевь, днєвь и т. п.

Таким образом, и по языковым особенностям памятник не следует считать специфически новгородским. Отпадает также, как показало исследование, необходимость предполагать заимствование повести в Еллинский летописец из Новгородской летописи. Лучшая порою сохранность текста повести в списках Еллинского летописца, чем в С, это подтверждает. Если мы учтем, что, по указаниям В. М. Истрина и А. А. Шахматова, Еллинский летописец уже существовал в 30-х годах XIII века (в добавление к чему следует указать на связь с Еллинским летописцем ряда летописных известий, восходящих, вероятно, к Ростовскому своду, как, например, рассказ о Липицкой битве под 1216 годом в Софийской летописи и др.), то предположение о путешествии повести из Царьграда в Новгород, а оттуда уже на восток Руси, где, видимо, сложился Еллинский летописец, следует признать невероятным.

Нужно еще указать, что как в рукописях Новгородской летописи (списки К, А, Т), так и во всех списках Еллинского летописца рассказ повести дублируется краткими сообщениями о тех же событиях; это может указывать на позднейшую вставку повести и в Новгородскую летопись и в Еллинский летописец из какого-либо общего, вероятно, южнорусского по происхождению и бытованию памятника.

¹ Л. А. Булаховский. „Слово о полку Игореве“, как памятник древнерусского языка. Сборник статей „Слово о полку Игореве“, изд. АН СССР, 1950, стр. 136.

² История культуры древней Руси, т. II, стр. 119.

М. Н. СПЕРАНСКИЙ

Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI—XVII веков

Взятие Константинополя турками в 1453 году и падение Византийской империи поразили умы современников. Вполне понятен интерес к этим событиям на Руси, где в это время происходил процесс образования централизованного русского государства.

Первые отклики на взятие Константинополя появляются в документах и кратких летописных сказаниях на основе устных рассказов по живым следам событий. Эти известия до сих пор не были предметом специального внимания исследователей.

В первой трети XVI века одно за другим распространяются в русской письменности три произведения:

- 1) краткая повесть (перевод с греческого, 1508—1520 годы);
- 2) лирический плач (русское произведение, около 1512 года);
- 3) пространная повесть (русское произведение, не позже 1530-х годов).

Последняя стала особенно популярной на Руси: еще в XVI веке, вскоре после своего возникновения, она была известна в двух разных версиях: а) огромное количество списков в составе Хронографа первой редакции, деленного на главы — так называемая хронографическая повесть; б) единственный список с упоминанием в послесловии имени составителя — Нестора Искандера — так называемая искандеровская повесть.

Все три повести были изданы еще в прошлом столетии с более или менее обстоятельным историческим комментарием. В последние годы краткая характеристика первых двух произведений и более развернутый анализ пространной повести были сделаны С. К. Шамбинаго.¹

Вопрос же о взаимоотношении всех этих произведений (в том числе о тождестве или различии хронографической и искандеровской пространной повестей), их художественной специфике, историко-литературном значении оставался попрежнему невыясненным, несмотря на появление специальных исследований.²

¹ История русской литературы, т. II, ч. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1945, стр. 222—225. Примером путаницы, возникавшей в результате необследованности данного вопроса, является безоговорочное отождествление хронографической и искандеровской повестей в данной статье С. К. Шамбинаго.

² Б. Унбегаун посвятил специальную статью древнерусским повестям о взятии Константинополя (*Les relations vieux russes de la prise de Constantinople. Revue des études slaves*, Paris, 1929, т. IX, стр. 13—38). Но он далеко не охватил всего материала (ему не известны, например, отголоски событий 1453 года в русских доку-

Для решения этого вопроса требовалось предварительно изучить и освоить огромный рукописный материал, преимущественно сборники исторического содержания, составленные в XVI—XVII столетиях.

Публикуемая работа покойного М. Н. Сперанского — итог многолетней работы автора над изучением повествовательного материала в сборниках постоянного состава, в первую очередь — в сборниках исторического содержания. Систематическое обследование сборников проводилось им преимущественно в Отделе рукописей Государственного Исторического музея, где он работал в 1921—1929 годах. Дополнительно им были привлечены десятки рукописей из собраний Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и Библиотеки Академии Наук СССР, а также некоторых зарубежных архивов (например, б. Музея королевства Чешского в Праге). М. Н. Сперанский собирал материал для своей монографии в течение долгих лет и завершил ее зимой 1936/37 года. Заключение помечено им датой „18 февраля 1937 года“.

Такое широкое изучение рукописной традиции повестей о взятии Царьграда еще никогда не производилось, причем многие произведения (отголоски событий 1453 года в документах и летописных сказаниях на основе устных источников, повести об этих событиях в „Степенной книге“, в Хронографе 1617 года, „Скифская история“ А. Лызлова, Густинская летопись, поздние переводные источники типа Хронографа Малаксы и „Хроники“ псевдо-Дорофея, наконец, печатное издание 1713 года и идущие от него рукописные тексты в сборниках XVIII века и т. п.) были привлечены исследователем впервые.

Изучение повестей в составе сборников позволило автору: 1) проследить процесс циклизации повестей об исторических судьбах Византии в русской письменности на рубеже XVI—XVII веков, 2) выявить состав наиболее типичных циклов и 3) показать взаимодействие повестей внутри циклов (эпизоды из сказания о построении св. Софии в Царьграде, вставки из сказаний И. С. Пересветова в списках хронографической повести в сборниках постоянного состава).

Этот новый подход к материалу дал возможность автору поставить на прочную основу вопрос о взаимоотношении произведений, о степени их распространения, историко-литературном значении и сделать наблюдения над эволюцией жанра исторической повести на протяжении двух столетий (от начала XVI до начала XVIII века).

Широкая популярность пространной повести о взятии Царьграда, как показал М. Н. Сперанский, обусловила обращение к ней как к литературному образцу ряда писателей XVI и XVII веков (автора „Истории

ментх XV века, ранние летописные записи на основе устных рассказов, повесть о взятии Царьграда в Хронографе 1617 года и т. п.), ограничился формальной и упрощенной генеалогией произведений, не обосновав ее текстологическим анализом. Вопросы об идейно-политическом освещении событий 1453 года в русской литературе XVI—XVIII веков, о развитии жанра исторической повести Б. Унбегауном не затронуты. Г. П. Бельченко (К вопросу о составе исторической повести о взятии Царьграда. Сборник статей к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова, Л., 1934, стр. 507—513) поставил перед собой частную задачу — выделить в русской пространной повести то первоначальное зерно, которое можно приписать Нестору Искандеру. Исследователь не ставил в этой статье никаких общих историко-литературных проблем, в том числе не интересовался взаимоотношениями искандеровской и хронографической повестей. Оба исследования, как видно из вышеизложенного, не разрешают комплекса вопросов, возникающих при изучении русских повестей о взятии Царьграда, и требуют поэтому пересмотра, исправлений и дополнений.

о Казанском царстве“, Катыврева-Ростовского, Авраамия Палицына и др.). Особый интерес представляют наблюдения М. Н. Сперанского над отражением некоторых эпизодов и стиля пространной повести о взятии Царьграда в „Сказании“ А. Палицына.

Перечисленные несомненные достоинства исследования М. Н. Сперанского (широта изученного материала, новая постановка проблем) побудили Сектор древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР опубликовать его в „Трудах“, поручив подготовку к печати В. Д. Кузьминой.

Работа М. Н. Сперанского печатается с некоторыми сокращениями. Историкографический очерк снят потому, что со времени завершения монографии (1937 год) появились новые исследования, вследствие чего этот раздел устарел по материалу. Два раздела, посвященные „научным“ компиляциям конца XVII—начала XVIII века (Густинская летопись, „Скифская история“ А. Лызлова, печатное издание 1713 года) и поздним источникам истории Царьграда в русской письменности конца XVII века („Хроника“ псевдо-Дорофея, „Туркогредия“ Э. Малаксы в базельском печатном издании 1584 года, памфлет Паисия Лигарида „Хрисмологион“), изъяты потому, что они являются самостоятельным экскурсом из истории русской культуры рубежа XVII—XVIII веков (объем — 1½ печатных листа), теснее связанным с новым периодом ее развития, чем с предшествующим.

В настоящем томе „Трудов ОДРЛ“ издаются те разделы исследования М. Н. Сперанского, которые посвящены пространной повести о взятии Царьграда, в двух ее редакциях — искандеровской и хронографической. В томе XI будут напечатаны главы, рассматривающие летописные заметки о событии 1453 года, краткую повесть о взятии и лирический плач, вошедший в Хронограф редакции 1512 года, сказание о начале и построении Царьграда и разделы, связанные с дальнейшей судьбой пространной повести в рукописной традиции.

I

Повести и сказания о взятии Царьграда турками в 1453 году принадлежат к числу широко популярных исторических произведений в русской письменности XVI—XVII веков. На основе исторических событий XV века создается несколько произведений, которые известны в большом количестве списков и чаще всего входят в сборники постоянного состава.

Циклизация эпических произведений устной словесности имеет аналогию в XV—XVII веках в стремлении русских книжников объединить в одном комплексе исторические повести, имеющие общую тематику; происходит, например, объединение повестей о татарщине. Этот процесс легко проследить и в отношении повестей о взятии Царьграда.

Различные по времени и происхождению повести о Царьграде к XVII веку встречаются в рукописных текстах подряд идущими, как будто с целью представить историю Царьграда от его зарождения и до конца, т. е. до взятия его турками включительно. Такой комплекс повестей может быть прослежен по рукописному материалу.

Центром этого комплекса является пространная повесть о взятии Константинополя турками в 1453 году, которая входила обычно в состав русского Хронографа первой редакции, деленного на главы, и поздних летописных сводов. Поэтому повесть эта сохранилась в массе списков Хронографа этого типа, а кроме того, в сочетании с другими памят-

никами и отдельно. Но списков ее старше XVI века ни одного не известно, большинство же их относится к XVII и даже XVIII векам. Популярность повести засвидетельствована также и тем, что в начале XVIII века она была напечатана (Москва, 1713) в некоторой обработке с дополнениями о том же Царьграде из других источников, и издание это повторялось в течение всего XVIII века, переводилось на тогдашний русский литературный язык и в таком виде также не раз воспроизводилось. Кроме того, печатное издание 1713 и последующих годов переходило опять в рукописные копии в том же XVIII веке. На популярность этой повести указывает, конечно, и то, что она сама в течение веков изменялась, образуя ряд редакций и переделок, вступала в связь с другими повестями о Константинополе, каковы: лирический плач (памятник несомненно еще XVI века), так называемый „Ин перевод“ (т. е. иной рассказ о падении Царьграда) и различные сказания, независимые от хронографической повести, помещавшиеся в летописях и восходящие по времени к рассказам, близким к самому событию.

Причина такой популярности повестей и рассказов о падении Константинополя в русской письменности, а также отчасти и в югославянских литературах, едва ли нуждается в особом объяснении: нам хорошо известно значение и роль Византии на протяжении всей эпохи феодализма, как для Руси, так и для югославянских стран, известно значение и такого мирового события, каким было падение тысячелетнего греческого государства. Недаром Константинополь сыграл значительную роль в церковной и государственной идеологии XVI и XVII веков, а „восточный“ вопрос в XVIII веке сопровождался усиленным распространением повестей о взятии Царьграда турками в рукописной и печатной литературе.

Центральное положение среди сказаний о падении Константинополя занимает пространная повесть, являющаяся наиболее обстоятельной и богатой из всех по содержанию. По своим чисто литературным достоинствам она должна занять выдающееся место среди русских повестей XV—XVI веков.

Начиная с Леонида, нашедшего и впервые издавшего по единственному известному тексту (Троицк. 773) послесловие пространной повести, большинство писавших об этой повести считались с этим послесловием, видя в нем ценный материал для представления о самой повести и ее авторе. Недоверчиво отнесся к этому послесловию А. И. Соболевский, отмечая, что оно противоречит данным самой повести. Тогда как „фактические данные повести показывают, что автор во время осады Царьграда находился в Царьграде“¹, из послесловия вытекает, что он находился в турецком лагере, среди осаждавших город, и „уловляя время дозрением и испытанием“, писал „в каждый день творимая деяния вне града от турков“, а войдя в город (после его взятия), испытал и собрал „от достоверных и великих мужей вся творимая деяния во граде противу безверных“ (слова послесловия). Обе повести (пространная и краткая), по мнению А. И. Соболевского, созданы членами русской колонии в Константинополе, захваченными там осадой и случайно уцелевшими. Но писали они эти повести, уже вернувшись на Русь.

Обратимся к выяснению соотношения сообщений о том, что совершалось в турецком лагере, с одной стороны, и о том, что происходило

¹ А. И. С о б о л е в с к и й. Переводная литература московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903, стр. 13.

в самом городе, — с другой. Значительное большинство таких фактических данных падает естественно на долю происходившего в самом городе. Ведь главная тема повести — рассказ об осаде и взятии Царьграда, а не деяния осаждавших. Поэтому количеству сведений о том, что происходило собственно в турецком лагере, сравнительно невелико и они разбросаны в разных местах повести. Многие из них по своему характеру скорее всего могут восходить к непосредственно виденному или слышанному в турецком лагере. Сюда относятся: 1) заметка о том, что турки перед первым приступом бились „пременяющеса“¹ без прерыва день и ночь (446 и 8²); 2) „видев же безверный Магмет, яко не успе ничтоже [после первого неудачного приступа] паче своих погуби, и повеле магистрам прибавити пушки и пищали многие и стенобитныа козни готовити“³ (447 и 11); 3) такую подробность, как о двух больших пушках: „ихже ту сляша“ (448 и 12), следует отнести на долю наблюдателя, находящегося в турецком лагере; 4) то же надо сказать и об эпизоде с большой пушкой (у нее Зустуней выстрелом из своей пушки разбил „зелейник“ — казенную часть) и о впечатлении, произведенном этим эпизодом на Магомета⁴ (448 и 13); 5) дальнейшее: „Безбожный же трупиа людей своих не восхоте взяти, но помышляше их метати пороки в град, да сгниют и усмрадят град. Неции же в них [турок], добре знающе град, сказоваху ему величество града и пространство, и яко не коснется их смрад“⁵ (449 и 15) — также сообщение, идущее из турецкого лагеря; 6) сюда же следует отнести и рассказ о неудачном выстреле из большой пушки: „Паки безбожный повеле прикатити ону пушку велию, бе бо увязана обручи железными, чаяху укрепивше ю, и яко пустиша ю впервые, абие рассядеса на многиа части“, и несколько выше: „[Магомет] пушку ону великую паки повеле пределати того крепчае“ (449 и 15); 7) на взрыв подкопов, устроенных греками, „злонравный же Магмет с множеством своих издалече бяху смотря бывшего и помышляше, что створити“ (450 и 17); 8) „Магмет, многиа дни советовав, приложиса отступити от града во свояси, зане уже и морской путь приспе и чааху отовсюду помощи граду“ (450 и 17); 9) об изготовлении новой большой пушки: „сказаша океанному турку, яко пушка она велиа сляся добре, и тако соведшаша еще поискусити ю“ (450 и 18); 10) греки уже думали, что турки отступили, „безбожный же Магмет не тако соведша, но по три дни собрав паши свои, санчякбеев, тако рече им: видим убо, яко гаурове охрабришася на нас, и тако бранящеса с нами, не можем их одолети“ (452 и 23);⁶ 11) Магомет, увидев тьму над городом („знамение“ второе), „созва книжник своих и моли и вопросы их: что есть сия тьма над градом? И рекоша ему: знамение велико есть и граду пагуба“ (457 и 34);

¹ Хотя, надо сказать, об этом могли догадываться и осажденные, которым в течение 13 дней приходилось бороться с постоянно свежими рядами турок.

² Все ссылки на страницы даются по изданию хронографической повести в ПСРА, т. XXII, СПб., 1911 (трехзначная цифра) и по изданию исхандеровской повести в Памятниках древней письменности и искусства, ОЛДП, вып. LXIV, СПб., 1886 (однозначная или двузначная цифра).

³ О распоряжении Магомета прежде всего должен был узнать человек, находившийся в стане турок, в городе же могли об этом догадываться только по усилившейся бомбардировке.

⁴ Магомет решил усилить приступ и отдать город на разграбление, воскликнув: „ягма! ягма!“ („сиречь: на разграбление града“, — поясняет повесть).

⁵ В результате трупы были взяты и сожжены.

⁶ Далее в речи Магомет приказывает изменить план приступов, решив направить нападение не только на разрушенное место стены, но одновременно на город со всех сторон.

12) „Магмет же окаанный, слышав восточного бегиларбеа убийство, плакаше о нем много, зело бо любляше его храбрости ради его и разума, и возъярився поиде сам своими враты со всеми силами, а на царя повеле навадиди пушки и пищали, боаша бо ся его, яко да не изыдет из града со всеми людми, нападет на них... а на царя посла три тысящи избранных и заповеда им, да улучат царя, аще и до смерти простражутъ, или да ис пищали убьют его“ (457 и 35); 13) „Магмет... рассылаше всю свою рать по всем улицам и по вратом царя бречи, а сам ся оста токмо с янычаны, обрывся во обозе и пушки и пищали уставив, боаше бо ся царя“ (457—458 и 36); 14) по улицам города идет ожесточенная борьба, „сензекбей же посла к салтану, глаголя: аще не сам внидеси в град, не одолен будетъ град. Он же возыскание сотвори велие о цари и о царици и бояся в град внити и бысть в размышлении великом“ (458 и 38); 15) царь, жестоко избивая турок, ворвавшихся в город, прогнал их обратно к пролому, „Магмет же, видев толкое падение своих и слыша цареву храбрость, тоа нощи не спа“ (456 и 33).

До некоторой степени подчеркивает происхождение этих сведений из турецкого лагеря и то, что турецкие слова (преимущественно, термины) встречаются как раз в большинстве случаев в приведенных местах текста. Видимо, сообщавший употреблял их как не чуждые для него и обычные в речи, которая слышалась в лагере. Остальные сведения, подчас очень детальные, повидимому, исходят от людей, переживших осаду и взятие города, или людей, вскоре после взятия города находившихся в нем. Во всяком случае, в фактической стороне повести мы имеем некоторое основание различать два источника сведений, неоднородных по происхождению: одни из записей делались *вне* города и *до* взятия его, другие — *в* городе и *после* его взятия. Поэтому сказанное в послесловии о процессе записей не возбуждает сомнения. Можно допустить правдивость автора послесловия также и в сообщении его, что сведения о происходившем внутри города во время осады (чего он, находясь, по его словам, во враждебном стане, видеть, разумеется, не мог) он собрал от „достоверных и великих мужей“. В числе пленных, взятых турками во время осады и после нее в городе, могли быть (и были) и лица, занимавшие видное положение среди греков. Это следует из сведений самой повести. Когда сензекбей сообщил султану о необходимости ему самому вступить в город, то Магомет, чтобы прекратить резню в городе, „позва боар и стратиг царевых, иже поимаше на боех и ихже паши взяша на свои руки“, и послал их в город уговаривать от его имени прекратить резню (458 и 38). Доверие к послесловию в этих случаях можно распространить и на другие его сообщения, если не на все. Изображаемый в послесловии автор повести, по словам послесловия, находясь сперва в турецком лагере, затем в городе, вел нечто вроде дневника осады („писах каждый день творимая“), а затем сделал извлечение из своих записок („вкратце изложих“), и так возникла повесть об осаде и взятии Константинополя, объединившая его записи обоих родов. Дает послесловие и биографические, правдивые сами по себе сведения об авторе записок и повести. Из этих сведений вытекает: автор был христианином, но в молодости был обращен в магометанство („измлада взят быв и обрезан“), долгое время участвовал в турецких военных предприятиях („много время пострадах в ратных хождениях“), вел записки о виденном и слышанном во время осады и по взятии Царьграда имел возможность передать свой труд, составленный по этим запискам, христианам, оставаясь

попрежнему магометанином, но тайно сочувствуя христианству и надеясь когда-нибудь возвратиться к христианству („всемогущая Троица да мя приобщит паки стаду своему“). Вот всё, что можно извлечь из послесловия для знакомства с автором записок и их сокращенного изложения. Поэтому, если исходить из текста послесловия, вопросы о национальности автора, о языке, на котором он писал, его дальнейшей судьбе остаются неразрешенными и переходят в область предположений. Хотя послесловие дает нам и имя автора — Нестор Искандер,¹ но и это не расширяет нашего знакомства с автором, так как об этом Несторе Искандере мы ничего не знаем, кроме того, что он сам сказал о себе в послесловии. Перед нами остается типичная русская историческая повесть XV—XVI веков, какого-либо иноязычного ее оригинала или прототипа нам до сих пор не известно. Это позволяет предположить, что повесть в том виде, в каком мы знаем ее по текстам, впервые появилась на русском языке,² а, следовательно, составителем ее был, скорее всего, русский книжник. Таким образом, конечный вывод из послесловия для представления о возникновении нашей повести таков: она составлена на основании записей современника и, быть может, участника событий, долгое время жившего среди турок и греков; его труд стал известен и популярен на Руси, вошел в русские исторические компиляции.

Но если мы подойдем ближе к повести как литературному произведению определенной эпохи, то возникает сомнение в возможности для Нестора Искандера, прожившего в столь далекой от русской литературы обстановке, создать такое типичное, требующее, помимо таланта, прежде всего литературных навыков, начитанности в русской книжности, произведение, как наша повесть в том ее виде, в каком она нам известна. Это несоответствие между сообщаемым в послесловии и самой повестью невольно ведет к выводу, что известная нам теперь повесть о взятии Царьграда турками написана не Нестором Искандером, а каким-то другим неизвестным писателем, притом не в чужих краях (например, в Константинополе), а на Руси. Но как же в таком случае смотреть на послесловие? Та бытовая обстановка, в которую, по его словам, поставлен был Нестор Искандер, является вполне возможной в XV веке: пленение (хотя бы татарами) русского молодого человека, затем продажа раба за границу (хотя бы из Крыма, куда он мог быть отведен) — явления довольно обычные для этого времени. Дальнейшая судьба Нестора также не представляет чего-либо исключительного: купленный (хотя бы за свою грамотность или знание какого-нибудь ремесла) турками, он мог занять какую-нибудь должность в турецком лагере (например, в какой-либо из канцелярий, где нужны были грамотные, более или менее интеллигентные люди, или в какой-либо мастерской), где за долгое время пребывания мог приобрести друзей и покровителей, что давало возможность уклоняться от непосредственного участия в военных действиях против христиан, позднее войти в сношения с оставшимися в живых по взятии города греками, занимавшими когда-то видные места и хорошо осведомленными о происходившем в городе во время осады, и т. д. Поэтому совершенно отвергать правдоподобность сообщений послесловия нет оснований. Остается под сомнением литературная деятельность Нестора Искандера. Он не обладал и не мог обладать теми литературными навыками и той начитанностью в русской

¹ Вероятно, первое имя — христианское, второе — магометанское.

² Югославянские тексты ведут свое происхождение от русских.

книжной литературе, которые обнаруживаются при анализе повести у ее создателя. Наиболее вероятным, кажется, был бы такой выход из обнаруженного несоответствия. Не отрицая существования записок и извлечения из них, сделанного при обстоятельствах, указанных в послесловии, взглянем на них, и в частности на извлечение из них, как на один из источников, притом основной, для повести в том ее виде, в каком она нам теперь известна. Вполне вероятно, что повесть написана неизвестным нам лицом, опытным в литературном деле русским книжником, имевшим возможность воспользоваться трудом Нестора Искандера. В таком случае придется предположить, что в сокращенном изложении своих записок Нестор Искандер себя назвал и сам сообщил о себе те сведения, какие мы получаем о нем из послесловия.¹

Если же в извлечении Искандера читалось (скорее всего, в конце) то же, что мы находим в послесловии повести (т. е. и у Искандера было послесловие), то составитель повести мог просто перенести его целиком к себе. Некоторое же своеобразие послесловия повести, сравнительно с массой обычных послесловий, встречающихся в рукописях, вытекает из своеобразия основного источника и обстоятельств, при которых этот источник стал доступен автору повести: записки обращенного в магометанство христианина (может быть, даже русского), очевидца и современника описываемого, из далекой чужой страны, попадают в руки русского, возможно даже московского, книжника.

Такое, до некоторой степени „компромиссное“ решение вопроса об основном источнике повести, разумеется, не решает еще вопроса о самом этом источнике. Оно констатирует только необходимость допустить наличие этого основного источника в числе других (второстепенных) у составителя повести, указывает на необычность его сравнительно с другими источниками произведений русской письменности. Но такое решение вопроса имеет то достоинство, что, не позволяя отождествлять извлечение из записок Искандера, сделанное им самим, с самой повестью, нам теперь доступной, делает возможным анализ ее как литературного явления русской письменности независимо от ее источника, который, может быть, еще найдется.

Во всяком случае, отождествление Нестора Искандера с действительным автором повести и труда Нестора с повестью представляется невозможным: в повести мы имеем перед собой типичное произведение русской исторической литературы XV—XVI веков.

II

В отношении литературного жанра и связанных с ним идейных и стилистических особенностей пространная повесть о взятии Царьграда относится к числу исторических воинских повестей русской литературы XVI века. Тема, идейное содержание и сама словесная структура сближают нашу повесть с этой группой поздних воинских повестей. Наша повесть в том виде, в каком она до нас дошла и распространилась в русской книжности, получила настоящую свою форму едва ли

¹ Не исключена возможность и иного предположения (впрочем, близкого к сделанному) о возникновении послесловия. При частых сношениях между Русью и только что завоеванным турками Константинополем, когда на Руси появлялись в большом количестве греки, спасавшиеся от завоевателей или искавшие счастья в Московском государстве, рукопись Искандера могла быть доставлена одним из таких выходцев (может быть, даже лично знавшим Нестора), причем он устно сообщил сведения о Несторе Искандере, которыми и воспользовался русский составитель послесловия.

ранее начала XVI столетия. Недаром она не была известна редактору Хронографа 1512 года, который еще не имел под руками письменного памятника о событиях 1453 года и ограничился поэтому общими фразами, ссылками на предыдущие главы своего Хронографа и лирическим плачем. Наша повесть, занесенная впервые на страницы Хронографа московской его редакции 1533 года (по Шахматову), явилась не позднее, разумеется, этого года в том виде, в каком мы ее читаем (приблизительно между 1512 и 1533 годами). Но, судя по тексту ее, связанному с именем Нестора Искандера, хронографический текст не был первоначальным, а явился обработкой старшего. Как будет показано ниже, в нем отсутствует ряд мест, находящихся в тексте с именем Искандера, принадлежащих несомненно первоначальной редакции повести, притом восходящих в свою очередь к предположенному нами тексту извлечения из записок самого Искандера. Но и единственный нам известный текст, сохранивший послесловие с именем Искандера, также не может быть сочтен представляющим вполне первоначальный текст повести: 1) в нем не находим некоторых (правда, немногих) мест, читаемых в хронографическом тексте и восходящих к первоначальному тексту повести; 2) текст искандеровский осложнен вставкой из апокрифических видений Даниила и лирическим добавлением компилятора в конце статьи; 3) дошел этот текст в составе комплекса (ему предшествует сказание о построении Царьграда Константином)—явление уже вторичное. Но оба текста по чтением на значительном пространстве совпадают, что подтверждает их общее происхождение и позволяет смотреть на них, как на позднейшие изменения первоначального текста. Это же совпадение обоих текстов в свою очередь заставляет предполагать, что свою форму воинской повесть получила еще в первоначальном виде.

Итак, обратимся к рассмотрению нашей повести, воинской по жанру, руководясь обоими текстами, дополняющими друг друга.

Русская воинская повесть в конце XV и особенно в первом десятилетии XVI века приобретает некоторые новые черты под пером писателей, близких к правящим кругам. Воинские героические сцены, точные в деталях, нередко мастерски разработанные и полные неподдельного драматизма и пафоса, сочетаются с отчетливо выраженной публицистической тенденцией. Большое внимание уделяют авторы этой поры обрисовке личности государей-военачальников, нередко придают своим произведениям отчетливую религиозно-лирическую окраску (лирические молитвы, плачи, знамения). Наконец, не довольствуясь фактической исторической основой, авторы повестей не раз обращаются к литературным источникам и образам предшествующих столетий.

Все эти признаки могут быть отмечены и в интересующей нас пространной повести о взятии Царьграда.

Составителю свойственна религиозно-провиденциальная точка зрения на смысл и значение исторических событий. Всё предусмотрено и предрешено волей божией и является результатом действий этой воли в отношении к людям: то это награда за богоугодное житие и поступки, то наказание за грехи.¹ По отношению к греческому государству и его

¹ Эта мысль, как мы знаем, входит в русскую официальную церковную и правительственную идеологию XV—XVI веков. За верность православию, сохранение его в чистоте Москва находится под особым покровительством свыше, что внешним образом и обнаруживается в политическом росте Московского государства. Та же мысль проходит и во многих повестях: Дмитрий Донской победил Мамаю, получив эту победу в вознаграждение за усердие к православию вере и свое благочестие.

столице имеет место последнее. Не взирая на исключительные благодеяния, изливавшиеся богом на греков в Царьграде, несмотря на предупреждения свыше о необходимости исправиться, греки не вняли этим указаниям и продолжали свою греховную жизнь. Они должны поэтому понести кару за неисчислимые свои беззакония, что и совершилось, де, теперь в виде окончательной гибели тысячелетнего царства греческого и завоевания его столицы неверными. Повидимому, по своей концепции составитель нашей повести близко примыкал к идеям сказания о построении Константинополя.¹

Для составителя повести не подлежит сомнению, что гибель города была predetermined и неизбежна именно в смысле наказания „за грехи наша“. К этой мысли автор часто возвращается, прерывая последовательное изложение эпизодов осады своими размышлениями. Греки с мужеством отчаяния „крепко борются“ с неверными, в отдельных случаях одерживают верх над осаждающими, нанося им большой урон, успешно отражая приступы. Но успехи эти автор расценивает как бесполезные для конечного, заранее predeterminedого результата борьбы. Вот несколько таких примеров.

1. Сказав о том, как Зустуню удалось заделать пролом в стене, произведенный выстрелом из большой туредкой пушки, составитель прибавляет тотчас же: „Но что мощно учинити противу такия силы, наипаче же противу гнева божиа, грех ради наших?“ (448).

2. Магомет, потерпев поражение при втором приступе, готов был уже снять осаду города: „Но убо понеже беззаконие наше превзыдоша главы наши и грехи наша отяготеша сердца наша, в еже заповедей божиих не послушати и в путех его не ходити, гнева его како убежати?“ (450). Далее речь о „неблагом“ совете греков просить мира у султана, что и имело своим следствием продолжение осады.

(„Сказание о Мамаевом побоище“, редакция XVI века). Грузинская царица Динара одерживает блестящую победу над персами — за свою горячую веру в особое покровительство со стороны богоматери и т. д. Теми же мыслями кончат свое сказание о взятии Царьграда и составитель плача в Хронографе редакции 1512 года.

¹ Составитель этого сказания, перечислив благодеяния, изливавшиеся на город свыше, продолжает: „Но убо естество наше тяжкосердо и нерадиво: и, яко неистовы, юже на нас милость божию и щедрот его отвращаемся и на злодеяние и беззаконие обращаемся, и ниже бога и пречистую его мать разгневаем и славы своеа и чести отпадаем, якоже есть писано: «злодеяние и беззаконие превратит престолы сильных», и паки: «расточи грьдыа мысли сердце их и низложи сильна с престол», также и сей царствующий град, неисчетными деанми и беззаконии от толяких щедрот и благодеяний перечистыа Богоматери отпадешся, тмочисленными бедами и различными напастями многа лета пострада, также и ныне, в последняя времена, грех ради наших, овогда нахождением неверных, овогда голодом и поветрии частыми, овогда же междуусобными бранми, и ниже оскудеша силии и обнишаша людие, и преуничжися град и смирися до зела“ (ПСРА. т. XXII, стр. 445). Смысл этой тирады ясно тот же, что проходит и через всю повесть о взятии Царьграда, где эта мысль многократно повторяется, вклиниваясь в самый исторический рассказ, особенно наглядно выражаясь в тех покаянных молитвах, которые вложены в уста осажденных; достаточно привести отрывок одной из них: „Страшное естество и неисповедимая сила [божия], юже древле горы видевше вьстрепеташе... мы же, окааннии, таа вся презревше, съгрешихом и беззаконновахом пред тобою... и тмюкратно разг[н]евахом и озлобихом твоего божества, забывающе твоих великих дарований и презирающе твоих повелений... отвратихомся и на злодеяние и беззаконие обратихомся... вся, яже наведе на ны и на град твой святый преведным и истинным судом, сотворил еси грех ради наших“ (там же, стр. 446, ср. стр. 453). Весьма вероятно предположение, что и сказание о построении Царьграда, хотя бы не всё, составлено автором повести о взятии Царьграда или же автор этой последней воспользовался этим сказанием. На это намекает не только сходство стиля, но и совпадение отдельных выражений и оборотов в обеих статьях.

3. После первого „знамения“ (в церкви св. Софии) царь отказывается покинуть город по совету патриарха и вельмож, мотивируя этот отказ: „Аще господь бог наш изволил тако, [всем нам погибнуть], како избегнем гнева его?“ (453).

4. После удачного отражения турок от пролома в стене и вытеснения проникших в город врагов составитель и в этом случае находит нужным прибавить: „Недци сказаша, яко и сам царь в сердце своем вознесся, но и отшествие поганых чаяху, не ведяху бо божия изволения“, т. е. предопределения, что царю и грекам суждено погибнуть (456).

5. Хотя царь и отборные его воины прогнали ворвавшихся в город врагов, „но аще бы и горами подвизали, божия изволения не премочи“ (457), и действительно: Магомет двинул новые войска.

Этой идеологией объясняется благочестивое настроение всей повести (как и других повестей того же времени). Главный герой повести, царь Константин, рисуется не только как отважный, могучий воин, но и прежде всего как благочестивый религиозный человек, делящий свое время между боевыми подвигами, командованием и подвигами религиозными — хождением по церквам и „богомолениями“. Так появились в повести многочисленные, обширные подчас, молитвенные обращения, которые влагаются в уста не только царя и, конечно, патриарха, но даже (однажды, впрочем; 447—448) в уста кондотьера Зустунея.

Такие молитвы (притом большей частью шаблонные) — характерная черта воинской повести первой половины XVI века. Их мы находим в таком же сочетании с остальным содержанием, например, в повести о Динаре, сказаниях о Дмитрие Ивановиче, истории взятия Казани, поздних редакциях повестей о батыевщине и мн. др. Они точно отражают не только настроение авторов, но и взгляд той поры на самую сущность борьбы с неверными: борьба с политическими врагами русского государства — одновременно борьба за веру православную против язычества.

Сближают нашу повесть с воинскими повестями и „знамения“, часто входящие в состав таких повестей, вмешательство небесных сил в самый ход событий. В большинстве случаев это помощь, предвещание о победе (например, в сказаниях о Невском побоище и о Куликовской битве), в нашей повести наоборот: напоминание о предстоящей гибели греков.

Черты, типичные для XV и особенно XVI века, сказались в нашей повести и в разработке картин боя. В связи с тем, что вторая половина XV века была уже веком огнестрельного оружия и значительного развития военной техники, составитель повести в боевых эпизодах постоянно вводит новую, хорошо ему знакомую терминологию военного дела. В его рассказе пестрят: пушки, пищали, стенобитные „хитрости“ (446, 447), луки ручные (446), зеленники (казенная часть оружия, 448), зелие пушечное (449), сосуды зелейные (снаряды для взрывов, 450), стенобитные сосуды (7), козни приступные (орудия для приступа, 447, 452), башты (451, 455), грады деревянные (то, что позднее называлось „гуляй-город“; 30), забрала (448), стрельницы (446), окна (7, 38), колоколы ратные (446); пещцы, конники (22). Он говорит о том, как „нарядили“ или „наводили“ пушки, как осажденные „уготоваше многиа съсуды, наполняюще смолиа и серы горячиа, и посконь с смолюю и зелием пушечным“ (449) и т. п.

Многочисленные обобщенные описания битв отличаются в повести широким употреблением эмоциональных эпитетов, характеризующих напряженность борьбы.

1. „Бысть сеча зла и преужасна“ (447); „и бысть сеча зла“ (451; ср.: „и бысть сеча ужасна“ 456).

2. „[Греки] бяхуся с турки крепко“ (448, 454).

3. „[Греки] силне и нещадне сечахуся“ (448).

4. „[Греки] сечахуся тяжким и зверообразным рвением“ (457).

5. „И бысть сеча велия, яко страшно и жестоко бе видети обоих дерзости и мужества“ (454).

6. „И бысть сеча примрачна, зане стрелы их [турок] помрачиша свет“ (455).

Для этой же цели не раз вводится прием поэтической гиперболы, то подчеркивающий отвагу греков, то рисующий жестокость схваток.

1. „Един бяхшеса с тысящею, а два—с тмою“ (446).

2. „Кровь их [борющихся] течаше, яко реки по стенам, от вопля же и крычания людскаго обоих и от плача и рыдания градского и от звуку клакольного и от стуку оружия и блистания мяшеса всему граду от основания превратися“ (14).

3. „Наполнишася рвы трупия человека до верху, яко чрез их ходити турком, аки по сте[пе]нем и битися, мертвыа бо им бяху мост и лествица ко граду, такоже и потоци и бреги вкруг града наполнишася трупия и лименю Галатийскому кроваву быти, тако силне и нещадне сечахуся“ (448).

В более подробно разработанных сценах сражений немалое внимание уделено новой для средневековья звуковой картине ожесточенного огнестрельного боя.

1. „От пушечного бо и пищального стуку и от звуку звонного и от гласов и воплей и кричания от обоих людей и от трескоты орудий такоже и от плача и от рыдания градских людей и жен и детей, яко и земле поколебатися. И не бе слышати друг друга, что глаголет; бысть яко гром велий, от множества огня и стреляния пушек и пищалей обоих стран, дымное курение сгустився, покры град и войско все, яко не видети друг друга, с кем ся бьет, и з зеленого духу многим умрети“ (447).

2. „Не бе слышати друг друга, что глаголет: Совокупиша бо ся вопли и крычания и плач и рыдания людей и стук дельный [т. е., орудий] и звон клакольный в един звук, и бысть яко гром велий“ (9, 10).

3. „[Картина взрыва подкопа]: внезапно възгреме земля, аки гром велий и подься с турами и с людми, яко буря силнаа до облак, и бе слышати трескот и сътрение туров и вопль и стенание людское страшно“ (456)

Доблесть греков не раз подчеркивается автором (людие укрепишася и охрабришася, 448; огражьшеса дерзостью, 455), ей отдают должное даже враги: „гаурове охрабришася“, отзывается Магомет о защитниках Царьграда (452).

Автор не раз описывает подвиги отдельных защитников Константинополя и особенно часто подчеркивает, какие чудеса мужества и храбрости показал греческий царь Константин.

1. „[Зустуней] бяхшеса с турки толма храбро и мужественно, яко отступити от того места [стены] всем турком“ (447).

2. „Турки же вскрычавше злостью, окружиша его тмочисленне и сечаху его [Рахгавей]; греки же нуждахуться крепко отъяти его и не возмогоша, но и падоша мнози, и рассекоша турци Рахгавей на части“ (20).

3. „Сечахуся оба [Рахгавей и Амарбей] зле... Рахгавей... удари Амарбеа мечем по плечу оберучь и рассече его надвое“ (451).

4. „[Царь] рассекаше [турок] надвое, а иных пресекаа наполю, не удръживаше бо ся мечь его ни в чем“ (452).

5. „Царь же подав ему [бегиларбею] щит, отведе копие и ударив его мечем в главу, и рассече надвое до седла“ (457).

6. „Достигшу же цесарю, вопияше на своих, укрепляя их, и, возрыкав, яко лев, нападе на турки со избранными своими пешцы и конники и сечаше их крепко: ихже бо достигаше, разсекаше их надвое“ (22).

Защитникам Царьграда резко противопоставлены его жадные и жестокие завоеватели, для обрисовки которых автор повести нашел немало выразительных оценочных эпитетов, характеризующих султана Магомета и турецкую военщину: окаанный (445, 450), безверный (145, 447, 450), безбожный (447, 11), зверообразный (447), скверный (449), злонаравный (450), поганые (турки; только однажды, 456). Такие же характерные эпитеты и определения встречаем в описаниях отдельных моментов рассказа, прежде всего в изображениях битв.

Из стилистических приемов, типичных для поздней воинской повести, следует еще обратить внимание на большое количество развернутых союзных сравнений: „падаху... трупиа обоих стран яко снопы сз абрал, и кровь их течаше яко река“ (448); „побиша их [турок] гражане бесчестленно, закалаху бо их яко свиной“ (456); „яко молния бо блистаху от обоих оружия“ (9); „людие падоша от труда, яко мертвы“ (10); кровь течет „акы потоком сильным“ (14); греки нападают на турок, „акы дивии звери“ (29); воины изнемогают, „яко пиани“ (35); воеводы предлагают царю напасть на турок ночью, „якоже иногда Гедеон на Мадиамян“ (451).

Приведенные примеры сближают нашу повесть именно с поздней воинской повестью, значительная часть выражений ее встречается или в том же виде, или же в подобном, например, в повести о Динаре, относящейся приблизительно к тому же времени.¹ С воинскими же повестями старшей эпохи в идейном и стилистическом отношении наша повесть сближается редко.²

Отмеченные многочисленные элементы идеологии и стиля сближают нашу повесть с большой повестью о взятии Казани, с поздними редакциями „Сказания о Мамаевом побоище“, с повестью о Динаре и др. Роднит ее с этими произведениями общая концепция составителя, оценка событий, идейная основа, естественно нашедшие себе и внешнее выражение в самой конструкции повести и словесной стороне ее.

Анализ идеологии, композиции и стиля повести определенно ведет к выводу, что в ней мы имеем перед собой типичную воинскую повесть, сложившуюся в начале XVI века. Но из этого же анализа мы делаем и другой вывод: перед нами произведение русского книжника, произведение русское, а не переводное, хотя в основном своем фактическом содержании оно и покоится на чужом труде, недоступном нам теперь, на извлечении из записок современника и очевидца. Обработка этого основного источника должна быть признана сделанной на Руси применительно к политическим и литературным требованиям начала XVI века. Таким образом, вопрос о языке этого источника становится для нас вопросом второстепенным, поскольку мы касаемся литератур-

¹ М. Н. Сперанский. Повесть о царице Динаре в русской письменности. Известия ОРЯС АН, т. XXXI, 1926, стр. 70 и сл.

² Можно указать на выражения „пакость“ в смысле вред (446), „фарис“ — конь (458), известные из Девгениева деяния, „храбры“ — воины (447), „сила тяжкая“ — большое воинство (455), употребительные в повестях о нашествиях татар (при осаде Киева, например).

ной истории повести на русской почве. Впрочем, можно предположить, с большой долей вероятности, что извлечение из первоначальных записок Искандера было сделано по-русски и в таком виде передано на Русь, где и было обработано в повесть. Будь оригинал повести греческим, мы в русской переработке его ожидали бы больших гречизмов в лексике или строении речи. Между тем, немногие гречизмы повести сводятся почти исключительно к византийской придворной или военной терминологии — названия чинов: мегистаны (446), стратиг (446), архидукс (451), великий дукас (459), епарх (451), великий доместик, логофет (459), протостратор (456, 459), клирик (клир) и сигклит (при патриархе; 456), анактос (459), керемиды (468), лимень (449) — все слова и названия, известные на Руси при ее оживленных сношениях и до взятия Царьграда, и после него. Эти слова могли быть в источнике повести и в том случае, если этот источник был на русском языке. Из того же источника были взяты и турецкие слова (опять-таки преимущественно названия чинов турецкой армии), вполне естественные в устах человека, долгое время жившего среди турецкой военщины: ягма (448), флабулар (451, 455), гаурове (459), бегиларбей (454), янычанин (457), сенсебей, санчакбей (458, 459), баши и паши (458) и др.

Если обратим внимание на другие источники повести, помимо извлечения из записок Искандера, то увидим, что и они не только не противоречат русскому происхождению повести, но до известной степени поддерживают это мнение.

Представляя себе завоевание Константинополя турками как событие, предрешенное высшей волей, и отмечая великое значение его для Руси, составитель повести интересовался популярными и авторитетными для его современников апокрифическими „пророчествами“ и „откровениями“. Ссылаясь на них в повести, хотя и не цитируя, автор называет лишь имена, под которыми эти „пророчества“ распространялись в его время, очевидно, считая, что содержание их известно читателям. Вот эти места повести: 1) „сие же [война с турками] бысть за наша грехы... и яко да збудется вся прежереченнаа о граде сем при Константине, велицем цари, и Лве Премудрем и Мефодием, епископом Патрьским“ (450); 2) „веси, о царю, вся прежереченная о граде сем, и се ныне паки иво знамение страшно бысть“ (слова патриарха по поводу „знамения“ в св. Ссфии, 453); 3) „и сбьтсья реченное: Константином создася [Царьград] и паки Константином и скончася“ (по поводу смерти царя Константина, 458); 4) „аще вся прежереченная Мефодием Патрьским и Лвом Премудрым и знамена о граде сем совершишася, то и последняя не преидут, но такоже совершится имуть. Пишет бо: Русский род с прежесоздательными всего Измаила победят и Седмохоломаго примут с прежезакон[ны]ми его и в нем воцарятся“ (460).

Нетрудно определить, какие произведения имел в виду составитель повести, называя эти имена: с именем Мефодия он соединял, конечно, известное „Откровение“ Мефодия Патарского, не позднее XI века переведенное на славянский с греческого, имевшее несколько русских редакций и приобретшее новую популярность в XV—XVI веках отчасти под влиянием ожидания „конца мира“ на исходе 7-й тысячи.¹

¹ Какие именно места „Откровения“ имел в виду составитель повести, называя только имена, сказать трудно; предположительно же можно указать на такое место интерполированной редакции „Откровения“: „Будут бо сынове Измаиловичи зли зело и перестанет служба богия в церквах святых и пенне, дондеже скончается число царства их, имже предаша всю землю; скончается печаль в человецех, и будут глади и смерти, и измождают человецы и разсыплются по всей земли, яко персть; и ина казнь от бога будеть“ (гл. V).

С именем Льва Мудрого он соединял также популярные пророчества о Константинополе, хорошо известные и в византийской и русской письменности.¹ Что касается „пророчества“ о Царьграде при царе Константине, то здесь прямо можно указать на сказания о построении Царьграда, где „знамение“ — появление змия и орла, вступивших между собою в борьбу, кончившуюся убиением змия, — истолковано применительно к будущим судьбам Царьграда.²

Вторая половина последней из приведенных цитат определяется совершенно точно: это буквальная выписка из апокрифического „Откровения“ Даниила, также переведенного с греческого и также получившего новую популярность вместе с другими откровениями эсхатологического характера.³ Какое произведение имел в виду составитель, приводя цитату о двух Константинах, первом и последнем, сказать трудно.⁴

Кроме апокрифических „пророчеств“, составителю повести несомненно было известно также сказание о создании церкви Софии в Царьграде. Так можно думать по следующему месту повести: патриарх, истолковывая „знамение“ в св. Софии во время осады, говорит: „Свет уже он неизреченный, иже бе содействию в велицей церкви божи Премудрости со прежними светильники архиереи вселенскими и цари благочестивыми, такоже и ангел божий, его же укрепи бог при Устиниане царе на сохранение святых и великия церкви и граду сему, в сию ночь отыдоша на небо. И сие знаменует, яко милость божиа и щед-

¹ Ср.: М. Н. Сп е р а н с к и и. Из старинной новгородской литературы. Памятники древнерусской литературы, вып. 4, 1934, стр. 122, прим. 3. Здесь дана литература, относящаяся к „пророчествам“ Льва Мудрого. Из ряда распространенных в русской письменности различных текстов предсказаний Льва Мудрого составитель повести мог иметь в виду или „Списи Льва Премудрого“, находящиеся в числе приложений к Библии конца XV века (Унд. 1/423), в которых в начале читается: „Горе тебе, Седмохолмий граде, егда како Константин славословится на здох твоих; тогда приближиши падение и погубление силных твоих, иже в неправде судящих“, или же текст гипа Рум. 1241 (ал. 19 об. — 21) „С книг Льва Премудрого: зде написаны гибели месячныя и лунния“, где читаем в начале: „От первого индикта царство Имаилетско глаголемое. Магомет имат победити род ветхословец и Седмохолмого возмет и в нем воцарится“; наконец, он мог иметь в виду небольшую статью „Премудрого Льва о будущих“, распространенную и в русских, и в югославянских списках и касающуюся судеб Балканского полуострова, и в частности Константинополя (ср.: „Starine“, т. IV или Рум. 1472 — текст сербский, списанный с русского).

² Вот соответствующее место из сказания о построении Царьграда: „[Когда совершилось „знамение“, книжники и мудрецы], порассудив, сказаша царю [Константину Великому]: «Сие место Седмохолмий наречется и прославится и възвеличится в всей вселенной паче иных градов, но понеже станет между дву морь и бьем будет волнами морскими, поколебим будет. А орел есть знамение христианское, а змий — знамение бесерменское; и понеже змий одоле орла, являет, яко бесерменство одолеет христианство; а понеже христиане змия убиша, а орла изымаша, являет, яко напоследок паки христианство бесерменства одолеет и Седмохолмого примут и в нем воцарятся“ (ПСРА, т. XXII, стр. 444). Этот эпизод, как мы видели, непосредственно предшествует повести, которая и в другом месте имеет соприкосновение со сказанием.

³ Эта выписка больше всего совпадает с текстом Унд. I (Библия) конца XV века; см.: А. Н. П о п о в. Библиографические материалы. XV—XIX. М., 1889, стр. 97. Текст „Откровения“ мало чем отличается от греческого; „Русскому роду“ (вар. „Русий род“) в греческом соответствует *ἔθνη τῶν ἑθνῶν*, как в Византии назывались не только народы Запада, но и русские.

⁴ Не есть ли это ходившая вскоре по взятии Царьграда поговорка, основанная на действительно обращающем на себя внимание совпадении в именах первого и последнего из византийских царей? Ср. в плаче (Хронограф, гл. 208): „Пребысть же [Царьград] — растый . . . от первого царя Коньстантина . . . до последнего Коньстантина“ (ПСРА, т. XXII, стр. 437); ср. у псевдо-Дорофея: „и Константин убо созда и Константин погуби“ (Синод. 339, л. 334).

роты его отъидоша от нас“ (стр. 453).¹ Сказание это относится к числу старейших переводов с греческого прямо на русский и так же, как и упомянутые выше „пророчества“, проходит в многочисленных списках через всю нашу старинную письменность.

Из других литературных памятников, отзвуки которых находим у автора повести, можно назвать „Историю“ падения Трои (Троянскую притчу), также давно известную в русской письменности; на нее указывают слова автора в конце его повести: „Грех ради наших беззаконный Магомет... потребших Троию предивную, семьдесятми и четырьмя крали обороняему“ (459—460).

Наконец, есть некоторое основание предполагать, что составителю повести известно было „Положение Иерусалима“ Иосифа Флавия в древнерусском переводе (XI—XII века), откуда он мог заимствовать отдельные мотивы в изображении боевых сцен.²

Итак, все второстепенные источники, которыми мог располагать составитель повести, имелись в русской письменности XV—XVI веков. Следовательно, и это подтверждает высказанное мнение, что повесть была создана на Руси начитанным и опытным в литературном деле писателем начала XVI века.

III

Тексты повести о взятии Царьграда турками, как вошедшие в Хронограф 1533 года, так и помещаемые в „комплексах“ и отдельно встречающиеся, в общем довольно устойчивы по составу и однообразны по чтениям.³ Но среди них выделяется своими особенностями текст XVI века

¹ Составитель повести, влагая в уста патриарха такие речи, имел, конечно, в виду „чудо первое“ сказания о Софии — о юноше и ангеле на постройке церкви (Памятники древней письменности, т. LXXVIII, 1899, стр. 11).

² Основания для предположения таковы:

1) несомненное сходство в изображении отдельных „боевых“ моментов; ср., например:

У Флавия (цитирую Иосифа Флавия по изданию: V. Istrin. La prise de Jerusalem par Joseph le Juif, I. Paris, 1934)

В повести

И бысть видети падающа жиды, яко снопы забраха... Кровь забраха течаше, яко реки и мнори бы кто по трупию власти в град, яко по степенем [228/114].

Падаху бо трупиа обоих стран, яко снопы забраха, и кровь их течаше, яко реки, и наполнилася рвы трупиа человека до верку, яко чрез их ходити турком, яко по степенем [448].

Стрелы помрачиша свет [222/111].

И бысть сеча примрачна, зане стрелы их [туро.] помрачиша свет [455].

2) сходство в военной терминологии в обоих памятниках (различием того, что относится к терминологии огнестрельного оружия);

3) сходство основных тем обоих памятников: оба излагают падение городов, Иерусалима и Царьграда, — городов, в представлении современников, имевших мировое значение, центральных по своему религиозному значению (ср. паломничество во „святой“ град Иерусалим и „второй“ Иерусалим — Царьград — для поклонения святыням; оба города часто объединялись и внешним образом: сказания об их падении в рукописях часто стоят рядом, что и закреплено было печатным изданием начала XVII века;

4) как раз в XV веке, когда пал Царьград, начинают, судя по сохранившимся текстам, распространяться списки старого перевода „Истории падения Иерусалима“ Иосифа Флавия; только в списках не старше этого времени известна нам „История“; в данном случае „История“ Флавия представляет аналогию к „Откровению“ Мефодия и „пророчествам“ Льва Мудрого, а эти последние также были в числе источников составителя повести.

³ Разумеется, не принимая в расчет мелких разночтений и незначительных лексических вариантов, не имеющих редакционного значения. Сюда не причисляются переделки основного текста, имеющие в иных случаях характер редакционный: о них будет речь в дальнейшем отдельно.

Троицк. 773, в свое время изданный Леонидом. В нем, помимо послесловия Искандера и (в конце) большой выписки из апокрифического „Откровения“ Даниила, дан целый ряд разночтений, главным образом добавлений текстуального свойства сравнительно с обычным хронографическим. Разночтения и добавления эти представляют интерес при решении вопроса о первоначальном тексте повести. Как было уже упомянуто, ни искандеровский, ни хронографический тексты не представляют повести в ее первоначальном виде, но оба должны быть возводимы к третьему, старшему, отклонения от которого они и представляют. Таким образом, сравнительное изучение искандеровского и хронографического текстов или редакций должно в некоторой степени приблизить нас к представлению о первоначальном тексте повести.

Как мы видели, в Троицк. 773 повесть о взятии Царьграда соединена со сказанием о его построении царем Константином Великим (обе статьи без заглавий). По тексту сказание почти буквально совпадает с читаемым при хронографической повести,¹ только в конце Троицк. 773 добавлено сравнение обнищавшего и смирившегося „до зела“ города: „и бысть яко сень в винограде и яко овощное хранилище в вертограде“ (б), не вносящее, впрочем, ничего в содержание по существу. Но следующая затем фраза в Троицк. 773 дает уже интересное дополнение.

Троицк. 773

ПСРЛ, т. XXII

Сия убо вся уведев тогда властвующей турки безбожный Магумет, Амуратов сын, в миру и в докончанье сыи с царем Константином, абие збирает вся многа землю и морем, и пришед внезапно град обступи со многию силою [б].

Властвующу турки безбожному Магмету, Амуратову сыну, и бывший тогда в миру и в докончании с православным царем Костянтином Ивановичем, царствующим в Цариграде, и абие безбожный Магмет брань въздвиже противу Константинаграда не по чину, но спротиву сътворенных сложений, спротиву клятв, воинство приведе много по земли и по морю и ратовати нача. И пришед, внезапно град обступи с многими силами [145].

Прибавленные в начале Троицк. 773 слова „сия уведев“ прямо устанавливают связь между сказанием о построении Царьграда и повестью о взятии его турками. „Сия уведев“, т. е. узнав о „нестройных“ в городе, оскудении сильных, обнищании людей и т. д., Маго-

¹ Текст Троицк. 773 считает годом эдикта о христианстве — 5508, хронографический — 5518 (что и правильнее). Интересен вариант лексического свойства: Троицк. 773 последовательно пишет „Визандия“ (вм. „Византия“) и один раз „Костяндиин“ (в хронографической „Константин“, но в другом месте „Костяндион“), т. е. в русском тексте сохранено живое греческое произношение письменной группы *υτ* (как *любуτх* — люнда). Как объяснить появление в русском тексте этого начертания, передающего живое произношение греческого? Других подобных гречизмов в тексте не замечается. Так написать не мог грамотный грек, если он и писал по-русски: он, если и выговаривал „Визандия“, „Констандин“, то должен был на письме передать „Византия“, „Константин“ (*Βυζαντιος, Κωνσταντινός*), сохраняя принятое греческое начертание (обычно также передаваемое и по-русски). Во всяком случае наличие подобного начертания в русской рукописи не указывает на греческий оригинал сказания о построении Царьграда. Объяснить же его скорее всего следует так: русский оригинал, от которого пошла текст искандеровский и хронографический, писал русский человек, владевший или по крайней мере более или менее знавший современный живой греческий язык, что для XV—XVI веков вполне возможно в Москве, при оживленности сношений с греками и при наличии многочисленных греческих эмигрантов, приходивших или прямо из завоеванного Константинополя, или через западную Европу, и до разорения греческого царства, и позднее.

мет решает пойти на завоевание города. Этот небольшой вариант подтверждает косвенно заподозренную нами выше связь между сказанием и повестью: он соединяет в одно обе статьи как рассказ о начале и конце Царьграда. Несколько иной интерес представляет дальнейшая цитата из хронографической повести (которая в этом случае пространнее исхандеровской). Она подробнее говорит и дает освещение самому началу войны Магомета против Византии. Он начал войну „не по чину“, с нарушением существовавшего соглашения и клятв. Но на это дополнение и, пожалуй, подчеркивание путем повторения, незаконного действия Магомета едва ли можно смотреть, как на сохранение в хронографической повести более первоначального текста, нежели в исхандеровской. Так можно было бы предполагать на основании такого „комплекса“, куда входит статья о происхождении турецких султанов („Откуда беша...“; см., например, Заб. 241, Заб. 445, Увар. 906). Эта статья помещена была в Хронографе и читалась еще в редакции 1512 года (гл. 202). В конце ее, действительно, сообщается о мире, бывшем между турками и греками еще при Иване Палеологе (брате Константина) и Амурате (отце Магомета). Византийцы оказали помощь Мустафе, восставшему против Амурата, почему у последнего и произошло столкновение с Иваном, но потом состоялось примирение, и мир продолжался при Магомете, наследовавшем Амурату. По взглядам составителя хронографической редакции повести, Магомет нарушил соглашение (заключенное его отцом) и мир без всякого повода со стороны Константина, соблюдавшего договор, заключенный с турками его предшественником. Всю отрицательную сторону поведения Магомета как будто и желал подчеркнуть составитель хронографической повести, допустив нечто вроде повторения.¹ Но фраза эта, помимо того, что по мысли она является ненужным повторением только что сказанного („бывый тогда в миру и в докончании с царем Константином“), заимствована из „Иного перевода“ (краткой повести) и в Троицк. 773 отсутствует. То же следует сказать и о следующей фразе хронографического текста, отсутствующей в Троицк. 773: отвергнув посольство греческого царя, Магомет „сам предивным ополчением и страшным движением по суши и по морю приступи к царствующему граду“ (446). Последовательность фактов, казалось бы, на стороне хронографического текста, но это едва ли так. О том, что Магомет „обступи град“, речь была выше, а, кроме того, фраза эта рассекла сплошной рассказ: „он же безверен сый и лукав, посланники отосла, а град повеле бити пушками...“, как это и читается в издании Леонида (6). И эта фраза идет из „Иного перевода“ (краткой повести).

Приведенные сопоставления хронографического и исхандеровского текстов показывают, что предпочтение в смысле первоначальности приходится отдавать последнему. Но в то же время в последнем списке, в том виде, в каком мы его знаем, несмотря на то, что он имеет чтения лучшие, нежели хронографический, мы всё же не можем видеть текст повести в ее первоначальном виде. Сравнительно с предполагаемым первоначальным текст Троицк. 773 уже претерпел, как и хронографический, и другие изменения, помимо вставки из „Откровения“

¹ Действительный же мотив (а не злую волю султана) нападения на Царьград Магомета указал „Иной перевод“: султан не мог допустить, чтобы был христианский град среди турок, не покоренный его державе (Троицк. 811, л. 298); действительно, всё греческое царство этого времени ограничивалось (не считая Эпира и Морей, давно отколовшихся от империи) стенами и ближайшими окрестностями Константинополя, остальное было в руках турок.

Даниила, потребовавшей изменения естественного окончания повести. Он утратил, видимо, заглавие и начало самой повести (с датой) под влиянием соединения повести со сказанием о построении Царьграда, а это явление вторично: первоначально повесть была вполне самостоятельной. Но главная ценность списка Троицк. 773 состоит в том, что он по чтением значительно полнее, нежели хронографический, и это „лишнее“ в нем показывает, что, утратив некоторое из первоначального текста в начале, он является в остальном более близким к этому первоначальному, нежели хронографический. Может быть доказано, что места, „лишние“ сравнительно с хронографическим текстом, в значительной доле должны быть сочтены принадлежащими первоначальному тексту; они сообщают такие данные или детали фактов, которые не могли быть присоединены позднее редактором или переписчиком текста. Вот ряд таких мест сравнительно с хронографическим текстом.

П С Р Л, т. XXII

Троицк. 773

[Описание битвы]: не бе слушати друг друга, что глаголет, бысть, яко гром велий [447].

И не бе слышати друг друга, что глаголет: совокупиша бо ся вопли и крычания и плачь и рыдания людей и стук дельный и звон клакольный в един звук и бысть яко гром велий [9—10].

Мотивировка, почему „не бе слышати друг друга“, кстати дополняющая картину боя, могла принадлежать первоначальному тексту,¹ тогда как в хронографическом чувствуется некоторая недоговоренность: последняя фраза („бысть, яко гром велий“) по смыслу есть обобщение перед тем приведенных частных.

Градския люди падоша от турков (так!) яко мертвы, токмо стражие едины оставиша по стенам. Наутрия же царь повеле събрати трупия мертвых и погresti [447].

Градские люди падоша от труда, яко мертвы, токмо страж единых оставиша по стенам. Наутрия же повеле цесарь собрати трупия, и не обретоша людей: вси бо бяху сляща утрудився. И посла цесарь к патриарху, да повелит священником и дяконом собрати мертвыя и погresti я. И абие собращася множество священник и дяконов и взяша мертвыя и погребоша их [10].

Вполне уместная фактическая подробность указывает на принадлежность ее первоначальному тексту.²

[После ожесточенной битвы, где пало более 5 тысяч греков и 24 тысячи турок, патриарх и клир повели царя в Великую церковь] на молитву и благодарение всемилостивому богу, также и множество благородных жен и детей с царицею.

...на молитву и благодарение всемилостивому богу, также и множество благородных жен и детей с царицею, понеже вси люди бяху еще опочивающе от безмерных и неприятных истомы. И повеле

¹ Она осталась и после поправки, сделанной иной рукой в Троицк. 773: здесь слова „вопли... клакольный“ зачеркнуты и заменены „вся сия“ (10, прим. 18а). Любопытно чтение „дельный“, т. е. „орудийный“, „пушечный“: оно сопоставляется с польским *działo* — „орудие“, „пушка“; таким образом, этот полонизм подтверждает предположение, высказанное Леонидом о литовско-русском происхождении Нестора (предисловие). Будучи поставлен рядом со словом „израда“, весьма возможно, также западнорусского происхождения, полонизм этот мог попасть в первоначальный текст, как туркизмы и грецизмы, из источника повести, восходящего к труду Искандера.

² См. рецензию Г. С. Дестуниса на издание текста (ЖМНП, 1887, февраль, стр. 366 и сл.).

И быше видеги в всем граде всем людем и женам притичющим к божии церкви [449].

патриарх позвонити по всему граду, заповедавая всем людем, иже не бяхуть на брани, и женам и детем къждо их, да поидуть к своему приходу, молящися и благодаряще бога и всенепорочную его мать, владычицу нашу богородицу и приснодеву Марию. И быше видеги во всем граде всем людем и женам притичющим к божиим церквам [15].

Опять фактическое добавление с объяснением, почему в Великую церковь могли придти на молебен только патриарх с клиром и знатные жены и дети с царицею, — место, без сомнения читавшееся в первоначальном тексте и восстанавливающее некоторую неясность в хронографическом: в Софию могли придти только знатные люди, а по всему городу видны были люди, идущие по другим церквам.

[После знаменья в церкви св. Софии патриарх и бояре уговаривают царя покинуть город. Царь откаывается, говоря: сего не сотворю но да умру где с вами! И не послуша их [453].

... сего не съворю. Ни, господие мои, ни, но да умру где с вами. И отступи от них. Зустуня же паки, пришедши со инеми боляры, много увещевааху цесаря со слезами и рыданием да изыдет из града, и не послуша их [25].

Добавление того же характера, что и предыдущее.

[26 мая турки пытаются взойти на стены] и не даша им греки, но сечахуся с ними крепко. Магмет же окаанный со всеми чины своими... прииде на полое место [454].

... и не даша им грекы, но сечахуся с ними крепко. Баши же и воины и нарадчики их, понужающе турок и бьюще их въскликааху и вопияху на них. Магумег же окаанный со всеми чины врат своих... прииде на полое место [28].

Описание идет от очевидца боя, находившегося вне города, среди турок, и принадлежит подлиннику.

Но убо еще часу суда не приспевшу, премогахуся [греки] с ними [турками]. И бысть сеча велия [454].

Но убо еще часу суда не приспевшу премогахуся с ними. Цесарь же и вельможи с ними скаакаху по всему граду плачуще и рыдающе молящися боляром и стратигом и воином всим, тако и всему народу, да не отпадут надежею, ни да ослабеюг делом, но дерзностию и верою несумненно братися с врагы, и господь бог поможет ны. И повеле звонити по всему граду на собрание людем и собравшися всем людем [вси люди] по стенам бяхуся с туркы. И бысть сеча велия [28].

Опять фактические данные, но на этот раз сообщаемые человеком, находившимся внутри города.

[Патриарх], плача и рыдая, глаголаше: Воскреси, господи боже мой [454].

Егда же услыша [патриарх], звону, взявше божественныя иконы, изыде пред церквою и ста на молитву, осеняюще крестом весь град и рыдающе и глаголюще: Воскреси, господи боже [28].

Добавление, продолжающее предыдущее.

[Турки не отступили от стен города], брегуще своих градов и иных козней, не дадуще гражаном зажещи [455].

... брегуще своих градов и иных козней. На утрия же греки восхотеша зажещи в многих местах козней их и грады деревянные и не даша им турки стрелянием из луков и из пищалей. Падоше же обоих стран, а наипаче ранних [раненых?] кто может исчести? [39].

Видимо, в хронографическом тексте имеем сокращение того, что полностью читалось в подлиннике и читается в Троицк. 773. Конец цитаты в Троицк. 773 явно испорчен.

[Царь с вельможами и врачами идет к раненому Зустунею] утешающе его [455].

... утешающе его, хотяху бо аще бы мощно было, душа своя вдунути в него, обьяше бо их скорбь и печаль велиа о нем, занеже братом его имеяше цесарь многия ради веры его и бодрости [37].

Совершенно уместное объяснение настроения царя и вельмож.

[Видеша турки башту делающих, вскоре наскочиша множество их на полое место [455].

Дню уже приспевшу, егда видеша турки башту делающих, вскоре пустиша на них изомногих пушек и не даша им делати; онем же пространившимся от пушек, вскоре наскочиша множество турок на полое место [37].

Механическое сокращение хронографического текста, аналогичного Троицк. 773.

[На братьев, убивших сарацинских богатырей, турки нападают толпами], они же от них уидоша во град вси трие без вреда [456].

... онем же обраняющиеся от них, уидоша в град; бяху же триети нафты: един гречин, другый угрин, а третий арбонаш [37—52].

[Вторично раненного Зустунея выносят из боя, за ним уходят его франки], видевше же стратиги и вси граждане устремление турков, начаша бежати. И погибель бы конечнаа настигла их и граду, аще не бы царь поскорил со избранными своими [456].

... видев же стратиги и все гражане болма прибывающих турок, начаша бежати, и егда постигахуть их, нуажею возвращахуса и боряхуса с ними, и погибель конечная уже бе [бы?] постигла град, аще бы не поскорил цесарь со избранными своими [32].

[Царь, застав Зустунея еще живым, погоревал о нем] и по сем нападе на турки со избранными своими и биаше их нецядно, токмо един мечь имеа в руке, иже достизаше мечем рассекаше их чадное, аще и по коню ударит — падаху под ним, не удръживаше бо ся мечь его ни збруи, ни конскаа сила. Турки же, видевше крепость и мужество цареву, бежаша от него. И тако прогнаша турков к полому месту [456].

... и нача [царь] возвращати фряг с молением и рыданием, и не послушаше его, и пришед поношаше своих о слабости их и немужество, и абие возвращаше бегающих, а сам нападе на турки, и поюкнув своим, вниде вратных бьяше их мечем по плещу и по ребрам, аще и по коню ударить — падаху под ними [ним?] и не удръживаше бо мечь его ни збруи ни конская сила. Турки же искликахуса и друг друга поюкаша нань, сам [сами?] же не смеяше; оружия же, иже метаху нань, якоже преди рекохом, вся суетно падаху, мимо его летающе не улуча-

хуть его.¹ Еще убо часу не при-
спевшу, он же на них возвра-
щашеся, бежаху от него и раз-
лучахуся и даяхуть ему путь.
И тако прогнаша турков к полому месту
[32—33].

Повидимому, в подлиннике было больше подробностей; часть их хронографический текст опустил, сохранив, однако, кое-что из того, что пропущено в Троицк. 773.

[После убийства бегиларбея] царь же, пригласив своих, со восклицанием многим, выидоша в полки их [турок] и биа их, прогнаша из града [457].

...цесарь же пригласив своих со восклицанием многым, выидоша во все полки их и бья их, прсгнаша из града. Но Карачьбею баше, собравшу множество войска, поиде гуфою и гордостью великою на полое место, и выиде во град и прогна цесаря и всех граждан. Царь же паки помолився стратигом и всим мегистаном и вельможам, тако и народу, укрепи их, и возвратився нападоша на турки, уже отложше живота и паки прогнаша их из града [34—35].

Хотяше бо [Магомет] видети уряд и сокровища церковная [459].

Хотяше бо видети уряд и сокровища церковная, да сбудется реченное: и вложит руцесвоя в святая жертвенная и святая потребит и даст сыновом погибели [39].

Русский род с пржездательными всего Измаилта победать и Седмохолмого примут с пржезаконми его и в нем воцарятся [460].

Русии же род с пржездательными всего Измаилта победят и Седмохолмого примут с пржезаконными его и в нем воцарятся и судржат Седмохолмого Русы, язык шестый и пятый и насадят в нем зелие, и снадят от него мнози в отщение святым [40—41].

Здесь выписка из „Откровения“ Даниила продолжена сравнительно с хронографическим текстом. Наконеч, для характеристики списка Троицк. 773 следует добавить, что в нем за только что приведенной цитатой идет большая выписка из этого „Откровения“ (ее нет в большинстве известных мне списков хронографического текста) и прибавлено свое заключение всей повести: „Сия убо вся и ина многаа прорицания и знамена писания съдржьить о тебе, граде божий, их же всещедрый и всеблагий бог да совершити на пременение и на поправление скверныя и безбожныя сея веры атаманскыя и на обновление и укрепление всея православныя и непорочныя веры христианстей, ныне и присно и во веки веков. Аминь“ (42). С одинаковым правом это заклю-

¹ Действительно, в другом месте повести читается аналогичное место о царе: „Достигшу же цесарю, вопияше на своих, укрепляя их, и, возрыкав, яко лев, нападе на турки со избранными своими пещы и конники и сечаше их крепко; их же бо достигаше, рассекаше их надвое, а иных пресекая наполь, не удржаваше бо ся мечь его ни о чем. Турки же скликахуся против крепости его и друг друга понюкаше нань и всяким оружием суляху его, и стрелы бесчислены пушаху нань, но убо якоже речеся, бранныя победы и цесарское падение божим промыслом бывает: оружия бо вся и стрелы суетно падаху и мимо его летающе, не улучахуть его. Он же един имея мечь в руце, сечаше их и на них возвращашеся, бежаху от него и путь ему даяху и погна их к разрушенному месту“ (22—23, ср. 452).

чение может быть отнесено и на долю составителя повести, только что приведшего исполнившиеся предсказания Мефодия и Льва и выразившего надежду, что и остальные пророчества „свършятся имут“, и на долю того, кто сделал вставку из „Откровения“ Даниила.

Проведенное через весь текст сопоставление чтений хронографического текста и исандеровского с достаточной определенностью указывает на их взаимоотношения:

1) ни тот, ни другой не представляют первоначального текста повести в его чистом виде;

2) текст хронографический получился путем сокращения текста более полного и более близкого к первоначальному;

3) текст Троицк. 773 полнее хронографического и в то же время более близок к первоначальному;

4) оба сравниваемые текста принадлежат к различным редакциям, независимо друг от друга восходящим к первоначальной.

IV

Для суждения о повести о взятии Царьграда турками как об источнике для истории взятия Константинополя, для определения ее места среди других иноязычных источников, касавшихся этого события, прежде всего следует напомнить, что в повести мы имеем записки современника и очевидца не в их подлинном виде, а в обработке (при том преследующей главным образом литературные цели) русского книжника, вероятнее всего, начала XVI века. Нам остается неизвестным, насколько этот книжник видоизменил фактическую сторону своего источника. Даже допустив, что он бережно отнесся к фактической стороне, мы в повести не можем признать сохранившимися вполне записки современника. Составитель повести, как это видно из послесловия Искандера, имел перед собой не первоначальные записки об осаде и взятии Константинополя, а только извлечение из них. Поэтому от повести мы не можем требовать в изложении событий осады безусловной последовательности и полноты сравнительно с тем, что происходило в действительности. Вероятно, факты мелкие или сочтенные сокращавшим записки неважными были при сокращении опущены. И действительно: даже приняв, что повесть воспроизвела полностью свой источник, мы видим, что она сравнительно с иноземными источниками, современными событию или близкими к нему по времени, не говорит о многих фактах, иногда довольно существенных с исторической точки зрения и отмеченных этими иноземными источниками. В ней, например, нет сведений о количестве войск Магомета, участвовавших в осаде, и количестве защитников города; о построении турками на Босфоре городка перед наступлением, имевшего важное стратегическое значение; о политике султана по отношению к братьям Константина, объясняющей, почему они не оказали помощь Константину (о чем говорится в повести); о положении Галаты во время осады, и др. Историческая ценность повести определяется сравнением сообщаемых ею известий с другими источниками, преимущественно современными, выяснением степени достоверности и точности сообщаемого ею в отдельных случаях, прежде всего сведений, общих у нее с другими источниками, затем сообщаемого ею сверх этих источников. Такой сравнительный анализ, произведенный историками (например, Срезневским, Стасюлевичем и др.), дал положительные результаты. Сведения, сообщаемые повестью, признаны заслуживающими доверия и в большинстве слу-

чаев достаточно точными. Только хронологические, цифровые выкладки, извлекаемые из повести, оказались далеко не соответствующими действительности и иноземным источникам. По подсчету историков на основании иноязычных источников осада и взятие Константинополя потребовали 57—59 дней, тогда как по повести осада и штурм города длились около шести месяцев.¹ Как могло случиться подобное расхождение в повести, основанной на показаниях очевидца, объяснить не легко. Попробуем сопоставить хронологическую сводку, даваемую иноязычными источниками,² и хронологическую схему, извлекаемую из повести. Сводка иноземных источников дает следующие даты: 4 апреля Магомет обложил город, 11 апреля произошел первый приступ и 18 апреля он был ликвидирован, с 7 мая начались частые приступы к городу, 29 мая произошел штурм города и взятие его, 30 мая Магомет вступил в город. В повести: месяц и число, когда появился и обложил город султан, не указаны; 1 декабря был первый приступ, 14 декабря—новый приступ, 21 декабря—новое движение турок к стенам города, 30 декабря—„второй“ большой приступ, 24 января—опять приступ, 6 мая—пролом в стене города, 21 мая—„знамение“ в св. Софии, 26 мая—бомбардировка и борьба у пролома, 27 мая—то же, 28 мая—то же, ночью с 28 мая на 29—второе „знамение“, 29 мая—штурм и взятие города, затем несколько дней уличной борьбы в городе, 9 июня—въезд Магомета в город.

Таким образом, совпадение в повести оказывается только в последней дате—28 мая, дне взятия города. Сюда же можно присоединить еще и 6—7 мая, когда началась усиленная бомбардировка, результатом которой был пролом в стене города, что имело решающее значение в последующей осаде и для самого штурма города. В этой схеме повести обращает на себя внимание то, что с этой же даты—6 мая—в ней идет более или менее последовательное указание чисел отдельных эпизодов осады: 6, 21, 26, 27, 28, 29 мая, тогда как до этих пор, начиная с первого приступа, они отмечаются числами лишь изредка: 1 декабря, 14, 21, 30, 24 января и затем скачок прямо к 6 мая. На деле же этот большой отрезок времени (с декабря до начала мая—5 месяцев) оказывается соответствующим двум с небольшим неделям (с 11 апреля по 6 мая—16 дней) действительной осады (ее первой половины). Едва ли такое расхождение случайно: не имеем ли мы здесь дело со своего рода сознательным, произвольным распределением чисел, внесенным кем-то в рассказ на основании самого содержания повести? Обращает на себя внимание одно место повести, которое могло натолкнуть на подобное построение хронологии в первой половине повести для согласования хронологических выкладок с этим местом. После образования в стене пролома („полого места“) и отражения ворвавшихся было через пролом турок (это по повести произошло „наутрие 6 мая“, т. е. 7-го числа) царь держит военный совет о том, что предпринять дальше, после громадного урона в рядах защитников. Часть военачальников предлагает выйти с отборной дружиной ночью из города

¹ Это указание на длительность осады из повести перешло, повидимому, и в некоторые иные тексты, именно: в небольшое предисловие, резюмирующее содержание повести, иногда помещаемое перед самой повестью; в нем читаем: „А стоял [Магомет] под ним [Царьградом] 6 месяцев: декабрь, генварь, февраль, март, апрель, маия 29 день салтан взял Царьград“ (Увар. 954, л. 316; ГИМ 1388, л. 473).

² Для иноязычных источников достаточно ограничиться краткой схемой по К. Крумбахеру (K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Literatur. 2-те Auflage, München, 1897, стр. 1065—1067).

и напасть в тылу на турок: при успехе можно получить избавление, при неудаче погибнуть — всё равно где, в городе ли, или за городом. Но двое, кир Лука архидукс и епарх Николай, сперва молчат, а затем возражают: „Се уже пять месяцъ прошли, отнележе начахом битися с турки, просяще милости божиа, и аще будет воля его, еще можем и иныя пять месяцъ братися с ними; аще ли же не будет божие помощи, и тако сътворим, единым часом вси погибнем и град погубим“ (451). В конце концов это мнение взяло верх и от вылазки отказались. Из приведенных слов этих двух лиц вытекало, что до 7 мая (когда был военный совет) город уже пять месяцев выдерживал осаду, и вышло, что осада началась в первых числах декабря, может быть и 1 декабря; этот-то промежуток времени в пять месяцев и надо было заполнить, приурочивая отдельные моменты осады к тем или другим числам, как это имело место во второй половине повести. 14 декабря легко было проставить, раз осада началась 1 декабря, а первый приступ произошел через 13 дней, как указано в самой повести (446). Дальше провести такую работу было уже труднее; но в тексте повести и для нее можно было найти некоторую опору, именно в указаниях на промежутки между отдельными приступами. После неудачного для турок приступа 14-го числа на 7-й день Магомет двигает к стенам города новые войска, т. е. 21 декабря (447); названный вторым приступ (448) происходит по повести 30 декабря; следующий за ним приступ — через 25 дней, т. е. 24 января (449), когда турки, понеся громадный урон при взрыве, отошли от стен города, и султан стал колебаться, не снять ли ему осаду города. Эти колебания, во время которых имели место и неудачные для греков переговоры о мире, продолжались до 6 мая, когда бомбардировка возобновилась и образовалось „полое место“ в стене. Тут никаких опор для хронологических выкладок повесть не дала, сказано только: „Магмет многа дни съветовав, приложиша отступити от града“ (450). В этот промежуток времени, по мнению внесившего в повесть хронологию, никаких военных действий не происходило. Так, надо полагать, была сделана в повести попытка рассчитать время — 6—7 мая, когда начались более энергичные действия турок, приведшие к штурму 29 мая. С этого времени повесть не нуждалась в приспособлении своей хронологии к действительной. Если так можно себе объяснить своеобразие повести в ее первой половине сравнительно с устанавливаемой по иным источникам хронологией, то всё же объяснение это остается, конечно, только вероятным, так как оно покоится на заведомо неточном сообщении, вложенном повестью в уста кир Луки и епарха Николая, о пяти месяцах, протекших от начала осады до 6 мая, и хронология повести в этой ее части остается неприемлемой. Каким путем эта ошибочная хронология попала в повесть, решить трудно. Возможно только такое, и то лишь предположительное, объяснение: если сведения о том, что происходило в городе во время осады, собирались после взятия города, то естественно предположить, что сообщение о пяти месяцах осады до 6 мая, само по себе ошибочное, получено было составителем записок из вторых рук, так как Лука и Николай были казнены Магометом тотчас по взятии города. Кто же мог произвести эти неверные хронологические выкладки в повести? Тут может дать некоторые указания сопоставление исандеровского текста с хронографическим, который в первой половине расходится в этом пункте с исандеровским: в этом последнем до 6 мая таких, как в хронографическом (числа и месяцы), выкладок нет. Место о начале осады в них читается так:

Искандеровский

Он же [Магомет] безверен сый и лукав, посланники [царя] отосла, а град повеле бити пушками и пищальми [6].

Заглавие хронографического текста, в рукописи писанное киноварью и содержащее в себе дату, вставлено в текст (равно как и предыдущая фраза: „предивным. . . граду“): оно рассекло сплошную фразу (ср. в искандеровском) на части. Позднейшим изменением первоначального текста следует счесть также и дату, образованную из слов самого текста.

И тако творяху отбои [так!] до 13 дне. В 14-й же день турки. . . начаша сурны играти [8].

В 30-й же день по прьвом приступе паки прикатиша пушки [72].

Для того чтобы образовать заглавие, составитель хронографической повести перестроил фразу, читающуюся в искандеровской, и должен был изменить ее смысл: речь идет не о 30-м числе, а 30-м дне со времени первого приступа. В тех же целях произведена перестройка и в дальнейшем тексте.

Дню уже пре[и]спешу, егда видеша туркы башту делающих, вскоре пустиша на них изо многих пушек. . . вскоре на скачиша множество турок [37].

Повидимому, стремясь разбить текст на главы и решив сделать это при помощи хронологических выкладок, составитель хронографического текста построил свою хронологическую схему и внес ее в старший текст, который (судя по искандеровскому) деления на главы (рубрики) не имел, пожертвовав при этом и цельностью и сохранностью своего оригинала. Если такое объяснение в данном случае подходит, то отсюда следует вывод: хронологические вехи в том виде, в каком мы видим их в первой части хронографического текста, явились впервые только в этом тексте и были чужды первоначальному тексту повести. В то же время следует допустить, что в первоначальной редакции повести или, может быть, правильнее, в той ее редакции, к которой восходит и искандеровский и хронографический тексты, были уже цифровые указания на промежутки между отдельными моментами осады: эти указания налицо в искандеровском тексте, и на таких упоминаниях построена хронологическая схема хронографического текста. Были ли эти цифровые указания промежутков в первоначальном тексте повести, остается неизвестным, раз мы располагаем только двумя редакциями, старшей и младшей, этого недоступного нам теперь первоначального текста; мы можем представить себе только ту старшую редакцию, от которой пошли доступные нам тексты, и исходить из нее в оценке хронологической канвы повести. Как бы мы не объясняли эти указания, всё же данные повести окажутся в противоречии с другими источниками. В самом деле: повесть сообщает, что первый приступ произошел через 13 дней после начала осады, на 30-й день после этого турки начали стрелять из „большой“ пушки, и произошла самая кровопролитная битва (греки, по словам повести, потеряли 5700 уби-

Хронографический

Он же, окаанный и безверен сый и лукав, посланники отосла безделны, а сам предивным ополчением и страшным движением по суши и по морю приступив к Царствующему граду Месяца декабря Пръвый приступ и повеле бити пушками и пищальми [446].

И тако творяху обои тринадесять дней. В 14 день. Турки же. . . начаша в сурны играти [446].

В 30-й же день приступ. По первом приступе паки прикатиша пушки [448].

В 28 маиа. Видевша турки башту делающих, вскоре наскочиша множество их [455].

тыми и ранеными, турки — 35 тысяч убитыми); на 9-й день после этого турки возобновили нападение; через 25 дней после этого произошел взрыв подкопов, устроенных греками. Так было до 6 мая, когда туркам удалось сделать пролом в стене. Подсчитав эти цифры, мы получим, что до 6 мая, когда был сделан пролом, от начала осады прошло 89 дней, а прибавив сюда еще 24 дня — с 6 по 29 мая — до взятия города, получим, что осада длилась 113 дней, а не 57—59, как выходит по иноязычным источникам. Стало быть, и с этой стороны хронология повести доверия не внушает: в ней несомненно есть ошибки, неточности. Где и когда произошли эти ошибки и неточности, мы не можем определить.

Указываются исследователями и другие — на этот раз менее важные — недочеты повести (каковы, например, сведения о количестве павших с той и другой стороны, об имени тогдашнего патриарха, о жене Константина и т. п.). Но все эти недочеты повести, сохранившей свидетельства современника, притом близкого к самому месту событий, не лишают повесть значения важного исторического источника для изучения взятия Константинополя в 1453 году. Ценность ее заключается главным образом в сообщениях о самых перипетиях борьбы, отдельных моментах, в том, что она не только подтверждает, но и дополняет многие известия, сообщаемые иноземными источниками. В этом отношении повесть приходится сопоставлять прежде всего с записками Г. Франтцы,¹ не только современника, но отчасти и участника самих событий: он пережил осаду в городе, уцелел при взятии города и на старости лет по просьбе окружающих написал то, что знал и помнил об этом горестном для греков событии.² Таким образом, Франтца принадлежал к кругу тех лиц, от которых Нестор Искандер, попавший в Константинополь с турками после его взятия, мог собирать свои сведения о том, что происходило в городе во время осады. Но едва ли Франтца непосредственно сообщал Нестору эти сведения, хотя оба они часто говорят об одном и том же и в общем одно и то же, но с различными деталями, с различной обстоятельностью. Это объясняется скорее всего различием в положении того и другого мемуариста.

Искандер, находясь в турецком лагере, был лучше Франтцы осведомлен о том, что происходило там, мог многое не только слышать, но и видеть, а о константинопольских делах он мог только из чужих уст и некоторое время спустя собрать, хотя и очень внимательно, сведения для своих записок.

Франтца, сам многое видевший и, кроме того, имевший также возможность получить сведения о константинопольских делах от других по свежим следам, хуже Искандера был осведомлен в турецких делах.

Кроме того, задачи того и другого были различны. Политик Франтца поставил себе целью изложить историю падения Византии, где самая

¹ Сочинение Франтцы под заглавием „Хроника Протогестария Георгия Франтцы“ помещено в „Corpus scriptorum historiae Byzantinae“, изданном Б. Г. Нибуром в Бонне, в 1838 году.

² Франтца не мог уехать из Константинополя, когда к нему подступал Магомет, по взятии города был в турецком плену, выкупился и постригся в монахи около 1462 года на о. Корфу, где и описал то, „что видал собственными глазами или слышал, или читал“ (там же, стр. 453). Когда он писал свою „Историю“, ему было 85 лет. В изложении своем он — политик определенного направления: ревностный защитник православия, враг унии, поэтому недолюбливает „латинян“ (сторонников унии) и своей вражды к ним не скрывает. В этом отношении он не мог быть вполне объективным историком. Данные о Франтце заимствуются мною из книги М. Стасюлевича „Осада и взятие Византии“ (СПб., 1853). Осаде и взятию Константинополя в „Истории“ Франтцы посвящена главным образом третья книга.

осада и взятие Константинополя были лишь одним, хотя и крупным, эпизодом этой истории. Искандер ограничил свою задачу изложением, почти исключительно фактическим, военных событий осады и взятия Константинополя. Поэтому и самый подбор сведений у них не одинаков. Но это обстоятельство, разумеется, не могло отразиться на достоверности даваемых ими сообщений, чем и объясняется отсутствие резких расхождений в случаях, когда им приходится говорить об одном и том же: разница могла оказаться в деталях. В результате, сообщения Франтцы в общем обстоятельнее, нежели у Искандера, о константинопольских делах, а у последнего — обстоятельнее о делах турецких. В таком соотношении можно убедиться из сопоставления нескольких аналогичных сообщений у того и другого. Так, например, обстоит дело с Джованни Джустиньяни: появление его с кораблями и войнами в Царьграде несомненно было выдающимся событием времени осады, оказавшим заметное влияние на самый ход борьбы; о нем одинаково и с симпатией говорят и Франтца, и Искандер, но Франтца говорит, что Джустиньяни покинул свое место на стенах города, будучи ранен стрелой в бедро правой ноги; по Искандеру же в первый раз он был ранен в грудь каменным ядром, после чего вернулся в строй, и вторично — в плечо, после чего был унесен своими соратниками франками (30, 32). О дальнейшей судьбе Джустиньяни повесть не рассказывает, а Франтца сообщает, что Джустиньяни, несмотря на просьбу царя, удалился в Галату, где и умер.¹

Небезынтересно сопоставление сведений того и другого о смерти царя Константина. О последних минутах жизни царя повесть знает только то, что он погиб в Золотых воротах, не будучи в состоянии пробраться сквозь массу трупов, загромождавших ворота. Далее сообщается о том, как какой-то сербин принес к султану голову царя, как султан, пожалев о гибели царя, передал ее патриарху,² наконец, сообщено: „От иных же тако слышахом, яко оставшей от сущих со царем у Златых врат, украдоша его тоа нощи и отнесоша его в Галату и сохраниша“ (459). Франтца же подробно рассказывает о судьбе тела царя, не останавливаясь на обстоятельствах гибели царя. По взятии города и исчезновении царя распространились разные слухи: одни говорили, что царь бежал, другие, что он скрывается в городе, третьи, что он погиб в битве. Султан приказывает произвести розыски, и среди обезглавленных трупов опознан был труп царя по золотым орлам на туфлях, какие имели обычай носить греческие цари. Султан передает труп христианам, которые и погребают тело с почестями. Ясно, что оба в своих сообщениях исходят из различных устных рассказов, вероятно, в большом числе циркулировавших в Константинополе вскоре по его взятии. Вероятно, Франтца был лучше Искандера осведомлен о таком видном человеке, как кир Лука (Нотарь). Искандер мог сообщить о нем только то, что он был казнен за содействие бегству царицы из Константинополя (40). Франтца рассказывает о нем подробно, но иное: желая спасти себя, Лука предоставил Магомету громадные (в том числе, вероятно, и царские) сокровища, но тщетно.

¹ „Иной перевод“ о судьбе Джустиньяни сообщает, согласно с Франтцем, с небольшой подробностью: „Иустишян же в Галате граде быв и отуду на Хию остров отплы, тамо или от язвы или от труда в недуг впад, себе беславию жизни разрешив. В истину блажен бы бв, аще бы в самех стенах византийских дух отдал“ (А. Попов. Изборник славянских и русских статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869, стр. 90).

² Патриарх же якобы спрятал ее под престолом в св. Софии — сообщение сомнительное: св. София была уже во власти турок.

Султан, упрекнув его в том, что он не употребил этих сокровищ на защиту города и царя, приказывает его казнить, предварительно убив на его глазах двух его сыновей. Повидимому, Франтца, близкий к высшим политическим сферам, заслуживает в данном случае доверия. Впрочем, сообщение Искандера не противоречит ему: Лука, привлеченный к ответственности за бегство царицы, мог надеяться откупиться своими сокровищами.¹ Если в данном случае можно отдавать преимущество сообщению Франтцы, то в следующем случае это преимущество должно принадлежать Искандеру. При осаде города, по свидетельству современников, большую роль играла сильная артиллерия Магомета, в частности, обратила на себя внимание огромная пушка, которая и должна была разрушить славившиеся своей высотой и крепостью стены Константинополя; об этой пушке вспоминают современники,² говорят о ней и Франтца, и Искандер. Франтца, сидевший в городе, мог о ней сообщить немного. Эта большая пушка при выстреле лопнула и разлетелась на части, причем погибло много артиллеристов, ее обслуживавших. Султан был огорчен неудачей и приказал отлить новую, покрепче. Искандер (находившийся в то время еще в турецком лагере) дает ряд подробностей, которых не записал или не знал Франтца. Сообщив о том, что у турок было две больших пушки, отлитых здесь же, в турецком стане, он далее говорит только об одной большой пушке. Первыми двумя выстрелами из нее была расшатаана стена и сбито сажень пять стены. На следующее утро выстрелом из этой пушки сшиблено было семь зубцов стены, после чего, однако, удачным выстрелом из пушки Зустуня разбит был зелейник большой пушки, что привело в ярость Магомета, и он приказал ее починить. Через 25 дней из пушки, стянутой железными обручами, попробовали выстрелить, но пушку разорвало, и султан приказал отлить новую пушку. Эта новая пушка и довершила разрушение стены (12, 16, 19).

Из приведенных для примера сопоставлений можно заключать, что Искандер не зависит от Франтцы в „константинопольской“ части своих записок (пользуясь рассказами жителей Царьграда иначе, нежели Франтца), а тем более в „турецкой“ части записок. Если сведения этих авторов совпадали преимущественно в том, что касалось городских событий, то объясняется это общностью источников — тех рассказов, которые циркулировали в городе после взятия. Ценность сведений, сообщаемых повестью, заключается в том, что Искандер, хотя и по чужим рассказам, поставив задачу описать самую борьбу греков и турок за Константинополь, дает особенно много подробностей этой борьбы, дополняя тем Франтцу, который имел более общую задачу — изложить историю последних лет существования греческого царства и падения его — и не находил нужным уделять так много внимания военным, подчас незначительным эпизодам борьбы. Конечно, и сведения, сообщаемые Искандером, могут быть приняты только после их проверки другими источниками. В этом отношении сопоставление с записками Франтцы говорит за то, что эту проверку повесть может выдержать с успехом.

¹ Интересно, что „Иной перевод“ подтверждает отчасти подробность о сыновьях Луки: в числе убитых по приказу султана и князей был и „господин Лука, ему же власть была велика у самодержца: убиену бывшу пред очима его болшему сыну, другому ж в незаконную потребу съхранену, секирою рассечеса. Того ж другия два сынове на брани падоша“ (А. Попов, ук. соч., стр. 91). Видимо, что-то подобное описанному у Франтцы, было и в действительности.

² Сохранилось даже имя инженера, отлившего эту пушку, — Урбан.

Приблизительно такое же, как к Франтце, даже, пожалуй, более выгодное место занимает Искандер и по отношению к Дуке.¹ Источник сведений для „константинопольских“ событий у Дуки в общем тот же, что у Искандера, т. е. устные рассказы. Разница только в том, что рассказы Дуки относятся к более позднему времени, нежели рассказы Искандера, собиравшего свои материалы по горячим следам событий;² у Дуки могли быть сведения, оставшиеся неизвестными или непринятыми Искандером, а сведения, даваемые Искандером, могли остаться неизвестными или ненужными Дуке, но о ряде событий говорят и тот, и другой. Например, о большой пушке Дука сообщает, что ее прежде испытали в Адрианополе (стало быть, отлита она была не под стенами Константинополя, как сообщает Искандер), рассказывает, как ее везли из Адрианополя. Рассказывает он и о неудавшейся попытке греков уничтожить турецкий флот, тогда как Искандер вообще почти ничего не говорит о морских силах борющихся. Но в то же время Дука говорит о Джустиньяни почти то же, что Искандер. Джустиньяни, указывает Дука, прибыл с двумя кораблями, военными снарядами и храбрыми генуэзскими юношами, был весьма искусен в воинских делах, император осыпал его милостями и поручил ему защиту стен против дворца. Несколько иначе, нежели Искандер, Дука рассказывает о неудавшихся переговорах о мире после взрыва: султан в ответ на предложение царя о мире со своей стороны предлагает сдать город и со всем двором удалиться, куда угодно; царь настаивает на восстановлении прежде заключенного (видимо, еще Амуратом) мира. Сходно с Искандером излагается Дукой также начало борьбы между греками и турками: греки, выезжая из обложенного уже города, устраивали стычки с турками, иногда удачные, но в общем безрезультатные, так как на одного грека приходилось до 20 турок; поэтому решено было больше из города не выходить, а сражаться со стен города, пользуясь различными орудиями против нападающих. В общем, мы видим, что круг источников Дуки немногим отличался от того, из которого черпал сведения Искандер.

В результате сопоставления сведений, даваемых повестью, поскольку это касается фактов крупных и мелких, с иноземными источниками убеждаемся, что наша пространная повесть, хотя и произведение не первоначальное по отношению к запискам Искандера, в смысле точности и правдивости может быть поставлена в один ряд с записями ближайших современников,³ а своими дополнениями сравнительно с этими записями расширяет наши исторические материалы для изучения осады и взятия Константинополя.

¹ Его сочинение под заглавием „Византийская история Дуки, внука Михаила Дуки“ находится в том же самом Боннском издании, в котором напечатано сочинение Франтцы.

² Дука во время самой осады в Константинополе не был, но вскоре после окончания военных действий стал собирать сведения о происшедшем. По своему направлению он принадлежал к сторонникам унии, потому религиозной (в то же время политической на этой почве) борьбе, происходившей перед осадой и во время нее в Константинополе, он отводит довольно много места в своих записках. Самой осаде и взятию города у него посвящены главным образом главы 34—39.

³ Сопоставление повести Искандера со сведениями, сообщаемыми Дукой, Франтцей и Леонардом Хиосским, уже было сделано И. И. Срезневским; результаты его наблюдений, касающихся исторической ценности повести, совпадают с полученными мной.

М. О. СКРИПЛЬ

„История“ о взятии Царьграда турками Нестора Искандера

I

„История“ о взятии Царьграда турками в глазах древнерусского читателя была не только рассказом или повестью о трагическом конце Византийской империи. Важна была не только сообщаемая ею фактическая сторона происшедших событий, но и тот строй идей, который нашел в ней свое выражение. Длительное бытование „Истории“ в древней русской литературе, ее проникновение в Хронограф и летописи, оказанное ею влияние на ряд историко-публицистических произведений древней Руси — всё это говорит о том, что она чем-то отвечала кореным идейным запросам древнерусского общества XV—XVI веков.

Однако определение идейного смысла „Истории“ затрудняется тем обстоятельством, что до настоящего времени еще не установлен ее первоначальный состав, не выяснен процесс ее создания, не определены ее редакции и генеалогические отношения между ними и т. д.

Для постановки вопроса о первоначальном составе „Истории“ есть ряд оснований. Во-первых, в сохранившихся текстах „Истории“, — в частности, весьма ранних по своему происхождению, таких, как текст добавочных статей Хронографа 1512 года, а также летописей Воскресенской и Никоновской, — она представлена в ином составе, чем в списке Троице-Сергиевой лавры № 773, начала XVI века.¹ Во-вторых, ее первая часть — рассказ об основании Царьграда — существует во многих рукописях в виде отдельного произведения. Наконец, в-третьих, послесловие Лаврского списка, в котором говорится об авторстве Нестора Искандера и о его дневниковых записях, также заставляет обратиться к составу „Истории“ и процессу ее создания.

Какие же ответы на эти вопросы мы находим в научной литературе?

Леонид, следуя за послесловием, считал, что Искандер, находясь в войсках, осаждавших Царьград, тайно записывал всё то, что происходило в турецком лагере. Когда же после падения Царьграда он вошел в город и от греков-очевидцев и участников сражений узнал, что во время осады происходило в городе, то он „тогда же записал эти рассказы“. Затем, по мнению Леонида, Искандер, приведя в порядок свои записки, составил „Повесть о Царьграде на память своего языка“, т. е. славянам, и вероятнее всего переслал ее в Москву через

¹ Леонид. Повесть о Царьграде Нестора Искандера XV века. Памятники древней письменности, ОЛДП, СПб., 1886. В дальнейшем в скобках указываются страницы настоящего издания.

знакомых ему греков. Отсутствие послесловия во всех списках, кроме Лаврского, объясняется тем, что книжники опускали его, боясь, „дабы не уменьшить и не ослабить влияния «Повести» на народное чувство известием, что она написана «потурченцем»“. Что же касается цитаты из „Видения Даниила“, то отсутствие ее в ряде списков Леонид считает вторичным явлением. Таким образом, Леонид не сомневается в том, что тот состав, в котором „История“ представлена Лаврским списком, является ее исконным составом. Точно так же совершенно определенно решаются им вопросы о времени и процессе создания „Истории“ и о ее авторе. „История“, по мнению Леонида, написана Искандером по свежим следам событий, еще во время его пребывания с турецкими войсками в Царьграде. Судя по тому, что Леонид ничего не говорит ни о языке, на котором „История“ была написана, ни о переводе ее на русский язык, можно полагать, что и здесь для него всё было ясно — Искандер писал по-русски.¹

Такими простыми казались все эти вопросы для Леонида. Но по мере того, как всё глубже и глубже изучалась „История“, всё труднее оказывалось правильное решение их. Так, уже Г. Дестунис в своей статье по поводу издания Леонида высказал ряд осторожных, но вполне определенных замечаний о гречизмах, встречающихся в тексте „Истории“. Особенно ценно в этих замечаниях то, что Г. Дестунис не ограничивался только указанием гречизмов в лексике „Истории“, но отмечал их в ее синтаксических оборотах и фразеологии. Такие обороты как: „от среды сердца... моляхуся“ (8), „не бе от них ни гласа, ни послушания“ (10), „сотворити что мужественное на память последним“, „паки да придем к прележащему“ (29) и многие другие Г. Дестунис считал явно греческими оборотами.² Замечания Г. Дестуниса в известной мере вызвали сомнение в русском происхождении „Истории“, что в дальнейшем и сказалось на истории ее изучения. Правда, сам Г. Дестунис крайне осторожен в своих выводах, он считает, что „подобные обороты могли уже издавна войти да, без сомнения, и вошли в русскую письменность, и как бы срослись с нею так, что они не могут служить показателями того, что текст повести первоначально был написан по-гречески, а потом уже переведен“.³ Указав на наличие в тексте „Истории“ слов греческого „просторечия“ и рассмотрев некоторые эпитеты, Г. Дестунис приходит к следующему выводу: „Разбор вероятностей, клонящихся к тому или другому взгляду, скорее ведет к заключению о русском происхождении автора, нежели о греческом, хотя всё же такое заключение и не может быть нами признано за окончательное“.⁴

Если внимание к языку „Истории“ привело Г. Дестуниса к некоторому сомнению в русском происхождении ее автора, что для Леонида казалось бесспорным, то изучение фактических данных ее заставило другого крупного ученого, А. И. Соболевского, отрицать авторство Нестора Искандера. А. И. Соболевский увидел противоречие между содержанием послесловия и самой „Историей“. По его мнению, „фактические данные повести показывают, что автор во время осады Царьграда находился в Царьграде“. Что же касается повести, то она могла быть написана кем-либо из членов русской колонии Константинополя,

¹ Леонид, ук. соч., стр. III—VI.

² Г. Дестунис. Новизданный список повести о Царьграде. ЖМНП, 1887, т. II, стр. 373.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 374.

позже возвратившимся на Русь.¹ Этим самым снимался вопрос о процессе создания „Истории“ в том виде, в каком его можно было представить на основе послесловия, и отрицалась исконность самого послесловия.

Изучение „Истории“, таким образом, возвращалось к тому состоянию, в котором оно было до открытия Леонида.

Позже превосходные для своего времени работы А. С. Орлова² об особенностях формы и стиля великорусской исторической беллетристики показали, что „История“ является продуктом древнерусской литературной культуры, что ее создание немыслимо вне русской почвы и необъяснимо вне традиций литературы древней Руси. Установленная А. С. Орловым тесная связь „Истории“ в отношении стиля с древнерусской исторической беллетристикой, а в отношении содержания (частично и в отношении стиля) с рядом известных в русском переводе сочинений — таких, например, как „Сказание о построении церкви Софии царьградской“, „Троянская притча“, „Троянские деяния“ и др., — приводила к новой постановке вопроса о процессе создания „Истории“.

Если „История“ возникла на русской почве и в то же время в основе своей имеет дневниковые записи Нестора Искандера, то, следовательно, необходимо разграничить, что в сохранившихся ее текстах принадлежит Нестору Искандеру и что тому неизвестному автору, который владел стилем древнерусской повествовательной литературы и писал на Руси. Сам А. С. Орлов поостерегся встать на этот путь. Но дальнейшее изучение „Истории“ пошло именно в этом направлении. Так, уже Г. П. Бельченко в своей статье „К вопросу о составе исторической повести о взятии Царьграда“ определенно становится на этот путь. При крайне слабой аргументации Г. П. Бельченко конструирует следующий общий вывод по вопросу о составе и процессе создания „Истории“: „В повести о Царьграде, в дошедшем до нас составе, мы можем выделить историческую часть, написанную Нестором Искандером во 2-й половине XV в., на основании дневника и рассказов современников, — и осложненную позднейшими наслоениями. Какой-то книжник переделал краткую историческую повесть о взятии Царьграда Нестора Искандера в духе религиозно-политической идеи. Он придал особое начало — повесть о создании Царьграда... Он расширил историческую часть вставками церковного характера (молитвы и знамения) и заключил ее пророческими предсказаниями о грядущих судьбах Царьграда“.³

М. Н. Сперанский в работе, публикуемой в данном томе, написанной в 1937 году, также останавливается как на единственно правильной, по его мнению, мысли о том, что авторству Нестора Искандера бесспорно принадлежали дневниковые записи о падении Константинополя, которые затем были переработаны на Руси в повесть каким-то „русским опытным в литературном деле книжником“. Ясно сознавая, что при таком освещении процесса создания „Истории“ подлинность

¹ А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903, стр. 13.

² А. С. Орлов. 1) Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете, 1902, кн. IV, стр. 1—50; 2) О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII вв. Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук, 1908, т. XIII, кн. 4, стр. 344—379.

³ Г. П. Бельченко. К вопросу о составе исторической повести о взятии Царьграда. Сборник статей к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. Л., 1934, стр. 512—513.

ее послесловия оказывается под сомнением, М. Н. Сперанский оговаривает, что „и у Искандера было послесловие“ и „составитель повести мог просто перенести его целиком к себе“. К сожалению, это положение в статье М. Н. Сперанского остается неаргументированным. В решении вопроса о первой части „Истории“, — о так называемом сказании о построении Царьграда Константином Великим, — М. Н. Сперанский проявляет большие колебания. С одной стороны, он считает, что сказание — самостоятельное, отдельно существовавшее произведение и что „составитель (или редактор?) повести органически связал повесть о падении Царьграда со сказанием“. С другой стороны, он делает предположение, что „составитель повести был в то же время автором или по крайней мере редактором и сказания“. Причем, это последнее положение доказывается тем, что сказание и повесть „в комплексах и в отдельном виде встречаются вместе и вместе вошли в Хронограф“. Статья М. Н. Сперанского так и не дает прямого положительного или отрицательного ответа на вопрос об исконности соединения первой и второй частей „Истории“. Совсем уже непонятно, что дает основание М. Н. Сперанскому считать „вставкой“ ссылку автора „Истории“ на „Видения Даниила“ и „прибавлением“ — заключение „Истории“. Во всяком случае в статье никаких доказательств этого положения нет.

В самое последнее время вопрос о составе „Истории“ Нестора Искандера вновь поставлен в статье Н. А. Смирнова „Историческое значение русской «Повести» Нестора Искандера о взятии турками Константинополя в 1453 г.“. Н. А. Смирнов идет еще дальше Г. П. Бельченко и М. Н. Сперанского в „выявлении возможных наслоений и дополнений“ в „Истории“. По его мнению, в ней „чисто механическим путем объединены разные сказания: они органически не связаны между собою и не могут быть приписаны одному Нестору Искандеру“. Стремясь определить, что же в „Истории“ принадлежит самому Нестору Искандеру, Н. А. Смирнов утверждает: „Ему безусловно принадлежит хроника осады Константинополя турками, ему же принадлежат некоторые сведения о положении в осажденном городе и, конечно, описание борьбы греков с турками, ворвавшимися 29 мая 1453 г. в самый город. Все остальные части «Повести», начиная с первой, посвященной истории основания Константинополя, равно как и встречающееся в некоторых вариантах перечисление византийских императоров, наконец, молитвы, произносившиеся греками в дни осады, рассказы о видениях, равно как и предсказания о судьбе Константинополя, приведенные в конце «Повести», и многие другие вставки, конечно, ничего общего с первоначальным содержанием «Повести» Нестора Искандера не имеют“.¹

Встретив столь категорическое решение вопроса о составе „Истории“ Нестора Искандера, читатель вправе ожидать развернутой аргументации его. Но этой аргументации в статье Н. А. Смирнова нет. Правда, Н. А. Смирнов пытается обосновать отдельные свои положения. Так, например, по его мнению, как легенда о змее и орле, так и предсказание о том, что „русии же род измаилита победит и Седмохолмого примут“, являются позднейшими вставками и перу Нестора Искандера не принадлежат, так как они „могли возникнуть только

¹ Н. А. Смирнов. Историческое значение русской „Повести“ Нестора Искандера о взятии турками Константинополя в 1453 г. Византийский временник, Изд. АН СССР, М., 1953, т. VII, стр. 55—56.

спустя какое-то время после взятия турками Константинополя¹. Но это ошибочная аргументация: легенда о змее и орле античного происхождения, предсказания же о „русием роде“ и о „Седмохолмом“ были известны и в Византии и в переводе с греческого на Руси задолго до падения Константинополя по „Видению Даниила“ и по сочинению Григория Схолария, на переводы которых автор „Истории“ о взятии Царьграда и ссылается.

Ряд других, крайне ответственных утверждений, таких, например, как следующее: „Многие подробности, связанные с деятельностью во время осады императора Константинополя, патриарха и генуэзского военачальника Джустиниани, безусловно заимствованы у греческих авторов“, — Н. А. Смирнов оставляет вообще без всяких доказательств. Н. А. Смирнов не указывает этих неведомых „греческих авторов“, хотя все сочинения на греческом языке о падении Константинополя в науке давно известны. Он не считается и с тем, что это его утверждение противоречит свидетельству послесловия (подлинность которого он не отрицает) о том, как автор „Истории“, Нестор Искандер, войдя в Константинополь, от живых свидетелей событий — „от достоверных и великих мужей“ — собирал сведения о борьбе греков с турками.

Таким образом, и Н. А. Смирнов, подобно Г. П. Бельченко и М. Н. Сперанскому, не дает окончательного и строго обоснованного решения вопроса о составе „Истории“ о взятии Царьграда турками Нестора Искандера.

Концепция Г. П. Бельченко, М. Н. Сперанского и Н. А. Смирнова вошла в современные общие обзоры по истории древней русской литературы и в учебные пособия. Принятая указанными авторами концепция тормозит решение ряда больших вопросов изучения „Истории“. Не только не решается, но и не ставится вопрос о том, что представляла собой по своему идейному замыслу, составу, форме изложения и пр. повесть Нестора Искандера о падении Константинополя, которую он „вкратце изложих и християном предах на въспоминание преужасному сему и предивному изволению божию“. Не дается при этой концепции объяснение и тому, каким образом автор „Истории“, не будучи сам свидетелем осады Константинополя, достиг поразительного единства стиля при изображении картин военных сражений, так что традиционные формулы воинских повестей органически сливаются у него с художественным описанием новой техники артиллерийских боев; не объясняется сходство в идейном и в лексическом отношении послесловия, написанного Нестором Искандером, с остальными частями „Истории“, написанными русским автором, и т. д. Всё это вызывает недоверие к данной концепции и требует пересмотра вопроса о составе и процессе создания „Истории“ о взятии Царьграда турками.

II

Вопрос о составе и процессе создания „Истории“ о взятии Царьграда турками может быть правильно решен только при всестороннем анализе и текстологическом изучении ее. Некоторые данные, добытые при таком отношении к поставленной задаче, и имеет целью дать настоящая статья.

Анализ идейного содержания „Истории“ свидетельствует о том, что в том виде, в котором она представлена Троицким списком, она

¹ Н. А. Смирнов, ук. соч., стр. 56.

оказывается цельным, единым, законченным произведением. Освещение истории создания Константинополя, его процветания и гибели в духе христианской историософии, как мирового события, заранее predetermined, нигде и ни в чем на протяжении всего повествования не нарушается. Здесь каждая часть взаимно дополняет друг друга. Уже на первых страницах повествования о создании Царьграда, согласно концепции автора, рассказывается о дальнейшей судьбе нового города, о том, что „бесерменство одолеет хрестьянства“, а „напоследок паки хрестьянство одолеет бесерменства и Седмохолмаго примут, и в нем въдарятся“. Провиденциальная точка зрения на подлинную историю Царьграда искусно поддерживается в центральной части повествования рассказом о чудесных „знамениях“ и свое наиболее яркое выражение получает в заключительной части „Истории“, когда вновь вспоминаются уже в первой части приведенные слова Григория Схолярия (христиане „Измаилта победят и Седмохолмаго примут... и в нем въдарятся“) и делается ссылка на „Видения Даниила“. Наконец, и в послесловии гибель Византии объясняется „преужасным и предивным изволением божим“.

Но о цельности, единстве, законченности „Истории“ свидетельствует не только единство ее идейного смысла. Это же подтверждается и некоторыми особенностями ее лексики и фразеологии. Так, например, с начала и до конца „Истории“ последовательно и многократно повторяются одни и те же наименования высших чинов византийского двора: в первой части „Истории“ — „и абие цесарь... посылает в Визандию магыстров“ (2); „събра цесарь вельмож и мегистан и магыстров“ (2); „начаша делати... дома славны вельможам и мегистаном“ (3); в центральной части „Истории“ — „цесарь повеле вельможам и мегистаном“ (7); „и повеле магыстром“ (11); „стратигом же и мегистаном и всим конником приспевшим“ (34); „цесарь же паки помолвися стратигом и всим мегистаном и вельможам“ (35); „стратиги же и мегистаны и вси вельможи... отведоша цесаря“ (35); „и падоша стратиги и мегистаны и вси вельможи“ (36).

Так же последовательно в разных частях „Истории“ встречается такое редкое слово, как „поле“ в значении: портик, крытая галерея (улицы), навес, предназначенные „на торгование“, площади. В первой части „Истории“: „Създа же цесарь и полату великую, иподрому предивную и две поле устрои, рекше, улице покровены на торгование“ (4). „Поле“ здесь — искаженное греческое *ἐμβολοί*, что легко восстанавливается по соответствующему тексту „Хроники“ Георгия Амартола: „Създав же полату и подърюмье и две имъполи, рекше улицы покровене, и търг ризны“.¹ В конце „Истории“ вновь трижды встречается это слово: „и посла град чистити, улицы и поля“ (38). В списках младшей редакции: „и посла во град чистити улицы и площади“.² „И пришед на поле у великия церкви, слезе с коня“ (39). Редактор XVI века переводит: „И пришед на площадь у великия церкви, слез с коня“.³ Несколько ниже здесь же читаем: „Видев ишедших полно поле и во все улицы идущих много“ (39). И в данном случае в более поздней редакции „Истории“ слово „поле“ переводится „площадь“.

Далее, трижды (в первой части, в центральной и в послесловии)

¹ В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, т. I. Пгр., 1920, стр. 339.

² ПСРА, т. VIII, 1859, стр. 142; т. XII, 1901, стр. 96; т. XXII, 1911, стр. 459.

³ ПСРА, т. VIII, стр. 143; т. XII, стр. 96; т. XXII, стр. 459.

встречаются в „Истории“ несколько необычные молитвенные обращения к богородице и к Троице, в которых особенно сходны заключительные слова, представляющие собой три варианта одного и того же предложения. В первой части „Истории“: „...яко да и в нем (в Константинополе, — М.С.) прославится и возвеличится имя великолепия Твоего в веки“. В центральной части „Истории“: „...яко да и всем (осажденным, — М.С.) прославиться и возблагодарить всесвятое и великолепное имя Твое“ (29). В послесловии: „...яко да и аз (Нестор Искандер, — М.С.) препрославлю и возблагодарю великолепное и превысокое имя Твое“ (43).

Затем и в первой, и в центральной части „Истории“ повторяется один и тот же прием определения мирового значения Константинополя. Так, в первой части при описании выбора Константином Великим места для новой столицы говорится, что „он... прилежааше мыслию на Трояду, идеже и всемирная победа бысть Греком на Фряги“ (т. е. Фриги, — М.С.; 2). В конце же центральной части вновь подчеркивается мировое значение Константинополя, созданного народом, который победил Троию: „Беззаконный Магумет седе на престоле царствия благороднейша суща всех, иже под солнцем, и изобладаше владеющих двема части вселенныя и одоле одолевших гордаго Артаксерксиа невместима пучинами морскими и воя вода ширя земля и потреби потребивших Троию предивну и семьюдесяти и четырма крали обороняему“ (40).

Наконец, особое значение в решении вопроса о первоначальном составе „Истории“ и процессе ее создания имеют встречающиеся в ее тексте слова новогреческого языка. Впервые некоторые из них отметил И. И. Срезневский, правда, не предлагая по поводу их никаких своих объяснений. Г. Дестунис уже определенно считает такую форму, как „тумбаны“, напоминающей *τύμπανα* греческого, как он говорит, „просторечья“ (вместо литературного *τύρπανα*). Известная в „просторечье“ форма „Аморей“ предположительно производится им от *ἄμωρέας*.¹ М. Н. Сперанский указывает две другие формы „греческого просторечья“: Визандия и Констандин.² Но никаких определенных выводов из этих наблюдений ни Г. Дестунис, ни М. Н. Сперанский не делают. А между тем, наличие в тексте „Истории“ нескольких слов новогреческого языка заслуживает весьма пристального внимания. Дело в том, что они встречаются на протяжении всего текста „Истории“. Правда, в дошедших до нас текстах „Истории“ они сохранились не с одинаковой полнотой. Формы „Визандия“ и „Констандин“ оказались в письменной традиции менее устойчивыми, чем формы „Аморей“ и „тумбаны“. И это вполне понятно. Первые легко вытеснялись широко распространенными в живой русской речи и в письменности литературными формами „Византия“ и „Константин“. Формы же „Аморей“ и „тумбаны“, мало известные в живой речи и письменности, сохранились во всех случаях употребления этих слов. Само собой разумеется, что наличие слов новогреческого языка во всех частях „Истории“ может только подтверждать предположение о ее исконной цельности и единстве.

Все многочисленные списки „Истории“ о взятии Царьграда турками разбиваются на две группы. Первая из этих групп представлена пока единственным известным в науке списком Троице-Сергиевой лавры № 773, начала XVI века; вторая — большим количеством списков

¹ Г. Дестунис, ук. соч., стр. 373.

² См. выше, стр. 152, примеч. 1.

XVI—XIX веков. Широкое распространение второй группы объясняется тем обстоятельством, что ее списки попали в число дополнительных статей русского Хронографа 1512 года, а также летописей — Воскресенской, Никоновской, Львовской и Симеоновской.

Эти группы представляют собой две редакции „Истории“. Генеалогические отношения этих редакций определяются довольно легко. Старшинство редакции, представленной списком Троице-Сергиевой лавры, бесспорно. В ней нет тех многочисленных пропусков, которые все без исключения встречаются в списках второй группы, очевидно, как результат когда-то произведенного сокращения первоначального текста „Истории“. Для нее характерно наличие цитаты из „Видения Даниила“, идущей непосредственно вслед за ссылкой на Григория Схолария. В ней есть краткое заключение и послесловие Нестора Искандера. Ее язык в лексическом отношении бесспорно старше языка редакции, известной нам по второй группе списков.

Есть все данные считать, что редакция „Истории“ о взятии Царьграда турками, представленная второй группой списков, является вторичной по своему происхождению. Она создана путем сокращения более пространного текста „Истории“, причем сокращение это было предпринято с ясно осознанной целью и выполнено в определенном направлении. Изменения, внесенные в первоначальный текст, свидетельствуют о том, что редактор стремился придать произведению, повествовавшему о падении Константинополя, вид исторического документа. С этой целью он, во-первых, положил начало членению „Истории“ на отдельные части и эпизоды, руководясь хронологическим принципом изложения, и, во-вторых, сильно и равномерно сократил первоначальный текст.

Действительно, именно редактору младшей редакции принадлежит выделение рассказа об основании Константинополя в особую, отдельную часть. Он обособляет центральную часть повествования, сочинив для нее заглавие и поставив год нападения турок на Константинополь. Всего этого не было в первоначальном тексте „Истории“. В нем повествование о различных причинах ослабления Византии „ныне в последняя времена“ вполне логично переходило в рассказ о Магомете, который, „сия убо вся уведав“, вероломно нарушает мирный договор с греками и внезапно нападает на Константинополь. Эта тенденция членения „Истории“ на отдельные части и эпизоды получает свое дальнейшее развитие в ее хронографическом тексте. Здесь уже обособляются все эпизоды, рассказанные под определенным числом.

Характер сокращений первоначального текста очень наглядно раскрывает цель редактора. Сокращаются различного рода детали рассказа, особенно пространные поэтические описания сражений, тактики наступления и обороны и пр. Правка идет через весь текст. Подчас она очень скрупулезна — и тщательна, и мелочна. Сокращения касаются не только более или менее значительных эпизодов, но и отдельных предложений, из которых выбрасываются сочетания слов и даже отдельные слова. Благодаря этому редактор действительно достигает своей цели: впечатление документальности повествования усиливается. Но в целом оно проигрывает в художественном отношении, блекнет и обесцвечивается.

Приводим несколько примеров редакторской правки.¹

¹ Здесь и дальше старшая редакция цитируется по Леониду, младшая редакция — по ПСРА, т. XXII. В скобках указаны страницы соответствующего издания.

Старшая редакция

Падаху бо трупиа обоих стран, яко снопы с забрал, и кровь их течааше, яко реки по стенам; от вопля же и крычания людцкаго обоих и от плача и рыдания градцкаго, и от зуку клаколнаго и от стуку оружия и блистаня мняшесе всему граду от основания превратитися; и наполнишася рвы трупиа человека до верху [14].

Тако и потоци вси наполнишася и брегы вокруг града трупиа, и крови их, акы потоком сильным теши, и пажушине Галатцкой, сиречь Илменю всему кроваву быти и облизу рвов по долиам наполнитись крови: тако силне и нещадне сечахуся [14].

И абие, пришед со многою силою, взяша их и пожгоша; крови же оставшей в рвах и в потоцех сгнившесе, смрад приношааше велий, но обаче граду не повреди, ветру относящу [15].

Турки же вскрычавше злостию, окружиша его тмочисленне и сечаху его. Греки же нужахуться крепко отъяти его, и не возмогоша, но и падоша мнози; и разсекоша Турци Рахкавея на части, и тако прогнаша греков в град [20].

...Турком многим вшедшим в град, конным и пешцем, возвратиша паки стратиг и бяху их нещадне, съваху бо ся на них, аки дивии звери. И аще не бы ускорила цесарь к ним, конечная уже бы погыбель граду; достигшу же цесарю, вопияше на своих, укрепляя их, и, возрыкав яко лев, нападе на Турки со избранными своими пеща и конники и сечаше их крепко [22].

О полом же месте сеча не преста, но паче растяше. Турком бо велицей силе приступальше сечахуся и погоняху граждан сурово“ [32].

Нестор Искандер был, повидимому, воином-профессионалом. Он легко восстанавливал в своей памяти ход тех сражений, в которых участвовал сам или о которых слышал рассказы очевидцев, и находил точные и образные слова для описания их. Он хорошо знал приемы единоборства и современную ему тактику наступления и обороны и в своих описаниях поединков и сражений обращал внимание на эту сторону дела. Пожалуй, впервые в древней русской литературе мы встречаем описания поединков, подобные следующим.

1. „Бегилар-бей же восточный велику сушу и мощну, воскричав со всею силою восточною, и нападе на Греки, и размеси полки их, и прогна их и, взем копие, напусти на цесаря.

„Цесарь же, подав ему щит, отведе ему копие и ударив его мечем в главу, и разсече его до седла, и абие возошиша Турки многими гласы и падши отъяша его и отнесоша“ (34).

С профессиональной четкостью Нестор Искандер в этом описании единоборства цесаря и Бегилар-бея указывает в действиях цесаря три

Младшая редакция

Падаху бо трупиа обоих стран, яко снопы с забрал, и кровь их течаше яко реки.

и наполнишася рвы трупиа человека до верху [448].

Такоже и потоци и бреги вокруг града наполнишася трупиа,

Илменю Галатийскому кроваву быти, тако силне и нещадне сечахуся [448]

И абие, пришед с многою силою, взяша их и пожгоша [449]

Турки же, тмочисленно окруживше его, сечаху люте

и разсекоша Рахкавея на части и греков прогнавше в град [457].

...Турком многим вшедшим в град, конником и пешцем, возвратиша стратиг паки и бяхуся нещадне и одолеваху греков. И аще не бы ускорила царь к ним, конечная уже бы погыбель граду; достигшу же царю

и нападоша на Турки с избранными своими и сечаше их нещадно и ужасно [452].

О полом же месте сеча не преста, но паче растяше. Турки бо великою силою одолеваху граждан [456].

приема, обеспечившие ему победу. Кроме этого, он не забывает сказать, что тело Бегилар-бея турки „падши отъяша“, как действительно только и можно было это сделать во время сражения конницы.

2. „Он [Амарбей] же видев Рахкавея люте секуща Турок, обнажив мечь, нападе нань, и сечахуся обои люте. Рахкавей же, наступив на камень, удари его мечем по плечу оберучь и разсече его на двое: силу бо имяше велию в руках“ (20).

В этом описании поединка Амарбея и Рахкавея замечательно указание на то, что пехотинец может с силой, не потеряв равновесия, ударить врага мечом „оберучь“ только тогда, когда его нога найдет опору.

Всё это чисто профессиональные знания. Подобного рода сцены мало привлекают редактора младшей редакции. Он упрощает, сокращает или совсем опускает их. Так, например, в описании нападения турок ему непонятно то, что сейчас называется артиллерийской подготовкой, и он сокращает текст своего источника.

Старшая редакция

Видеша Турки башту делающих, вскоре пустиша на них изо многих пушек, и не даша им делати; онем же постранившимися от пушек, вскоре наскочиша множество турок на полое место, тажко и греки против. И бысть брань велиа [37].

Младшая редакция

Видеша Турки башту делающих, вскоре наскочиша множество их на полое место, тажко и греки противу. И бысть брань велиа [455].

Язык „Истории“ в данной редакции в ряде случаев изменен: устаревшие слова опущены или заменены более новыми и понятными, место поэтических оборотов заняла прозаическая речь и т. п. Причем, изменение языка характерно именно для редакции в целом, а не для ее отдельных списков и, следовательно, является результатом редакторской правки. Так, например, редактор, очевидно, не знает о делении турецких войск на темы, т. е. десятитысячные отряды, и потому опускает это слово; для него непонятно выражение „чины врат [т. е. войск] своих“ и он опускает слово „врат“ и т. п.

Приводим несколько примеров работы над языком „Истории“ составителя ее младшей редакции.

Старшая редакция

Турки же бяшесе по всем местом, якоже преди рекохом, без опочивания, пременяющеся, занеже множество тем бяху их [72].

И начаху бити град отвсюду и мосты на рвех наряжати [28].

Магумет же окаанный со всеми чины врат своих... прииде на полое место [28].

Егда же сказаше цесарю, абие распадесе крепостию и истаяше мыслию и скоро поиде к нему [30—37].

Видев же стратиги и вси гражане болма прибывающих турок, начаша бежати [32].

.. и яко уже о семей године тоя ночи [33].

.. и дав ему конечное целование [36].

... и абие повеле их истязав посети [40].

Младшая редакция

Турки же, ко всем местом приступающе, стужаху гражаном без опочивания, пременяющеся, занеже множество их бе, якоже и пред рекохом [448].

И начаша бити град отовсюду и мосты ко граду на рвех чинити [454].

Магмет же окаанный со всеми чины своими... прииде на полое место [454].

Егда же сказаша о нем царю, абие зело опечалися царь и скоро поиде к нему [455].

Видевше же стратиги и вси гражане устремление турков, начаша бежати [456].

В седмый убо час нощи [456].

И давше ему последнее целование [457].

И абие, истязав их, повеле казнити смертью [459].

Но в тексте „Истории“ младшей редакции следует отметить и такие изменения, которые нельзя относить за счет сознательной работы редактора. Так, очевидно, вследствие какой-то случайности в списках этой редакции, как правило, нет цитаты из „Видения Даниила“, нет заключения и послесловия. Есть определенные основания утверждать, что в старших списках этой редакции, если не все эти части, то во всяком случае цитата из „Видения Даниила“ была. Ясное представление об этом создает список, принадлежавший С. В. Максимову.¹ Это поздний и дефектный список данной редакции. Он относится к XVII веку. В нем нет первой части — рассказа об основании Константинополя. Но он замечателен тем, что, как и в старшей редакции, в нем вслед за ссылкой на Григория Схолария идет цитата из „Видения Даниила“. Следует учесть и данные списка БАН, 31.4.21 (Толст. 49), XVII века, в котором также встречается упоминание о „последнем видении Даниила“, хотя сама цитата и не приводится. Таким образом, само собой отпадает необоснованное утверждение Г. П. Бельченко, М. Н. Сперанского и других, что в редакции, представленной списком Троице-Сергиевой лавры, цитата из „Видения Даниила“ является вставкой. Она была как в старшей, так и в младшей редакции „Истории“ и, очевидно, восходит к авторскому тексту. Во всяком случае ее отсутствие в большинстве сохранившихся до нашего времени списков младшей редакции не может поколебать авторитет текста старшей редакции как текста цельного, некомпильтивного, лишённого позднейших вставок и дополнений.

Такое же значение в этом вопросе имеет и то обстоятельство, что во всех списках младшей редакции нет краткого заключения и послесловия. Сомневаться в наличии послесловия в „Истории“ в ее начальном виде, это значит не признавать его подлинности. Но для этого нет никаких оснований. В научной литературе об „Истории“ никто, кроме А. И. Соболевского, совершенно бездоказательно отвергнутого послесловие, не высказывал сомнений в его подлинности и в правдоподобности сообщаемых в нем сведений о Несторе Искандере. Наоборот, не только общие соображения, но и детальные сопоставления „Истории“ с сочинениями Франдзи, Дуки, Халкокондила, Кривовула и других авторов, писавших о падении Константинополя, создали в русской науке прочное представление об авторе „Истории“ как об очевидце совершавшихся событий, ближе и точнее других изобразившем действия турок и то, что происходило в их лагере. Еще в конце прошлого века П. Д. Погодин в своей статье „Обзор источников по истории осады и взятия Византии турками в 1453 году“, сопоставляя „Историю“ Нестора Искандера с напечатанными к его времени источниками о падении Константинополя, писал: „При сличении же с вновь изданными памятниками той эпохи, мы можем указать многое, что увеличивает, а не умаляет историческое достоинство повествования Искандера“.² Таким образом, можно считать признанным, что содержание „Истории“ не противоречит тем автобиографическим данным, которые Нестор Искандер сообщает о себе в послесловии, а, наоборот, подтверждает их правдоподобность. Особенности же изложения послесловия, как мы видели, тесно связывают его с другими частями „Истории“ в ее старшей редакции. Отсутствие же его, равно как и краткого заключения,

¹ В. Яковлев. Сказания о Цареграде по древним рукописям. СПб., 1868, стр. 56—116.

² ЖМНП, 1889, т. VIII, стр. 249.

в младшей редакции вернее всего объясняется тем, что в руках редактора был список старшей редакции, в четверку, без последнего листа.

Следует особо оговорить еще одну особенность младшей редакции. Известное место об избавителе Константинополя от турок в одних списках этой редакции читается так же, как и в старшей редакции: „Русии же род“ и пр.; в других же: „Руский же род“. Даже лучшие старшие списки в этом месте дают разные чтения. Так, в Хронографе и в Воскресенской летописи: „Руский же род“; в Никоновской: „Русии же род“. Так же разноречивы в этом отношении и списки „Истории“ в различного рода сборниках. Вывод в данном случае может быть только один: редактор младшей редакции оставил это место без изменения. Чтение „Руский же род“ — это особенность отдельных списков, а не редакции, это домысел переписчиков. Многие списки просто сохраняют правку „Русии“ на „Руский“ или „Русийский“.

Сопоставление двух редакций „Истории“ приводит нас к ряду выводов. Оно, во-первых, дает основания для признания редакции, представленной списком Троице-Сергиевой лавры № 773, начала XVI века, старшей редакцией „Истории“, на основе которой путем сознательного сокращения ее текста возникла младшая редакция, получившая широкое распространение потому, что списки ее попали в русский Хронограф и летописи. Сопоставление это, во-вторых, показывает, что „История“ была написана в том составе, в каком она представлена ее старшей редакцией. В тексте этой редакции нет позднейших дополнений и вставок, кроме незначительных вариаций отдельных чтений. Благодаря этому сопоставлению, в-третьих, можно подойти к постановке вопроса о времени создания „Истории“. Если составление младшей редакции, вследствие наличия ее списков в составе дополнительных статей Хронографа 1512 года (которые, по А. Шахматову, были написаны не позже 20-х годов XVI века) и в летописях, может быть отнесено к первым десятилетиям XVI века, то возникновение „Истории“ в первой редакции, более архаичной по своему составу и языку, вряд ли можно вынести за пределы XV века.

III

В русской науке настойчиво повторяется стремление поставить „Историю“ о взятии Царьграда турками в ряд тех произведений, которые разрабатывали теорию „Москвы — третьего Рима“. Особенно категорически эта точка зрения выражена в „Истории русской литературы“. Здесь мы читаем: „Повесть Нестора Искандера в ее русской переработке вошла в круг публицистических и исторических сочинений, которые со второй половины XV века настойчиво развивали теорию „Москвы — третьего Рима“, преемницы павшего Царьграда“.¹ Такое решение вопроса об идейном замысле „Истории“ о взятии Царьграда турками в настоящее время общепризнано.

Следует обратить внимание на то, что для такого решения этого вопроса как будто бы есть некоторые данные в самой „Истории“. В самом деле, Константинополь в ней называется Новым Римом: „И назва град — Новый Рим“ (4). Затем наименование грядущего избавителя Константинополя — „Русии род“, „Русы язык“ в той международной обстановке, которая создалась в XV веке в связи с падением

¹ История русской литературы, т. II, ч. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1945, стр. 225.

Византийской империи, могло прозвучать как определение исторической миссии Руси, перспектив ее политической жизни. Именно эта вторая особенность „Истории“ вызвала и в науке истолкование ее смысла в этом направлении. Вот как, например, выражена эта концепция в книге Н. К. Гудзия: „Падение Константинополя, — пишет он, — должно было необычайно окрылить московскую официозную мысль и укрепить в ней представление о том, что погибшие религиозные и политические византийские ценности должны вновь возродиться уже на русской почве. К этому и сводился публицистический смысл повести Нестора Искандера“.¹

Однако этих данных, на наш взгляд, недостаточно для того, чтобы „Историю“ о взятии Царьграда турками вводить в круг произведений, развивавших теорию „Москвы — третьего Рима“, и считать, что в ней в какой-то мере ставится вопрос о возрождении на русской почве „погибших религиозных и политических византийских ценностей“. Наименование Константинополя „Новым Римом“ свидетельствует только о том, что в этом отношении автор „Истории“ следовал прочно установившейся средневековой традиции. Греческие и латинские средневековые историки и писатели нередко называют Константинополь Новым Римом.² Историческое предание даже связывает возникновение этого названия с самим основателем Константинополя. Так, Феофан пишет, что Царьград был назван Новым Римом самим Константином. Близко по смыслу к этому и свидетельство М. Гезихия. Новым Римом называют Константинополь Григорий Богослов, Оттон Фризингенский и др. Таким образом, очевидно, что наименование Константинополя Новым Римом в „Истории“ не стоит ни в какой зависимости от созданной на Руси в конце XV — начале XVI веков теории „Москвы — третьего Рима“, хотя это наименование по своему смыслу весьма близко стоит ко „второму Риму“ данной теории.

Царьград уже с самого момента своего основания окружается в греческой литературе целым рядом литературных произведений провиденциального или мистического характера. Они писались в форме ямбических стихотворений, поэм, загадок, сновидений, прорицаний и пр. Их авторы подражали то античной поэзии, то народным произведениям, то апокалипсису и т. д. В них шла речь о чудесном возникновении Царьграда, о его патрональных святынях, осуществлявших волю провидения и, чаще всего, о его неизбежной гибели. Причем, произведения эти появлялись у греков еще задолго до действительного падения Византийской империи. Складывалась определенная историософия, основанная частично на исторических знаниях и опыте, частично на различного рода религиозно-мистических учениях, сообразно которой Византийская империя, как и ряд государств древнего мира, падет под ударами внешних врагов, но в конце концов будет спасена посланным свыше царем. Этот взгляд на будущую судьбу империи имел широкое распространение и среди высших слоев византийского общества, и в народной среде. Его придерживались такие политические и церковные деятели, как патриарх Мефодий, сенатор Григорий Схолярый (впоследствии — патриарх Геннадий), Георгий Франтца и мн. др. В течение ряда веков менялось представление о враге Византии, и предсказания об угрожающей ей опасности последовательно применялись то к арабам, то к славянам, то к крестоносцам, то, наконец, к туркам.

¹ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. М., 1950, стр. 245.

² И. И. Срезневский. Повесть о Цареграде. Ученые записки II отделения Академии Наук, СПб., 1854, кн. I, разд. III, стр. 106.

Так, Г. Франтца в своей „Хронике“ пишет: „Я слышал, что как в древности Ассирийское царство разрушено Вавилонянами, Вавилонское Персами, Персидское Македонянами, Македонское Римлянами, так и Римская империя (в данном случае Византийская, — М.С.) будет разрушена Оттоманами; но и их конец придет в назначенное время“.¹ Здесь же у Г. Франтцы мы находим любопытное свидетельство о том, что и народ в Византии придерживался аналогичных взглядов на историческую судьбу своей родины, правда, облекая свои чаяния и ожидания в формы более конкретные и определенные, чем ученые и поэты. По словам Г. Франтцы, при взятии Царьграда турками в народе ходила молва, что „их царство будет продолжаться во всей силе и процветании 309 лет, а потом для него настанет 56 лет опасных и тяжелых, так что все время и счастливого и несчастного господства магометан будет равняться 365 годам“.² Но если на протяжении веков менялось представление о поработителе Византии, всегда отражая реальную опасность, то неизменным (по крайней мере с X века) оставалось определение ее освободителя. Это — „русый язык“, т. е. народ („Видения Даниила“), „род русских“ (Григорий Схолярый), причем греки под этим наименованием никогда не имели в виду русский народ.

Всё наиболее популярное из этой легендарно-политической литературы предсказаний о будущей судьбе Царьграда было известно в переводах на Руси в XV веке и раньше. Это — „Видения Даниила“, предсказания патриарха Мефодия, знаменитые комментарии сенатора Григория Схолария к надписи на крышке гробницы царя Константина Великого, которые Григорий Схолярый написал в 1421 году, и др.

Автор „Истории“ о взятии Царьграда турками был в курсе всей этой литературы. Главное, он глубоко усвоил лежащие в ее основе историко-философские взгляды и мистические настроения греков и с исключительной талантливостью и последовательностью провел их через всё свое произведение, тем самым перенося читателя в тревожную и трагическую обстановку гибели мирового, по средневековым представлениям, города. Он изображает события осады и падения Царьграда в хронологической последовательности; но свое историческое повествование, в фактическом отношении весьма точное, он соединяет с легендарным сюжетом об основании, гибели и возрождении Царьграда. Этот сюжет именно как отдельный, самостоятельно задуманный элемент композиции „Истории“, очень ярко выделяющийся на общем фоне повествования своими специфически легендарными чертами, в основном опирается на греческую литературу предсказаний.

Можно указать основные части этого сюжета.

Во-первых, это мотив о чудесном „знамени“ при основании города, в данном случае — борьба змея и орла при основании Константинополя. Мотив этот известен еще в античном греческом эпосе, но здесь он осмыслен в духе христианской символики: змей — символ магометанства, орел — христианства. Символическая борьба орла со змеем не только предваряет, но и определяет собой всё дальнейшее содержание „Истории“: ею подготавливается повествование о трагическом конце мирового города.

Во-вторых, составной частью этого сюжета является мотив ухода из обреченного на гибель города его патрональной святыни — ангела, изображение которого было в св. Софии. Об атмосферном явлении

¹ Цит. по: М. Стасюлевич. Осада и взятие Византии турками. Ученые записки II отделения Академии Наук, СПб., 1854, кн. I, стр. 113.

² Там же.

(свет над городом), бывшем в ночь на 25 мая 1453 года, упоминает и Г. Франтца, рассказывая о том, какое смятение вызвало это явление в лагере турок. Но автора „Истории“ интересует не эта сторона дела. Он увидел в этом явлении осуществление древнего предсказания о том, что чудесный свет и ангел — покровитель Царьграда, всегда пребывавшие в св. Софии, в дни гибели Царьграда покинули город. Легендарные данные, о которых он мог узнать и устным путем, и через рукописное, известное в русском переводе „Сказание о построении церкви Софии Царьградской“, он объединил с описанием явления, действительно имевшего место в последние дни существования Византии, и выразил этим нарастающий ужас греков. Итак, все древние предсказания сбываются. Царьград берут турки, в бою погибает последний византийский император Константин XI. „И збысться реченное: Костянтином създася и паки Костянтином и скончася“, — напоминает автор „Истории“, подобно тому, как вспомнили об этом и Эней Сильвий Пикколомини (впоследствии папа Пий II) в своем письме к кардиналу Сбигневу архиепископу Краковскому и грузинский летописец. Трагедия империи закончена. Осталось досказать только о последних боях на улицах города и мероприятиях Магомета по их прекращению.

Но в сознании человека средних веков история Царьграда не заканчивалась его порабощением турками. Если сбылись все предсказания о его гибели, сбудутся предсказания и о его возрождении: „Аще вся прежереченная Мефодием Патаромским и Львом Премудрым и знамения о граде сем съверьшишася, то и последняя не прейдут, но также съвршится имут“ (40), — говорит автор „Истории“. Мотивы предсказаний, взятых из комментариев Григория Схолария и „Видений Даниила“, предсказаний о том, что „русий“ [русоволосый] народ победит Измаила [турок] и христианский Царьград возродится, и составляют третью часть легендарного сюжета „Истории“. Этот легендарный сюжет как бы накладывается автором „Истории“ на основную ткань его исторического повествования, меняя самый тип этого повествования. Эпизоды „Истории“, написанные в развитие этого сюжета, являются символическим изображением всей истории великого города, истории действительной и воображаемой: его основания, падения под ударами турок и возрождения в грядущие века. В общей фабуле „Истории“ именно он, этот легендарный сюжет, является носителем провиденциальной точки зрения ее автора на историю Царьграда.

В задачу автора входило так написать историю Царьграда — историю его прошлого, настоящего и будущего, — чтобы была очевидна предопределенность его исторического бытия, так как только при ней сохранялась надежда на его возрождение. Такова историософия автора. Она хорошо известна нам по греческой литературе, предварявшей падение Византии. Ее мы обнаруживаем в большей или меньшей мере и почти во всех рассказах и мемуарах о взятии Царьграда, написанных современниками этого события. Исторические суждения автора не выходят за ее пределы. Он не предлагает никаких конкретных форм освобождения Царьграда в ближайшем будущем, потому что не видит их, как, впрочем, не видели их и государственные или политические деятели на Руси и в годы падения Византии, и в более позднее время.

На иных позициях стояли политические деятели (главным образом — из среды духовенства) католического Запада. Равнодушные к судьбе осажденного Царьграда и даже враждебные грекам, они буквально в первые же дни после победы турок подняли тревогу, говоря о турецкой опасности для всего христианского мира и побуждая правителей

различных государств объединиться в крестовом походе против мусульман. Экс-митрополит русский Исидор, кардинал Сабинский, а впоследствии греческий вселенский патриарх, ставленник папы, в особом звании „Universi Christi fidelibus“ одним из первых призывал всех христиан опоясаться мечом в защиту погибающей христианской веры. Папа Николай V (1447—1455), а затем папа Каллист III (1455—1458) весьма усердно, хотя и безуспешно, также проповедывали крестовый поход против турок. В ряду самых ревностных поборников крестового похода против мусульман особенно выделялись кардинал Эней Сильвий Пикколомини и Виссарийон, архиепископ Никейский, кардинал Римской курии и преемник Исидора постановлением папы на троне Константинопольского патриарха. Они использовали всё свое влияние, связи, материальные средства, дипломатическое искусство, речи, воззвания, письма для того, чтобы убедить христианских государей принять участие в крестовом походе. В адрес греков раздавались обвинения в неискреннем отношении к унии, в невежестве, ереси, схизме. Церковным деятелям вторили историки и поэты. Так, например, ярый папист Убертин Пускул из Брешии, побывавший в Византии в плену у турок, написал поэму „Constantinopolis“ в четырех песнях, в которой он дал широко очерченную картину падения Константинополя и характеристику причин этого события. Останавливаясь на вопросе о недостаточной помощи со стороны западных государств Византии в ее борьбе с турками, Пускул в страстных выражениях во всем винит греков, указывая на их лицемерие, недоверчивое отношение к папе и пр.¹

Греки отвечали католикам такой же неприязнью и столь же тяжкими обвинениями. В этом отношении особенно характерен пример Г. Франтцы. Работая над своей „Хроникой“ много лет спустя после падения Византии, он довольно последовательно выдерживает объективный тон письма при описании поступков лиц, так или иначе связанных с этим событием. Но он изменяет себе, когда говорит о том, что католики после победы турок, смеясь, говорили грекам, что еретики и не заслуживают лучшей участи. У Франтцы вырываются негодующие слова: „А как будто вы уцелели от того, что вы православны? вы забыли, что не всегда православны те, которые господствуют, и не всегда те еретики, которые поработены; а тому доказательством служим мы, греки“.²

Но как изображены „фряги“ автором „Истории“? Одни, те, которые жили в Константинополе или приехали в него для того, чтобы поступить в войска императора, представлены у него героями; другие же — врагами греков. Он упоминает о двукратной посылке греческих послов с просьбой о помощи и „в Аморею, и во все острова и в Фрязех“. Но посылки эти оказались безуспешными. „Цесарь же Костянтин, — пишет он, — посылаше по морю и по суку, в Аморею к братии своей, и в Венецею и в Зиновию о помощи, и братия его не успеха, понеже распря велия бе между ими, и с Арбанаши ратовахуса, и фрягови не восхотеша помощи, но глаголаху в себе: не дейте, но да возмут ѝ Туркы, а у них мы возмем Царьград“ (11).

Мысль, приписанная здесь „фрягам“, с исключительной яркостью выражает собой направление, характеризовавшее политику католического Запада в отношении Византии, изнемогавшей под натиском

¹ П. Д. Погодин. Обзор источников по истории осады и взятия Византии турками в 1453 году. ЖМНП, 1889, т. VIII, стр. 227—242.

² М. Стасюлевич, ук. соч., стр. 70.

мусульман. В какой мере эта мысль справедлива — это особый вопрос. Но выраженное через нее отрицательное отношение к „фрягам“ крайне характерно для умастроения греков времени осады и падения Константинополя. Дука и другие хронисты сохранили многочисленные факты такого именно понимания греками политики Запада.¹ Автору „Истории“ нельзя отказать в прекрасном знании и понимании исторического момента, переживаемого Византийской империей. Он ярко выразил определенную тенденцию общественной мысли, возникновение которой объяснимо только среди населения Византии.

IV

Текстологическое изучение „Истории“ о взятии Царьграда турками и рассмотрение ее состава приводят к мысли, что время ее возникновения вряд ли можно вынести за грань XV века. Анализ ее идейного содержания подтверждает этот вывод. Она не выходит из круга вопросов, теснейшим образом связанных с падением Византии. Для нее это событие — еще современность. Описывая упадок Византии в последние годы ее существования, автор „Истории“ говорит об этом как современник этих событий: „Ныне в последняя времена, грех ради наших, овогда находением неврных, овогда голодом и поветрей частыми, овогда же межусобными браньми, ими же оскудеша сильнии и обнищаша людие и преуничижися град и смирися до зела“ (6). И второй раз уже в послесловии автор снова прибегает к этой же самой категории времени: „И ныне в сем великом и страшном деле... уловляя время дозрением и испытанием великым писах в каждый день творимая деяния“ (43). И в данном случае „История“ оказывает впечатление произведения цельного, одновременно и одним автором написанного. Автор „Истории“ в том виде, в каком она сохранилась в списке Троице-Сергиевой лавры, — современник упадка Византии и взятия Константинополя турками. Время написания „Истории“ определяется границами его жизни.

Изучение идейного содержания „Истории“ о взятии Царьграда турками, ее состава и жизни ее текста приводят нас к твердому убеждению в ее исконной цельности и единстве, которые обнаруживаются в ее историософии, строе идей, композиции, художественно-образной системе, фразеологии, языке. Следует еще раз отметить ее отношение к древнерусской литературе. В ряде своих частей и отдельных эпизодов она имеет текстуальные совпадения с переводными произведениями, известными в древнерусской литературе: в первой части — с „Хроникой“ Георгия Амартола и Еллинским летописцем, в центральной части — со „Сказанием о построении церкви Софии Цареградской“, в конце — с комментариями Григория Схолария и „Видениями Даниила“. Особенности своего стиля „История“ еще теснее, чем с переводными произведениями, связана с древнерусской оригинальной исторической повествовательной литературой.

Всё это приводит нас к выводу, что „История“ в том составе, в каком мы ее знаем по списку Троице-Сергиевой лавры № 773, XVI века, является произведением одного автора, писавшего по-русски и в таких условиях, которые предоставляли ему возможность обильно черпать материал из древнерусской переводной и оригинальной литературы, хорошо знать ее, сжиться с ее традициями, уметь творчески пользоваться ими.

¹ М. Стасюлевич, ук. соч., стр. 99—101.

Был ли у него под рукой источник в виде предполагаемой краткой повести Нестора Искандера? Думаем, что нет. Во всяком случае в доказательство существования этой краткой повести никогда и никем из ученых не приводилось никаких аргументов. Предположение о существовании краткой повести Нестора Искандера было только рабочей гипотезой, которая на определенном этапе изучения „Истории“, когда постепенно всё отчетливее и отчетливее складывалось представление о ее русском происхождении, сыграла свою положительную роль. Но она же одновременно с этим приводила и к тем ошибочным, с нашей точки зрения, позициям в решении вопроса о первоначальном составе „Истории“, на которых оказались авторы последних исследований этого произведения — Г. П. Бельченко, М. Н. Сперанский и Н. А. Смирнов.

Сейчас, отбросив эту гипотезу, можно значительно проще объяснить процесс создания „Истории“. Единая и цельная в своей идейно-художественной основе, „История“ была написана человеком большого литературного таланта, хорошо ориентированным в сложной международной обстановке времени падения Византийской империи, которого обстоятельства то вынужденно, то по доброй воле сближали и с турками, и с итальянцами, и с греками. В описании осады и обороны Константинополя он обнаруживает чисто профессиональные знания и навыки военного искусства. Будучи потурченцем, он пишет свою „Историю“ „христианом... на въспоминание“ в то время, когда обстоятельства его личной жизни позволяют ему сказать о себе: „Всемогущая же и животворящая Троица да мя приобщит паки стаду своему и овцам пажити своея“ (43), т. е., очевидно, уже не находясь в войсках Магомета. Ему не нужно было возобновлять знания своего родного языка, — которым мог быть только славянский, а не греческий язык, так как в пользу последнего в самом тексте „Истории“ нет никаких данных, — потому что он, очевидно, и не забывал его. Слова „измлада взят бив и обрезан“ не говорят еще о том, что автор „Истории“ попал в турецкий плен ребенком. Обычное в древнерусской литературе „измлада прилежаху святых книг“ говорит об отроческом возрасте. О Данииле, принимавшем участие в битве на Калке, Галицкий летописец пишет: „А самому Данилу бодену бывшую в перси, младъства ради и буести не чюяше ран, бывших на телеси его“ (Ипатьевская летопись, под 6732 г.). В турецких войсках автор „Истории“ был, конечно, в славянском отряде, вследствие чего он и мог уклоняться от участия в сражениях, между „совещанием приятелей своих“. Правильно оценивая огромное международное значение падения Византийской империи, он скромно замечает, что всё, что он сам наблюдал и что собрал „от достоверных и великих мужей“, он „въкратце изложих“. Такой, по справедливости, представляется ему его „История“.

Одним словом, в решении вопроса о создании „Истории“ нет оснований отказываться от авторства Нестора Искандера и брать под подозрение всё то, что по этому вопросу излагается в послесловии. Что же касается вопроса о том, каким образом Нестор Искандер оказался в условиях, которые позволили ему прибегнуть к древнерусской переводной и оригинальной литературе, то здесь начинается зыбкая почва гипотез, на которую сейчас преждевременно вступать.

Как и „Сказание о Вавилоне граде“, „История“ о взятии Царьграда турками Нестора Искандера свидетельствует о пробуждении в русском обществе середины и второй половины XV века интереса к между-

народным делам, к осмыслению мировых событий. Именно за это, как показывает литературная судьба „Истории“, она прежде всего и ценилась. Падение мировой империи в ней осмыслялось на уровне историсофии ее века, в средневековых условиях равно распространенной в пределах всего христианского мира. Правильно расценивая борьбу исторических сил на мировой арене XV века, она порицала католический Запад и турок как непосредственных виновников падения Константинополя и в то же время с сожалением, но открыто признавала неизбежность и закономерность гибели мировой империи.

Л. А. ДМИТРИЕВ

О датировке „Сказания о Мамаевом побоище“

Одним из наиболее важных, сложных и вместе с тем почти всегда спорных вопросов в науке о древнерусской литературе является вопрос о времени создания литературного памятника.

В изучении „Сказания о Мамаевом побоище“ вопрос о времени его создания до сих пор не получил удовлетворительного разрешения, что затрудняет дальнейшее изучение этого произведения древнерусской литературы.

Предлагаемая статья ставит перед собой задачу попытаться ответить на этот вопрос.

Прежде чем переходить непосредственно к выяснению времени написания „Сказания“, необходимо кратко остановиться на вопросе о редакциях „Сказания“, чтобы определить, какая из его редакций может считаться наиболее близкой к первоначальному тексту памятника.

Вопрос о редакциях „Сказания“ и о первоначальном виде его текста подвергся тщательному рассмотрению в исследовании С. К. Шамбинаго.¹ Но уже в рецензии А. А. Шахматова² на эту работу указывалось, что текстологические данные самого же С. К. Шамбинаго свидетельствовали против намеченной им схемы последовательности и генеалогического соотношения редакций памятника.

Первой редакцией „Сказания“, наиболее близкой к авторскому тексту, С. К. Шамбинаго считал ту редакцию, которая читается в Никоновской летописи. Эта редакция в текстологическом отношении отличается от всех остальных редакций „Сказания“ тем, что в ней встречаются вставки из Летописной повести.

С. К. Шамбинаго считал, что в основе „Сказания“ лежит Летописная повесть и поэтому-то редакцию „Сказания“ в Никоновской летописи, сохранившую „план, даже целые выражения Летописной повести“,³ он определял как первую редакцию „Сказания“.

Во всех остальных редакциях „Сказания“ вставки из Летописной повести отсутствуют. Мы не встречаем в них и переработок Летописной повести, которые имеются в тексте „Сказания“ по Никоновской летописи наряду с непосредственными вставками из Летописной повести.

¹ С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906.

² А. А. Шахматов. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго: „Повести о Мамаевом побоище“. СПб., 1910, отдельный оттиск из „Отчета о двенадцатом присуждении премий митрополита Макария“.

³ С. К. Шамбинаго, ук. соч., стр. 141.

Если считать, что все редакции „Сказания“ идут одна от другой или от той редакции, которая опустила все заимствования „Сказания“ из Летописной повести, то отсутствие явных вставок из Летописной повести в тексте „Сказания“ можно объяснить тем, что автор редакции, легшей в основу всех остальных редакций „Сказания“, хорошо зная текст Летописной повести, последовательно выкинул все отрывки из Летописной повести, которые встречались в „Сказании“. Но даже и при таком мало допустимом предположении нельзя ничем объяснить отсутствие во всех остальных редакциях не только вставок из Летописной повести, но и всех переработок текста „Сказания“ на материале Летописной повести, которые встречаются в редакции „Сказания“ Никоновской летописи. Все наблюдения над текстом „Сказания“ в Никоновской летописи говорят о том, что „Сказание“ в этой редакции представляет собой позднюю обработку первоначального текста памятника, сделанную на основе Летописной повести.

Митрополит Киприан как действующее лицо фигурирует во всех редакциях „Сказания“ без исключения, но в редакции Никоновской летописи ему уделено особое внимание и усиленно подчеркивается важность его роли во время событий 1380 года, между тем как в действительности в 1380 году Киприана в Москве не было.

Эта подчеркнутая тенденциозность „Сказания“ в данной редакции уже говорит о ее позднем характере. Есть все основания предполагать, что рассматриваемая редакция „Сказания“ была создана составителем Никоновской летописи в ее основной части (до 1520 года), т. е. в период между 1539—1542 годами. Характер этой редакции (подчеркнутая религиозность и подчеркнутое прославление митрополита) соответствует характеру всей Никоновской летописи, которая, по словам А. А. Шахматова, „изобилует примерами благоговейного отношения к митрополитам и тенденциозной окраской событий в духе их прославления“.¹ Так как эта редакция предназначалась для летописи, то совершенно естественно, что и обрабатывалась она по Летописной повести.

Второй редакцией С. К. Шамбинаго считал текст „Сказания“, встречающийся в трех списках: в Кирилло-Белозерской летописи (ЛОИИ, № 251), в Синодальной летописи (ГИМ, № 485) и в летописном сборнике (ГИМ, собрание Черткова, № 1^{3/55}). Все три списка XVI века.

От следующей, по классификации С. К. Шамбинаго — третьей, редакции вторая редакция отличается тем, что в ней, как и в редакции Никоновской летописи, литовский князь, союзник Мамая, назван исторически правильно Ягайлом (в третьей редакции литовский князь назван Ольгердом).

Самая поздняя, по определению С. К. Шамбинаго — четвертая, редакция „Сказания“ отличается своей новгородской окраской. Эта редакция подчеркивает большую роль новгородцев в битве на Куликовом поле, для чего в текст этой редакции включается большая повесть о новгородцах.

О том, что повесть о новгородцах, в чтении этой редакции, не может восходить к протографу памятника, а является более поздней вставкой, свидетельствует всё ее начало, которое кратко повторяет начало основного текста — рассказ о приходе Мамая на Русь, и ее зачин: „Скажу вам иную повесть о мужех новгородцех Великого Новгорода“. Повесть эта — не механическая вставка в ранний текст памят-

¹ А. А. Шахматов, ук. соч., стр. 157.

ника: в связи с ее включением в повествование редакторской обработке подвергся весь текст произведения, что свидетельствует о позднем характере всей этой редакции вообще.

В рассказе этой редакции о новгородцах еще так остро звучит сожаление ее автора о былом величии Новгорода, еще так свежа память о самостоятельности и независимости Новгорода от Москвы, что время создания этой редакции, по всей вероятности, нужно отнести к периоду, близкому к 70-м годам XV века, когда Новгород окончательно потерял свою независимость.

Итак, мы видим, что текст „Сказания“, наиболее близкий к первоначальному, сохранился в текстах второй или третьей редакций „Сказания“, по классификации С. К. Шамбинаго. Мы предлагаем дать наименование редакциям по их наиболее характерным признакам и поэтому будем называть в дальнейшем ту редакцию, которую С. К. Шамбинаго назвал первой, Киприановской редакцией, вторую — Летописной редакцией, третью — Основной редакцией и четвертую — Распространенной редакцией.

Для определения текста, наиболее близкого к первоначальному, необходимо установить, каким именем в авторском тексте „Сказания“ назывался литовский князь.

С. К. Шамбинаго в „Истории русской литературы“ (т. II, ч. I, М.—Л., 1945) первой редакцией „Сказания“ назвал ту редакцию, которую в своем исследовании он считал второй. Эту перемену С. К. Шамбинаго во взгляде на редакции „Сказания“ нужно объяснить, повидимому, критикой его исследования А. А. Шахматовым, так как никаких обоснований такого взгляда на генеалогию редакций „Сказания“ в этой статье он не дает.

Нужно думать, что согласившись с высказыванием А. А. Шахматова о том, что текст „Сказания“ в Никоновской летописи никак нельзя признать первой редакцией, С. К. Шамбинаго назвал позже первой вторую редакцию потому, что в ней исторически правильно литовский князь назван Ягайлом.

Но мы не можем утверждать, что текст той редакции „Сказания“, в которой литовский князь назван исторически правильно, будет ближе к авторскому, так как уже в авторском тексте литовский князь мог называться не Ягайлом, а Ольгердом. А. А. Шахматов в своей рецензии писал по этому поводу: „Если мы примем во внимание, что 2-я редакция обретается в летописных сводах и притом, как оказывается, входит в состав самой летописи, то эту черту ее (литовский князь — Ягайло, — Л. Д.) можно объяснить себе и естественною, необходимою поправкой со стороны редактора летописи, только что сообщившего под 6885 годом о смерти Ольгерда“.¹

Текстологические сопоставления Летописной и Основной редакций „Сказания“ убеждают нас в том, что Летописная редакция переименовала имя литовского князя и что в первоначальном тексте памятника литовский князь называется Ольгердом.

Ягайлом литовский князь назван в Летописной и Киприановской редакциях „Сказания“. Причина замены в этих редакциях неправильно названного в первоначальном тексте имени литовского князя именем исторически правильным ясна: как уже отмечалось выше, Киприановская редакция перерабатывала протограф „Сказания“, пользуясь Летописной повестью, в Летописной же редакции эта замена произошла

¹ А. А. Шахматов, ук. соч., стр. 85.

под влиянием летописи и Летописной повести, которую заменила собой Летописная редакция „Сказания“ в летописи.

Такая замена исторически неправильно названного имени никакой переработки содержания текста не повлекла, кроме исправления в соответствующих местах, где говорится об Ольгердовичах, слова „отец“ на „брат“. Поэтому некоторые места в тексте, говорящие о литовском князе, соотносимые с именем Ягайла, попрежнему соответствуют биографии не этого князя, но Ольгерда.

Если мы сопоставим по различным редакциям те места, где говорится о детях Ольгерда — Андрее и Дмитрие, — пришедших на помощь великому князю московскому, то увидим, что первоначальное имя „Ольгерд“ было заменено именем „Ягайло“.

Основная редакция

В то ж время слышав князь Андрей полотский и князь Дмитрий брянский Волгордовичи, яко велика туга... Беста бо те князи отцом своим князем Волгордом ненавидимы были, мачехи ради.

Летописная редакция

В то ж время услышели князь Ондрей полотский и князь Дмитрие брянский Ольгердовичи, что велика туга... беста бо еси отцем и братом ненавидими, но богом возлюблены, бе бо еси едино крещение от мачехи своя.

Андрей посылает грамоту, в которой написано:

Основная редакция

Веси, брате мой възлюбленный, яко отец наш отверже нас от себе, нь господь бог, отец небесный, паче възлюби нас... поидем, брате, на помощ великому князю Дмитрию московскому и всему православному христианству. Велика бо туга належить им от поганых измаитян, нь еще и отец наш и Олег рязанский приложылся безбожным... нам, брате, подобает святое писание съвршити, глаголющее: братие въ бедах пособивы бывайте. Не сумняй же ся, брате, яко отцу противитися нам, яко ж евангелист Лука рече усты господя нашего Иуса Христа: предани будете родители и братию и умретьвитися, имени моего ради.

Летописная редакция

Веси ли, брате мой милыи, яко отец наш отверже нас от себе, но паче отец небесныи присвоены к себе... поидем, брате, к великому князю на помощь. Ныне, брате, великому князю московскому велика туга належит от поганых измаитян, но еще и брат наш Ягайло порапотае ему, но Олег рязанский приводит их. Нам же подобает апостольское слово скончати: братиа, в бедах пособники бывайте. И помислив, что нам родителем противитися, и евангелист Лука рече усты Спасителя нашего: предани будете родители ваши и братею, умрети имате имени моего ради.

Сравнивая чтения этих отрывков по различным редакциям, мы убеждаемся в том, что замена имени „Ольгерд“ на „Ягайло“ была произведена в Летописной редакции.

В самом деле, фраза первого отрывка о том, что Ольгердовичи были ненавидимы своим отцом, вполне оправдана и уместна в Основной редакции, так как там речь идет об Ольгерде, отце литовских князей, и этой фразой как бы дается первый намек на то, почему Ольгердовичи решились пойти против отца на стороне Дмитрия и почему между ними и отцом существует вражда.

В Летописной редакции эта фраза также есть, но в ней прибавлено: „отцом и братом“. Это первое упоминание об Ольгерде в Летописной редакции „Сказания“. Хотя по имени он не назван, но понятно, что речь идет о нем. В сущности наличие этого места оправдано и в Летописной редакции, так как автор говорит „отцом и братом“, но это добавление „и братом“ было сделано потому, что в этой редакции говорится не об отце Ольгердовичей, а о их брате, и непонятно, к чему

упоминать в этой редакции имя отца, когда речь всё время идет только о брате — Ягайле?

Если с самого начала говорилось лишь о том, что брат Ольгердовичей соединился с Мамаем, то упоминание их отца ничем не оправдано. Если же в первоначальном, изменяемом тексте речь шла всё время об отце и данный отрывок как раз и объяснял причину того, почему сыновья восстали против отца, то становится ясным, откуда в Летописной редакции появилось упоминание об отце Ольгердовичей: из первоначального текста, где говорилось не о брате, а об отце. Автор Летописной редакции перенес этот рассказ, объясняющий причину того, почему дети восстали на отца, в свой текст из первоначального, не подвергая его существенным изменениям, но так как всюду он заменял имя отца на имя его сына и брата Ольгердовичей, а здесь он этого сделать не мог, то ему и пришлось прибавить к старшему тексту: „и братом“.

С еще большей убедительностью подтверждает замену имени „Ольгерд“ на имя „Ягайло“ второй отрывок: Ольгердовичи, присоединяясь к Дмитрию, восстают против своего отца, и автор разъясняет, как это могло произойти, оправдывая с морально-религиозной точки зрения эту измену детей родному отцу. Андрей Ольгердович в письме к брату говорит о том, что отец отверг их от себя, но зато их возлюбил небесный отец. Это рассуждение об отце земном и отце небесном понятно и оправдано в Основной редакции, но не ясно, для чего оно вставлено в Летописную редакцию, где весь конфликт происходит между братьями. Ниже Андрей в письме к брату оправдывает то, что они будут „отцу противиться“, цитатой из евангелиста Луки. В Летописной редакции вместо „отцу“ — „родителем“. Ясно, что первоначально здесь было „отцу“, а автор Летописной редакции переменял это на „родителем“ под влиянием приводимой ниже цитаты: „предани будете родители ваши“.

Сущность этих двух больших отрывков заключается в оправдании, с точки зрения христианской морали, поступка Ольгердовичей, пошедших против родного отца, и поэтому автор так долго и подробно останавливается на этом. Выступление против брата не требовало бы такого подробного рассуждения.

В письме к Ольгерду Олег пишет о том, что, зная его давнишнее желание владеть Москвой, он спешит сообщить ему о готовящемся походе Мамаия и советует присоединиться к татарам. В этом письме мы читаем такую фразу (цитируем ее по Летописной редакции, где литовский князь назван Ягайлом): „Вем бо, яко издавна мыслил еси московского князя Дмитрея изгонити и московскою отчиною владети“. Так можно было сказать только об Ольгерде, который трижды пытался взять Москву, а не об Ягайле, который ни разу не ходил на Москву. Это говорит о том, что в первоначальном тексте фигурировал Ольгерд, а не Ягайло.

Итак, на основе текстологических сопоставлений становится ясно, что в авторском тексте памятника было имя „Ольгерд“, а замена его на „Ягайло“ — индивидуальная особенность Летописной и Киприановской редакций „Сказания“.

Исходя из всего этого, мы можем утверждать, что текст „Сказания“ по Основной редакции наиболее близок к первоначальному тексту памятника.

Основная редакция „Сказания“ дошла до нас в наибольшем количестве списков и отличается обилием вариантов. Текстологические

наблюдения над различными списками этой редакции приводят к выводу, что лучшим текстом, который может быть положен в основу всех вариантов этой редакции, является текст по списку конца XVI века — ГПБ. О. IV. 22. Этот текст с внесением в него некоторых поправок путем сопоставления его с другими списками „Сказания“ и берется нами при выяснении вопроса о времени написания памятника.

* * *

Поздние редакции „Сказания“ — Киприановская и Распространенная — были сложены не позже конца XV — начала XVI века. Следовательно авторский текст „Сказания“ был создан ранее этого времени.

Можно думать, что со „Сказанием“ был знаком Вассиан Рыло, и это знакомство отразилось в его послании на Угру. Мы приведем то место из его послания, где он напоминает великому князю Ивану III о битве Дмитрия с Мамаем:

„И достойный хвалам великий князь Дмитрий, прадед твой яково мужество и храбрость показа за Доном над теми же окаянными сыроядцы, иже самому напреди битися и не пощадети живота своего, избавления ради христианскаго. И видев милосердый и человеколюбивый бог непреложную его мысль, како хошет не токмо до крове, но и до смерти страдати за веру христову и за святыя церкви и за врученное ему от бога словесное стадо христовых овец, яко истинный пастырь, подобясь преждебывшим мучеником, — святии бо мученицы на страдания и раны любве ради божиа, якоже на пища, на смерть течаху; тако и сей боголюбивый и крепкий смерть якоже приобретение вменяху, не усумнеся, не убоися татарскаго множества, не обратися вспять и не рече в сердцы своем: «жену имею и дети, и богатство многое, аще и землю мою возмут, то инде вселюся»; но без сомнения скочи в подвиг и наперед выеха и в лице став против окаянному разумному волку Мамаю, хотя исхитити изо уст его словесное стадо христовых овец, — тем же и милостивый бог дерзости его ради не покосне, ни умедли, ни помяну перваго его согрешения, но вскоре посла свою помощь, ангелы и святыя мученики, помогати ему на сопротивныя. Тем же господа ради подвизавыйся и донныне похваляем есть и славим, не токмо от человек, но и от бога: ангелы удиви и человеки возвесели своим мужеством. И сподвизающиися ему даже и до смерти от бога согрешением оставления приаща и венцы мученическими почтени быша, равно якоже и первии мученицы, иже веры ради пострадаша от мучителей, исповедания ради христова умроша, сии же тако в последнее время за веру и за церкви божиа умроша и равно с сими венцы приаща; а иже тогда от сопротивных уязвляеми и по победе живи обретошася, сии кровию омыша первая согрешения и яко победители крепцы врагом явишася и великим похвалам и чести достойни быша, не токмо от человек, но и от бога“.¹

Продитированный отрывок из послания Вассиана Рыло обнаруживает знакомство его автора со „Сказанием о Мамаевом побоище“. Вассиан подчеркивает, что Дмитрий сам бился впереди всех. Вассиан говорит о мужестве великого князя, не подумавшего во время опасности для всей Русской земли о возможности уйти со всей семьей в дальние земли. Также к „Сказанию“, можно думать, восходят слова о венцах, которыми награждаются сподвижники Дмитрия Донского.

¹ ПСРЛ, т. XII, 1901, стр. 207—208.

Таким образом, в 1480 году „Сказание“ было известно русскому читателю.

Сопоставление „Сказания“ с посланием Васиана Рыло является всё же косвенным и не бесспорным доказательством возможного времени написания „Сказания“. Основной материал для определения времени написания „Сказания о Мамаевом побоище“ нам должен дать сам памятник.

Есть все основания считать, что „Сказание о Мамаевом побоище“ не могло возникнуть позже 1456 года.

„Сказание“ усиленно подчеркивает братскую любовь между Дмитрием и его двоюродным братом, князем серпуховским Владимиром Андреевичем. Серпуховский князь представлен неизменным и самым близким сподвижником Дмитрия Ивановича Донского.

В отношениях между Дмитрием Донским и Владимиром за всё время княжения Дмитрия произошло только одно розмирье в 1388 году, но продолжалось оно немногим более двух месяцев. В год вступления на великокняжеский стол сына Дмитрия Донского, Василия Дмитриевича, между ним и Владимиром произошло розмирье, но очень скоро дядя и племянник примирились. Во всё же остальное время отношения Владимира Андреевича и его потомков с князьями московскими были неизменно дружественными, и серпуховские князья оказывались всегда верными помощниками князей московских. Серпуховские князья были тесно связаны с московскими князьями и тем, что им принадлежала „треть“ в Москве.

Эти традиционные близкие союзнические отношения между серпуховским и московским князьями ярко проявились и во время феодальной войны 30—40-х годов XV века: серпуховский князь Василий Ярославич (внук Владимира Андреевича) неизменно оставался на стороне московского князя Василия Васильевича и оказывал ему большую помощь в его борьбе с галицкими князьями. Но в 1456 году, когда Василий Васильевич начинает решительно подчинять себе все удельные московские княжества, он, вопреки всем своим прежним договорам и пожалованиям, заключает в заточение серпуховского князя. Когда в 1462 году была сделана попытка освободить серпуховского князя, Василий Васильевич жестоко расправился с теми, кто принимал участие в этом предприятии.

Таким образом, в 1456 году прекратило свое существование княжество Серпуховское: „треть“ в Москве, принадлежавшая серпуховским князьям, перешла к великому князю московскому. Близкие дружественные отношения между князьями московскими и серпуховскими были грубо нарушены.

После этих событий не было никаких оснований показывать близость и дружественный характер отношений между князьями московским и серпуховским и подчеркивать, что и Владимир Андреевич сыграл большую роль в событиях 1380 года. Если бы автором памятника был сторонник политики московского князя, то он постарался бы после таких событий свести роль Владимира серпуховского в битве на Куликовом поле на нет; если бы он был из людей, близких к серпуховскому князю, то он постарался бы подчеркнуть особую роль, особо важное значение в победе над Мамаем Владимира Андреевича серпуховского, — мы же не видим в памятнике ни того, ни другого.

Роль и значение Владимира Андреевича серпуховского, каким он показан в „Сказании“, а также отношение к нему автора „Сказания“ говорят о том, что это могло иметь место только до событий 1456 года.

Итак, „Сказание о Мамаевом побоище“ возникло не позже чем в первой половине XV века. Но первая половина этого столетия столь богата историческими событиями, имевшими большое государственное значение, что необходимо попытаться более точно определить время написания „Сказания“.

Едва ли во время „смуты“ 30—40-х годов мог возникнуть такой памятник, как „Сказание о Мамаевом побоище“. Автор „Сказания“ призывает к единению русских князей; идейный смысл этого произведения заключается в показе силы объединения русских княжеств вокруг Москвы, во главе с Москвой. Однако призыв этот нельзя соотносить с событиями внутренней феодальной войны, так как в „Сказании“ это — призыв во имя борьбы с внешним врагом — татарами: объединение вокруг Москвы изображается необходимым для успешной борьбы с Ордой.

Обращение к такому историческому событию, как битва на Куликовом поле, желание рассказать о победе русских над татарами могло появиться не в связи с внутренними феодальными неурядицами, а в связи с такими историческими событиями, которые касались отношений между Русью и Ордой.

Рассмотрим теперь более мелкие, частные детали „Сказания“, которые дают некоторый материал для определения времени его написания.

Обращает на себя внимание такой факт: в „Сказании“ ни разу не назван митрополит Алексей. Лишь иногда, в редких списках, ничем между собой генеалогически не связанных, случайно появляется рядом с именем митрополита Петра и имя Алексея. Совершенно очевидно, что эти чтения восходят не к первоначальному тексту памятника, а являются индивидуальными особенностями отдельных списков. Отсутствие имени митрополита Алексея в тексте „Сказания“ говорит о том, что во время написания „Сказания“ Алексей еще не был канонизован. Если бы „Сказание“ было написано после канонизации Алексея, то автор обязательно называл бы его рядом с митрополитом Петром.

Это дает право предполагать, что „Сказание о Мамаевом побоище“ было написано до 1431 года — года канонизации Алексея.

О близком к концу XIV века времени написания „Сказания“ свидетельствуют упоминаемые в тексте памятника имена гостей-сурожан, которых великий князь взял с собою на Куликово поле.

Первым среди них назван Василий Капица; М. Н. Тихомиров весьма убедительно определяет возможное исторически реальное лицо, носившее это имя: „О начале рода Ермолиных можно судить по тем прозвищам, которые носил Дмитрий Ермолин. Его называли по деду Васкиным (от московских великих купцов, нарицаем Ермолин Васкина)». Известно было, что отец Дмитрия, Ермола, постригся в Троицком монастыре, «„преобидив толикое богатство и таковой лик сынов, паче же благородием сущим и богатем“, при игумене Никоне, т. е. до 1426 года. Пострижение в монастырь обычно обозначало конец мирской карьеры и совершалось на склоне лет. Следовательно, деятельность Ермолы надо относить к началу XV века, а вернее, к еще более раннему времени — концу XIV столетия. В том же Троицком монастыре был пострижен и Герман, брат Ермолы».¹ Отцом Ермолы, как мы видели, был некий Васка или Васька, т. е. Василий, родовое имя, сохранившееся у Ермолиных и позже. Ермола не упоминается в списке гостей-

¹ Н. Тихомиров. Древние жития Сергия Радонежского. М., 1892, стр. 158—160.

сурожан, взятых Дмитрием Донским в поход против Мамаю, но в нем показан на первом месте «Василий Капица» (или Капча), которого предположительно можно считать родоначальником Ермолиных¹.

Хорошо была известна на древней Руси купеческая семья Саларевых, подробную историю ее нескольких поколений проследил В. Е. Сыроечковский в своей книге „Гости-сурожане“.²

Имя Кузьмы Ковыри М. Н. Тихомиров считает искаженным написанием имени родоначальника рода Ховриных. Подтверждением его предположения служит чтение Забелинского варианта Основной редакции, где вместо „Ковыря“ читаем „Ховрин“. М. Н. Тихомиров пишет по этому поводу: „Нас привлекает прежде всего имя Козмы Ховрина, в котором надо видеть родоначальника Ховриных, происхождение которых от богатых гостей—крымских выходцев—куда более вероятно, чем родословное древо от некоего князя Стефана из Крыма“.³

Не менее интересны соображения М. Н. Тихомирова и по поводу имени Семена Антонова. В Забелинском варианте Основной редакции вместо этого имени читается: Антон Верблюзин. Заметим, что в одном из списков группы У Основной редакции (ГПБ. Q. IV. 342) вместо Семена Антонова—Антон Елзубин. По поводу чтения Забелинского варианта М. Н. Тихомиров пишет: „Что это не ошибка, а более древняя традиция, дает следующая справка. Житие Сергия знает гостя Семена Антонова, который родился по предсказанию игумена Сергия. Сергий «любовь и благодетельство име к родителем моим»,—говорит Антонов. Семен Антонов живет и действует в первой четверти XV века, спустя 30—40 лет после Куликовской битвы, а Антон Верблюзин—его отец. Позднейшие переделки вставили Семена Антонова на место Антона Верблюзина, так как первый был известен по житию Сергия“.⁴

Реальное лицо нужно видеть и за именем Тимофея Весякова. О нем М. Н. Тихомиров пишет: „Менее известно о Тимофее Весякове, но «Весяков двор» стоял в Китай-городе поблизости от Богоявленского монастыря во второй половине XV века“.⁵

То же самое нужно сказать и о Иване Шихе: „Потомка еще одного гостя-сурожанина, ходившего против татар с Дмитрием Донским, Ивана Шиха, мы найдем во второй половине XV века. Это Андрей Шихов, один из кредиторов князя Юрия Васильевича. Князь получил от него 30 рублей, отдав в заклад постав ипрского сукна“.⁶

Из приведенных материалов мы можем сделать вывод, что автор „Сказания“ пользовался в данном случае либо документальными материалами, непосредственно относящимися к походу 1380 года, либо устными сведениями, которые в его время еще хорошо помнили. Позже некоторые из первоначальных имен были заменены именами потомков лиц, принимавших участие в событиях 1380 года.

Имя Антон Верблюзин или Антон Елзубин никак не могло заменить имени Семена Антонова, так как первое древнее, чем второе; могла произойти лишь замена первоначально читавшегося имени, случайно сохранившегося в двух различных списках „Сказания“, более поздним.

Замена такая могла произойти, очевидно, не позже второй половины XV века, когда уже было забыто имя Антона Верблюзина, а Семена

¹ М. Н. Тихомиров. Древняя Москва (XII—XV). М., 1947, стр. 109.

² В. Е. Сыроечковский. Гости-сурожане. Известия ГАИМК, вып. 127, 1935.

³ М. Н. Тихомиров, ук. соч., стр. 206.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 108.

⁶ Там же, стр. 108—109.

Онтонова помнили хорошо и в устной традиции, и по „Житию“ Сергия.

Наличие в тексте „Сказания“ таких мало известных имен, как Онтон Верблюзин, Василий Капица, которыми назывались купцы, как можно предполагать, действительно жившие в конце XIV века и не встречаемые нами в других источниках, правильное написание имени Ховрина — всё это говорит в пользу того, что „Сказание“ было написано тогда, когда еще хорошо помнили этих людей, т. е. в начале XV века.

Дает материал для датировки „Сказания“ и колебание по различным спискам различных редакций в имени коломенского епископа.

В основном списке „Сказания“ (ГПБ. О. IV. 22) имя этого епископа — Геронтий. В целом ряде списков Основной редакции, в Летописной и в Распространенной редакциях „Сказания“ имя епископа коломенского — Герасим. В отдельных списках — Галасий.

Чем объяснить эти различия в имени коломенского епископа и какое имя было в первоначальном тексте?

Очевидно, в авторском тексте коломенский епископ был назван правильно — Герасим (в 1380 году коломенским епископом был Герасим, поставленный в коломенские епископы в 1375 и скончавшийся в 1388 году). Во второй половине XV века, при переписывании текста автоматически, по созвучию имен, переписчик ошибочно вместо Герасим написал Геронтий, так как в это время коломенским епископом был Геронтий. Это могло произойти в период между 1453—1473 годами, после 1473 года коломенский епископ Геронтий был поставлен в коломенские митрополиты и уж в это время едва ли его имя могли перепутать с именем епископа Герасима. Такой же путаницей по созвучию имен можно объяснить и появление в некоторых списках имени „Геласий“ (такого коломенского епископа не было вообще). Имя коломенского епископа названо в тексте только один раз, при первом его упоминании. Поэтому замена правильного имени „Герасим“ именем „Геронтий“ вполне могла иметь место. Это была чисто механическая описка, и произойти она могла только между 1453—1473 годами, когда Геронтий был епископом.

Это обстоятельство говорит о том, что „Сказание“ было написано не позже первой половины XV века. О том, что автор близко знал описываемые события, свидетельствует следующее место в „Сказании“.

После битвы Владимир Андреевич серпуховский спрашивает всех воинов о великом князе Дмитрие Ивановиче. Последним на этот вопрос отвечает „юн же юноша, некто Стефан, новосельских князей“. Его ответу уделяется самое большое внимание, и всем этим эпизодом как бы подчеркивается его близость к князю серпуховскому Владимиру Андреевичу. Это не случайно. Яков Юрьевич новосельский был заместителем Владимира Андреевича в Серпухове — под 6882 (1374) годом мы читаем в Воскресенской летописи: „Того же лета князь Володимир Андреевич заложил град Серпухов в своей отчине... заместничество же приказа в граде том Якову Юриевичю Новосилдю, околничему своему“.¹ Стефана в роде новосильских князей не было, но это кто-то из их людей, которые, конечно, служили вместе со своим князем князю серпуховскому, что и нашло отражение в рассмотренном эпизоде.

По мнению многих исследователей „Сказания о Мамаевом побоище“, ряд исторических ошибок и анахронизмов, встречающихся в этом произведении, свидетельствует о позднем его происхождении.

¹ ПСРА, т. VIII, 1859, стр. 21.

Внимательный анализ так называемых ошибок „Сказания“ и анахронизмов позволяет оценить их совершенно иначе и извлечь из них материал, который помогает уточнить время написания „Сказания“.

Прежде всего здесь необходимо отметить упоминание в „Сказании“ действующим лицом событий 1380 года митрополита Киприана и имя литовского князя в первоначальном тексте памятника, где, как мы могли в этом убедиться выше, он был назван исторически неправильно — Ольгерд.

Эти имена встречаются в тексте памятника не один раз, это не случайные эпизодические персонажи, а действующие лица всего произведения, тесно связанные со всем содержанием памятника. Они играют большую роль в выражении идейного смысла „Сказания“. Таким образом, перед нами вполне сознательное введение в число действующих лиц произведения этих людей, и говорить здесь о простой ошибке, вызванной незнанием автором исторических фактов из-за отдаленности от них по времени, нет оснований.

Замена имени Ягайла Ольгердом могла быть сделана только тогда, когда еще свежа была память об Ольгерде, а Ягайло был жив и называть его врагом Москвы и союзником Мамаю было неудобно. Весьма возможно, что после битвы при Грюнвальде, в которой Ягайло с польскими войсками участвовал вместе с русскими силами в борьбе славян против немецких рыцарей, о Ягайле на Руси могло создаться представление как о союзнике Руси. Поэтому автор назвал союзником Мамаю не Ягайла, а Ольгерда. Подобная замена имен могла иметь место только до смерти Ягайло, т. е. до 1434 года.

В то же время включение в число участников событий 1380 года митрополита Киприана едва ли могло иметь место до его смерти: при жизни Киприана говорить вопреки исторической правде о том, что он находился в 1380 году в Москве, было неудобно. Для Киприана это являлось бы напоминанием об одном из самых неприятных событий в его деятельности на Руси, напоминанием о том, что во время столь важного для истории Москвы, Русской земли и русской церкви события, как Куликовская битва, он находился в Киеве, изгнанный в 1378 году великим князем из Москвы.

Итак, изображение Ольгерда и Киприана действующими лицами в событиях 1380 года говорит о том, что „Сказание“ не могло быть написано раньше 1406 года, года смерти Киприана, и позже 1434 года, года смерти Ягайла.

Явным анахронизмом в „Сказании“ считается упоминание в нем иконы богородицы, которую „Лука-евангелист живь сый, написа“, якобы находившейся в 1380 году в Москве.

Иконой, написанной Лукой-евангелистом, считалась икона Владимирской божией матери, которая, по летописным данным, была перенесена из Владимирского Успенского собора в Московский Успенский собор в 1395 году, во время приближения к Москве Тамерлана.

Но, есть некоторые основания думать, что икона эта временно могла находиться в Москве и в 1380 году.

Рассказывая о перенесении иконы Владимирской божией матери в Москву в 1395 году, Е. Голубинский в своей книге „История русской церкви“ к этому рассказу делает такое примечание:

„По общепринятому мнению, икона Владимирской божией матери, принесенная в Москву в 1395 году, осталась в Москве навсегда. Повторяя общепринятое мнение, это и мы говорим выше. Однако существуют большие основания полагать, что после 1395 года икона

опять была возвращаема во Владимир и что окончательно или навсегда она принесена в Москву в 1480 году. Летописи, рассказывая о набеге в 1410 году на Владимир татарского царевича Талыча, говорят, что татары «высекши [запертые] двери святых Богородицы [Владимирского Успенского собора] и вшедше в ню, икону чудную святых Богородица одраша, также и прочаа иконы». Под иконой чудной святых Богородицы со всею вероятностью должно разуместь именно икону Владимирской божией матери (ибо другой иконы, которую бы разуместь, не может быть и указано). В месяцеслове одной Следованной псалтыри XVI в., находящейся в библиотеке Троицкой Сергиевой Лавры, говорится под 23 июня: «прииде чудотворная икона пречистых Богоматере из Володимера в град Москву 6988 (1480)», № 321, см. печати. Описание ч. II, стр. 99. Нынешняя риза на Владимирской иконе божией матери сделана митр. Фотием... Естественно предполагать, что Фотий сделал новую ризу по причине утраты старой ризы: но в правление Фотия старая риза могла утратиться, именно только быв одрана с иконы татарами при набеге их на Владимир (в 1408 году приходил под Москву Едигей, но Москва не была им взята). Наконец, установленное в 1480-м году празднование Владимирской иконе божией матери в 23 день июня заставляет предполагать принесение иконы из Владимира: этот 23 день июня, в который установлено празднование, очевидно, был днем знаменательным по отношению к иконе; но так как Ахмат бежал с Угры не 23 июня, а 7 ноября, то другой знаменательности, кроме того, что 23 июня икона принесена из Владимира в Москву, не может быть предполагаемо¹.

Эта справка Е. Голубинского заслуживает большого внимания, она дает право предполагать, что уже ранее 1395 года существовал обычай, связанный с перенесением митрополии из Владимира в Москву, в некоторых случаях (либо особых торжеств, либо для предотвращения несчастий, грозивших Москве) приносить на это время Владимирскую икону в Москву.

О готовящемся нашествии Мамаю было известно заранее, и Владимирская икона могла быть принесена в Москву. Более того, приводимая Голубинским цитата из Следованной псалтыри XVI века Троице-Сергиевской лавры как будто бы дает право думать, что или перенесение этой иконы в 1480 году в Москву было приурочено к 100-летию со времени ее перенесения в Москву перед Куликовской битвой, или в данном случае произошла ошибка и нужно читать не 1480, а 1380 год, т. е. год Куликовской битвы. К концу июня месяца, заранее, икона могла быть в 1380 году в Москве, так как к этому времени уже знали о приготовлениях Мамаю. Специальной записи о перенесении этой иконы в Москву перед Куликовской битвой сделано не было, но память об этом осталась. Зная, что в 1380 году икона была в Москве, автор „Сказания“ и упомянул ее в своем тексте.

Подтверждением предположения о том, что прежде чем эта икона была окончательно перенесена в Москву, она приносилась туда в некоторых случаях временно, а затем опять возвращалась во Владимир, служит такая фраза повести о нашествии Едигея: в рассказе о походе на Москву Свидригайла Ольгердовича мы читаем: „... и вдаше ему [Василий Дмитриевич — Свидригайлу] гради мнози, мало не половину великаго княжения московьскаго, и славный град Владимирь, в нем же

¹ Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, 1-я половина тома. М., 1900, стр. 333.

соборнаа церковь пречистыа богородици Успение, златоверхаа нарицаемаа, 5 бо верхов златых имеа, в ней же чюдотворнаа икона пречистыа Богородицы, иже многа чюдеса и знамена сотворяеть и поганыа устрашает“.¹ Из этой записи следует, что после 1395 года Владимирская икона была снова возвращена во Владимир. Это обстоятельство только подтверждает возможность того, что и в 1380 году эта икона временно находилась в Москве.

Следовательно, есть основания утверждать, что упоминание в „Сказании“ Владимирской иконы не анахронизм, а отражение действительного факта.

Но если даже это предположение не может быть принято и мы имеем в „Сказании“ ошибку, то это говорит лишь о том, что „Сказание“ было написано после 1395 года, и такая ошибка могла быть допущена именно вскоре после 1395 года, так как после отступления Тамерлана с Владимирской иконой связывалось представление о ее особой силе как защитницы Москвы от поганых, и поэтому-то автор отметил, что перед походом на битву с татарами Дмитрий молился перед этой иконой.

Следующим анахронизмом считается упоминание в тексте „Сказания“ снохи великой княгини. После описания выезда воинов из Москвы говорится, что великая княгиня возвращается в терем со своею снохою, княгинями и воеводскими женами.

В основном тексте и в некоторых других списках „Сказания“ это место читается так: „Княгиня ж великаа Евдокия с своею снохою, княгинею Володимеровоу Мариюею и с воеводскими женами...“. По структуре этой фразы мы видим, что снохою великой княгини названа жена князя Владимира Андреевича. Владимир Андреевич был младше Дмитрия Донского и приходился ему двоюродным братом. По феодальным представлениям, Дмитрий был Владимиру „в отца место“, и поэтому жена Владимира, т. е. жена младшего князя и по феодальной иерархии, и по чисто родственным кровным отношениям, по отношению к жене старшего могла быть названа ее снохой. Жену Владимира Андреевича звали Еленой, а в приведенном выше тексте она названа Марией. Как известно, Елена, дочь Ольгерда, была из Литвы, а сведений о том, была ли она православного вероисповедания или католического и меняла ли свое имя по пришествии на Русь, у нас нет, и, может быть, в данном случае перед нами ее второе имя, о котором в летописных записях ничего не было сказано, а автор „Сказания“ назвал ее этим вторым именем, известным только современникам.

Если же предлагаемое объяснение нельзя считать удовлетворительным, то остается предположить, что слова о снохе являются случайной опiskeй. Такая ошибка могла быть сделана автором или переписчиком в близком к авторскому тексту списке. Она не может свидетельствовать о более позднем, чем начало XV века, происхождении „Сказания“ (тогда у великой княгини московской было уже несколько снох), так как в остальном рассматриваемое место „Сказания“ говорит о прекрасном знании автором действительных фактов: он знает, что в 1380 году у Дмитрия было два сына, знает, что они еще молоды, знает их имена.

Наконец, к числу анахронизмов „Сказания“ относят упоминание в числе князей, принявших участие в походе, князей кемских, андомских, каргопольских, прозоровских и курбских, а также слова о том, что в битве было убито 8 белозерских князей. Но в обоих этих слу-

¹ ПСРЛ, т. XI, 1897, стр. 237.

чаях есть все основания видеть отражение реальных фактов, по иным источникам нам неизвестных, а не ошибки или выдумки автора „Сказания“.

Дело в том, что все вышеперечисленные уделы образуются в составе княжеств Белозерского и Ярославского в годы с конца XIV—начала XV века и в том же XV веке все они прекращают свое существование. Это настолько мелкие, незначительные и кратковременно существовавшие уделы, что упоминание их как самостоятельных единиц в „Сказании“ говорит о том, что оно было написано в начале XV века, когда эти уделы имели значение и именовались как отдельные земли в составе Белозерского и Ярославского княжеств.

Перечисление этих княжеств в начале „Сказания“ объясняет упоминание в конце памятника 8 убитых белозерских князей. Белозерскими князьями названы в „Сказании“ и кемский, и каргопольский (искаженное написание Карголомского княжества), и андомские князья, уделы которых действительно входили в состав Белозерского княжества. Таким образом, как в упоминании этих князей, так и в словах о том, что было убито 8 белозерских князей, нет никаких оснований видеть ошибку.

Из обзора всех так называемых анахронизмов „Сказания“ мы видим, что нет никакой причины считать на основании их „Сказание“ написанным значительно позже, чем произошли события, в нем описываемые.

Более того, все „анахронизмы“ свидетельствуют скорее о том, что „Сказание“ было написано еще по свежим воспоминаниям о битве на Куликовом поле; больше оснований видеть в них сообщения о таких фактах, которые были известны лишь современникам и по каким-то причинам в летописные записи не попали, а сохранились только в „Сказании о Мамаевом побоище“.

Итак, можно утверждать, что время возникновения „Сказания“ относится к первой половине XV века. Характер памятника противоречит возможности возникновения его во время феодальной смуты, поэтому мы можем еще точнее ограничить время написания „Сказания“ — первой четвертью XV века.

После Едигеева нашествия в 1408 году вопрос о взаимоотношениях с Ордой, о татарской опасности вновь всплывает на поверхность общественной и политической жизни Руси. Едигеево нашествие показало, что Орда еще сильна и опасность татарских набегов на Русь была реальной и страшной. Но пример Куликовской битвы свидетельствовал о том, что с этой опасностью можно успешно бороться, что Москва способна нанести сильное поражение Орде.

Именно в это время, когда опасность нападения Орды была как бы забыта, а потом вновь дала знать себя после Едигеева нашествия, должен был появиться усиленный интерес к недавнему прошлому, когда московский князь, объединив вокруг Москвы остальные княжества северо-восточной Руси, нанес жестокое поражение военному походу татар. Нашествие Едигея пробуждает с еще большей остротой мысль о необходимости единения русских князей для борьбы с внешним врагом, так как в победе Дмитрия Донского видели силу единения русских князей, русских земель во главе с Москвой, великим князем московским. Эта мысль отчетливо звучит в высказываниях летописца тех лет, она же является основной и в „Сказании о Мамаевом побоище“.

Конец XIV—начало XV века, время после Куликовской битвы, ознаменовалось расцветом русской культуры. Для русской культуры этого периода характерно „особое внимание к государственным инте-

ресам страны“.¹ Время после Куликовской битвы характеризуется интенсивной борьбой как внутри страны, так и с внешними врагами за укрепление Москвы как объединяющего центра разрозненных русских княжеств. Этим определялось обилие воинских повестей в рассматриваемый период — сама жизнь диктовала темы для литературных произведений.

Становление Москвы как центра Русского государства определяло в этот период стремление подчеркнуть прямое наследование киевским князьям московского княжеского дома.

Это был период, когда союз княжеской власти с высшей властью церковной имел большое значение и играл положительную роль в деле усиления Москвы. Отчасти этим можно объяснить сильное влияние в данный период церкви на литературу, что придавало литературным памятникам этого времени ярко религиозный характер, усиливало их риторичность.

Наиболее значительные повести конца XIV и начала XV века, рассказывающие о борьбе с татарами, такие, как повести о нашествии Тохтамыша, о Темир Аксаке, о нашествии Едигея, стремятся с наибольшей полнотой, со всеми подробностями осветить исторические события.

Для повести о нашествии Тохтамыша и Едигея характерно стремление подчеркнуть, что из-за отсутствия единения князей перед лицом врага татары смогли нанести поражение русским. Повесть о Темир Аксаке интересна тем, что в обеих ее редакциях важная роль в происходящих событиях отводится митрополиту Киприану.

Для всех этих повестей, несмотря на большое между ними различие, характерны правоучительные риторические отступления, в которых автор, пользуясь цитатами из церковных текстов, высказывает свое отношение, свою оценку описываемых им событий. Для всех редакций повести о Тохтамышевом нашествии знаменателен интерес к простым людям, к народу, участвовавшему в обороне Москвы.

В стиле небольших по размеру повестей мы замечаем те же характерные особенности, которые в значительно более развернутом виде проявляются в „Сказании о Мамаевом побоище“.

Особенно остро все вопросы, затронутые в „Сказании“, — победа над татарами, торжество русской воинской силы, призыв к единению русских князей и показ действенной силы этого единения в борьбе с Ордой — встали после Едигеева нашествия. Мы можем отметить и некоторую стилистическую близость между „Сказанием“ и основными воинскими повестями конца XIV — начала XV века.

Всё это дает право утверждать, что „Сказание“ вероятнее всего могло возникнуть в 10-х годах XV столетия.

¹ Д. С. Лихачев. Культура Руси эпохи образования русского национального государства. Госполитиздат, 1946, стр. 19.

И. П. ЕРЕМИН

К истории общественной мысли на Украине второй половины XVII в.

В 1674 году в типографии Киево-Печерской лавры вышла в свет книга под заглавием: „Синописис, или Краткое собрание от разных летописцев, о начале Славяно-Российского народа и первоначальных князей богоспасаемого града Киева, о житии святого благоверного Великого князя Киевского и всея России первейшаго самодержца Владимира и о наследниках благочестивыя державы его Российския...“¹ Книга вскоре приобрела широчайшую популярность и на Украине, и в России. Достаточно указать на тот факт, что уже в XVII веке она выдержала пять изданий,² а в конце XVII века была переведена на греческий язык и, по личному распоряжению Петра I, на язык латинский.

Книга содержала в себе краткий, как это подчеркивалось и ее заглавием, очерк истории древнего Киевского государства, написанный со знанием дела, на общедоступном языке, живо и занимательно. Но не только эти литературные достоинства приковали к „Синописису“ пристальное внимание широкого читателя. Секрет успеха „Синописиса“ — в острой злободневности его содержания. Книга была посвящена теме, крайне волновавшей тогда общественные и правительственные круги как „Малой“ России, так и „Великой“. В рамках внешне далекого от каких-либо публицистических задач рассказа о прошлом „Синописис“ давал ярко публицистическое истолкование этого прошлого, целиком повернутое к текущей современности. Книга предлагала вниманию читателя наиболее полное по тому времени историческое обоснование воссоединения „Малой“ России с „Великой“ и заключала в себе отнюдь не двусмысленный призыв к дальнейшей борьбе за окончательное воссоединение с Русским государством всея Украины, — не только Левобережной, но и Правобережной.

Этот публицистический подтекст „Синописиса“ до сих пор не обращал на себя должного внимания, между тем он очевиден, если учесть ту конкретно-историческую обстановку, в условиях которой книга была задумана и написана.

Как известно, Андрусовское перемирие 1667 года России с Польшей, закрепившее Левобережную Украину за Русским государством, отнюдь

¹ В дальнейшем цитаты приводятся по этому изданию. Подробное библиографическое описание этого издания см.: Хв. Тітов. Матеріали для історії книжної справи на Україні XVI—XVIII вв. Київ, 1924, стр. 421, 422.

² С. И. Маслов. К истории изданий киевского „Синописиса“. Статьи по славянской филологии и русской словесности. Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского. Изд. АН СССР, Л., 1928, стр. 341—346.

не являлось окончательным решением вопроса о „Малой“ России уже по одному тому, что по истечении перемирия вопрос должен был встать снова. На Украине эта неясность перспектив естественно вызывала тревогу и порождала самые противоречивые слухи и предположения. В особенности волновала судьба Киева. По Андрусовскому договору город этот временно переходил под „протекцию“ царя Алексея Михайловича, но на Украине даже у людей, настроенных оптимистически, не было полной уверенности, что Киев не будет возвращен полякам. В Москве знали об этих опасениях, как знали и о том, что широкие массы населения „того боку“ Днепра готовы „обрать себе за пана и протектора“ московского государя. Уже в 1671 году руководитель внешней политики Русского государства А. С. Матвеев счел возможным начать переговоры с польским правительством относительно отмены четвертой статьи Андрусовского договора, по которой московский государь обязался в продолжение перемирия не принимать в подданство жителей Правобережья. Переговоры эти не имели успеха. Польское правительство не изъявило согласия на пересмотр договора. Положение изменилось, когда Польша, по Буджановскому соглашению с турецким султаном от 17 октября 1672 года, уступила Правобережную Украину Турции. Теперь московское правительство уже не считало себя связанным условиями четвертой статьи Андрусовского договора и приняло решение продолжать борьбу за воссоединение Украины. В надежде на мирное разрешение этой задачи московское правительство вступило в переговоры с гетманом Правобережной Украины Петром Дорошенко с предложением отказаться от турецкого протектората и признать власть московского царя. Несмотря на сопротивление левобережного гетмана Ивана Самойловича (он опасался, и не без оснований, что его чигиринский соперник, когда станет подданным „великого государя“, пожелает стать гетманом и „сею боку“ Днепра), переговоры с Петром Дорошенко начались уже в начале 1673 года и обещали, как многим тогда казалось, увенчаться успехом. На Украине внимательно следили за ходом этих переговоров: с ними связывались самые радужные ожидания и надежды. Прямым отражением этих надежд и явился „Синописис“.

Кем именно была написана книга, не известно. Но нет сомнения, что инициатором этого издания и его редактором был тот, „по благословиению“ кого оно и вышло в свет, — архимандрит Киево-Печерской лавры Иннокентий Гизель. Один из влиятельнейших людей на Украине, человек умный и дальновидный, Иннокентий Гизель принадлежал к тем передовым деятелям украинской интеллигенции своего времени, которые были горячими сторонниками воссоединения Украины с Русским государством, понимали необходимость этого воссоединения и активно, каждый по мере своих сил ему содействовали. Гизель находился в личной переписке с царем Алексеем Михайловичем; охотно выполнял все его нередко очень ответственные поручения, систематически сообщал ему „секретные“ сведения о положении вещей на Украине, добывая эти сведения через своих многочисленных агентов даже в Польше.¹ К началу 70-х годов деятельность Гизеля в этом направлении приобрела такой размах, что даже вызвала неудовольствие у Ивана Самойловича: гетману стало казаться, что отец архимандрит печерский вме-

¹ В. О. Эйнгорн. Очерки из истории Малороссии в XVII в. I. Сношения малороссийского духовенства с московским правительством в царствование Алексея Михайловича. М., 1899, стр. 579, 580, 765—771 и сл.

шивается в дела, до „его велебности“ совсем не относящиеся. Интересно отметить тот факт, что царь Алексей Михайлович, когда возник вопрос о возможности мирного воссоединения Правобережной Украины с Россией, именно Гизелю дал секретное поручение вступить в переговоры от имени московского правительства с Петром Дорошенко. Выполняя это поручение, Гизель написал несколько писем проживавшему тогда в Каневе киевскому митрополиту Иосифу Тукальскому — ближайшему советнику чигиринского гетмана. Одно из этих писем дошло до нас и может служить небезынтесным комментарием к „Синопису“. В письме этом — от 25 июня 1673 года¹ — Гизель обращал внимание своего корреспондента на то, что „незгода внутрения и разделение“ в эти переживаемые Правобережной Украиной „оплаканые часы“ турецкой неволи ведут только к тому, что „христиане значне в силах своих слабеют, а бисурмане умоцняются и силу берут над христианами“, призывал к „згоде и соединению“, обещал гетману всяческую „милость“ царскую, если он добровольно со всем своим „ридерством, до власти его належачим“, отдаст себя под высокую „протекцию“ московского государя. Именем церкви Гизель просил Тукальского приложить все усилия к тому, чтобы склонить гетмана „до подданыя ся его царскому пресветлому величеству“, „абы, яко за часов апостольских, так и теперь, за часу нашего, на пострах неприятелем креста господня, множеству верующих христиан сердце было едино и душа едина“.

Центральная мысль, лежащая в основе „Синописиса“ и проникающая собой всю книгу, — мысль о том, что Украина, Левобережная и Правобережная, „обох боков Днепра“, является исконным достоянием и отчиной царя Алексея Михайловича, что „самодержавие“ ныне царствующего великого государя Московского и царя всея России является продолжением „самодержавия“ князей киевских, что Москва — прямая наследница и преемница древней столицы „державы Российской“ — Киева. Идея эта предопределила собой и самый план книги и самый отбор исторических фактов, подлежащих изложению. Автор „Синописиса“ менее всего руководствовался желанием предложить вниманию читателя „учебник“ общерусской истории. В центре его изложения — Киевское государство, его историческая судьба, его князья („о них же найпаче слово“). История „Великой“ и „Малой“ России излагается автором только в той мере, в какой это было необходимо для связи его рассказа о далеком прошлом с текущей современностью. Даже о событиях Галицко-Волынского княжества в книге упоминается вскользь. Сообщая о событиях этого княжества, автор счел нужным специально оговориться: „Галицкое княжение или царствие того ради zde предложися, яко и Киевское самодержавствие пренесено быст к нему“ (стр. 105). Автора интересует прежде всего начальный момент в истории Российского государства — становление российского „самодержавствия“.

В полном соответствии с этим замыслом автор „Синописиса“ и начал свое повествование с рассказа „о преславном верховном и всего народа Российскаго головном граде Киеве и о начале его“.²

В истории Киевского государства автор четко различает два периода: древнейший, когда городом и страной управляли местные князья, и

¹ Акты Южной и Западной России, т. XI, СПб., 1879, стлб. 267—270.

² Составляя свой обзор истории Киевского государства, автор „Синописиса“ широко пользовался, как свидетельствуют ссылки на полях книги, не только русскими источниками, но и польскими (в первую очередь данными „Kroniki“ М. Стрыйковского). Вопрос об источниках „Синописиса“ еще ждет своего исследователя.

период с 861 года, когда местных князей сменили князья варяжские, Рюрик и его преемники.

Основание киевскому „самодержавию“ положили три родных брата — Кий, Щек и Корев, или Хорев, „князие Российские“. По утверждению автора, пришли они к берегам Днепра „по благословению и пророчеству“ самого апостола Андрея — „от диких поль с славяны великими и zelo храбрыми народы“ — и стали здесь, на берегах Днепра, „грады и места тишайшаго ради жития и прибежища созидати“. Кий основал и построил город Киев; ссылаясь на свидетельство М. Стрыйковского, автор „Синописа“ предположительно возникновение города относит к 430 году. Щок или Щек построил город недалеко от Киева — Щекавицу или Щковицу, тоже „от своего имени“; Хорев — город Хоревуцу („потом Вышгород прозвася“). Построила город „на пригорку высоком“ и их сестра и назвала его в честь своего имени — Либедь. Кто после этих князей „природным свойством господствовал“ в земле Киевской, автор „Синописа“ не называет: „Аще бо и наследники останася, но неведоми бяху писанием, зане прост народ бысть, писания не умеющий; аще же о них и было что написано совершенно, и тому чрез частыя и великия брани нужда бысть погибнути“ (стр. 18). Последние представители этой династии князей — Аскольд и Дир. Одно время они жили у Рюрика в качестве его „нарочитых мужей“, так как никто в Новгороде не знал, что родом они — „от колена основателя и перваго князя Киевскаго Кия“. Затем они отпросились у Рюрика итти „с роды своими“ в Царьград. По пути туда они увидели город на берегу Днепра. Когда они узнали, что это — Киев, они остались в нем и „начаша владети ту и обладати всею тою Киевскою землею“ как законные князья. Со смертью Аскольда и Дира династия „свойственных“ князей в Киеве кончилась.

Приступая к рассказу о появлении новой династии князей, автор „Синописа“ сообщает, что „росси“ жили не только на берегах Днепра. Другие „росси“, „естеством“ единые с поднепровскими, жили „в Полунощных странах над озером Илмером“ и „над Волховою рекою“. Здесь они построили себе город Новгород Великий, избрали себе в князья „некоего мужа нарочита“ — „от среды себе“ — Гостомысла. „Егда же в велицем междоусобии и многом нестроении Российскии народы быша, не согласующеся в избрании от среды себе властелина“, Гостомысл посоветовал им послать к варягам и звать на „княжение Росское“ трех братьев, „иже бяху князи изящнейшии и в храбрости воинской изрядни“, — Рюрика, Сенеуса, или Синеуса, и Трувора, или Тривора. Так, излагая события в соответствии с летописным преданием, автор „Синописа“, однако, в вопросе о происхождении этих князей решительно разошелся с летописным рассказом; по его утверждению, варяги, живущие „над морем Балтийским, еже от многих нарицаются Варяжское“, и там свои „селения“ имеющие, — не чужеземцы, но „языка славенска бяху“ (стр. 20). Рюрик, Синеус и Трувор пришли и приняты были „от всех россов с великою радостью и благодарством“. Они разделили между собой на три части „государство Руское“, им „доброволно от народа доброволнаго поданое“: старейший брат Рюрик „восприял себе княжение Великоновгородское, а столицу свою на острове езера Лагоды заложил“; Синеус „объял страны Российския над Белым озером“, а Трувор „восприял княжение Псковское“. От Рюрика и сына его Игоря Рюриковича и пошли все прочие российские князья, северные и южные. От них же по прямой линии ведут свое родство и „великие князья Московские“, вплоть до царя Алексея Михайловича (стр. 23).

Сама по себе идея преемственности власти киевских князей московскими великими князьями и царями была уже не нова, для русского читателя во всяком случае. В борьбе за централизованное Русское государство московские публицисты уже в XV—XVI веках не раз писали о праве московских князей на киевское наследство, о прямом происхождении московских великих князей от князя Владимира. Новостью в „Синописе“ явилась попытка обосновать и это право, и эту преемственность не только генеалогическими данными, родословием царей и великих князей московских, но и идеей кровного родства народов „Великой“, „Малой“ и „Белой“ России, теорией единства „славяно-российского“ народа. Обоснованию этой теории автор „Синописа“ посвятил всю вступительную часть своей книги, предшествующую обзору исторических судеб Киевского государства.

Не излагая подробно концепции автора, во многом фантастической, основанной преимущественно на историческом баснословии польских хронистов, отмечу только одно его положение, наиболее обстоятельно изложенное в разделе „О народе Роксолянском и о наречии его“ (стр. 9—11). „Росси“ носят разные названия. Однако различие названий еще не дает права отрицать единство „славяно-российского“, или „роксолянского“, народа. Это различие возникло исторически — в процессе расселения „славяно-российского“ народа из его прародины. В процессе расселения отдельные ветви этого единого народа, „по времени умножающиеся и по различных местах вселяющиеся“, приобрели иные имена, — „от рек, лесов, приметов, поль, от дел и от князей своих“: полочане — „от реки Полоты“, донцы — „от Дону“, запорожцы — „от Запорожья“, казаки — „от славного своего давнего некоего вождя, прозвищем Козака“, древляне или полесяне — „от деревьев или от лесов густых“, поляне или поляки — „от поль“, северяне — „от страны Северския, над Десною и Сеймом реками седшия“, Москва-народ — „от Мосоха, праотца своего и всех славенороссов, сына Афетова“ и пр. Названия разные, народ один и тот же, как один язык, на котором говорят все ветви этого народа, несмотря на диалектные различия („аще в неких странах мало что в словесех и прменися, обаче единым славенским языком глаголют“, — писал автор). Утверждая кровное „свойство“ полочан и донцов, казаков и „Москвы-народа великаго“, автор „Синописа“ одновременно не менее обстоятельно развивал мысль, по которой самое название „Русь“, „россы“ — исконное название славян, по автору, не только восточных, но, как следует из его рассказа, несколько сбивчивого и не всегда последовательного, и западных. Название это славяне приобрели еще в глубокой древности, „широко и различно селенми своими“ расселяясь по многим странам. От своего „россеяния“ по разным местам они с течением времени и получили прозвище „россеяны“, а потом „россы“ (стр. 9).

Патриотической гордостью проникнуты строки „Синописа“, где речь идет о происхождении и славном прошлом этого народа. Происхождение „славяно-российского“ народа автор возводил к временам доисторическим и „праотцем“ его считал библейского Мосоха, сына Афета, внука Ноя. Говоря о высокой культуре этого народа, автор не преминул заметить, что народ „славяно-российский“ „нача писание и книги имети и деяния своя исписовати“ еще в 790 году, задолго до поляков, которых он в этом отношении опередил на двести девять лет, что крещение он принял также задолго до поляков, в первый раз непосредственно от самого апостола Андрея Первозванного, когда тот посетил горы киевские и Новгород Великий. Выпуская в свет третье

издание своей книги, автор „Синописа“ дополнил ее специальной статьей — „О свободе или волности Славенской“ (стр. 4—6). В статье этой — она представляет собой почти дословную выписку из „Палинодии“ З. Копыстенского¹ — автор утверждал, что в древности власть „славяно-росская“ — „и Рыму досязаше“: „князь некий Славяно-росский Одонадер, войною доставши Рыма, держаше его под властью своею лет тринадесят“, что народ „славяно-росский“ помогал Александру Македонскому „подбивати под власть света сего державу“ и так был страшен и силен, что его боялся даже сам Август кесарь.

Свидетель роста политического могущества Русского государства, уже перерастающего в абсолютную монархию, одной из сильнейших держав в Европе во второй половине XVII века, автор „Синописа“ дал в своей книге своеобразную ретроспективную апологию „самодержавия“ царя Алексея Михайловича. Русский исторический процесс рисуется автором как непрерывный процесс развития одного и того же политического правопорядка, как непрерывный ряд — от Владимира Святого, „всяя России перваго самодержца“, до последнего — царя Алексея. Менялись государственные центры, столица переносилась из одного города в другой, из Киева во Владимир, из Владимира в Москву, но политический строй оставался неизменным. По словам автора, уже киевская княгиня Ольга „благоразумно“ правила державою Российской, „аки крепчайший монарха или самодержец“ (стр. 26).

Стремясь подчеркнуть непрерывность развития „самодержавия“ в России, автор „Синописа“ специально отметил, что город Владимир на Клязьме был основан еще князем Владимиром, когда он, распространяя христианство и сокрушая кумиров, ездил „в страны Суздальския и Ростовския“; по утверждению автора, уже Владимир сделал попытку „престол свой царский“ перенести из Киева в новосозданный им город (стр. 71). Окончательно „престол царский“ был перенесен с юга на север при московском князе Иване Даниловиче, по воле которого столицей Российского государства стала Москва. В разделе „О наречии Москвы-народа и царственного града“ автор „Синописа“ писал об этом, как о событии величайшего исторического значения: „И тако величеством славы престола княжения, от Владимира града принесеннаго, богоспасаемый град Москва прославися и прародительное в нем имя Мосоха в народе Российском отновися, еже неувадаемою в веки памятию цветущи, изряднее же благодатию божиею от силы в силу и от славы в славу преспевая, на высочайший степен самодержавнаго царствия востече и благочестием, силою и мужеством православных царей, наипаче великими чудесы святых российских московских чудотворцев, на высоту добродетелей возвысившися, яко солнце по вселенней просветися и паче иных сияет“ (стр. 13).

С той же целью показать прямую преемственность московскими царями власти киевских „самодержцев“ автор „Синописа“, излагая историю княжения Владимира Мономаха, включил в свое повествование широко известный в русской литературе с начала XVI века рассказ о бармах Мономаха — с теми поправками к нему, которые были сделаны в его время. Когда Владимир „с великою силою“ пошел походом на Царьград, кесарь греческий Алексей Комнин, видя, „яко не может противу стати великой силе российской и изрядной храбрости Владимировой“, послал ему грамоту с просьбой о вечном мире и многоцен-

¹ Ср. Памятники полемической литературы в Западной Руси. I. Русская историческая библиотека, т. IV. СПб., 1878, табл. 1101—1104.

ные дары: „крест от самага животворящего древа креста господня, с всякою драгостию съделанный“, венец царский „от главы своея“, ожерелье, или „гривну“, „юже сам на порфире своей царстей носяще“, „чеп от злата аравийска“. Посланники, митрополит Эфесский Неофит, епископ Милитский и другие сановники, не ограничились поднесением даров; действуя в соответствии с полученным ими от кесаря указанием, они увенчали Мономаха венцом царским. „И отселе, писал автор „Синописа“, комментируя этот факт, — великий князь Владимир Мономах царь Российский нарицашеся и по нем наследники его; от них же все то достояние царское милостию божиею и до ныне при великих царех и великих князех Московских и всея России самодержцех достойно и праведно содержится“ (стр. 91).

Век Владимира Святого — век полного расцвета Киевского государства. В державу Владимира уже входила вся Российская земля: Киев, Новгород Великий, Псков, Смоленск, Полоцк, Туров, Ростов, Владимир на Клязьме, Муром, Тьмуторокань, Волынь, Луцк. При нем окончательно утвердилась вера христианская в Русской земле. При нем земля Русская достигла небывалого могущества и славы. „От корене Августа кесара римскаго, владевшаго всею вселенною“, он первый из киевских князей стал писаться „царем и самодержцем всея России“. Достойным преемником его был и Владимир Мономах — „первовенечный царь Киевский“. Он так же, как и его славный прадед, — „междоусобие всякое в Российских князех усмири и в самодержавии приведе“ (стр. 88).

После смерти Мономаха, по концепции автора „Синописа“, начинается период постепенного упадка Киевского царства. Первый серьезный удар нанесли ему татары — они взяли Киев и „все государство Киевское нивочто обратиша“ (стр. 108); второй удар — литовцы в 1321 году, когда Гедимин князь литовский „взя в свою власть“ Киев и когда „преславное самодержавие Киевское конечне уста“ (стр. 116); третий и последний удар — поляки в 1471 году, когда король польский Казимир „царственный град Киев и княжение его в воеводство премени, Мартина же Гаштолта Литвина воеводу в Киеве предложи и утверди“ (стр. 119).

Причину этого полного „уничужения“ Киевского „самодержавия“ автор „Синописа“ видел, как следует из всего его повествования об этом периоде, в том же, в чем усматривал ее и Иннокентий Гизель, характеризуя современные ему „оплаканые часы“, — в „незгоде внутренней и разделении“.

Сторонник сильной единодержавной власти в стране, автор „Синописа“ сурово осудил эту „незгуду“ и в прошлом. С негодованием пишет он о Святополке — убийце родных братьев Бориса и Глеба, о его попытке „самоволно“ сесть на киевском престоле после смерти отца. Он порицает Ярославичей, Святослава и Всеволода, за изгнание брата Изяслава из Киева, — даже Владимира Святого за усобицу в начале его княжения. С нескрываемым раздражением пишет он о „нестроении“, наступившем вскоре же после смерти Мономаха. Вся история Киевского государства после смерти Мономаха, в изображении „Синописа“, — история сплошной „междоусобной брани“, история того, как один князь другого „от престола изгоняху“. В княжеских распрях этой эпохи автор видит только одно: „зависть“, „богомерзкую похоть господствования“, „наваждение душевнаго врага“. Он с возмущением говорит о поступке Всеволода Ольговича Черниговского, изгнавшего из Киева законного князя Вячеслава Мономаховича, о „лести“ Всеволода Чер-

много, „восхитившего“ престол у Рюрика Ростиславича. Заметно и его явно неблагожелательное отношение к князьям галицко-волинским — Роману и Данилу. Романа он сурово осуждает за его поступок с киевским князем Рюриком Ростиславичем, за его желание „быти нарицаем всея России самодержец“, за его попытку перенести столицу „Российскаго самодержавия“ в Галич; этим он подал повод к „нестроению и спору“ среди князей, а затем и к оккупации „престола Российскаго самодержавия“ венграми. Холодно и сухо пишет он и о Даниле Романовиче, бегло перечисляя основные события его княжения (основание Львова, венчание на королевство, почтение от Батыея). Роман и Данило „писались“, по словам автора, „самодержцами всея России“, однако своей политикой отмежевания от Киева, своим стремлением перенести центр политической жизни из Киева в Галич они посеяли в стране „разделение“ и тем самым только ускорили конечное „уничужение“ Киевского государства.

Период упадка Киева теперь, в наши дни, писал автор „Синописа“, закончился, когда двадцать лет тому назад, в 1654 году, сам бог царю Алексею „искони вечную скипроносных прародителей его отчину царственный той святой град Киев в его скипроносныи царский руке, яко природное царское его присвоение возврати“. Древняя столица „Российскаго самодержавия“ теперь снова обрела, после долгих лет „уничужения“, свое первоначальное „царственное бытие“. На будущее автор смотрит оптимистически. Он уверен, что для Киева наступают новые времена. Возвращение Киева его законному наследнику — знак того, что „милость господня с небесе прииче на первоначальный всея России царственный град Киев и начат его обетшалу оную скипроносную державу, яко орлю юность обновляти“ (стр. 120—121).

Обращает на себя внимание более чем сдержанное отношение автора „Синописа“ к шляхетской Польше. Печальная роль, какую сыграла Польша в истории Киевской земли, подчеркнута автором везде, где только материал давал для этого повод. Короли польские, „гетманы“ и „сенаторы“ не раз разоряли Русскую землю. Они ссорили князей между собой, стремясь ослабить страну и вызвать в ней „разделение“. Они, наконец, явились главными виновниками „уничужения“ Киевского „самодержавия“, постепенного превращения его „от царствия в княжение, а от княжения в воеводство“. Наиболее показателен в этой связи рассказ „Синописа“ о князе Ярополке Владимировиче, как он „прелщен“ был от Петра Влостовича — „сенатора“ короля польского Болеслава Кривоустого.¹ Этот Петр Влостович, когда король „с своими сенаторами“ обсуждал вопрос о нападении на Русское государство, предложил захватить Ярополка „лестью“ — „наипаче тайным промышлением, нежели явною войною“. С согласия короля он бежал на Русь, „аки бы разграбленный и изгнанный з отчизны своея“. Здесь он вкрася в доверие к Ярополку, в его „тайные советы“ и „верное дружество“, непрестанно укоряя Болеслава „хулными словесы“. Однажды Ярополк поехал в свое загородное село с немногочисленными людьми, вместе с ним отправился туда же и Петр Влостович. Когда Ярополк „в малой дружине“ сел обедать, Петр Влостович привел в исполнение свой коварный умысел: он схватил Ярополка, связал его и, „на коня

¹ О происхождении этого рассказа, отсутствующего в русских летописях, см.: П. Милуков. Главные течения русской исторической мысли. Изд. 3-е, СПб., 1913, стр. 8.

возложив, аки агнца“, побежал в Польшу, „имея на сие дело везде коне розставленные и перевозки на реках уготованны“. Болеслав щедро награждал Петра, а Ярополк заключил под стражу. В первом издании „Синописиса“ этот рассказ изложен кратко; подготавливая к печати третье издание, автор счел необходимым изложить его подробно и дополнить рассказом о том, как Ярополк позже отомстил Болеславу. Очень возможно, что сделал это автор „Синописиса“ с целью подчеркнуть характерную в последние годы тактику по отношению к России современного ему польского короля Яна Собесского: действовать также „наипаче тайным промышлением, нежели явною войною“. Рассказ мог напомнить читателю и события начала 1676 года, когда польский король, на словах уверяя московского государя в дружбе, на деле уговаривал турецкого султана и крымского хана начать войну с Русским государством, и события начала 1678 года, когда польский король возобновил 26 марта сепаратный мирный договор с турецким султаном и тем самым дал последнему возможность начать наступление на Украину.

Третье издание „Синописиса“ подготавливалось к печати в дни русско-турецкой войны 1677—1678 годов, когда Украине и ее столице Киеву угрожала серьезная опасность. Неудивительно, что рассказ о войне 1677—1678 годов, написанный по свежим следам событий, взволнованный и подробный, занял в „Синописисе“ большое место. В особенности обстоятельно изложил здесь автор „Синописиса“ историю второго похода турецкого султана, „лжи отца внука“, под Чигирином, четыре года тому назад присоединенный к России после капитуляции гетмана Петра Дорошенко. Излагая историю этого похода, автор рассказал и о мужественной обороне города чигиринским гарнизоном под руководством воеводы Ивана Ржевского, и о „преславной победе“, одержанной 3 августа 1678 года русскими и казацкими войсками на так называемой Чигиринской горе, и о том, как в результате этой победы турецкий верховный визирь Мустафа-паша „от презельных туги и стыда“ едва „богохульные души своя не испроверже“, и о пожаре Чигирина, и о кровопролитной битве на Бужинском поле у Днепра.

Сообщая о событиях 1678 года, автор „Синописиса“ не скрыл того обстоятельства, что русские войска вынуждены были оставить Чигирин под натиском превосходящих сил противника и отступить на другие позиции. Не скрыл и того факта, что война с турками стоила больших жертв и что русскому войску у Бужинского перевоза на Днепре пришлось выдержать бой, „еликий нынешнего веку не бяше виденый“. Описание этого боя — одна из наиболее патетических страниц „Синописиса“: „Тамо бо гласы до небес возвышахуса от превелика клича безчисленных воев! Тамо солнце затмися ради прегуста дыма, от огненныя стрелбы возходяща! Ту воздух помрачися от праха земли, конскими копытами горе возбиеннаго!.. Ту стрелы от многочисленных луков испущенныя, яко прегустыя капли дождевныя! Тамо куле от великия и меншия стрелбы, яко огненный град исхождаху! Тамо гласы стрелбы огненныя, аки страшныя громы слышахуса! Ту мечи обнаженныя, аки молния блещахуса!..“ (стр. 209—210).¹ Однако война, в оценке автора „Синописиса“, всё же закончилась несомненной победой войска русского и запорожского. Победа была одержана благодаря „стройному управлению“ командования и благодаря доблести русской и запорожской рати. По утверждению автора, турки, видя, „яко уже отнюд невоз-

¹ Здесь и ниже текст цитируется по 3-му изданию „Синописиса“ (Киев, 1680).

можно стерпеть сильные храбрости и крепкого мужества воев христианских“, от превеликого страха обратились вспять — „на вечный студ свой и всенародное поношение“.

Третье издание „Синописа“ вышло в свет в 1680 году. Но автор еще успел несколько продолжить свое повествование о русско-турецкой войне — до начала 1679 года. В январе этого года стало известно, что весной султан снова предполагает идти походом на Украину. Царским правительством были приняты срочные меры для защиты Киева. Туда были отправлены с войсками князь М. А. Черкасский, боярин Б. П. Шереметев, боярин А. С. Хитрово, князь М. Ю. Долгорукий и многие другие воеводы; туда же по царскому указу отправился и гетман Иван Самойлович с войском запорожским и сыном Григорием. Об этом и рассказывает автор „Синописа“ в последнем разделе книги. Здесь он перечислил имена всех бояр и воевод царской рати, пришедшей в Киев, а также имена „енеральной старшины“ и полковников войска запорожского, картинно описал смятение турецкого султана: проведав „о толиких силах его царского пресветлаго величества и о всякой готовности их ко брани“, султан, змее уподобляясь, то прятал в страхе свою голову, „нарочно утаевая поход свой“, то снова приподымал ее, тщетно испуская дерзновенные „гласы“. Подробно сообщил автор о том, что было сделано царскими войсками и казаками для обороны Киева: как они, „да не праздно, ниже уныли на службе государевой, в толиком собрании и замедлении суще, обрящутся“, под руководством царского стольника Стефана Ивановича Янова построили мосты на Днепре, „пространные и крепкия“, на стругах, на якорях и на канатах, „удобнаго ради и скорейшаго перехода противу супостатов“, как обнесли они город и даже церковь Печерскую соборную многими крепкими валами.¹

Рассказ „о приходе множественных сил царских и войск запорожских к Киеву“ (стр. 211—223) бросает свет на замысел и предшествующего рассказа о войне 1677—1678 годов. И тот и другой были написаны с целью показать, что Украина находится в надежных руках, что царь Федор Алексеевич не даст в обиду свое „царское присвоение“, что для паники и тревоги нет никаких оснований. И тот и другой должны были успокоить общественное мнение и уверить его в том, что теперь „Малая“ Россия, под державной защитой русского государя, может жить в мире и тишине, ничего не опасаясь, „всякия исполненна надежды“.

Заканчивается „Синопис“ в третьем издании (в окончательной своей редакции) благодарностью царю Федору Алексеевичу за его „промышление и попечение“ о „Малой“ России и добрыми пожеланиями державе Российской и „православному воинству“. Державе Российской автор желает всяческого процветания, воинству — мужества, храбрости и силы „на одоление бесурманов, на искоренение твердынь их поганских“ и даже „на истребление всего рода их нечестиваго, или на привращение поганьскаго их господства под православнаго монархи его царскаго пресветлаго величества благополучное царствование“ (заветная мечта всех украинских публицистов той эпохи).

¹ В состав „Синописа“ третьего издания вошла, как известно, широко популярная в русской литературе „Повесть о Мамаевом побоище“. По словам автора, придававшего первостепенное значение борьбе с „бесурманами“, он специально напечатал эту повесть, — „да и прочии христоименитии вои, ревнующе толикому древних ветязей храброму против нечестиваго Мамаю мужеству, дерзновенно и сами подвизаются на врагов креста святого, силою на нем пригвожденнаго Христа господа укрепляеми“ (стр. 123—124).

„Синописис“ вышел из стен Киево-Печерской лавры, и это не могло не сказаться на его содержании: в книге немало страниц, где автора — историка и публициста — сменяет монах проситель царской „милости“, озабоченный прежде всего благополучием своей обители. Это обстоятельство, а также некоторые недочеты книги историографического порядка (увлечение баснословием польских хронистов и пр.), обратившие на себя внимание уже Петра I,¹ не снижают, однако, ценности „Синописиса“ как памятника общественной мысли своего времени.

В совместной борьбе русского и украинского народов за воссоединение Украины книга сыграла свою роль, и очень заметную. Достаточно указать на тот факт, что русское правительство уже в дипломатической переписке, предшествующей миру с Турцией 1681 года, не раз приводило, доказывая свое право на Украину, те же доводы, что и „Синописис“,² нередко почти дословно цитируя его текст.

¹ П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I. СПб., 1862, стр. 317.

² См.: Н. А. Смирнов. Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. II. Изд. МГУ, М., 1946, стр. 143, 149, 163.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Н. В. ШАРЛЕМАНЬ

Из комментариев к „Слову о полку Игореве“

„На кровати тисовѣ“

Комментаторы первого издания „Слова о полку Игореве“ выражение „на кровати тисовѣ“ перевели на „кроватьи тесовой“.¹ Такую же трактовку этих слов приняли и некоторые последующие комментаторы и переводчики, в частности В. Жуковский. Позже Д. Дубенский, хотя и сохранил в своем переводе толкование упомянутых слов по первому изданию, но в примечаниях напомнил, что в „Лексиконе славено-русском и имен таковани“ Памвы Беринды (1627) есть слово „тисар“,² которое переведено на русский язык как „столяр“. Кажется бы не было основания „кровать тисова“ заменять словом „тесовая“, т. е. сделанная из теса, малоценных тесаных досок. Однако А. Потебня выразил сомнение в том, что кровать Святослава была изготовлена из тиса, ценного дерева. „Совершенно сказочно, — писал он, — что из этого дерева делали на Руси кровати, столы, ворота“.³

Е. В. Барсов⁴ в своем капитальном труде дал правильный перевод — „на кровати тисовой“, но впоследствии в брошюре 1904 года⁵ почему-то заменил свой точный перевод словами „на кровати красного дерева“. Ап. Майков⁶ правильно трактовал эти слова в своем комментарии, однако в переводе почему-то искажил их — „на кипарисном ложе“. Обширные параллели к древнему прилагательному „тисова“ привел В. Н. Перетц.⁷ В его примерах, взятых из русского, украинского и белорусского фольклора, находим и „кроватьку тисову“, и „кроватьку тисовеньку“, и „тисову труну“, и „тисову краваць“, и др. А. Югов,⁸ считая свой перевод „предельно точным“, перевел интересные нас слова — „на кровати сосновой“. Однако этот перевод ошибочен.

Тис или, как его порой называют на Украине, негній — дерево *Taxus baccata*, хвойное растение, принадлежит в настоящее время к редчайшим и ценнейшим видам деревьев флоры СССР. В наибольшем коли-

¹ Слово о полку Игореве. М., 1800, стр. 23.

² Слово о полку Игореве. М., 1844, стр. 118.

³ Слово о полку Игореве. Харьков, 1914, стр. 87.

⁴ „Слово о полку Игореве“, как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. I—III. М., 1887—1890.

⁵ Е. В. Барсов. Слово о полку Игореве — историческая повесть и героическая песня. М., 1904.

⁶ Слово о полку Игореве. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 131.

⁷ Слово о полку Игоревім. Киев, 1926, стр. 247—248.

⁸ Слово о полку Игореве. М., 1945.

честве в СССР тис сохранился до нашего времени в Карпатах. Здесь, вблизи г. Коломыи, в Станиславской области, существует лес, носящий древнее название „Княж двор“,¹ в котором на площади 70 га в смеси с пихтой и буком растет около 10 тысяч деревьев тиса. Растет тис весьма медленно и в столетнем возрасте едва достигает 10 м в высоту, однако встречаются более старые экземпляры и до 25 м высотой. Тис доживает до 1000 и более лет. Деревьев такого возраста в Карпатах в настоящее время нет. Древесина тиса твердая, крепкая и тяжелая, красно-бурого цвета, красивого рисунка.

С древних времен тис известен многим народам. У ряда из них он почитался священным. Его древесина шла на изготовление ценных вещей и на долговечные хозяйственные постройки. В Карпатах еще недавно австро-венгерское правительство брало с крестьян налоги стволами тиса. Во многих странах тис истреблен. В СССР он находится под охраной закона. В горных селах Восточных Карпат еще можно увидеть изделия из тиса: столы, стулья, рамки. В прежнее время в Карпатах из-за дороговизны железа тис широко применялся вместо гвоздей при постройках изб.

У гуцулов и бойков тис еще в начале XX столетия занимал большое место в быту. Каждая семья стремилась иметь в хозяйстве кусок тисовой древесины, корня или хотя бы коры, как магическое средство против болезней людей и скота, против грома и других бед.

В народных песнях на Гуцульщине в некоторых селах, как об этом сообщил автору львовский ботаник-лесовод М. И. Юзьков, еще и сегодня девушки в песнях о легендарном герое Довбуше поют:

В мене двері тисові
в мене замки сталеві і т. д.

В другом куплете:

В мене двері тисові,
не злодіям до розлому.

Из свадебного обряда на Прикарпатье записан следующий припев свахи:

О мій батеньку рідний,
пускай бояреньку в двір
мого Прокона за тисовий стіл.

Надо полагать, что значение тиса в обычаях сельского населения Прикарпатья является пережитком древних обрядов.

Возможно, что в древности тис шел и на сооружение укреплений. Об этом можно судить по упоминанию в Галицкой летописи, приведенному Д. Дубенским. Очевидно, из чрезвычайно крепкой и тяжелой тисовой древесины изготовлялись также и некоторые простые виды ручного оружия — дубины, палицы. В „Толковом словаре русского языка“ В. Даль приводит глагол „тисатися“ в значении „драться“, „забиячить“. В. Н. Перетц в названной выше работе цитирует еще одно выражение „посячем сукомины и тисие“.

Встречался ли тис в XII веке на территории Киевского княжества или же его привозили с запада, из Галицкого княжества? Судя по фольклорным данным, можно предположить, что тис произрастал

¹ М. П. Береговий та К. М. Поліщук. Вивчаймо природу наші країни. Київ, 1948, стр. 45.

и в Приднепровье. В ископаемом состоянии, в четвертичный период, тис известен за 2000 км к востоку от современного его ареала.

Возвращаясь к тексту „Слова о полку Игореве“, еще раз убеждаемся в реальности не только всего памятника в целом, но и мелких его деталей; из приведенных данных следует, что нельзя переводить „кровать тисовую“, то как „кровать тесовую“, то как „кипарисное ложе“ и даже „кровать сосновую“. Надо полагать, что „кровать тисова“ в „Слове“ имела не только реальное значение, но и утерянный в наше время символический смысл, наподобие „саней“ в „Поучении“ Мономаха.

Еще о „Плѣсньскѣ“

Вопрос о том, можно ли отождествлять „Плѣсньск“ „Слова о полку Игореве“ с урочищем Плоским или Плоской частью позднейшего Киева, нуждается в дополнительном освещении. В пользу такого отождествления, впервые сделанного В. В. Капнистом и недавно мотивированного автором этих строк,¹ повидимому, свидетельствуют данные исторической топографии г. Киева.

Так, в 1701 году комиссия, организованная по приказу гетмана И. Мазепы в составе представителей гетманской канцелярии в Батурине и киевского губернатора, производила размежевание земель между Киевским магистратом и Кирилловским монастырем. Опросив местных жителей-старожилов, комиссия установила, что между горою Шкавицею² и Кирилловским монастырем, т. е. между современной Юрковской улицей г. Киева и Кирилловским архитектурным заповедником, в начале XVIII века еще существовало урочище с поселком Плоским лес.³ По свидетельству Н. И. Петрова,⁴ эта местность носила название Плосколеской слободы или деревни, или сокращенно — Плоское.

В 1786 году, когда были отобраны от монастырей земельные имущества, Плосколеская слобода перешла во владение города и вскоре была переименована в Плоскую часть Подола. Н. И. Петров уточнил положение древнего Плосколеска, указав, что он занимал пространство между Юрковским потоком (Н. Закревский отождествил этот поток с древней речкой Сетомлем, действительное местонахождение которой не выяснено), отделявшим Щековиду от Лысой горы, и Иорданским потоком,⁵ впадавшим через Иорданское (позже Чернечье) „озеро“ в речку Почайну.

Эволюцию названия „Плѣсньск“ можно представить так: Плѣсньск — Плѣск — Плоский лес — Плосколеск — Плоское. Повидимому, основу этого названия составлял корень „лес“. Вокруг Киева есть ряд населенных пунктов и урочищ с этим корнем, а также урочищ Плоских. Таким образом, переделка „Плѣсньска“ в „Пленск“ (перевод 1-го издания и Екатерининская копия), не может быть оправдана.

Археологические данные позволяют считать „Плѣсньск“ „Слова о полку Игореве“ одним из древнейших населенных пунктов вблизи Киева. Здесь найдена известная палеолитическая стоянка, так называемая Кирилловская стоянка. Здесь же обнаружены многочисленные

¹ Труды ОДРЛ, т. VIII, 1951, стр. 60—61.

² Современное литературное название — Щековица, народное — Скавыка.

³ Сб. „Материалы для исторической топографии Киева и его окрестностей“, Киев, 1874, Отд. II, стр. 129—130.

⁴ Н. И. Петров. Историко-топографические очерки древнего Киева. Киев, 1897, стр. 36.

⁵ Там же, стр. 43.

пещеры позднейших эпох. Следы древних землянок и ям были почти сплошь усеяны взгорья холмов Плоской части. Теперь склоны холмов раскопаны кирпичными заводами. Эта часть города в древности была защищена отдельными земляными валами от Подола и Киевской „горы“. Развитию хозяйственной деятельности поселка, надо полагать, способствовал „ручей“ Почайна — древнейшая киевская речка, протекавшая по Оболони у „Плѣсньска“. Об оживленной торговле поселка свидетельствуют найденные здесь клады монет, относящихся ко времени почти от первых веков нашей эры и до середины XIII века.¹

Кроме поселка, здесь был дубовый лес на холмах, смешанный с липами, березами. Дубрава покрывала и значительную часть днепровской поймы — болони в этих местах. Остаток этой дубравы, „дубия“ „Слова“, — повидимому, дубовый лесок на современной Оболони, в древних источниках „озер“, правильное стариц Овлукова и Белого, когда-то составлявших верховье Кривой Почайны.² Лес в районе Плоского виден на карте г. Киева 1695 года.

Таким образом, „Плѣсньск“ совершенно правильно упоминается в „Слове о полку Игореве“ как отдельная географическая точка. В то время „Плѣсньск“ действительно был самостоятельным поселком, конечно тяготевшим к Киеву. И на данном примере видна точность свидетельств „Слова“.

Согласно „Слову“, дебрь Киянь была „у Плѣсньска на болони“.

¹ Н. И. Петров, ук. соч., стр. 43.

² Сб. „Материалы для исторической топографии Киева...“, стр. 148, 149.

Ф. Я. ПРИЙМА

**„Слово о полку Игореве“ в литературной жизни
начала XIX века**

(Материалы)

1. Г. Р. Державин и „Слово о полку Игореве“

Вскоре после издания „Слова о полку Игореве“, в то время, когда русская историческая и филологическая наука делала только робкие попытки на путях подлинно научного изучения древнейшего памятника русской поэзии, заимствованные из него отдельные понятия, выражения и термины уже успели прочно войти в обиход русской литературной жизни, а образ древнего поэта-певца Бояна, по справедливому выражению Белинского, стал „риторической фразой“ русской поэзии начала XIX века.¹

Образ Бояна в поэзии 1810-х годов находил самое разнообразное применение; нередко с ним сравнивали крупнейших представителей русской поэзии XVIII века — Ломоносова, Хераскова, Державина.

Сравнение Державина с Бояном мы можем найти, например, в напечатанном в 1808 году стихотворении некоего К. З., озаглавленном „Державину, по прочтении его перевода Пиндаровых од“.

О песнопевец! Ты возрождаешь
Гений почивших племен.
Лирой Бояна, песням дорийским
Ново бессмертье даешь.²

В журнале „Русский вестник“ за тот же 1808 год мы находим и другое поэтическое уподобление Державина Бояну, принадлежавшее неизвестному автору, проживавшему в селе Мальковке Саратовской губернии.³

Приблизительно в это же время автор изданного в 1808 году стихотворного переложения „Слова о полку Игореве“ на русский язык Александр Палицын проводил параллель между Державиным и Бояном в следующих стихах:

Летите тщетные из мыслей вон мечтанья,
Восторга моего плоды, воспоминанья

¹ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., под ред. С. А. Венгерова и В. С. Спиридонова, т. XII, М.—Л., 1926, стр. 9.

² Русский вестник, 1808, ч. II, стр. 80.

³ Там же, ч. V, стр. 316—323 (стихотворение „Державин“, подписанное инициалами N. N.).

О детстве и всегда мне милой стороне!
 Не жить мечтательно в той славной стороне,
 Где древле пел Боян, где ныне песни громки
 Державин предаст щастливее в потомки!¹

Сравнение Державина, если и не с Бояном, то с автором „Слова о полку Игореве“, находим мы и у А. С. Шишкова.²

Вряд ли авторы приведенных выше аналогий подразумевали какую-либо общность идей или стиля двух столь отдаленных друг от друга поэтов, вряд ли они стремились уподобить, скажем, гражданский пафос поэзии Державина героическому характеру древнерусской поэзии, хотя некоторые основания для такого рода уподобления несомненно существовали. Скорее всего и авторы из „Русского вестника“, и Александр Палицын, и Шишков стремились подчеркнуть в своих сравнениях огромное значение славы Бояна, с одной стороны, и Державина, с другой, а отнюдь не указать на сходство их поэтических систем.

Как бы то ни было, приведенные выше сравнения ценны для нас главным образом как свидетельство повышенного внимания современников Державина к древнерусской поэзии, ее темам, ее изобразительным средствам.

Количество примеров, свидетельствующих о большом интересе к „Слову о полку Игореве“ среди современников Державина, в том числе и лиц, принадлежавших к близкому окружению знаменитого поэта, можно было бы значительно увеличить. Однако это не входит в нашу задачу, и поэтому мы ограничимся здесь лишь упоминанием двух имен — А. Н. Оленина и В. В. Капниста, имен, с которыми Г. Р. Державин в своей поэтической деятельности был тесно связан на протяжении длительного времени и об интересе которых к древнейшему памятнику русской поэзии уже говорилось в одной из наших статей (в девятом томе „Трудов ОДРЛ“).

„Слово о полку Игореве“ привлекало к себе внимание и самого Державина. В литературе, посвященной древней поэме, уже отмечались несколько кратких высказываний о ней Державина, заключенных в его „Рассуждении о лирической поэзии“ (1811—1816), равно как и вызванные этим „Рассуждением“ замечания о „Слове“ митрополита Евгения Болховитинова.³

Настоящее сообщение ставит перед собой задачу определить отношение Державина к „Слову о полку Игореве“ не только по его высказываниям, но также и на примерах творчества поэта.

Державин познакомился со „Словом о полку Игореве“, вероятно, сразу же после его издания. Не исключена возможность, что оно было известно ему и ранее, в списке или даже в подлинной рукописи, которая, как известно, была в руках Н. М. Карамзина и ряда других знакомых А. И. Мусина-Пушкина. Точная дата ознакомления Державина с древней поэмой нас мало интересует, так как любое решение этого вопроса не меняет того факта, что поэт познакомился со „Словом о полку Игореве“ в период полной своей творческой зрелости, — почти на исходе своей жизни. Само собой разумеется, что эстетические принципы, на которых был воспитан Державин, имели очень мало общего

¹ Вестник Европы, 1809, ч. 47, стр. 200 (стихотворение „Гавриилу Романовичу Державину“).

² Собрание образцовых русских сочинений и переводов в прозе. СПб., 1824, ч. VI, стр. 22.

³ Слово о полку Игореве. Библиографический указатель, под ред. С. К. Шамбинаго. М., 1940, стр. 16, №№ 10, 11 и 12.

с поэтической системой „Слова“. Эстетические нормы древней поэмы находились в резком противоречии как с канонами классицизма, так и со стилем утверждавшегося сентиментализма, и поэтому даже подсказываемые чувством национальной гордости восторги перед автором „Слова о полку Игореве“ и Бояном в литературной среде начал XIX века не всегда сопровождались приятием поэтической системы „Слова“.

Так, например, мы не находим никаких отзвучков „Слова о полку Игореве“ в поэтическом творчестве В. В. Капниста, хотя его восторженное отношение к древней поэме и глубокий научный интерес к ней нам хорошо известны. Подобное безразличное или даже отрицательное отношение к поэтике древнерусской поэмы ясно выражено в двух стихотворениях В. А. Пушкина. В одном из них, в послании к В. А. Жуковскому, полемизируя с поклонниками древнерусского „слога“, В. А. Пушкин писал:

Славянские слова таланта не дают,
И на Парнас они поэта не ведут.
.....
Поэма громкая, в которой плана нет,
Не песнопение, но сущий только бред.
.....
Отечество люблю, язык я русской знаю,
Но Тредьяковского с Расином не равняю,
И Пиндар наших стран тем слогом не писал,
Каким Боян в свой век героев воспевал.¹

К числу строгих ревнителей классицизма вряд ли можно отнести Державина. Поэту выдающемуся и самобытному, Державину в сильной степени было свойственно и чувство жизненной правды, и глубокое для своего времени понимание вопросов народности, проявлявшейся в его творчестве, по определению Белинского, „не в подборе мужицких слов или насильственной подделке под лад песен и сказок, но в сгибе ума русского, в русском образе взгляда на вещи“.²

Этими особенностями Державина-поэта и был обусловлен его разрыв с многими традициями классицизма. Этими же особенностями Державина-поэта были подсказаны как его далеко не случайный интерес к „Слову о полку Игореве“, так и известное приятие им эстетических принципов, лежащих в основе древней поэмы.

Серьезный интерес к русской истории и многовековой героической борьбе русского народа со своими врагами, а также обращения Державина к фольклору — всё это не могло не способствовать возрастанию интереса поэта и к „Слову о полку Игореве“.

Освоение идейного и художественного богатства памятников древнерусской литературы и русского народного творчества было для Державина процессом сложным и противоречивым. „Слово о полку Игореве“ в сознании поэта объединялось не только с произведениями русского былинного эпоса и народными песнями, но даже с такими явлениями, как псевдославянская мифология, скандинавский эпос и поэзия Оссиана.

В своих поэтических произведениях Державин переносит скандинавских скальдов в древний Новгород, он признает существование в древней Руси „рунических письмен“ и, считая псевдославянскую мифологию

¹ „Цветник“, 1810, № 12, стр. 358—359.

² В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., под ред. С. А. Венгерова, т. I, СПб., 1900, стр. 340.

элементом древнерусского народного сознания, смело и порой неосмотрительно вводит ее даже в такие свои произведения, как, например, анакреонтические песни. Примером подобного неразборчивого отношения Державина к поэтическим средствам может служить его „Пролог на рождение на Севере порфирородного отрока“ (1799). Уже один перечень действующих лиц этой „оперы“, объединяющей персонажи как древнерусской, так и псевдославянской и скандинавской мифологии (Зимцерла, Лель, Валка, Дажбог, Ветряны, Земляны, бог Один и северные боги, пирующие в Валкале, кикиморы, русалки и т. д.), красноречиво свидетельствует о том, каким сложным и трудным путем шел Державин в своих попытках художественного воссоздания русского исторического прошлого.

Истинную причину подобного смешения у Державина русской и северной мифологии мы правильно оценим, если учтем условия времени, если вспомним, что и крупнейший для той поры знаток русских древностей Евгений Болховитинов также замечал в былинах Кириши Данилова „порывы северной скандинавской лирической поэзии“¹ и что, скажем, А. Н. Радищев в своих „Песнях, петых на состязаниях в честь древним славянским божествам“ (1801) также весьма некритически пользовался арсеналом псевдославянской мифологии. Отмеченная выше неосмотрительность или „неразборчивость“ Державина была свойственна большинству его современников. Лишь немногие из них, как, например, Н. А. Львов, который, кстати сказать, и в глазах Державина олицетворял собой „дух поэзии русской, древней“,² указывали на полную неуместность „норвежского богословия“ в произведениях Державина на русские темы.³

Условиями времени и связанной с ними ограниченностью исторических и филологических познаний Державина следует объяснить как некритическое отношение его к псевдославянской и скандинавской мифологии, так, в частности, и к фальсификации А. И. Селакадзева, так называемому „Гимну Боянову“. Как известно, написанное в стиле баллады стихотворение „Новгородский волхв Злогор“ (1813) было создано Державиным под сильным воздействием „открытых“ Селакадзевым подложных „нескольких произречений пятого столетия новгородских жрецов“.⁴

В своем восторженном отношении к „Гимну Боянову“ Державин стал жертвой излишней доверчивости и собственной палеографической и филологической неосведомленности, хотя более опытные и проницательные в этом отношении современники Державина, А. Н. Оленин, например, и заверяли его уже тогда в подложности рукописей Селакадзева.⁵

Можно было бы указать и на ряд других заблуждений и ошибок, допущенных Державиным в понимании и определении древнерусской истории и поэзии, в частности, на ошибочные положения в его „Рассуждении о лирической поэзии“. К последним прежде всего следовало бы отнести утверждение о том, что происхождение торжествен-

¹ Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Изд. Акад. Наук, СПб., т. VII, 1872, стр. 617.

² Там же, т. II, 1865, стр. 461 (стихотворение „Память другу“, посвященное Н. А. Львову).

³ Там же, стр. 276.

⁴ См.: Сочинения Державина. . . , т. III, 1866, стр. 181—186, а также: А. Н. Пыпин. Подделки рукописей и народных песен. Памятники древней письменности, ОЛДП, СПб., 1898, вып. 127, стр. 1—22.

⁵ Сочинения Державина. . . , т. VIII, 1880, стр. 903—904.

ной лирической поэзии связано с религиозным культом, утверждение о близости „Слова о полку Игореде“ к поэзии северных скальдов и Оссиану, утверждение о том, что жанры торжественной лирики „площадных или простонародных слов себе не дозволяют, разве в таком роде будут писаны“ и т. д.¹

Важно отметить, однако, не ошибки Державина, которые, как уже сказано, во многом объясняются условиями времени, а сильную сторону в оценке Державиным основных особенностей древнерусской поэзии и в определении той роли, которую эта поэзия наряду с былинным эпосом и фольклором вообще должна была занять в литературной жизни эпохи.

В „Рассуждении о лирической поэзии“ Державин, помимо ошибочного положения о религиозно-культовом происхождении торжественной лирики, высказывает ряд правильных и ценных суждений об огромном общественном значении поэзии у различных народов, начиная с самых ранних ступеней их общественного развития, о появлении поэзии „на стогнах народных“ и „народных собраниях“, а также о переходе ее в „круги семейств“.² Подразумевая „Слово о полку Игореде“, он пишет: „Славянороссийский баян изображает ратное воспитание и ревность свою к службе князя, что на конце копья он взлелеял, доспехами повит и вычерпает шлемом своим быстрые реки. Словом, всякий древний народ, а особливо северные, воспевая свои подвиги и свои упражнения, изъяснялись, относительно чувств своих, в их гимнах и одах своим образом; ставили славу свою в героических своих песнях, гордились ими, и, не имея их, почитали себя несчастливymi“.³

В этом отрывке содержится не только верное указание на героический характер древней поэмы об Игореде походе, но также и указание на ее самобытность (всякий древний народ „изъясняется“ в песнях „своим образом“).

В „Рассуждении о лирической поэзии“ весьма любопытным является также место, в котором Державин затрагивает вопрос о том, какую пользу может извлечь современный ему писатель из народной и древнерусской поэзии, к которой поэт применял неудачное, но широко распространенное в то время название „славянское баснословие“.

„У нас, — пишет Державин, — из славянского баснословия, сказок и песен древних и народных, писанных и собранных господами Поповым, Чулковым, Ключаревым и прочими в так названных книгах: Досугах, славянских сказках и песенниках, много заимствовать можно чудесных происшествий. Сочинитель опер и трагик могут одно и то же содержание обрабатывать, представляя знаменитые действия, запутанные противоборющимися страстями, которые оканчиваются какими-либо поразительными развязками торжественных или плачевных приключений“.⁴

В дальнейшем ходе рассуждения Державин объясняет также и то, почему автор опер в заимствованиях из народного эпоса и фольклора поставлен в более свободное и выгодное положение по сравнению с автором трагедии.

Таким образом, мы можем сказать, что в своем стремлении оживить литературу здоровыми элементами, заимствованными как из древней, так и из современной народной поэзии, Державин обнаружил широту

¹ Сочинения Державина... т. VII, стр. 516—522, 592.

² Там же, стр. 520—521.

³ Там же, стр. 522.

⁴ Там же, стр. 603.

взгляда, не имеющую ничего общего с чопорностью и ограниченностью эстетических взглядов приверженцев классицизма.

Об особом внимании к „Слову о полку Игореве“ и готовности пользоваться им в качестве образца для собственного творчества свидетельствует также и отношение Державина к „Повести о Мстиславе I, великом князе новгородском“ Павла Юрьевича Львова, изданной в 1808 году.

Названная повесть П. Ю. Львова представляла собой попытку создания русской исторической повести, национальной не только по теме, но также по языку и стилю. Автор ее смело и часто обращается к языку и стилю „Слова о полку Игореве“ и былинного эпоса. Несмотря на свой откровенно подражательный характер (на целый ряд заимствований из „Слова“ автор указал в самой книге в специальных примечаниях) и не всегда удачное и органическое соединение элементов, заимствованных из „Слова“ и народной поэзии, повесть Львова в обстановке слепого подражания иностранным образцам была безусловно положительным явлением в литературе.

„Повесть о Мстиславе I“ пользовалась огромным успехом у читателей. З. Доленга-Ходаковский видел в ней правдивое и образцовое воспроизведение событий, нравов и языка Древней Руси.¹ А. С. Строганов устраивал специальные вечера и собрания, на которых происходило чтение повести П. Ю. Львова.² А. С. Строганову принадлежал также и замысел перевода повести на французский язык. Восторгался „Повестью о Мстиславе I“ и Державин. Сам автор повести рассказывал об этом следующее: „Гавриил Романович Державин был крайне доволен сею повестью. Похваляя оную, неоднократно говаривал он сочинителю, что ему хочется переложить ее в стихи, и что он займется сим на просторе, когда будет у себя на Званке (в Новгородской, любимой его деревне, где провождал он летнее время). Но частые болезненные припадки и приметное изнеможение не дозволили ему заняться сим ничтожным делом“.³

Особый интерес Державина к „Повести о Мстиславе I“ свидетельствует о пристальном внимании поэта одновременно и к „Слову о полку Игореве“, и к литературным произведениям современности, создаваемым в стиле древней поэмы.

Несомненный интерес в этом отношении представляет, на наш взгляд, стихотворение Державина „Утро“, написанное в 1800 году и впервые напечатанное в 1802 году. Изобразив в нем картину летающих по воздуху пернатых и насекомых, Державин дополняет ее следующими стихами:

Те в злате, те в серебре, те в розах, те в багрянцах,
Те в светлых заревах, те в желтых, сизых глянцах
Гуляют по цветам вдоль рек и вокруг озер;
Над ними в высоте ширяется орел!⁴

Слово „ширяться“ не зарегистрировано ни в первом (1789), ни во втором (1806—1822) издании „Словаря Академии Российской, по азбучному порядку расположенного“. Не зарегистрировано ни одного случая употребления слова „ширяться“ в литературе и изданиях XVIII века,

¹ См.: Ф. Я. Прийма. Зориан Доленга-Ходаковский и его наблюдения над „Словом о полку Игореве“. Труды ОДРЛ, 1951, т. VIII, стр. 79—81.

² Отечественные записки, 1826, ч. 27, № 77, стр. 428—429.

³ Там же, стр. 429—430.

⁴ Сочинения Державина. . . , т. II, стр. 320.

если не считать только первого издания „Слова о полку Игоре“ Державин употребляет слово „ширяться“ в таком же значении и сочетании, в каком встречается оно в „Слове о полку Игоре“: „Яко сокол на ветрех ширяся“. Поэтому не будет ошибкой заключить, что это слово было заимствовано поэтом непосредственно из древней поэмы, хотя ни содержанием, ни темой стихотворение „Утро“ и не связано с последней.

Любопытно, что в таком же значении и сочетании слово „ширяться“ встречается у Державина еще в двух случаях: в стихотворении „На отправление в армию фельдмаршала гр. Каменского“, написанном в 1806 году, и в стихотворении 1814 года „На отбытие великих князей из Петербурга к армии“.

Взлетел мастистый Орл, — парит,
Ширяется меж звезд крылами,
Свист бурь, блеск молний под когтями;
И змей, во мгле клубясь, шишит.¹

Ужель пришла и вам чреда
Парить, ширяться в поднебесной.²

Заимствованное Державиным из „Слова о полку Игоре“ слово „ширяться“ в значении „парить“ (а если сказать точнее — заимствованный образ парящего орла) получило право гражданства в литературном языке. Мы встречаем его у А. Ф. Мерзлякова: „Ломоносов — орел, ширяющийся в небесах медленно, стройно и важно“,³ у молодого Пушкина („Воспоминания в Царском Селе“: „Вознесся памятник. Ширяся крылами, /Над ним сидит орел младой“), Рылеева („Святослав“: „Он там, где пыл войны кипит, /Орлом ширяясь перед строем“), Гнедича („Илиада“, песнь XII), Некрасова, Фета, Панаева, Короленко, Фофанова и ряда других прозаиков и поэтов XIX века.

Значительное количество вполне нас убеждающих примеров заимствования лексики и стиля „Слова о полку Игоре“ можно найти и в других, прежде всего в драматических, произведениях Державина, так как в них, согласно взглядам поэта, автор мог быть более свободен от соблюдения освященных временем эстетических норм и традиций.

Написанная в 1804 году опера „Добрыня“, названная Державиным „театральным действием с музыкою в пяти действиях“, в этом отношении представляет исключительный интерес. Произведение это, несмотря на ряд присущих ему недостатков, является ярким примером творческого новаторства Державина, поисков им путей к свободному от канонов и условностей классицизма, подлинно народному искусству. В опере „Добрыня“ Державиным был проявлен большой художественный такт и бережливое отношение в использовании русского устного народного творчества. Характерно, что пьеса совершенно свободна от присущих более ранним произведениям Державина элементов скандинавской мифологии и обильно насыщена русскими былинными и сказочными сюжетами, пословицами, поговорками и песнями, из которых некоторые не были ранее известны в печати. Опера „Добрыня“ явилась первой серьезной попыткой создания русской народной оперы.

¹ Сочинения Державина..., т. II, стр. 608.

² Там же, т. III, стр. 190.

³ А. Ф. Мерзляков. Рассуждение о российской словесности в нынешнем ее состоянии. Труды Общества любителей российской словесности при Московском университете, ч. I, 1812, стр. 86.

И. А. Крылов, написавший через два года волшебную оперу „Илья-Богатырь“ (1806), во многом опирался на опыт Державина.

В опере „Добрыня“ Державин дает образцы умелого использования народных обрядовых песен, о чем можно заключить даже по приводимому ниже небольшому отрывку из выступления хора в заключительном, пятом действии (явление XI):

Катилось зерно по бархату,
Еще то ли зерно бурмицкое,
Прикатилось зерно ко яхонту:
Крупен жемчуг, яхонт светится.
Хорош жених со невестою,
Хорош Добрыня со Прелепою.¹

Историческим сюжетом „Добрыни“ и содержащимися в ней мотивами борьбы древней Руси со степными кочевниками определяется известная зависимость оперы Державина также и от „Слова о полку Игореве“. Это можно показать хотя бы на примере двух следующих мест произведения:

Действие 2, явление V. Прелепа (с досадою):

Так что же из того? Я петь ее хотела;
Отчетом никому я в чувствах не должна.
Боянова то песнь, известна всем она.²

Действие 3, явление I. Прелепа:

Какие странные сегодня приключения
Во сне я видела! — Пожрал Добрыню змей!
Безвестный богатырь идет мне в услуженье!
Бояна песнь пропел чипчатский чародей!³

Похищенная у Добрыни Тугарином песнь Бояна, выражающая и символизирующая чувство любви к русскому богатырю княжны Прелепы, занимает видную роль в развитии сюжета оперы.

В словах, произносимых в третьем действии (явление IV) хором богатырей:

Не сизы соколы по поднебесью,
Не белы кречеты под облаки,
Богатыри слетались русские
К великому князю ко Владимиру,⁴

также можно предполагать отражение „Слова о полку Игореве“, проявившееся как в характере самого сравнения, так и в архаической форме творительного падежа слова „облаки“ — форме, не совсем обычной для народной поэзии и встречающейся в „Слове о полку Игореве“ („шизым орлом под облаки“).

В отдельных мотивах оперы Державина (в бегстве Добрыни из плена, в завываниях зловещего филина, в частых повторениях стиха: „И ныне ль в русских духа нету!“), в отдельных ее фразеологических оборотах („Земля пустила стон от топота коней“, „Сорока ж разве здесь в ночи не щекотала?“ и т. д.) также нетрудно заметить влияние языка, стиля и образов древней поэмы об Игорево м походе.

Заметные следы воздействия „Слова о полку Игореве“ можно обнаружить и в трагедии Державина „Евпраксия“ (1808). Первоначаль-

¹ Сочинения Державина... т. II, стр. 127.

² Там же, стр. 72.

³ Там же, стр. 81.

⁴ Там же, стр. 86.

ным источником этой трагедии послужило „Сказание о нашествии Батыя на русскую землю“, с которым Державин мог ознакомиться по „Русскому времянику“ (М., 1790, ч. 1, стр. 93). Однако „Русский времяник“ давал поэту лишь краткую канву событий. Обращение Державина к „Слову о полку Игореве“ в поисках изобразительных средств и сюжетных деталей для написания задуманной трагедии было вполне закономерным, а при естественной для того времени скудости исторических источников и просто неизбежным, тем более что и изображаемой эпохой, и темой, и отдельными сюжетными признаками замысел Державина соприкасался с древней поэмой об Игоре-ревом походе.

Уже в картинах, изображающих нашествие монголов, и в описании битвы в „Евпраксии“ имеется немало общего с соответствующими картинами в „Слове о полку Игореве“, хотя строгий трагедийный стиль произведения Державина заметно ослаблял указанное сходство. Для подтверждения нашей мысли приведем несколько примеров:

Печальный вранов крик, вой томный псов волков
В уныние народ и ужас повергают,
Предчувствия меня несносные терзают.

(Стр. 303).¹

Селенья стали уж и нивы пепелища,
Повсюду трупы, кровь, — зверям и птицам пища.

(Стр. 307).

Как черная гроза, летя с хребта ливанска,
На христианску рать неслась так бусурманска,
Пришла, ударила в передний полк челом;
Треск копий, звук мечей дол повторил и холм;
.....
Ток быстрых потек кровавыя реки.
Как нивы злачные, ссекалися полки!

(Стр. 339).

Вслед столь кровавого звероподобна пиру...

(Стр. 346).

Гораздо большей и уже несомненно генетической близостью к „Слову о полку Игореве“ отличаются те места трагедии „Евпраксия“, в которых изображается разобщенность русских князей, а также речи Юрия и Федора, призывающие страну к единению и сопротивлению захватчикам.

Раздоры пагубны, трясут и твердо царство.
В них пользы черплют лишь хищенья и коварство.
И русская земля не будет ввек сильна,
Доколе бдеть о ней не будет власть одна,
Но власть верховная лишь веры и законов,
А не безумных чьих упрямств и произволов.

(Стр. 306).

О Росс! воспрянь, вспомнь, что был, что ныне ты!
Звук славных дел твоих промчался как мечты;
Союзники тебе глумятся и соседы.
Где древние твои гремящие победы?
.....

¹ Как здесь, так и ниже в скобках указывается страница четвертого тома академического издания сочинений Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота, СПб., 1867.

Встань, Игорь! Ярополк! Олег и Святослав!
 И, души множества в ваш поздний род вдыхав,
 Являйтесь нам в огнях на стогнах средь отчизны,
 И жгите нас, поколь не сгладим укоризны,
 Что стали мы из львов стада днесь робких серн.

(Стр. 328—329).

Не будет ошибкой полагать, что это обращение к первым русским князьям в трагедии Державина восходит к историческим припоминаниям автора „Слова“, итог которых подчеркивается в словах: „О стонати русской земли, помянувшу пръвую годину и пръвых князей“.

„Словом о полку Игореве“, а точнее — „Плачем Ярославны“, вдохновляясь, на наш взгляд, Державин и при создании образа жены рязанского князя Федора Евпраксии, жертвующей собой и младенцем-сыном, чтобы не отдать себя на поругание врагам.

Увы! так нет тебя уже, Феодор мой?
 Любезнейший супруг! Расстался ты со мною;
 Расстался ты навек с твоею Евпраксией,
 И на груди твоей поддержанная выей
 Уж дланей я твоих не буду к персям жать,
 И сладостей любви из уст твоих вкушать!

 Ах не увидишь нас! прости, прости навеки!
 О горестная мысль! стремитесь, слезны реки,
 И можете коль вы проникнуть ону тму,
 Где дух его теперь, — проникните к нему,
 И пламенной струей коснясь его, троните,
 Из крепка, смертна сна вновь к жизни возбудите,
 Да встанет он меня в последний раз обнять,
 Последние мои лобзанья воспрять.
 Но что я говорю? Мечты сии пустыя
 Пойду облобызать вкруг язвы кровавыя
 Я сердца моего, — пойду. . .

.
 Я только лишь пред ним, упади, поклонюся,
 И сердца хладного, остылых уст коснуся;
 Обозрю раны все, слезами умащу,
 Чело мое с его челом я совмещу.

(Стр. 366—367).

Воспитанный на образцах и в традициях классицизма, Державин познакомился со „Словом о полку Игореве“ почти в шестидесятилетнем возрасте. Поэт был далек от правильного понимания как исторических условий, в которых возникло „Слово“, так и его глубокого идейного содержания и художественного своеобразия. При полной почти неизученности древней поэмы, в обстановке господства старых эстетических понятий восприятие художественных особенностей „Слова“ Державиным не имело, да и не могло иметь той естественности и непосредственности, которую обнаружили немного позднее его младшие современники — Катенин, Рылеев, Гнедич, Пушкин. И тем не менее, как художник огромного дарования и глубокого поэтического чутья, Державин сумел увидеть в древней поэме высокохудожественное и правдивое отображение исторического прошлого и сумел правильно оценить ее некоторые характерные особенности. Использование образов „Слова о полку Игореве“ в трагедии „Евпраксия“ свидетельствует о том, что сознанию Державина были доступны и дороги не только отдельные яркие образы поэмы, подобные образу ширяющегося под небесами орла, но также и ее гражданские, патриотические мотивы. Понимавший ограниченность и устарелость эстетического кодекса

классицизма, чувствовавший необходимость обновления искусства новыми элементами, уже на склоне своих лет Державин обнаружил готовность следовать лучшим традициям народного поэтического творчества и тесно связанной с ним гениальной древней поэмы об Игоре в походе.

2. „Отрывок из повести о князе Мстиславе Великом“ и его автор

Анонимный стихотворный „Отрывок из повести о князе Мстиславе Великом, победителе половцев“ был напечатан в 1814 году в пятой книжке журнала „Русский вестник“, основанного и издававшегося С. Н. Глинкой. Это произведение, как уже отмечалось некоторыми исследователями, было одним из первых в русской литературе подражаний „Слову о полку Игоре в“.¹

Отразившиеся в „Отрывке из повести о князе Мстиславе Великом“ приемы использования „Слова о полку Игоре в“ имеют большое сходство с особенностями отражения древней поэмы об Игоре в походе в другом произведении русской литературы начала XIX века, а именно в „Повести о Мстиславе I Володимировиче, славном князе русском“ П. Львова, изданной в 1808 году. Автор анонимного „Отрывка из повести о князе Мстиславе Великом“ подобно тому, как это делал в своей повести П. Львов, широко пользовался приемом буквального заимствования отдельных образов, слов и стилистических формул „Слова о полку Игоре в“.

Князь Мстислав изображался анонимным автором „Отрывка“ как неустрашимый враг половцев — „он гремел мечами острыми об шеломы их железные“; где ни появится храбрый князь со своею дружиною — „там долины все покроются головами бусурманскими“; он „ковал победу“, „стрелою добывал славу“, „он орлом летал и соколом и с размаху опрокидывал кровожадных черных коршунов“. Но вот Киевская Русь лишилась князя Владимира и половцы двинулись на Русь; „возросла беда всеместная“, „пробудилось время тяжкое“, „налетело стадо воронов“ и „ветры вдруг стрелами взвезли“, „дождь кровавый с Дона быстрого полился на землю русскую“, „поднялась беда со всех сторон“, „застанала мать сыра земля“. Молодой князь Мстислав обращается к своей дружине в духе и стиле известной из „Слова о полку Игоре в“ речи князя Игоря:

Сядем, братья и товарищи!
На коней своих с поспешностью
И на пир поскачем к половцам!
.....
Вы под звуком труб родились,
Под шатрами возлеяны
И концом копья воскормлены!

В ответ князю русские воины восклицают:

Всюду, всюду, наше солнышко,
За тобою мы последуем
.....

¹ В. В. Сиповский. Следы влияния „Слова о полку Игоре в“ на русскую повествовательную литературу первой половины XIX столетия. Известия по русскому языку и словесности, т. III, Л., 1930, стр. 250; см. также: О. В. Данилова и др. „Слово о полку Игоре в“. Библиографический указатель. М., 1940, стр. 75.

Станем грудью богатырскою,
И булатными лишь копыями
Одолеем злые полчища.
Молви слово нам, отец родной!
Мы расплещем Волгу быстрою,
Дон шеломами исчерпаем.

Мстислав одержал победу, русским досталась богатая добыча. Жители Киева славят князя и его воинов, возвращающихся с поля битвы.

Там-то Русь неодолимая
Истребила остальных врагов,
Забрала руками полными
Аksamиты с поволоками,
Серебро, камень, золото,
На святой Руси награбленны,
А Мстиславу победителю
Богатырска дань досталась:
Знамя Половцов багряное —
Чолка красная со древкою.
Руской Князь с победой славною
Возвратился во Престольный град
И принес благодарение
Богу, Руских сил поборнику.
Слава Князю православному!
Слава Руским храбрым воинам!

Обильно насыщая свое произведение поэтическими образами „Слова“, автор анонимного „Отрывка“, подобно П. Львову, намеренно воздерживался от использования присутствующих в „Слове“ архаических элементов языка и стиля, столь, казалось бы, необходимых для правдивого отображения исторического прошлого. Тенденция к известной модернизации духа и колорита эпохи проявилась в повестях П. Львова и анонимного автора также и в характере использования народного поэтического творчества. Смутно сознавая родственность „Слова о полку Игореве“ народной поэзии, авторы обильно вводили в свои произведения о далеком прошлом поэтику русской народной песни XIX века, в свойственном представителям сентиментализма особом ее понимании. Так, например, в анонимном „Отрывке из повести о князе Мстиславе Великом“ можно найти такие строки:

Не соловушек на веточке
Песни громкие высвистывал,
Но в долине древней Киевской
Раздавался голос княжеский.

Или:

На зоре румяной, утренней,
Не сокол слетал с тепла гнезда,
И не кречет белый перьями;
Вылетал из леса темного —
Выезжал из града Киева
Из великих золотых ворот,
Храбрый Князь с своими братьями.

Подобное понимание проблемы народности не отвечало ни требованиям исторического правдоподобия, ни требованиям единства стиля.

Идейное богатство „Слова о полку Игореве“ обоими авторами также было усвоено неглубоко. И П. Львову и анонимному автору „Отрывка“ свойственно чувство патриотизма, однако понимание последнего в их произведениях ограничено и связано с идеей верности княжеской власти, а не интересам народных масс.

Если к фактам, изложенным выше, добавить, что „Повесть о Мстиславе I Володимировиче“ П. Львова и анонимный „Отрывок из повести о князе Мстиславе Великом“ — произведения, необыкновенно близкие друг к другу тематически, то зависимость второго из них от первого можно будет считать бесспорной.

Несмотря на стилизаторски-подражательный характер и художественное несовершенство, „Отрывок из повести о князе Мстиславе Великом“, равно как и „Повесть о Мстиславе I Володимировиче“ П. Львова, представляют значительный интерес как для историков русской литературы вообще, так и для исследователей „Слова о полку Игореве“ в частности. В этих произведениях отразился начальный этап борьбы за народность в русской литературе, когда стремление к народности только в редких случаях выходило за границы стилизаторства, усвоения внешних признаков народного поэтического творчества.

В отношении системы версификации „Отрывок из повести о князе Мстиславе Великом“ очень близок к опытам создания русского народного стиха Н. М. Карамзиным („Илья Муромец“, 1794), М. М. Херасковым („Бахариана“, 1803), И. Серяковым (стихотворный перевод „Слова“, 1803), А. Х. Востоковым („Певислав и Зора“, 1804), Н. Язвицким (стихотворное переложение „Слова“ дактиле-хорейческими стихами, 1812), Ив. Левицким (стихотворное переложение „Слова“ „стихами старинной русской меры“, 1813) и другими русскими поэтами начала XIX века.

Вместе с названными выше произведениями „Отрывок из повести о князе Мстиславе“ анонимного автора сыграл свою скромную роль как в формировании исторических жанров в русской литературе вообще, так и в формировании жанра поэмы на историческую тему в особенности. Поэтому вполне законна постановка вопроса — кто же был его автором?

Отправной пункт для поисков в этом направлении мы находим в упомянутой выше пятой книжке „Русского вестника“ за 1814 год, где интересующий нас „Отрывок“ был впервые напечатан. Эта публикация имеет не безынтересный для нас подзаголовок: „Посвящается храбрым русским воинам (из Тамбова)“. Обращает на себя внимание и обозначение места написания „Отрывка“: „Село Знаменское“. Характерно, что точно такую же пометку мы находим и в другом, уже не анонимном стихотворном произведении на историческую тему, напечатанном в № 6 „Русского вестника“ за 1813 год (стр. 3—15) под названием: „Князь Феодор Рязанский и князь Юрий Муромский. Посв. праху М. М. Философова“. Под стихотворением обозначены время и место написания (1813 год, Село Знаменское) и подпись: „кн. Ник. Кугушев“. То обстоятельство, что Н. Кугушев, так же как и интересующий нас аноним, проживал в селе Знаменском и писал поэтические произведения на темы из русской истории, печатая их при этом в „Русском вестнике“, дает нам основание предполагать в Н. Кугушеве также и вероятного автора „Отрывка из повести о князе Мстиславе“, хотя и не делает еще это предположение доказанным. В пользу правильности высказанного предположения говорят, однако, и другие факты, в частности стихотворение, напечатанное в № 8 „Русского вестника“ за 1813 год: „Жертва храбрым россиянам, приносимая от соотечественника их, некогда служившего на поле брани (из Тамбова)“. Под стихотворением подпись: „Инвалид. Тмб-в“. Обозначение места (из Тамбова), обращение к „храбрым россиянам“,

а также образы „Слова о полку Игореве“, встречающиеся в этом стихотворении („Поля усеяны костями“ и т. д.), дают основание считать, что автор его, как и автор „Отрывка из повести о князе Мстиславе“ (подзаголовок: „Посвящается храбрым русским воинам“, „из Тамбова“), — одно и то же лицо. Между тем, автор стихотворения „Жертва храбрым россиянам“ — Н. Кугушев, так как именно за его подписью это стихотворение было напечатано повторно в книге, изданной в 1814 году в Москве под названием „Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812-му году“ (ч. 1, стр. 197—204).

Таким образом, можно считать достоверно установленным, что подобно интересующему нас анониму, Н. Кугушев не только печатался в „Русском вестнике“ и создавал стихотворные произведения в духе „Слова о полку Игореве“, но и ставил под своими произведениями такие пометки: „из Тамбова“ и „Село Знаменское“. Всё это делает высказанное выше предположение необычайно правдоподобным.

Окончательно убеждает нас в правильности предположения о том, что искомым аноним — Н. Кугушев, библиографическое пособие Г. Геннади: „Справочный словарь о русских писателях и ученых и список русских книг с 1725 по 1825 год“ (Берлин, 1880). Во втором томе этого пособия (стр. 194) Н. Кугушев назван автором анонимно изданной в 1814 году в Москве книги стихотворений „Праздное время Инвалида“. Никаких сомнений в том, что автор этой книги раскрыт Г. Геннади правильно, возникнуть не может, хотя бы потому, что в этот сборник вошло несколько стихотворений, печатавшихся ранее в различных периодических изданиях за подписью Н. Кугушева, в том числе и упоминавшееся выше, напечатанное в 1813 году в № 6 „Русского вестника“ за подписью Н. Кугушева стихотворение „Князь Феодор Рязанский и князь Юрий Муромский“. В сборнике стихотворений „Праздное время Инвалида“, несомненным автором которого является Н. Кугушев, напечатан (стр. 86—94) также и интересующий нас „Отрывок из повести о князе Мстиславе Великом“. Следует сказать, что в сборнике текст интересующего нас „Отрывка“ несколько отличается от его журнального текста.

Нам не удалось разыскать сколько-нибудь значительных биографических данных о Н. Кугушеве. Даже даты его рождения и смерти продолжают оставаться неизвестными. Тем не менее следует признать, что в начале XIX века Н. Кугушев принадлежал к числу видных и регулярно печатавшихся авторов.¹ Знакомство с произведениями Н. Кугушева убеждает нас в том, что он принадлежал к писателям карамзинистского направления.

Уже в изданной в 1808 году большой по объему поэме „Грановитая палата“, содержанием которой является поэтическое воспроизведение событий русской истории, Н. Кугушев, равняясь на модное для того времени, так называемое русское народное дактиле-хореическое стихосложение, создает для себя образцы стиха, которыми он воспользуется и при работе над „Отрывком из повести о князе Мстиславе“. Для

¹ Н. Кугушевым были изданы следующие книги: „Любовная шутка. Комедия“ (Смоленск, 1800); „Соболя шуба. Или: Спорь до слез, а об заклад не бейся“ (М., 1803); „Мой курс в Липедке“ (М., 1804); „Грановитая палата“ (М., 1808; рассказы из русской истории в четырех книгах); „Праздное время Инвалида“ (М., 1814). Кроме того Н. Кугушев печатался в „Иппокрене“ (1801), „Новостях русской литературы“ (1802), „Вестнике Европы“ (1803, № 6), „Русском вестнике“ (1813—1814), „Памятнике отечественных муз на 1828 г.“ и в других периодических изданиях.

примера приведем здесь небольшой стрывок из „Грановитой палаты“, в котором изображается князь Мстислав Удалой:

Между тем, как бури грозные
Утихали в русских областях
На полудни и на севере,
В это время безмятежное
Области Тмутараканские —
Под владением Мстиславовым —
Не могли своим спокойствием
Похвалиться пред соседями.
Там народ свирепый, варварский,
Именуемый К а с о г а м и
Беспокоил их набегами.

Но Мстислав с своими войсками
Усмирить хотел неистовых.
Оба войска скоро встретились
И готовились к сражению.
Предводитель их — Р е д е г а князь,
Не желал кровопролития,
Но послал гонца в Российский стан
С следующим предложением.

И — Р е д е г а пал у ног его!¹

Работа Н. Кугушева над большим произведением из русской истории велась под несомненным воздействием „Слова“. В „Грановитой палате“ можно найти ряд мест, чрезвычайно близких к „Отрывку из повести о князе Мстиславе“, как по содержанию, так и по исполнению.²

Несмотря на небольшое поэтическое дарование, Н. Кугушев оказал всё же некоторое воздействие на современную ему литературу. Многие из затронутых Н. Кугушевым тем и исторических образов (Мстислав Удалой, Василько Теребовльский, междоусобицы удельных князей, войны с половцами, Дмитрий Донской и др.) занимали видное место и в творчестве последующих писателей, особенно в творчестве поэтов-декабристов. Не лишне при этом будет вспомнить, что впервые в литературе (если не считать „Слова“) изображенный Н. Кугушевым поединок князя Мстислава с косожским князем Редедей впоследствии привлек к себе внимание К. Ф. Рыльева (дума „Мстислав Удалый“) и что желание воспеть „Мстислава древний поединок“ высказывал в „Кавказском пленнике“ Пушкин.

Известный интерес представляют исторические поэмы Н. Кугушева и для исследователей „Слова о полку Игореве“. Конечно, не случаен тот факт, что в обстановке Отечественной войны 1812 года у писателя возник интерес к древней русской поэме, как совсем неслучайным было и то, что написанная в духе „Слова“ поэма о далеком историческом прошлом посвящалась „храбрым русским воинам“. Исторические поэмы Н. Кугушева дают в руки исследователя ценный материал для уяснения вопроса о степени известности древней поэмы об Игоревом походе в самом начале XIX века в литературных кругах, а также о степени, формах и характере воздействия ее на русскую литературу.

¹ Н. Кугушев. Грановитая палата. М., 1808, кн. I, стр. 113.

² Там же, кн. III, стр. 82 сл.

А. В. ПОЗДНЕЕВ

**Экземпляры первого издания „Слова о полку Игореве“
в некоторых московских государственных книгохранилищах
и частных собраниях**

(Библиографическая заметка)

Государственная Библиотека СССР имени В. И. Ленина

В Музее книги ГБЛ имеется восемь экземпляров издания 1800 года „Слова о полку Игореве“.

1. Экземпляр графа Н. П. Румянцева. Книга несколько уменьшенного формата, на хорошей толстой бумаге, в переплете второй половины XIX—начала XX в. На заглавном листе — круглая печать: „Bibl. sanc. imp. com. Nic. de Romanzoff“. Концовка — корзина цветов с гирляндой. Такая концовка встречается в некоторых экземплярах издания 1800 г.

2. Экземпляр В. А. Харитоненко. Эклибрис: „Библиотека Веры Андреевны Харитоненко“. В особом переплете синего и зеленого цветов с разводами. Концовка на последней странице — корзина цветов с гирляндой. Отсутствует последний лист с указанием „погрешностей“ (опечаток).

3. Экземпляр А. М. Кубарева. На заглавном листе сохранилась часть надписи предыдущего владельца: „Из книг Андрея фон“ (остальное срезано) и штамп: „Библ. А. М. Кубарева“. Переплет песочного цвета. Концовка та же, что в предшествующих экземплярах. На обороте чистого листа перед заглавным — пометка: „Жалощами, как radoщами“. На стр. 1 запись с упоминанием того „Андрея фон...“, которому, как видно из пометы на заглавном листе, книга принадлежала до Кубарева: „Сия книга рассматриваема была в Словенском классе г-н профессора Гаврилова. 1816—1818 год. Студентом Андреем фон Валь...“ (конец срезан). М. Г. Гаврилов — ординарный профессор славянских языков и словесности Московского университета с 1811 года.

А. М. Кубарев, владевший книгой после „студента Андрея фон Валь...“ — профессор Московского университета по Кафедре классических литератур, автор исследований по вопросам древнерусской истории и литературы (о Несторе-летописце, о Киево-Печерском патерике и др.).

На полях стр. 1—18 имеется ряд заметок, видимо, сделанных рукой А. М. Кубарева; часть их срезана при переплете. Иногда эти заметки дают литературные параллели к „Слову“ (например, на стр. 1 в объяс-

нение формы „помняшеть“ дана цитата из послания апостола Павла к коринфянам, по киевскому изданию 1782 года и московскому 1778 года), иногда приводится перевод древнерусских слов („борзый“ — „быстрый“, „потяту“ — „убить“, „стоять стязи“ — „развешаются знамена“ и т. д.).

4. Экземпляр А. С. Норова. На бумаге с золотым обрезом экслибрис: „Ex bibliot. Abraham Noroff“. Переплет картонный, зеленый. На листе перед заглавным запись: „Première édition rare et recherchée depuis que l'unique manuscrit, sur le quelle cet ouvrage a été imprimé, a péri lors de l'incendie de Moscou en 1812“. Концовка — лира с веткой.

А. С. Норов — президент Археографической комиссии, член Академии Наук. Норов был известен как библиофил. Одно свое книжное собрание он продал кн. Н. И. Трубецкому, другое — Московскому музею. В состав последнего собрания входил и данный экземпляр „Слова“.

5. Экземпляр графа С. Д. Шереметева. Книга в коричневом старом хорошем переплете, на плотной толстой бумаге. Имеется два экслибриса: первый, рисованный Е. Бем, — „Из книг графа С. Д. Шереметева, № 3788, шк. XVIII, п. 5/31“, второй с гербом Шереметевых — „Из книг графа С. Д. Шереметева. Deus conservat omnia. Шкаф 18, полка 5, № 31“. Концовка — лира с веткой.

6. Экземпляр А. Ф. Малиновского (?). Переплет картонный, серый. Концовка книги — лира с веткой. На ряде страниц в русском переводе отдельные имена и отдельные места подчеркнуты или на полях сделаны записи с изменениями и исправлениями перевода древнерусского текста „Слова“. О характере этих исправлений можно судить по следующим примерам:

Было	Исправлено
Стр. 1, строка 1 (св.): приятно нам	не прилично ль
Стр. 1, строка 4 (св.): начать же сию песнь	начинается же сия песнь
Стр. 8 строка 1 (св.): грозная восставшая	ночь грозою сгонущая
Стр. 9, строка 1 (св.): ночью буря	
Стр. 11, строка 10 (св.): дремлет	покоится
Стр. 13, строка 9 (св.): на стороже	на отпоре

Рядом с исправлениями перевода стилистического характера интересно отметить изменения, которые уточняют текст:

Стр. 9, строка 7 (св.): по морю	по приморским местам
Стр. 10, строка 8 (св.): говор галок начинается	говор галок прекращается
Стр. 13, строка 12 (св.): булатные	вороненые

Несколько поправок имеется и к тексту вводной статьи. Внимания заслуживает поправка на стр VII, 2-я строка сверху, где вместо стоявшего ранее „издателю сего“ намечено поставить: „тщательному собирателю отечественных древностей“ и далее: „издатели его старались довести“. Это позволяет поставить вопрос о принадлежности этого экземпляра первого издания „Слова“ кому-либо из редакторов последнего, по всей вероятности — Малиновскому (умершему в 1839 году), возвращавшемуся к работе над „Словом“ и после выхода первого издания.

7. Экземпляр б. Генерального штаба. На хорошей толстой бумаге с золотым обрезом, в старом хорошем коричневом переплете. Экслибрис: „Библиотека Генерального штаба“. Концовка — корзинка цветов с гирляндой.

8. Экземпляр Общества истории и древностей российских. Книга на хорошей бумаге, в изысканном переплете первой половины XIX в., с экслибрисом: „Императорского общества истории и древностей российских“. В этом экземпляре нет листа с „погрешностями“, а список „погрешностей“ написан от руки на последнем листе перед переплетом. Концовка — корзина цветов с гирляндой. На переплете внутри надпись: „На стр. 15 есть сноска, что заимствовано из родословной г. Стриттера. Хавский, 1 дек. 1851 г., а на стр. 16: означено мнение, к которому [из] лиц отнестъ действие из пяти Святославов? Этот вопрос до ныне с 1800 г. не решен“. Некоторые места в тексте подчеркнуты.

Государственный Исторический музей

В Отделе рукописей ГИМ хранятся два экземпляра „Слова“ в издании 1800 г.

1. Экземпляр М. Н. Сперанского. Книга в черном переплете. На обороте переплета запись рукой ученого хранителя Отдела рукописей М. В. Щепкиной: „Экземпляр М. Н. Сперанского. Дар“. Концовка — лира с веткой. По сообщению М. В. Щепкиной, этот экземпляр был воспроизведен в издании: „Слово о полку Игореве. Снимок с первого издания 1800 г. гр. А. И. Мусина-Пушкина, под ред. А. Ф. Малиновского. С приложением статьи проф. М. Н. Сперанского и факсимиле рукописи А. Ф. Малиновского“ (М., изд. М. и С. Сабашниковых, 1920).

2. Экземпляр В. И. и М. В. Праховых. Книга напечатана на хорошей бумаге, поступила в ГИМ „от Московского литературно-художественного кружка на хранение 19. II—1921 г.“ (запись на бумажной обертке книги в старинном светлокоричневом переплете). Концовка — корзина цветов с гирляндой. При переплете между листами книги вплетены чистые листы, заполненные заметками. На вкладном листе между листами 2 и 3 книги заглавие: „Последние замечания на «Слово о полку Игореве»“.¹

В. И. Прахов — педагог, работал до 1850 г. в г. Мстиславле, после 1850 г. жил в С.-Петербурге.

М. В. Прахов — старший сын В. И. Прахова, приват-доцент Юрьевского университета, где он читал лекции о „Слове“. Ему принадлежат заметки на листках, вложенных в конверт, и замечания о языке „Слова“.

Московский Государственный ордена Ленина университет им. М. В. Ломоносова

В Отделе рукописей и редких книг Библиотеки им. М. Горького Московского Государственного университета хранятся три экземпляра первого издания „Слова о полку Игореве“.

1. Экземпляр под шифром 1R01. Книга в переплете второй половины XIX в. Надпись на переплете: „в редких“. Концовка — лира веткой.

¹ Этому экземпляру посвящена статья С. К. Шамбинаго, напечатанная в „Известиях Московского литературно-художественного кружка“ (вып. 3, 1914, стр. 26—36), где приводится план исследования „Слова“ М. В. Прахова, текст письма И. Срезневского к нему от 1 X 1864 и другие заметки М. В. Прахова. Его рукопись с исследованием „Слова“ хранится в Библиотеке АН СССР, в собрании Срезневского.

2. Экземпляр с шифром 1R01 дубл. Книга без переплета, в обложке начала XIX в. На обороте обложки надпись: „редчайшая“. Концовка — лира с веткой.

3. Экземпляр К. В. Базилевича. Книга в старом переплете, без шифра. Экземпляр был приобретен в одном из магазинов Москвы. В нем отсутствуют листы с поколенной росписью князей и с опечатками. Концовка — корзина цветов с гирляндой.

Государственный Литературный музей

В библиотеке ГЛМ хранятся два экземпляра первого издания „Слова о полку Игоре“.

1. Экземпляр Демьяна Бедного. Книга в довольно старом переплете. Эклибрис: „Антиквариат П. Губар, У. Волков“. В конце надпись: „ВЛР 12—VIII—26“. Концовка — лира с веткой. В библиотеку ГЛМ поступил в 1938 г. в составе всей библиотеки Демьяна Бедного.

2. Экземпляр Н. А. Дылевской. Книга напечатана на великолепной толстой бумаге, в старом хорошем переплете, имеет роскошный вид. Лист с поколенной росписью князей вклеен в начале книги. Концовка — корзина цветов с гирляндой. На обороте первого листа надпись: „Соп. 8721 (Бит., 2613), Бет. Т. 1—II—40“. Этот экземпляр, по сообщению С. И. Клепикова, ранее принадлежал литературоведу А. А. Дылевской, родственнице Сабашниковых. Литературным музеем был приобретен в 1938 г. от бывшей сотрудницы музея Н. А. Дылевской.

Частные собрания

1. Экземпляр Ив. М. Кудрявцева (артист МХАТ). Книга в старом переплете начала XIX в.; отсутствуют листы с поколенной росписью князей и с „погрешностями“. Концовка — корзина цветов с гирляндой. На полях книги есть замечания, сделанные прежними ее владельцами, а также настоящим ее владельцем (карандашом, очень бледно). На первом листе перед заглавным надписи: рукой первого владельца — „Ивана Бельского“ (не того ли купца Бельского, в „рукописи“ которого — по сведениям Сахарова — были былины и сказки?) и другим почерком: „О сей песне в Трудах Общества истории и древностей рос., печ. в Москве с записками и трудами того общества, 1824, на стр. 35 и далее после 112. Любопытно. 21 марта 1830 г. Гр. Л.“. Эти инициалы расшифровываются как Григорий Лисенко (петербургский книготорговец и библиофил.).

2. Экземпляр И. И. Пулькина (библиограф МИФЛИ). Книга в синей обложке, несколько растрепанная. На заглавном листе штамп: „Из книг К. М. Воробьева, № 7179“. Концовка — корзина цветов с гирляндой. Лист с поколенной росписью князей помещен после вводной статьи — перед текстом „Слова“.

3. Экземпляр Н. П. Смирнова-Сокольского (заслуженный артист РСФСР). Книга в синей обложке, современной изданию, с экслибрисом: „Лейпциг, 1914, май—октябрь. Международная выставка печатного дела и графики“. Впереди, внутри обложки надпись: „Издание сгорело в 1812 г. Большая редкость“. На заглавном листе сверху была надпись старого владельца, сейчас слабо заметная: „А. В. М... в“. Родословная князей помещена не в конце, а после вводной статьи. Концовка — лира с веткой. Этот экземпляр был приобретен его

нынешним владельцем в букинистическом магазине „Международная книга“ в Москве в 1933 г.

4. Экземпляр Н. А. Старицина (старший библиотекарь Библиотеки им. В. И. Ленина). Книга в бумажной обложке коричневого цвета с разводами. В конце отсутствует лист с „погрешностями“. Концовка — лира с веткой. Куплен в 1946 г. в одном из букинистических магазинов Москвы. В книге нет никаких надписей и заметок. Обложка новая, сделана одним из предыдущих владельцев: следы старой, из синей бумаги, сохранились на нижней корке переплета.

5. Экземпляр Л. С. Павлушкова (инженер-механик). Книга в переплете второй половины XIX в., уменьшенного формата. Концовка — лира с веткой. В экземпляре отсутствует лист с „погрешностями“. Ранее принадлежал Александру Афанасьеву (его подпись на заглавном листе) — собирателю „Русских народных сказок“, потом — библиотеке Петербургского Петровского училища Купеческого общества (эксlibрис с № 6671). Нынешним владельцем получен от ленинградского коллекционера инженера С. Н. Быстрова.

6. Экземпляр М. Н. Тихомирова (академик). Книга прекрасной сохранности в картонном переплете XIX в., уменьшенного формата. Концовка — лира с веткой. В одном переплете с изданием „Слова“ Якова Пожарского (СПб., 1819). Книга принадлежала одному из переводчиков и издателей „Слова“, возможно Д. Дубенскому.

Е. В. БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ

Экземпляры первого издания „Слова о полку Игореве“ в Государственной Публичной исторической библиотеке

Как известно, тираж первого издания „Слова о полку Игореве“ (М., 1800) почти весь погиб во время московского пожара 1812 года. Тогда же погибла и самая рукопись. Поэтому небезынтересно проследить судьбу немногих уцелевших экземпляров первого издания.

В литературе имеется указание на особенности одного из экземпляров Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.¹ Этот экземпляр считается первым вариантом издания; в нем сохранился в первоначальном виде листок со страницами 15—16, затем вырезанными и замененными другими, с исправленным текстом. Все пять экземпляров Государственной Публичной исторической библиотеки имеют эти вклеенные страницы, причем в четырех они отличаются от остальных сероватым цветом бумаги, и только в экземпляре с дарственной надписью графа А. И. Мусина-Пушкина вклеенный листок напечатан на такой же белой бумаге, как и вся книга. Очевидно, для издателя готовились особые экземпляры.

На обороте титульного листа этой книги надпись: „Его высокопреосвященству Гавриилу Митрополиту великого Новаграда, милостивому моему отцу и благодетелю, во свидетельство искренней преданности. Издатель“. Надпись может быть точно датирована 1800 годом, так как адресат ее 19 декабря 1800 года был уволен на покой, следовательно, перестал быть „Новгородским“, и умер 26 января 1801 года. Подарок был не случайным. Активный член Российской Академии, Гавриил, в миру П. П. Петров-Шапошников, был ценителем отечественной старины, собиравшим со всей Новгородской епархии древние рукописи и книги для лучшего их хранения в Софийском соборе.

На этом же экземпляре, на переплете середины XIX века, имеется надпись О. М. Бодянского, одного из первых русских славистов, профессора Московского университета до 1868 года, собравшего обширную библиотеку: „О. Бодянского. От И.(?) Соловьева. 20/IX—69 г. Москва“.

От Бодянского книга перешла к Рогожиным: Николаю Павловичу, московскому купцу-библиофилу, и его сыну, Владимиру Николаевичу, библиографу, библиотекарю Московского археологического общества. Печатная наклейка Рогожиных носит номер „630“. По завещанию Рогожиных их библиотека с большим количеством редких изданий прекрасной

¹ Н. Н. Зарубин. К вопросу о первом издании (1800 г.) „Слова о полку Игореве“. Сборник статей к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова, Л., 1934, стр. 523—527.

сохранности, включавшая части библиотек библиографов И. М. Остроглазова и П. А. Ефремова, перешла в 1910 году в библиотеку Исторического музея, книжные фонды которой легли в основу ныне существующей Государственной Публичной исторической библиотеки.

На втором экземпляре имеется автограф А. Ф. Малиновского: „Ея сиятельству милостивой государыне княгине Екатерине Романовне Дашковой всеусерднейшее приношение от трудившагося в объяснении и переводе сего древняго отечественного умопроизведения“.

Экземпляр отличается особой нарядностью: золотыми обрезами и кожаным переплетом с золотым тиснением на крышках и корешке. В библиотеку Исторического музея он поступил в 1888 году, в составе завещанных музею книг П. В. Шапова.

К третьему экземпляру добавлено „Слово о полку Игореве“ в переводе Я. Пожарского (СПб., 1819). На переплете первой четверти XIX века наклейка-эксlibрис П. М. Строева. Этот том, вместе с значительной частью остальной библиотеки Строева, был куплен в 1860 году фельдмаршалом А. И. Бярятинским, потом вместе со всей его библиотекой поступил в Исторический музей.

Четвертый экземпляр — из библиотеки А. Д. Черткова, археолога, нумизмата и библиографа. Библиотека Черткова к концу его жизни насчитывала 17300 томов.¹ Сын А. Д. Черткова, Григорий Александрович (по матери родной племянник декабриста графа З. Г. Чернышева), в 1870 году пожертвовал библиотеку городу Москве. В 1873 году Московская городская дума постановила передать библиотеку Историческому музею (за 10 лет до его фактического открытия).

В пятом экземпляре, на последней странице надпись: „Александра Уварова. Цена...“ (цифра стерта). В библиотеку Исторического музея книга попала в 1909 году в числе книг библиотеки историка И. Е. Забелина, завещавшего свое собрание музею.

¹ А. Д. Чертков составил и напечатал описание своей библиотеки: „Всеобщая библиотека России или каталог книг для изучения нашего отечества во всех отношениях и подробностях“ (М., 1838; в 1845 году вышло добавление к этому каталогу).

С. И. МАСЛОВ

Киевские экземпляры „Слова о полку Игореве“ в издании А. И. Мусина-Пушкина

Задавшись целью привести в известность все хранящиеся в Киеве экземпляры „Слова о полку Игореве“ в издании 1800 года, мы обследовали книжные собрания Государственной Публичной библиотеки Академии Наук УССР (ГПБ УССР), библиотеки Киевского Государственного исторического музея, Государственной Исторической библиотеки, библиотеки Киевского Государственного университета им. Т. Г. Шевченко и Киевского педагогического института им. М. Горького; обращались также и в некоторые частные собрания. Из всех этих собраний издание 1800 года оказалось только в Отделе старопечатных книг Государственной Публичной библиотеки АН УССР. Здесь издание это представлено тремя экземплярами. Описанию их мы и посвящаем настоящую статью.

Н. Н. Зарубин в 1934 году установил два типа экземпляров „Ироической песни“, т. е. „Слова о полку Игореве“ в издании 1800 года. Первый тип представлен экземпляром, принадлежавшим в свое время А. Ф. Бычкову и хранящимся сейчас в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина под шифром АФБ-4474. В экземпляре Бычкова примечание *ф* на стр. 15—16 напечатано с ошибкой, которая и оговорена в конце книги, в отделе „Погрешности“. Этот тип Н. Н. Зарубин предлагает считать первоначальным видом издания „Ироической песни“. В другом типе, представленном обычно встречающимися экземплярами, текст страниц 15—16 набран вновь и напечатан на вклеенном листке, часто на бумаге иного цвета. Ошибка в примечании *ф* в экземплярах этого типа исправлена; на обоих перепечатанных страницах наблюдаются также некоторые изменения в пунктуации, орфографии и размещении строк текста.¹

Все три экземпляра „Ироической песни“ 1800 года, хранящиеся в Государственной Публичной библиотеке Академии Наук УССР, относятся ко второму типу мусинпушкинского издания „Слова“.

Первый, принадлежащий ГПБ УССР экземпляр „Слова“ 1800 года входит в состав сборника печатных брошюр под шифром Гр. 1570. В первой половине XIX века сборник этот принадлежал киевскому митрополиту Евгению Болховитинову.

¹ Н. Н. Зарубин. К вопросу о первом издании „Слова о полку Игореве“. Сборник статей к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова, Л., 1934, стр. 523—527.

Мусинпушкинское издание „Слова“ занимает в сборнике первое место. Экземпляр снабжен обычным титулом: „Ироическая песнь о походе на половцов удельного князя Новагорода-Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия с переложением на употребляемое ныне наречие. Москва. В Сенатской типографии, 1800“. Формат брошюры — 4^о; в обрезанном при переплете виде — 23×19 см. Состав: VIII+46 стр.+ „Поколенная роспись“ на большом листе; вставка со списком опечаток („Погрешности“) в этом экземпляре нет. Вставной лист, с перепечатанным текстом стр. 15—16, — синеватого цвета. Концовка на стр. 46 — лира с лежащей на ней ветвью.

Любопытную особенность данного экземпляра составляют собственно-ручные приписки митрополита Евгения на заглавном листе и на полях отдельных страниц.

На заглавном листе, вверху, рукой Евгения сделана следующая приписка: „Мусина-Пушкина и Пожарского“; внизу, после фразы „с переложением на употребляемое ныне наречие“, добавлено: „Издано графом Алексеем Ивановичем Мусин-Пушкиным“. В скобках приписано другим почерком: „Писал митр. Евгений“.

Во вступительной статье под заглавием „Историческое содержание песни“, на стр. VII, после указания, что подлинная рукопись „Слова“ принадлежит А. И. Мусину-Пушкину, митр. Евгений добавляет: „Он купил ее в числе многих старых книг и бумаг у Ивана Глазунова, все за 500 р., а Глазунов после какого-то старичка за 200 р.“¹

На стр. 2, при упоминании о Бояне, митр. Евгений замечает: „О Баяне, князе аварском, брате болгарского князя, см. Stritteri «Memoriae populor», т. II, р. 526 и 527, а на русск. — «Известия визант. писателей», ч. 1, стр. 45 и 47. А о боянах у татар см. «Летописец русской» Львова, изд. в СПб., 1792, ч. III, стр. 434 и ч. V, стр. 153 и 185. Есть река Бояна, впадающая в озеро Скутари в Черногории“.

На стр. 6, в конце примечания з, о Трояне, добавлено: „См. «Истор. России» Карамзина, ч. 1, стр. 290“. К словам „вечи Трояни“ на полях поправка — „сечи“.

На стр. 7, при пояснении примечания i, что „буй значит дикий, а тур [обозначает] вола“, замечено: „а на скифском языке thur значит князь, король. См. Далина «Шведск. истор.», ч. 1, стр. 39“.

На стр. 8 к фразе „а мои ти куряни сведоми к мети“ митр. Евгений приписывает: „Kmet и ныне на польском и богемском значит слуга“, а строки „конецъ копия вскормлени“ дополняет такими справками: „О кормлении концем меча новорожденных младенцев см. Далина «Шведск. ист.», ч. 1, кн. 1, стр. 331. То же было и у татар, как пишет Beauplan dans la description de l'Ukraine, р. 40—45, ed. Rouen, 1660, in 8^о“.

На стр. 9, против слов „Половцы бегут неготовыми дорогами к Дону великому; скрывают возы в полуночи, как лебеди скликаеся“, митр. Евгений замечает: „О скифах Овидий говорит: gens inculta nimis vehitur crepitante colasso (коляска)“.

Слово „кикахуть“ на стр. 17 поясняется как „хохотали“.

На стр. 29, к примечанию з, поясняющему слово „шерешеры“ — „неизвестный уже ныне воинский снаряд; может быть, род пращи, которою камня метали, или какое-либо огнестрельное орудие“, — митр. Евгений приписывает: „Не то ли, что у Далина «Шведск. ист.», ч. 1, стр. 666?“.

¹ Об этой приписке см. статью Л. Махновца „Як було відкрито „Слово о полку горевім“ в газете „Вечірній Київ“, 27 січня 1953 р., № 22/510.

Примечание *п* на стр. 35: „По смыслу речи стрикус не иное что как стенобитное орудие, или род тарана, при осаде городских ворот употребляемого“, — дополняется догадкой: „Не то ли, что охранные крыши у Далины «Шведск. ист.», ч. 1, стр. 666?»“.

На стр. 36 фраза „великому хорсови волком путь прерыскаше“ издателю 1800 года казалась „невразумительною“ (см. примечание *с*) и в переводе на позднейший русский язык отражения не нашла. Митр. Евгений истолковывает эту фразу так: „К великому Хорсу волком путь перебегал“.

«Ряд возражений со стороны митр. Евгения вызвало помещенное на стр. 45 примечание *ц*, излагающее историю образа богородицы Пирогощей. Образ этот отождествляется в примечании с образом Владимирской богородицы, находящимся ныне в Успенском соборе в Москве. „Его в древности, — продолжает комментатор 1800 года, — Богородицею Пирогощею называли потому, что из Царьграда привезен был в Киев гостем, прозывавшимся Пирогощею. Великий князь Андрей Юрьевич Боголюбский в 1160 году взял сию святую икону от отца своего великого князя Юрья Владимировича и перенес оную в ново-построенный тогда на Клязме город Владимир; в Москву же она принесена в 1395 году, и с тех пор уже именуется Владимирскою“. По поводу этого примечания митр. Евгений пишет: „Но в Кенигсбергском списке под 1154 годом в рукописном дополнении говорится совсем противное тому, а именно: «Том же лете иде Андрей от отца своего к Суждалю и принесе, идя, икону святое Богородицы, юже принесоша в едином корабли с Пироговищею изо Царьграда, и вковах в ю боле 30 гривен золота, кроме сребра и дорогого камня и женчуга, украсив ю и постави ю в церкви своей в Володимеру». Из сего видно, что сия икона была не Пирогощею, но только вместе привезенной с Пирогощею. Притом, каким образом мог ее поставить князь Андрей Боголюбский во Владимире 1154 года, когда она стояла в Киеве еще при Игоре Святославиче 1186 года?»“.

Кроме мусинпушкинского издания „Слова о полку Игоре“ в сборник ГПБ УССР под шифром Гр. 1570 входит еще „Слово“ в обработке Я. Пожарского: „Слово о полку Игоря Святославича, удельного князя Новгорода-Северского, вновь переложенное Яковом Пожарским, с присовокуплением примечаний. Санктпетербург. В типографии департамента народного просвещения. 1819“. Формат — 4°; состав — 88 стр. + 1 нумер. стр. („Погрешности“). На стр. 10 в тексте „Слова“ подчеркнута фраза „лисици брешут на черленья щиты“, а на поле рукой митр. Евгения написано: „Софроний, священник рязанский XV века, в повести о мамееве нашествии сказал также: «лисицы брешуть, глядячи на златые доспехи»“.

Оба издания в обложке из плотной синей бумаги. На корешке сборника надпись: „Историч. повесть о походе на половцев“.

После смерти митр. Евгения (1837) сборник поступил в библиотеку Киевской духовной семинарии, в связи с чем в разных местах его находится штампель семинарской библиотеки и библиотечный шифр Ш. 2.47.¹

¹ В Государственной Библиотеке СССР им. В. И. Ленина под шифром М. 10449 хранится рукопись XIX века, содержащая копии заметок митр. Евгения на полях печатных книг, поступивших после его смерти в Киевскую семинарскую библиотеку. Среди них приведены и заметки на полях рассмотренного выше экземпляра „Иронической песни“. См.: Записки Отдела рукописей Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, вып. XI, М., 1950, стр. 123, № 313.

Второй, принадлежащий „Відділу стародруків“ ГПБ УССР, экземпляр „Ироиической песни“ входит в состав сборника под шифром Гр. 1449. Сборник поступил в ГПБ из библиотеки Киевского Михайловского монастыря. Формат—4°, в обрезанном при переплете виде—22×17.7 см. Состав: VIII+46 стр. + „Поколенная роспись“; листка со списком „погрешностей“ нет. Вставной лист, с перепечатанным текстом стр. 15—16, — синеваго цвета. Концовка на стр. 46 — лира с лежащей на струнах ветвью. Внизу на полях стр. 1—41 почерком начала XIX века помечено: „Из числа книг Библиотеки Киево-Михайловского монастыря“.

В сборник входит также издание речей, произнесенных в первом торжественном собрании Академии Наук 27 декабря 1725 года Г. Б. Бильфингером и Я. Германом, и речь епископа Самуила Миславского в честь Екатерины II (1775) на латинском и греческом языках.

Все четыре брошюры — в кожаном, попорченном переплете. На различных страницах сборника — круглая печать библиотеки Михайловского монастыря. На внутренней стороне переплета красивым четким почерком епископа Ириней Фальковского помечено: „Из числа книг библиотеки Киево-Михайлов. монастыря. Переплетена вновь в 1808 году иждивением Ириней, епископа чигиринского“. На переднем форзаде другим почерком: „Из числа книг библиотеки Киево-Златоверхо-Михайловского первоклассного монастыря. 1862 г., февраля“.

Третий экземпляр „Ироиической песни“ хранится в „Відділ стародруків“ под шифром Гр. 5254.

Внешние особенности этого экземпляра таковы. Заглавный лист как в предшествующих экземплярах. Формат—4°; в обрезанном при переплете виде—25×19.8 см. Состав: VIII+46 стр. +1 нумер. стр. („Погрешности“) + „Поколенная роспись“. В „Поколенной росписи“ последняя строка при переплете срезана. Экземпляр напечатан на бумаге двух сортов: толстой, желтоватого цвета (стр. 1—2, 7—8, 37—38, „Погрешности“) и более тонкой, серой (стр. I—VIII, 3—6, 9—14, 17—36, 39—46, „Поколенная роспись“). Перепечатанный текст стр. 15—16 — на бумаге синеваго цвета. Концовка на стр. 46 — лира с ветвью.

Вся книга исчеркана и исписана черным, иногда синим и красным карандашами: отдельные строки подчеркнуты или взяты в скобки; на полях поставлены цифры, вопросительные знаки, выписаны отдельные слова текста. На переднем форзаде — фраза: „NB. Выписать из Слб. Пуб. Б-ки чистый экземпляр Слова о п. И.“. На стр. 15, против примечания *т*: „Князь Ярослав, сын князя Всеволода Ольговича, с 1174 по 1200 год княжеством черниговским обладавший“, на полях замечено: „врет“. На стр. 25 слова „нужда“ в 15-й строке текста и „насилие“ в 14-й строке перевода подчеркнуты, а на полях замечено: „верно“.

Судя по прежнему шифру 1852—622, находящемуся на форзаде и на заглавном листе, экземпляр в 1852 году поступил в библиотеку Киевского университета.¹ Позднейший, много раз повторяющийся штемпель: „Бібліотека Інституту народньої освіти імені М. Драгоманова“.

¹ Впрочем, в составленном А. Я. Красовским „Кагалоге книг Библиотеки Императорского университета св. Владимира“ (тт. I—V, Киев, 1854—1858) „Слово“ в издании 1800 года не показано.

П. Г. БОГАТЫРЕВ

Обзор переводов „Слова о полку Игореве“ и статей о нем вышедших в Чехословакии после второй мировой войны

Вскоре после опубликования „Слова о полку Игореве“ в России, чешские и словацкие ученые откликнулись на появление этого памятника исследованиями и переводами (Добровский, Юнгман, Рожняй,¹ Ганка, Эрбен, Шафарик, Гаттала и др.). Интерес к „Слову“ проявляется в чехословацкой науке и литературе на протяжении всего XIX—начала XX столетия, вплоть до наших дней.

Не ставя своей задачей критическую оценку трудов, вышедших в Чехословакии после второй мировой войны, ограничимся перечнем того, что сделано чешскими и словацкими авторами по „Слову“ за это время с целью ознакомления читателей с библиографией вопроса.

Первым переводом „Слова о полку Игореве“ на чешский язык после второй мировой войны был перевод Франтишка Кубки.²

В начале 20-х годов нынешнего столетия Ф. Кубка сделал перевод „Слова“, который должен был выйти с иллюстрациями чешского художника В. Г. Бруннера, но смерть последнего помешала осуществлению издания.

Появление в Праге в 1934 году книги Е. Ляцкого „Слово о полку Игореве“, изданной Пражским славянским институтом, побудило Ф. Кубку снова взяться за перевод „Слова“. Однако переводить „Слово“ он начал только в 1943 году и работал над переводом в течение двух последующих лет. Перевод этот сделан был совершенно заново. В основу его лег текст, вышедший в Праге под редакцией Ляцкого. Перевод сделан в стихах, с соблюдением в отдельных местах аллитераций. Работа выполнена под впечатлением личных переживаний Ф. Кубки во время второй мировой войны. „Счастлиное возвращение Игоря из половецкого плена связывалось в моей голове,— говорит Ф. Кубка,— с будущим походом Красной Армии от Волги к Дону, Днепру, Висле, Одеру, к Лабэ и — к Влтаве“.

Во время битвы за Сталинград Ф. Кубка договорился с издателем Карлом Нейбертом об издании „Слова“. Тогда же было решено посвящать это издание Красной Армии.

Свой перевод Ф. Кубка снабдил небольшим предисловием и послесловием. В послесловии переводчик дает высокую оценку идейному

¹ Перевод „Слова“ в стихах, сделанный словаком Рожняем (1787—1815), не сохранился.

² Slovo o pluku Igorově. Přelozil František Kubka. Kresby a typografická úprava Karel Svolinský. Vydali a vytiskli: V. Neubert a synové. Praha-Smíchov. Vydáno k prvnímu výročí pražského povstání r. 1946. Věnováno Rudé Armádě-osvoboditelce.

содержанию и художественной форме „Слова“. Перевод снабжен краткими примечаниями.

Первое издание „Слова“ в переводе Ф. Кубки вышло в Праге в годовщину ее освобождения — 9 мая 1946 года.

Второе издание было выпущено с добавлением нескольких иллюстраций Сводицкого в том же году в Праге.¹

В 1950 году вышло третье издание Ф. Кубки „Слова о полку Игореве“,² и это издание посвящено Красной Армии-освободительнице.

Перевод Ф. Кубки „Слова“ в третьем издании был коренным образом переработан на основе новой научной литературы, вышедшей главным образом в Советском Союзе, начиная с 1945 года. Третье издание иллюстрировано гравюрами по дереву, исполненными Михаилом Флорианом. В этом издании находим значительно более расширенное по сравнению с первыми двумя послесловие переводчика. Комментарии к переводу сделаны на основе советских и других исследований „Слова“. Из приложенного в конце книги списка использованной переводчиком и комментатором литературы мы видим, что Ф. Кубка был знаком с изданиями „Слова“ Н. Гудзия, А. Югова, Д. Лихачева, Е. Ляцкого, А. Орлова и с книгой Грегуара, Р. Якобсона и М. Шефтеля.³ Кроме того Ф. Кубкой были использованы статьи о „Слове“ Д. Айналава и М. Приселкова.

В журнале „Slovesná věda“ под заголовком „Новый перевод «Слова о полку Игореве» на чешский язык“ была помещена рецензия на третье издание „Слова“ в переводе Ф. Кубки. Автор рецензии Ганна Скалова⁴ сверяет чешский перевод Ф. Кубки с текстами „Слова“, вышедшими под редакцией А. С. Орлова в 1946 году и Д. С. Лихачева — в 1950 году, и указывает на ряд ошибок, допущенных в переводе. Общим недостатком перевода рецензент считает то, что переводчик не отразил в достаточной мере языческие пережитки в „Слове“. Между тем „Слово“ — „богатый кладезь“ для исследователя славянской мифологии. Кроме того, Р. Якобсон, как это указывает Скалова, считает следы славянской мифологии одним из доказательств подлинности „Слова“. Ошибочным считает рецензент толкование Кубкой Трояна. Скалова придерживается толкования Д. С. Лихачева, видящего в Трояне славянское божество.

Вскоре после появления в свет первого и второго издания „Слова“ в переводе Ф. Кубки на чешский язык появляется перевод „Слова“ на словацкий язык.⁵

¹ На эти издания появились отклики в советской печати: рецензия Н. К. Гудзия в журнале „Огонек“ № 11, 1947, и упоминание в статье П. Н. Попова „«Слово о полку Игореве» в изобразительном искусстве XIX и XX вв.“ в сборнике „Слово о полку Игореве“, Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 477—478.

² Slovo o pluku Igorově. Ze staré ruštiny přeložil, doslovem a vysvětlivkami opatřil František Kubka. Původními dřevoryty vyzdobil a graficky upravil Michal Florian. Nakladatelství Melantrich v Praze. Od základu přepracované vydání třetí, s dřevoryty Michala Floriany v Melantrichu první Datum vydání Říjen, 1950.

³ La geste du prince Igor épopée russe du douzième siècle. Text établi, traduit et commenté sous la direction d'Henri Grégoire, de Roman Jakobson et de Marc Szeftel, assistés du J. A. Joffe. New York, 1948. École libre des Hautes études à New York. Université libre de Bruxelles. Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves, t. 8, 1945—1947.

⁴ Hanna Skalová. Nový překlad „Slova o polku Igorově“ do češtiny. Slovesná věda, Sborník pro literární historii, teorii literatury a literární kritiku. Ročník V, V Praze, 30 června 1952, číslo 1—2.

⁵ Slovo o pluku Igorovom, Igora syna Sviatoslava vnuka Oléga. Preklad zo starej ruštiny, komentáre a študia pod redakciou univ. prof. Dr. A. V. Isačenk. Pôvodné dřevoryty a iniciály od L'Fullu. Nakladateľ Ján Horáček. Bratislava. 1947.

Этот первый перевод „Слова“ на словацкий язык — результат коллективной работы участников семинара по изучению русской литературы Словацкого университета в Братиславе 1946—1947 годов. Перевод сопровождается вступительной статьей о „Слове“, написанной А. В. Исаченко, и послесловием Я. Коморовского „«Слово о полку Игоре» у западных славян“, где дается история переводов и изучения „Слова“ у поляков, чехов и словаков. Словацкий перевод снабжен комментарием, сделанным на основе комментариев Н. С. Державина, А. К. Югова, В. Н. Перетца, В. Ф. Ржиги и С. К. Шамбинаго.

В словацком журнале „Slovo a tvar“ была помещена рецензия на словацкий перевод „Слова“.¹ Рецензент В. Кохол отмечает, что рецензируемый перевод является первым полным словацким переводом „Слова о полку Игоре“. В XIX веке словаки Рожняй и Гаттала переводили „Слово“ не на словацкий, а на чешский язык. Сравнительно недавно словацким переводчиком и исследователем Пушкина Р. Бртанем был переведен „Плач Ярославны“. Но перевод „Плача Ярославны“, по мнению рецензента, был модернизирован. Самый факт появления полного словацкого перевода „Слова“, причем сделанного силами русского семинара Словацкого университета, свидетельствует, по словам рецензента Кохола, не только о высоком уровне семинара, руководимого А. В. Исаченко, но и является доказательством того, что растут новые кадры квалифицированных переводчиков с русского языка. Рецензент подробно сравнивает словацкий перевод с оригиналом и русским переводом в издании А. С. Орлова и показывает на ряде примеров, что переводчики иногда отходили от оригинала, в то время как могли бы более близко держаться его при своем переводе. Так, рецензент указывает, что переводчики несколько видоизменяли смысл отдельных слов, порядок слов и т. п. Но все эти замечания не снижают большой ценности словацкого перевода. Кохол приветствует перевод „Слова“, древнерусского памятника, являющегося всеславянской культурной ценностью. Факт появления в свет первого полного перевода на словацкий язык „Слова о полку Игоре“ является ярким показателем того, какой живой интерес проявляет словацкая молодежь к лучшим образцам не только советской, но и классической русской литературы.

Одновременно с переводами появляются исследования, посвященные „Слову о полку Игоре“. Так, в 1947 году в журнале „Slovo a slovesnost“ публикуется статья К. Горалка „К вопросу о жанре «Слова о полку Игоре»“.²

К. Горалек указывает на сложность изучения „Слова“. По мнению автора статьи, на многие вопросы о стиле и композиции „Слова“ мы сможем дать ответ после того, как будет решен вопрос, к какому литературному жанру следует отнести „Слово“. Это поможет переводчикам и комментаторам „Слова“ преодолеть ряд затруднений. К. Горалек рецензирует доклад И. Еремина „«Слово о полку Игоре»“. К вопросу о его жанровой природе, прочитанный им в Саратове (доклад был опубликован в „Ученых записках ЛГУ“, в серии филологических наук, 1944, вып. 9, стр. 3—18). В словацком журнале „Slovo a tvar“ в 1947 году

¹ V. Kochol. Slovo o pluku Igorovom. Slovo a tvar, Revue pre jazykovedu, štylistiku a slovesnost'. Rediguje univ. prof. Ph. Dr. Eugen Pauliny. Ročník I, 1947, číslo 4. Vydáva štátne nakladateľstvo v Bratislave (starostlivosťou Bratislavského lingvistikého kroužku).

² K. Horálek. K otázce tvarového charakteru „Slovo o polku Igorově“. Slovo slovesnost. List pražského lingvistického kroužku. Ročník X, 1947, číslo 2, с тр. 112—114.

вышла статья Я. Коморовского „К вопросу о переводе «Слова о полку Игореве» на словацкий язык“.¹

В 1950 году вышла обзорная статья Славомира Вольмана о состоянии исследования „Слова“ за 150 лет после выхода в свет первого издания этого памятника.² Автор ставит в ней своей задачей дать обзор изучения „Слова“, главным образом начиная с 30-х годов нашего столетия и выдвигает две главные проблемы, стоящие перед современными исследователями „Слова“: 1) вопрос о подлинности и древности „Слова“, 2) „Слово“ как художественное произведение. Дискуссия о подлинности и древности „Слова“ приводит автора к следующему заключению: „Слово“ является подлинным памятником древнерусской литературы домонгольского периода. „Задонщина“ находится в зависимости от „Слова“. Главная ценность дискуссии о подлинности „Слова“ состоит в том, что подробно были разобраны все вопросы за и против подлинности „Слова“ и что подлинность „Слова“ была окончательно доказана. Дискуссия значительно обогатила научный анализ „Слова“ и принесла новые заслуживающие внимания лингвистические, литературоведческие, исторические и другие факты. Несмотря на всё это, остаются нерешенными некоторые спорные детали.

Второй вопрос — о художественности „Слова“, — по мнению С. Вольмана, недостаточно разработан до последнего времени. С. Вольман приводит тезисы статьи Франка Вольмана „Определение жанра «Слова о полку Игореве»“: 1. Не следует считать, что в Киевской Руси XII века была твердо установленная жанровая структура для отдельных произведений, как это полагает И. Еремин. 2. Требование обязательного присутствия стиха в героическом эпосе как неперменного признака этого эпоса является только домыслом. Звуковая организация „Слова“ свидетельствует о наличии в этом произведении ритма. Стремление видеть различие между героическим эпосом и воинской повестью в том, присутствует или отсутствует в данном произведении стих, указывает только на догматичность теоретиков современной поэтики, не считающихся с развитием литературных произведений. 3. „Слово“ следовало ряду традиций и было подвержено различным влияниям, как литературным, так и фольклорным. 4. Наименование „Слова“ не должно быть изначальным для произведения, ныне именуемого „Словом о полку Игореве“. Наименование памятника „Словом“ могло быть применено в этом произведении в измененном значении. Для определения жанра „Слова“ следует исходить из его значения, общественной тенденции, агитационности и политической направленности. 5. Подражание автора „Задонщины“ „Слову“ объясняется сходной идейной направленностью этих двух памятников.

В пятом номере журнала „Slovesná věda“ были напечатаны дополнения Вацлава Поляка³ к статье С. Вольмана „Состояние исследования о «Слове о полку Игореве»“, помещенной в этом же журнале в номере первом. В своей заметке В. Поляк делает ряд библиографических дополнений к статье С. Вольмана, указывает на ряд работ советских уче-

¹ J. Komorovský. K překladaňiu „Slova o pluku Igorovom“ do slovenčiny. Slovo a tvar. Ročník I, 1947, číslo I, стр. 21—25.

² S. Wollman. Slovo o polku Igorove. Stav výzkuma 150 let po I vydání. Slovesná věda. Sborník pro literární historii, teorii literatury a literární kritiku vede Albert Pražák. Redigová: J. B. Čapek, K. Krejčí, F. Wollman. Vydává: Literární historická společnost. Ročník III. V Praze, 1950, číslo 3, стр. 134—146.

³ Dodatky k stavu výzkuma Slova o polku Igorove. Slovesná věda. Ročník III. V Praze I, 1951, číslo 5, стр. 245—248.

ных (П. Н. Беркова, С. Ф. Елеонского, Л. А. Творогова, Л. П. Якубинского, Д. С. Лихачева, В. П. Адриановой-Перетц), не упомянутых С. Вольманом. Кроме того, В. Поляк называет итальянский перевод „Слова“¹ и несколько статей о „Слове“, вышедших за границей. В. Поляк отмечает статью Стендера Петерсена, где приводится ряд мелких дополнений и примечаний к комментариям о „Слове“ Якобсона.² Далее отмечается им статья на русском языке Николая Дылевского „«Бусым» или «босым волком» в «Слове о полку Игореве»“.³ Н. Дылевский подробно рассматривает все высказывания исследователей о написании „бусым“ или „босым“ в первоначальном тексте „Слова“, а также останавливается на этимологическом разборе этого эпитета. Н. Дылевский после тщательного рассмотрения всех „за“ и „против“ написания слова „босым“ и „бусым“ утверждает, что в первоначальном тексте стояло „босым“. Вопрос об этимологии этого слова автор статьи оставляет открытым. Заключает Дылевский свою статью словами: „Будем надеяться, что появление интереснейшей работы В. А. Гордлевского и нашей маленькой заметки, посвященных одному и тому же вопросу, хотя и рассматривающих его с различных сторон, вызовет отклики и других специалистов и что в результате дружных усилий славистов и тюркологов-ориенталистов «Слово» будет поставлено на незыблемую основу, к огорчению скептиков и заслуженной радости всех, видящих в нем — во всеоружии научных данных — подлинное произведение конца XII ст.“.

В своем обзоре исследований „Слова о полку Игореве“ В. Поляк особо отмечает значение ряда работ для опровержения точки зрения А. Мазона, пытающегося обосновать позднее происхождение „Слова“.

Богумила Застерова свою статью посвящает вопросу о личности русского барда Бояна. Она останавливается на двух работах болгарских ученых, посвященных вопросу о личности Бояна: на работе В. Николаева⁴ и статье И. Дуйчева.⁵ В. Николаев считает, что упоминаемый в „Слове“ Боян был сыном болгарского царя Симеона, И. Дуйчев же полагает, что Боян был певцом древней Руси. Б. Застерова приходит к выводу, что сходство свидетельства Лютипранда о Бояне с местами, посвященными Бояну в „Слове“, позволяет предположить, что рассказы о болгарском маге Бояне были одним из мотивов, которые использовал автор „Слова“ при создании образа Бояна. В заключение Б. Застерова указывает, что анализ образа Бояна свидетельствует о сложности творческого процесса автора „Слова“.

Четыре издания „Слова о полку Игореве“ (три чешских и одно словацкое), а также исследования, посвященные этому памятнику, вышедшие за последние годы (1946—1951), — яркий показатель того внимания, какое чехословацкая научная общественность уделяет лучшим образцам русской поэзии.

¹ Detto della Campagna di Iger. L. Pacini Savoj. Napoli, Raffaelli Pironti e figlio, 1946, стр. 74.

² A. Stender-Petersen. The Igor Tale. „Word“, 4, 1948, стр. 143—154.

³ Николай Дылевский. „Бусым“ или „босым волком“ в „Слове о полку Игореве“. Известия на Камарата на народната култура, Хуманитарни науки, т. IV, № 5, София, 1947, стр. 203—225.

⁴ В. Николаев. Славянобългарският фактор в християнизацията на Киевска Русия. София, 1949.

⁵ И. Дуйчев. Боян Магесник. „Проучвания върху българското средновековие“, София, 1945.

С. С. СОВЕТОВ

**„Слово о полку Игореве“ в польском переводе
Юлиана Тувима¹**

В двух лекциях, прочитанных в Париже 12 и 16 февраля 1841 года, Адам Мицкевич подробно анализировал „Слово о полку Игореве“, приводя многочисленные примеры из древнерусского памятника. Обобщая свой анализ, он говорил: „Форма поэмы об Игоре оригинальна; ее нельзя сравнивать ни с греческой эпикой, ни с лирической поэзией нашей эпохи... Можно (только) сказать, что каждый стих этого произведения послужил темой для поэтов... Все картины взяты здесь из действительной жизни; характеры очерчены с натуры, и пока не подвергнется изменению славянская природа, поэма об Игоре будет всегда считаться национальным произведением и даже сохранит черты актуальности... Современные польские и русские поэты: Пушкин и Залеский, постоянно используют выражения, иногда даже целые обороты, как бы заимствованные из «Слова»... Поэт высказывает всеобщие чувства славянского народа тех времен: это стремление к созданию сильного, могущественного и прежде всего объединенного государства“.²

Слова Мицкевича поражают глубиной и проникновенностью идейно-художественного анализа этого величайшего памятника древнерусской письменности. Они знаменательны еще и потому, что польский поэт, впервые так подробно анализируя „Слово о полку Игореве“, способствовал популяризации его среди широких кругов интеллигенции в Западной Европе; Мицкевич выступил энтузиастом и пропагандистом древнерусской литературы на Западе. Он был совершенно прав, когда говорил об огромном влиянии „Слова“ на польскую художественную литературу.

Это влияние имело место в творчестве, например, таких крупных представителей революционного романтизма, как Юлиуш Словацкий („*Bieniewski*“, 1841, в лирических отступлениях первой песни, особенно в полемике с Богданом Залеским и в описаниях природы — „Баяновой степи“ в пятой песне и т. д.) и Северин Гоцинский (в статье „*Nowa epoka puezji polskiej*“, 1835, а также и в специальной статье, приветствовавшей перевод „Слова“, сделанный Августом Белёвским). К поэтам

¹ *Słowo o wyprawie Igora*. Przełożył Julian Tuwim. Wstępem i objaśnieniami zaopatrzył Marian Jakóbiec. Wydanie drugie zmienione. Biblioteka Narodowa, serja II, № 50, Wrocław, 1950 (2-я редакция). В дальнейшем в скобках даются страницы данного издания.

² Adam Mickiewicz. *Dzieła*. Wydanie narodowe, t. VIII (1952). Literatura słowiańska. Kurs pierwszy, półroczje I, wykład XV, стр. 173, 175, 176.

первой половины XIX века, отразившим особенно глубоко в своей поэзии содержание, образы и стиль „Слова“, относится Богдан Залеский, о котором упоминал Адам Мицкевич. Наконец, влияние „Слова“ испытали на своем творчестве такие писатели, как Август Белёвский („Pieśń o Henryku Robożnym“, 1839), Люциан Семенский („Trąby w Dnieprze“), Теофиль Ленартович („Ze starych zbroić rytmy“, 1870), а из более поздних — Станислав Выспянский и Стефан Жеромский.¹

Первым переводом „Слова о полку Игореде“ следует считать частичный перевод с иностранного языка, сделанный поэтом и легионером Киприяном Годесбским (1765—1809) и впервые изданный в Варшаве в 1821 г.² Фрагментарные переводы „Слова“ были сделаны историком права Игнатием Бенедиктом Раковецким на страницах исследования „Prawda Ruska“ (Warszawa, 1820, t. I, стр. 78—80), лексикографом Самуилом Богумилом Лице на страницах перевода из сочинения Николая Греча под названием „Kys historyczny literatury rosyjskiej“ (Warszawa, 1823, t. I, стр. 37; t. II, стр. 78—80), поэтом-романтиком Казимиром Бродзинским в статье об элегии, где был помещен дословный прозаический перевод отрывка „Плач Ярославны“ („Roczniki Towarzystwa Królewsko-warszawskiego Przyjaciół Nauk“, t. XVI, стр. 120), и Люцианом Семенским, напечатавшим в стихотворной форме отрывок из начала древнерусского памятника в журнале „Czasopismo Naukowe od Zakładu Narodowego imienia Ossolińskich wydawane“ (Rok VI, 1833, zeszyt 2).

Первый полный стихотворный перевод „Слова о полку Игореде“ на польский язык принадлежал перу Августа Белёвского и появился отдельным изданием в 1833 году. Второй полный перевод был сделан Адамом Станиславом Красинским и напечатан в Петербурге в 1856 году. Третий перевод, Богдана Лэпки, появился только в 1905 году. Однако перевод Августа Белёвского, несмотря на некоторые неточности, ближе всего передавал текст оригинала и имел несравнимые с последующими переводами поэтические достоинства. Свидетельством этому может служить тот факт, что именно данный перевод со вступительной статьей и примечаниями Богдана Лэпки был переиздан вторично в 1906 году (Броды).

Наконец, в 1928 году, появляется перевод „Слова о полку Игореде“, принадлежащий перу недавно скончавшегося выдающегося польского поэта и переводчика Юлиана Тувима. Как было отмечено в советской печати, этот перевод был самым оригинальным и выразительным; пользуясь богатыми художественно-выразительными средствами польского языка, поэт сумел ярче всех передать сложность содержания „Слова о полку Игореде“ и сделать его доступным для более широких слоев современных польских читателей.⁴

¹ А. Л. Каплан. „Слово о полку Игореде“ и польские писатели XIX—XX вв. Научный бюллетень Ленинградского Государственного университета, 1946, № 11—12, „Славистические заметки“, стр. 74—78.

² П. Н. Берков считал, что К. Годесбский перевел „Слово“ из немецкого источника (см.: П. Н. Берков. 1) К библиографии западных изучений и переводов „Слова о полку Игореде“. Труды ОДРА, т. II, 1935, стр. 152; 2) Переводы „Слова“ на западноевропейские языки. Ученые записки Лен. Гос. университета, вып. 11, 1941, стр. 323 сл. — Мицкевич о „Слове“). Польский историк литературы Мариан Якубец указывает на французский оригинал: „Wstęp“ к переводу „Слова о полку Игореде“ (Biblioteka Narodowa, serja II, № 50, Wrocław, 1950, стр. LXVI). А. Обрэмбска-Яблоньская указывает на немецкий источник (см. ссылку на ее работу, стр. 268).

³ Słowo o wyprawie Igora. Przełożył Julian Tuwim. Wstępem i objaśnieniami zaopatrzył Aleksander Brückner. Biblioteka Narodowa, serja II, № 50, Kraków, 1928 (1-я редакция). В дальнейшем в скобках даются страницы данного издания.

⁴ С. Советов. Переводы „Слова о полку Игореде“ на польский язык. Сборник

Юлиан Тувим был талантливым переводчиком. Его перу принадлежат переводы и целого ряда других памятников русской классической и советской литературы. Русская литература дала ему возможность сблизиться с передовой русской культурой прошлого и с советской действительностью. В 1923 году появился его перевод поэмы В. В. Маяковского „Облако в штанах“.¹ Позднее, после Великой Отечественной войны, Ю. Тувим писал, что „с первого раза, и навсегда слился для меня Маяковский с Октябрьской революцией“.² Особое место в поэтическом творчестве Юлиана Тувима занимают переводы из А. С. Пушкина: „Медный всадник“, отрывки из „Евгения Онегина“. Он перевел также некоторые лирические стихотворения А. С. Пушкина и Н. А. Некрасова („Современная ода“, „Гробик“ из цикла „На улице“, „Забывшая деревня“, „В столице шум, гремят витии“, „Размышления у парадного подъезда“ и мн. др.),³ а в последнее время перевел и поэму „Кому на Руси жить хорошо“. Блестящей победой Тувима явился и его перевод „Горя от ума“ А. С. Грибоедова.⁵

Известно, какое благотворное воздействие на демократические круги Польши оказал сделанный Юлианом Тувимом перевод стихотворения советского поэта М. Светлова „Гренада“ в период борьбы польских патриотов против фашизма. Не случаен также и тот факт, что именно в годы Великой Отечественной войны Юлиан Тувим обращается вторично к переводу древнейшего памятника русской поэзии — „Слова о полку Игореве“, который отражал героическое прошлое русского народа.

Сравнение двух редакций перевода свидетельствует о борьбе переводчика за правильное понимание текста, за реалистическую передачу древнерусского памятника. Следующие черты характеризуют вторую редакцию сравнительно с первоначальной.

1. Стремление к сохранению точного содержания текста, основной идеи „Слова“ (в целом и в деталях), к раскрытию так называемых „темных мест“. Например:

а) „С той же Каялы Святополк укачал отца своего между венгерскими иноходцами ко святой Софии к Киеву“.⁶

Это место в 1-й редакции (1928) передано Юлианом Тувимом:

A z tej łączki zielonej, z nad smutnej rzeki Kajały,
Kniaz Jaropołk rodzica wiołz na węgierskich rumakach,
Syn wiołz zwłoki ojcowe do świętej Zofji w Kijowie.

(Стр 15)

работ студентов научных кружков Факультета истории, языка и материальной культуры Ленинградского Государственного университета, Л., май, 1929, стр. 36—42

¹ Włodzimierz Majakowski. Obłok w spodniach. Przełożył Julian Tuwim. Wydawnictwo „Philobiblon“, Warszawa, 1923

² Julian Tuwim. Majakowski poraz pierwszy. „Odniesienie“, Warszawa, 1949, № 45, стр. 2

³ Jerdziec Miedziany. Opowiesc peterburska Aleksandra Puszkina. Przekład Juliana Tuwima. Studium Wacława Lednickiego. Warszawa, Instytut wydawniczy „Biblioteka Polska“ (1932).

⁴ См. „Dwa wieki poezji rosyjskiej“. Antologia. Ułożyli i opracowali Mieczysław Jastrun i Seweryn Pollak. Posłowiem opatrzył Leon Gomolicki. „Czytelnik“, spółdzielnia wydawnicza, 1947.

⁵ A. Gribojedow. Mądremu biada. Komedja wierszem w 4 aktach. Przełożył J. Tuwim. Państwowe wydawnictwo literatury pięknej litewskiej SRR, Wilnius, 1953, стр. 149.

⁶ А. С. Орлов. Слово о полку Игореве. 2-е дополн. изд., Изд. АН СССР, 1946, стр. 80 (в дальнейшем цитируется это издание). Юлиан Тувим в 1-й редакции пользовался текстом, напечатанным в книге В. Н. Перетца (Слово о полку Игореве Киев, 1926), во 2-й редакции польский поэт, повидимому, пользовался первым изданием книги А. С. Орлова, так как Мариан Якубец в предисловии ко 2-му изданию ссылается на текст А. С. Орлова (Слово о полку Игореве. Изд. АН СССР, М.—Л., 1937).

Во 2-й редакции (1950) это же место звучит так:

I z tej łąki zielonej na węgierskich rumakach
Wiózł Swiatopółk rodzica do świętej Sofii w Kijowie.

(Стр. 14—15).

Последний вариант, конечно, значительно ближе к оригиналу; в нем нет той ненужной растянутости, какая имелась в 1-й редакции; имя „Ярополк“ заменено „Святополком“, как и в древнерусском тексте. Правда, автор не передал в точности картины всей церемонии, а именно того, что тело отца Святополка лежало на носилках, висящих между лошадей: древнерусское „полелѣя“ (повелѣя) в переводе А. С. Орлова — укачал. Это место Август Белёвский в 1833 году перевел: „С этой же Каялы Святополк взял отца и в многочисленной толпе угорских мужей ведет в Киев ко святой Софии“.¹ А Адам Сигизмунд Красинский передал это место еще более абстрактно выражением: „В угорских полях гремит песнь погребальная“.² Таким образом, передача этой картины ярче всего и реалистичнее дана у Юлиана Тувима во 2-й редакции.

б) Из рассказа о сне Святослава: „Всю ночь с вечера бесови вороны граяли; у Плесенска в предградье были в расселинах змеи и понеслись к синему морю“.³

В 1-й редакции у Тувима мы читаем:

Całą noc siwe [серые] kruki krakały,
Kijowanie ku morzu w тумани szli mgławym,
A pod Pleńskiem gdzie rów, bagna stały.

(Стр. 23—24).

Во 2-й редакции это место значительно изменено и приближается к содержанию текста, как он читается в настоящее время:

Nocą kruki krakały swe pieśni,
Pod Plesieńskiem, w podgórzu, były sanie jakoweś
I nad morze je niby zaniesli.

(Стр. 20).

Если теперь это место сравнить с предыдущими переводами, то разница в понимании текста будет огромная. Август Белёвский перевел: „... от болот Плесенска к дебрям Кисаня“ (Wyprawa Igora na Połowców, стр. 32; разрядка наша, — С. С.), т. е. как собственное имя, на основании толкования этого слова в древнерусском памятнике (по мусинпушкинскому тексту). В 1905 году Богдан Лэпки передает это же место следующим образом: „Слышу я, это тучи бесовских ворон, спустившись в Плесенске на болота, тут же осевши вплоть до оврага Сана, всю ночь без отдыха каркают и не летят к морю“.⁴ Таким образом, во 2-й редакции Юлиан Тувим стремится передать древнерусский текст как можно точнее, реалистичнее, и в значительной степени отходит от литературной интерпретации 1-й редакции.

Примером сохранения полной адекватности перевода оригиналу как в 1-й, так и во 2-й редакции может послужить описание курской кон-

¹ Wyprawa Igora na Połowców. Poemat słowiański wydany przez Augustyna Bielowskiego. Lwów, 1833, стр. 29.

² Pieśń o pulku Igora. Starosłowiański poemat z XII wieku. Przekład ks. Adama Stanisława Krasińskiego. Petersburg, 1856, стр. 11.

³ А. С. Орлов, ук. соч., Комментарии к тексту, стр. 107.

⁴ Słowo o polku Igorowie. Przekład Bohdana Łepki. Kraków, 1905, стр. 32 (Odbitka z „Sprawozdania Gimnazjum św. Jacka“, w Krakowie, 1905).

ницы; автор не сделал никаких существенных изменений во 2-й редакции по сравнению с 1-й.

2. Замена отдельных слов или целых выражений для более ясного понимания текста, для сохранения исторического колорита или более полного раскрытия значения слова. Например:

а) В 1-й редакции:

Po ziemi *skakał* wilkiem szarym
(Стр 4)

Во 2-й редакции:

Po / emi *ganiał* wilkiem szarym
(стр 4)

где слово *ganiać* передает ярче значение: „бегать“, „носиться“, „гоняться“, чем *skakać* — „скакать“, „прыгать“.

б) В 1-й редакции:

Ktory przed pułki *Kasozskiem*
(Стр 4)

Во 2-й редакции:

Ktory przed pułki *czerkie k emi*
(стр 4),

где понятие „черкесский“ гораздо более конкретно и доходчиво, чем „касожский“.¹

в) В 1-й редакции:

Szczerem polem jedzie *za* ruską ziemie.
(Стр 8)

Во 2-й редакции:

Szczerym polem jedzie *przez* ruską ziemię
(стр 8),

что гораздо ближе к древнерусскому тексту: „...И поехал [Игорь] по чистому полю“:

г) В 1-й редакции:

Kędy, turze, *poskoczysz*, złotym błyska *słotem*.
(Стр. 13)

Во 2-й редакции:

Kędy, książę, *poskoczy*, *czetwonym* błyszczę *puklerzem*.
(Стр 12)

Последнее выражение гораздо понятнее передает русский текст: „Куда [ты], тур, ни поскачешь, своим золотым шлемом поблещивая“.

д) В 1-й редакции:

A chorągiew, *kopję srebrna* i *proporzec purpurowy*.
(Стр 11)

¹ „По Коршу, им. мн. Касози (вин. Касогы) — древнерусское название черкесов — соответствует осетинскому *käsar*“ (А. С. Орлов, ук. соч., стр. 90).

Во 2-й редакции:

A chorągiew białosnieżna i proporzec purpurowy,
Bunczuk krasny, drzewce w srebrze.

(Стр 10)

Эпитет „białosnieżna“ к слову „хоругвь“ более точно выражает смысл оригинала: „Красный стяг с белой хоруговью, красная челка на серебряном древке“.

е) Наконец, нельзя не привести и такого примера, где переводчик, стремясь к максимальной поэтической адекватности оригиналу, заменяет двумя строками длинный период:

В 1-й редакции:

O, lutosci. O nędzo! O, jck!'
Rozpanoszył się msciwu pohaniec!
Pod brzemieniem się ziemia ugina,
W grodach smetek, radość uleciała,
Niewesoła nam, bracia, godzina,
Niewesoła godzina nastała!

(Стр 22)

Это растянутое, искусственно повышенное излияние чувств по поводу пленения Игоря не соответствовало сжатому описательному выражению оригинала, проникнутому чувством глубокого сожаления о случившемся событии: „Уныли у городов стены и веселье поникло“. Юлиан Тувим сделал совершенно правильно, когда во 2-й редакции изменил свой перевод, сделав описание этой картины более спокойным, эпическим, сжатым:

Niewesoła nastała godzina,
Radość znikła, w grodach pustka głucha.

(Стр 19)

3. Стремление к более яркой и выразительной образности в передаче оригинала. Например:

а) В 1-й редакции:

Bieży Gza wilczykiem szarem, Konczak za nim gna zdyszany,
Nad Don wielki, Don szeroki, pędzą z wojskiem wściekłe chany.

(Стр 11).

Во 2-й редакции это место звучит гораздо более выразительно и к тому же ближе к оригиналу:

Bieży Konczak, tropy kładzie
Przez obszary,
Gza pomyka ku Donowi
Wilkiem szarym

(стр 11),

что вполне отвечает русскому тексту: „Гзак бежит серым волком, Кончак ему след прокладывает к Дону великому“.

б) В 1-й редакции:

I otrąbił (Oleg) wyprawę w Tmutorokanskim grodziszczu.

(Стр 14)

Во 2-й редакции:

W złotę strzemię wstępował w Tmutorakanskim grodziszczu.

(Стр 14)

Это вполне адекватно русскому тексту: „Ступает [Олег] в золотое стремя в городе Тьмуторокани“.

в) В 1-й редакции:

*Ejze, ty, Wsewołodzie, wielki ksiązę, nie gonie
Myslą tobie za bratem, a tronu ojców bronie?
Rozchlustaj Wołge wiosły i stań w bitewne szranki,
Po tynfie wtedy jence, po groszu będą branki!*

(Стр. 23)

В этом обращении к князю Всеволоду, по толкованию переводчика, древнерусский поэт как бы повелевает князю совершить то-то и то-то; отсюда ярко выраженная повелительная интонация. На самом же деле в русском тексте звучит совершенно иная интонация, выражающая совершенно другую идею, а именно: вначале идет вопросительная интонация с оттенком удивления, которая затем переходит в утвердительную интонацию, говорящую о силе и могуществе Всеволода: „Великий князь Всеволод! [неужели] и мыслью тебе не перелететь издалека, отцов золотой престол посторожить? Ведь ты можешь Волгу расплескать веслами, а Дон шлемами вычерпать. Если бы ты был [здесь], то была бы невольница по ногате, а раб по резани“.¹ В этом синтаксическом рисунке передано нарастание патриотических чувств древнерусского поэта. Юлиан Тувим совершенно прав, когда во 2-й редакции исправляет ошибочное толкование им русского текста в 1-й редакции и таким образом делает свой перевод гораздо более выразительным в плане интонационном и адекватным в идейном смысле. Он пишет:

*Ejze, ty, Wsiewołodzie! Nie czas-li, byś podążył
Bronić ojców stolicy? Toć mocen jestes, ksiązę,
Don szłomami wyczerpać, Wołge wiosły rozkropić,
Po groszu wtedy branki, po tynfie będą chłopi!*

(Стр. 24).

Этот пример является свидетельством того, как автор-переводчик проникает глубоко в каждом отдельном случае в выражение динамики чувств и настроений южнорусского поэта и реалистически передает идейную сущность древнерусского памятника даже в его интонационной фразировке. При этом, передавая русское значение слова „раб“ (древнерусское „кощей“) словом *chłopi* (во 2-й редакции), переводчик тем самым подчеркивает социальный облик полководческих пленников, которых захватил бы князь Всеволод. И это несомненно обогащает образ данного отрывка.

4. Стремление избавиться от излишней утрировки в передаче некоторых эмоциональных мест, созданной путем повторов, междометных выражений, нарочито подчеркнутой, резкой и искусственно проводимой экспрессии, не отвечающей стилю оригинала. Например;

а) В 1-й редакции мы читаем:

*Szum szumi gdzieś, drwon dzwoni gdzieś,
Co mi przed jutrznią szumi, dzwoni?
To Igor kneź, to Igor knez
Nawraca pułki, polem goni.
Ach, bo ni żal, ach, bo mu żal
Miłego brata Wsewołoda.*

(Стр 16).

¹ „По Дубенскому, «ногата», «резана — названия тогдашней ходячей мелкой монеты“ (А. С. Орлов, ук. соч., стр. 124).

Это стремительное словосочетание, искусственно повышенное настроение с ложным пафосом и даже с оттенком декламации совершенно не отвечали драматическому настроению древнерусского поэта: „Что [это] мне шумит, что мне звенит издалека рано перед зорями? Игорь полки оборачивает: жалко ему милого брата Всеволода“. Здесь и лирико-драматический пафос, выраженный вопросительной интонацией; здесь и эпически-описательная картина: сбор Игоря в поход; здесь, наконец, и выражение интимного чувства к брату, переданного поэтом так просто и искренно. В этом стройном сочетании трех различных стилистических моментов нашло свое реалистическое отражение искреннее чувство тревоги и любви, какое испытывал древнерусский поэт.

Польский поэт именно так и понял текст оригинала и перевел его во 2-й редакции реалистически-правдиво:

Co mi tam w dali szumi, dzwoni?
 Chrząst oręża? Tętent koni? —
 Przed jutrzeńką, na nowe boje
 Nawraca Igor pułki swoje,
 Z odsieczą śpieszy wojewoda, —
 Bo żal mu brata Wsiewołoda.

(Стр. 16).

б) В 1-й редакции мы читаем:

A Igor — *szast!* białym norem do wody.
 A Igor — *hyc!* — gornostajem w szuwały.

(Стр. 38).

В этом отрывке из картины „Бегство Игоря из плена“ стремительность и динамичность Юлиан Тувим передавал путем некоторых импрессионистических приемов. Во 2-й редакции он это же место передает совершенно иначе:

A Igor — białym nurem do wody,
 Gornostajem w nadbrzeżne szuwały.

(Стр. 35).

И такая передача вполне соответствовала эпически-описательной картине древнерусского оригинала: „А Игорь князь поскакал горностаем к тростнику и белым гоголем [пал] на воду“. Таких примеров при сличении 1-й редакции со 2-й можно было бы привести много. Это, однако, не означало, что польский поэт отказывался от целого ряда таких поэтических приемов, которые были характерны для стиля древнерусского памятника, связанного со стилем русской народной речи, как, например, повторы („Wietrze! Wietrze! Czemu wiejesz tak groźnie?“), аллитерации, составляющие словесно-музыкальную оркестровку древнерусского памятника („Trąby trąbią w murach Nowogrodu“), игра синонимами и тавтологические приемы, обычно встречающиеся в народных песнях („Od żalu-troski“, „Idą płaczki, żony-żałobnice“, „mieczem-obosieczem“ и т. п.), использование песенного рефрена (как, например, в „Плаче Ярославны“) или, наконец, сохранение метафоричности древнерусского памятника („Так, одиноко выронил [он] жемчужную душу из храброго тела через золотое ожерелье“ — „Więc samotnie-żeś z ciała chrobrego Rzucił śmierci skroś naszujnik złoty, Diamentową swą duszę w męczeństwie“). Во 2-й редакции все эти моменты нашли для себя соответствующее место, отражая стиль оригинала, а не толковались несколько произвольно польским поэтом, как это было в 1-й редакции перевода. „«Слово о полку Игоре»», — указывает А. С. Орлов, —

произведение риторическое по преимуществу. О том свидетельствует его насыщенность образными метафорами, символика и гиперболизм выражения". В другом месте он говорит: „Летописная повесть коренным образом отличается от «Слова»... пропитанного лирической страстностью и выраженного в метафорах и символах языком, исполненным ритма и музыки“.¹ Именно эти особенности древнерусского памятника и стремился передать польский поэт во 2-й редакции путем реалистического истолкования указанных мест. В связи с этим можно было бы указать много примеров того, как польский поэт работал над синтаксисом, лексикой и поэтическим стилем своего перевода с целью придать ему более ясное понимание и простоту изложения.

5. Стремление изъять свой перевод от всяких добавочных выражений и даже целых предложений, которых нет в оригинале, но которые были вставлены в 1-ю редакцию от себя в целях разъяснения какого-либо образа, понятия и т. п. Например:

а) В 1-й редакции:

Albo tak być miał, Welesa wnuku,
O, ty wieszczu z *pasterskiego* rodu.

(Стр. 17).

Во 2-й же редакции мы читаем:

Albo tak zaś piewać by przystało
O, Bojanie, z *Welesa* rodu.

(Стр. 7).

Последняя интерпретация полностью отвечала и древнерусскому оригиналу: „Или [так бы] воспеть, [о] веший Боян, Велесов внук“.

Все указанные черты, составляющие определенную систему во 2-й редакции перевода, показывают нам, какой трудный путь борьбы за реалистическую передачу содержания древнерусского текста прошел Юлиан Тувим, какую огромную работу проделал он над языком и стилем своего нового перевода, стремясь более точно передать на своем родном языке это великое творение русского поэта XII века. Поистине это достойный вклад в дело укрепления дружбы между советским и польским народами.²

¹ А. С. Орлов, ук. соч., стр. 42 и 22. См. о стиле „Слова“: Д. С. Лихачев. Слово о полку Игореве. Историко-литературный очерк. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 136—144; И. П. Еремин. „Слово о полку Игореве“ как памятник политического красноречия в Киевской Руси. Слово о полку Игореве. Сборник исследований и статей, Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 93—122.

² См. опубликованную в последние годы интересную статью А. Обрамбской-Яблоньской: Antonina Obrębska-Jabłońska. „Słowo o wyprawie Igora“ w przekładach polskich. Pamiętnik Literacki, 1952, Warszawa-Wrocław, Rocznik XLIII, zeszyt 1—2, стр. 408—441.

М. Н. ТИХОМИРОВ

„Написание“ Даниила Заточника

Литературная история произведений, связанных с Даниилом Заточником, до сих пор не ясна. Высказывания по поводу личности Даниила противоречивы и порой мало обоснованы. До сих пор нет еще согласия даже в вопросе о времени появления основных редакций „Слова“ и „Моления“. В последней своей работе В. М. Гуссов вновь высказывает мысль, что „так называемая «вторая» редакция является на самом деле первоначальной, а так называемая «первая» представляет уже ее переделку“.¹

Не разбирая положений В. М. Гуссова, отметим здесь только, что его попытка связать „Моление“ с конкретной историей событий начала XIII века заслуживает большого внимания. Но сам вопрос о времени появления „Слова“ и „Моления“ остался в его статье в сущности неразобранным. Да и трудно его разрешить при помощи только раньше собранного материала. Поэтому появление нового списка произведения Даниила Заточника, к тому же списка с очень большими отличиями от других, позволяет снова поставить вопрос о взаимоотношении „Слова“ и „Моления“, а также вопрос о времени возникновения „Слова“, о его составителе и о князе, к которому автор обращается.

I

Новый список произведения Даниила Заточника, названный в рукописи „Написанием“, был найден мною в библиотеке музея б. Кирилло-Белозерского монастыря в июне 1953 года. Находка была чисто случайная, так как рукопись со „Словом“ не отличается какими-либо внешними достоинствами. Больше того, она носит на себе следы потерок белой краски, видимо попавшей на нее во время какого-либо ремонта. На месте рукопись была нами кратко описана, а с текста „Написания“ Даниила Заточника снята копия при помощи сопровождавшего меня историка В. И. Сергеева.

„Написание“ входит в состав сборника XVII века. Рукопись написана в четверку, на 279 листах. На бумаге имеется водяной знак — шут с 5-лопастным воротником. Написана рукопись полууставом первой половины или середины XVII века. Заставка и вязь, поставленные перед „Житием“ Василия Нового, старопечатного стиля. На переднюю корку переплета внутри наклеена миниатюра XVII века — изображение Васи-

¹ В. М. Гуссов. Историческая основа Моления Даниила Заточника. Труды ОДРА, т. VII, 1949, стр. 410.

лия Нового. Переплет картонный. На нем наклеен ярлык с цифрами, сделанными печаткой: „№ 2871. 2. Ж. 74“.

На первом листе карандашом помечено несколько номеров: №№ 182, 280, 11449. Тут же пометы (печатью): „г. Кириллов: [Музей] Кириллов-Белозерский и Ферапонтов“. То же помечено в конце „Жития“ Василия Нового. После „Жития“ Василия Нового, на обороте последнего листа и на 2 чистых листах запись XVIII века: „Сия книга глаголемая Василь Новый а подписал... ма...“ (неразборчиво). На втором чистом листе скорописью XIX века: „Сия книга принадлежит грешной Викторине“.

В состав сборника входят:

- 1) „Житие Василия Нового“ (лл. 1—145);
- 2) „Книга глаголемая Пчела сирѣчь цвѣтникъ. Избрано изо многихъ книгъ мудрости от еуангелия и от апостола“ (лл. 148—190 об.); всего в „Пчеле“ 70 слов;
- 3) „Главы показательны царства Василия царя Греческаго к сыну его великому царю Льву возлюбленному“ (лл. 191—213);
- 4) „Генадия архиепископа Константина града Стословец. Слово о вѣрѣ“ (лл. 213 об.—228 об.);
- 5) „Святаго Нила о осми помыслѣхъ“ (лл. 228—233);
- 6) „От приточ святаго Нила, еже ко иноком“ (лл. 233 об.—235);
- 7) „От Старчества“ (лл. 235—272);
- 8) несколько мелких статей из монашеских сборников; на обороте листа 272 заканчивается вверху обозначение листов „Пчелы“. Повидимому, был вырван один лист, так как текст обрывается на словах: „и богу нашему...“;
- 9) „Написание“ Даниила Заточника (лл. 273—279).

Почерк рукописи очень четкий, над словами поставлены ударения, как это встречаем и в печатных изданиях XVII века. Заставки и инициалы сделаны тщательно, хотя и пострадали от времени и плохой сохранности рукописи. „Написание“ начинается с новой страницы и озаглавлено: „От книги глаголемыя пчелы. Написание Данила Заточеника къ своему великому князю Ярославу Владимировичю [так в рукописи]. Вельми полезно“. Следовательно, переписчик считал „Написание“ входящим в состав „Пчелы“, для чего у него, может быть, имелись основания. Ведь „Написание“ могло объединиться с „Пчелой“ уже в том оригинале, с которого оно было списано в нашу рукопись.

Текст „Написания“ передается нами в том виде, как он помещен в рукописи, и с соблюдением знаков препинания рукописи. Выносные буквы внесены в строку и заключены в квадратные скобки.

[Написание Даниила Заточеника]

От книги глаголемыя пчелы. написание данила заточеника, къ своему великому князю ярославу владимировичю вельми поле[з]но. Вострубимъ, оубо яко в златкованныя трубы, в разуме¹ оума своего; і начнем бити в сребренныя² органы, и возошемъ от премудрости. боже боже мои вскую мя еси оставиль. востани слава моя, востану во псалтыре и гуслех. востану рано. исповѣмтися. разверзу в притча[х] гаданія мо[я] провѣщаю во языцѣх славу мою. [л. 273 об.] сердце бо смысленаго оукрѣпляется, в тѣлеси его мудрості[ю]. бысть языкъ мой, яко трость книжника скорописца. оувѣтливая оуста аки рѣчная быстрина.

¹ е переправлено на ъ.

² Другим почерком сверху приписано второе и.

сего ради понудихся написати всяк сооузъ сердца моего, и разби[х] злѣ аки древняныя младенцы о камень. но боюся господине похваления твое[го] на мя. азъ бо есмь яко она смоковница непло[д]ная, не имѣю плода покаянню. имѣю бо сердце аки лице безо очю. и бысть оумъ мой, аки нощныи вранъ на ны [л. 274] рищи. забдѣхъ и ра[з]сыпахся животъ мой, аки хананейскіи царь буестию. и покры мя нищета, яко же чермное море гордаго фараона. се же бѣ написахъ ібежа[х] от лица художества моего, аки агарь от сар'ры госпожи своея, но видѣхъ господине твое добросердіе до себе і притекох ко обычней¹ твоеи любви.² глаголет бо писаніе, просящему оу тебе даи, толкушему отверзая, да не лишень будеши царствія небеснаго. писано бо есть воз'верзи на господя печаль твою і тои тя препитает.³ [л. 274 об.] княже мои господине мои, азъ бо есмь яко трава блещаемая и растома на застѣнѣ на нее [же] ни солнце сияетъ ни дождь идетъ. тако же і азъ всѣми обидимъ есть. зане ограже[н] страхо[м] грозы твоея аки оплотомъ твердым. не возри на мя господине мои аки волкъ на агня, но возри на мя яко мати на своего младенца. зане господине кого богъ милует[т], а мнѣ горѣ лютое. друзи мои и ближніи мои, и ти отвергошася мене. зане не поставих пре[д] ними трапезы і многообразны[х] [л. 275] брашенъ. мнози бо при славѣ со мною дружатся, а при напасти яко враги обрѣтаются, и паки очима бо плачю[т] со мною, а сердце[м] смѣю[т]ми ся. тѣм же не ими другу вѣры ни надѣся на брата. яко же рече соломонъ, не даи же ми господи ни богатства ни оубожества, аще ли буду богатъ то гордость восприму. аще ли оубогъ помышляю на татбу и на разбой. тѣм же вопію к тебѣ княже мои господине мои одержимъ азъ нищетою, помилуй мя сыне велика[го] князя [л. 275 об.] владимира. да не восплачюся рыдая яко адамъ рай. зане же господине богатъ мужъ знаемъ есть і на чюжеи странѣ і друзи⁴ имѣеть. а оубогъ і во своемъ градѣ ненавидимъ есть. богатыи возглаголетъ вси оумолкнуть, и слово его до облакъ во[з]несу[т]. а оубогіи возглаголетъ и вси ему возсмѣются, их же ризы свѣтлы тѣхъ и рѣчь честна. княже мои господине мои, избави мя от нищеты сія аки птицу от тенята, іли яко овцу от волковъ. княже мои господине мои, азъ бо [л. 276] есмь аки древо при пути, мнози его посѣкають и во огонь мещуть. тако же і азъ всѣми обидимъ есмь, зане же ограженъ страхо[м] грозы твоея. яко же бо олово гинетъ часто на огни разваряемо, тако и человекъ приемля многія бѣды, і никто же може[т] много соли зобати, ни в печали человеку смыслити. злато искушается огне[м], а человекъ напастьми. пшеница бо много мучима чистъ хлѣ[б] являетъ, а человекъ по печали обрѣтаетъ оумъ совершенъ. моль ризы изыдаетъ [л. 276 об.] а печаль человека. і аще кто в печали человека призритъ, то аки студеною водою напоить его во зноинныи день. птица бо радуется веснѣ, а младенецъ своей матери. весна оукрашае[т] цвѣты землю, а ты оживляеши вся человекы милостію своею. княже мои господине мои, яви ми зракъ лица твоего, яко⁵ глаголь твой сладок[к], і обра[з] твой красенъ, сладость источають оустнѣ твои. но егда ты веселишися многими брашны, а меня помяни сухъ хлѣбъ ядуща. или піешь сладкое питіе, а меня [л. 277] помяни теплую воду піюща. егда[же] лежиши на мягки[х] постеляхъ под соболными одѣялы, а меня господине помяни по[д] еди-

¹ е переправлено на ъ.

² Здесь оставлено чистое место, где поместились бы две буквы.

³ Слогъ таетъ написанъ подъ строкой, подъ препи.

⁴ После д поставлен паерокъ.

⁵ Сверху поставленъ значокъ и на поляхъ тем же почеркомъ зане.

нымъ плато[м] лежаща и зимою оумирающа, и каплями дождевными, яко стрелами сердце мое пронизающе. князе мои господине мои, да буди рука твоя распростерта на подание оубогимъ, ни чашею моря исчерпати, ни нашимъ иманіемъ твоего дому истощити. яко[же] невод не одержитъ в себѣ воды, точію рыбы едины. тако і ты господине, не во[з]держи ни злата,¹ [л. 277 об.] ни сребра, но роздан людемъ. паволока бо испещрена многими шелки, красно лице являеть, тако і князь многими людьми честень и славе[н] по всѣмъ страна[м]. надѣяися на господа, яко гора сіонъ неподвижится во вѣки. многажды безнарядіемъ полки погибають, тако и многія добрыя полки без добраго князя. гусли строятся персты, а тѣло основается жилами, а дубъ крѣпится множество[м] коренія. тако и градъ нашъ крѣпится твоею державою. слезы бо мнози отца и матере лишаются. [л. 278] добру господину служить дослужится свободы, а злу господину служи[т], дослужится болшія работы. князь щедръ аки река текущи сквозѣ дубравы, напаяюще не токмо человекѣ но и скоты. а кня[з]ь скупъ, аки река бе[з] береговъ, береги каменны нельзе² пити, ни коня напоити. княже мои господине мои. не лиши хлѣба нища мудра, ни вознеси богата до обла[к], несмыслена. нищъ мудръ аки злато в сосудѣ. а богат красенъ и несмысле[н], то аки паволочное зголовіе соломы набито. княже мои господине мои, [л. 278 об.] не зри, внѣшняя моя, но зри внутренняя, азъ бо одѣяніе[м] скуденъ, но разумо[м] обилень. возраст юнъ имѣю, а старъ смыслъ во мнѣ, и бы[х] мыслию паря аки орелъ по во[з]духу. мужа оумнаго посылая мало ему накажи, а безумнаго посылая и са[м] не ленися по не[м] итти. слышите пренія³ оумны[х] нежели наказанія безумны[х]. даи премудрому вину премудрее будетъ. не сѣи жита на бра[з]дахъ, ни безумному мудрости на сердце. дѣвица погубляе[т] красоту свою блудо[м], а мужъ свое мужество татбою. [л. 279] княже мои господине мои, не море корабли топить но вѣтри погружаю[т]. не огонь ра[з]женіе творить желѣзу, но надыманіе мѣха. тако же і кня[з]ь не са[м] впадаетъ во многія вещи злыя но думчїи вводя[т]. з добрымъ думчею думаетъ князь висока стола доиде[т], а с лихи[м] думаетъ и малого лишень будетъ. азъ же господине княже мои, ни за море ходихъ, ни от философѣ наоучився. но быхъ яко пчела нападаю по красны[м] цвѣто[м]. и собираю медвенны сотъ. тако и азъ собираю книжную сладость словесныи разумъ [л. 279 об.] и совокупихъ аки в мѣхъ воды морскія, и оуже престану глаголати, да не буду яко мѣхъ оутель, роня богатство неимущи[м]. да не оуподоблюся жерновамъ, яко многія люди насыщаю[т], а сами себя не могутъ насыти[т]ь. да не во[з]ненавиденъ буду миру многою бесѣдою, і яко же птица часто поюще, скоро возненавидима бываетъ. господи даи же князю нашему сампсонову силу, і алекса[н]дрову храбрость, іосифовъ разумъ, соломонову мудрость. ныне і присно.⁴

II

Даже краткое ознакомление с „Написанием“ Даниила Заточника показывает серьезные его отличия от известных списков „Слова“ или так называемой редакции XII века. „Написание“ имеет прямую ссылку на „Пчелу“: „От книги глаголемыя пчелы“, что отсутствует в других

¹ Слог та написан под строкой.

² Первоначальное е переправлено на ъ.

³ е переправлено на ъ.

⁴ Внизу приписано другой рукой XVIII века (?) аминь.

списках. Автор „Написания“ носит имя Даниила Заточеника, как и в списках „Слова“, только в Толстовском списке он назван Заточником. Название сочинения Даниила, однако, в найденном нами списке, другое: „Написание“, а не „Слово“, как в других текстах. Поэтому в отличие от других списков мы и будем его далее называть „Написанием“ Даниила Заточеника. Адресат, к которому обращается Даниил, обозначен как великий князь Ярослав Владимирович. В Академическом и Копенгагенском списках „Слова“ Ярослав Владимирович назван просто князем, а в списке Никольского и Барсова даже сыном Даниила.¹

Обращаясь теперь непосредственно к тексту „Написания“ и сравнивая его с известными нам списками „Слова“, мы заметим, что текст „Написания“ значительно короче. Так, в нем отсутствуют следующие крупные отрывки, имеющиеся в списках „Слова“ (в скобках указываются страницы по изданию Н. Н. Зарубина): „воззри на птица... милости твоя“ (8); „погнетающе руку со мною в солило“ (9); „помогающе подразити ноги мои“ (9); „не лгал бо ми Ростислав князь... в нищети“ (10); „а жены на б...“ (10); „пусти тучю художества моего“ (11); „всяк бо человек... смыслити“ (12—13); „печалну бо мужу засюшать кости“ (13); „сироты и вдовици от велмож погружаемы“ (14); „и послание твое аки рай с плодом“ (14); „от места незаветрена“ (15); „якоже похвалиси Езекий царь... двинется тма“ (17—18); „дивна за буяном... князем воевати“ (18); „зане князь щедр... прибегают“ (19); а боярин щедр... сождения порт“ (20—21); „но постави сосуд... сердце безумному“ (22—23); „очи бо мудрых желают благых, а безумнаго дому пира“ (23); „безумных бо ни сеют... к тебе не скорбил“ (24—25).

Пропущен также большой кусок „Слова“, где говорится о злых женах: „Глаголет бо в мирских притчах... мене продадут“ (27—33).

На первый взгляд создается впечатление, что „Написание“ просто является сокращением „Слова“. Но такое простое объяснение не находит оснований в самом характере сокращений. Прежде всего среди выпущенных мест есть длинный отрывок, направленный против злых жен. Резкие выпады против злых жен, представляющие собой нагромождение афоризмов, выпадают из общего построения „Слова“, уводят в сторону от его содержания. Можно предполагать, что весь отрывок о злых женах был вставлен в произведение Даниила позже, а не существовал в его первоначальном оригинале. На это указывает и фраза, заканчивающая рассуждение о злых женах: „еще возвратимся на предняя словеса“ (33). Это обычная ссылка на вставку, которая хорошо известна по летописям и другим памятникам древнерусской литературы. Не случайно в отрывке о злых женах нет обращения к князю („княже мой, господине мой“), так как эта вставка не имеет ничего общего с содержанием „Написания“.

Такой же вставной характер имеет ссылка на царя Езекию и Святослава Ольжина сына (17—18). Крайне характерно и отсутствие ссылки на князя Ростислава, столь сбившее исследователей („не лгал бо ми Ростислав князь“, 10). Явной вставкой является и фраза: „видишь велик зверь, а главы не имеет“, — разбивающая слова о безнравственности полков, погибающих без доброго князя.

Вообще, если признать, что автор „Написания“ последовательно сокращал текст, останется непонятным, почему он выкинул как раз

¹ Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Приготовил к печати Н. Н. Зарубин. Изд. АН СССР, Л., 1932.

те места „Слова“, которые особенно привлекали внимание переписчиков и сохранились в „Молении“ и переделках „Слова“ и „Моления“, особенно поучение о злых женах. Не проще ли предполагать, что этих мест не было в первоначальном оригинале произведения Даниила Заточника.

Характерно также последовательное отсутствие в „Написании“ замечаний о боярах и княжеских тиунах (20—21, 25), о вельможах, обижающих сирот, и др. Слово „боярин“ даже не упоминается в „Написании“, где автор непосредственно обращается к князю.

Предположение о том, что „Написание“ является простым сокращением „Слова“, опровергается и существованием ряда важных отличий в нем от текстов „Слова“. Эти отличия имеют тем большее значение, что они относятся как раз к тем местам „Слова“, которые имеют датирующее значение. Таков знаменитый каламбур „Слова“: „Зане, господине, кому Боголюбиво, а мне горе лютое, кому Бело-озеро, а мне черней смолы, кому Лаче-озеро, а мне на нем седя плачь горкий, и кому ти есть Новгород, а мне и углы опадали“ (8). В „Написании“ здесь сказано кратко: „Кого бог милует, а мне горе лютое“. Северное происхождение списка „Написания“ никак не объясняет, почему было сделано сокращение каламбура. Вернее думать обратное: была расширена первоначальная тема о том, кого бог милует, а кому горе лютое.

Обращение в „Написании“ сделано к сыну великого князя Владимира, тогда как в других списках, за исключением списка Никольского, — к сыну великого царя Владимира, что заставило некоторых исследователей считать адресатом „Слова“ Юрия Долгорукого как сына Владимира Мономаха, которого будто бы только и можно было называть на Руси царем, что, впрочем, неверно.

Отдельные варианты „Написания“ также не говорят в пользу предположения о его заимствовании из „Слова“. Так, в „Написании“ читаем: „И начнем бити в сребренны органы и возопием от премудрости: «боже, боже мой, вскую мя еси оставил»“.

В „Слове“ здесь читаем витиеватую и не вполне ясную фразу: „И начнем бити в сребренны арганы возвитие мудрости своеа“. Мало понятное „возвитие“ заменено в других списках: „и возвеем“, „возвестия“ и „возвиде“ (4).

Вместо слов: „яко серну от тенета, аки птенца от кляпци, яко утя от ногти носимаго ястреба, яко овца от уст львов“ (12) в „Написании“ читаем более понятное: „аки птицу от теньта или яко овцу от волков“.

Подробный анализ всех отличий „Написания“ от „Слова“ не входит в нашу задачу, но и беглый обзор этих отличий не позволяет предположить, что „Написание“ является простым сокращением „Слова“.

В „Написании“ находим такие варианты (в скобках указаны варианты „Слова“ и страницы по изданию Зарубина): „быстрина“ („быстрость“, 5), „понудихся“ („покушахся“, 5), „похваления“ („похуления“, 5), „неплодная“ („проклятая“, 5), „гордаго“ (в „Слове“ нет, 6), „оплотом“ („плодом“, но в Толстовском списке тоже — „оплотом“, 7), „своего“ (в „Слове“ нет, 8), „при славе“ (в „Слове“ нет, 9), „глагол“ („глас“, 14), „сладосте“ („мед“, 14) и пр.

Имеются и другие отступления самостоятельного значения от текста „Слова“. Так, в „Написании“ читаем: „да буди рука твоя распротерта“; в „Слове“: „да не будет, княже мой, господине, рука твоя согбена“ (15—16).

Тем не менее следует признать, что „Написание“ дошло до нас в списке, который неполно и неточно передает первоначальный оригинал. Так, „древняя младенца“ (5) превратились в „Написания“ в „древянная младенца“, хотя речь идет об образе, взятом из известного псалма („На реках вавилонских“). Явно испорчено и другое место „Написания“: „слезы бо мнози отца и матере лишаются“. Вместо „слезы“ должно быть „слузи“, как в „Слове“.

Есть еще одна особенность „Написания“, говорящая о его самостоятельном происхождении. В нем мы находим постоянное и более интимное, чем в „Слове“ обращение к князю, являющееся как бы введением к дальнейшим жалобам и афоризмам: „княже мой, господине мой“. Совершенно непонятно, почему такое обращение к князю следовало бы признавать более поздним и происшедшим от сухого обращения „господине“.

Подводя итог нашим замечаниям, позволим себе сделать вывод, что „Написание“ не было сокращением „Слова“, а наоборот, оригинал „Написания“, не дошедший до нас, послужил источником для „Слова“, дополненным и расширенным рядом вставок. Поэтому „Написание“ заслуживает особого изучения, тем более что оно лишено ряда вставок (например, о злых женах), которые вовсе не являются характерными для русских гражданских памятников XII—XIII веков, а типичны для монашеских сборников, куда и попало позже произведение Даниила. Конечно, наши наблюдения заслуживают проверки и могут быть пока приняты только в виде рабочей гипотезы.

III

„Написание“ лишено ряда мест, которые раньше служили для определения того, кем был Даниил Заточник и к какому князю он обращался. При отсутствии в „Написании“ указаний на Боголюбово, Белоозеро, Лаче-озеро и Новгород, указанием на место составления „Написания“ может служить его распространение на севере. Список Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина ранее принадлежал Кирилло-Белозерскому монастырю. Северного происхождения и списки Никольского и Барсова, собирателей рукописей на севере Руси.¹ Единственный список „Написания“ также северный. Он найден в Кирилло-Белозерском монастыре. Позднейшее предание связывает Даниила Заточника с озером Лаче или с Белым озером. Белое озеро и озеро Лаче относились к новгородским владениям. Следовательно, и князь, к которому обращался Даниил, должен был быть князем новгородским.

Из новгородских князей с именем Ярослава Владимировича известны только два: Ярослав Мудрый и другой Ярослав, трижды княживший в Новгороде во второй половине XII века. Из южных князей с именем Ярослава Владимировича известен только галицкий князь, который явно не имеет отношения к „Слову“ или „Написанию“ как памятнику северного происхождения. Поскольку приурочивание „Слова“ и „Написания“ ко времени Ярослава Мудрого невероятно, остается наиболее правильным предположение, что „Слово“ и „Написание“ обращаются к Ярославу Владимировичу Новгородскому, княжившему во второй половине XII века.

¹ К северной редакции относится и список, опубликованный В. И. Малышевым в шестом томе „Трудов ОДРЛ“ (1948, стр. 193—200).

Различного рода догадки о каком-то другом князе, к которому обращался Даниил Заточник, являются маловероятными и основаны на произвольном толковании обращения к сыну „великого царя“ Владимира.

Мало значения имеет и представление о небольшой популярности Ярослава Владимировича, что будто бы могло помешать обращению к нему со „Словом“. Дальнейшие переписчики, вероятно, связывали имя Ярослава Владимировича с Ярославом Мудрым, как это было и с „Уставом Ярослава о мостех“, возникшим при Ярославе Владимировиче во второй половине XII века или при Ярославе Всеволодовиче в первой половине XIII века.

Что же мы знаем об Ярославе Владимировиче, княжившем во второй половине XII века?

Ярослав был сыном князя Владимира Мстиславича, правнуком Владимира Мономаха. Новгородская летопись величает его следующим образом: „сын Володимирь, а внук великаго Мьстислава“.¹ Добавим к этому, что отец Ярослава, Владимир Мстиславич, одно время был киевским князем.

В 1182 году Ярослав сел княжить в Новгороде при помощи великого князя Всеволода Большого Гнездо, которому приходился свояком. Следовательно, Всеволод и Ярослав были женаты на родных сестрах. Через два года Всеволод вывел своего свояка из Новгорода, так как против него были восстановлены новгородцы, „зане много творяху пакостей волости Новгородьской“.

Ярослав вторично появился в Новгороде в 1187 году. События, связанные со вторым княжением Ярослава, кратко отмечены в летописи. В 1190 году у него родился в Новгороде сын Изяслав. В 1191 году он поставил на Городище, княжеской резиденции под Новгородом, деревянную церковь Николая. В 1194 году Ярослав ходил на рубеж Полоцкого княжества сговариваться с полочанами об общем походе в Литву и против Чюди. Это событие привлекло к себе внимание современников и более подробно рассказано в Ипатьевской летописи, чем в Новгородской. Поход на Чюдь состоялся в том же году и окончился взятием Юрьева (Дерпта). В следующем году Ярослав посылал свою дружину против эстонского города Медвежья голова (Оденпе), который был взят русскими войсками. В 1196 году Ярослав по требованию Всеволода Большое Гнездо ходил на Чернигов, но поход расстроился: новгородцы с князем Ярославом вернулись домой, „а Ярослава негодуюче“. В 1196 году новгородцы выгнали Ярослава. В 1197 году Ярослав вновь был приглашен новгородцами на княжение. В 1198 году он заложил церковь Преображения на Нередице, а в 1199 году был опять выведен из Новгорода великим князем Всеволодом, на этот раз окончательно.²

Наша краткая справка будет совершенно бесполезной, если к ней не добавить несколько существенных замечаний, имеющих прямое отношение к „Написанию“ Даниила Заточника.

Ярослав Владимирович вовсе не принадлежал к числу малозаметных людей своего времени. Его титулование в Новгородской летописи „сыном Владимира, внуком Мстислава“ подчеркивало происхождение от сильнейшего и знаменитейшего из князей, наследовавших Владимиру Мономаху. Мстислава Владимировича иногда называли Великим,

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 37.

² Там же, стр. 37—44.

а в южнославянской письменности сохранилось даже его „Житие“. Следовательно, и в „Написании“ было вполне уместно обращаться к сыну „великого князя Владимира“. Новгородская летопись называет великим князем и самого Ярослава Владимировича: „князь великий Ярослав, сын Володимирь, внук Мстиславль“.¹ А это совершенно соответствует обращению „Написания“ к великому князю Ярославу Владимировичу. После этого прямого свидетельства наших источников, какую же цену могут иметь рассуждения о малой известности и популярности в Новгороде князя Ярослава Владимировича? Что можно противопоставить титулу „великого князя“, употребленному в применении к Ярославу Владимировичу и в летописи, и в „Написании“, кроме домыслов о возможных ошибках переписчиков?

Здесь не место входить подробно в обстоятельства княжения Ярослава Владимировича, но нельзя не отметить одну его особенность: среди новгородцев существовали ярые сторонники Ярослава.

К каким же кругам они принадлежали? На это отчасти указывает Новгородская летопись. Вторично на княжеский стол Ярослава приглашали „переднии мужи сотьский“. Они взяли Ярослава „с всею правдою и честью“. Ярослав сел на новгородский стол, „обуясь с людьми“, т. е. договорившись с людьми, а под словом „люди“ чаще всего понимались городские круги, прежде всего ремесленники. Изгнание Ярослава из Новгорода в 1196 году было настолько заметным фактом, что его отметила и южнорусская летопись.²

Деятельность Ярослава оставила довольно прочную память в Новгороде, настолько прочную, что составленный им „Устав“ о мостовой повинности рано стал включаться в сборники новгородских актов. Оставил память Ярослав Владимирович и построением церкви Преображения на Чередице, расписанной замечательными фресками и погибшей во время Великой Отечественной войны от рук фашистских варваров.

Итак, нельзя говорить о Ярославе Владимировиче как о захудалом князе, если не отказаться от прямых указаний источников, заменяя их домыслами об описках переписчиков и пр.

К такому князю с полным правом могли быть обращены слова „Написания“ о князе, которым крепится град наш, т. е. Новгород: „так и град наш крепится твоею державою“. Новгородский князь „многими людьми честен и славен по всем странам“ является, к нему с полным правом можно было обращаться с призывом не держать злато и серебро, а раздавать его „людем“. Обращения Даниила к своему князю о гибели полков от безнарядья также понятны, если мы вспомним, что Ярослав совершил несколько военных походов и был тем „добрым князем“, который водил за собой „добрые полки“. Во всех этих обращениях Даниила нет ничего противоречащего биографии Ярослава Владимировича.

Обращаясь теперь к автору „Написания“ и „Слова“, отметим прежде всего, что имя его обозначено точно: он назван Даниилом Заточником. Само название произведения: „Написание Даниила Заточника к своему великому князю Ярославу Владимировичу“, могло принадлежать самому автору. Слово „написание“ употреблялось в древнейших русских памятниках в смысле письменного изложения или письма. Из подборки, сделанной в „Материалах для словаря древне-

¹ Новгородская первая летопись... стр. 44.

² Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871, стр. 470—471.

русского языка“ И. И. Срезневского, ясно следует, что термин „написание“ очень древний. Непонятно, откуда этот старый термин мог появиться у позднейшего переписчика или редактора первоначального „Слова“. Старое предание, записанное под 1377 годом, уже говорило о заточении Даниила на Лаче-озере. В исчезнувшей Троицкой летописи оно было записано в такой форме: „Егда бысть побоище на Воже с Бегичем, изнимаша на той войне некоего попа, от орды пришедша, и обретоша у него злых зелий лютых мешок, и много истязавше его, послаша на заточенье на Лаче-озеро, иде же бе Данило Заточеник“.¹ В этом летописном известии сохраняется форма прозвища Даниила, известная нам по „Написанию“ и „Слову“ — „Заточеник“, а не „Заточник“.

Какие же данные мы черпаем из „Написания“ о самом Данииле Заточенике?

В сущности наиболее полным указанием на социальную принадлежность автора „Написания“ является указание его на то, что он был слугой князя: „Служи бо мнози отца и матере лишаются: добру господину служат, дослужится свободы, а злу господину служит, дослужится большия работы“.

Какая же вина была у Даниила, чтобы князь отказался от обычного добросердия к нему и его „покрыла нищета“? Нищенское положение автора „Написания“ неоднократно подчеркивается обращением к князю с просьбами защитить его от преследований и обратить внимание на его бедственное положение. Тут же приводится и причина княжеского гнева — это „татьяба“. Муж губит „свое мужество татьбою“.

К какой же социальной среде принадлежал Даниил и в чем заключалась „татьяба“, которую он совершил? Прежде всего приходится отвергнуть мысль о том, что Даниил принадлежал к дружинникам или вообще к ратным людям. В „Написании“ нет даже намека на какие-либо воинские аксессуары, если не считать общего упоминания о полках и князе-полководце. Зато „Написание“ наполнено другими образами, не имеющими никакого отношения к воинской службе и очень настоятельно ведущими нас в определенные круги городского населения древней Руси. Автор „Написания“ был прекрасно знаком с процессами плавки дорогих металлов. „Олово гинет часто на огни разваряемо“, „злато искушается огнем“, „не огонь разжение творит железу, но надымание меха“ — такие образы, такие сравнения возникают перед Даниилом Заточеником, обращающимся к своему князю.

До сих пор еще в ходу было представление о малом развитии письменности в древней Руси. Открытие новгородских грамот на бересте опровергло мнения о бесписьменных, безлитературных русских городах, где будто бы только феодалы и духовенство занимались литературой. Какие же основания теперь отвергать предположение, что Даниил Заточеник был ремесленником-серебряником, попавшим в беду, наказанным за кражу? Ведь именно такие ремесленники делали замечательные новгородские сосуды и ставили на них свои имена. Они покрывали их надписями, чего не могли сделать неграмотные люди.²

¹ М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 447.

² Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, гл. V.

Тогда автобиографически будут звучать и слова: „се же бе написях и бежах от лица художества моего“. И. И. Срезневский переводит слово „художество“ в „Слове“ Даниила Заточеника как „худые дела“, но почему нельзя считать, что под художеством понимается занятие ремеслом или искусством, от которого бежал Даниил, совершив преступление? Тогда в лице Даниила Заточеника мы можем увидеть ремесленника или художника. Подобный человек мог хорошо знать литературу и несмотря на свой „юный возраст“ быть выдающимся художником, находится, по его собственным словам, „в славе“ до своего преступления.

„Написание“, дошедшее до нас в позднем списке, представляется нам памятником, ближе всего стоявшим к первоначальному произведению Даниила Заточеника. Развитие легенды о Данииле можно наблюдать по Толстовскому списку. В него вставлен рассказ о том, как Даниил писал в заточении на Бело-озере, запечатал свои словеса в воск и бросил в озеро. Пойманную рыбу отнесли к князю, который прочел „Написание“ и велел освободить Даниила.

В этом предании уже встречаем термин „написание“. Интересно противоречие между указаниями летописи на заточение Даниила на озеро Лаче и свидетельством Толстовского списка о нахождении Даниила на Бело-озере. Вероятно, это зависело от стремления осмыслить каламбур „Слова“ о Бело-озере и Лаче-озере. Для нас это служит важным указанием на то, что уже в конце XIV века существовало указание на Лаче-озеро как на место заточения Даниила. Это указание могло и не иметь какого-либо реального значения, а только было литературным домыслом. „Слово“ и „Моление“ представляются нам развитием того, что было дано в „Написании“. Сравнение Даниилом самого себя с пчелой, характер памятника с его афоризмами, связали „Написание“ с „Пчелой“ как сборником нравственных и обеспечили произведению Даниила популярность. На основании „Написания“ возникли „Слово“ и „Моление“, но пересмотр их взаимоотношений не входит в задачи данной статьи.

В. Ф. ПОКРОВСКАЯ

Неизвестный список „Слова“ Даниила Заточника

Издаваемый текст „Слова“ о Данииле Заточнике был обнаружен сотрудником Библиотеки Академии Наук СССР Б. В. Александровым незадолго до начала Великой Отечественной войны в сборнике XVII века Архангельского собрания Библиотеки Академии Наук СССР, № 1014 и определен им как список так называемой редакции XII века.

Значение этой находки нисколько не умаляется тем, что сейчас старшинство редакции XII века оспаривается и более близкими к первоначальному виду произведения считаются списки редакции XIII века.² Имеющееся в распоряжении исследователей количество рукописей далеко не достаточно для того, чтобы произвести всесторонние наблюдения и сделать окончательные выводы об этом замечательном по своей публицистической направленности памятнике. Поэтому и заключение о первенстве редакций приходится делать, исходя в значительной мере из теоретических предположений, обобщая результаты изучения литературной истории других древнерусских произведений. В таких условиях каждый вновь открытый текст, к какой бы редакции он ни принадлежал, обязательно должен быть введен в научный оборот.

Шесть списков редакции XII века объединены Н. Н. Зарубиным в 1932 году в одно сводное издание с параллельно расположенными текстами.³ Седьмой список найден В. И. Малышевым в 1940 году в рукописи, приобретенной им в г. Беломорске для Института истории, языка и литературы Карело-Финского филиала Академии Наук СССР.⁴

¹ Сборник написан в середине XVII века несколькими почерками. Бодяные знаки — кувшинчики разного типа. В сборнике находятся: сказание об иконе Николы Зараского, выписки из летописей, сказание о взятии Казани, отрывки из Хронографа, челобитная иноков Ивану Грозному, сказания Ивана Пересветова о книгах греческих и о Магмете-салтане, повести о событиях из эпохи крестьянских войн начала XVII века, соборная грамота митрополита Макария 1647 года и другие статьи. В конце приплетена „История об Иудейской войне“ Иосифа Флавия. Рукопись принадлежала ранее Архангельскому Красногорскому монастырю.

² История русской литературы, т. I, ч. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1945, стр. 35—45. — Н. К. Гудзий. 1) К какой социальной среде принадлежал Даниил Заточник. Сборник статей к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова, Изд. АН СССР, Л., 1934, стр. 477—485; 2) История древней русской литературы. Учебник для вузов, изд. 5-е, М., 1953, стр. 165—174. — В. М. Гуссов. Историческая основа Моления Даниила Заточника. Труды ОДРА, т. VII, 1949, стр. 410—418. — И. У. Будовниц. Памятник ранней дворянской публицистики (Моление Даниила Заточника). Труды ОДРА, т. VIII, 1951, стр. 138—157.

³ Н. Н. Зарубин. Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Памятники древнерусской литературы, Л., вып. 3, 1932.

⁴ В. И. Малышев. Новый список „Слова Даниила Заточника“. Труды ОДРА, т. VI, 1948, стр. 193—200.

Архангельский список, восьмой по счету, занимает в ряду остальных семи списков редакции XII века ясно определяемое место. Ближе всего он стоит к рукописи Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, из собрания А. Ф. Толстого, Отд. III, № 73. Близость этих списков выражается, во-первых, в ряде вставок, присущих только этим двум рукописям. Так, в этих двух списках мы читаем нигде больше не повторяющуюся вставку в § XLVII — легендарный рассказ о желаемом результате обращения Даниила Заточника к князю: „Сия словеса аз, Данил, списах в заточении на Беле озере и запечатал в воску, и пустих во езеро; и взем рыба и пожре; и ята бысть рыба рыбарем и принесена бысть ко князю; и нача ея пороти; узре князь сие написание и повеле Данила свободити от горкаго заточения“. В § XXII вставлено сопоставление с притчами Соломона: „Яко же рече Соломон: слава царю во мнозех языцех; тако и тебе, господине княже, слава и победа велика во мнозех людех“. В §§ XXXI и XLVIII добавлены отдельные изречения-поговорки: „дети бегают рода, а бог пьяна человека“, „люте беснующемуся дати нож, а лукавому власть; паче всего ненавижь сторонника перетерпелива“. В других местах вставки поясняют изложение или выражают чувства автора: § XLVI — „а не от своего разума, но от божия промысла сии суть словеса“; § XVIII — „также и аз, княже, радуся твоеи милости“; § XIX — „аз же, худыи, добре дивлюся“. Реже встречается добавление нескольких слов для полноты предложения, как-то: § VIII — „ни сеют, ни жнут“, добавлено — „ни в житницу збирают“; § XXVII — „яжь и пей и веселися“, добавлено — „в великою радости и в любве“. Совпадения единичных слов, вставленных в текст, могут считаться менее убедительными, поскольку в большинстве случаев это — союзы, местоимения, обращения (предпочтительная форма обращения к князю в Архангельском и Толстовском списках „княже господине“).

Второй особенностью, роднящей рассматриваемые два списка, является замена слов, изменяющая значение текста таким образом, что получается особое чтение, отличное от всех остальных рукописей редакции XII века. На протяжении Архангельского списка мы отметили около двадцати таких замен, общих с Толстовским списком, например: „воеводити“ вм. „воевати“; „княжа“ вм. „царева“; „кротость“ вм. „крепость“, „хитрость“; „добрыя“ вм. „многия“; „твоего“ вм. „своего“; „держите“ вм. „водите“, и т. д. Замена коснулась также собственных имен и географических названий: „Святослав сын Игорев“ вм. „сын Олжин“, „Ольгин“; „Любиво“ вм. „благо Любиво“, „Боголюбиво“, и т. д. Можно считать, что часть этих особых чтений возникла в результате стилистической правки текста, которая происходила отдельно от других списков и выразилась в соотношениях типа: „учащает“ вм. „частьще“, „частьщися“; „долотити“ вм. „долбити“, „колоти“; „собирая“ вм. „избирая“; „почнет“ вм. „учнет“, „имет“, и т. п. Иногда же, наоборот, особые чтения Толстовского и Архангельского списков сохраняют лучше выражения протографа в местах, подвергшихся искажению или переделке в других рукописях: „оплотом“ вм. „плодом“, „подолом“, „подом“, „плот“; „в калне сосуде“ вм. „в калне судне“, „в камене сосуде“; „возвеем“ вм. „возвития“, „возвестия“, „возвиде“; „неусыпаема“ вм. „неуповаема“. В двух случаях замена слова объясняется ошибкой, сделанной при переписывании текста: § X — „имѹ“ вм. „имй“; § IX — „опали“ вм. „отпали“ (где „от“ состояло из омеги и надстрочного „т“). Обычно подобное механическое воспро-

изведение ошибок переписчика говорит также в пользу смежного происхождения списков.

Еще многочисленнее группа таких вариантов, общих для Архангельского и Толстовского списков, когда нет ни вставок, ни замены слов и основной смысл предложения не нарушен, но передано оно всё же несколько иначе, чем в других списках. Перефразировка выражается либо в употреблении другой морфологической формы слова, либо в изменении синтаксических связей внутри предложения, либо в перестановке стоящих рядом слов: „безумна“ вм. „безумнаго“; „болши“ вм. „боле“; „лютей“; „чти“ вм. „чести“; „имет смотрити“ вм. „смотрит“, „зрит“; „в домех“ вм. „дома“; „скуден“ вм. „оскуден“; „стар смыслом“ вм. „стар смысл во мне“; „черные смолы“ вм. „чернее смолы“; „твоея милости“ вм. „милости твоея“; „скуп боярин“ вм. „боярин скуп“; „рече Давид“ вм. „Давид рече“, и т. д. Сюда же следует отнести два-три случая свободного пересказа текста в местах, где и по другим спискам этой редакции нет устойчивого изложения: § XII — „пусти тучу художества моего на землю“; § XIX — „и лице твое светло и благолепно, и разум твой подарев, яко же прекрасный рай многоплодовит“; § XXV — „[река] велик берег имуща каменный“.

Наконец, перечень совпадений Архангельского списка с Толстовским был бы неполным, если б мы не упомянули и о наличии одинаковых пропусков, как в первом, так и во втором списке. Хотя их сравнительно немного, но в совокупности с перечисленными другими общими особенностями и они приобретают значение доказательства. Наиболее существенные пропуски: § XLIV — „стрела, летяща с чемером“; § XLIII — „ни церковника [священника] чтит“; § XL — „и поницю [понице] на землю“; § I — „его красотою и“; § XXXVII — „бур“, „великия“.

Для того чтобы показать наглядно несомненное родство Архангельского списка с Толстовским, в приводимом ниже тексте „Слова“ все слова и выражения, точно совпадающие только в этих двух рукописях, подчеркнуты одной линейкой. Но, как видим, ими не покрывается весь текст произведения по Архангельскому списку. Значительную часть его составляет чтение, общее для всех списков этой редакции или для определенной их части, в том числе и для Толстовского списка. Этот общий устойчивый текст мы приводим без различий, так как попытки отыскать среди них последовательные соотношения не дали сколько-нибудь показательных результатов.

Продолжая сопоставление Архангельского списка с Толстовским, нельзя не отметить и их отличий друг от друга. Одну группу этих отличий составляют варианты, свойственные Архангельскому списку и повторяющиеся еще в одной или в нескольких рукописях, но только не в Толстовской. Они не позволяют нам перевести вопрос в плоскость прямой непосредственной зависимости Архангельской рукописи от Толстовской или наоборот.

Другая группа — индивидуальные особенности Архангельского списка, присущие только ему одному и не встречающиеся ни в одном из остальных списков. В настоящем издании эти индивидуальные чтения Архангельского списка подчеркнуты двумя линейками. Всмотревшись в них, мы видим, что случаев замены слов, ведущей к изменению смысла предложения, здесь очень немного: § XIII — „в чюжем граде“ вм. „в чюжей земле“, „на чужой стороне“; § XLVI — „медвены уста“ вм. „медвены сот“; § I — „управляется“ вм. „укрепляется“; § II — „древленая“ вм. „древняя“. Совсем мало и следов самостоятель-

ной стилистической правки; укажем пересказ в § XXXIX: „лучебы“ вм. „то дай бог ему“ и перестановку слов в двух местах: § XLII — „древо тлит червь“ вм. „червь древо тлит“; § XXXIV — „владеет жена“ вм. „жена владеет“. Явно преобладают в этой группе различия морфологического или синтаксического порядка, такие как: „смеются“ вм. „смеют ми ся“; „приницающе“ вм. „приничюще“; „восплавет“ вм. „воспловет“; „исчерпати“ вм. „расчерпати“; „варишь“ (железо) вм. „уваришь“; „поемает“ вм. „поимает“; „испытывает“ вм. „испытает“; „скудельни“ вм. „скудельничьи“; „пастити“ вм. „паствити“, „пасти“; „буетою“ вм. „буестию“; или: „виде“ вм. „видех“; „ростящу“ вм. „ростяще“; „глаголющих“ вм. „глаголюща“, „глаголюще“; „ядуще“ вм. „ядуща“; „украшаетца“ (с нарушением согласования в предложении) вм. „украшает“, и т. д. Общее количество таких вариантов около двадцати пяти. Кроме того, некоторые различия мы должны расценивать как ошибки и неточности, вкравшиеся в текст при переписывании данной рукописи или ее ближайшего оригинала: „востану“ вм. „востани“; „предстани“ вм. „предстану“; „воздержите“ вм. „воздержи“; „дослужитися“ вм. „дослужится“; „о камено“ вм. „о камень“; „не каплю“ вм. „накаплю“; „именем“ вм. „иманием“. Есть также явно искаженные или непонятые слова: „огня“ вм. „ягня“; „улов“ вм. „олово“; „трепетицею“ вм. „трепетицею“.

Вставок, дополняющих изложение, в Архангельском списке только две: в § VIII — перед „ни сеют“ вставлено „ни жнут“; в § XLVII — перед „песни“ вставлено „пети“. Добавления частиц „же“, „бо“ и местоимений „он“, „мой“ и т. п. (восемь случаев) для истории текста большого значения не имеют. Самостоятельному сокращению текст, видимо, тоже не подвергался. Правда, кроме тех пропусков, которые совпадают с Толстовским списком или с другими рукописями, в Архангельском не хватает некоторых слов: § XXI — „не множеством злата, но“; § XXVIII — „но возри [зри] внутренняя моя“; § XXXI — „вода“. Но тут перед нами любопытный факт: в Толстовском списке все эти слова написаны на поле или над строкой, т. е. как исправление первоначальных пропусков, совпадавших с Архангельским списком. Таким образом, непосредственно из Архангельского списка (возможно, по вине его переписчика) выпало лишь следующее: § II — „зле“; § XVI — „мучима“; § XLVI — „в мех“; § X — „и ближний мой“. Еще несколько случаев недостачи союзов „и“, „у“, „а“, „в“; один пропуск частицы „бо“, местоимения „ми“ и вспомогательного глагола „есть“ — можно считать несущественными.

Наблюдения, полученные путем текстологического анализа нового списка „Слова о Данииле Заточнике“, позволяют сделать о нем следующее заключение. Индивидуальные отличия Архангельского списка как по количеству, так и по содержанию своему гораздо менее значительны, чем те черты сходства с Толстовским списком, которые составляют самую характерную его особенность. Чтения, совпадающие в Толстовском и в Архангельском списках, отражают определенный момент литературной истории произведения, когда текст его получил местами особое истолкование, отличное от других списков краткой редакции. Однако поставить Толстовский и Архангельский списки один за другим, в прямой последовательный ряд, всё же не удастся. При всей своей близости они все-таки представляют собой не смыкающиеся, а разрозненные звенья рассыпавшейся цепи списков. При издании настоящего списка сделаны следующие упрощения орфографии подлинника: титла раскрыты; надстрочные буквы внесены в строку; буквы

ук, омега, ять, юс малый, передаются через: у, о, е, я; твердый знак в конце слов опущен. Буквы, вставленные в текст, заключены в квадратные скобки; пунктуация современная.

Слово о Даниле Заточнике

I. Вострубим, брат[и]е, яко во златокованную¹ трубу, в разум ума своего и начнем бити в сребреня органы, возвеем мудрости своея. Востани слава моя, встану псалтыри и в гуслех. Встану рано, исповею ти ся. Да разверзу в притчах гадания² моя, провещу во языцех славу мою. Сердце бо мысленаго управляется в телеси мудростию.

II. Бысть язык мой трость книжника [л. 224] скорописца, и увелита уста, яко речная быстростию. Сего ради³ покушахся написати всяк союз сердца моего и разбих, яки древленая младенца о камену.

III. Но боюс[я], господине, похуления твоего на мя.

IV. Аз бо есмь, яко она смоковница проклятая, не имея плода покаению; имею бо сердце, аки лице безо оч[и]ю; и бысть ум мой, яко нощный вран на нырищи, забдох; и разсыпая живот мой, аки Ханаонски царь буетою; и покрыи мя нищета, аки Чермное море фараона.

V. Се ж[е] бех написах, бежа от лица художества моего, аки Агаря рабыня от Сары госпожа своея.

VI. Но видех, господине княже, твое добросердие к себе, притекох ко обычен твоеи любви. Глаголет бо в писание: просящему тебе даи, толкующему отверзи, да⁴ не лишен будеши царства небеснаго; пи-[л. 224 об.]сано бо есть: и⁵ возверзи на господя печаль свою, тои ты препитаеи во веки.

VII. Аз бо есмь, княже господине, яко трава блещенна, ростящу за стению, на ню ж[е] ни солнце сияет, ни дождь идет; тако ж[е] и аз, княже господине, всеми обидим есми,⁶ занеж[е] огражден есмь⁷ страхом грозы твоея, яко оплотом твердым.

VIII. Но не возри на мя, княже господине, яко волк⁸ на огня, но возри на мя, аки мати на младенца. Возри, господине, на птицы⁹ небесныя, яко ни жнут, ни сеют, ни в житницу збирают, но уповают на милость бож[и]ю; тако мы, княже господине, желаем твоея милости.

IX. Зане, господине, кому Любиво, а мне горе лютое; кому Бело озеро, а мне черные смолы; кому Лач[ь] озеро, а мне на нем сида плач[ь] горкии; кому ти есть Новгород, а мне и углы опали, зане не процвете часть моя.¹⁰

X. Дру[л. 225]зи же мои и ти отвергошася мене, зане не поставих пред ними трапезы многообразных брашен. Мнози бо дружатца со

¹ При переносе слова на другую строку в нем написано три „н“ — златокованную.

² ния над строкой, почерком рукописи.

³ ради над строкой.

⁴ да над строкой.

⁵ бо исправлено из по, по подчищенному написано и.

⁶ Исправлено из обидими путем надписания над строкой букв ес, м.

⁷ есмь вставлено на поле рукописи.

⁸ лк над строкой.

⁹ п над строкой.

¹⁰ часть моя над строкой, поверх зачеркнутого плоть моя.

мною, а погнетающе¹ руки в солило, при напасти аки врази обретаются и паки помогающе подразити нозе твои; очима бо плачют со мною, а сердцем смеются. Тем же не иму другу веры и не надеися на брата.

XI. Не лгал бо ми Ростислав князь: лепшии бы ми смерть, нежели Курское княженье; тыи мужеви лепши смерть, нежели продолжен живот в нищете. Яко ж[e] бо Соломон рече: ни богатства, ни убожества не даи, господи: аще ли буду богат — гордость восприиму; аще ли буду убог — помышляю² на татбу и на разбой, а жены на б...

XII. Тем же вопию к тебе, [л. 225 об.] одержим есмь нищетою: помилуй мя, сыне великаго царя Владимира, да не возплачюся и рыдая, яко Адам раю лишен; пусти тучю художества моего на землю.

XIII. Зане, княже господине, богат муж везде знаем и в чюжем граде друзи имеет; а убог и во своих невидимо ходит. Богат возглаголет — вси возмолчат, а слово его³ вознесут до облак; а убог возглаголет — вси на нь кликнут и уста ему заградят. Их же ризы светлы, тех и речь честна.

XIV. Княже мои, господине мой! Избави мя от нищеты сея, яко серну от тенья, яко птицу от клящы, яко утя от нохтеи ж[e] носимага ястреба, яко овцу от уст лвовых.

XV. Аз бо есмь, княже господине, яко древо при пути: мнози посекают его и на огонь вмещут; тако и аз всеми обидим есмь, зане огражен есмь [л. 226] страхом грозы твоея.

XVI. Яко ж[e] улов гинет часто разворяем, тако и человек, приемля многия беды. И никто ж[e] не может соли зобати, ни в печали смыслити, всяк бо человек хитр и мудр о чюжеи беде, а о своени не может смыслити. Злато искушается огнем, а человек напастыми:⁴ пшеница бо много чисть хлеб являет, печали обретае человек ум совершен. Мولهве ризы изъедают, а человека печаль; печалну бо мужу насышут кости.

XVII. Аще кто человека в печали призрит, аки студеною водою напоит во зноины день.

XVIII. Птица бо радуется весне, а младенец матери, тако ж[e] и аз, княже, радуюс[я] твоеи милости. Весна бо украшаетца цветы землю, а ты, княже господине, оживляеши вся человеки своею милостию, сироты и вдовицы, от велмож погружаеми.

XIX. [л. 226 об.] Княже мои, господине мой! Яви ми зрак лица твоего, яко глас твои сладок, и образ твои, государев, красен, и лице твое светло и благоленно, и разум твои государев, яко ж[e] прекрасный и⁵ рай многоплодовит. Аз же, худый, добре дивлюся.

XX. Но егда веселишися многими брашны, а мене помяни, сух хлеб ядуще; или пьещи сладкое пит[ие], а мне помяни теплу воду пьюща и праха нападшу от места заветрена⁶; егда ляжеши на мяхких постелях под собольими одеялы, а мне помяни, под единым платом лежаща и зимою умирающе, и каплями дождевными яко стрелами сердце пронзающе.

¹ В слове исправление: четыре ошибочные буквы вычеркнуты.

² ю над строкой.

³ Исправлено из своего.

⁴ па и ми над строкой.

⁵ Ошибочно написано в рукописи лишнее и.

⁶ ве вставлено на поле.

XXI. Да не буди, княже, рука твоя согбена на подание убогим: ни чашею бо моря изчерпати, ни нашим именем твоего [л. 227] дому истощити. Яко ж[е] бо невод не удержит воды, но точ[и]ю едины рыбы, тако ж[е] и ты, княже господине, не воздержите злата и сребра, но раздай людем.

XXII. Поволока испещрена многими шелки красно лице являет; тако и князь многими людми честен и славен по всем странам. Яко ж[е] рече Соломон: слава царю во мнозех языцех, тако и тебе, господине княже, слава и победа велика во мнозех людех. Яко ж[е] бо похвалис[я] Езекеи царь послом царя вавилонскаго и пока[за]¹ им множество злата и сребра; они ж[е] реша ему: нашь царь богате тебя множество во; занеж[е] муж злато дабудет,² а златом людей и не добыти. Яко ж[е] рече Святослав князь сын Игорев, идьи на Царьград с малою дружиною, и рече им: братие, нам ли от града [л. 227 об.] погинути, или граду от нас пленену быти? Яко ж[е] бог поведит, тако и будет: пож[е]нет един 100, а от то ста двигнетца 1000. Надеяся на господа, яко гора Сион не подви[же]тца³ в веки.

XXIII. Див[и]я за буяном кони пастити, а за добрым князем воево-
дिति.⁴ Многажды бо безнарядием полки побивают. Видех: велик зверь, а главы не имеет; тако и добрыя полки без добраго князя побивают.

XXIV. Гусли бо строятца персты, а тело основаецца жилами; а дуб крепитца множеством кореньи; тако и град нашь крепитца твоею дер-
жавою.

XXV. Зане князь щедр отець есть всем: слузи бо мнози отца и матери лишаютца и к нему прибегают. Добру бо господину служа, даслужитца свободы, а злу господину служа, дослужитис[я] болшия работы. Зане князь щедр, аки река без берегов, текуще скво[л. 228] зе дубравы, напаяюще не токмо человецы, но и скоти, и вся звери⁵; князь скуп, аки река, велик берег имуще каменные: нелзя пити, ни коня на-
поити. А боярин щедр, аки кладяз[ь] сладок.

XXVI. Не имеи двора близ княжа двора, а скуп боярин, аки кла-
дяз[ь] солон,⁶ не держи села близ князя села: тиун бо его яко огнь третицею накладен, а рядовичи его аки искры. Аще от огня устере-
жешися, но от искры не можеши устрешис[я].

XXVII. Господине мой! Не лиши хлеба⁷ нища мудра, ни вознеси до
облак богатаго безумна, несмыслена. Нищь бо мудр, яко зла[то]⁸ в
калне сосуде; а богат красен несмыслен, то аки паволочитое зголо-
в[и]е соломы наткано.

XXVIII. Господине мой! не зри внешняя моя. Аз бо одеяние[м]⁹

¹ Пропуск за в рукописи не отмечен.

² д переправлено из з.

³ Пропуск же в рукописи не отмечен.

⁴ а . . . воеводити вставлено на поле.

⁵ и исправлено из юса малого.

⁶ При списывании с оригинала переставлены строки; а скуп боярин, аки кладяз[ь] солон должно предшествовать словам не имеи двора близ княжа двора.

⁷ ба над строкой.

⁸ Слово не дописано, пропуск не отмечен в рукописи.

⁹ Последнее слово на листе не дописано.

[л. 228 об.] есмы скуден, но разумом обилен; ун возраст имею а стар смыслом. Мых¹ мыслью, яко орел, паря по воздуху.

XXXIX. Но подстави сосуды скуделнии под поток капля языка моего, да не каплю² сладчайши меду словеса уст моих. Яко ж[е] рече Давид: сладка словеса твоя, паче меда устом моим. Соломон рече: словеса добра напаяют душу, покрывает же печаль сердце безумному.

XXX. Мужа бо мудра посылаи, мало ему кажи, а безумна посылаи, сам не ленис[я] по нем ийти. Очи бо³ мудрых желают благих, а безумнаго дому пировнаго. Лепши слышати прения умных, нежели безумных наказания. Дай премудру вино, премудрее будет.

XXXI. Не сеи бо на браздах⁴ жита, ни мудрости на сердце безумных. [л. 229] Безумных⁵ бо ни орют, ни сеют, ни в житницу збирают, но сями⁶ с[я] ражают. Како в утел мех лити, так безумнаго учити; псом и свин[и]ям не надобе злато и сребро, ни безумному мудрая словеса; ни мертвеца размешити, ни безумнаго наказати. Дети бегают рода, а бог пьяна человека. Коли пожрет синица орла, коли камене восплаует по воде, коли свин[и]я почнет на белку лаяти, тогда безумныи уму научитца.

XXXII. Или ми речеши: от безумия ми еси молвил. То не видал есми неба полстяна, ни звезд лутовяных, ни безумна, мудрость глаголющих. Или ми речеши: солгал есми яко тать. Аще бы умел украсти, то толко бы не скорбел. Девица погубляет красоту свою [л. 229 об.] б. . ., а муж мужество свое тат[ь]бою.

XXXIII. Княже мои, господине мои! Не море топит корабли, но ветри; а не огонь творит разжение железу, но надымание мешное; тако ж[е] и князь не сам впадает в вещь, но думцы вводят. З добрым бо думцею князь высока стола додумаетца, а с лихим думцею думает и он малого лишен будет стола.

XXXIV. Глаголет бо в мирских притчах: не скот во скотех коза; а не зверь во зверех еж; не рыба в рыбах рак; не птица во птицах⁷ непотыр; а в мужах муж, кем своя владеет жена; не жена в женах, иже от своего мужа б. . .; не работа в работах под жонками возити.

XXXV. Девие дива, иж[е] кто поемает жену злообразну прибы[т]ка⁸ ради.

XXXVI. Некогда ж[е] виде жену злообразну, приницающе к зеркалу и мажущеся⁹ румянцем,¹⁰ и рех еи: не зри в зерцало, видевши лепость лица [л. 230] своего, зане болшую печал[ь] приимеши себе.

XXXVII. Или речеши: женис[я] у богата тестя чти деяя; а ту яж[ь] и пей и веселис[я] в великой радости и в любве. То лепши вол вести в дом свои, нежели злая жена поняти: вол бо не молвит, ни зла мыс-

¹ Ошибочно, вм. бых.

² Так в рукописи, вм. накаплю.

³ бо над строкой.

⁴ дах над строкой.

⁵ безумных над строкой.

⁶ Так в рукописи, вм. сами.

⁷ и над строкой.

⁸ Пропуск т в рукописи не отмечен.

⁹ жу над строкой.

¹⁰ мян над строкой.

лит; а зла жена бьема бесится, а кротима насытца, в богатстве гордится,¹ а во убожестве иных² осужает.

XXXVIII. Что есть жена зла? Гостиница неусыпаема, купница бесовская. Что есть жена зла? Мирский мятеж, ослепление уму, начальница всякой злобе, во церкви бесовская мытница, поборница греху, засада спасению.

XXXIX. Аще которыи муж имет смотреть на красоту жены своя и на я ласкова словеса, а дел ея не испытывает, лу[л. 230 об.]че бы трясцею болети.

XL. Но по сему разсмотри³ з[л]у⁴ жену, иж[е] рече мужу своему: господине мой, свете оч[и]ю моею! Аз на ты не могу зрети: егда глаголеше ми, тогда взираю на ты и обоумираю и воздрожат ми уды тела моего.

XLI. Послушайте, жены, слова апостола Павла, глаголюща: крест есть глава церкве, а муж жене своеи. Жены ж[е] у церкви стоят молящися богу и святей богородицы; а чему с[я] хотите учит[ь], и вы учитес[я] в домех у мужей своих. А вы, мужи, по закону держите жены своя, понеж[е] борзо обрести добрых жен.

XLII. Жена добра венец мужу своему и безпечалие; а зла жена лютая печаль, истошание⁵ дому. Древо тлит червь, а зла жена дом мужа своего теряет. Лутче есть во утле лод[и]е ездети, нежели эле [л. 237] жене тайны поведати: утлая лод[и]я порты мочит, а зла жена⁶ всю жизнь мужа своего погубляет. Лепши есть камень долотити, нежели зла жена учити; железо варишь, а злая жены не научишь.

XLIII. Злая бо жена ни учения слушает, ни бога ся боит, ни людей стыдится, но вся злеет и осужает.

XLIV. Что лва злее в четвероногих, что змии летиши⁷ ползущих⁸ по земли? Всего того злая жена злее. Несть бо на земли болши женския злобы. Женою бо исперва прадед наш Адам из рая изгнан бысть; жены ради Иосиф прекрасны в темнице затворен бысть; жены ради Данила пророка в ров⁹ врьже и лвы ему нозе лизаху. О злое оруж[и]е острое дьяволе!

XLV. Некому ж[е] умре жена зла; [л. 237 об.] он же по смерти ея нача дети продавати. Людие ж[е] реша ему: чему продаешь дети? Он же рече им: аще ли будет родилис[я] в матерь, и оне возрастше мене продадуд.¹⁰

XLVI. Еще возратимся на предняя словеса. Аз бо, княже господине мой, ни за море ходил, ни от философ научилс[я], но бых яко падая пчела по различным цветом и совокупля¹¹ яко медвены уста; так и аз

¹ В рукописи над ся надписано ца.

² и над строкой.

³ В рукописи рассмотритис.

⁴ В рукописи написано зу на месте какого-то другого слова.

⁵ Исправлено из истощание

⁶ на над строкой.

⁷ Так в рукописи.

⁸ лзу над строкой.

⁹ в ров над строкой.

¹⁰ Так в рукописи.

¹¹ п над строкой.

по многим книгам и собирая сладость словесную и разум, и совокупих яко воды морския. А не от своего разума, но от божия промысла сии суть словеса.

XLVII. Да и не [у]же¹ много глаголю. Сия словеса аз, Данил, спихах в заточении на Беле озере и запечатал в воску, и пустих во озеро; и взем рыба и пожре; и ята бысть рыба рыбарем и принесена² бысть ко князю; и нача ея пороти; узре князь сие на[л. 232]писание и повеле Данила свободити от горкаго заточения. Не отметаи безумному прямо безум[и]ю его, да не подобен ему будеши. Уже бо предстани много глаголати. Да не буду яко мех утел, рая богатство убогим; да не уподоблюся жерновом, яко те люди многия насыщают,³ а сами себе не могут насытити; да не возне[на]виден⁴ буду миру со многою беседою, яко ж[е] бо птица учащает пети песни своя, скоро возненавидима бывает. Глаголет бо в мирских притчах: речь продолжена не добро, продолжена паволока.

XLVIII. Господи! Дай ж[е] князю нашему силу⁵ Самсонову, храбрость Александрову, Осифов разум, мудрость Соломоню, кротость Давидову и умножи, господи, вся человеки под руку его. Люте беснующемус[я] дати ножь, а лукавому [л. 232 об.] власть. Паче всего ненавиж[ь] стороника перетерпелива.

¹ у пропущено без отметки в рукописи.

² на над строкой.

³ ас над строкой, между букв.

⁴ Пропуск на в рукописи не отмечен.

⁵ Переправлено из сыну.

О. И. ПОДОБЕДОВА

**„Повесть о Петре и Февронии“ как литературный источник
житийных икон XVII века**

Вопрос о комплексном изучении древнерусского искусства и литературы приобретает всё большую и большую актуальность. Возможность датировок и истолкования ряда памятников, выяснение их происхождения, отношения их к произведениям изобразительного искусства при комплексном изучении значительно облегчаются. В особенности это относится к изучению такой обширной и всё ещё мало исследованной области, как взаимоотношение древнерусской литературы и житийной иконописи.

Житийные иконы, т. е. изображения „святого“ или группы „святых“, окруженных так называемыми клеймами, в которых последовательно раскрывается эпизод за эпизодом жизнеописание „святого“, известны в истории древнерусской иконописи с конца XII — начала XIII столетий. Уже в наиболее ранних из них мы имеем вполне развитый тип биографического повествования. Уже здесь можно наблюдать, как сквозь устойчивую каноническую схему прорываются живые наблюдения художника, проявляющиеся в отражении тех или иных национальных особенностей, наличии бытовых подробностей, живых, возможно портретных, изображений и т. д.

По мере проникновения повествовательного начала в древнерусскую иконопись в целом, и в житийных иконах начиная с конца XV столетия расширяется биографический рассказ, обогащаясь всё большим количеством бытовых подробностей, реальных наблюдений художника. Житийные иконы становятся своеобразным отражением исторических событий и быта древней Руси. Этот процесс обогащения и усложнения повествовательного начала житийных икон (как и всей древнерусской живописи) получает особенное развитие в XVI и XVII столетиях.

Распространение лицевых списков житий в связи с более широким употреблением бумаги играет не последнюю роль в усилении иллюстративного начала в житийных иконах. Взаимоотношение рассказа, изображенного в клеймах житийной иконы, с соответствующим житием, а зачастую и с миниатюрами лицевой рукописи этого жития приобретает особенный интерес. Учитывая известную условность изображений и зависимость их от церковных традиций, можно усматривать в клеймах житийных икон не только отражение реального быта древней Руси, но и то своеобразное истолкование житийного текста, которое могло быть подсказано живописцу особенностями конкретной исторической действительности.

Всё это придает особый интерес тем житиям и тем житийным иконам и миниатюрам, которые дальше всего отстоят от традиционных агиографических форм, возникли на русской почве и в той или иной мере связаны с фольклором.

В этой связи не лишено интереса исследование икон, иллюстрирующих „Житие“ или, вернее, „Повесть о Петре и Февронии“ Муромских. „Повесть о Петре и Февронии“ стоит особняком среди других памятников древнерусской агиографической литературы и ни по своему содержанию, ни по форме не имеет среди них аналогий. На примере „Повести“ становится ясно, как под влиянием различных источников, главным образом фольклора, княжеское житие отходило от традиционной житийной формы и „как мало оно походило на учено-книжное византийское сочинение“.¹

Весь образный строй этого „Жития“ позволяет сказать, что в процессе его сложения легендарные мотивы народных сказаний с присущей им своеобразной лирикой органически вошли в состав агиографического повествования и в корне изменили его. Действительно, отличительной чертой данного „Жития“ является его непосредственная близость к сказке (змеборчество, состязание в мудрости, загадки и неисполнимые задания).

С другой стороны, социальные элементы в „Житии“, прославляющем мудрую деву из народа, которая удостоилась почитания в качестве „святой“, обличающем боярские усобицы, отвечающем народной мечте об идеальных правителях, обуславливают живой интерес к „Повести“ на протяжении XIII—XVI веков.

Наличие вполне сложившегося литературного текста „Повести“ в XVI столетии свидетельствует о ее древнем происхождении. Не исключена возможность возникновения основного текста „Жития“ (куда безусловно должны были войти моменты женитьбы князя на простой девушке, изгнания, затем возвращения князя и княгини, их идеального правления, единовременной смерти и погребения „во едином гробе“) непосредственно после смерти популярных князя и княгини Муромских.² Аналогию можно видеть в возникновении „Жития“ князей Бориса и Глеба сразу после их убийства. Последующие наслоения сказочных элементов „Повести“ произошли в течение длительного периода, окончившегося однако до XV столетия, ибо уже в „Каноне“ и „Службе“ Петру и Февронии, датируемых XV столетием, нашли свое отражение тема змеборчества и другие фольклорные элементы.

О древности культа Петра и Февронии и о его достаточно большом распространении свидетельствует не только наличие развитого и вполне отстоявшегося текста „Повести“ к XVI столетию, но и наличие ряда памятников изобразительного искусства, связанных с данным культом. В Муромском краеведческом музее хранится несколько икон Петра и Февронии, датируемых XV столетием. Помимо этого, о широком распространении культа Петра и Февронии за пределами Муромской земли говорит наличие изображения Петра и Февронии на табличках из Софийского собора в Новгороде, относящихся к XV — началу XVI столетия.

¹ Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. М., 1915, стр. 287.

² В данной статье нет возможности коснуться вопроса об исторических личностях — князе Петре и княгине Февронии. Однако автору представляется более основательным отождествление с князем Петром князя Давида Муромского, княжившего с 1203 по 1228 год, нежели отождествление его с одним из предков князей Овцыных и Володимировых.

В сложении образа Петра и Февронии и интерпретации их „Жития“ в изобразительном искусстве древней Руси нашли свое отражение мысли и чаяния русских людей.

Имеются сведения о создании житийных икон Петра и Февронии в XVI столетии. Культ Петра и Февронии получает широкое распространение в конце 40-х годов XVI столетия, когда, собираясь в поход против Казани, Иван Грозный направляется по делам в Муром, он молится здесь „сродникам своим“ Петру и Февронии.¹ „Последний казанский поход Грозного имел Муром своей операционной базой; здесь Грозный живет около десяти дней, производя смотр войскам, отсюда они идут водой и сушей к Казани, мимо Мурома «в великих струзах» везут в Москву пленную Суюмбеку“.² Между 1555—1565 годами Иваном Грозным был построен в Муроме каменный храм, где „лежат муромские чудотворцы кн. Петр и кн. Феврония“. В этот же храм, по данным Писцовой книги 1687 года, им был пожертвован „образ муромских чудотворцев на золоте“. В описях, хранящихся в Муромском краеведческом музее, имеется указание на древнюю икону Петра и Февронии на „11 цках“, вероятно, имевшую обширный цикл житийных клейм.³ Однако эти иконы не дошли до наших дней.

В настоящее время в Муромском краеведческом музее находятся три житийные иконы, представляющие значительный интерес как по большому количеству житийных клейм, так и по незаурядной композиции.

По времени своего происхождения эти иконы представляют почти всё столетие и содержат особенности, присущие каждому из трех периодов XVII века, к которому они относятся. Дата наиболее ранней из икон определяется вкладной надписью: „Поставил сей образ в Муроме в Соборную церковь Пречистыя Богородицы честного и славного ея Рождества, в дом великим чудотворцам Муромским: князю Петру и княгине Февронии государев воевода многогрешный Андрей Федоров сын Палицын, лета 7126 марта в 13 день“ (т. е. 13 марта 1618 года).

Размер иконы 140×180 см (согласно описи, „2 аршина 7 вершков вышины и 2 аршина ширины“). В середине ее изображение Петра и Февронии в схирах, с молитвенно воздетыми руками, вверху Спас в облаке, склонившийся к молящимся святым. Вокруг центрального изображения расположены 32 клейма, в которых последовательно рассказывается житие Петра и Февронии, начиная от сообщения князем Павлом брату своему о прилетах „неприятного“ змея и кончая погребением Петра и Февронии в едином гробе.

Единство центрального изображения с окружающими его 32 клеймами достигается удачно найденным их соотношением. Сравнительно небольшое центральное изображение и крупные, легко „читающиеся“ клейма воспринимаются как единое целое еще и благодаря спокойной цветовой гамме фона клейм, почти всегда архитектурного (за исключением сцен путешествия Петра в Рязанскую землю и плавания изгнанного князя и княгини, где дан условный „пейзаж“).

Композиция каждого клейма ясна, легко обозрима, отличается ритмичностью и уравновешенностью. Та же ритмичность чувствуется и в цветовой гамме иконы. Белые, светложелтые, фисташковые, бледно-

¹ Никоновская летопись, под 1552 г.: ПСРЛ, т. XIII, первая половина, СПб., 1904, стр. 192.

² Н. Воронин. К истории русского зодчества XVI в. ГАИМК, т. I, Л., 1929, стр. 90.

³ Л. Белоцветов. Муромский богородицкий собор. Муром, 1907.

розовые стены палат перемежаются темнокрасными и темнозелеными крышами. Точно так же чередуются темные и светлые одежды действующих лиц житийного повествования. Так, если на князе Петре надет темнокрасный или темнозеленый плащ, то нижняя одежда соответственно розовая или светлозеленая. Это чередование цветов особенно примечательно в массовых сценах. Интересно отметить, что Феврония изображается на всех клеймах в белых одеждах или на белом фоне, что придает этим клеймам особую эмоциональную окраску.

Композиция каждого клейма в отдельности органически связана с архитектурным фоном. Изображаемые на заднем плане здания отнюдь не перегружают больших и очень свободных клейм. Эти монументальные здания скупо украшены простыми графическими орнаментами. Они не только заполняют фон и уравнивают композицию, но мастер умело пользуется ими, чтобы подчеркнуть характер той или иной массовой сцены. Так, например, в сценах встречи Петра, приезжающего с молодой женой в Муром, в сценах изгнания князя и княгини и в сцене их возвращения высокие стены и величественные здания Муромского кремля, на фоне которых изображена толпа, усиливают впечатление торжественности. Нельзя не отметить здесь постоянство архитектурных форм для тех или иных изображаемых зданий: так, жилище Февронии, стены и ворота Муромского кремля на протяжении всех клейм имеют одинаковые, строго определенные очертания.

Иллюстративность клейм, их прямое соответствие эпизодам „Повести“ таково, что, с одной стороны, их конкретность почти равна миниатюрам, они последовательно читаются как текст, с другой, в них ясно выявляется отношение художника к сюжету „Повести“ и ее действующим лицам, выразившееся уже в самом отборе эпизодов для изображения. Сказочной предистории „Повести“ — „неприязненному“ змею и борьбе с ним — в этой иконе уделяются только первые 4 клейма, и то только для того, чтобы объяснить болезнь Петра и последующие события. Точно так же иконописец опускает изображение „измены“ Петра, который в первый раз после исцеления, вместо того чтобы жениться на Февронии, посылает ей богатые дары. Художнику как будто не хочется останавливаться на этом событии, порочащем личность Петра. Зато он с любовью изображает сцены встречи с Февронией, двукратное исцеление князя, венчание, брачный пир.

Февронии (от встречи с ней князя и до венчания) посвящено 7 клейм: приход слуги Петра к Февронии; Феврония дает сосуд с целебным снадобьем; 2 клейма заняты исцелением, отъездом Петра, повторным заболеванием и возвращением к Февронии; затем снова повторяется во всех подробностях сцена прихода слуги Петра к Февронии за целебным снадобьем, только в этом клейме поза слуги, простирающего руки к Февронии, более просительная; снова клеймо, изображающее исцеление, теперь уже окончательное; наконец, очень редко встречающаяся в иконописи сцена венчания Петра и Февронии; здесь мастер вспоминает о незнатном „отчестве“ Февронии: в правой части клейма стоит одинокая фигура старца в скромных одеждах — не отец ли это Февронии?

Пишность встречи князя, прибывшего с молодой женой в Муром, усиливается изображением духовенства с хоругвями, крестами и иконой Муромской богородицы, вышедшего из ворот кремля навстречу молодому князю и княгине. Это красочное пятно на фоне белых стен Муромского кремля создает яркое, радостное впечатление. Сценой брачного пира заканчивается цикл клейм, посвященных встрече, любви и сватовству Петра и Февронии.

Следующие 5 клейм изображают центральный эпизод „Повести“: возмущение бояр против Февронии и изгнание князя и княгини, их плавание по Оке, усабицу бояр, посольство муромчан к Петру и Февронии с просьбой о прощении и возвращение князя и княгини в Муром. Здесь драматичной сцене усабицы противопоставляется полная умиротворенности сцена посольства для возврата изгнанных князя и княгини. В центре этой композиции помещены цветущие деревья — чудо, совершившееся по молитве Февронии. Сцена отличается подчеркнутой ритмичностью чередования темных и светлых тонов.

Мирному княжению Петра и Февронии после возвращения посвящены 2 клейма: Петр и Феврония, сидя на княжеских „стольцах“, внимательно слушают обращающихся к ним мужчин и женщин, стоящих по сторонам; в другой сцене Петр и Феврония оказывают помощь и творят милостыню — Петр подает деньги из ящика коленопреклоненным перед ним старцам в простых одеждах, а Феврония окружена толпой детей, которым она что-то раздает из длинного мешочка. Следующие 11 клейм рассказывают нам о примере необыкновенной любви, пережившей смерть: последовательно мы видим приготовление единого гроба, принятие Петром и Февронией схимы и удаление в монастыри, затем Петр посылает, а Феврония выслушивает гонца, возвещающего приближение кончины Петра. В 2 клеймах изображается одновременная смерть князя и княгини, а в 5 клеймах изображено чудо воссоединения любящих в одном гробе. Таким образом, художник уже в самом отборе эпизодов в значительной мере игнорирует сказочные элементы, связанные со змеборчеством, но в то же время с особым вниманием включает все события, служащие к возвеличению Февронии и раскрытию ее характеристики.

Внимание к человеку характерно для данного произведения. Мастер отнюдь не безразлично отнесся к созданию живописных образов Петра, Февронии, бояр, княжеских слуг, народа. Тщательно выписанные головы их поражают сходством своих черт на протяжении всех клейм, несмотря на то, что в сценах змеборчества, а потом сватовства Петр изображен безбородым юношей, а в последних сценах (мирного княжения, приготовления к смерти) он изображен взрослым человеком, и, наконец, седобородым старцем. Это особенно характерно в отношении образа Февронии: ее продолговатое лицо с тонкими чертами, прямым, несколько удлинненным носом, большими глазами, величина которых еще более подчеркивается их круглым разрезом, привлекательно и отличается каким-то самоуглубленным, полным своеобразной грусти выражением.

Несколько более обычного удлиненные фигуры даны всегда в движении, с характерными жестами рук, выражающими те или иные эмоции, особенно в тех случаях, когда мастер изображает разговаривающих.

Удлиненные овалы лиц с тонкими чертами (прямоносые, с большими круглыми глазами, большими открытыми лбами, пушистыми волосами и тщательно выписанными бородами) придают благообразию изображаемым фигурам. Это говорит о том, что живописец заботится об изображении человека, его интересует человеческая личность со всеми ее индивидуальными чертами. Даже в массовых сценах каждое человеческое лицо, каждая фигура отличаются индивидуальностью позы и выражения лица.

Мастер этой наиболее ранней из трех икон, относящейся к 1618 году, повидимому, находился под влиянием того отношения к легенде о Петре и Февронии, которое сложилось в период расцвета и популярности их

культы, в момент их канонизации, во время пребывания Грозного в Муроме, и сохранилось еще и в более поздние годы. Лишь слегка касаясь в клеймах, передающих житие, сказочного элемента, присущего предистории Петра и Февронии, — появления змея в Муроме и борьбы Петра со змеем, — он всё свое внимание уделяет раскрытию образа Февронии во всех тех условиях, в которые она поставлена жизнью. Образ Февронии проникнут чистотой и лиричностью, особенно в сценах, показывающих эту мудрую дочь „древлазца“, сидящую в простой „храмине“, занятую пряжей, в сценах чудесного исцеления, сватовства, обручения и венчания с Петром. Ее образ становится спокойно величавым в сценах боярского возмущения, а потом изгнания князя и княгини, путешествия по Оке, приема посольства кающихся муромчан и возвращения князя и княгини в Муром. С большой любовью написаны сцены последних дней князя и княгини, обещавших друг другу умереть в один и тот же час: князь, лежащий на смертном одре, посылает гонца сказать Февронии, что время „исхода“ его близко (левая часть клейма), в правой части клейма показано, как Феврония, шьющая по обету плену в храм, принимает гонца: она прервала свою работу и с вниманием склоняется в сторону говорящего, а приподнятая рука как бы подчеркивает всю покорность и просительность ее позы: „пожди еще мало время!“. Наконец, торжеством Февронии, не только „святой“, совершающей чудеса, но и женщины, своей любовью победившей смерть, является последняя сцена — похороны в едином гробе.

Впечатление чистоты и большой лиричности образа Февронии достигается художником следующим живописным приемом: Феврония-дева дана на фоне белого строения довольно простой, но строгой конусообразной формы, сама она в белых одеждах с непокрытой головой; золотистые волосы как бы усиливают сияние нимба. Грациозный наклон головы, особенно подчеркнутый изгибом шеи, характерные жесты рук, то приподнятых умоляюще к собеседнику, то прижатых к груди, то оброненных на колени, усиливают эмоциональность ее образа.

Белый цвет сопутствует изображению Февронии на протяжении всех 25 клейм, в которых она участвует: она постоянно изображается на фоне белой стены. Если в девичестве Феврония была облечена в белые одежды, то Феврония-княгиня всегда в белом покрове на голове и хоть часть одежды ее тоже белая. Этот постоянно сопутствующий Февронии белый цвет создает впечатление сияния вокруг нее и невольно привлекает глаз зрителя.

Помимо цветовых средств, мастер еще целым рядом приемов старается везде выделить фигуру Февронии: так, например, в сцене венчания фигура Февронии находится в центре композиции клейма, сзади нее женщина в белом покрове держит огромный узорный венец; венец же, который держит мужчина над князем, проще по форме и несколько меньше по размерам. Спокойствие и величавость позы Февронии в сцене возмущения бояр подчеркивается противопоставлением ее взволнованной фигуре старца-боярина. Наконец, в сцене апофеоза любви, пережившей смерть, — перенесения (похорон) князя и княгини в едином гробе — зрителя поражает торжественность и настроение радости и ликования, вместе с поклонением „блаженным“ князю и княгине. Гроб Петра и Февронии покоится на склоненных фигурах церковнослужителей в белых одеждах, белизна которых усиливается темными крестами, разбросанными то тут, то там на облачениях.

Наибольшей динамичностью и наибольшим драматизмом проникнуты сцены боярской усобицы и возмущения бояр против Февронии.

В сцене возмущения бояр драматизм достигается изображением в центре клейма старца с воздетыми вверх руками, чрезвычайно взволнованного. В бурном движении он распахнул свой темный плащ, который закрывает центр клейма и часть белой стены, что придает впечатление особенной мрачности. Справа, позади старца, виднеется сплотившаяся толпа враждебных бояр. Всё это противопоставляется спокойной и величавой фигуре Февронии, помещенной справа от группы бояр, как всегда на фоне белого одеяния, и князю Петру, поза которого несколько более напряженна и обнаруживает некоторое беспокорство.

Не менее, если не более драматична сцена усобицы, где устремляются друг на друга толпы бояр. Их мечи взлетели в неистовом взмахе, мечи написаны даже за пределами клейма, в том свободном пространстве, которое обычно разделяет одно клеймо от другого. Как бы для контраста с этим движением даны неподвижные тела убитых, помещенные на первом плане. Здесь соблюден своеобразный цветовой ритм: тела убитых одеты то в темные, то в светлые одежды, что создает впечатление множества поверженных на землю фигур.

Антибоярские тенденции „Повести“, наделившей самыми нелестными эпитетами бояр, „злочестивых“ и „неистовых“, отразились и в творчестве иконописца. Он не пожалел изобразительных средств, чтобы показать „ярость злочестивых“, „простирающих бесстыдные своя глаголы“ на княгиню. С огромной силой он передал и усобицу между ними, в результате которой бояре „сами ся изгубиша“. В 1618 году, спустя 5 лет после прекращения „смуты“, в умах широких народных масс и служилого дворянства еще жила память о незавидной роли крупного боярства, то стремившегося захватить престол самодержца, то призывавшего на Русь Владислава, Сигизмунда и польских интервентов. История снова и снова оживляла и делала злободневной повесть о „злочестивых“ боярах, преследовавших мудрую правительницу — дочь народа.

В этой связи интересно выяснить если не личность иконописца, то ту среду, с которой он был связан, ту иконописную школу, для которой характерны как профессиональные приемы мастера, так и внутренняя направленность созданных им образов.

Из вкладной надписи известно, что икону 1618 года пожертвовал Андрей Палицын, имевший несомненные связи с Троице-Сергиевой лаврой, а отсюда, естественно, и с ее иконописной мастерской. Личность вкладчика сама по себе представляет значительный интерес и весьма характерна для начала XVII столетия.

Семья Палицыных уже в XVI веке связана с лаврой. Андрей Федорович Палицын,¹ племянник знаменитого келаря лавры Авраамия Палицына, принадлежал к семье, не слишком выделявшейся из массы среднего дворянства. В начале „смутного“ времени он примкнул к тушинцам, затем был послан Заруцким в Тотму, чтобы привлечь город на сторону самозванца; в 1610 году был в составе московского посольства к Сигизмунду и даже получил от последнего звание стряпчего. Однако в 1611 году он уже находился в лавре, сначала примкнул к ополчению Ляпунова, затем вновь участвовал в охране лавры; в 1612 году подписал призывную грамоту князю Пожарскому; в конце 1612 года был поставлен князем Пожарским воеводой в Угличе; уча-

¹ Подробно о А. Ф. Палицыне см.: С. Бахрушин. А. Ф. Палицын (русский интеллигент XVII стол.). Сб. „Века“, Пгр., 1924, стр. 79 сл.

ствовав в избрании на царство Михаила Федоровича; в 1614 году около Русы и под Осташковым сражался со шведскими интервентами; в 1617 году был назначен воеводой в Муром, где в 1618 году сделал вклад „в дом великим чудотворцам Петру и Февронии“. На воеводстве Палицын пробыл, видимо, до августа 1629 года, когда был назначен воеводой в г. Мангазею.¹ Исконные связи с Троице-Сергиевой лаврой всего рода Палицыных и непосредственная связь самого Андрея Федоровича с монастырем в дни „смуты“ естественно должна была привести Муромского воеводу в конце 1617 или начале 1618 года в Троицкие иконные мастерские. Дело в том, что написать монументальный образ на достаточно высоком профессиональном уровне в период „всеобщего разорения“ в первой четверти XVII столетия, вскоре после польско-шведской интервенции, было негде кроме как в Троицких мастерских. Только там, несмотря на большое количество погибших во время осады иноков, сохранились мастера иконного писания с достаточно высоким профессиональным уровнем. Только там могли сохраниться и сохранились, несмотря на окружающую разруху и „нестроение“, те высокие художественные традиции, основание которым было положено еще в XV веке.

Естественно также, что демократические и антибоярские тенденции в творчестве мастера, прославившего мудрую дочь „древолозца“ Февронию, могли родиться в иконной мастерской лавры. Недаром вокруг лавры объединялись для борьбы с польско-шведской интервенцией в период осады лавры, а позднее и освобождения Москвы не только служилое мелкопоместное дворянство, но и более широкие круги охваченного патриотическим подъемом крестьянства и ремесленного люда.

Крестьянские восстания, борьба с интервентами, подъем патриотизма, наконец, „совет всей земли“ (созыв Всероссийского собора) для избрания царя — всё это не могло не отразиться и в живописном искусстве, переживавшем в XVII столетии жестокую ломку своих устоев под действием вливающихся в него самых разнообразных направлений.

Значительное „обмирщение“ иконописи, мощная струя фольклора, большая условность образов наряду с возникающим своеобразным их реализмом, то необычайная тонкость и ювелирная четкость мельчайших изображений, то яркость и некая „ковровость“ пестрого красочного изображения, перекликающегося позднее с народным лубком, — всё это нашло свое отражение в живописи XVII столетия и сосуществовало наряду с такими провозвестниками реалистического искусства, как живописная система Симона Ушакова и теоретические высказывания Иосифа Владимирова. В то время как Симон Ушаков работает над первыми в русском искусстве анатомическими рисунками, в то время как Иосиф Владимиров защищает право изображения в иконописи прекрасной человеческой плоти, в русском искусстве существуют стремление к передаче массовых сцен, интерес к сюжету, как бы он ни был замысловат и сказочен, нередко в ущерб интересу к человеческой индивидуальности. Художник зачастую пренебрегает выразительностью лица, его почти не смущают повторения одного и того же изображаемого им образа. Подчас в излюбленных мелких изображениях мастер условно намечает нос, глаза, рот, не интересуясь моделировкой головы, лица. Зато одежды поражают своей красочностью, узорностью, множеством мельчайших подробностей, с любовью выполненных художником. С осо-

¹ Примечательно, что А. Ф. Палицын не лишен интереса к изобразительному искусству. Так, будучи на воеводстве в Мангазее, он заказал „иконнику Куземке Афанасьеву“ за 13 рублей написать „Деисус на 16 цках“, и должен был Куземке написать „тот Деисус добро и безоухльно“ (С. Бахрушин, ук. соч., стр. 96).

бленным вниманием художник изображает „дела рук человеческих“: одежды, вещи, здания. Особенно интересным становится палатное письмо, соединяющее в себе самую сказочную условность со своего рода реализмом.

Вместо условных гор, художник дает изображение деревьев и трав, правда, еще очень причудливых и своеобразных, но уже представляющих собой попытку передать окружающую природу.

Пышно расцветает сказочный элемент в житийной иконе Петра и Февронии 40-х или 50-х годов XVII столетия.¹ Сама композиция этой иконы отличается большим своеобразием. Изображения расположены по горизонтали, ширина доски больше высоты (около 160×80 см).

Клейма мелкие, расположены в виде узкой рамы, в один ряд над центральным изображением, по бокам они идут в два ряда, всего клейм — 40.

Вместо традиционного образа святых в середине иконы, в прямоугольнике, четвертая (верхняя) сторона которого дугообразна, вписан в виде причудливой звезды семибашенный белокаменный кремль² с двумя рядами окон-бойниц. На переднем плане изображена оmyвающая кремль река с отделяющимся влево рукавом.³

Внутри кремля вся правая часть и центр заняты палатами сложной архитектуры, справа и слева увенчанными островерхими башенками. Внутренняя часть некоторых палат раскрыта, и зритель видит, как в окно верхней левой башенки влетает крылатый змей, как в княжеской ложнице он сидит уже в человеческом образе рядом с женой князя, а несколько ниже изображена (в следующей палате, помещенной по нисходящей линии) жена князя, рассказывающая мужу своему Павлу о прилетах змея. В окнах палат и башенок видны многочисленные лица княжеских отроков и женщин, наблюдающих за прилетом змея. В верхней правой башенке дана аналогичная левой композиция прилета змея и превращения его в человеческий облик; он здесь снова показан сидящим рядом с женой князя Павла — это княгиня выпытывает у змея, что грозит ему смертью. Всё это составляет как бы фон, на котором изображается крупным планом фигура князя Павла, сидящего на княжеском престоле в окружении бояр, стоящих по обе стороны престола: это князь Павел сообщает боярам о нападении „неприятного“ змея и советуется, как вести с ним борьбу.

Так показан иконописцем исходный эпизод „Повести“, послуживший причиной змеборчества и приведший князя Петра к встрече с Февронией.

Традиционное изображение „святых“ в рост в центре житийных клейм в этой иконе заменено маленькой их иконой, помещенной на южном фасаде Муромского собора, который расположен слева от изображения князя Павла и его терема.

Собор пятиглавый, абсида его примыкает к стене кремля, она раскрыта, и в алтаре показаны лежащие во гробе Петр и Феврония. Над гробом на стене висит образ Муромской богородицы. Над

¹ Основанием отнести эту икону к 1640—1650-м годам является изображение на ней пятиглавого Муромского собора, получившего 5 глав во время перестройки в 1636—1638 годах; с другой стороны, эта икона не могла быть написана позднее, так как часть ее клейм скопирована в житийной иконе Петра и Февронии, имеющей вкладную надпись 1669 года.

² По преданию, название Мурома происходит от муравленых мраморных стен его кремля (Н. П. Травчетов. Город Муром и его достопримечательности. Владимир, 1903).

³ Олеарий упоминает о левом рукаве Оки, отделяющемся от нее под самым городом.

южными вратами на фасаде, как уже упоминалось, висит образ Петра и Февронии (в окладе). Собор имеет крытое крыльцо, за которым возвышается одноглавая легкая звонница с тремя проемами.

Белый кремль, красный собор, светлозеленые, красные и белые башенки и палаты княжеского жилища, цветные (красные, зеленые и синие) одежды князя Павла и бояр создают яркое красочное пятно. Белые стены кремля, окружающие эти цветистые фигуры и палаты, придают сказочное сияние, усиливают нарядность и причудливость изображения.

В соединении с рамой из мелких многофигурных клейм жития, перегруженных сложными архитектурными изображениями, избыточными красной, светлозеленой, белой, палевой, розовой и темнозеленой красками, икона принимает характер цветистого ковра. На некотором расстоянии взгляд зрителя перестает различать множество мелких фигурок; они сливаются, создавая впечатление нарядного орнамента. Впечатление нарядности усиливается белыми с позолотой полосами, отделяющими клеймо от клейма.

Иконописец здесь мало заботится о создании индивидуальных человеческих образов: фигуры людей непропорциональны, большеруки, большеголовы, черты лица едва намечены, неопределенны и подчас не отличаются благообразием.

Если иконописец ранней из икон (1618 года) показывает нам в первых клеймах князя Петра молодым, затем взрослым и, наконец, в последних клеймах — седобородым старцем, то здесь, в иконе 1640-х годов, мастер изображает Петра, начиная с 11-го клейма, бородатым человеком неопределенного возраста. Точно так же он не стремится наделять особой привлекательностью образ Февронии, он, повидимому, даже не в силах этого сделать, да и не ставит себе это задачей.

Множество фигур участвует в каждом клейме, причем одно клеймо часто изображает два одновременных события, помещенных то вверху и внизу, то справа и слева небольшого занимаемого клеймом пространства (таковы 1-е, 4-6-е, 9-е, 10-е и т. д. клейма). Эти фигуры размещены среди сложных архитектурных сооружений, нагромождающихся на том же маленьком пространстве: причудливые островерхие башенки, двускатные крыши, сводчатые палаты, то закрытые, то раскрытые, со множеством окон, дверей, ниш; здесь же купола церквей, — всё это имеет равное право на изображение наряду с человеческими фигурами, всё это — равночастные элементы композиции, а не фон, или обстановка, уравнивающие или восполняющие ту или иную композицию.

Только фигуры центральной части иконы более или менее индивидуализированы и выписаны тщательнее. Более пропорциональны несколько удлиненные крупные фигуры бояр, окружающих князя, с хорошо написанными выразительными лицами. Особенно выделяется группа старцев и юношей, стоящих слева от Павла.

Число клейм в этой иконе достигает 40. Увеличение количества клейм способствует большей их иллюстративности. Не стремясь раскрыть внутреннюю сущность своих персонажей, не останавливая внимания на ком-либо из них в отдельности, иконописец стремится передать в своих клеймах наиболее подробно „Повесть о Петре и Февронии“. При этом он не делает какого-либо особого акцента на ее идейном содержании; его в первую очередь занимает здесь сказка. Ее он стремится передать особенно полно, и в его рисунке сказка расцветает пышно, становится привлекательной для зрителя именно своим волшебным элементом.

Вся „предистория“ „Повести“ — прилет „неприятного“ змея к жене муромского князя Павла, — показана в центральном изображении. Кроме того, борьбе со змеем посвящены 6 клейм: в сложной многоплановой композиции 1-го клейма снова показан прилет змея, превращение его в человека — змей в человеческом образе сидит рядом с женой Павла. Там же изображены князь Павел с женой, жена рассказывает ему об искушении ее змеем.

Во 2-м клейме Павел сообщает брату своему Петру „речи змеевы“ и повелевает ему „убити того неприятного змея“; в 3-м клейме Петр обретает Агриков меч; в 4-м — Петр показывает брату и снохе Агриков меч; в 5-м — Петр навещает брата и сноху свою и застает у снохи змея; наконец, в 6-м клейме изображено убийство змея. Здесь особенное значение придается волшебному Агрикову мечу: вверху, в левом углу клейма, Петр, вооруженный мечом, прощается с Павлом, отправляясь на единоборство со змеем; внизу, в центре клейма, изображен Петр, замахивающийся мечом, и, наконец, этот же волшебный меч торчит, вонзенный в тело змея, трепещущего у ног Петра. Змей здесь крылатый, с крупными чешуями, большими когтистыми лапами и человеческим лицом.

Следующие 14 клейм заняты болезнью Петра, поездкой в Рязанскую землю, встречей с Февронией. 8 клейм из 14 изображают двукратное чудесное исцеление, причем здесь живописец не опускает эпизод „измены“ князя. В 18-м клейме показано, как князь Петр повелевает отнести богатые дары Февронии и как Феврония отворачивается от толпы слуг, несущих дары. Наряду с любовью к чудесному иконописец вводит в клейма множество житейских подробностей и внимательно на них останавливается: вот Феврония (13-е клеймо) ковшом черпает из бочонка „квасна“, здесь же слуга Петра топит баню и подкладывает в нее полено; вот Петра перед помазанием моют в бане — он стоит, нагнувшись над большим сосудом с водой вроде купели, один из слуг обмывает его, а другой подает сосуд с целебным „квасном“. Проявляя интерес к сказочному элементу в „Повести“, мастер не забывает и эпизода с неисполнимым заданием: в 15-м клейме изображается, как отрок князя приносит Февронии „повесмо льну“ и тут же мечом отсекает „утинок дерева“ от подаваемого ему Февронией полена.

Стремясь не упустить ничего чудесного, иконописец останавливается и на первом чуде Февронии, в руке которой хлебные крохи обращаются в фиимам. В иконе середины XVII столетия с особенной силой начинают звучать фольклорные мотивы „Повести“.

Будучи лаконичным в изображении боярского восстания и изгнания князя и княгини, — этому посвящены 2 клейма, 24-е и 25-е, причем здесь изображается только восстание бояр, а сцена изгнания опущена, — иконописец останавливается на чуде с деревьями, уделяя ему отдельное клеймо.¹

С фольклорными источниками „Повести“ перекликается в клеймах, кроме змеборческих тем, еще и изображение пира, на котором Феврония просит у восставших бояр дать ей самое дорогое.

Мирному княжению Петра и Февронии в Муроме уделяется 1 клеймо, зато заготовлению единого гроба, одновременной смерти, чуду с обретением тел в одном гробе отводится 10 клейм, из них 5 клейм занимает чудо с обретением тел.

¹ В иконе 1618 года „процветшее“ дерево показано в клейме, изображающем посольство муромчан, молящих о возвращении князя и княгини.

Таким образом, увеличение числа клейм по сравнению с иконой 1618 года в основном шло за счет введения сказочного элемента. Правда, стремясь возможно точнее иллюстрировать своими клеймами текст „Повести“, художник еще подробно останавливается и на поисках врачей, и на поездке Петра в Рязанские земли, и на его „измене“ Февронии после первого исцеления.

Каждое клеймо иконы вверху имеет подробную надпись, почти дословно воспроизводящую соответствующий текст „Повести“. Так, надпись под 1-м клеймом начинается словами: „Бысть в российской земле град, нарицаемый Муром, в нем же самодержествуя благоверный князь Павел“.

Начало „Повести“ читается: „Бе убо в русиистей земли град, нарицаемый Муром, в нем же бе самодержествуя благоверный князь, яко же поведаху, именован Павел“.¹

Надпись к 9-му клейму — эпизод первой встречи с Февронией — начинается словами: „Един юноша от предстоящих Петра уклонился в весь наречену Ласково и вниде во храмину“.

В повести читаем: „Един же от предстоящих ему юноша уклонися в весь, нарицающуюся Ласково, и прииде к некоего дому вратом“.

Несколько иначе, чем в „Повести“, но близко к ее тексту подписано клеймо, изображающее боярскую усобицу: „Во граде же Муроме начаша друг друга побивати, каждо бо их хотя самодержец быти и мнози вельможи погибоша“.

В „Повести“ читаем: „Мнози бо вельможи во граде погибаша от меча. Книждо их хотя державствовать“.

Так, почти каждое клеймо содержит текст, имеющий лишь небольшие различия с текстом „Повести“, в сторону большей краткости.

Начав с изображения волшебной истории со змеем, подробно и любовно проиллюстрировав весь текст „Повести“, иконописец спешит отдать необходимую дань почитания „угодникам Божиим“. Возвращаясь к центральному изображению, он помещает в левом углу композиции Муромский собор с лежащими в нем мощами угодников и на фасаде этого собора изображает небольшую икону Петра и Февронии.

Не забывая о внутреннем раскрытии образов своих персонажей, не надевая их какой-либо индивидуальностью, мастер в то же время очень правдив в их изображении. В некоторых клеймах он дает живые, реально наблюдаемые позы и жесты людей. Эти позы и жесты передают те житейские повадки человека, которые художник видел повседневно в жизни, они запечатлелись в его памяти и невольно побуждают к изображению их в его произведениях.

Так, например, во 2-м клейме Петр, вызванный братом Павлом, чтобы услышать, что смерть змея должна наступить „от Петрова плеча, от Агрикова меча“, слегка склонился к брату и подставил правое ухо, чтобы лучше слышать.

В 7-м клейме в толпе врачей выделяется искренностью своего движения характерная фигура старца справа. Широкий плащ покрывает его согнувшуюся от старости спину, одной рукой он придерживает на груди одежду, а другую убеждающе протянул к собеседнику.

В противовес этому старцу в центре толпы дана надменная фигура врача в шляпе, с ковчежцем и ветвью в руках. Следуя традиционному

¹ Текст клейм сравнивается с повестью в списке ГИМ, собрание Хлудова, № 147, XVI века, а также со списком XVI—начала XVII века — ГИМ, Синодальное собрание, № 555; с последним обнаруживается значительная близость.

иконописному изображению врача с ковчежцем, художник уже от себя наделил его напыщенной важностью.

Очевидно, художника в жизни пленяли некоторые вещи, и их он воспроизвел в своих клеймах. Среди многих условных и фантастических изображений, часто меняющих свою форму, поражает устойчивость одного из них — это конусообразный шатер над больным князем. Он повторяется совершенно тождественно и по форме и по расцветке в 10-м и в 19-м клеймах. Эта форма шатра над больным Петром настолько устойчива, что более поздний иконописец, создавая третью икону Петра и Февронии с житием (1669 год), постарался воспроизвести шатер возможно точнее.

Третья икона Петра и Февронии датируется вкладной надписью на обороте: „Года 7178 [т. е. 1669 года] октября в... день написаны иконы Воскресение Христово, и Муромских чудотворцев, и мучеников христовых Георгия, Никиты и Бориса и Глеба в страстях, по обрещанию Сидора Матвеева сына Лопатина“.¹ В центре ее помещены все муромские святые: справа Петр, Феврония и Иулиания (Лазаревская), слева кн. Константин с „чадами“. Вокруг расположено 41 клеймо жития. Содержание клейм соответствует „Повести“ и в большей своей части точно воспроизводит композицию и рисунок иконы 1640-х годов.

При наложении кальки, снятой с 2-го, 10-го и 19-го клейм иконы 1640-х годов, на соответствующие клейма иконы 1669 года получалось полное совпадение. Кроме названных, полностью совпадают также клейма плавания по Оке изгнанных Петра и Февронии и 6 клейм с эпизодами погребения.

Размер клейм так же мал, они так же перегружены разнообразными зданиями и множеством человеческих фигур. Здесь художник еще меньше занимается моделировкой головы, ликов, рук и человеческих фигур. В цветовом отношении эта икона намного спокойнее, если даже не беднее предыдущей. Она выполнена в темных зеленых, коричневых и красных тонах. Белого очень мало (только белый конь, стена собора и покров на ложе больного Петра). Светлых тонов художник не употребляет совсем. Границы между клеймами темнокоричневые, надписи едва заметны (уцелели отдельные буквы) и совершенно не поддаются прочтению.

В этой иконе представляет интерес 41-е клеймо, оно помещается в левом верхнем углу иконы (почти в $2\frac{1}{2}$ раза превосходит размер остальных 40 клейм). В этом клейме почти полностью повторяется центральная композиция иконы 1640-х годов. Также изображен Муромский кремль с семи башнях, внутри слева изображается княжеский терем, часть палат раскрыта, и можно видеть князя Павла с женой и княжеских слуг, но только нет влетающего змея. Справа помещается Муромский собор, в алтаре которого так же лежат мощи муромских чудотворцев. Но всё изображение этого клейма уже не дышит той сказочностью, что в иконе 1640-х годов. Очертания Кремля более реалистичны, он красный, кирпичный, его стены и башни более похожи на массивное городское укрепление, не столь красивое, сколь прочное.

Это, повидимому, типичная вкладная икона, в которой мастер не слишком больших художественных дарований стремится точно выполнить заказ вкладчика. Очевидно, ему была известна икона 1640-х годов, и он попытался сочетать заказ вкладчика, пожелавшего иметь образ шести муромских чудотворцев, с прославлением Петра и Февронии.

¹ Все названные в надписи 5 икон хранятся в Муромском краеведческом музее.

Для этого мастер центральную композицию иконы 1640-х годов поместил в 41-м угловом клейме, слегка упростив ее.

Дата этой иконы (1669 год) указывает, что икона, условно датируемая нами 1640—1650-ми годами, не могла быть написана позднее, так как для того чтобы послужить оригиналом для одного из клейм иконы 1669 года, она должна была стать уже привычным для молящихся изображением Петра и Февронии.¹

Можно было бы ставить вопрос о прямом копировании с иконы 1640-х годов при написании иконы 1669 года по заказу Сидора Лопатина, если бы не наличие лицевых списков рукописи, содержащих большое количество миниатюр, обследование которых позволяет по-иному осветить вопрос об источниках икон 1640-х и 1669 годов.

В собрании Н. П. Лихачева хранится рукопись XVI в., содержащая 40 миниатюр „Повести“ о Петре и Февронии с сопровождающим их текстом.² Там же имеется лицевая рукопись „Повести“ XVIII в., с 40 миниатюрами, содержащая полный текст „Повести“.³

Миниатюры XVI века и по общему их числу, и по содержанию каждой из них, и в значительной своей части также по композиции совпадают с количеством, содержанием и композицией клейм икон 1640-х и 1669 годов. Отличия имеются прежде всего в некоторых бытовых деталях (например, в сцене, где отрок князя отрубает „утинок“ дерева для исполнения задания Февронии), в соотношении архитектурных фонов и человеческих фигур, в большей ясности и обозримости композиции, а также в красочной гамме. Миниатюры выполнены в несколько блеклых и довольно темных кирпично-красных и зеленых тонах, с большим преобладанием зеленого. В то же время это небольшое расхождение между миниатюрами и клеймами описываемых икон полностью исчезает при сличении клейм с миниатюрами рукописи XVIII столетия.

Это дает основание говорить о том, что авторам икон 1640-х и 1669 годов либо были известны миниатюры XVI столетия, либо и иконы XVII, и миниатюры XVI веков имели общий более древний протооригинал. Сделать такое предположение позволяют сведения о наличии более древних икон Петра и Февронии (например, известие о заказе Грозным иконы „на золоте“ для Муромского собора — Писцовая книга 1687 года), а также вполне сложившаяся и развитая иконография „Повести“, нашедшая свое отражение в миниатюрах XVI века.

Возможность существования более древнего протооригинала в значительной мере объясняет некоторый архаизм форм, присущий описываемым нами иконам.

В то же время, полное совпадение иконных клейм с миниатюрами XVIII столетия позволяет говорить о популярности муромских икон XVII столетия, а главное, о вполне выкристаллизовавшейся и очень устойчивой иконографии „Повести“.

Таким образом, в рассматриваемых памятниках иконописи XVII столетия нашли свое выражение две струи в истолковании „Повести“

¹ В описях, хранящихся в Муромском краеведческом музее, указывается еще на древнюю икону Петра и Февронии с житием на 10 (или 11) досках.

² Библиотека Ленинградского отделения Института истории АН СССР, „Сказание о князе Петре (во иноцех Давиде) и девице Февронии (во иноцех Евфросинии) Муромских“. Лицевые изображения в красках, с текстом, писанным полууставом XVI века, № 50, 28 лл.

³ „История о граде Муроме, како самодержествуя в нем благоверный князь Павел с юнейшим братом благоверным князем Петром...“. Полуустав конца XVIII века, № 396, 100 стр.

о Петре и Февронии. Выражением одной из них является икона 1618 года, прославляющая мудрую деву из народа Февронию и исполненную в то же время ярко выраженных антибоярских тенденций. Литературные и фольклорные элементы „Повести“ использованы иконным мастером именно в этих целях.

Другое направление, характеризующееся, с одной стороны, повышенным интересом ко всем сказочным элементам „Повести“, с другой — большим вниманием к бытовым деталям, нашло свое выражение в иконах 1640-х и 1669 годов.

С более широким проникновением светских идей в литературу и искусство, с изменением эстетики демократической среды XVII века, в значительной мере вбиравшей в себя широкие фольклорные струи, усиливается интерес к сказке, любованию „делами рук человеческих“, предметами повседневного ремесла; в искусство входят некоторые подробности повседневной наблюдаемой жизни. Посад в целом или отдельные посадские люди являются в XVI и особенно в XVII в. вкладчиками икон и строителями храмов. Произведения живописи и зодчества создаются уже в соответствии с вкусами нового заказчика и нового исполнителя, вышедшего из посадской среды.¹

Пример наиболее полного раскрытия сказочного сюжета дает нам икона 1640-х годов, а более поздняя икона 1669 года является типичной вкладной иконой, написанной по заказу и согласно вкусам вкладчика.

Несмотря на всю разницу между этими иконами, мастера их в своих клеймах стараются возможно точно передать содержание „Повести“ о Петре и Февронии, придавая им ту или иную окраску в соответствии со своими социально-политическими симпатиями.

Под пером писателя XV века „Повесть“ получила определенное социально-политическое заострение, но сохранились ее фольклорная основа, ее прочные связи с народным творчеством. Именно эта фольклорная основа нашла свое наиболее полное отражение в памятниках изобразительного искусства XVII столетия, творцы которых то воспринимали идейную направленность „Повести“, то пленялись ее сказочным содержанием, но так или иначе черпали свои художественные образы из „Повести“ — этого интереснейшего памятника древнерусской литературы.

Вместе с тем наличие развитой и вполне сложившейся иконографии „Повести“, как это явствует из наличия 40 миниатюр еще в рукописи XVI столетия, повторенных позднее в памятниках иконного письма XVII столетия (следовательно, достаточно популярных), позволяет с еще большим основанием отнести сложение литературного текста „Повести“ не к XVI, а к XV столетию, что соответствует и результатам исследования самого текста „Повести“.

¹ Писцовая книга 1687 года называет Муромскую церковь Козьмы и Дамиана, построенную после покорения Грозным Казни, „мирским строением“. „Мир“ муромский, по описи 1556 года, характерен сильно развитым посадом, оживленным торгом, а потому значительной гостинной корпорацией“ (Н. Воронин, ук. соч., стр. 90).

Я. С. ЛУРЬЕ

Новые списки „Царева государева послания во все его Российское царство“

„Царево государево послание во все его Российское царство на крестопреступников его, на князя Андрея Курбского с товарищи о их измене“ — один из наиболее замечательных памятников древнерусской литературы. Памятник этот получил в старой историографии и литературоведении одностороннее и неверное освещение: широко известный под именем „Послания Ивана Грозного Курбскому“, он издавался в составе „Сочинений князя Курбского“ и рассматривался обычно как часть переписки между царем и опальным боярином, как документ, рисующий в первую очередь личность царя и его взаимоотношения с Курбским. Рассматриваемое в таком личном плане послание царя представлялось историкам произведением загадочным и непонятым: „С какою целью написано это письмо, и чего добивался царь от Курбского? — недоумевали они. — Неужели он хотел, ему нужно было и он надеялся убедить Курбского признать царя во всем правым, а себя и всех опальных и замученных виновными?“¹

Трактовка „Послания“ Ивана IV как части переписки между Грозным и Курбским имела некоторую опору в рукописной традиции: текст „Послания“, известный до последнего времени в научной литературе, извлекался издателями из рукописных сборников, в которых письмо царя помещалось среди писем Курбского и имело заголовок: „Послание царя и великого князя Иоанна Васильевича всеа России ко князю Андрею Курбскому, против его, князя Андреева, письма, что он писал из града Волмера“. Правда, уже в 1914 году была опубликована иная редакция „Послания“ с заголовком, близким приведенному выше: „Царево государево послание [„во“ пропущено] все его Российское царство“. Однако редакция эта представляла собой явно сокращенный вариант „Послания“, в котором выпущены важнейшие части текста, и не могла рассматриваться как первичная.

При подготовке к изданию „Посланий Ивана Грозного“ в 1951 году автору настоящей статьи удалось обнаружить два списка „Послания“ (Гос. Публичной библиотеки, собрание Погодина, № 1567, и Отдела древних рукописей и актов Института истории, собрание Археографической комиссии, № 41), не связанных с традицией „сборников Курбского“ и дающих наиболее полный текст послания Ивана IV: в этих списках не только нет сокращений, но они содержат несколько новых мест,

¹ Н. И. Костомаров. Исторические монографии и исследования, т. XIII. 1881, СПб., стр. 255—256.

отсутствующих в других редакциях. Большая исправность текста этой редакции и отсутствие в ней многочисленных искажений, свойственных другим редакциям, позволила признать именно ее наиболее близкой к первоначальному виду „Послания“, а заголовок „Царево государево послание во все его Российское царство“, читающийся в одном из обнаруженных списков, дал основание для предположения, что основным адресатом „Послания“ был не Курбский, а „все Российское царство“, т. е. что „Послание“ носило характер не личного письма, а обличения „крестопреступников“.¹

При всех достоинствах новых списков „Послания“ они обладают, однако, и серьезными недостатками. Оба они — дефектны: в списке Погодина № 1567 читается только первая половина текста, а в списке Археологической комиссии № 41 нет начала, следовательно, отсутствует особенно интересный для нас заголовок.

В своей рецензии на „Послания Ивана Грозного“ И. У. Будовниц осторожно отметил в связи с этим, что лишь „один из привлеченных списков носит название: «Царево государево послание во все его Российское царство»“. А это в свою очередь заставило рецензента вносить ограничения и в выводы: „Из названия видно, что послание было направлено не только его адресату (Курбскому, — Я. Л.), а рассматривалось как литературное произведение, предназначенное для широкого круга читателей“ (разрядка наша, — Я. Л.).²

В настоящее время мы обладаем более широкими возможностями для суждения о первоначальной редакции „Послания“ Ивана IV и ее назначении. Нам известно теперь еще два новых списка полной редакции „Послания во все Российское царство“.

1. Список Библиотеки Академии Наук СССР, текущие поступления, № 230.³ Сборная рукопись, состоящая из двух тетрадей, написанных на сходной бумаге (водяной знак — кувшинчик, в первой тетради с буквами „RO“, во второй $\frac{c}{GC}$), сходными (но не одинаковыми) почерками начала XVII в., 4°. Первая тетрадь — „История о Казанском царстве“ (лл. 1—132 об.), вторая тетрадь — „Грамота к государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси князя Андрея Курбского“ (л. 133); „Грамота Тимохи Тетерина да Марка Сарыхозина“ (л. 136 об.); „Грамота Полубенского“ (Шабликину и Огибалову) (л. 137 об.); „Царево государево послание во все его Российское царство на крестопреступников его, на князя Андрея Курбского с товарищи о их измене“ (лл. 139—214 об.).

2. Список Государственной Публичной Библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, собрание Погодина, № 1311.⁴ Сборная рукопись, состоящая из восьми тетрадей, написанных на различной бумаге и разными почерками (полуустав и скоропись), 4°. Рукопись имеет пагинацию по листам (внизу) и по страницам (наверху). В начале оглавление, охватывающее весь текст рукописи; но вместо „Царева послания“ последней „повестью книги сея“ здесь назван почему-то „Список с грамоты турецкой в Рим“ (в действительности

¹ Послания Ивана Грозного. Сер. „Литературные памятники“, Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 470—471 и 520—559.

² И. У. Будовниц. Публицистика Ивана Грозного. Литературная газета, 11 марта 1952 г., № 31, стр. 2.

³ На этот список обратила мое внимание Г. Н. Моисеева.

⁴ Сборник не описан в книге: А. Ф. Бычков. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки. СПб., 1882.

в сборнике отсутствующий). Первая тетрадь — „Пасхалия“ (л. 1); вторая тетрадь — „Книга, глаголемая служебник“, составленная по повелению царя Алексея Михайловича и патриарха Иосифа (л. 16); третья тетрадь — „Книга Иоанна Дамаскина о осми частех слова“ (л. 26; бумага и почерк середины XVI в.); четвертая тетрадь — „Служба“ св. Александру Ошевенскому (л. 36); пятая тетрадь — „Суд Тиверия кесаря Римского“ (л. 126); шестая тетрадь — ряд сочинений грамматического содержания (л. 197; среди них, на л. 249 — „Лаодикийское послание“ Федора Курицына); седьмая тетрадь — церковные службы (л. 280); восьмая тетрадь — „Благочестивого великого государя царя и великого князя Иоанна Васильевича всеа Руси послание во все его великия Росии государство на крестопреступников князя Андрея Михайловича Курбского с товарищи об их измене“ (л. 298; обрывается на л. 334 об., на заключительной части текста). Восьмая тетрадь писана почерком середины XVII в., на бумаге с водяными знаками этого времени (шут с картушем и круговое клеймо с неясным знаком внутри и латинскими буквами по кругу — ... *HENBE*...).

Сопоставляя между собой уже известные списки — ГПБ, Погодинский № 1567 (*П*) и Археологической комиссии № 41 (*К*) — и вновь найденные списки — БАН, № 230 (*А*) и ГПБ, Погодинский № 1311 (*Б*), — мы обнаруживаем прежде всего, что новый список *А* отличается особой близостью к известному уже списку *П*. Сходен состав этих списков: в обоих сборниках тексту „Послания“ царя предшествуют „Послания“ Курбского Ивану Грозному, Тетерина и Сарыхозина — Морозову, Полубенского (в списке *А* нет только „Послания“ Курбского в Псковско-Печерский монастырь). Текстологическое сличение всех четырех списков обнаруживает ряд совпадений между *П* и *А* — даже в явных описках; в списках *К* и *Б* в соответствующих местах текст читается иначе. Так, например, в *ПА* в начале „Послания“ (стр. 9),¹ при перечислении предков Ивана IV, пропущено имя Дмитрия (Донского) — в *КБ* оно читается; в *ПА* читается: „писание же твое... вразумлено и вятельно“ (стр. 13) — в *КБ* правильное: „вразумлено вятельно“, в *ПА* читается непонятное обвинение Курбского, что он „вправду с вами злобесовскими советники“ (стр. 14) — в *К* яснее: „поправшу с вами“ (т. е. „поправшу“ заветы христианства), в *Б* еще лучше: „поправшим вам с своими... советники“; в *ПА* пропущено отчество смоленского князя Федора „Ростиславич“ (стр. 19) — в *КБ* оно читается; в *ПА* при перечислении правителей Византии называются непонятные „пилаты“ (стр. 24) — в *КБ* правильно: „ипаты“; в *ПА* читается: „Рим со всею Италиєю от греческого царства оттого же вся“ (стр. 26) — в *КБ*: „отторжеса“; в *ПА* в процитированном царем вопросе Курбского: „почто есмя сильных во Израиле побили“ (стр. 29) — пропущено слово „сильных“ — в *КБ* оно читается; в *ПА* царь доказывает, что он не станет казнить „подвласных, имущих разум“ (стр. 31) — в *КБ* правильно: „имуще разум“; в *ПА*: „по не времени“ (стр. 33) — в *КБ*: „не по времени“, и т. д.

Следует отметить, что совпадение между *К* и *Б* здесь объясняется только тем, что *ПА* в этих случаях дают явно неверное чтение; никакой специальной близости списков *Б* и *К* мы не обнаруживаем: список *Б* нигде не повторяет многочисленных ошибок и погрешностей списка *К*. Так, список *Б* правильно называет имена трех сыновей императора

¹ В дальнейшем в скобках указываются страницы „Послания“ в издании 1951 года.

Константина — „Константин, Константин и Конста“ (стр. 24), в то время как список *К* одного из них пропускает, а двух других сливает в единого „Константина“; в списке *К* об отставке Сильвестра говорилось: „мы же его благословив, не отпустившу“ (стр. 41) — создавалось впечатление, что царь отказал Сильвестру в отставке;¹ в *А* читается: „его благословение отпустившим“; в *Б* яснее всего: „его благословне отпустившим“; вместо ошибочного „Янушу“ (Заполе) в списке *К* (стр. 42), в *АБ* читается: „Янушу“, вместо „Евтропию скупцу“ — „Евтропию скопцу“; в *АБ* читается имя Дионисия (Ареопагита) как автора расказа, приводимого Грозным; в *К* оно пропущено (стр. 57), и т. д.

Таким образом, списки *П* и *А* имеют общий протограф;² в свою очередь этот общий протограф, список *К* и список *Б* независимо друг от друга восходят к единому архетипу.

Новые списки *А* и *Б* дают возможность правильно восстановить несколько мест „Послания“, до сих пор непонятных вследствие искажений. В особенности это относится ко второй части „Послания“, которая была известна только по одному списку первой редакции — списку *К*, богатому описками и бессмыслицами. Вот как читаются, например, в списках *АБ* слова Ивана IV об отце Курбского: „Се вси видят, каков же пред ним ты и колко у отца твоего начальников поселяном, колико же у тебя: отец твой был князя Михаила Кубенского боярин, понеже он ему дядя“ (в списке *К* читалось бессмысленное „даде“;³ ср. стр. 54). Гораздо лучше читается по новым спискам и заключительное предостережение царя Курбскому по поводу его надежд на „утешение“ в Польше, искаженное во всех других редакциях и с трудом восстанавливавшееся по списку *К*: „Понеже и утешен не⁴ можеша быти, понеже там каждо о своем попечении имея — кто убо может избавити тя от насильных рук и от обидящего восхитити тя возможет, иже сиру и вдовицу суду не внемлюще, их же вы, желающие на христианство злая, составляете“ (ср. стр. 62).

Но главное значение новонайденных списков в том, что они окончательно помогают установить текст первой редакции „Послания“. Пока в нашем распоряжении было только два списка, притом дефектных, нельзя было (несмотря на сходство их совпадающих частей) полностью быть уверенным в том, что перед нами единый текст. Теперь в нашем распоряжении четыре текста, несомненно принадлежащих к одной редакции (отсутствие перестановок текста, имеющихсся во всех списках остальных редакций, наличие пропущенных там мест), причем один из них (*А*) содержит весь текст с начала до конца, без пропусков, а в другом (*Б*) отсутствует только несколько страниц в конце.

С несомненностью устанавливается и название „Послания“; если раньше оно читалось только в одном списке полной редакции, то теперь мы читаем его в трех списках. При этом особое значение приобретают установленные нами взаимоотношения списков *ПА*, *К* и *Б*. Если общность названия в *ПА* можно было бы объяснить особой близостью между ними, то наличие того же (с несущественными вариаци-

¹ Ср. Послания Ивана Грозного, комментарии, прим. 33 (стр. 599).

² Характерным отличием списка *А* от списка *П* является наличие в нем киноварных заголовков на полях. Заголовки эти несомненно принадлежат уже переписчику XVII века и являются как бы его комментарием к тексту. К месту об Адашеве сделан, например, следующий заголовок: „О Алексее Адашеве, что назвал его царь батошником“. Иногда автор заголовков не вполне понимал текст; например, место о „Кроновых жертвах“ писец озаглавил: „О иродовых жертвах“.

³ Ср.: Послания Ивана Грозного, комментарии, прим. 46 (стр. 606).

⁴ Так в *Б*; в *А* нет „не“.

ями) названия в *Б* свидетельствует о том, что это название органически присуще тексту первой редакции.

Кто назвал „Послание“ Ивана IV „Царевым государевым посланием во все его Российское царство“? Упоминание „царя-государя“ в третьем лице не препятствует тому, чтобы считать это заглавие авторским; одна из авторских редакций известного „Просветителя“ Иосифа Волоцкого называется ведь „Грешного инока Иосифа сказание о новоявившейся ереси“. Но даже если мы имеем здесь название, данное кем-то из подчиненных „царя-государя“ (например, дьяческая помета), то это ничуть не снижает его ценности как исторического источника. Перед нами — заглавие, восходящее к архетипу „Послания“ и характеризующее его как „Послание во все Российское царство на изменников“.¹

Разосланное „во все Российское царство“, „Послание“ Ивана IV было объединено в сборнике (составленном, повидимому, в Печерско-Юрьевском районе, может быть в Печерском монастыре) с „посланиями“ Курбского, Тетерина, Полубенского. Причиной такого объединения могла быть тематическая близость, облегчающая понимание полемических намеков в этих посланиях. Но „Царево государево послание“ сохранилось и вне этого комплекса. Списки *КБ*, в которых „Послание“ Ивана IV не сопровождается посланиями его врага, являются наилучшим доказательством того, что „царево государево послание“ действительно рассылалось по „всему Российскому царству“.

Нас не должно смущать и относительно малое количество дошедших до нас списков первой редакции. Списков первой редакции у нас теперь четыре; все они относятся к XVII веку (три — к началу). Как раз столько же списков сохранилось и от хронографической редакции „Послания“; четыре списка XVII века сохранилось от краткой редакции; что касается так называемых „сборников Курбского“, широко распространенных в XVIII—XIX веках, то от XVII века до нас дошло только три таких „сборника“ (и то относящихся к концу века).²

Можно надеяться, что дальнейшие разыскания в рукописных собраниях нашей страны принесут нам новые находки списков первой редакции „Царева государева послания во все его Российское царство“.

¹ Прямое указание заголовка первой редакции на то, что „Послание“ адресовано „во все Российское царство“, делает, на наш взгляд, мало убедительной любопытную гипотезу С. О. Шмидта (рецензия на „Послания Ивана Грозного“. Известия АН Отд. литературы и языка, 1952, т. XI, вып. 2, стр. 389) о том, что первая (полная) редакция была адресована к мировому общественному мнению, а краткая — в Россию. Будь это так, соответствующая дифференциация была бы внесена и в заголовок. Непонятно также, почему подробности, относящиеся лично к Грозному, могли предназначаться иностранному, а не русскому читателю.

² Послания Ивана Грозного, стр. 544—555.

Н. А. БАКЛАНОВА

О датировке „Повести о Ерше Ершовиче“

„Повесть о Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове“, или, как она называется в других списках, „Список с судного дела, как тягался Лещ с Ершом о Ростовском озере и о реках“, принадлежит к числу популярнейших произведений старинной русской литературы. Списки ее сохранились в различных вариантах, начиная с XVII века. По словам Кантемира, „Повесть о Ерше“ продавалась в его время вместе со сказкой о Бове в Москве на Спасском мосту.¹ Уже в начале XVIII века, если не ранее, „Повесть“ была переработана в сказку и рифмованную повесть; позднее она вошла в лубочные издания. Кроме того, следы ее влияния сказались на позднейших произведениях.² Отдельные фразы из этой „Повести“ вошли в употребление в качестве пословиц и поговорок и были включены В. И. Далем в словарь, например: „бил ерш челом на лихого леща“; „тягался, как лещ с ершом“; „выжил, как ерш леща“; „ушел в ершову слободу“; „ерш — неспорое кушанье, на грош съешь, а на гривну хлеба расплюешь“;³ „вселился, как ерш в Ростовское озеро“.⁴ К „Повести о Ерше“ восходит и присловье о ростовцах, приводимое И. П. Сахаровым в „Сказаниях русского народа“:⁵ „Озеро соломою зажигали!“.

Однако, несмотря на эти свидетельства популярности „Повести“, она дошла до нас в гораздо меньшем числе списков, чем этого можно было бы ожидать. В. П. Адриановой-Перетц, специально занимавшейся „Повестью“, был известен 21 список ее и 5 записей устной сказки. Из 21 списка 4 представляют собой только небольшие отрывки, а 2 дефектны. В. П. Адрианова-Перетц, изучив списки „Повести“, подразделила их на 4 редакции. Перечислив в своей работе списки каждой из этих редакций, автор приходит к следующему выводу: „Все эти редакции при общей основе настолько серьезно разнятся между собой, что не могут быть представлены в виде вариантов к одному какому-либо списку. Их приходится рассматривать как самостоятельные

¹ Сатиры и другие стихотворческие сочинения князя Антиоха Кантемира с кратким описанием его жизни. Изд. Акад. Наук, СПб., 1762, стр. 163.

² См. эпизод с ершом в сказке П. П. Ершова „Конек-горбунок“ (П. П. Ершов. Стихотворения. Л., 1931).

³ В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 1. СПб., 1903, стр. 537.

⁴ И. М. Снегирев. Лубочные картинки русского народа в московском мире. М., 1861, стр. 61.

⁵ Т. 1, СПб., 1841, отд. V, стр. 115.

моменты в жизни одного и того же по существу памятника¹. Присоединяясь к этому выводу, можно сказать даже больше: они не только разнятся между собой, но и в пределах отдельных списков есть противоречия, указывающие на испорченность текста. Возьмем для примера список первой редакции, напечатанный В. П. Адриановой-Перетц.² „Судный список“ начинается со слов: „Суд судил большей боярин и воевода Осетр, окольников был Сом с большим усом“. Таким образом, перед нами провинциальный суд, производившийся воеводой и его „товарищем“. Вслед за этим помещена челобитная Леща: „Господам моим новгородским судьям Осетру да Белуге, да Белой рыбице бьет челом“ и т. д. Как следует понимать это выражение: „новгородским судьям“? Повидимому, под ним надо подразумевать судий Новгородского приказа или, иначе, Новгородской четверти — центрального учреждения, ведавшего территорией, принадлежавшей прежде Великому Новгороду. Если так, то непонятно, почему выше шла речь о воеводском суде и почему, обращаясь к судьям, челобитчик называет их „господа“, тогда как челобитные, подававшиеся в приказ, всегда писались на имя царя („государю, царю и великому князю... бьет челом“ и т. д.). Объяснить это можно только тем, что эпитет „новгородские“ появился позднее, под пером переписчика, имевшего какое-то отношение к Новгороду Великому. Встретив в тексте термин „судьи“, под которым во второй редакции³ подразумеваются земские судьи в соответствии с остальной номенклатурой земских властей, он решил исправить непонятное для него выражение вставкой слова „новгородские“.

Переписывая „Повесть“ дальше и дойдя до места, где говорилось о вызове „общей правды“⁴ — рыбы Ладоги, которая живет в Новгородской области, в Ладожском озере, он и здесь решил пополнить текст знакомыми географическими названиями и заменил Ладожское озеро „рекою Наровою“⁵ в Немецкой области“. Вот как можно объяснить то противоречие, что дело, происходившее в Ростове, разбиралось в Новгородском приказе. Надо добавить, что даже если бы судебное разбирательство дошло до центра, то и в этом случае оно производилось бы не в Новгородском приказе, так как Ростов был в ведении Галицкой четверти.⁶

Другое противоречие находим в определении социального положения тяжущихся сторон. В челобитной Лещ называет себя „сынчишко боярской“, „кормовой сынчишко боярской“, что противоречит другим редакциям, в которых он предстает перед нами в качестве крестьянина. В. П. Адрианова-Перетц делает из этого противоречия определенные выводы: „Другая группа читателей, выдвигающая на первый план мысль о несправедливости тяжбы, делает Леща «крестьянином ростовского уезду», а его обидчика, ерша выводит из рода «детешек боярских мелких бояр»“.⁷ Между тем, изменение в определении социальной принадлежности одной из тяжущихся сторон является очевидной ошиб-

¹ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. М.—Л., 1937, стр. 129.

² Там же, стр. 147—150.

³ О том, что вторая редакция старше первой, см. ниже.

⁴ „Общая правда“ или „общая ссылка“ — остаток третейского решения споров сторон на суде — ссылка обеих сторон на одного и того же послуха, имевшая безусловное значение в судебном процессе XVI века.

⁵ т. е. Наровою.

⁶ См.: С. Б. Веселовский. Сошное письмо, т. II. М., 1916, стр. 623.

⁷ В. П. Адрианова-Перетц, ук. соч., стр. 131; ср. стр. 137.

кой: в том же списке Ерш называет Леща крестьянином, да и сам Лещ в челобитной называет себя „сиротой“, а этим термином в официальных документах называли себя люди „тяглые“, посадские и крестьяне, тогда как служилые люди, к каким принадлежал сын боярский, должны были называться „холопами“. Все эти тонкости были, конечно, хорошо известны автору „Повести“, близко знакомому с миром челобитных, и сделать такую ошибку он не мог. Следовательно, и в этом случае надо предполагать позднейшую порчу текста.

Таковую порчу можно наблюдать и в других местах этого списка. Например, в челобитной Леща говорится: „В прошлых, господа, годех было то Ростовское озеро, реки и источники за нами, сиротами, а тот Ерш лишил нас того Ростовского озера“. Между тем, до этого в челобитной еще не упоминалось ни о Ерше, ни об озере. Следовательно, здесь должен быть какой-то пропуск или сокращение. Затем: воевода Осетр, главный судья, выступает в конце „Повести“ в роли послуха на суде, чего вообще не могло быть: одно и то же лицо не могло одновременно, при разборе одного и того же дела, быть и судьей и свидетелем. Кроме того, рассказ Осетра заканчивается описанием его поимки в невод. Таким образом, в изложении „Повести“ получается несообразность: как Осетр, попавший в невод, мог оказаться затем в роли воеводы на суде?¹ Это противоречие разрешается списком второй редакции, по которому эта часть рассказа принадлежит другому лицу — окольниковому Сому, передающему случай, происшедший с его братом. Ясно, что в первой редакции эти два рассказа неудачно соединены в один.

Имеется и еще противоречие. В начале „Повести“ окольниковый Сом является судьей, в конце он — всего лишь дьяк.

Таких примеров можно было бы привести немало по разным редакциям. Но и этих достаточно, чтобы видеть, какой порче подвергались списки в результате их неоднократной переписки.

* * *

Различия между редакциями и противоречия, имеющиеся в пределах одного и того же списка, при довольно ограниченном количестве последних, породили ряд неясностей в представлении об этом произведении. В. П. Адрианова-Перетц, сделав краткий обзор литературы о „Повести“, пришла к выводу, что „относительно происхождения повести о Ерше все не ясно: XVI или XVII столетия этот памятник, осуждает он или нет судебные порядки Московской Руси, какие политические события нашли себе в нем отражение“.²

Эта неясность отразилась в суждениях исследователей „Повести“. И. П. Сахаров, которому принадлежит первое по времени высказывание о ней, нашел, что она „носит на себе отпечаток какой-то непонятной для нас сатиры... В списке Ляликова, разделенная на отдельные пункты, она, вероятно, тогда представляла вид деловой бумаги. Замечательно, что в ней сохранилось вполне и старое делопроизводство, и форма старых бумаг“. Он относил ее появление к XVI веку

¹ Позднейшая переделка „Повести“ специально вводит новый эпизод, чтобы устранить это противоречие.

² В. П. Адрианова-Перетц, ук. соч., стр. 125.

³ И. П. Сахаров. Русские народные сказки. СПб., 1841, стр. 273.

А. Н. Пыпин в своем „Очерке литературной истории повестей и сказок русских“¹ считал, что это чисто литературная сатира, и осторожно датировал ее XVI—XVII веками. Д. А. Ровинский² и А. Н. Афанасьев³ вслед за Сахаровым относили „Повесть“ к XVI веку. К этому же времени склонен был относить ее и И. М. Снегирев.⁴

И. А. Шляпкин высказал другую точку зрения. Он различает в „Повести“ 2 извода. Первый извод, по его мнению, появился „вероятнее всего, в ближайшую после «смуты» эпоху, когда права на владение являются наиболее спорными ввиду потери старых памятней и когда процветают разбой“. К первому изводу примкнула легенда о тяжбе за Ростовское озеро между потомками Петра Ордынского и ростовскими князьями. На основе этого материала появился второй извод „Повести“, составленный по „Уложению“ Алексея Михайловича. Чтобы устранить неизбежные возражения против такого вывода, указывающие на наличие в „Повести“ старинных судебных терминов, известных задолго до „Уложения“ и не вошедших в него, таких как „доводчик“ и „судные мужики“ (т. е. „судные мужи“),⁵ автор вынужден сделать неправдоподобное предположение, что „это могут быть вставки, сделанные впоследствии, в силу местного обычая, особенно на Севере, в Новгородской волости“.⁶ К точке зрения Шляпкина примкнул Ф. П. Сушицкий с оговоркой, что он считает „все же пока мало обоснованным это утверждение“.⁷

Ввиду противоречивости и неясности суждений о времени и месте составления „Повести“ В. П. Адрианова-Перетц пришла к мысли о необходимости заново пересмотреть списки „Повести“, чтобы устранить неясности, не разрешенные предшествующими исследователями. В результате этой работы выяснилось, что „образующие ее (повесть,— Н. Б.) судебные формулы в большинстве своем очень старые... гораздо старше «Уложения»... Поэтому нет никаких оснований принимать категорический вывод проф. Шляпкина: «... совершенно тем же порядком протекали земельные тяжбы и в XVI в.»⁸ Но, сделав этот вывод, автор все же находит, что „одно сопоставление с документами не может еще решить вопрос о времени ее создания“, так как „язык судебных (как и других) документов Московской Руси был чрезвычайно консервативным. Гораздо более показательна в данном случае самая форма пародии, которая делается употребительной в литературе второй половины XVII в.“. Автор приходит к выводу, что „литературные признаки скорее говорят за то, что повесть о ерше создана не в первой, а во второй половине XVII в.“⁸

¹ А. Н. Пыпин. Очерк литературной истории повестей и сказок русских. СПб., 1857, стр. 299—300.

² Д. А. Ровинский. Русские народные картинки, кн. V. СПб., 1881, стр. 151—154.

³ А. Н. Афанасьев. Русские народные сказки, т. 1. М., 1897, стр. 62.

⁴ И. М. Снегирев, ук. соч., стр. 59—66.

⁵ „Доводчиками“ назывались в Судебниках лица, на обязанности которых лежал вызов сторон на суд (в провинции). „Судные мужи“ для XVI века представляли уже пережиток старины — отголосок прежнего участия в суде населения. Они как знатоки местного обычного права должны были наблюдать за правильностью судебного процесса и могли вмешиваться в его ход.

⁶ И. А. Шляпкин. Сказка о Ерше Ершовиче сыне Щетинникове. ЖМНП, 1904, август, стр. 380—400.

⁷ Ф. П. Сушицкий. Из литературы эпохи Петра Великого. Повесть о Ерше и челобитная Петру Алексеевичу. Филологические записки, Воронеж, 1913, IV, стр. 534—546.

⁸ В. П. Адрианова-Перетц, ук. соч., стр. 145.

Последнее по времени высказывание о „Повести“ принадлежит Н. К. Гудзю. Он находит, что „у автора сатиры-пародии видно знакомство с правыми и судными грамотами, оформлявшими судебные процессы еще в XV в., а также, быть может, с «Уложением» царя Алексея Михайловича“. Хотя конец фразы не заключает в себе определенного вывода, Н. К. Гудзий все же утверждает, что „Повесть“ написана „на тему о судебных порядках Московской Руси“, „видимо, не ранее середины XVII в.“, и помещает ее в отделе сатирической повествовательной литературы XVII века.¹

Как видно из сделанного обзора, положение с „Повестью“ и по настоящее время продолжает оставаться неопределенным. Неясно, когда она возникла, существуют разногласия по вопросу о том, где она появилась, не установлены также количество и последовательность ее редакций. Изложенные обстоятельства делают нелишним новый пересмотр „Повести“. Это уместно еще потому, что в настоящее время в Институт русской литературы поступил список „Повести“, который до сих пор не был известен исследователям и который, будучи во многих отношениях лучшим,² может помочь устранить некоторые сомнения, возникавшие в связи с несовершенством списков „Повести“.

* * *

Перейдем теперь к рассмотрению списков. В. П. Адрианова-Перетц считает, что древнейший тип „Повести“ „полностью не покрывается ни одним из сохранившихся списков“; его следует искать в первой и отчасти второй редакциях. Но все же автор находит возможным „считать наиболее близкой к авторскому тексту именно первую редакцию“, так как для нее характерна „сохранившаяся наиболее ... четко близость ее схемы к «правым грамотам» и «судным спискам»“.³

Нам кажется на основании анализа терминологии „Повести“, что первая редакция является сокращением той редакции, которая представлена списками Уваровским и Института русской литературы (помещаемым ниже) и которую В. П. Адрианова-Перетц считает второй. Таким образом, вторую редакцию следует считать наиболее древней и близкой к первоначальному тексту „Повести“.⁴ В дальнейшем, не меняя во избежание путаницы нумерации, установленной В. П. Адриановой-Перетц, будем называть вторую редакцию (самую древнюю) — полной, а первую (следующую за ней по порядку) — сокращенной.

В списках сокращенной редакции есть вставка, которая дает возможность приблизительно датировать время появления этой редакции. Сельдь, давая отрицательную характеристику Ершу, иронически замечает: „Знают де ево на Москве на Земском дворе и во иных городех земские ярыжки и бражники“. Земский двор упоминается во всех списках этой редакции, в то время как в списках полной редакции соответствующее место читается так: „Знают Ерша на Москве

¹ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. Изд. 5-е, М., 1953, стр. 399—400.

² Описание этого списка, а также сборника, в состав которого он входит, дается нами ниже. Цитаты из „Повести“ без указания на список взяты из публикуемого списка.

³ В. П. Адрианова-Перетц, ук. соч., стр. 129.

⁴ Недаром она и сохранилась в гораздо меньшем количестве: два полных списка (XVII и второй половины XVIII веков), один без конца (начала XVIII века) и два отрывка (конца XVIII и XIX веков), тогда как списков первой редакции известно десять.

бражники, и голыши, и всякие люди“. Земским двором в Москве называлось учреждение, ведавшее благоустройством города, полиция. Первое упоминание о нем встречаем в документах 1572 года.¹ Со второго десятилетия XVII века наряду с этим термином употребляется в качестве его синонима название „Земский приказ“.² Окончательно термин „двор“ сменяется „приказом“ в середине XVII века.³ Из этого видно, что вставка была сделана не позже, чем в первой половине XVII века. Если это так, то, следовательно, полная редакция должна быть отнесена ко времени, еще более раннему.

Однако и она носит на себе следы позднейших вставок и добавлений. Так, следует считать вставкой слова: „боярин и воевода Осетр Хвалынского моря, окольных был Сом больших волжских предел“, потому что состав суда определяется судьями (Белуга ярославская и Семга переславская) и „судными мужиками“ (Судак и Щука). Осетр и Сом являются здесь лишними, тем более что в дальнейшем показания их на суде противоречат их роли как судей. Вставлено позднее также упоминание о Разряде, учреждении, ведавшем служилыми людьми, что совершенно не вяжется со всем судебным разбирательством, происходящим в провинции, в судной избе. Наконец, в тексте этой редакции (по списку, помещенному ниже) есть неясные места — повторения, нарушающие целостность текста и указывающие на его испорченность.

Таким образом, и полную редакцию нельзя считать первоначальной. Но она ближе других к протографу „Повести“. Это видно из того, что все разночтения списков других редакций, восходящие к более древнему тексту, находятся в этом списке (за одним исключением, о котором будет сказано дальше) и, с другой стороны, есть такие следы протографа, которые нигде, кроме этой редакции, не встречаются. К первым принадлежат: „судные мужики“, „добрые люди“, встречающиеся, кроме того, в списках сокращенной редакции, ко вторым: „ссылка из виноватых“,⁴ „божия правда“, „общая правда“, „послушество“, „деловальник“, „гнать след“.⁵ Только в списках этой редакции встречается указание на то, что Лещ был холопом Ерша и освобожден им; при перечислении тех групп населения, которые знают Ерша, названы: земские старосты, земские люди, „весь мир“ и „голова стрелецкие“. Свидетели называются более древним термином „третий“⁶ (интересно, что в списках более новых наряду с этим термином встречается „четвертый“ — показатель того, что к этому времени значение слова „третий“ в данном употреблении стало уже непонятным). Только в списках этой редакции упоминается о пожаре Ростовского озера.

Из старинных терминов, утраченных этим списком, можно указать только на название „гости-сурожане“, сохранившееся в одном из списков сокращенной редакции (в Забелинском, № 536).

Перечисленные древние юридические термины, встречающиеся в „Повести о Ерше“, известные еще по юридическим памятникам XIV—XV веков (судным спискам и правым грамотам), а в некоторых

¹ Сибирский сборник. М., 1845, стлб. 34.

² Акты исторические, II. СПб., 1841, № 355.

³ Уложение 1649 года. М., 1649, гл. XIX, статья 40.

⁴ „Ссылкой из виноватых“ (в отличие от „общей ссылки“ или „общей правды“, о ней см. выше) в судебном процессе XVI века назывался тот случай, когда одна из тяжущихся сторон ссылалась на свидетеля с условием подчиниться обвинению, если свидетель покажет против сославшегося на него. „Ссылка из виноватых“ имела безусловное значение в процессе XVI века.

⁵ Этот последний термин встречается еще в „Русской правде“.

⁶ „Третий“ то же, что и „общая правда“.

случаях еще более ранних (Русская Правда), и дали основание исследователям XIX века отнести эту повесть к XVI веку, ко времени Судебников, которые фиксировали древнее судоустройство и судопроизводство. Однако, как упоминалось выше, И. А. Шляпкин нашел, что „форма тяжбы Леца носит на себе ясные следы влияния «Уложения», а присутствие таких старинных терминов, как „доводчик“ и „судные мужики“, может быть, по его мнению, объяснено их позднейшими вставками „в силу местного обычая, особенно на Севере, в Новгородской волости, а дело как раз происходит с уроженцем озера Кубенского“.¹ Но упоминание об этих терминах встречается и в тех списках, в которых ничего не говорится о Кубенском озере, например, в списке Института русской литературы; кроме того, наряду с этими „архаизмами“ мы встречаем в „Повести“ другие древние термины, не связанные с судебным процессом и не характерные для северной, Новгородской области. Это, во-первых, древнейшее обозначение гостя — „сурожанин“, встречающееся в списке Забелина № 536;² во-вторых, рассказ Ерша о том, что Леца и Головаль были у отца его в холопах и что после смерти отца он отпустил их на волю с семьями, но оставил их жить у себя в качестве крестьян, „а иное их племия (т. е. родственники, — Н. Б.) и ноне есть у меня в холопах у дворе“. Последнее обстоятельство указывает на то, что здесь имеется в виду наиболее древняя форма холопства — „обельная“ или „полная“, известная еще Русской Правде и постепенно уступавшая место другой — кабальному, временному холопству, чаще встречавшемуся в XVII веке.

Еще И. М. Снегирев указал на отражение в этом рассказе обычая, „основанного на правилах Кормчей книги, отпускать обельных или полных холопов на волю «по душе отцовской для поминовения»“.³ Известно, что во второй половине XVI века, с развитием феодального землевладения и усилением крестьянского закабаления, применение малопроизводительного труда холопов становилось невыгодным и постепенно сокращалось. Это явление нашло отражение и в законодательстве: Судебник 1550 года сокращает источники полного холопства. Церковная литература XVI века придавала этому социально-экономическому процессу форму акта личной „милости“ феодала. Та же мысль проводится и в ранней редакции Домостроя, восходящей к XV веку. Приведенная выше фраза Ерша об отпуске им на волю холопов и

¹ И. А. Шляпкин, ук. соч., стр. 394.

² Здесь вместо „гости“ употреблено выражение „гости и срожня“, что следует читать „гости-сурожане“. Этот термин встречается в летописях XIII и XIV веков. Как известно, он происходит от названия „Сурож“ — генуэзская колония в Крыму, на месте которой теперь находится Судак. Отсюда до открытия в XVI веке северного пути через Белое море шли главным образом иноземные товары, преимущественно шелковые ткани, которые поставляла Италия. Купцы, привозившие в Москву эти товары и торговавшие ими, стали называться сурожанями. В летописи этот термин употребляется как синоним крупнейших купцов. Впоследствии он потерял свое значение, хотя в московских рядах еще и в XVII веке был ряд, называвшийся Сурожским, в котором торговали привозными, преимущественно шелковыми материями. В XVI веке этот термин как обозначение высшего разряда торговых людей вытесняется термином „гости“, что видно как раз в данном случае: здесь одного старого термина оказалось мало и рядом с ним поставлен более новый — „гости-сурожане“. В XVII веке его не встречаем в таком понимании вовсе (см.: В. Е. Сыроечковский. Гости-сурожане. Известия ГАИМК, вып. 127, 1935). В другом списке той же редакции, относящемся по всем признакам к XVII веку (по мнению В. П. Адриановой-Перетц — петровского времени), в соответствующем месте текста стоит: „гости и гостиный сотни и посацкие люди добрые“, т. е. перечислены разряды торгового населения.

³ И. М. Снегирев, ук. соч., стр. 65.

о переводе их в крестьяне правдиво отражает этот процесс, характерный для XVI века.

Как гости-сурожане не входили в состав населения Северной области Русского государства, так и холопство не было характерным явлением для Севера. „Гости-сурожане“ и „холопы“ — термины, показательные преимущественно для центральных областей страны. Следовательно, если придерживаться точки зрения И. А. Шляпкина о позднейших вставках древних терминов в текст „Повести“, то надо предположить, что такие вставки сговорились делать и северяне и жители центра. Впрочем, термин „сурожане“ исчез в XVII веке и в центральных областях государства. Это показывает несостоятельность мнения И. А. Шляпкина.

* * *

Но самой существенной чертой для определения времени составления „Повести о Ерше“ является не столько наличие указанных терминов, сколько общий характер судебного процесса, представленного в ней. Многие судебные термины XVI века просуществовали очень долго. В. П. Адрианова-Перетц совершенно правильно утверждает, что язык судебных документов Московской Руси был чрезвычайно консервативным. Но надо, однако, иметь в виду, что за сто лет, протекавшие между выходом Судебников и изданием „Уложения“, и государственной, и социально-экономической строй России сильно изменились: укрепилось многонациональное централизованное государство с бюрократическим аппаратом, опирающееся на дворянскую массу. Эти явления нашли отражение и в судебном процессе. Если многие юридические термины через сто лет и уцелели, то понятия, вкладывавшиеся в них, значительно изменились. В XVI веке судебный процесс был обвинительным.¹ Роль судьи в нем была пассивной. Он должен был лишь следить за тем, чтобы суд протекал соответственно установленным правилам. Обвиняемый пользовался полной свободой в представлении доказательств против обвинения, которое было обусловлено соблюдением определенных обрядностей. Судья не вмешивался в состязание сторон, а лишь ожидал его результатов. Правильность хода судебного разбирательства удостоверялась присутствием на суде „судных мужей“ или „добрых людей“, являвшихся как бы представителями населения. Стороны должны были сами собирать доказательства, а роль судьи сводилась к их регистрации. В числе доказательств на первом месте стояли, если не считать собственного признания обвиняемого, показания свидетелей. Но показание свидетелей в XVI веке было гораздо более решающим, чем в позднейшее время. Недаром это показание носит название „ссылка из виноватых“, если показание „послуха“ или свидетеля было дано только с одной стороны, и „общая ссылка“, „общая правда“, если „послуха“ выставляли обе стороны. Сила его показания была безусловна для обеих сторон. Другим доказательством являлись ордалии: поле, крестное целование или присяга и жребий. Наконец, на последнем месте стояли письменные доказательства. Они не играли еще особенно существенной роли и могли опровергаться всеми другими средствами доказательств.

¹ Со времени возникновения губных учреждений рядом с обвинительным процессом появляются начатки „розыска“ — по важнейшим уголовным делам. Подробнее об обвинительном процессе и об отличии от него „следственного“ („розысчного“) процесса см. в соответственном разделе книги М. Ф. Владимирского-Буданова „Обзор истории русского права“ (изд. 5-е, Киев, 1907).

„Уложение“ 1649 года закрепило приказный характер судопроизводства с господством следственного (розыскного) процесса, при котором роль судьи очень выросла. Судья производит следствие до тех пор, пока находит нужным собирать доказательство, пока в его руках не окажется достаточный материал для вынесения приговора, независимо от желания сторон. Следствие не связано обрядностями, как это было при обвинительном процессе. При следствии очень широко применяется очная ставка, которая непременно сопровождается расспросом тяжущихся. Отношение к свидетельским показаниям меняется: они уже не имеют такой безусловной силы, какой обладали при обвинительном процессе. В „Уложении“ чувствуется недоверие к правдивости свидетельских показаний. Из ордалий поле исчезает вовсе, присяга и жребий остаются, но применение присяги суживается, она допускается только в исковых делах и только по второстепенным пунктам. Зато сильно возрастает значение письменных доказательств, они начинают играть главную роль в процессе. Вместе с тем очень расширяется делопроизводство. Дело начинается с челобитной, которая пишется по установленной форме, открываясь словами: „Государю, царю и великому князю...“. Далее излагается суть просьбы, и заканчивается она восклицанием: „Царь, государь, смилуйся, пожалуй!“¹ Всякий акт излагается письменно, изложение судебного дела занимает целый ряд листов бумаги, которые подклеиваются один под другим и свернутые в трубку образуют „столбец“, достигающий нередко значительной величины. Движение дела намеренно затягивается с целью вымогания взятки, появляется специальный термин: „московская волокита“.

Если мы обратимся к судному делу о Ерше и рассмотрим характер изображаемого в нем процесса, то увидим, что он приближается к обвинительному процессу, характерному для XVI века. В самом деле, судьи, производящие рассмотрение дела, держат себя очень пассивно: они лишь опрашивают стороны, распоряжаются о доставке в суд „общей правды“, и только после показания этой „общей правды“ задают вопрос о наличии „крепостей“ на Ростовское озеро. Выслушав свидетельство „общей правды“, судьи выносят решение.

Переписчики XVII века запутали это изложение обвинительного процесса вставками в него, которыми хотели приноровить устаревший текст к современным им приказным порядкам. Вот почему в списках XVII века „Судного дела Лещи с Ершом“ рядом с судьями появляются боярин Осетр и окольный Сом, неудачно повторяющиеся в конце списка в качестве свидетелей. В глазах переписчиков XVII века дело происходит уже в приказе; поэтому они упоминают то о „Разряде“, в котором переписываются ершовы „животы“, то о „Печатной палате“, из которой выдавалась „правая грамота“ Лещу на Ерша, то, излагая приговор судий, записывают, что они велели Ерша „из приказу выслать вон“; а в конце перечисляют штат приказа. Особенно сильна приказная окраска в списках третьей редакции, в которой протограф переработан в духе приказного делопроизводства значительно сильнее, чем в остальных редакциях. Челобитная о Ерше в этой редакции изложена совершенно безукоризненно, строго следуя форме приказных челобитных, и несомненно вышла из-под пера хорошего подьячего. В допросе, которому судьи подвергают Ерша, видно влияние следственного процесса. Согласно ему, на первое место ставятся пись-

¹ Форму челобитных XVI и XVII веков см.: Акты юридические. СПб., 1838, №№ 32, 37—41.

менные доказательства на право владения Ростовским озером, и когда их не оказывается, тогда уже прибегают к свидетельским показаниям и, по выслушании их, выносят решение.

Таким образом, изображение судебного процесса в „Повести о Ерше“ следует приемам обвинительного или состязательного процесса, характерного для XVI века, когда и была написана „Повесть“. Переписчики последующего времени внесли в нее добавления, характерные для судебных порядков XVII века, чем лишили текст ясности и запутали его; это повлекло за собой различные толкования его исследователями. Кроме того, в XVII веке „Повесть“ была переработана в духе приказного делопроизводства с изложением следственного процесса.

Список Института русской литературы имеет еще то преимущество перед остальными списками той же редакции, что открывается датой: „Лета 7105 (1596 г.), декабря в день было в Большом озере Ростовском съезжались судьи всех городов“.

Таким образом, и характер судебного процесса, и юридические термины, и термины бытовые (сурожане), и исторические факты (отпуск обельных холопов на волю и перевод их в крестьяне), и, наконец, дата — всё это говорит в пользу того, что „Повесть о Ерше“ появилась в XVI веке.

* * *

Исследователи приводили еще одно соображение в пользу отнесения „Повести“ ко времени „после смуты“ — самый факт земельной тяжбы, находя, что, с одной стороны, земельными тяжбами был особенно богат XVII век, а с другой — что после „смуты“ участились случаи захвата земель вследствие утраты крепостных документов на них в это время. Но и то и другое соображение не меняет сути дела. Земельные тяжбы характерны не только для XVII века, но и для предшествующего времени, и для последующего, поэтому самым фактом наличия тяжбы еще ничего нельзя аргументировать. Если же сопоставить этот факт с другими, то его придется понимать по-иному. Вспомним, что вторая половина XVI века — это время установления поместной системы. Правительство в противовес остаткам боярской аристократии выдвигает новую армию из мелких служилых людей — дворян и детей боярских, наделяя их земельными участками, с которых они несут службу. Войны, которые приходится вести государству, требуют увеличения армии. Вследствие этого земельные наделы начинают мельчать, служилые люди для своего содержания увеличивают налоги на крестьян, жизненные условия которых поэтому становятся все тяжелее. Бедственное положение последних ярко изображают современники. Крестьяне, пишет Максим Грек, „во скудости и нищете всегда пребывают, ниже ржаного хлеба чиста ядуше, многажды же и без соли от последние нищеты“.¹ Учащаются случаи бегства крестьян от помещиков, и центральные уезды государства начинают пустеть. Помещики сажают на пустые крестьянские участки своих холопов. Этот момент как раз отражен в „Повести“: Ерш объясняет судьям, что Лещ был его холопом, но он отпустил его на волю и посадил на землю крестьянином. С другой стороны, в „Повести“ в лице Ерша очень ярко описан образ обедневшего, голодного и иззябшего мелкого „сынчишки боярского“. Ерш „в Ростовское озеро з женою своею и с детишками своими приволокся в зимнюю пору на ивовых санишках

¹ Максим Грек. Сочинения, т. II. Казань, 1860, стр. 131, 132.

и загрязнился и зачернился“; в другом списке: „захурился и заморозился“. Понятно его желание завладеть Ростовским озером, на котором сидят такие „добрые крестьяне“, „прожиточные люди“ (т. е. состоятельные), какими были Лещ с товарищами.

Помимо представителей этих социальных групп — мелких служилых людей и „прожиточных крестьян“, „Повесть“ дает еще образы боярина Осетра и окольного Сома, принадлежащих к высшему общественному слою. Если в „Повести“ видим доброжелательное отношение к „доброму крестьянину“ и пренебрежительно-добродушное к „лихому человеку Ершишке“, которого „знают на Москве бражники и голыши и всякие люди, которым не сойдется купить хорошие рыбы и он купит ершев, на полденьги возьмет много есть, а более того хлеба розплет, а достала собакам за окно вымечут или на кровлю выкинут“, то к Осетру и Сому отношение автора „Повести“ насмешливое и враждебное. Он осмеивает глупость Осетра, поверившего явно нелепым вымыслом Ерша, и Сома, полезшего по доброй воле в невод, и оканчивает эпизод описанием того, как рыбаки выволакивают Сома на берег и бьют обухами. В одном из списков первой редакции (ГПБ, Q. XVII. 17) Ерш говорит Сому: „Я завел тебя в невод, пусть бы меня, Ерша, и другие толстосумы, ваша братия, в том знали, и при мне бы хвастать и заплескиваться ни в чем не дерзали. Понеже вы люди глупые и нерассудные, только де вы надеетесь на свою спесь и богатство, а нас, малых людей, во всем унижаете, и нас, умных людей, за дураков исчисляете, и ни во что вменяете, того ради вы от своей спеси и глупого высокоумия и погибаете“. Так этот более поздний список (до 1768 года) развивает мысль, вкратце отмеченную в раннем списке.

Таким образом, мы видим, что в „Повести“ изображена не только „борьба младших с сильными старшими“, ¹ но и представителей трех социальных групп: родовитого богатого боярства, мелкого служилого люда и крестьянства, взаимно враждебных друг другу. Так автор „Повести“ в живых образах обрисовал основное направление классовой борьбы второй половины XVI века.

* * *

В заключение остановимся на вопросе: где и кем была написана „Повесть“. Место действия в ней названо совершенно определенно: Ростовское озеро. Автору „Повести“ хорошо известна вся речная система, близ которой расположено это озеро. Так, Ерш, по словам Леща, приплывает в Ростовское озеро из своего Ветлужского поместья, по Волге (р. Ветлуга — приток Волги), Которослью (приток Волги, впадающий в нее у г. Ярославля и образующийся из слияния рек Устья и Вексы, которая вытекает из Ростовского озера). Автор упоминает об одной особенности Ростовского озера — его постепенном усыхании. „А как, господа, — говорит Ерш, — то озеро позасохло в прежние лета и стало в том озере хлебная скудость и голод велик“. В тексте „Повести“ упоминается об одном эпизоде, находящем себе подтверждение в истории Ростова. Ерш, оправдываясь в том, что у него нет документов, свидетельствующих о его праве на владение Ростовским озером, объясняет это судьям так: „Господа, скажу я вам, были у меня пути и данные и всякие крепости на то Ростовское озеро и грех ради моих в прошлых, господа мои, годех то Ростовское озеро

¹ В. П. Адрианова-Перетц, ук. соч., стр. 133.

горело с Ильина дни да до Семена дни летоначатца . . . пути у меня и данные сгорели“. Пожары были обычным явлением в старых русских городах, состоявших преимущественно из деревянных строений, но среди них случались иногда особенно опустошительные, которые надолго оставались в памяти и отмечались летописцами. В летописи сделаны записи о некоторых особенно крупных пожарах в Ростове: таковы были пожары 1160, 1211 и 1408 годов.¹ Самым опустошительным был пожар 1408 г. Он истребил почти весь город, а также княжеский и боярские дворы, множество церквей, торговые ряды и училище в Григорьевском монастыре, где хранилось много древних рукописей; при этом погибло до 1000 человек.² Возможно, что в „Повести“ имеется в виду именно этот пожар, оставшийся надолго в памяти местных жителей.

В Ростове, прежней столице княжества, в XIV веке окончательно присоединенного к Москве, на берегу озера была расположена рыболовная слободка. В 1619 году было решено произвести „дозор“ Ростова, чтобы выяснить размеры опустошений, причиненных городу тушинцами и польскими интервентами. В это время рыболовная слободка представляла жалкое зрелище — от нее осталось только три двора: хозяин одного из них был „ссечен“, а двое других „скудны и обнищали, скитаютца по миру“. „Дозор“ 1619 года сохранил некоторые сведения и о прошлом этой слободки, правда, недавнем — 1604 года, когда в ней было 3 обитаемых двора, 1 пустой и 14 заброшенных дворовых участков. Оставшиеся в ней жители „платили на Москве на дворец“³ с рыболовные слободки просольные рыбы щуки по 5 чанов и по 1½ ведра на год, а в чане по 9 ведер, а коли рыбе лову нет, и оне платили деньгами за чан по 1½ рубля. Да с тое ж де слободки ловили подледную рыбу на государев обиход 5 ночей, а шестую на Ростовского митрополита, рыбных ловцов и с неводами и с подводами наймучи“.⁴ Подьячий Посольского приказа Гр. Котошихин, описывая „рыбные запасы“, поставлявшиеся к царскому дворцу, говорит, что красную рыбу и икру привозят в Москву из Нижнего Новгорода, Казани, Астрахани, Терка, с царских рыболовных промыслов; из Великого Новгорода и Ладоги доставляют сига, ладог; из Вологды, Архангельска, Кеми — лососей и семгу. „А живую рыбу про царский обиход держат на Москве в садех (садках, — Н. Б.) и в прудах; а бывает та живая рыба: осетры, белая рыбаца, стерляди, лососи, щуки, судаки, окуни и иная добрая всякая, которая годится ставить пред царя. А ловят самую добрую рыбу в Волге реке, а иную в реках и в озерах, дворцовые рыбники и тяглые люди“.⁵

К числу обитателей Ростовской рыбной слободы принадлежали и те „добрые крестьяне“, Лещ и Голавль, на владения которых, по „Повести“, покушался Ерш.

Итак, „Повесть“ написана в Ростове. На это указывает и то, что ее действие происходит на Ростовском озере, и осведомленность автора о свойствах этого озера и о прошлом Ростова. Автор, несомненно, имел какое-то отношение к рыболовам: ему хорошо известны

¹ ПСРЛ, т. I, вып. 2, Л., 1927, стр. 351, 435—436; вып. 3, 1928, стр. 538.

² Географо-статистический словарь Российской империи, составленный П. Семеновым, т. IV, СПб., 1873, стр. 329.

³ Имеется в виду приказ Большого дворца, ведавший снабжением царской семьи и обитателей дворца.

⁴ А. А. Титов. Дозорные и переписные книги древнего г. Ростова. М., 1880.

⁵ Гр. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 4-е, СПб., 1906, стр. 79.

разные породы рыб и места, в которых они водятся, а также речные системы центральных и отчасти северо-западных областей Русского государства. Если к этому прибавить его прекрасное знание практики судебных порядков, то надо придти к заключению, что „Повесть“ была составлена кем-то из состава административно-канцелярского персонала Ростовской рыбной слободы.

Исследователи XIX века искали основу сюжета „Повести“ в исторических событиях, связанных с Ростовом. Еще И. М. Снегирев заметил: „Содержание самой сказки, повидимому, берет начало в политических отношениях Ростова к Москве, которая некогда скупала его по частям“.¹ Ф. И. Буслаев сопоставил с „Повестью“ „Житие Петра царевича Ордынского“,² составленное, повидимому, в Ростове, по изысканиям В. О. Ключевского, не позже первой половины XIV века.³ В нем говорится о тяжбе, происходившей из-за Ростовского озера между внуками Петра и правнуками ростовского князя, пожаловавшего Петру это озеро К сожалению, нет никаких данных, чтобы ответить утвердительно или отрицательно на возможность таких сопоставлений и сделать из них какие-либо выводы. Весьма вероятно, что подьячий, ведший дела рыболовной слободы и написавший „Повесть о Ерше“, читал „Житие“ Петра Ордынского, и возможно, что тяжба, описанная в „Житии“, могла навести его на мысль использовать этот сюжет для своей сатирической повести. Но во всяком случае утверждать это за отсутствием других данных нельзя.

* * *

В. П. Адрианова-Перетц считает, что, хотя сопоставление „Повести“ с документами приводит к выводу о возможности появления ее до „Уложения“, все же ее следует отнести ко второй половине XVII века. В пользу такой датировки, по ее мнению, говорит „самая форма пародии, которая делается употребительной в литературе второй половины XVII в., и тот яркий реализм, который окрашивает все изложение“.⁴

Однако это соображение не препятствует отнесению „Повести“ к XVI веку. Ведь сатирические произведения появляются в нашей литературе значительно ранее второй половины XVII века. Стоит вспомнить „Повесть о куре и лисице“, относительно которой есть документальное свидетельство, что она уже была в употреблении у читателей 40-х годов XVII века, следовательно, была написана еще раньше, а ее сатира, во всяком случае, острее, чем сатира данной „Повести“; поэтому нет оснований считать „Повесть о Ерше“ произведением более поздним, чем „Повесть о куре и лисице“. Форма пародии встречается в литературе XVI века. Так, например, в этой форме написано известное „Послание Ивана Грозного к Симеону Бекбулатовичу“.⁵ Отдельные элементы сатиры и пародии находим и в произведениях еще более раннего времени, например, в „Слове“ Даниила Заточника.⁶ Наконец, использование в „Повести о Ерше“ формы чело-

¹ И. М. Снегирев, ук. соч., стр. 64.

² Ф. И. Буслаев. Лекции по истории русской литературы. Летописи русской литературы и древностей, т. III, ч. 1. М., 1861, стр. 65.

³ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 38—43.

⁴ В. П. Адрианова-Перетц, ук. соч., стр. 145.

⁵ Послания Ивана Грозного. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 195—196.

⁶ Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Л., 1932.

битной также роднит эту „Повесть“ с литературными приемами XVI века. Именно в это время можно отметить усиление влияния приказного языка на литературные произведения и использование его последними. В форме челобитной написано указанное „Послание Грозного к Симеону Бекбулатовичу“, трактат Ивана Пересветова и другие памятники литературы этого времени. Что же касается реализма „Повести о Ерше“, который В. П. Адрианова-Перетц считает принадлежностью литературы именно второй половины XVII века, то и этот довод, как нам кажется, не препятствует отнесению „Повести“ ко второй половине XVI века, точнее, к его концу. Ведь черты реализма свойственны не только литературе XVII века; их можно найти и в литературных памятниках предшествующего времени, отображающих современные им события, как, например, в летописях, в посланиях, а также и в произведениях устного народного творчества: пословицах и поговорках, к которым так близка „Повесть о Ерше Ершовиче“, вышедшая из народных масс и отражающая их настроения. Близостью к фольклору и жизненностью содержания объясняется популярность „Повести“, выразившаяся в том, что она на протяжении веков составляла любимое чтение народа. Она дошла до нас в ряде вариантов, была переделана в рифмованную повесть и в сказку. Отдельные эпизоды из нее и действующие лица дали пищу для создания пословиц и поговорок.

Произведенный анализ „Повести о Ерше Ершовиче“ в ее различных списках дает возможность сделать выводы о времени ее составления: „Повесть“ была составлена в конце XVI века. Доказательством этому служат:

1) терминология, употребляющаяся при изложении судебного процесса;

2) характер судебного процесса (обвинительный или состязательный);

3) употребление для обозначения понятия „гость“ более древнего термина „сурожанин“;

4) введение в рассказ эпизода с отпуском на волю холопа и переводом его в крестьяне, причем имеется в виду холопство полное или „обельное“;

5) изображение в лице Ерша мелкопоместного обнищавшего служилого человека (сына боярского), охотящегося за землей, населенной крестьянами;

6) большое количество редакций и вариантов, указывающее на продолжительность существования литературного произведения;

7) некоторым указанием может служить и дата, с которой начинается „судный список“, — 1596 год;

8) если бы „Повесть“ была составлена в период крестьянской войны и польской интервенции начала XVII века или вскоре после него, то события этого времени, потрясшие все государство и вызвавшие целый ряд литературных произведений, не могли бы не найти отражения в „Повести“, все содержание которой проникнуто живой действительностью, — тем более, что Ростовская область непосредственно испытала власть польских интервентов;

9) отнесению „Повести“ к концу XVI века не противоречит ее ясно выраженный сатирический смысл и форма, использующая жанр деловой письменности: резкое усиление сатирической направленности литературы наблюдается уже во второй половине XVI века; широкое применение форм деловой письменности — челобитных, посланий — также представляет характерное явление именно этого времени (в литературной деятельности Ивана Грозного, Пересветова и т. д.); в начале

XVII века появляются и пародии на эти деловые жанры — „Послание дворительное недругу“, „Сказание о куре и лисице“.

„Повесть о Ерше“ представляет собой ценный материал как для литературоведа (образец сатирической реалистической повести, близко стоящей к народному творчеству), так и для историков, отражая в живых, художественных, ярко нарисованных образах такое важное явление, как классовая борьба второй половины XVI века. Типичные для этого времени фигуры мелкого служилого человека, охотящегося за рабочей силой, и „доброе“ дворцового крестьянина, отстаивающего свою независимость, наглядно представляют историческое явление, известное нам из деловых документов.

Изучение отдельных списков „Повести“ и сличение их между собой дает возможность сделать некоторые выводы о генеалогии списков. Список Института русской литературы, относящийся к XVII веку, является не только самым старшим по времени, но вместе с тем и наиболее близким к протографу „Повести“. Однако и он носит на себе следы приписок и добавлений, сделанных в начале XVII века и направленных преимущественно к тому, чтобы приспособить терминологию „Повести“ к этому времени.

В первой половине XVII века полная редакция „Повести“ (по классификации В. П. Адриановой-Перетц — вторая) подверглась сокращению (главным образом в конце) и некоторым добавлениям и изменениям, произведенным переписчиком, знакомым как с Москвой („Земский двор“), так и с северо-западной окраиной Русского государства. При этом текст подвергся порче (Лещ вместо крестьянина назван в начале повести по ошибке сыном боярским).

Во второй половине XVII века „Повесть“ была переработана с целью приспособления ее к стилю приказного делопроизводства и отражения в ней характерного для времени „Уложения“ следственного (розыскного) процесса.

В дальнейшем она перерабатывалась в рифмованную повесть и сказку. Обилие пословиц, поговорок и присловий, ведущих свое начало от „Повести о Ерше“, указывает на ее популярность. Последняя объясняется жизненностью затронутой в ней темы.

„Повесть“ была создана, повидимому, в Ростове, на что указывают место действия и некоторые события из истории этого города, отразившиеся в „Повести“. Составителем ее было лицо, хорошо знакомое, с одной стороны, с породами рыб и системами рек центральной и северо-западной областей России, с другой — с судебными порядками того времени: по всей вероятности, это был какой-нибудь дьяк или подьячий, входивший в состав администрации Ростовской рыбной слободы. Возможно, что натолкнуть его на мысль облечь сатиру в форму „судного списка“ тяжбы из-за Ростовского озера могло прочитанное им „Житие Петра царевича Ордынского“, которое было, конечно, хорошо известно в Ростовской области. Материалом же для этого сатирического произведения послужили его собственные наблюдения, сделанные им в „судной избе“; оттого „Повесть“ и носит на себе черты подлинного реализма. Ее жизненность, острота затронутой в ней темы и ее социальная направленность сделали ее одним из популярных произведений древнерусской литературы.

Помещаемый ниже список „Повести о Ерше Ершовиче сыне Щетинникове“ входит в состав сборника конца XVII и начала XVIII веков (118 л., 8°), приобретенного в 1938 году Институтом мировой литературы Академии Наук СССР и переданного в 1951 году вместе со

всем собранием древнерусских рукописей этого института в Институт русской литературы Академии Наук СССР. Этот сборник составился в XVIII веке из четырех отдельных небольших сборников. Первый сборник (лл. 1—30) состоял из четырех тетрадей, переписанных полууставом и скорописью начала XVIII века (водяной знак — герб г. Амстердама), заключающих в себе: 1) вирши на рождество Христово (без начала), 2) „Повесть о смертном часу всякому человеку“ („Прение живота и смерти“), 3) вирши-панегирик Петру I и царевичу Алексею Петровичу, 4) вирши-плач богородицы, 5) „Слово Иоанна Златоустого, како не ленится чести книги“. Второй сборник (лл. 31—73) состоял из шести тетрадей; на лл. 31, 39, 47, 55, 63, 69 проставлена нумерация тетрадей (с первой по шестую), в тетради пятой не хватает двух листов; эти тетрадки переписаны скорописью второй половины XVII века (водяные знаки — голова шута и герб г. Амстердама, в них содержатся: 1) „Сказание о царех“ („Повесть о граде Иерусалиме“), 2) „Сказание о петухе и о лисице, како лисица петуха на покаяние приняла“, 3) повесть о Ерше Щетинникове (без заглавия). Третий сборник состоял из одной тетради (лл. 74—79) и заключал в себе „Испытание веры“ (без начала), скоропись конца XVIII века (водяной знак — герб г. Амстердама). Четвертый сборник (лл. 80—118) состоял из пяти тетрадей (в последней не хватает заключительного листа), переписанных скорописью конца XVII века (водяные знаки — герб г. Амстердама и голова шута), и заключал: 1) „Повесть о азовском осадном сиденье“, 2) „Повесть царя Соломона и о царе Китоврасе“, 3) „Сказание о киевских богатырех“ (без конца).

„Повесть о Ерше Ершовиче“, находящаяся в этой сборной рукописи, является едва ли не самым древним списком этой „Повести“, так как относится несомненно к XVII веку.¹ Значение его еще возрастет, если иметь в виду, что он относится ко второй редакции „Повести“ (по классификации В. П. Адриановой-Перетц). До сих пор было известно четыре списка этой редакции,² из которых единственный полный (ГПБ, О. XVII. 17) представляет собой более поздний распространенный вариант второй редакции, два (ИРЛИ, собрание Перетца, 0.98 и ГИМ, собрание Барсова, № 2407) — отрывки, а напечатанный В. П. Адриановой-Перетц список ГИМ, собрание Уварова, № 1926 не имеет конца и текст его значительно подновлен по сравнению с текстом помещаемого здесь списка. Таким образом, только по этому списку мы можем судить о наиболее древнем тексте второй редакции в его полном виде.

¹ См.: Библиография истории древнерусской литературы. В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Покровская. Древнерусская повесть, вып. 1. М.—Л., 1940. В помещенном здесь перечне списков „Повести о Ерше“ к XVII веку отнесены: текст, напечатанный по списку Ф. Ляликова в „Московском телеграфе“ (1832, № 18), сборник Погодина, № 1604 и список ГПБ, О. XV, № 35. Относительно первой рукописи (Ляликова) В. П. Адрианова-Перетц пишет (ук. соч., стр. 127): „Издатель ошибочно относит свою рукопись к XVII в., между тем как форма текста в ней ясно указывает на время не раньше 5 ноября 1721 г., когда указом Петра I было предписано составлять челобитные и донесения по пунктам“. Таким образом, этот текст выпадает из числа списков, относимых к XVII веку. Что же касается двух остальных, то, если даже они и действительно относятся к XVII веку, ценность их значительно уменьшается тем, что список ГПБ, собрания Погодина, № 1604 не имеет конца, а список ГПБ, О. XV, № 35 представляет собой отрывок, к тому же очень ветхий. Список Института русской литературы написан хорошей скорописью и доведен до конца; недостатком его является отсутствие в середине текста двух листов, но их легко восстановить по другим спискам.

² В. П. Адрианова-Перетц, ук. соч., стр. 128.

Указанные соображения послужили основанием для публикации списка „Повести“ по собранию Института русской литературы. В сносках указаны его особенности по сравнению со списками Уваровским № 1926 (У) и Перетца 0.98 (П).

* * *

л
хр.ан.
имли
7

[В море перед большими рыбами сказание о Ерше и о ершеве сыне о Щетине о ябеднике, о воре, о разбойнике, о лихом человеке, как с ним тегались рыбы Лещ да Головоль].¹

Лета 7105 декабря в день было в Большом озере Ростовском съезжаяся судии всех городов;² имена судиям: Белуга Ярославская, Семга Переславская, боярин и воевода Осетр Хвалынского моря, окольничей был Сом Больших Волских предел, судные мужики Судок да Щукатрепетуха.³ Челом били Ростовского озера жильцы Лещь да Головоль на Ерша на Щетину по челобитной. А в челобитной их написано было: „бьют челом и плачутца сироты божи и ваши крестьянишка, Ростовского озера жильцы Лещь да Головоль. Жалоба, господа, нам на⁴ Ерша на ершова сына на Щетинника, на ябедника, на вора, на разбойника, на ябедника, на обманщика, на лихую,⁵ на раковые глаза, на острые щетины, на худово недоброво человека. Как, господа, зачалось озеро Ростовское, дано в вотчину на век нам после отцев своих. А тот Ерш Щетина, ябедник, лихой человек, пришел из вотчины своей, из Волги, из Ветлужскаго поместья, из Кузьмодемьянскаго стану Которостью⁶ рекою к нам в Ростовское озеро з женою своею и з детишками своими приволокся в зимнюю пору [на ивовых санишках]⁷ и загрязнился и зачернился,⁸ [что он кормился по волостям по дальним и был он в Черной реке, что пала она в Оку реку против Дудина монастыря],⁹ и как пришел в Ростовское озеро, и выросился у нас начевать на одну ночь, а назвался он крестьянином. И как он одну ночь переначевал, и он вопрошался у нас в озеро на малое время пожить и покормитися. [И мы ему поверили и пустили ево на время пожить и покормитися и з женишком и з детишками].¹⁰ А, пожив, итти было ему в Волгу, а жировать было ему в Оке-реке.¹¹ И тот воришко Ершь обжился в наших вотчинах в Ростовском озере да подале нас жил и з детьми расплодился да и дочь свою выдал за Ван-дышева сына и (расплодился с племянем своим),¹² а]¹³ нас, крестьян ваших, перебили и переграбили и из вотчины вон выжили и озером завладели насильством з женишком своим и з детишками. А нас

¹ Печатаемый список „Повести“ не имеет заглавия, восстанавливаем его по списку У.

² Так начинается список Забелина № 546 (ГИМ), по классификации В. П. Адриановой-Перетц — третьей редакции, но с другой датой 7231. В У бысть в некотором граде Ростовского уезда суд судил.

³ В У в качестве судей назвачи лишь боярин Осетр, воевода Сом и судные мужи Судок и Щука.

⁴ Отсюда начинается список П.

⁵ В У и П образину.

⁶ В У Вырскою.

⁷ В У и П текста в скобках нет.

⁸ В У вместо этого захурился и заморозился аки рак и ноздри заморался, в П захурился и замарався, зачернился, а для того зачернился.

⁹ В У вместо текста в скобках а кормился идучи по болотам.

¹⁰ В У и П текста в скобках нет.

¹¹ В П нет, в У Кудме.

¹² В П вместо текста в круглых скобках розпламенился и стакался.

¹³ В У вместо текста в квадратных скобках ина Распевина сына и стокался с племянем своим скопом и заговором.

хощет поморить голодною смертию. Смилуйтесь, господа, дайте нам на него суд и управу“.

И¹ судии послали пристава Окуня по Ерша по Щетину, велели поставить. И ответчика Ерша поставили перед судиями на суде. И суд пошел. И на суде спрашивали Ерша: „Ершь Щетина, отвечай, — бил ли ты тех людей и озером и вотчиною их завладел?“. И ответчик Ершь перед судиями говорил: „Господа мои, судии, им яз отвечаю а на них яз буду искать безчестия своего и назвали меня худым человеком. А яз их не бивал и не граблывал и не знаю, ни ведаю. А то Ростовское озеро прямое мое, а не их, из старины дедушку моему Ершу Ростовскому жильцу. А родом есьми аз истаринший человек, детишка боярские мелких бояр по прозванию Вандышевы Переславцы,² а те люди — Лещ да Головлъ были у отца моего в холопах. Да после, господа, яз батюшка своего, не хотя греха себе, по батюшкове душе отпустил их на волю и з женишками и з детишками. А на воле им жить за мною [во христианстве].³ А иное их племя и ноне есть у меня в холопах во дворе. А как, господа, то озеро позасохло в прежние⁴ лета и стало в том озере хлебная⁵ скудость и голод велик, и тот Лещ да Головлъ сами сволоклися на Волгу реку и по затонам⁶ разлилися,⁷ а ныне меня, бедново, отнють продают напрасно. [И, коли оне жили в Ростовском озере, и оне (мне никогда и свету не дали, ходят поверх воды).⁸ А я, господа, божиею милостию и отцовым благословением и материнюю молитвою]⁹ не чмут,¹⁰ ни вор, ни тать и ни разбойник, а поlishнаго у меня никакова не вынимывали.¹¹ Живу я своею силою и [правдою отеческою],¹² [а следом ко мне не прихаживали и напраслины никакой не плачивал. Человек я доброй],¹³ знают меня на Москве князи и бояря, [и дети боярские, и головы стрелецкие, и дьяки, и подьячие, и гости торговые, и земские люди, и весь мир во многих людях и]¹⁴ [городах и]¹⁵ едят¹⁶ меня в ухе с перцем и шавфраном¹⁷ и с уксусом и [во всяких узорочиях],¹⁸ а поставляют меня пред собою чесно [на блюдах. И многие люди с похмеля мною оправливаютца“].¹⁹

¹ В П далее в начале каждого абзаца поставлены заглавия допрос судейской, ответ Ершов.

² В П Переславля Залеского.

³ В У вместо текста в скобках понть и кормить нас собою.

⁴ В У и П вместо этого ведряное.

⁵ В У нет.

⁶ В У и П затокам.

⁷ В У расселилися, в П кормилися.

⁸ В П вместо текста в круглых скобках на свете не бывали.

⁹ В У вместо текста в квадратных скобках на мою голову с челобитьем воскошался, от чего мне жития не стало, похотя меня всего испродать напрасно. А от меня от крестьянства, что ани сами воровством своим в Ростовском озере на свету не бывали, а я отцовских моих вогчин и ныне живу.

¹⁰ В У нет, в П вместо этого смутник.

¹¹ В У нет.

¹² В У вместо текста в скобках кормяюсь вотчинкою, в П да вотчинкою.

¹³ В У нет.

¹⁴ В У вместо текста в скобках дьяки и гостинные сотни во многих; в П и дети боярские, гости и усяких чинов московские люди, что есть человек доброй, ни смутник, ни ябедник.

¹⁵ В П текста в скобках нет.

¹⁶ В У кушают.

¹⁷ В П чевраном.

¹⁸ В П со всяким узорочьем.

¹⁹ В П вместо текста в скобках мною с похмеля выправливаются, съесчи меня и перста оближут и губы обсосут; в У с похмеля животы справливают.

И судии спрашивали Леща с товарищи: „Что Ерша еще уличайте ли чем?“. И Лещ [говорил:]¹ „Уличаем божие² правдою, [да кресным целованием и вами, праведными судиями. Да сверх кресново целования есть ли у нево, Ерша, на то Ростовское озеро какое письмо или какие данные или крепости какие не быть?“. И Лещь сказал: „Пути де у нас и данные утерялися, а сверх тово и всем ведамо, что то озеро Ростовское наше, а не Ершево и как он, Ершь, тем озером завладел сильно, и всем то ведамо, что тот Ершь лихой человек и ябедник и вотчиною нашею владеет своим насильством“. И Лещь с товарищем слалися:]³ „Сшлемся, господа, из виноватых [на доброво человека, а живет он в Новгородском уезде в реке Волге],⁴ а зовут его рыба-Лодуга,⁵ [да на другово доброво человека, а живет он под Новым городом в реке, зовут его Сигом].⁶ Шлемся, господа наши, что то Ростовское озеро изстарини наше, а не Ершево“.

[И судии спросали Ерша Щетинника: „Ершь Щетинник, шлесьса ли ты на Лещеву общую правду?“].⁷ И Ершь им говорил: „Господа-праведные судии,⁸ Лещь с товарищи своими—люди⁹ прожиточные, а я—человек небогатой, [а съезд у меня вашим посылочным людям и пожитку нет, по ково посылка починать. А те люди в дальнем разстоянии. Шлюся на них в послушество, что оне люди богатые, а живут на дороге и оне хлеб и соль с теми людьми водят меж собою“.

И Лещь с товарищем: „Шлемся, господа, из виноватых на доброво человека, а живет он в Переславском озере, а зовут ево Сельдь-рыба“.

И Ершь так говорил: „Господа мои, судии, Лещь Сигу да Лодуге и Сельди во племяни, промеж собою ссужаютца и они по Леще кроют“. И судии спрашивали Ерша: „Ершь Щетина, скажи нам, почему тебе те люди недруги, а живешь ты от них подалеку?“. И Ершь говорил так: „Дружбы у нас и недружбы с Сигом и с Лодугою и з Сельдию не бывало, а слатся на них не смею, потому что путь дальней, а езду платить нечем, а се Лещь, он с ними во племяни“].¹⁰

[И судии спрашивали и приговорили Окуню-приставу—съездити по те третие, на коих слалися в послушество на общую правду, и поставити их пред судиями].¹¹ И пристав Окунь поехал по правду и взял с собою понятых Мня. [И Мень ему отказал: „Что ты, братец,

¹ В П вместо текста в скобках да Головаь подали сылочную челобитную, а сами толкое говорили: „господа наши, судьи“; в У они Ерша почели уличать и говорить: „господа наши, судьи“.

² В У всею.

³ В У нет, в П вместо текста в скобках и женским целованием и вами, праведными судьями, да сверх, господа, веры и женского целования.

⁴ В П вместо текста в скобках есть у нас человек доброй третей, а живет он под Великим Новым градом в Ладоском озере; в У на свидетелей. Есть у нас добрые люди и свидетели в Новгородской области в Ладужском озере.

⁵ В У белуга.

⁶ В П вместо текста в скобках да есть у нас человек четвертой доброй, а живет он под Иваном градом в Нарове реке, а зовут... (далее в П нехватает одного листка); в У да в Неве реке доброй же рыбы Селява, да в Переславском озере рыба Сельть Залеская.

⁷ В У нет.

⁸ В У добавлено на рыбу Белугу и Силяву, Сельть не шлюсь для того, что они в племени и пьют, ядят вместе, и по мне за тем не скажут.

⁹ Отсюда начинается П.

¹⁰ В П вместо текста в скобках съезду мне платить нечем, потому что путь стал дальней; в У а езды платить мне нечим и путь дальней.

¹¹ В П вместо текста в скобках В приговоре судей Окуню приставу правда поставити пред судьями, а езд на виноватом; в У И судьи послали мимо исцов и ответчиков рыбу Окуня, а езд возметца на виноватом.

меня хочешь взять, а я тебе]¹ не пригожуся в понятияе — брюхо у меня велико, ходити я не могу, а се у меня глаза малы, далеко не вижу,² а се у меня губы толсты, перед добрыми людьми говорить не умею“.³ [И пристав Окунь отпустил Мня на волю, да взял]⁴ в понятияе Язя да Са[блю да мелкого Молю с пригоршни и поставил правду пред судиями.

И судии спрашивали Сельди да Лодуга и Сига: „Скажите, что ведаете промеж Леща да Ерша, чье изстарини то Ростовское озеро было?“. И правду сказали третие: „То де озеро изстарини Лещево да Головлево“. И их оправили: „Господа,⁵ люди добрые, а крестьяня они божи, а кормятся своею силою, а тот Ершь [Щетина]⁶ лихой человек, [поклепщик беда, обманщик, воришко, воришко-ябедник].⁷ А живет по рекам и по озерам на дне, а [свету мало к нему]⁸ бывает, он таков, что змия ис под куста глядит. И тот Ерш, выходя из реки на устье, да обманывает большую рыбу в неводы, а сам вывернетца он, [аки бес].⁹ А где он впроситца начевать, и он хочет и [хозяина то выжить. И как та беда розплодился, и он хочет и]¹⁰ вотчинника то посесть, да многих людей ябедничеством своим¹¹ изпродад и [по дворам пустил],¹² а иных [людей пересморкал].¹³ [А Ростовское озеро Лещево, а не Ершево“.

И судии спрашивали у Ерша: „Скажи, Ершь, есть ли у тебя на то Ростовское озеро пути и даные и какие крепости?“. И Ершь так говорил: „Господа, скажу я вам, были у меня пути и даные и всякие крепости на то Ростовское озеро, и, грех ради моих, в прошлых, господа мои, годех то Ростовское озеро горело с Ыльина дни да до Семеня дни летоначатца, а гатить было в тое поры нечем, потому что старая солома придержалася, а новая солома в тое пору не поспела. Пути у меня и даные згорели“.

И судии спрашивали: „Скажите вы про тово Ерша, назывался он добрым человеком да знают де ево князья и бояря и дворяня и дети боярские, и дьяки, и подьячие, и гости, и служивые люди, и земские старосты, что он доброй человек, родом сын боярской Вандышевых Переславцы“. [„А мы, господа, стороны, про нево скажем вправду“]¹⁴ — знают Ерша [на Москве]¹⁵ бражники и¹⁶ голыши и всякие¹⁷ люди, котрым не [сойдетца]¹⁸ купить добрые рыбы, и он купит ершев, на пол-

¹ В П вместо текста в скобках И Мень тако рек: „господа мои, судьи“; в У И Мень сказал судьям, что.

² В П добавлено да и тые в ямы.

³ Здесь оканчивается список П. В У добавлено и память худа.

⁴ В У вместо текста в скобках И за тем ево для хворости отпустили и взяли.

⁵ В У вместо текста в скобках блюда пригоршни мелкой рыбы. И свидетели и по сыску сказали: „Лещ да Головлъ“.

⁶ В У текста в скобках нет; добавлено ябедник.

⁷ В У вместо текста в скобках крестьянин.

⁸ В У вместо текста в скобках на свету мало.

⁹ В У текста в скобках нет.

¹⁰ В У текста в скобках нет.

¹¹ В У свое ябедничество.

¹² В У вместо текста в скобках ково де попустил.

¹³ В У вместо текста в скобках поморил голодную смертью. От роду у него в детех боярских не бывало истари.

¹⁴ В У вместо текста в скобках Да он же де, Ерш, сказывал, бутто ево знают в Москве и кушают князья бояря, и правду ли объявляет?

¹⁵ В У нет.

¹⁶ В У добавлено кабацкие.

¹⁷ В У добавлено нужные.

¹⁸ В У вместо текста в скобках на что.

деньги [возмет много есть, а более того хлеба]¹ разплует, а досталь² собакам³ за окно вымечют или на кровлю выкинут. А из старины словут Вандышевы-Переславцы. А промыслу у них никакова нет, опричь плутовства и ябедничества, что у засельских холопей. Да, чаю, знает ево и воевода Осетр Хвалынскаго моря да Сом з большим усом, что он, Ершь, вековой обманщик и обайщик и ведомой воришко⁴.

И судии спрашивали Осетра: „Осетр, скажи нам про тово Ерша, что ты про него ведаешь“. И Осетр, стоячи, молвил: „Право, я вам ни послух, ни что, а скажу про Ерша правду: знают Ерша на Москве князи, и бояря и всяких чинов люди, толко он — прямой вор, а меня он обманул, а хотел вам давно сказать, да, право, за сором не смел сказать, а ныне прилучилося сказать. И еще я вам скажу, как Ершь меня обманул, когда было яз пошел из вотчины своей реки Которос[ти]. . .⁴ б. . . сына назат воротился, а в озеро не пошел, а жену и детей з голodu поморил и племя свое розпустил, а сам одва чуть жив пришел, в Нижнее под Новгород не дошел, в реке и зимовал“.

А Сом-воевода, уставя свою непригожую рожу широкую и ус роздув, почал говорить: „Право, он прямой человек, ведомой вор, мне он не одно зло учинил — брата моего болшево Сома, затащил в невод, а сам, аки бес, в ячейку и вывернулся. А когда брат мой болшей Сом вверх по Волге реке шел, и тот Ершь Щетина — ябедник и бездушник, встретил ево, брата моего, и почал с ним говорить, а в тое время брата моего неводом обкидали и з детьми, а тот Ерш стал говорить: «Далече ли ты, дядюшка Сом, видишь?». И брат мой спраста молвил: «Я де вижу Волгу с вершины и до устья». А тот Ершь насмеялся: «Далече ты, дядюшка Сом, видишь, а я недалеко вижу, толко вижу, что у тебя за хвостом». А в те поры брата моего и з детми рыболовы поволокли на берег, а он, вор — Ершь Щетина, в малую ячейку из неводу и вывернулся, аки бес, а брата моего на берег выволокли, да обухами и з детми прибили. И Ершь скачет да пляшет, а говорит: «А дак де нашево Обросима околачивают». Ершь — ведомой вор“.

И судии вправду спрашивали и приговорили Лещу с товарищем правую грамоту дать и выдали Лещу с товарищи Ерша Щетину головою.

Беда от бед, а Ершь не ушел от Лещи и повернулся к Лещу хвостом, а сам почал говорить: „Коли вам меня выдали головою, и ты меня, Лещь с товарищем, проглоти с хвоста“. И Лещь, видя Ершево лукавство, подумал Ерша з головы проглотить, ино костоват добре, а с хвоста оставил щетины что лютые рогатины или стрелы, нельзе

¹ В У вместо текста в скобках половину их розмечут, а другую.

² В У вставлено выльют под ноги да есть.

³ Здесь оканчивается список У.

⁴ Далее в рукописи недостает двух листов; взамен утраченного текста вставляем соответствующее место из списка собрания Буслаева (ГПБ, О. XVII. 57), первой четверти XVIII века, напечатанного В. П. Адриановой-Перетц (ук. соч., стр. 149—150) к Ростовскому озеру и рекам жирым жировать, а тот Ерш встретился со мною на устье Ростовского озера и назвал меня братом. А я лукавства ево не ведал, а спросать было неково про него, лихова человека. И он меня спрашал. куды де ты идеш, братец Осетр? И я ему сказал. иду де я к Ростовскому озеру, к рекам жирым жировагъ [здесь пропуск, восполняемый списком Забелина № 536 (ГИМ), XVIII века. И, братец де Осетр, не ходи сюда. Как де я шол из Волги реки рекою Которостью], стоил де я тебя, братец, поболе и пошире твоих бока мои терлися о Которость реки, з береги на берег, а очи мои были полныя чаши, а хвост мой был как большова судна парус, сорок сажений. А ныне ты, братец, видиш и сам [пропуск; в списке Забелина № 536 каков я], иду ис того Ростовского озера. И я ево послушал, на ево лесные слова пался.

никак проглотить. И оне Ерша отпустили на волю, а Ростовским озером по прежнему стали владеть, а Ершу жить у них во крестьянх. Взяли оне, Лещь с товарищем, на Ерша правую грамоту, чтобы от него впредь беды не было какой. А за воровство Ершево велели по всем бродом рыбным и по омуту рыбным бить ево кнутом нещадно.

А суд судили: боярин и воевода Осетр Хвалынскаго моря, да Сом з болшим усом, да Цука-трепетуха. Да тут же в суде судили рыба Нелма да Лосось, да пристав был Окунь, да Язев брат, а палач бил Ерша кнутом за ево вину — рыба Кострашь. Да судные избы был сторож Чернышев да другой Терской. А понятых были староста Сазан Ильменской да Рак Болотов, да целовальник переписывал животы и статки пять или шесть Подузов Красноперых да Сорок з десеть, да с пригоршни мелково Молю, да и над теми казенными целовальники, которые животы Ершевы переписывали в Розряде, имена целовальником — Треска Жеребцов Конев брат. И грамоту правую на Ерша дали. И судной список писал вину Ершову подьячей, а печатал грамоту дьяк — Рак Глазунов, печатал левою клешнею, а печать подписал Стерлеть с носом, а подьячей у записки в Печатной полате — Севрюга Кубенская, а тюремной сторож — Жук Дудин.

М. А. САЛМИНА

„О причинах гибели царств“, сочинение начала XVII века

Сочинение, не изданное до сих пор и известное в литературе под названием „Описание вин или причин, которыми к погибели и к разоренью всякие царства приходят и которыми делами в целости и в покою содержатца и строятца“,¹ в кругу русских литературных памятников появилось не позднее начала XVII века.

Сочинение привлекает к себе внимание тем, что, во-первых, как оказалось, оно имелось в библиотеке Петра Великого, во-вторых, как следует из материалов по истории раскола, изданных Н. И. Субботиным,² памятник имел хождение в старообрядческой среде (его отбирали при обыске). Само количество списков (известно пока 17 списков) XVII и начала XVIII веков говорит о том, что памятником интересовались читательские круги.

Сочинение памятника, действительно, оригинальное. Это трактат на политическую тему, светский по своему характеру, написанный простым и ясным языком.

Сочинение начинается с того, что автор его приводит два тезиса, один из которых заимствован у Платона, другой — у Ксенофонта, о причинах гибели царств. Платон утверждает, что государство строится на „естественном законе“ и гибнет „от перемены закону“. Но „лучшим и праведным“ автору представляется мнение Ксенофонта, по которому царства изменяются и погибают от „злобы“, „хотения“, „гордости“ и „неправды“ „властелей и начальников“ (под „властелями“ подразумевается высшая законодательная власть, а „начальники“ — это власть исполнительная).

Правда, автор здесь же спешит согласовать свое мнение с обязательной точкой зрения христианской историософии, что „без воли божии и суда“ ничего не делается, но в конечном счете, полагает он, вина все-таки лежит на людях, ибо суд божий посылается „за грехи и злобы человеческие“. Примеры из Библии подтверждают, что если эти пороки не будут во-время пресечены, то царство погибнет так же, как погибает и человек, запустивший свою болезнь.

Как же сохранить „целость и покой“ государства? Мир и полное благополучие наступят только в том случае, если „властели“ и „на-

¹ Оно упоминается в книге А. И. Соболевского „Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков“ (СПб., 1903, стр. 165).

² Н. И. Субботин. Материалы для истории раскола за первое время его существования, т. 1. М., 1875, стр. 323—339.

чальники“ будут стремиться к „единомыслию“ со своими подданными. Царь и его подчиненные должны „добро и праведно жити“, быть „образцом всяких добродетелей“, ибо „каковых нравов будет царь или начальник, таковы же смотря на него будут и подданные его“. Здесь же приводится пословица: „каков купец или торговый человек, таков и товар его“.

Иными словами, царь должен сохранять „добрые, святые и праведные обычаи и постановления“, не допускать распространения в государстве „гордости“, „лихоимства“ и „лакомства“ (т. е. жадности). Государю и „начальникам“ надо избегать того, чтоб „силою и неправдою действовать“. Власть царя „мучителя“ не может быть прочной: „мучительство и насильство“ родит у подданных мысль о мести. Подданные должны не бояться власти, а любить ее. Страх, внушаемый подданным, есть „злой сторож“ и „приводит государей к страшному их житию, с великою их неславою“. Примером „римского цесаря“ Фабрициуса автор учит царей уметь распознавать своих истинных друзей и недругов.

Далее автор вновь возвращается к мысли о том, что не должны быть в государстве „переменные уставы, судебники или постановления государьские“. Это может вызвать „смуту и мятеж“. Только в крайнем случае надо „переменять обычай“, а эти „новые дела“ должны быть „для корысти всех людей“, а не для „подвышения богатых“ или „для понижения убогих“. Власть приказных людей должна соблюдаться в границах, установленных судебником, злоупотребления вызывают только ненависть среди подданных.

В государстве не должно процветать мздоимание: „мзда за службу“ порождает зависть у тех, кто ее не получил, зависть же влечет за собой „ушничество“, клевету на более богатых, она вызывает радость при виде несчастья другого и бывает причиной смут. Государь не должен слушать клевету и „впадать в лютость“, не разобравшись в чем дело. „Сребролюбие и лакомство“ — зло, особенно для „начальников“: „коли думные бояре между собой о чинах и достоинствах каких или о корысти брань имеют“, в государстве начинается смута, а за смутой „погибель последует“, „из малы бо искры велик пламень происходит“. Автор тут же замечает с сожалением: „не нашел бо нынешнего времени человека такова, который бы возгнушался хотением богатства“. Когда же бояре между собой „без хитрости ревнуют о добродетели, только чтоб было корысти всему государству“, то можно быть спокойным, что то „государство крепко и непоколебимо будет“.

Автор видит зло в том, когда „честные люди и в государстве заслуженные от чинов великих и честных откинутые, а мелкие люди бывают подвышенные“. Но „не приносит пользы то дело“, когда власть оказывается в руках „немногих людей“, — такая власть „неразна есть от мучительства“, и „мир приходит в кручину и в размышление, как бы тем мстити, иже имеша над ними власть неправедну“.

„Достойным и пригожим“ автор находит совет Аристотеля „давать власть мелким людям“, которые жили прежде в бедности, но чтобы, разбогатева, они гордыми и спесивыми не были.

Для пользы государства, считает автор, необходимо, чтобы бояре имели право „волно говорити о делех надобных“, не бояться высказывать свое мнение по государственным вопросам. Преступников надо „поучати легким обычаем“, оказывать милосердие, чтоб заслужить любовь подданных, остерегаться кровопролития. Не приносит „добраго конца в государстве“ и то, когда „обычай иноземские перенимаются“, особенно те, которые делают протор и убыток в „пище и одежде“.

„Празднование и ленивство“ среди „начальных людей“, невыполнение ими своих обязанностей также не приносит ничего хорошего.

„Государь должен так повелевать подданным, как повелевает отец сыном своим“, помнить о его благе, а не о своей корысти, тем самым он завоеует любовь к себе и будет самым счастливым из людей.

„Начальники“, продолжает автор, должны „судить по судебникам“, „на посулы не смотреть и не дати ся от истинного отводити“. Примером того, какой вред приносит взяточничество, оканчивается текст большинства списков. Все свои рассуждения автор подкрепляет ссылками на примеры из античной истории, ссылается на сочинения античных „философов и мудрецов“.

Как видно, сочинение посвящено вопросам государственного устройства, в нем ставятся вопросы о причинах возникающих смут и мятежей, и на первый план выдвигается вопрос о царской власти, о необходимых для „хорошего царя“ качествах, а также вопрос о поведении „начальников“, подчиненных царя.

Древнейший список сочинения датируется началом XVII века. Следовательно, сочинение появляется в тот момент, когда в русской литературе идет оценка деятельности царей и властей, а вопросы о причинах „смуты“ стоят на первом плане. В сочинениях авторов „смутного времени“ обсуждаются личности Грозного, Бориса Годунова, Василия Шуйского, их отношение к боярству, к выдвижению „новых людей“, внимание к „наушникам“, покровительство иноземцам. Эти же вопросы обсуждает и наш памятник, только не на конкретном русском материале, как сочинения „смутного времени“, а на примерах далеких времен.

А. И. Соболевский отнес сочинение к памятникам переводной литературы. А. И. Соболевский пишет: „Оригинал (или оригиналы) нам неизвестны. Язык — церковно-славянский с полонизмами. Скорее перевод, чем компиляция из нескольких источников. Оригинал, если судить по Клавдиуш, Агесилауш и т. п. (рядом с Пирус, Фабрициус и т. п.), — польский“¹.

А. И. Соболевскому было известно десять списков сочинения второй половины XVII — начала XVIII веков, среди которых находились и такие, где упоминалось имя переводчика Василия Садовулина: „Преведено с различных книг латинского языка на русский Василием Садовулиным“ (или Садовским).

Мысль А. И. Соболевского о переводном характере памятника и предположение его о возможности перевода с польского не кажутся неосновательными. Знакомство с текстом памятника обнаруживает в нем немалое количество слов и литературных оборотов, восходящих к польскому языку. Так, например: разумение — rozumienie — понимание, мнение; помста — pomsta — мечь; прирожденные — przyrodzony — природный; жалость — żalność — горе; поехать до войска — к войску; с вины — от вины; заушничество — zausznictwo — наушничество, и др.

Но так как эти же выражения (за исключением последнего) характерны и для украинского языка, решать вопрос в пользу перевода с польского еще рано. Возможно, что не Польша, а Украина оказалась

¹ А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903, стр. 165. К этому месту в работе А. И. Соболевского имеется следующее примечание, смысл которого не ясен: „Книга Chokiera «O admianie panstw...», Vlnae, 1552 г. была у нас в руках. Книга эта была нами разыскана; она на немецком языке. Год издания ее А. И. Соболевским указан неправильно; не 1552, а 1652. Но непосредственного отношения к нашему памятнику она не имеет.“

посредницей в передаче на Русь этого памятника неолатинской литературы; возможно, что сочинение прошло и двойной перевод — с польского на украинский, а затем с украинского на русский язык. Наконец возможно, что интересующий нас памятник — компиляция из различных переводных сочинений, сделанная уже на русской почве.

Окончательно вопрос может быть решен только после тщательного лингвистического и историко-литературного исследования памятника.

В польской литературе памятника, носящего соответствующее название и имеющего аналогичное содержание, нам пока не известно.

В пользу предположения, что памятник представляет собой не простой перевод, а перевод, связанный с переделкой оригинала, или компиляцию из нескольких переводов, можно привести такие факты, как появление в некоторых списках дополнений, отрывков нравоучительного характера о праведных советниках и судьях. Известны случаи, когда к тексту сочинения приписывались стихи. Есть списки, текст которых, напротив, сокращен. Несколько списков включают в свой текст притчу,¹ близкую по духу содержанию памятника (о неблагодарном вельможе).

Что же касается стихов (приводятся ниже в археографическом обзоре), интересно то, что они были приписаны к тексту того списка памятника, который входил в собрание Петра Великого и имел название: „Книга о содержании царств“. Стихи производят впечатление наставления молодому наследнику престола.

В интересах каких слоев общества мог быть переведен такой памятник, и кто вообще мог читать его? Ответить на эти вопросы можно лишь предположительно.

На вопрос о том, какие слои общества могли читать сочинение, ответить легче. Скорее всего, что памятник был распространен в слоях господствующего класса. Своей темой он мог вызвать интерес как у представителей боярской группировки, у тех, кто стоял за боярское правление и был против выдвижения незнатных людей, так и у читателя из дворянской среды. Могли заинтересоваться им и представители посадского населения. Вряд ли памятник имел хождение в демократической среде, он был все же сложен как по содержанию, так и по форме. Роскошный экземпляр памятника в списке начала XVII века, написанный старательно, красивым почерком, нахождение его в библиотеке Петра под названием „Книга о содержании царств“ и в библиотеке Д. Голицына в Архангельском — всё это говорит о том, что памятник читался преимущественно представителями господствующего класса.

Что же касается вопроса о том, в чьих интересах мог быть переведен и использован памятник, то в сочинении совершенно ясно прослеживается защита консервативных позиций. Памятник мог быть использован реакционным боярством как орудие борьбы за ограничение самодержавной власти, символом которой был Иван Грозный.

Кем могло быть переведено сочинение? Скорее всего, служащим Посольского приказа: перевод сделан деловым языком. Имя переводчика известно. В заглавии некоторых списков сочинения говорится, что перевод сделан Василием Садовулиным или Садовским. Но кто был этот Садовулин или Садовский, пока выяснить не удалось.

¹ В несколько ином виде притча встречается в сборнике „Gesta Romanorum“ под названием „Приклад о невдячности человечестей“ („Римские деяния“, СПб., 1877—1878, стр. 142—152). Притча упомянута у А. С. Орлова в „Переводных повестях феодальной Руси и Московского государства XII—XVII веков“ (изд. АН СССР, Л., 1934, стр. 95, 102—105).

Итак, памятник под заглавием „О причинах гибели царств“ — сочинение, повидимому, переводное или созданное на основе переводных памятников. Это сочинение представляет собой трактат на политическую тему, написанный в плане историософском. Это памятник исторической мысли, где речь идет об осмыслении судеб государства. Светский по своему характеру, отличающийся отсутствием религиозной темы, он переводится в начале XVII века на Руси и продолжает жить вплоть до начала XVIII века. Это говорит о том, что памятник отвечал потребностям определенных слоев общества в осмыслении исторических событий XVII века.

Археографический обзор

Сочинение „О причинах гибели царств“ представлено 13 списками¹ в сборниках, принадлежащих Библиотеке Академии Наук СССР и Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, и 3 списками в сборниках Государственного Исторического музея (Москва).

Многу изучены 13 списков одной редакции и разделены на четыре группы. В первую группу объединены списки, заключающие в себе наибольшее количество полонизмов-украинизмов. В этой группе старший список памятника — начала XVII века, ГПБ, № 0. II. 3. Ко второй группе отнесены списки, имеющие второе дополнительное заглавие „Книга о содержании царств“ и стихи. В третью группу входят списки, отличающиеся стилистическими вариантами, которые не меняют, однако, смысла текста. Эта группа списков в некоторых чтениях особенно близка первой. Четвертая группа — все остальные списки, чтения которых носят смешанный характер.

Первая группа

1. Рукопись ГПБ, № 0. II. 3, начала XVII в. 8°, 41 л., скоропись начала XVII в. (водяной знак — кувшинчик с двумя ручками); переплет XVIII в. На л. 1 — заставка, выполненная золотом. Золотом писана и первая буква текста. Список публикуется ниже. В рукописи лист 3 отрезан. Описок мало. Полонизмы-украинизмы, имеющиеся в языке всех списков сочинения, встречаются здесь в большем количестве.

2. Сборник ГПБ, собрание Титова, № 2350 (номер охр. каталога 1121), конца XVII в. 4°, 779 л. Сборник исторического содержания. Листы 274—300 об., где читается наш памятник, писаны полууставом, переходящим в скоропись конца XVII в., на бумаге, имеющей знак сильно искаженного изображения шута с буквами MR. В списке имеется ряд неисправностей, описок, перепутаны листы. В целом список близок предыдущему. На лл. 274—300 об. — „Описание вин или причин, которыми к погибели и разорению всякие царства приходят и которыми дела в целости и в покое содержатся и строятся“; на лл. 301—308 — „Притча“ (тем же почерком, что и рукопись „О причинах гибели царств“).

Начало: „Наперед показываются двух мудрецов слова или разуменья о том, будут всякие царства с вины и причины человеческие погибель свою и разорение приемлют или судом Божиим“.

¹ Во время печатания данной работы в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина был обнаружен 14-й список (Тит. № 2421); особого интереса он не представляет.

Вторая группа

1. Сборник БАН СССР, Рукописный отдел, № 17. 8. 10, конца XVII в. 4°. Сборник состоит из 2 рукописей, 27 л., писанных полууставом, переходящим в скоропись, конца XVII в. (водяной знак — двуглавый орел, — близок по типу знаку, имеющемуся у Каманина под номером 680 и датируемому 1689—1690 гг.). Сборник входил в собрание Петра Великого. На л. 1 киноварью — первое заглавие: „Книга о содержании царств“, за которым следуют стихи:

Молются любезный читателю,
Буди сие читая сам себе благодателю:
Аще сия будеши внимати,
То начнешися до царства небесного взимати:
Сия книга земное устроение;
Небесных благ присвоение;
Аще присно памятуеши,
То от всех любовь стяжеша;
Аще же творити будеши,
Сим скоро ко христу богу въздеши;
Ему же купно со отцем слава
И со святым духом честь и держава.
Аминь.

Сему, любимиче, касайся со вниманием
И примиряйся ко всем с разсуждением:
Мудрость се глубинная
Человеку крепость твердынная.

На л. 1 об. — второе заглавие: „Писание вин или причин, киими к погибели и к разоренью всякая царства приходят и киими дела в целости и в покое содержатся. Преведено с различных книг латинского языка на российский Василием Садовулиным“.

Начало: „Наперед показываются двоих мудрецов слова или разумения о том, аще всякая царства от вины и причины человеческия погибель свою и разорение приемлют или судом Божиим“.

Список этот после написания сверялся с какой-то другой рукописью, и на протяжении всего текста на полях делалась правка теми же чернилами и почерком. В списке имеется небольшое число опусков, пропуски.

На л. 23 об.—27 об. — „Притча умильна“.

2. Сборник ГПБ, Софийское собрание, № 1495, первой трети XVIII в. 4°, 432 л., полуустав и скоропись различных почерков первой трети XVIII в., на разной бумаге. Среди статей повествовательного и исторического содержания на л. 204—213 об., писанных полууставом на бумаге, имеющей знак герба г. Амстердама и буквы БС, находится текст памятника под двумя заглавиями: „Книга о содержании царств и протчих начал“ и „Писание вин или причин, киими к погибели и к разорению всякая царства приходят и киими дела в целости и в покое содержатся. Приведено с различных книг латинского языка на русский Василием Садовулиным“.

Начало: „Напередъ показуется двоих мудрецов слова или разумения о том, аще всякая царства от вины и притчины человеческия погибель свою и разорения приемлют или судом Божиим“.

После первого заглавия идут стихи, почти дословно совпадающие со стихами предыдущего списка. Текст подобен предыдущему, но сильно сокращен, приведена лишь половина текста сочинения, где часть примеров опущена.

Третья группа

1. Сборник ГПБ, № F. XV. 21, начала XVIII в. В лист, 141 л., скоропись начала XVIII в. (водяной знак — герб г. Амстердама).

На лл. 1—15 — „Описание вин, ими же к погибели и к разорению всякая царства приходят и которым дела в целости и в смирении содержатся и строятся“.

На лл. 15 об.—18 об. — „Притча“.

Начало: „Прежде показати подобает двумудрецов слова Платона и Ксенофонта, ими же объявятся всякие царства или от человеческих вин погибель свою и разорение приемлют или от суда божия“.

Список отличается стилистическими вариантами, полный, опущен один пример. Но на первых двух листах текст избыточен пропусками и неисправностями.

2. Сборник ГПБ, № F. XVII. 16, конца XVII—начала XVIII в. В лист, 577 л. Сборник преимущественно исторических произведений, писан скорописью трех почерков конца XVII—начала XVIII в. (водяной знак — герб г. Амстердама, с буквами ICDR, близок знаку № 857 у Тромонина, датирующего бумагу концом XVII в.).

На лл. 24—31 об. почерком конца XVII в. — „Описание вин, ими же к погибели и к разорению всякая царства приходят и с которыми дела в целости и смирении содержатся и строятся“.

Начало: „Прежде подобает показати дву мудрецов слова Платона, Ксенофонта, ими же объявляются всякая царства от человеческих вин или от суда божия погибель свою и разорение приемлют“.

Список близок предыдущему, имеет много неисправностей. Непосредственно за текстом следует нравоучительный рассказ о царе Юстиниане, сливающийся с предшествующим повествованием в одной фразе.

3. Сборник ГПБ, собрание Погодина, № 1604, конца XVII в. 4°, 885 л., скоропись разных почерков второй половины XVII в., на бумаге, преимущественно, со знаком шута.

На лл. 448 об.—474: „Писание вин ими же к погибели и к разорению всякое царство приходит и которыми дела в целости и в смирении содержатся и строятся“.

На лл. 474—480 об. — „Притча“.

Начало: „Прежде подобает сказати дву мудрецов слова Платона и Ксенофонта, ими объявляются всякия царства или от человеческих вин погибель свою и разорение приемлют или от суда божия“.

Четвертая группа

1. Сборник ГПБ, № Q. 1V. 270, конца XVII в. 4°, 327 л., скоропись и скоропись, приближающаяся к полууставу, разных почерков конца XVII в., на разной бумаге.

На лл. 309—327 — „Описание вин или причин, киними к погибели и к разорению всякая царства приходят и киними дела в целости и в покое содержатся. Преведено с различных книг латинского языка на русский Василием Садовулиным“ (на полях: „Садовским“).

Лл. 309—318 об. писаны скорописью конца XVII в., напоминающей южнорусские почерка, на бумаге со знаком шута (отдаленно напоминает знак шута под номером 436 у Тромонина). С л. 319 и до конца почерк более мелкий, приближающийся к полууставу, на бумаге с гербовым щитом, увенчанным короной, в щите геральдическая лилия.

Начало: „Наперед показываются двоих мудрецов слова или разумения о том, аще всякая царства от вины или причины человеческия погибель свою и разорение приемлют или судом божиим“.

Между листами 311 об.—312 недостает одного листа. Список не имеет конца (отсутствует при сравнении с другими списками $\frac{1}{4}$ часть рукописи), обрывается на л. 326 об. на середине фразы: „... которым делом показал то, что юнии празднова...“. Последние листы списка перепутаны, и поэтому после листа 325 об. надо читать л. 327 об., а далее возвращаться к л. 326.

Список писан небрежно. На полях рукописи даются мелкие лексические разночтения из какого-то другого списка, а также многочисленны пометки.

2. Сборник ГПБ, № Q. I. 1010, конца XVII в. 4°, 364 л. Сборник богословского и исторического содержания, писан полууставом, переходящим в скоропись, и скорописью разных почерков второй половины XVII—XVIII в., на бумаге с разными водяными знаками.

На лл. 211—226 об. (скорописью второй половины XVII в., водяной знак, близкий № 1328 у Тромонина, датирующего бумагу 1647 годом) — „Описание вин или причин, киими к погибели и разорению всякая царства приудят и киими дела в целости и в покои содержатся. Преведено с различных книг латинского языка на русский Василием Садовулиным“.

Начало: „Наперед показываются двоих мудрецов слова или разумения о том, аще всякая царства от вины и причины человеческия погибель свою и разорение приемлют или судом божиим“.

Список неполный, отсутствует около половины рукописи, обрывается на середине фразы: „достоиная и пригожая беседа она...“.

3. Сборник БАН СССР, Рукописный отдел, № Д 451, конца XVII в. 4°, 276 л. Сборник состоит из нескольких рукописей преимущественно исторического содержания, писан полууставом, переходящим в скоропись, и скорописью разных почерков конца XVII в., на разной бумаге.

На лл. 185—218 об. находятся текст памятника без заглавия и примыкающая к нему „Притча“, писаны полууставом, переходящим в скоропись конца XVII в. (водяной знак — шут и слабо прослеживающиеся буквы БВ, близок к № 477 по Лихачеву). Для заглавия оставлено место, равное половине страницы (проставлена лишь заглавная буква „О“). В тексте списка заглавные буквы, которые должны быть написаны киварью, как и заглавие, не проставлены.

Начало: „[Н]апередь показываются двоих мудрецов слова или разумения о том, аще всякая царства от вины и причины человеческия погибель свою и разорение приемлют или судом божиим“.

На полях списка даются некоторые лексические разночтения. В списке, по сравнению с двумя предыдущими, реже встречаются элементы книжной речи.

4. Сборник ГПБ, Софийское собрание, № 1501, начала XVIII в. 4°, 500 л. Сборник богословско-нравоучительного содержания, писан полууставом различных почерков начала XVIII в., на разной бумаге. На лл. 469—500 (писанных полууставом на бумаге, имеющей следующие знаки: лл. 469—491 — геральдический щит со львом в короне, держащим меч, — знак, почти совпадающий со знаком № 930 у Тромонина, датирующего бумагу 1681 годом; лл. 492—500 — знак герба г. Амстердама, близкий знаку, имеющемуся у Лихачева под номером 500, датирующего бумагу тем же 1681 годом) — „Описание вин или притчей, коиими винами к погибели или разорению всякое царство приходит или

кими делами в целости и в покой содержится и строится. Переведено с римского языка на словенский язык“.

Начало: „Напредь показуется двоих мудрецов словеса или разумения о том, аще всякое царство от вины или причины человеческия погибает или разорение приемлет или судом божим“.

Под заглавием запись карандашом: „NB. Неизвестно, но не из Монтескью о причинах упадка Римской империи R“ (по определению В. Г. Геймана, это подпись библиотекаря С.-Петербургской духовной академии Алексея Родосского).

В списке много перестановок, пропусков отдельных слов. Некоторые варианты сближают список со списком БАН, № Д 451. За текстом следует небольшой нравоучительный рассказ о „первосоветнике“ римского царя.

5. Рукопись ГПБ, № Q. II. 40, конца XVII в. 4°, 22 л., писана скорописью конца XVII в., за исключением л. 1 и последних двух листов, которые писаны полууставом начала XVIII в. Водяной знак — герб г. Амстердама и изображение шута.

Заглавие: „Описание воин и притчей, ими ж к погибели и разорению всякия государства приходят и которыми делами в целости и в покое содержатся. Преведено с различных книг латинского языка на русский Василием Садавским“.

Начало: „Первое показываются двоих мудрецов слова или разумение о том, аще всякия царства от вины и причины человеческия погибель свою и разорение приемлют или судом божием“.

По л. 1—4 списка скрепа: „князя Дмитрея Михаловича Голицына“.

Список небрежный, с пропусками и ошибками, в некоторых чтениях близок списку ГПБ, № O. II. 3 первой группы.

6. Сборник ГПБ, собрание Погодина, № 1605, конца XVII—первой трети XVIII в. 4°, 306 л., полуустав и скоропись разных почерков.

На л. 275—306 об. скорописью конца XVII—начала XVIII в. (водяные знаки: геральдический щит с львом в короне, держащим меч — знак, совпадающий со знаком № 930 у Тромонина, датирующего бумагу 1681 годом; герб г. Амстердама — близок знаку № 857 у Тромонина, только не имеет букв) — текст памятника без заглавия.

Для заглавия и первой буквы текста оставлено место.

Начало: „[Н]апред показываются двух мудрецов слова или 3 мения о том, будут всякия царства с вины и причины человеческия погибель свою и разорение приемлют или судом божим“.

В списке имеются пропуски, описки.

Краткий обзор списков Государственного исторического музея

1. Сборник из собрания Синодальной библиотеки, № 933, первой половины XVII в., 8°, 654 л. Сборник состоит из статей учебно-грамматического характера, писанных полууставом разных рук первой половины XVII в., на разной бумаге.

На л. 475—523 — „Описание вин или притчей [киноварной вязью], которыми к погибели и к разорению всякия царства приходят и которыми делами в целости и в покое содержатся и строятся. Преведены с различных книг с латынского языка на русский Васкою Садовским“ (киноварной скорописью).

Начало: „Наперед показываются двоих мудрецов слова или разумения о том, аще всякие царства от вины и от причины человеческия погибель свою и разорение приемлют или судом божим“.

2. Рукопись из собрания Уварова, № 582-1919, XVII в., 4°, 44 л. Бумага содержит единственный водяной знак с изображением неопределенной фигуры (подобный знак см. у Лихачева № 3559^а, 1641 года).

На лл. 1—37 — „Описание вин и притчей, которыми к погибели и к разорению всякие царства приходят и которыми дела в целости и в покое содержатся и строятся. Преведены с различных книг с латинского языка на русский Васкою Садовским“ (киноварной скорописью).

Начало: „В начале показываются двоих мудрецов слова или разумения о том, аще всякие царства от вины и причины человеческия погибель свою и разорение приемлют или произволением божиим“.

3. Сборник из собрания Уварова, № 561-1865, конца XVII в., 4°, 287 л., писан полууставом разных рук. Лл. 36—74 писаны полууставом, переходящим в скоропись, на бумаге с головой шута (сходный знак имеется в документе Спасо-Прилуцкого монастыря № 46, 1678—1679 года, хранящемся в Гос. Историческом музее).

На л. 36 — „Книга о содержании царств“.

На л. 36 об. — „Верши до читателя“:

Молются любезный читателю,
Буди сие читая, сам себе благодателю:
Аще сия будеши внимати,
То начнешися до царства небеснаго взимати.

На лл. 37—74 (повидимому, лл. 37—65 об.) — „Писание вин или причин, кими к погибели и к разорению всякая царства приходят и кими дела в целости и в покое содержатся. Преведено с различных книг латинского языка на Российский Василием Садовулиным“.

Начало: „Напред показываются двоих мудрецов слова или разумения о том, аще всякая царства от вины и причины человеческия погибель свою и разорение приемлют или судом божиим“.

На лл. 66—72 об. — „Притча умилна“.

* * *

В основу издания текста сочинения „О причинах гибели царств“ положен список ГПБ, № О. II. 3, наиболее древний и исправный. Для исправления привлекается наиболее близко стоящий к нему список ГПБ, № 2350 (собрание Титова).

При издании титла раскрыты, выносные буквы внесены в текст, „ъ“ в конце слова опущен, „ї“ заменено „и“, ять — „е“, фита — „ф“, омега — „о“, кси — „кс“, иотированное „е“ — „е“, юс малый и иотированное „а“ — „я“. Имена собственные и географические переданы с прописной буквы. Пунктуация современная.

Ниже следующие номера рукописей указаны мне: Н. Н. Розовым — ГПБ, №№ О. II. 3, Q. II. 40, собрание Титова, № 2421; В. Ф. Покровской — БАН СССР, № Д 451; М. Д. Каган — ГПБ, собрание Погодина, № 1605.

Описание трех рукописей ГИМ, содержащих сочинение „О причинах гибели царств“, любезно прислано мне М. В. Цепкиной. К сожалению, у меня не было возможности ознакомиться с текстами списков ГИМ, поэтому описание этих списков дается без классификации их по группам.

При датировке списков сочинения я воспользовалась советами В. Г. Геймана.

ОПИСАНИЕ ВИН ИЛИ ПРИЧИН, КОТОРЫМИ К ПОГИБЕЛИ И К РАЗОРЕНЬЮ ВСЯКИЕ ЦАРСТВА ПРИХОДЯТ И КОТОРЫМИ ДЕЛАМИ В ЦЕЛОСТИ И В ПОКОЮ СОДЕРЖАТЦА И СТРОЯТЦА

Наперед показываютца двух мудрецов слова или разуменья о том, будут всякие царства с вины и причины человеческие погибель свою и разоренье приемлют или судом Божиим.

Платон философ теми словы о том написал, что коли прирожденные и естественные начала свое всякое царство имеет, хотя б и налутчи и крепко поставленное и устрою не было, и оно своего времени за делами и за розъправами своими, сиречь от перемены закону, погибнет.

Ксенофонт философ написаша о делах царя перскаго Кируса, смотрячи на все царства, которые коли-нибудь любо под одного царя, любо под многих царей властью были, дивитца тому, что ни единое царство целое и долгим временем безстрашное не стояло, и показывает тому такую вину, сиречь тех люди, которые властельми и начальниками государств бывают, егда за их злобою и за их хотением и гордостью, и за их неправдою всякие царства переменяютца и погибают.

И с того сугубого разумения тех двух философ лутчее и праведное есть Ксенофонта мудреца разумение того для, что хотя не делаетца ничто на свете без воли и без суда божия, совершение того суду божия исполняетца за грехами и злобами человеческими, которые делают люди, розлучаясь з богом, и гнев его страшны на себя попускают, который ничим, толко покаянием, усмиряетца.

А приходит гнев божии на все люди¹ а злоб ради их, к сим же и за грехи начальников. И тому есть образцов много во святом писании, посреде которых тои образец: когда бог разгневался на Соломона, царя жидовского, того ради, что сердце его отступило от бога и не брег повелений его, сказал ему бог за то казнь, что хотел разорвати царство его и дати его слуге его, что последи и исполнилося над ним. Потому, когда Соломон умре, разорвано бысть царство его тем делом, что едины избрали Ровоама, сына Соломонова, друзии же избрали Еровоама, сына Наватова.

Учит таково же Исус Сирахов, тые слова написал, что неправды ради и обиды и для богатства несправедно добытого и собраного бывают царства² переносены от одного народу доброго,³ и того дела показуется, что злоба и грехи человеческие виною бывают до погибели царств всяких, которую злобу мочно приверстати к чирю злomu, канцером нареченному, которой чирей коли где на теле человеческом покажется,⁴ тогды от премудрых лекарей и от добраго и дорогого зелия не бывает излечен, но так долго ширитца, покаместа всем телом обладает и после человека уморит.

Таково ж, где злоба человеческая размножаетца и расширяетца, и где не есть единомыслене начальников с подъданными, тогды приходит

¹ В рукописи с этого места пропущен лист. Пропуск восполняется по списку ГПБ, 2350.

²⁻³ В списках БАН СССР, №№ 17. 8. 10, Д 451; ГПБ, №№ Q. IV. 270, Q. I. 1010, Соф. 1495, Соф. 1501 перемешаны [в других списках изменены] от единого народа до другаго; в списке ГПБ, № Q. II. 40 переносены от одного народа до другаго; в списках ГПБ, №№ F. XVII. 16, F. XV. 21, Поход. 1604 переносены от языка [в] язык.

⁴ С этого места текст идет опять по списку, взятому за основной.

к тому делу, что ся над всеми царствы исполняет того злобы и грехи человеческие, от бога повинные.

Надобет государем и начальником во всяком государстве добро и праведно жити, чтоб были образцом всяких добродетелей того для, что каковых обычаев будет царь, таковы же смотря на него будут и подданные его. Есть к тому и простая притча: каков купец или торговый человек, таков и товар его.

А как грехами и иными непригожими делами и злобами государев и начальников осквернене и испорченое бывает государство, таково ж опять смиреннем и милостью их добродетель справляетца того для, что добрый обычей государский укрепляет подданных его.

До тех мест стоять будет государство всякое, покаместа в нем добродетель владети будет, и добрые святые и праведные обычаи и постановления в чести содержаные будут. И не будет таковых никаких премудрости прельстивых и насильства, которые б добре укрепленое и единомысленное государство из основания из славы его скинули и разорили того для, что коли в государстве не будет владети гордость и лакомство, таково ж и злое хотение и иные безделья и злоба, тогда в том государстве всякие дела крепкие и непоколебимые будут.

Изначала всякому государю и начальнику подобает того беречи, чтобы силою и неправдою ничто не делалось в государстве. Егда бо коли через силу что-нибудь делаетца, тогда такое дело не будет уж постоянное и крепкое того для, что ни одного мучителя не была постоянная и долговечна власть и сила, потому что мучительство и насильство завидство и нелюбовь у подданных родит и до помсты думы и мысли человеческие приводит. Чего есть образец в государстве римском, коли Апиуш Клавдиуш, думной и начальным боярин римского государства, который судебники и постановления списывал, хотел было насильством к любви своей безчесней присилити дочь одного римлянина Вергиниуша. И не могучи совершити своего злого хотения, здумал хитростью и насильством достигнуть того, которое дело было с великою жалостью отцу тое девицы и племянни ее, таково ж и всего миру. То же дело зделали великую нелюбовь и смуту против Апиушови, что отец своею прямою рукою дочь свою насмерть убил, но хотя того, чтоб была к нечистой любви злого властеля взята и обезщещена. А потом отец ее мир весь до помсты взбудил, убивъши дочь свою, со окравленными руками поехал до войска римскаго и объявил всему войску жалость и насильство того начальника, которым делом был великою виною до великой смуты в государстве римском.

И аще начальником всяким любовь подданных тех, которыми владеют, есть красотою и честью и безстрашным житьем, так опять нелюбовь и ненавидство подданных безчестьем есть государем и начальником всяким, многажды к погибели приводит их. А которые начальники хотят того и желают, чтоб поддании больше боялись их, нежели любили их, тогда такие к погибели, что слепые, идут того для, что ничево нет меж всеми вещьми лутчево к содержанию¹ величества государского, только коли государи имеют любовь всех подданных. Таково ж опять ничево нет худшого, только то, коли одного все боятъца.² Написал мудрец:³ аще которого люди боятъца, того уж не ради видеть, и всякий того желает, чтоб скоро тот человек изгинул, которого боятъца. А которые начальники хотят того, чтоб поддани их боялись их, и им таково ж надобет бояться тех подданных своих. Чому есть образец

¹ В рукописи содержаю.

²⁻³ Киноварью.

о сиракузанском царю о Дионисиусу, которой для великого мучительства своего таков страх в себе имел, что сам углем розъпаленым власы свое на бороде и на голове опалил, боясь ножниц и ножа мастерского.

Таково ж и Александр, ферейски царь, всегда невесело и кручиновато на сем свете жил, которой хотя и жену свою Тебу любил, но коли к ней в полату входил, всегда перед собою в голым мечем иноземцу итти велел. А напередь того двоих дворян своих, которые всегда берегли его, посылал, чтоб те дворяне все углы и все ящики в ларцах у жены его выискали для того, чтоб на него железа потаи не схоронено. Но то его великое береженье не пособило ему, потому что от той жены своей после убит.

Любовь подданных користна есть к целости здоровья государьского и к величеству достойному, и к крепости, но страх злои есть сторож долъгого житья, которой приводит государей к страшному житью с великою их неславою.

Полидорус мудрец написал о том в те слова, что не может ничто несчастлившего человеку случитца, како во время житья своего злое разуменье у подданных имети, по смерти же опять неславу и проклядство терпети. Неславно то было оному гетману лакедимонскому Лисандру, который всегда те слова молил: аще где лвовою кожею совершити невозможно, тогда там лисею пособляти надобет, сиречь, где силою не мочно, там хитростью промышлять.

Великую опять славу и добродетель зделали то цесарю римскому Фабрициусови, до которого коли лекарь епирского царя Пируса писал грамоту, обещаючи государя своего окормом извести, толко бы ему за то заплата великая дана была. Фабрициуш цесарь не токмо к такой измене не приложился, но еще грамоту через думного своего до царя Пируса, хотя и с нем воевал, от государства римского в те слова писал: „Начаемъся того, царь Пирус, что не имеешь токоваго счастья у себя, которым бы мочно тебе разсудити у себя, кто тебе есть праведным другом, а кто опять недругом, изменником, о чом и сам сведаешь, коли сию грамоту, от нас к тебе посланую, прочтешь и увидишь то явно, что ты сопровит добрым и¹ праведным людям воину поднесл, а на злых и неправедных советников надеешься, о чом мы не для тебя самого, но для нас извещаем, чтоб смерть твоя неправедно нас не обвинила и чтоб никто не началялся того, что мы тебя хитростью своею извели, не могучи тебя чесно победити“. До задержания в целости государства надобет того, чтоб не были переменные права или судебники и постановления государьские, но еще болши цело задержанные того для, что перемена давных и старых вещи делает перемену в государстве. А коли б надобное дело переменити что-нибудь обычаев в государстве, того не подобает того вскоре делати, но легким путем того для, чтоб скорою переменою сердца у подданных не смутились и чтоб за тем делом не последовал страх в государстве, потому что всякая новая вещь болши убытком государства бывает, нежели корыстью, и за нею последует смута и мятеж в государстве. А болши того, коли те новые дела и управа, сиречь судебники, бывают постановленные не для корысти всех люди в государстве, но любо для подвышшения богатых и великих людей, любо для пониженья убогих.

Подобает таково ж, чтоб власть приказных людей в государстве праведная была, сиречь, чтоб в своей мере и в постановление остоя-

¹ В рукописи а.

лась и чтоб болши власти своеи не ширили, толко столь много, сколько им в судебниках указано. И тая власть приказных людеи, чтоб по постановленью, в судебниках описаному, а не болши ширилась над подданными того для, что во всяком государстве безстрашнейшая есть такая вещь, коли власть приказных людеи болши содержитца в мере, нежели в силе. Потому егда такая власть размножитца и разширитца, тогда и до мучительства государя и начальников възбужает и приводит против подданным своим.

Римляне десять мужов имели, которые государством владели и судебники списывали. Те мужове так стали скоро сильными, что много дел насильством в государстве делали, для чего смута и мятеж в государстве сталось, и те мужове от чину своего откинены были после.

Таково ж они, тридцать мужове, которых Лисандер, лакедимонский царь, начальниками в государстве атиенинском постановил, коли городских людеи много через мечь и через оком истеряли и извели, а после сами такову ж казнь за свое злобы приняли.

Трасибулус, атиенински боярин, любовью к отчине своеи възбужоны, видя оных городских людеи неправедно от тех мучителии к казни приговоренных и осуженных, а иных из города прочь отогнанных, а у иных животы пойманные, въскоре волю атиенинского государства приворотил, преломивши власть и силу тех начальников, а после и самих загубил за пособленьем тех людеи, которых были те начальныи мужове к смерти осудили, а иных из города прочь отогнали были. Философ Аристотель, смотря на такие дела, теми написал слова: „Аще болши власть и сила начальников в своеи мере содержитсяа будет, тогда таковое государство славнейшее и крепше будет того для, что власть начальников не будет уж завидливая людем в государстве, начальники ж опять станут ласково с людами поступати и делати“.

Теопомпус, царь спартанский, власть государскую привел был к мере у лакедимонов. Наперед бо постановил ефорос, сииречь земские приказные люди, которые мимо царя всякую власть и силу становити и судити в государстве имели, которые коли что судили, уж о том до царя по указ не ходили. Те ж земские начальники как дел всяких в государстве берегли, таково ж и самого царя учили, наказуя его, коли что против праву и против судебников делал. И з того постановленья царя Теопомпуса смеялась одного времени жена его, говоря теми словами: „Как ся ты не соромишь того царь Теопомпис, что ты меньшую власть и достоинство царское сыном своим оставляешь, нежели ея от прародителии своих взял еси“. На которые слова такой ответ дал: „Жено моя, не меньшую власть, но добре крепкую и совершенную сыном моим оставляю“. Те слова его праведные и разсудливые того для, что всякие мерные вещи долго и крепко на сем свете стоят.

Прилежная есть вещь беречися завидства, а болши еще людем великим и чесным, потому что коли кто есть чеснейшии и разумнейшии, той имеет болши завидливых против себе. Завидство убо есть безконечная вещь, которая на тех людеи оборочаетца, которым счастье ласково есть. И то завидство приверстает мочно к болести, от греков нареченней офталмия, сииречь очная болеть, того для что коли человек такую болеть в очах имеет, гнушаетца вещами сияющими и не может в солнце очима своими смотрити. Таково ж завидство за теми последует, которые всево миру честными, богатыми бывають, которое завидство не токмо люди честных погубило, но много государств и городов разорило. Таково ж и атиенинское государство греческое ништо не погубило, толко завидство.

Заплата за службы делает таково ж завидство в государстве, чего надобет беречися начальником и иного чину людем, чтоб ее добре не желали. Образцов оного чесного мужа Питакуса мудреца из семи мудрецов, коли он отчину свою от мучительства освободил и Фринона, гетмана атениенъского, один на один убил. Подали ему власть и начальничество государства, которую власть возгнусилься и не хотел ее принять, и коли много отчин все бояре оного государства давали ему за службу его, отказал им теми словами: „Не даваите мне того, чого бы много людеи мне завидило, а больши ещо того же хотело“.

Из завидства происходит заушничество, коли кто тайно счиляет кого на добрее славе и на чести его, хотячи ея отняти ему. И того письмо святое боронит и объявляет, что заушники, шишиморы, насильники гордые, достойные смерти. И не токмо те, которые делают того, но которые и произволяют на то. А с того завидства растет убавление чести и славы, коли кто явно чество нибудь у людеи сквернит, безчествующи его. С того же опять завидства растет ещо радость в тех вещах, коли ся несчастливо деет что ближнему нашему. И токовым людем письмо святое грозит теми словами: „Которые люди радуютца из скорби, ис печали благих, увязнут в сети, а перед смертью болестью истомленные будут“. Четвертая злоба от завидства происходит, сиречь жалость, которую в те поры человек завидлив имеет, коли видит счастье ближнего своего в чести и в богатствах. Написал Екклесиастес: „Егда человеку счасливо что деетца, в те поры жаль бывает недругом его“.

Пятая злоба от того же завидства отростает, коли кто не токмо кручинитца с того, что недругу его добро деетца, но еше завидует тому и желает того, чтоб все зло над ним увидел.

Похлебство или лесьть происходит от завидства и есть злым окором в государстве, чого для надобет начальным людем беречися того, чтоб ушей своих не прикланяли до слуханья таковых вещи, которые ни одной корысти не зделают, но еше больши помешки принесут в государстве того для, что таковые люди лестивы вестями толко живут, носячи и облыгаючи добрых и честных людеи в государстве заслуженных, и тем делом добродетельные прирочения государей своих к лютости и к немилости приводят. И хотя бы таковой нанос и оболгание одва не прямое было, ино воспомянув на слова мудреца Солона, которые написал, что в розряде великих и разсудливых дел нельзя начальнику всех людеи волю и любовь творити, и несть пригоже дело государю возрушати в разуме своем до гневу и к лютости того для, что милость и добродетель государская здоровье дает всему государству. Есть тому образец оного мучителя Нерона, царя римьского, который уродился лютым и страшным мучителем, тую только одну добродетель к славе достойную имел, что ничего больши не терпел, толко коли ему лаяли и непригоже о нем говорили.

Епаминундас, греческий князь, терпеливо зносил злые молвы человеческие, показуя то, что подобает мужству и просужству человеческому злыми молвами возгнущатися.

Юлиуш, цесарь римской, как до всех ласковы и милостивы был, таково ж и до тех, которые о нем слова непригожие говорили, и ничим не хотел мститися над ними, того только заказуя и забороняючи того.

Государю всякому подобает не слушати словес от злых уст происходящих, коли он за государским чином во всяких делах последует. Лакомство токово ж есть виною к погибели государствам того для, что нет худшей помешки в государствах, только лакомство, а больши

ещо начальников, которые государством владеют. Как Еклесиястес в те слова написал: „Над человека лакомаго нет на свете худшого, которой душу свою продает, а в житью своим видитца, будто в нутре своем шарпает и роздерает“.

Кикеро мудрец написал: „Аще кто государством торговать хочет и корысти себе ис того ищет, и он есть безчесным, злым и бездушным человеком, а за тем последует смута и мятеж в государстве, коли начальники больши ся печалуются о корысти своеи, нежели о доброе дело государства всего. И с того опять дела корысти не бывает, но еще оболши виною есть к погибели государством, коли думные бояре меж собою о чины и достоенства какие или о корысти бранятца, и за таковую их нелюбовью и межусобьем государство от смуты невольное есть. А за смутую опять погибель последует, из малыи бо искры велики пламень происходит“.

Два молодых бояре в сиракузанским государстве ис думанные брани и нелюбовь меж собою имели того для, что один невесту другого за жену себе взял. В то время, коли тое на воеводство послан был, что коли звезда тот, которому обедно было, мыслил и думал о помсте над тем, который невесту его взял и обявивши и сказавши ему чужо ложство. Сталась с того смута в городе, а после одни люди к одному, другие опять к другому оборотились и зделали меж себя войну, в которой войне много честных и великих бояр побито, а после мир всем государством завладел.

Великую такову ж мятеж и смуту в царстве римском зделали два бояре думные о достоенстве побранясь, Мариушь и Сыля. Мариуш прославши Сыल्या до царя бога о отдане Югурты изменника, которого коли Силья привел, стал гордым и спесивым с того счастья, и для знаменья послуги своеи, сопротивляючися славе Мариушове, дал вырезать на перстьню своем Югурту себе отданого и перьстень тот всегда на персту носил. О што разкручивнися Мариуш, откинул его от себя. А после Силья, совокупивъшися з Метелиушем и с Катулушем, недругами Мариуса, поднесл воину мужусобную и побил Мариуша.

Сопротивление опять или ревность о добродетели во всяком государстве славно есть и чесно, и корыстно того для, что с того разширяютца всякие государства, и в котором государстве бояре меж собою без хитрости ревнуют о добродетели, и то государство налутчое есть, которой праведную добродетель имеет, ничего не желает, толко чтоб был к корысти всему государству. Но нашего испорченого времени больши есть тех людей, которые о том печалуютца, чтоб один другого превосходил просужьством в здобыванью богатств и именья, нежели в славе и в добродетели. И кто б хотел добродетель с теми безделными вещами весити, познал бы то, что те вещи великую помешку делают к здобыванью славы и всякое чести, а больши еще тому, которой в них надежу всего счастья своего полагает.

Не нашол бы онешнего времени человека таковаго, которой бы возгнушался хотением богатств, как то дедал он, чесно Темистоклес греческий, который, одного времени гуляючи, увидел чепь золотую на земли, которую не подняв позвал одного из меньших дворян своих и рече к нему: „Чого для не подоимеш тое чепи, несть ты бо Темистоклес“. Которым делом показал то, что много есть людей, желающих и хотящих богатств, в которых он не корыстовался, что и тех из земли не подносил, которые счастьем своим нашол.

Хотение таково ж есть делом убыточным и корень всех злоб, и нарекли ее мудрецы окормом злым государства того для, что больши

недостойным, нежели достойным богатства роздает, которым делом смута и мятеж в государстве делаетца, коли честные люди и в государстве заслуженные от чинов великих и честных откинутые, а мелькие люди бывают подвызшенные. Через такую смуту он, чесной римлянин Нумус, убиты был, чтоб за убитьем его был приступ к достоинству человеку глупому, Сатурнинем нареченному.

Хотение бо възбужает просужих и честных людей до соединенья единомысленного, чтоб меж себя розделили достоинства, не припускаючи к ним иных мельких людей. А притом приходит государство до власти немногих людей, которая власть не есть розна от мучительства.

Которой убо властель на богатства хотящи есть, тот миру завидлив и нелюбы есть. А притом иноземцом больши, нежели своим, здоровья своего верит, и те дела исполняет, которые до укрепления государства его помешкою бывают. А после того мир до кручины и до безразумия пришедши за те насильства и бедности свое промышляет над теми людьми, которые власть свою над ними ширили. Как ся то совершило над сынами Писистратеса мучителя, которые для своего чесного и завидливаго государствания побитыми были.

Достойная и пригожа видица она мова Аристотелья философа, который советовал людям мельким начальничества и власти отдавати, сиречь таковым, которые бы в убожестве и в недостатку преже жили, а до богатства опять пришедъши, чтоб гордыми и спесивыми не были.

Худо таково ж деетца в том государстве, где боляре не возмогут волно молыти о делех надобных, которые бы были к корысти добреи государству, бояся тех, которые меж собою соединенье и единомысленье имевши, всякие дела по своей воле делают, которая воля убытком была Димостину, риторю греческому, коли Александр, царь македонский,¹ образцом волности в греческие государства с воинском въехал и Алены, славны город, взяти и овладети хотел. После оправдался бояром и миру атеиненскому через грамоты и через послы свое, что того не зделал для того, чтоб им волность или волю отняти хотел и город в неволю взяти, но что он десяти мужей атеиненских боляр не ради видел и кручинился на них о том, что всегда в думе непригоже вспоминали его и лаяли ему. И коли б те боляре были ему отданные, и он бы зделал то, что от осады города отступил и мир от голоду и от войны освободил. А наперед хотел Димостина, ратора и сладкоглаголиваго мужа, над которого в оно время не имело греческое государство лутчего и славнаго, а к нему еще иных десяти мужев. Различные о том думы у боляр были. Одни хотели и молыли о том, что лутчи сколько человек потеряти — всем целым остатца. Те опять произволити на то не хотели, которых Александр царь для казни хотел себе отдать, и одва о том смели говорити того для, что за смертью их иные все начались целыми в здоровью остатца. И уже было издуманно отдать их царю Александру, коли бы был Димостинес сладкославец такую басню хитрости царя Александра не объявил и теми словы атеинским бояром и миру говорил: „Волк николи пастырем, которым в их береженью обманити хотел, советовал о том, чтоб с ним подружился в брацкой любви, которую любовь меж собою совершили таковым делом, чтоб все собаки, которые виною были всякой недружбы и нелюбви меж ими отдали вольку, которые берегли овец. Тогда волк, отнявъши себе страх и боязнь, всю животину не токмо до сытости

¹ В рукописи лакедимонски.

своеи, но еще по воле своеи шарпал и ел и не токмо животину, но и самых пастыреи. Таково ж и Александр царь делает, всех тех, которые хитрость его обявляют, хочет от вас отнять, чтоб после скоро всех думных и вас мир в руки свое взял, истерявши тех, которые мудростью своею обороняют вас“.

И надобет, чтоб тая басня была наукою думным бояром, чтоб береглись хитрости тех людей, которые клеветничеством и ложью своею на тех людей наносят, которым добродетелью в версту не могут быти. Димостинес, он честной и сладкоглаголатель, написал то, что ничего человеку несчастлившого не мочно прилучится, только коли не имеет воли молить в делех своих. И во оправданью своим показал то Димокритус у царя Филипа македонского в посольстве будучи от бояр атиениенских, коли он волно и безстрашно молил к царю Филипу. Рече к нему царь Филип: „Не боишься того ты, Димокрите, что яз веляю тебе голову отсеци?“. Рече Димокритус: „Не боюсь того, аще голову мою возьмешь, и то будет с великою и безсмертною славою моею“.

Во всяком государстве без согрешенья не бывает, и надобет поучати проступников лехким обычаем того для, что начальником подобает показати милость подданным себе, а побежати гордых. И никакие славы ни одному начальнику не принесет то дело, коли гневом своим, которые его до помсты приводит над своими подданными, не возможет владети.

Милосердие начальников любое есть всему миру и делает великую любовь тем, которые показывают ее. Атиениенское государство преж сего милосердие вместо бога славилося, чтоб начальных людей учило виноватых ласково поучати. Всякому властителю подобает на те слова памятать, что всякому властителю от бога постановленному подобает беречися от кровепролития. Но егда бо того надобет было и не мочно б усмирити злых обычаев в государстве, только кровепролитием,¹ тогда надобет делати по обычаю лекареи и докторов, которые коли видят, что никакими лекарствы злая болесть в человеку не может быти излечена, и они, не радуясь тому, но с великою жалостью иные части тела человеческого оттинают, но только то, что ся испортило, чтоб достальное тело от того испорченного не испортилося.

Таково ж не надобеть всегда милость виноватым показати того для, чтоб государство оттого не погинуло, но всегда поученья надобет для содержания в целости государьства, поне злобу, изначала показаную, мочно отогнати, но коли уж стареетца, тогды нельзя ее излечити и усмирити.

Слова те Солона мудреца, достойные памяти: „Государь всякий, который хочет подданных в любви держати,² добре лютым не добре опять милостивым подобает быти.³ Лисандер, лакедемонский царь, будучи вопрошоны о том, которые бы ему налутчое государство видилось. Таков ответ на то дал: „Егда в государстве люди добрые за свою добродетель бывают почсены и заплаото украшенные, зли

¹ В рукописи кровепротьем.

²⁻³ В списке ГПБ, Q. II. 40 не добре лютом не добре опять милостивому подобает быти; в списках ГПБ, №№ F. XV. 21; Погод. 1605; 2350; Погод. 1604 не добре лютым ниже добре милостивым [в других списках милостивым] подобает ему быти; в списках БАН СССР, №№ 17. 8. 10, Д 451; ГПБ, №№ Q. IV. 270, Соф. 1501 не добре люту [в других списках люто] и не добре милостиву подобает ему быти; в списке ГПБ, № F. XVII. 16 не вельми злобы был, не вельми смирен и милостив.

жно (так!) опять за свое худые дела поученья емлют, тогда государство токое славное и непоколебимое всегда бывает“.

И то таково ж не приносит доброго коньца в государстве, коли обычаи иноземские в государстве принимают. Что и он Ликургус, лакедимонский законодавец, в постановленью государства увидев, таков закон меж иными постановил, чтоб до думы государства лакедимонского иноземьцов не примано. А то не того для делал, чтоб иноземцом чести уимал или чтоб нерад их видел, но что для них перемена во обычаях и в делах оного государства не¹ была б. А больши того надобет беречи, чтоб из обычаев иноземских протор или избыток в житью человеческом, сиречь в ествах и в платью не зделался. Которое дело как скоро в государство воидет и примется, тогда уже приносит безконечное зло, а последует за тем делом великая злоба.

Протор или избыток нареченный есть отцом бедности и убожества. Показал то цесарь римской Тивериушь думному своему Атилли, коли тот Атилла для своего протору и избытку великого до великого убожества пришел. Всегда плакал, вспомянув достатки свои. И рече к нему царь Тивериушь: „Не скоро и по времени поберегся ты в том, истеряввши все свои богатства. А за таковым протором последует хотение чюжого имения, потеряввши свое“. И коли то хотение до чюжих животов приступитца, тогда единомысленья и любви меж житейскими людьми не будет, и за тем делом смуты и мятеж приходит в государстве, а после разоренья государств и царств.

И как всякие добродетели славное и чесное государство делают, таково ж оячт слава государства того гинет, где владеет злоба, неправда и хитрость. И того для всякие властители государств всяких дольжни беречи того, чтоб целость государства своего содержать могли и себе бессмертную славу навеки оставити. И о таковых делах дольжни промышляти, чим бы гнев божи усамирили, а таковых грехов береглись, которыми бог возгнушаетца.

Празнование и ленивство есть таково ж убытком государству, коли начальныи люди не исполняют долженства чину своего от бога на них возложеного для своего празнования и ленивства. И оны города Содому и Гомору ништо к погибели не привело, только гордость множества и достаток хлеба, и² празнование, от которого всякие злобы происходят. Был вопрошенныи гетман лакедимоньский Клиоменес от одного человека: для чего лакедимони, воюя из³ аргивы и не одиножды побидителями будучи, до конца их не разорили. Отказал ему на то: „Не желаем того себе, чтоб от нас были аргивы разорены, но чтоб мы таких недругов имели, которые б молодых⁴ наших ратных людей учили“. Которым делом показал то, что юность празнованием портитца. На что смотря, Ликургус законодавец не токмо молодых людей мужского полу к делом възбужал, но и девичье тела в различных делах научал, сииречь в скаканью, в стрелянию и в иных просужствах. А коли один человек спрашивал Ликургуса о том, для чего бы то делал, сказал ему: „Различные вины к тому, а именно такую, чтоб девичье или женского полу люди лутчи и з большею крепостью и без страху могли болести износить и терпети во время рожения детей, а больши того, коли б того надобе было, чтоб за дети свое и за себя и за отчину

¹ В рукописи пропущено.

² В рукописи а.

³ В списках ГПБ, №№ Q. IV. 270, Соф. 1501; БАН, №№ 17. 8. 10, Д 451 со; в списке ГПБ, Погод. 1604 на.

⁴ В рукописи модых.

свою воевали. Агесилауш, царь лакедимонский, царем будучи и иным всем советуячи николи не празновал и труды великие принимал. То же празнование и погибель принесло оному Сардапалию, царю ассирийскому, которого коли Арбадес, воевода его ближний, меж кучою женъщин безчесных увидел прядучи нити, видячи то, что не было пригоже дело, чтоб таков царь повелевал и владел множеством людей, которыхи над женъщины худшии был, зделал то над ним, что сам себе и богатство свое все на каменной столпи положив, спалил.

Хило философ называл того добрым царем быти, которыхи печалуетца о том, чтобы подданные его не от боязни любили его, но от милосердия.

Агасиклес, царь лакедимонъски, был спрошен от одного человека, каковым делом мочно всякому государю без страху царьствовати, не имев около себя никакого береженья. Таков ответ на то сказал: „Коли б так повелевал подданным своим, как отец повелевает сыном своим“. Которая скаска его достойна есть разсуженья, потому что отец с прирощенья своего отцовского болши печалуетца о детях своих, нежели сам о себе. И для того дети любят отца. Таково ж и государи о корысти и прибыли государства своего всего лутчи должны промысляти, нежели во свои прямые добрые имения и богатства, чтобы тем любовь подъданных своих зделали и оборотили к себе, которая есть крепким основаньем долгого их государвания потому, коли добрый царь любо начальник изо всех людей сщаслившии бывает, таково ж опять мучитель царь изо въсех несщаслившии станетьца того для, как тот царь, которыхи добрым есть, безстрашное имеет свое житье, так опять злой царь страх и много изменников на себя всегда безпрестанно имеет.

Агесилауш, царь лакедимонский, был спрошан, которая б добродетель честнейша была — мужество или правда. Отказал на то: „Мужество не есть корыстное будет, при нем правды не будет, потому что коли б все люди праведными были, не надобеть бы уж мужество. Премудрость таково ж без правды хитростью есть, смиренность опять без мужества ленивством есть, правда опять без смиренности лютостью есть“.

Желанье и хотенье царств не от добродетели происходит, но от злобы, и то хотение человека до неправды и до злого конца приводит. Дал на то ответ Диогенес философ Филипу, царю македонскому, коли Филип, войско свое великое собрав, пришел до Хероние. И пришел таково ж там в те поры Диогенес, которого поимано и перед царя приведено. Царь, увидевши Диогенеса, себе незнакомаго, рече к нему наудачю: „Ты не лазучник ли?“. Диогенес рече к царю: „Подлинно яз лазучник есть, пришел яз присмотритися бесноватому и глупому разумови твоему, которыхи неполно имееш на царстве македонском, но еще чюжих царств здобываешь и сам себя в такой страх подаешь, чтоб и здоровья и царство свое потерял напрасно“.

Подобает за таковыми делами государем последовати, которые бы престолу их разъмноженье и разширенье дделали. А того беречися должни, чтобы не было достойнаго престолу их и чтобы каковую славу престолу их чинило, и таковаго строенья в государстве не становити, которое бы было страшное всем, чтоб и болши страху, нежели покою, и болши ненавиства, нежели любви, не принесло

Тако же и всякому начальнику подобает беречися от гневу, потому что гнев затмевает чесные дела. Пишут мудрецы о Александру царю македонском, акоже много обрасцов показывал непобеженого сердца своего, но что он иногды скорый был до гневу и для ради того все свое дела чесные и великие затмевал: убил неповинного старого приятеля своего, Клитусем нареченного, а после, егда по оным гневу образу-

мился, вынявши меч с тела его сам к себе оборотил, и хотел¹ убить себя² толко бы его приближные приятели не уняли.

Таково ж и Дионисиушь мучитель,³ егда хотел тешится мечом, тогда платие свое и саблю отдал временънику молодому держати, х которому ласков был. И одного времени, егда один з друзей и приятелей приближенных его шутя молыл к тому мучителю Дионисию те слова: „Тому ли временънику молодому здоровья своего веришь?“, к чому он, временъник, розсмеялся, и для ради смеху того мучитель и того временника своего и приятеля убить велел. Приятеля для того, что образец к убивству показал, временъника ж для того, что оную повесть или вопрос смехом укрепил. И с такового дела мучитель Дионисии до коих мест жив был, весел не бывал.

Философ един спрошен от гетмана или воеводы, каковым бы делом возможно владети без похуления. Рече философ: „Аще гневом не будешь николи возбужены“. И тем делом объявил то, что гнев до всякого чину исполнения великою есть помешкою. Нет убо тем разсужения, кому гнев владеет, хотя б и был и премудрый, подлинно ся в делах помешает.

Аристотель мудрец прилагал и приверстал до гневу дым, якобы в дыму очи человеческие бывают затменные и зрения теряютца и владения к вижению вещей перед очима будущих не бывает. Таково жь, егда человек гневом розжетца, тогда темнение разумови приходит, что и грехов своих в те поры видети не возможет.

Всякий опять начальник и судия постановлены к разсужению различных дел долъжен есть правды беречи и по описаных судебниках судити. И подобает ему на посулы не смотреть и не дати ся от истинного отводить, к чому есть обрасцов много, а именно во време Камбисеса, царя перскаго, Сисанес судия, будучи посулами подарованыи, неистинно и неправедно дела судил. Что егда царю Камбисесу⁴ сказано, велел кожу с тела его содрати, а после самого удавити, а тую кожу, с тела содраную, велел на том месте, на котором судии садились, повесити. А после сына его Отана судью поставил и те слова молвил к нему: „Памятуи о том, на каковем месте седачи судиш“.

Бияс судия, егда одного человека виноватого на смерть осудил, стал сам плакати, жалеючи бедного человеческого жития. Но коли был о том спрошон, чого бы для плакал, поне есть то на его волю казнити и освободити человека. Рече на то Бияс: „Подобающе и пригоже есть дело прирожению человеческому милость показати, но от упрасы и истинного оступати есть то дело убыточное и неподобающе к такому чину“. Подобает собирати людей мудрых и богобоязных, которые б были праведными и лакомством возгнушались. А которые на достаток и на богатства и на деньги лакомыми суть и желательными, сицевые ничего чесного разсудити не возмогут.

Объявилось то в оных двух начальниках города, Олинту нареченного, которых нарицали Листенес и Евътикрастес, которые, подарки и посулы прельстивъшись, город царю Филипу македонскому здали, чого для царь Филип многожды те слова молвил, что ни один город не есть так крепко устроеныи и укрепленыи, которого бы невозможно взяти и овладети в те поры, егда бы до него осел или конь с великим мехом золота вшол. Нет бо лютого и страшнейшего дела над лакомъство, для ради которого многие царства погибают.

¹⁻² В рукописи пропущено.

³ В рукописи мучитель.

⁴ В рукописи Камбисесу.

А. В. ПОЗДНЕЕВ

Песнь о взятии Азова в 1696 году

Самыми ранними кантами (т. е. панегирическими песнями) петровского времени, по мнению П. А. Бессонова,¹ являются панегирические песни в честь взятия Шлиссельбурга и Нарвы. Однако эти военные победы Петра были не первыми: еще в 1696 году с громадным торжеством было отпраздновано взятие Азова, причем этот праздник сопровождался постройкой триумфальных ворот в Москве, торжественным шествием и произнесением виршей в честь этого события Виниусом; эти празднества нашли отражение в книге, изданной в Амстердаме Ильей Копиевским в 1700 году.²

Кант в честь взятия Азова в 1696 году с прославлением Петра I и боярина Шеина был опубликован А. С. Орловым в 1905 году в статье „Песня и повесть об Азове“³ по рукописи из собрания Уварова 1926/135.⁴ Издатель отметил, что этот „стих“ представляет собой песню, на что указывает повторение каждого второго стиха в строфе. Он подчеркнул также особенности языка, связав эту песню с народной поэзией и с „пестрой“ речью петровского времени, а равно и сюжно-русскими виршами.

Более полный и исправный вариант этого канта, имеющий 60 стихов, нашелся в неопisanном рукописном песеннике из собрания А. С. Щукина под шифром Щук. 554 (полка Д. 996), хранящемся в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея.⁵ Это сборник форматом 4°, 147 лл. (не считая нумерованных пустых), на линейных нотах, в старом переплете. Бумага имеет водяные знаки Ярославской фабрики с буквами ЯМЗ и ЯМАЗ (по Тромонину, 1750 года). На переплете в конце надпись: „тетрадь Пензенского“; на записке, приложенной к сборнику, написано: „1820. Дугненский завод. 23000. Демидовы“.

Сборник состоит из 2 частей: в первой, озаглавленной „Канты спевательные“, содержится 115 псалм, или духовных песен (среди них старинные стихотворные переводы двух глав „Песни песней“), и 11 кантов, или панегирических песен, — очень редких (в том числе несколько песен на смерть Петра I, в честь Петра II). Интересующая нас „Песнь“

¹ Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 8. М., 1870.

² „Gloria triumpharum et trophaerum“.

³ „Старина и новизна“, 1905, кн. 10, стр. 274—282. Шифр сборника указан А. С. Орловым ошибочно: это не 1927/142, а 1926/135.

⁴ Песня состоит из 31 стиха, сочинена рифмованными двустушиями.

⁵ См. также собрание А. А. Титова, № 4140, XVIII века, список менее исправный, и собрания ОЛДРП, № 48 — отрывок.

находится на л. 88, под номером 100. Первый раздел песенника замыкает песня в честь Елизаветы.

Во второй части сборника содержатся 34 „навигатские“ песни силлабического стиха: украинские, встречающиеся в старейших рукописных сборниках светских песен XVIII века (некоторые со случайными полонизмами), и русские светские книжные песни петровского времени, среди которых есть и широко известные песни, и песни, встречающиеся только в этом сборнике.

Состав сборника позволяет сделать вывод, что он возник в конце 1720-х годов, а настоящая рукопись является только его копией.

Приводим ниже текст панегирической „Песни о взятии Азова“ по списку собрания Щукина с разночтениями по списку, опубликованному А. С. Орловым. Последний список обозначаем У (нумерация двустийший дана нами).

[Песнь о взятии Азова в 1696 году]

1. Возлетел естъ орел славны с российския страны,
псбеждающ¹ черны враны, злыя бесурманы.
2. Злые² враны, бесурманы от орла паряща
убегающе со страхом, как огня паляща.
3. Той бо орел светлозрачны и высокопарны,
пресветлейши и велики, от бога избранны,
4. Благоверны царь московски Петр Алексиевич
всая Россни и стран многих естъ отчич и дедичь.
5. Войско свое³ христианско все вооруживый
бога в тройцы единаго в помощ призвавы.
6. Со тшанием на агарян сам ся подвизает,
промыслом бо своим мудрым благоустрояет.
7. Христом святым — щитом верным — всех вооружает,
все воинство⁴ российское мудрому вручает
8. Боярину воеводе Алексею именем,
славну в деле искусну Шеину прозваньем.
9. ⁵Что великий воевода мудре⁶ устрояет
⁷и все полки под Азовым чинно уставляет.
10. Чтоб до бою без боязни кажды подвизался,⁸
крестом святым, щитом⁹ веры всяк вооружался.¹⁰
11. Турки с моря в оборону многие¹¹ приходили
кораблями, фуркатами и со шуками¹²
12. ¹³Желающе ко Азову силни ся пробити¹⁴
и сидящим во осаду помощ учинити.
13. Адмирал же против турков войско оружует,
камандора славна, мудра с ними посылает:
14. Петра храбра, добронравна, во смелости¹⁵ явна,
корабелных дел и земны[х] хитреца преславна.¹⁶
15. Той же с войском на фуркатах в мори выгребали,
на все¹⁷ суды бесурмански боем напущали.¹⁸
16. Тогда турков попленили¹⁹ и многих побили,
как египтян²⁰ и з судами в мори потопили.
17. ²¹Те их слезы в своей злости хотя потопити,
всю обиду бесурманску хотя отомстити.²²
18. В чистые степи зверовидно Нарадын с кубанцы
набежал сам с татарами и злыми²³ поганцы.
19. ²⁴На российско конное войско боем напущали,
многим знатным мурзам своим главы потеряли.²⁵
20. Нарадын сам уязвленны преложиши в бегство,
того ж дядка²⁶ въ его место впал в ²⁷смертное бегство.²⁸

¹ У побеждает. ² У черны. ^{3—4} У нет. ^{5—6} У той же под... ащим чинно.
^{7—8} У нет. ^{9—10} У верным всех... урежает. ¹¹ У тут все. ¹² У бушкалами.
^{13—14} У Адмирал же турок хотяше ка Озову силно испробити. ¹⁵ У светлости.
¹⁶ У изрядна. ^{17—18} сюду на всю силу бусурманскою боем наступали. ¹⁹ У поблез-
нили. ²⁰ У ягнять. ^{21—22} У нет. ²³ У сильными. ^{24—25} У нет. ²⁶ У де яка.
^{27—28} У сметное бедство.

21. И во 200 на семь тысяч в четвертое лето
крепки Азов град и их войско было одолето.²⁹
22. Росийским царем государем храбрым благоверным
и всем войским христианским, в службе неизменным.
23. И козаком там пришедшим з гетманом наказным
Иаковом Лизогубом, воином прехвалным.
24. Где козаки украинцы на своем уделе
поступивши мужественно и розкат имели.
25. Окопавши они роскат, смело днем засели
и, дождавши тамо нощи, и пушки побрали.
26. В чем видяще бесурманы свою злу погибель,
не хотяще себе дати явне на изгибель,
27. Высылали дву честнейших, знамена склонивши,
били челом государю, милости просивши:
28. „Пожалуй нас великий царь, соделай свободных;
вся твоя суть зде в Азове, — отпусти нас одних
29. Со женами и з детками, — течем, яко враны,
от орла твоего беда в далекие страны“.
30. Отцу и сыну з духом святым честь и слава буди,
як и ныне, так и всегда во веки веков.

Как видно из сравнения двух списков, текст публикуемого нами варианта значительно лучше неправильного Уваровского списка. Однако отдельные места последнего сохранили лучшее чтение и, как нам кажется, точнее передают текст оригинала.

„Песнь“ довольно точно отображает события, связанные с взятием Азова в 1696 году. Она точно называет дату события:

И во 200 на семь тысяч в четвертое лето
крепки Азов град и их войско было одолето.

В „Песне“ правильно сообщается, что главнокомандующим русскими войсками под Азовом был боярин Шеин. В осаде приняли участие прибывшие к Азову 18 июня украинские казаки под командованием черниговского полковника Якова Лизогуба в количестве 15000 человек.¹ „Песнь“ также правильно указывает, что для выручки осажденных под Азов прибыла довольно сильная турецкая эскадра („Турки с моря в оборону многие приходили“). Однако выход в море навстречу туркам русской эскадры (была построена зимой 1695—1696 года под Воронежом по почину Петра), с участием „командора“ Петра, связал действия турок, и в дальнейшем турецкая эскадра активно себя не проявила.

„Песнь“ рисует и подход с суши „Нарадына“ с войском — татарами и „злыми поганцами“, его „уязвление“ и бегство. Документальные данные подтверждают этот рассказ „Песни“ о неудачном нападении на русский лагерь 10 июня тысячи татар, причем сам Нар эд-Дин едва спасся бегством от плена.²

Согласно „Песни“, взятие Азова было ускорено благодаря устройству казаками раската, ночному их нападению на Азов и захвату ими пушек. Условия сдачи отмечает и дошедшее до нас письмо на турецком языке к осажденным в Азове туркам, которым предлагалось: „Город Азов нам сдайте с ружьем и со всеми припасы без крови а вам всем и с пожитками даем свободу, куда похотите“.³ 18 июля

²⁹ У село.

¹ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. XIV, гл. 3. Изд. „Общественная польза“, М., 1894, стлб. 1152.

² М. Богословский. Петр I, т. I. М., 1940, стр. 321.

³ Там же, стр. 326.

1696 года турки это условие приняли. Передав русским знамена, паша и турецкие солдаты с женами и детьми сели в лодки и уехали из крепости.¹ „Песнь“ рассказывает об этом факте, вкладывая эту речь в уста двух турок, уполномоченных на ведение переговоров с русскими о сдаче Азова.

Нужно отметить некоторые исторические неточности „Песни“. В ней, например, не упоминается о донских казаках, а их роль была немала.

Основная задача „Песни“ — воспеть взятие Азова русскими войсками, показать героизм и отвагу русских воинов и полководческий талант Петра I.

Образ Петра I в „Песне“ выдвигается на первый план. О нем говорится, как об „орле славном . . . российский страны“, „благочестивом царе московском, всея России и стран многих с отчиче и дедиче“; автор не упускает возможности возвеличить народ, говоря, что турецкое войско было побеждено не только „российским царем, государем храбрым, благочестивым“, но и „всем христианским войском“ (21-е и 22-е двестишия). В 13-м и 14-м двестишиях выступает индивидуальный образ Петра I. Автор называет его „командором славным, мудрым“, „храбрым, добронравным, во смелости явным, корабельных дел и земных хитрецом преславным“. Образ русского царя-воина (военачальника) „белого орла“ навеян другой исторической силлабической „Песнью о взятии Смоленска в 1654 году“, которая несомненно оказала воздействие на нашего автора. Для сравнения даем начало „Песни о взятии Смоленска“ по неопубликованному, более исправному варианту из собрания Н. С. Тихонравова.²

[Песнь о взятии Смоленска в 1654 году]

Крикнул орел белый славный:
 Воюет царь православный,
 Царь Алексей Михайлович,
 Восточного царства дедич.

Поэтому нам кажется неправильным утверждение А. С. Орлова о том, что „Песнь о взятии Азова“ возникла под воздействием южно-русских панегириков.

Публикуемая нами панегирическая книжная „Песнь“ состоит из 14-сложных силлабических рифмованных двестиший (вирш — типа 8+6 слогов). Однако в варианте Щукинского списка этот стих местами не выдержан, частично в результате ошибок при переписке, частично и потому, что отдельные стихи были недостаточно понятны. Интересен тот факт, что в данной „Песне“ силлабический стих довольно часто звучит как силлабо-тонический благодаря правильному чередованию ударяемых и неударяемых слогов. Такое чередование достигается отчасти вследствие перемещения ударений, как, например, в стихе 7-м, где читается: „Петр Алéксеевич“. Эта тенденция к переходу на силлабо-тонический стих сказывается уже в духовных книжных песнях 1650—1680-х годов, в „Песне о взятии Азова“ она резко подчеркнута, хотя кое-где автор, певец-поэт, не смог ее выдержать последовательно.

Отмечаем два типа эпитетов „Песни о взятии Азова“: а) светлозрачный, высокопарный, добронравный, зверовидный, благочестивый, б) пресветлый, прехвалный, преславный, пресветлейший, честнейший,

¹ М. Богословский. Петр I, т. 1, М., 1940, стр. 333.

² Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина, собрание Тихонравова, сборник № 249, л. 264 сл.

неизменный. Эпитеты второго типа должны свидетельствовать о полном совершенстве персонажей и предметов, являясь превосходной степенью прилагательных, или выражением высшей степени данного качества путем прибавления приставок: пре-, не-, все-. Эти эпитеты часто встречаются в панегирических духовных книжных песнях, находящихся в рукописных песенниках 1680—1690-х годов, и свидетельствуют об использовании автором публикуемой „Песни“ старинных русских книжных песен.

Г. Н. МОИСЕЕВА

Гистория о российском матросе Василии Кириацком

(К вопросу о составе и происхождении повести)

Среди немногих образцов повествовательной литературы, несомненно относящихся к петровскому времени, видное место занимает „Гистория о российском матросе Василии Кириацком и о прекрасной королевне Ираклии Флоренской земли“.¹

Первый исследователь ее Л. Н. Майков в своей работе, посвященной повестям петровской эпохи,² особо остановился на повести о матросе Василии, отметив близкую связь ее с действительностью. Однако основу повести Л. Н. Майков считал переводной. А. Н. Пыпин в предисловии к изданию „Гистории о знатного роду гишпанском шляхтиче Долторне“,³ указал на эту повесть как на несомненный источник русской повести о матросе Василии. Так порочная теория заимствования лишала исследователей возможности понять процесс создания повести.

В советском литературоведении вопрос об изучении повестей петровской эпохи и, в частности, „Гистории“ о матросе Василии был поставлен в работе Н. К. Пиксанова „Старорусская повесть“.⁴ Н. К. Пиксанов указал на важность литературного анализа повести о матросе Василии и выдвинул ряд конкретных задач в ее изучении, отметив необходимость пересмотра вопроса об отношении „Гистории“ о матросе Василии к „Гистории о знатного роду шляхтиче Долторне“, связанного с определением степени оригинальности петровской повести.

Задача настоящей статьи — показать историческую основу повести о „российском матросе Василии Кириацком“ и определить ее родство с устным народным творчеством.

„Гистория о российском матросе Василии Кириацком“ отчетливо распадается на две части: первая — с начала повести до отъезда Васи-

¹ Текстологическое изучение семи сохранившихся списков повести показывает, что в большинстве списков [ГИМ, № 1283; ГИМ, собрание Щукина, № 254; ГИБ, Q. XV. 110; Калининский областной музей, № 862 (6)] фамилия героя читается — Кириатский, Кириацкий. Два списка (ГБЛ, № 1258 и БАН, 32. 2. 13) не имеют начала повести, где упоминается фамилия героя. Первые издатели повести Л. Н. Майков и Б. И. Дунаев в основу издания взяли список Забелина № 229 (ГИМ), где матрос Василий носит чуждую русскому языку фамилию — Кариотский. Можно полагать, что первоначальная форма — производное от русского имени Кирьяк: Кирьяцкий, Кириацкий.

² Л. Н. Майков. Неизвестная русская повесть петровского времени. СПб., 1880.

³ Памятники древней письменности, т. XIV, СПб., 1887.

⁴ Н. К. Пиксанов. Старорусская повесть. М.—Пгр., 1923.

лия из Голландии в Россию; вторая — с описания бури на море и кораблекрушения до конца повествования.

Несомненным доказательством того, что эти части — разного происхождения, служит противоречие в обрисовке образа героя. В первой части сын бедного дворянина, русский матрос Василий показан как любящий сын, который помогает из своего жалования отцу, скучает по нем во время пребывания на чужбине, в Голландии, настойчиво добивается возможности возвратиться на родину, несмотря на обещание голландского купца, у которого он жил, его „во всем, яко родного сына наследником учинить“. Во второй части повести Василий ни разу не вспоминает об отце и не помышляет вернуться в Россию.

По-разному в двух частях повести называются и монеты: в первой части везде упоминается „ефимок“ — денежная монета, бывшая в ходу в России с конца XVII и до половины XVIII века; во второй части повести употребляется иное название монет — „червонец“.

Первая часть повести, рассказывающая о пребывании матроса Василия в Голландии, оканчивается описанием бури на море и кораблекрушения, после которого Василий на корабельной доске приплывает к неизвестному ему острову. В содержании этой части „Истории о российском матросе Василии Кириацком“¹ можно отметить ряд реалий, непосредственно связанных с петровской эпохой.

Жалование, на которое рассчитывал Василий Кириацкий, поступая служить во флот, было установлено Петром I как постоянная оплата „содержания и обучения“ матросов.

По „Истории“, Василия Кириацкого отослали „на корабль по определению“. „По определению“ — устойчивая формула документов начала XVIII века, часто встречающаяся в „Уставе морском“.² Герой „Истории“ „на корабле пребывал жестко, по обычаю матросскому“. „Жесткий“ обычай морской службы начала XVIII века подтверждается уже упомянутым „Уставом морским“ и „Артикулом правды морской“. За малейшее нарушение установленных правил, за всякую провинность полагалось жестокое телесное наказание: „провождение под корабль“, „посаждение в железа на две недели“, „биение кошками при маште“, „биение от всех корабельных людей“ и др.

В „Истории“ рассказано, что Петр I³ „указал маршировать и набирать младших матросов за моря в Голландию для наук арифметических и разных языков“.⁴ „Разбор“ по возрасту при посылке за границу имел место в исторической действительности начала XVIII века. В воспоминаниях В. В. Головина, посланного в Голландию в 1712 году, читаем: „Мая в последних числах был нам всем смотр, а смотрел сам его царское величество и изволили определить нас по разбору на трое: первые, которые летами постарее, в службу, в солдаты, средних

¹ Исследование повести будет произведено по списку Забелина № 229 (ГИМ), взятому в основу при издании А. Н. Майкова. Этот список сохраняет большое количество реалий петровской эпохи и наиболее полно передает первоначальный текст этой повести. Цитация будет производиться по изданию 1880 года.

² „Комисару как в деньгах, мундире, так и в раздаче пищи убавки никакой не чинить, но все раздавать исправно по определению“. Книга Устав морской, СПб., 1720, стр. 103.

³ В старейшем (60-е годы XVIII века) из сохранившихся списков „Истории“, Забелинским № 229 (ГИМ), и в списке ГИМ, собрание Щукина, № 256 форма глагола — „указал“ — подчеркивает, что указал Петр I. В позднейших списках эта определенность была заменена пересказом события. В списке ГИМ, № 1283 и списке ГПБ, Q. XV. 110 — „случися на кораблях матроза указом отбирать“.

⁴ А. Н. Майков, ук. соч., стр. 3.

в Голландию для морской навигацкой науки, а самых малолетних в Ревель в науку“.¹ Из записок В. А. Нащокина, относящихся к 1717 году, узнаем: „Его величество трудиться изволил, разбирая дворянство: годных определяя к делам... Тогдажь недорослей, по силе указа, не малое число явилось, определены были в разные службы“.²

По „Гистории“, отобранных матросов посылают „за моря в Голандию для наук арихметических и разных языков“. В цитированных выше воспоминаниях В. В. Головина находим подтверждение тому, что основная масса посланных за границу находилась именно в Голландии: „В Саардами и во Роттердаме (Голландия, — Г. М.) учились мы языку голландскому и арифметике, и навигации“.³

Известно, что Петр I прежде всего посылал учиться арифметике — науке, связанной с кораблестроением. В предисловии к „Морскому регламенту“ Петр I ясно указывает цель посылок: „Дабы те вечно утвердились в России, умыслил государь искусства дела того ввести в народ свой и того ради многое число благородных послал в Голландию и в иные государства учиться архитектуры и управления корабельного“.⁴

В числе посланных за границу были люди, выдвинувшиеся из народа, — „простые“ люди. В записках Б. И. Куракина читаем: „По приезде его величества в Голандию и в Англию простого народу матросскому делу учитьца с триста человек, которые путь свой брали за море лет по пяти и назат возвращались. И так доньне в том континуация идет и положено по несколько человек отправлять по вся годы, так же много учатца инструментам математическим и математике“.⁵

„По отбытии ис Кранштата... прибыли в Голандию матросы... В Голандии учинили им квартиры и поставлены были все младшие матросы по домам купецким... равно штатами“, читаем в „Гистории“.

Из записок современников, например из „Дневника“ И. Л. Нарышкина (1714—1720), известно, что русские во время пребывания за границей останавливались у купцов — „торговых людей“.⁶

В „Гистории“ о матросе Василии отправка матросов описана так: „Как урочный термин пришел, чтоб ученикам матросам маршировать в Санктпетербурх в Россию, то все матросы поехали“.⁷ „Урочный термин“ — установленное время, срок — выражение, часто употребляющееся в начале XVIII века.⁸

Хотя направлявшиеся за границу на обучение должны были через указанный срок возвращаться, но были случаи, когда они задерживались, подобно матросу Василию — герою „Гистории“. Так, например, князь Александр Прозоровский „не возвратился во отечество и во многих местах по Европе ездил“.⁹

¹ П. Пекарский. Наука и литература при Петре В., т. 1. СПб., 1862, стр. 142.

² Там же, стр. 142.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 140.

⁵ С. Ф. Платонов. Б. И. Куракин и А. П. Прозоровский. Доклады АН СССР, сер. В, 1929, стр. 237.

⁶ Рукопись ГПБ, Архив Бильбасова, № 9, л. 3 об.

⁷ Л. Н. Майков, ук. соч., стр. 4.

⁸ „Дают на того холопа служебные кабалы и на урочные годы записи тех людей“ (Картотека Исторического словаря АН СССР, 1710). „Его царское величество по получении такой счастливой виктории против короля шведского мыслит, как бы и на предки силу его тако обуздать, дабы в прежних и надлежащих своих терминах мог быть содержан“ (там же, 1709).

⁹ С. Ф. Платонов, ук. соч., стр. 234.

Василий Кириацкий посылает отцу „через вексель четыре тысячи ефимков золотых двурублевых“.

Вексельные операции были введены при Петре I и поощрялись им. О популярности их в начале XVIII века можно судить по „Отпискам“ Д. М. Голицына: „В нынешнем, государь, 1705 году, апреля в 21 день прислана ко мне ваша государева грамота и приказ военных дел. А в той вашей государевой грамоте писано: посланы ко мне, холопу вашему, вексели через иноземца Болдина Томосова“.¹ „Говорил мне, холопу вашему, генерал Паткуль... что ваша государева казна денежная послана со мною, холопом вашим, и та казна денежная вся в расходе, а посланные вексели на вашу государеву денежную казну, те вексели ко мне не присланы“.²

При сравнении приведенных материалов с первой частью „Истории“ отчетливо выступает характерная черта повести: ее живейшая, непосредственная связь с исторической действительностью начала XVIII века, с типичными чертами быта этого времени. Тема повести — добровольное поступление во флот незнатного дворянина — была выдвинута временем, когда русское государство вышло на берега Балтийского моря и стало великой морской державой. Строящийся русский флот потребовал большого количества технически обученных людей, постоянного состава матросов. Реакционная часть дворянства, стоявшая в оппозиции к деятельности Петра I, особенно противилась выполнению правительственных указов, назначавших смотр молодежи, на которых отбирались юноши для службы во флоте и армии. Со стороны правительства потребовались строгие меры взыскания, чтобы принудить дворян отпускать сыновей на службу. Документы первой четверти XVIII века сохранили свидетельства об этой борьбе. В указах Петра I читаем: „Тогдаж приехали из Москвы в Петербург сенаторы и предложили его величеству, что по указу, данному им в 1711 году, дворян молодых и как кроются от службы, по многим объявительным указам собрать всех не могут. Того дня сентября в 26 день выдан новый указ, дабы все дворяне сами и их дети и сродники, которые от 10 до 30 лет возраст имеют, явились в наступающую зиму на смотр нарочно к тому определенному сенатскому члену: а буде кто сей указ преслушает и до марта месяца 1714 году не явится и кто на такого известит, тому все пожитки укрывающегося и деревни отданы будут, какова б доноситель чина не был, хотя слуга укрывающагося“.³

Несмотря на крутую расправу многие дворяне даже под страхом разорения не являлись на смотры. Уже перед самой смертью, 27 января 1725 года, Петр I „дал повеление сенату отпустить вину всех дворян, не явившихся на смотр“.⁴

В обстановке упорного сопротивления части дворянства отбыванию воинской службы, решение „небольшого“ (незнатного) дворянина Василия Кириацкого по собственному побуждению итти служить во флот характеризует его как передового человека своего времени, с гордостью носящего звание „российского матроса“.

Вторая часть „Истории“, начинающаяся описанием бури на море и кораблекрушения, почти не содержит реалий петровской эпохи и построена по типу сказок о приключениях.

¹ Отписки Д. М. Голицына. Рукопись ГПБ, Ф. IV. 865, лл. 192 об. — 193.

² Там же, л. 193.

³ Указы императора Петра В. Рукопись ГПБ, Ф. IV. 8, л. 181.

⁴ Там же, л. 194 об.

Следует, однако, обратить внимание на то, что автор сумел сохранить связь между этими двумя заметно различающимися частями своего повествования. Его герой, хотя и лишенный во второй части „Гистории“ конкретных черт человека петровской эпохи, остается умным, смелым и находчивым „российским матросом“, честным даже среди разбойников, верным в любви. Один из мотивов первой части „Гистории“ умело развит и использован во втором разделе: собираясь возвращаться на родину, Василий зашивает нажитые деньги в клинья кафтана „для всякой приключаящейся [нужды]“. Эти деньги затем, во время пребывания Василия у разбойников, дают ему возможность выдавать себя за удачливого грабителя, он показывает их по частям, возвращаясь якобы после успешного грабежа. Так вторая, сказочная, часть „Гистории“ своеобразно продолжает первую — бытовую.

Именно эту вторую часть повести ее первые исследователи — Л. Н. Майков¹ и А. Н. Пыпин² — самым решительным образом объяснили подражанием переводному образцу „Гистории о знатного роду гишпанском шляхтиче Долторне“. Наиболее подробно пытался обосновать такую точку зрения А. Н. Пыпин. По его мнению, Василий — мниморусский герой; кроме названия „российский матрос“, русского в нем нет ничего; русский автор не смог бы без переводного образца сделать простого матроса „флоренским“ королем, „братцем“ цесаря („было бы слишком бесцеремонной выдумкой сделать российского матроса, хотя бы и самого «острого», «братцем» цесарю и флоренским королем“³); мотивы истории о матросе Василии в том же сочетании встречаются будто бы только в „Гистории“ о Долторне.

Настаивая на прямой связи „Гистории“ о матросе Василии с „Гисторией“ о Долторне, Л. Н. Майков и А. Н. Пыпин отрицали ее родство с русской народной сказкой. Между тем, именно русские сказки приключенческого типа дают богатейший материал для сопоставления со второй частью „Гистории“ о матросе Василии, начиная со встречи его с разбойниками.

Переход от бытовой повести о путешествии матроса Василия в Западную Европу, полной реалией петровского времени, к сказочной сделан в „Гистории“ с помощью описания бури и кораблекрушения, типичного мотива авантюрных „гисторий“ конца XVII—XVIII веков. Но приключения, которые переживает матрос, попавший на неизвестный остров, описаны по схеме, обычной для целого ряда русских народных сказок.

Сюжет второй части „Гистории“ о матросе Василии разворачивается так: занесенный бурей на остров, Василий попадает к разбойникам; за „острый ум“ его против желания выбирают атаманом; на острове Василий спасает королеву, но теряет ее, так как обманом ее увозят на корабле; он встречается снова с королевой, когда ее насильно выдают замуж; Василий разоблачает обманщика-жениха, благополучно женится на королеве и наследует королевство.

Весь этот комплекс отдельных эпизодов повести, составляющих сюжет второй части „Гистории“, встречается в ряде народных сказок: „Освобождение царской дочери солдатом“⁴, „Служил солдат 25 лет“⁵,

¹ Л. Н. Майков, ук. соч., стр. 23.

² Памятники древней письменности, т. XIV, СПб., 1887, стр. I.

³ Там же, стр. VI.

⁴ М. К. Азадовский. Сказки Верхнеленского края. Иркутск, 1928, стр. 52—60.

⁵ Сказки И. Д. Богатырева. Запись Д. М. Молдавского и В. С. Бахтина (1945. Псковская обл.). Архив фольклорного кабинета Ленинградского Государственного университета.

„Иван Туртыгин“,¹ „Солдат спасает царскую дочь от змея“.² В еще большем количестве сказок развиваются отдельные части этого сюжета. Таким образом, фактический материал опровергает утверждение А. Н. Пыпина, будто лишь в переводной повести о Долторне можно найти то же сочетание мотивов, какое дает „Гистория“ о матросе Василии, и вывод Л. Н. Майкова о том, что „основа повести не коренится в старых преданиях собственно русского эпоса“.³

Как бы различно не строилась в сказке завязка действия, в дальнейшем приключения попавшего на остров и нашедшего там царевну героя развиваются весьма сходно с „Гисторией“ о матросе Василии, но в литературной обработке сказочного сюжета отдельные поступки героев более мотивированы, их настроения описаны подробнее.

Приведем несколько примеров, из которых станет ясно, насколько близко воспроизводил самую манеру сказочного изложения автор „Гистории“ о матросе Василии, изображая приключения своего героя.

Герой находит на острове героиню и спасает ее

В „Гистории“ о матросе Василии. Отдав Василию ключи и казну, разбойники запретили ему ходить в „заповедный чулан“: „Изволь ключи принять, а без нас во оный чулан не ходить, а ежели без нас станешь ходить, а сведаем, то тебе живу не быти“.⁴

В сказке „Три царь-девицы“: „Дедушко приносит ему двенадцать ключей и говорит: «Вот, Ванюша, в одинадцать комнат ходи, как хош, а в двенадцету и сам не попадешь»“.⁵

В сказке „Шут“: „И приносит ему он двенадцеть ключей: «Вот, Ваня, ходи в одинадцеть, а в двенадцету не ходи, котора в темном углу, лыком завязана, навозом запечатана. Если вернусь, узнаю, што ходил, убью тебя»“.⁶

В „Гистории“ о матросе Василии: Однажды, когда разбойники ушли на добычу, Василий „думал сам, что у них в чулане имеется, понеже всю сумму сдали, а в этот чулан ходить не велели“.⁷ „И осмеллся отпереть чулан и дверь отворить и виде девицу зело прекрасну, в златом одеянии королевском одету, яко тоя красоты во всем свете сказать невозможно“.⁸ „Василий, став на коленки, рече: «Государыня, прекрасная девица королевна, ты роду какова и како сими разбойниками взята!»“.⁹

В сказке „Освобождение царской дочери солдатом“: Герой имеет два золотых ключа. „Потом, как этих золотых ключа нашел, и умствует себе: «от чаво-нибить да есь ети ключи». И стал по стенам оцунтывать аклейку и нашел потайную дверь. Тогда заходит в ету дверь; комната убрана всякими драгоценностями, там ишшо дверь отворил сидит в етой комнате ета сама царевна. Комната вся у ей золотом убрана“.¹⁰

¹ Д. Н. Садовников. Сказки и предания Самарского края. СПб., 1884, стр. 948.

² Д. К. Зеленин. Великорусские сказки Пермской области. Пгр., 1914, стр. 443—444.

³ Л. Н. Майков, ук. соч., стр. 23.

⁴ Там же, стр. 8.

⁵ Сказки Карельского Беломорья, т. 1, кн. 1. Петрозаводск, 1939, стр. 8.

⁶ Там же, стр. 36.

⁷ Л. Н. Майков, ук. соч., стр. 9.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ М. К. Азадовский, ук. соч., стр. 56.

Таким же образом находит царевну солдат в сказке „Служил солдат 25 лет“,¹ Иван Туртыгин — в сказке „Иван Туртыгин“:² „Тогда он взял ключи, пошел в темницу, где она, отворил, нашел царевну“.³

Попадание героини на остров

В „Гистории о российском матросе Василии Кириацком“ Ираклия рассказывает: „Токмо едина была у отца своего дочь; и уже тому два года пришли морем в наша государства... кораблями российский купцы и я в то время гуляла з девицами в шлупках и смотрела российских товаров и всяких диковинок. И как мы на шлупках от кораблей поплыли, то оныя разбойники набежали в буерах... девиц в море побросали, а меня единую в сей остров уведоша и держат по сие время“.⁴

В сказке „Не-мал человек“: „Вот не в котором чарствии, не в котором государстви был жил чарь, у него была одна дочь. И вот он ее берег, конешно, и не отпуская никуда одну гулять, штобы никуда не делась. А потом вдруг приходит параходик, которых еще не было в чарствии. И когда приплыл к чарьству, то был такой красивый, што многие ходили интересовались. И пришлось чарьской дочери пойти со своими нянюшками смотреть этот параходик. И вот только она на параход зашла, то параход полетел стремлой в море и скрылся из виду“.⁵

В сказке „Освобождение царской дочери солдатом“: У царя была одна дочь. „В одно время она с нянюшками с мамушками пашла на корабельную пристань прогуливатца. Не откуль прибежал на ету присталь антиресный карап. Завет она нянюшкох своих. Только как она в карап зашла, не успели ети нянюшки туды зайти, вдруг буря и етот карап на дно ушол“.⁶ В действительности же разбойники увезли царевну.

Таким образом, героиня — всегда единственная дочь у царя. Ее похищают на корабле разбойники.

Василий спасает королеву Ираклию. Оба бегут с разбойничьего острова

Рассказ о спасении царевны-королевы встречаем в сказках: „Служил солдат 25 лет“, „Освобождение царской дочери солдатом“, „Солдат спасает царскую дочь от змея“, „Иван Туртыгин“.

В „Гистории о российском матросе Василии Кириацком“: Матрос попадает с королевной Ираклией в Цесарию. Благодаря уму и благородству он становится „названным братом цесарю“. Из Флоренции — родины героини — приезжает адмирал, посланный на поиски королевны Ираклии. Он обманом завлекает Василия и Ираклию на корабль, спаивает верных им людей, Василия выбрасывают в море, а Ираклию адмирал понуждает поклясться, что она назовет отцу своим спасителем адмирала, в противном случае угрожает ей смертью.

„Тогда офицеры, взяв Василия из корабля и помня прежнюю ево к себе милость, взяв положили в малую лотку и спустили на море

¹ Сказки И. Д. Богатырева, стр. 39.

² Д. Н. Садовников, ук. соч. стр. 21.

³ Там же.

⁴ Л. Н. Майков, ук. соч., стр. 9.

⁵ Сказки Карельского Беломорья, т. I, кн. II, стр. 253.

⁶ М. К. Азадовский, ук. соч., стр. 58.

шляпу ево... с корабля бросили. Королева же, видя сие... нещастие, паде обмерла от великой ужести. И тогда адмирал вынев из ножен свою шпагу и с пристрастием рече: «Ежели станешь плакать, сей час главу твою отсеку», и приведе ея к присяге, что отцу ея и матере о том своем нещастии не сказывать, а сказала бы, яко с Цесарии боем взяла, и она, страху ради, дала присягу».¹

В сказке „Освобождение царской дочери“: „На карась зашли, капитан и все удивилися, что мог он разыскать царскую дочь. А капитан планты сплантовал, што он в шибком месте будто потонул, а царевну, мол, я сыскал. «Как ты меня не скажешь, что я сыскал тебя, утоплю в море». Царевна решила на это сказать, а сердцем ей жаль ево, этово трапорщика».²

В сказке „Не-мал человек“: „Капитан когда пошел, то сказал этой красавици: «Если ты не скажешь, што я тебя спас, то мы тебя в воду бросим». Она сказала: «Хорошо»».³

Как ни значительна в приведенных примерах разница самого изложения „Гистории“ и сказок, совершенно очевидно, что автору „Гистории“ хорошо знакомо было типично сказочное движение действия: запрещение открывать одну из комнат, нарушение героем запрета, скрывание в „заповедном чулане“ героини, похищение царевны обманом на корабле, угроза обманщика и т. д.

Однако сходство „Гистории“ со сказкой не ограничивается воспроизведением этой сказочной схемы. Самая трактовка образа матроса Василия во второй части „Гистории“ напоминает сказочные характеристики смелых и находчивых героев. „Острый“, удачливый „российский матрос“ в опасной обстановке не прочь схитрить: он внушает разбойникам, будто оружие его заговором сделалось неуязвимым, выдает сам себя за разбойника. Но Василий смел и благороден, не подозревает козней врагов. Василий в конце „Гистории“ вознагражден за свою честность и бескорыстие — он женится на королевне и наследует царство, подобно тому как в сказке простой человек (солдат) женится на царской дочери и становится царем. Это не „бесцеремонная выдумка“, как полагал А. Н. Пыпин, а восстановление законной справедливости, типичное для русской сказки.

Предположить обратное влияние „Гистории о российском матросе Василии Кириацком“ на русскую народную сказку трудно. Сближающиеся с „Гисторией“ сказки записаны в географически разбросанных точках, и в Сибири (М. К. Азадовский), и в Самаре (Л. П. Садовников), и в Перми (Д. К. Зеленин), и в Псковской области (И. Д. Богатырев), и на Севере (М. М. Коргуев).

При переработке „Гистории“ в сказку естественно должно было что-либо сохраниться от первой части (несмотря на то, что она перестала интересовать читателя). Должна была бы упоминаться хотя бы профессия героя — матрос — или пребывание его во флоте. Так начисто отпасть первая часть не могла. Поэтому более убедительным представляется вывод о фольклорной основе второй части „Гистории о российском матросе Василии Кириацком“.

„Российский матрос“ Василий несомненно гораздо ближе к незнанным героям русских сказок, совершающим подвиги и получающим за

¹ Л. Н. Майков, ук. соч., стр. 17—18.

² М. К. Азадовский, ук. соч., стр. 58—59.

³ Сказки Карельского Беломорья, т. I, кн. II, стр. 256.

них награду, чем к „гишпанскому знатного рода шляхтичу Долторну“, в котором пытались усмотреть его прообраз.

Матрос Василий — сын пришедшего „в великую скудость“ небольшого дворянина, поступает во флот простым матросом, надеясь своим жалованьем помогать отцу. О своем незнатном происхождении Василий предупреждает и королеву Ираклию, и цесаря. „Российский матрос“ этой чертой своего поведения напоминает о времени, когда Петр I выдвигал умных и талантливых людей, не считаясь с их происхождением, и вместе с тем простой человек, задумавший жениться на королевно, приводил на память сказочных женихов царских дочерей, а не знатных героев любовно-рыцарского романа, типичным представителем которых был „гишпанский шляхтич Долторн“.

„Гистория“ о Долторне — образец авантурной повести, где главная и основная тема — любовь; в конце „Гистории“ сделан нравоучительный вывод, ничем не напоминающий „Гисторию о российском матросе“: „Сие удивительно, что за чистую и истинную услугу к своему государю, раб и разбойник избавлен от великих бед и получил неизглаголанную радость, в которой во вся дни живота своего, яко непоколебимый столп утвержденный стоял недвижно и в радости положил жизни своея“.

Автор „Гистории о российском матросе“ не только не берет за образец для своего героя знатных героев авантурной повести XVII—XVIII веков, но, наоборот, противопоставляет им Василия. Характерно в этом отношении описание первой встречи матроса с заключенной королевой Ираклией. „И как увиде Василий, паде от лепоты ея на землю, яко Лодвик королевич Рахлинский, токмо не так как Лодвик себя отягчил любовью сильною и в болезнь впаде. Сей Василий, став на коленки, рече: «Государыня прекрасная девица королевно, ты роду какова и како сими разбойниками взята?»»¹ „Лодвик королевич Рахлинский“ — герой широко распространенной в списках с конца XVII века повести, „зело предивной и полезной“, „О египетском короле Александре и названном его брате Лодвике“. Этот „названный брат“ Лодвик, увидев во дворце римскую королеву Флоренту, от внезапно охватившей его любви серьезно заболевает, и Александр принимает решительные меры, чтобы вызвать ответную любовь Флоренты и тем спасти умирающего Лодвика. Автор „Гистории о российском матросе“ вспомнил этот эпизод и решительно противопоставил Василия этому беспомощному влюбленному, показав, как матрос, подобно героям сказки, смело и энергично берется спасти полюбившуюся ему девушку.

Обстоятельства, при которых Василий попадает к разбойникам и становится их атаманом, затем встречает королеву и спасает ее, ни в малой степени не напоминают развитие действия „Гистории“ о Долторне.

Боясь кары за слишком длительную отлучку от двора испанского короля, знатный шляхтич, придворный королевского двора Долторн решает не возвращаться ко двору, на службу к королю, а ехать на разбойничий остров. Отъезд его продуман до конца. Он продает имение и добровольно является к разбойникам. Здесь он сам себя назначает атаманом,² и „поступал не так, как разбойнику надлежит, а поступал так, как самодержавец, и усмотря из них равных себе и искусных

¹ Л. Н. Майков, ук. соч., стр. 9.

² В основу издания „Гистории о гишпанском шляхтиче Долторне“ положен дефектный список. Поэтому цитация повести проводится по рукописи ГПБ, Q. XV. 125, л. 121 об.

из дворян четырех человек писменно обязал, да во спасение живота своего, ежели от оного хотя противное слово услышу, то буду поступать, яко с злодеями".¹ Своим поведением Долторн вызвал возмущение разбойников, и „за такое отобрал Долторн главных бунтовщиков и казни предал, приказал вешать, иных четвертовать и головы рубить".²

Матрос Василий случайно попадает на разбойничий остров и сильно выбран в атаманы: „Разбойники одионогласно российскому матросу Василию реша: «буди ты нам атаман, изволь нашу казну всю принять и нами повелевать». Тогда отвеща им Василий: «Братцы молодцы, пожалуйста, оставьте меня от такого дела, понеже я атаманом не бывал... и нача пред ними горко плакати»".³ После троекратного (влияние фольклора) уговаривания Василия разбойники „все, яко лютые звери, единогласно закричали: «Ежели ты атаманом быть не желаешь, то сего часу мы тебе изрубим в пирожные части». Видев же Василий, zelo убоаяся, чтоб от них не быть и вправду убиту, глаголя им: «Буди по воли вашей»".⁴ Сам он никогда не участвовал в разбоях и грабежах, выдавая спрятанные в кафтане деньги за награбленные. Долторн же предводительствовал при грабежах и разбоях.

Во время одного из очередных грабежей, рассказывает „Гистория" о Долторне, разбойники взяли в плен дочь испанского короля Елеонору. Она хотела подарить ее есаулу, но когда вели ее по улице, в окно из своего дома увидел Елеонору Долторн и „спросил ясаула: «Что у тебя за девица и куда ведешь?». По объявлению ему обстоятельства все, а что ея к себе вел, того не объявил, но показал, якобы вел к нему, что слышав, Долторн скочи с места своего и принял ее»".⁵ Вечером у разбойников по случаю грабежа был устроен пир. „По окончании оного веселия все разошлись. Тогда Долторн взял Елеонору за руку и повел в спальную свою, и как пошли, тогда Долторн объявил ей свое намерение о нарушении ее девства, что слышав, прекрасная Елеонора, воздохнув из глубины сердца, со слезами просила: «Дражайший мой господин, прошу вас, ибо я—непорочная девица, а паче честного отца дочь и чтоб не поругана была вами в моем девичестве»".⁶ Долторн упорно настаивал на своем намерении. Когда же он допытывается, чья она дочь, то, узнав, что перед ним дочь испанского короля, совершенно меняет обращение с ней. Елеонора обещает ему за сохранение чистоты: „Ежели господь бог подаст мне такое счастье и буду во отечестве своем, то иному никому, кроме вас, супружницею быть не имею»".⁷ Предвкушая получение престола при условии женитьбы на королевне Елеоноре, Долторн обещает ей бегство с разбойничьего острова.

Матрос Василий случайно находит королеву Ираклию. Красота ее ослепляет его. Из любви к прекрасной девушке, не получив никаких обещаний, Василий спасает Ираклию от грубых вожделений разбойников. Ираклия искренно полюбила смелого, благородного „российского матроса" и „говорила, что до законного браку сохранять во всякой девической чистоте, а кроме ево в супружество не за кого не посягать, а ежели, кто один из них какими ни есть приключившимися резонами

¹ Рукопись ГПБ, Q. XV. 125, л. 122.

² Там же.

³ Л. Н. Майков, ук. соч., стр. 8.

⁴ Там же.

⁵ Рукопись ГПБ, Q. XV. 125, л. 120.

⁶ Там же, л. 120—120 об.

⁷ Там же.

отлучится, ни за кого иного не посягать и до смерти пребывать в девической чистоте. И он ей с клятвой обещался, что хранить девичество ей.¹ Этот разговор состоялся в Цесарии, много времени спустя после бегства героев с разбойничьего острова.

Как видим, весь облик „российского матроса“ очень далек от „гишпанского шляхтича“, каким он изображен и в качестве атамана разбойников, готового совершить насилие над „прекрасной Елеонорой“. Сходство „Гистории“ о Долторне с „Гисторией“ о матросе Василии ограничивается, таким образом, чисто внешними чертами, и знакомством с этой переводной повестью самый процесс создания второй части „Гистории“ о матросе Василии объяснен быть не может. Как мы видели выше, русские сказки дали автору гораздо больше материала, и в идейном замысле „Гистории“ они оставили несравненно больший след.

Однако это не значит, что должно быть исключено знакомство автора „Гистории“ о Василии с рассказом о приключениях „гишпанского шляхтича“ Долторна. Возможно, что это знакомство сказалось на второстепенных подробностях „Гистории“, например, на описании бегства с разбойничьего острова в Цесарию, на изображении взаимоотношений Василия с цесарем. Мы убедились, что автор хорошо знал и другой роман — „Историю об Александре и Лодвике“. Таким образом, „Гистория“ о Долторне припоминалась автору отдельными своими эпизодами так же, как и другие авантюрно-романические повести, но нет никаких оснований видеть в ней готовый образец, по типу которого слагалась вторая часть „Гистории о российском матросе Василии“. Подлинными „источниками“ автора при описании приключений матроса были русские народные сказки, оставившие след и на лексике „Гистории“.

В литературной истории повести о матросе Василии совершенно особое место занимает текст, сохранившийся в списке Калининского областного музея.² Этот текст представляет собой своеобразную обработку повести, сделанную читателем, который заинтересовался не теми сторонами повести, которые связывали ее содержание с определенной эпохой (реалии петровского времени) и приурочивали его к географически определенным местам. Этот читатель сосредоточил свое внимание на сказочной стороне приключений героя и на психологических элементах повествования. Поэтому он усилил занимательность рассказа, добавив от себя сказочные подробности (например притчу о камнях); подчеркнул чувствительность в речах Василия, его голландского хозяина, Ираклии; при каждом подходящем случае описал душевное состояние действующих лиц. Повесть, в ее первоначальном виде воспроизводящая немало бытовых черт петровского времени, становится ближе к сказкам и приключенческим романам, число которых всё увеличивается в течение XVIII века. Сохранившийся список середины XVIII века не лишен уже описок, ошибок и представляет, очевидно копию с обработки петровской повести, сделанной не позднее второй четверти XVIII века. Существенные отличия этой обработки от ее оригинала характеризуют литературные вкусы новой читательской среды, и этим усиливается значение публикуемого ниже текста.

¹ Л. Н. Майков, ук. соч., стр. 14—15.

² Небольшая часть повести о матросе Василии по рукописи Калининского областного музея была опубликована в журнале „В наши дни“, 1936, № II, стр. 134—141: „История о российском матросе Василии (Критском)“, по рукописи Калининского музея. [Глава о пребывании Василия на разбойничьем острове]. Полностью список публикуется впервые.

При публикации сохраняются фонетические особенности списка (написания: матрос и матроз, каморгер и камергер, и др.), титла раскрыты, надстрочные буквы внесены в строку, пунктуация современная.

История славная о российском матрозе Василии Кириацком, как он ходил на кораблях и в других Европиях и како из острову от разбойников ушел и с собою прекрасную девицу королеву Ираклию Флоренскую от них избавил и поняв ее себе в жену и бысть во Флоренской земле королем многия годы

В российских Европиях дворенин некоторый живяше, небольшое а. 1
имение стяжаше, ему же имя Иоанн, по малой фамилии Кириацкой,
имел у себя сына Василия лицом лепо[образна]. И оной дворенин
в великую скудость прииде, что не имяше дневной пищи. Во едино
время оной ево сын Василий рече отцу своему: „Государь мой батюшко,
прошу твоего отеческаго благословения, извольте меня отпустить,
пойду в службу, то мне будет жалованье, от которого буду и вам
[присылать] на нужду и на прокормление. Выслуша отец отпусти. То
он приняв от [отца] благословение и записался в службу, || определили а. 1 об.
в морской флот матрозом.

Како служил на кораблях в обыкновенности
матроской

По определении, на корабле пребываше, жестоко по обычаю ма-
трозскому служаще, науки все перенимал и всех протчих матрозов
в науке превзошел и всем персонам знатным и незнатным верно служил,
которава все возлюбиле и доброе об нем слово говорили, и все воз-
любили и хвално восхваляли и жаловали и слава об нем великая
взыде, яко никоторому матрозу той чести недостойн быти, но паче
в своих науках острых припознася морския глубины, и быстрины, и
пучины, и мелкости, и ветры, и воздухи, и дороги к другим землям и
градам все разумел, за которую науку на кораблях старшим пребывал,
и другие к нему в науки предавались, от чего в славу и в честь
позвались.

[Прош]ение ево в другие грады для лутчей науки

Случися на кораблях указом матроз младших, которых для лутчей
науки за моря || в Галандию отсылать потом на караблях многих ото- а. 2
брали, токмо единого матроза Василия оставили. Видя он, Василей,
себя оставлена, ревность велию возымел к большой галанской науки
и желание непомерное себе восполил; потом нача проситца у всех
жалостно, яко не могли ему припятствовати ни в чем, видя ево все
к себе услужна. Того ради в ево прошении показали к нему милость
и написали в список галанской отпуск и отпустиша с протчими в галан-
скую землю. И тому он весьма был радощен. И как прибыли в Галан-
дию и всех в науку здаша, потом велено им учинить квартиры, то по
ево щастию в галанском граде поставили ево к некоторому купцу,
гостю богатому и славному. И как он пребывал у того гостя богатого
в квартире, вельми себя услужна и послушна вел, яко тому богатому
и славному гостю возлюбился и с ним по морям в другие города со
всякими драгими товары на корабях хождаше для лутчей науки и
[плава]ния научитца. И как со оным гостем ходил и товары с ним
заедин продавал, наишаче щастием ево вельми великая [прибыль] полу-

- л. 2 об. чилась. Того ради он, гость, || счастья все ему поручил товары и веря ему во всем непременно в своей казне, и многократно вместо себя хозяином посылал, то он больше ему прибыли чинил. И во единое время по случаю прилучилось купцам галанским отъехать в Россию с товары, и оной российской матроз Василей написал письмо ко отцу своему о своем прибытии и с ними, купцами, послал денег триста рублей, о которых деньгах писал в письме своем, и потом многое время пребывал в Галандии и желание восприял, чтобы ему самому побывать в России, понеже уже ево братва матрозы все в Россию из учения возвратишася, токмо он един пребывал многое время. И во едино время прииде пред гостя корабельного и нача с ним беседовать за едину компанию и в пришедшей своей беседе много о всем разговор имел. По окончании беседования з гостем выде вон ис полат и унывно себе сердцем распали и мысль себе восприял, как бы видеться с родителями своими. Потом возвратно вниде в полату, и гость ево
- л. 3 видя очень смущенна, [рече] ему: „Друже мой драгий, о чем ты || во един мамент изменился и печален явился?“. Тогда российский матроз Василей рече: „Благоприятный мой господине и благосердный и честный гость купли галанския, вам, моему государю, всю истинну предъявлю нескрытно, ино во мне великая печаль вселилась в сердце мое о родителях своих, что с ними давно не видался и известия никакова не слышу, а ныне мне очень во ум мой вниде мнение, что они, мои родители, яко помышляю, не живы. О том вас, моего государя, милости прошу пожаловать меня учинить свободна от себя из Галандии, яко да вижду родители моя и с ними свидания получю и от них благославление восприму, потом к вам, моему государю, обратно возвращусь и верно вам отслужю“. Сия словеса гость слышев, и против того ему рече: „Милый мой друже и добродетель верный и во всем надежный, не милы мне твои словеса. Отъезд твой мне скорбь приключает от жалости. Пожалуй, послушай, не езд. Видишь ты сам — у меня никово
- л. 3 об. не имеется сродственников, яко тебя имею за родственника, || имению тебя оставляю наследника“. Тогда российский матроз Василей рече: „Господине мой, гостю купли галанския, ежели мне по своему нынешнему желающеюся мыслию не исполнить, то мне от нестерпимой своей печали едва можно живу быть. Токмо едино у вас прошу пожаловать меня свободна учинить и свое намерение исполнить, и то, что вам прежде рек, исполню возвращение“. И гость галански от жалости по нем от слез не мог удержатца. Рече ему: „Милый мой и прилучший друже, вельми мне о тебе жалостно, вижду я тебя в своем желании неотменна и от себя отлучна. Прошу, не забуди ко мне возвращение учинить“. И рече ему гость: „Управи боже тебе путь шествовать во всяком счастье и благополучии“.

Какое поехал из Галандии в Россию

- И даде ему гость три корабля с разными дорогильными вещами и отпусти ево с великой честью из Галандии. И оной российский матроз нашел к себе на корабли работных людей довольно, сколько ему надлежало, и пошел морем из Галандии. Однако ж имел размышление
- л. 4 некоторое || в себе о приключаящейся некоторой невзгоде, яко своим сердцем вещим припознася. Един в корабле от всех отлучися, где ево драгия вещи лежаше, взяв 300 золотых червонных и зашил в тайное место в одеяние свое для всякой приключаящейся нужды себе во опасение, и потом идоша морем на кораблях.

Како на море приключилось нещастие

По отъезде из Галандии минувшем пятому дни восставшу на море великому ветру дышущу, яко всему морю изо дна с песком мешатися и кораблям от волн морских поколебатися и всем на кораблях живущим от страха вне ум бывшу, и падоша, яко мертвы. И еще больше югу возвеюшу, что вси три корабли не могли спасатися, но разбишася, и люди работныя истопоша. Токмо оной российской матроз Василей на едину широкую карабельную доску впаде, за которую руками своима крепко ухватился, и призываше бога себе во спасение, дабы от потопления избавитися. И божиею помощию принесло ево к некоторому великому острову, на котором || великий лес имеетъца, и не л. 4 об. проходимо никуда. Тогда российской матроз Василей седяше на берегу острова еще мало в уме от страха и седяше многое время, по коих пор ум ево собрася.

О пребывании ево во острове морском и как в руки разбойникам впаде и поставлен от них атаманом и как от них избавился и прекрасную королеву Ираклию от них уведе

Седяше на том пустом острове, нача горко плакати о своем приключющемся несщастии. Однако ж разсуждаше своєю мыслию о том, что божею милостию избавлен от потопления морского, и по том размышлении отложи от себе всякое попечение и начаша богу благодарение возсылати, яко его жива избави. И потом в том острове на брегу стояще и размышляше, куды бы итьтить, и походяше возле брегу обзираяся, яко не можаху того острова познати, понеже хотя и матрос и много шествовал по морям и по островом, а на сем острове в первый случай. Искаше, где б куды выттить, для того великой на том острове мшарник и лес частый, ни малой тропинки не обреташе. И хождаяше многое время, пришло, что и от гладу [смерти] ождати, и по хождении обрел тропинку невелику, || от брегу пошла в лес частой, и остановился л. 5 на ней, размышлял, какая тропинка, и опасение имеяше по ней итьтить, чтоб куды не зайтить... Однако ж упование на бога возложил и пошел тем местом, куда та тропинка пошла, и шол тою тропинкою частым лесом от брегу 40 поприщ и пришел к великому буяраку. И в том буяраке двор великой высоким тыном огорожен, и строения в том дворе много. И пришел к воротам того двора, размышлял, что какия в нем люди живут, також и о том великое сомнение имел, что недобрые люди обретаются, и ежели сказатца добрым человеком, помышлял убиту быть. Потом во мнение взял, что сказатца разбойником. И слышал в том дворе великой шум и нача в ворота стучать, то ис того двора разбойники выбегоша к нему и вопросиша его, что за человек и откуда. Он же им отвеща, яко разбойник един во острове живяше и добычу себе един получаше, то те разбойники взяша ево на двор к себе и привели в светлицу к своему главному атаману и сказаша об нем, что он разбойник и желает у них жить. И атаман вопроси ево, сколько [лет] на нашем острове живет? Он же им [рече]: || „Три года“. И они дившася, что ево во острове по сех пор не видали. л. 5 об. И видя ево молодца возрастом, зрачна, лицом прекрасна, в словах борза зело, быша ему радошны и накормиша его пищама добрыми и прияша его щестию. И поутру на заре прибежал эсаул разбойнический и говорит атаману: „Изволь, господин атаман, из молодцов отправлять

на добычу, понеже по морю идут многие корабли купецкие“. И тогда атаман крикнул громким гласом: „молодцы удалые, во фронт!“ . То все разбойники оружие побраша и во фронт вступаша, а российской матроз Василей не вступя, стояше особливо без оружия. Тогда все разбойники атаману глаголаше: „Господине атаман, что сей наш новопринимной удалой молодец с нами не во фронт?“ . Тогда атаман велел оружие ему выдать и во фронт вступить. И он, российский матроз, рече: „Господин атаман молодец, прошу, пожалуй меня, одного уволь, понеже я в артели не обыкл разбивать, токмо добычу един навыкл добывать“. Тогда атаман и все разбойники дали ему на волю, понеже он того желал, чтоб с ними в разбойнической артели не быть, опасаясь || того, егда б смертное убивство ему не учинить и пред богом грех смертельный не понести, их не раздражить, что тому не искусен быти, обыкности разбойнической, кроме матросской. И егда в кругу во фронт разбойники все стоят, тогда атаман около всех три раза обошел вокруг, шепташе губами заговор, и потом отпускаше на добычу, а российский матроз един пошел своею дорогою на промысел, не на такой, чтоб разбивать, но себе искать путь, как бы от них без всякого греха и во здравии уйтить. И пришел к берегу морскому и смотряше на море и никого не видеше, ктб ево из острова вывез. И нача о том горко рыдати. С плачем и от печали великия леже под кустом и уснул крепко, яко ему спати до самого вечера, и проснулся от сна и виде, что вечер, и мысляше, как им, разбойникам, появится не с чим, что добычи никакой не получил, а от них не ушел, и вынул из своего пращя, что в бытность на корабле зашил 300 червонных, и от тех 100 червонных вынул и пошел к ним, и пришед, положил пред атаманом и рече: „Господине атаману, что только добычи“. И они подивившася ево добычи, которую || приняли, и ево благодарили. И на утро також эсаул прибежал осмотря и возвестил атаману, что по морю идут корабли, то атаман всем повеле вступить во фронт со оружием и обошел трижды, отпустил на добычу, а российский матроз един по их изволению пошел. И прииде на то же место, где был прошедшего дня, и смотрел, ктб бы ево вывез. Токмо нашел великого зверя пардуса, от которого насилиу ушел. И бысть своего разбойнического двора в густых кустах, лег отдыхать, так же до вечера проспал, и вечеру прииде и последние свои ис плащя вынул 200 златых червонных, которые принесе пред атамана и положи, что будто добыл на разбое. И тому все дивившася, яко на промысле щастлив. И потом разбойники, все вкупе собрашася, между собою начаша думати об нем и в разговорах своих говорили тако: „Сем мы, братьцы молодцы, сего новаго пришедшаго к нам поставим себе ево атаманом, понеже можно признать, что он человек умной и к добыче щастлив. Також, повидимому, знать можно, что и не прост собою, которой может всю атаманскую

л. б об. должность снести || и все отправить. А что ныне у нас атаман не искусен, за то ево переменим“. И все разбойники единодушно о том тщание восприяша и желание единое. И по тех разговорах все к нему, российскому матросу, приступаша, и начаша единогласно ево просить, чтоб он был у них атаманом. И оной российской матроз нача им говорить: „Удалые молодцы, пожалуйста, оставте меня, понеже оной должности мне не снести, и тому я не искусен быти атаманом, понеже я и большего в себе разума против людей умных не имею и вашей должности не исправлю за оскудением ума моего“. И те разбойники, яко звери лютые, на него зинуша: „Мы тебя в честь хотим произвесть, а ты нам не послушен, и сими отговорки не отговорища. Хотя какия

л. 7 должность снести || и все отправить. А что ныне у нас атаман не искусен, за то ево переменим“. И все разбойники единодушно о том тщание восприяша и желание единое. И по тех разговорах все к нему, российскому матросу, приступаша, и начаша единогласно ево просить, чтоб он был у них атаманом. И оной российской матроз нача им говорить: „Удалые молодцы, пожалуйста, оставте меня, понеже оной должности мне не снести, и тому я не искусен быти атаманом, понеже я и большего в себе разума против людей умных не имею и вашей должности не исправлю за оскудением ума моего“. И те разбойники, яко звери лютые, на него зинуша: „Мы тебя в честь хотим произвесть, а ты нам не послушен, и сими отговорки не отговорища. Хотя какия

отговорки будешь перед нами говорить, мы тебя не слушаем, изволи быть у нас атаманом, сего часу смерти тебе предадим за ослушание“. Он же того убоялся напрасныя смерти и рече им: „Господа мои, удалые молодцы, буди воля ваша... и со мною я вам готов служить... вашей волю исполнять, токмо вы будьте мне послушны“. || И они ему л. 7 об. рекоша с радостью: „Мы тебе во всем будем послушны без всякого сопротивления и служить верно“. И потом вси разбойники быша радостны, что он поставляется у них атаманом. И собранием вкупе разбойники приидоша к атаману, где он обретаетьца, и начаша ему глаголати: „Господине атаман, сего дня мы вси вкупе ревность возымели такую, что тебя переменить из атаманов, а поставили мы новаго атамана, пришедшаго молодца Василия, которой той чести достоин, а вы извольте из атаманов быть наряду с нами“. Тогда бывший атаман воста из своего места перед ними и рече: „Господа мои, молодцы удалые, я не спорю, буди по воли вашей. Я же и с вами в ряду готов верно служить“. И рече к ним: „Извольте принять“. Тогда вси разбойники собранием рекоша к ним: „Господа атаманы, извольте между собою один с рук отдавать, а другой принимать“. И потом || оба ата- л. 8 маны пошли по чюланам и по погребам и по омшеникам, и вси разбойники за ними смотревше, как они, атаманы, ходят. И как уже оным атаманы все приходили, чюланы и погребы и всю казну старой атаман с рук новому и здал и между собою поцеловалися и поклонились и старой атаман пошел к разбойникам вряд, а новой сел на стул, тогда приступиша вси разбойники к нему и начаша ниско кланятьца и глаголаше ему: „Здравствуй, наш государь, атаман-молодец, буди к нам милостив“. Тогда и он им ниско поклон отдал, и начаша пити и веселитися, поздравляюще новому атаману.

О содержащей у них, разбойников, девице,
прекрасной королевне Флоренской

По веселении и по поздравлении глаголюще вси разбойники к новому атаману: „Господин наш, честный атаман-молодец, изволь с нами итьтити до укромного места и принять наше тайное и драгое сокровище“. И атаман || Василей встал и пошел, и приведоша [его] к некото- л. 8 об. рому крепко каменну омшенику. И тот омшеник крепко заперт замками. И глаголюще атаману: „Вот тебе от сего омшеника ключи, токмо прости, не изволь в сей омшеник без нас ходить, а что в сем амшенике, то вам объявим опосле. Нынешнею порою объявить не можно, а ежели сведаем, господин атаман, что после нас один пойдешь, то тебе жива не оставим“. Тогда он, российский матроз, новой их атаман, рече: „Господа молодцы, что мне одному ходить без вашего приказу. Уже вы мне можете верить, что все передаете на руки“. И они рекоша единогласно: „Вам верим без опасения и полагаемся во всякой надежде“. И в той час от моря эсаул прибежал возвещать, что морем корабли плывут, и поздравил новому атаману, и рече эсаул: „Господин атаман-молодец, изволь отправлять молодцов на добычу“. Тогда Василей матроз, а их атаман, являя им себя остра, громким гласом воскрича: „Всем во фронт“. || То разбойники со оружием все сташа во фронт л. 9 он, атаман новый, являя себе притворно, яко будто от некоего волшебия знамение, окала их всех, привяза к себе два замка, три раза обежа скоро, будто заговаривая. И они между собой глаголаша: „То атаман добрый, достоин, что нас так крепко заговаривает з замками, яко нас стрелы и протчее оружие не вредит, не так, как прежней

атаман, не смысля ничего“. И потом вина им даде по ковшу, и они и пуще начаша хвалити атамана и поехали на добычу. Он же, атаман Василей, размышляше о том омшенике заповедном и хотяше уведомити, что в нем есть, и бояшся, что они ево ходу не познали. Однако ж отложи тот страх, прииде ко омшенику и отпер, двери отвори, и в том омшенике очень светло, понеже от верху окошки приведены. И как дверь отворив, и виде сядящу девицу вельми прекрасну и плачущуюся. И такой прекрасной красоты не видаше и от той красоты не мог, почитай, и стоять, и вопроси он ее: „Государыня прекрасная девица, скажи мне, не утай, какова ты || роду и как здесь обретаешься, и сколь давно, и которого граду или царства?“. Она же паде ему в ноги и не вставая рыдаше горко. Он же, атаман, рече: „Дорогая моя и прекрасная девица, престани от своих слез и востани и скажи мне всю свою истинну. Аз и сам здесь обретаюсь под неволею. Пожалуй, без всякого сомнения мне поведай“. Она же, прекрасная девица, воста от падения своего и ста пред ним тихо и кротко, руки имеяше согбенны, въздыхая от утробы сердца своего, яко и ему, атаману, зрящу на ню, прослезитися. Она же рече к нему тако: „Преизрядный и доброй молодец и милостивы мой государь, изволите меня спрашивать, аз вам, государю моему, без всякого моего утаения всю истину и подробно приключышаяся мне напасти вам, государю моему, открываю. Изволь, государь мой, странная меня девицы послушать“. И нача поведати: „Аз девица королевства Флоренского, короля дщерь единоутробная. У отца своего была в великой чести и в неге, яко меня нежил, что и пороху не даде на мя пасти, и любил меня паче меры. Також и л. 10 об. матери || моя не могла на мя насмотретца, и много всегда увеселялась. Только я у них едино детище. А приключишаяся сия напасть на мя такая, вам поведаю, государю моему. Придоша морем под наше владение корабли с разными драгими товары и славно куплю деяху, яко таким товаром все наши флоренские министры удивишся. А я имела охоту в гулянии на барках ездить у пристанища морского, и как я гуляла и приплывши к тем купецким караблям и ходила с пажами по караблем и смотрела товары. И в те поры нападаша оныя разбойники и корабли разбиша и купецких людей множество побиша, тако же и пажей, которыя были со мною, в море побрасаша. Меня едину в полон взяша и приведоша в сей остров, и содержуся у них уже тому второй год. И между ими, разбойники, великие прения о мне состоит, понеже за мою красоту всякой хочет поняти за себя в жену, и от того прения хотят меня умертвить, чтоб я никому не досталась, и уже б я, л. 10 об. государь мой, доброй молодец, рада || своему концу, чтоб они мне едино решение учинили, нежели живот мой так мучила. Я уже и сама жизни своей отчаяла“. И по окончании ее речей, все подробно выслуша, и рече ей матрос Василей: „Премного изрядная и дражайшая государыня моя, прекрасная кролевна, не бойся, моя государыня, и не сомневайся. Я вам донесу: ежели бог подаст нам здравия, я тебе не оставлю, и в той надежде изволь пребывать, что отселева как нам избавитца, о том буду способы искать“.

И о том девица вельми порадовалась. И рече девица: „О, возлюбленный мой доброй молодец, радость души моя“. И с той радости целова ево во уста. И пиши он ей подаде довольно и заповеда ей ничево им не говорити, також, что он будто не бывал у ней. И по беседе поцеловал ее, и в надежде оставя, запер попржнему омшеник той, а сам пошел к морю. И бывши на берегу моря, и такое счастье получил: от цесарскаго острова два судна, а на них рыболовы рыбу

ловят. Он же, их призвав к себе и просил, чтоб они ево отвезли на остров тот. Токмо ему жаль той девицы оставить, || и приговорил их, л. 11 чтоб чрез три дни тут были, и обещаваая им дать казны довольно. Они ж ему слово дали правдивсе, что быть. И от них возвратися в дом. И немного помедля, приехали разбойники з добычи и много казны привезоша с собою. И тако ему кланяхуся и благодаряше, что им щастие в добычи получилось, казну свою всю склали и начаша веселитися и кушать. По обеде наклаша великое блюдо всяких еств и глаголаше: „Господин атаман, изволь с нами итьтить, и покажем тебе некоторую вещь“. Тогда атаман с ними пошол. И приведоша в ускор двора ко омшанику и повелели атаману двери отпереть. И как дверь отперли, тогда вси глаголаше: „Изволь, господин атаман, оной девице сие кушанье подать“. Он же отвратился от нея, яко будто не любя женскаго взору, подаде ей. Тогда разбойники рекоша между себя: „Видеста ли, яко атаман наш не любит женскаго взору, не как первый бывший атаман, видение на нее распространяше. Сей наш атаман верен во в[сем]“. || Потом двери у того амшаника попережнему замкнуша и л. 11 об. пришедше нача веселитися. Потом Василей атаман рече разбойникам: „Молодцы удалые, послушайте меня, извольте казну свою в разные сумы класть, понеже как жалование вам давать, так и с той сумы будет отправлять, понеже у вас без разбору злато и серебро и драгие камене смешано“. Тогда то слово всем полюбилися и начаша отправляти и раскладоша по разным сумам. Також велел приготовить коня, на чем для будто от скуки повеселитца в езде. И то оныя со всею збруею управиша. И по утру эсаул от моря прибежал, возвестил, чтоб в добычу отправлены были, которых и отправил в промысел.

О ух̄ождении ево, матроса, от разбойников и з собою уведшем прекрасной королевны Ираклии и о пребывании в Цесарии

Как тех разбойников в добычу отправил, то ни единого часу не мешкав, сыскавши у них некоторые роспуски, на которых ездят в лес по дрова, то он те роспуски || собрав и лошадь впряг, и которые сумы л. 12 лучия вещи наклады побрал. Потом прииде к омшанику, в котором королевна сидяше, оттомкнул и вшел к ней и рече: „Любезная, моя прекрасная королевна, изволь выходить из своей сей проклятой темницы и убежим от сих проклятых убийц“. Тогда она от радости вскочивши и збралавшись села на те роспуски. И ни часа медля, побежаше к пристанищу, где пристанище рыболовский. И как прибегоша к пристанищу, а рыболовы уже у пристанища, и сложиша в судно сумы з багажом. Потом побежаше морем. И в те поры разбойники приехали з добычи и атамана своего не обрете в доме и пришли к омшанику и видя, что и содержащейся королевны нет, то в погоню вси в разные места разбегошася искати. И к тому месту прибегли, где он с рыболовами уплыл, такмо одни стояще роспуски, на которых он приехал. И видно им с берегу по морю их плывущих. Тогда сыскаша свое судно и начаша по морю гнати. И как блиско к тем рыболовам прибегоша, что уже можно и глас их слышать, то оныя разбойники || л. 12 об. начаша громким гласом кричати з грозами, что возвратить. И оныя рыболовы, услышав глас их, також что быстро на гребках за ними гонящих, от чего убояхуся и возвращения чуть не учинили. Тогда российской матрос Василей останного рыболова, который на корми сидяше, взял и вверг в море, а сам сел на корму и начал грести. И потом восташе

погода, они же парус подыше, и оные главные разбойники не можаше достигнути, вотще возвращение учинили. И оной российской матрос к пристанищу острова цесарского прибегоша и вышел на остров и даде рыболовам едину суму с серебром, которую они, рыболовы, взяша и ево благодарюша. И он, российской матрос, взял прекрасную королеву Ираклию и богаж в сумашах и нанял лехкое судно до Цесарии и поехал в Цесарию. И как прибыл в Цесарию, зело был радощен, что божию помощью здрав от них, разбойников, утече.

И прибывши в Цесарею, нанял некоторый дом преогромный, всякими украшениями украшен, и нача пребывать. Також к себе нанял хороших || молодых во услужение и х королевне девиц прекрасных. И славно живше и платья поделая всем наемным тем служителем, яко прятчи всех цесарских жителей. И в некоторую пору прилучися праздник, то он вельми платье себе зрядив, что ни цесарь такого украшения не видал и служителей своих так украсил, что от парчи золотой кафтаны поделал и камнем искладены, что лучи великие сияют. И приехал к церкви их и стал во едином месте у правой стороны. И в те поры приехал цесарь, и как вошел в церковь и видя ево, российского матроза, стоящаго, зело вострепетал сердцем своим, мняше некоторого из другого царства царицы, или королевича, или посланника. Призвав к себе своего каморгера и велел спросить, кто таков приезжей. И коморгер подошел к российскому матрозу и рече: „Премилосердный государь, доброй молодец, прислал к вашему сиятельству наш государь великий цесарь и приказал спросить, кто вы, государь, таковой || и откуда или которой земли самодержавец, или разыдент“. Тогда рече российский матроз: „Господин каморгер, изволь донести своему великому государю цесарю обо мне, что я ни царь, ни король, ни розыдент. Я человек простой, токмо езжу по всем градам, а слыву российским матрозом“. И он, каморгер, подошел и все те речи цесарскому величеству объявил. И как служба церковная прошла, тогда цесарь просил сам российского матроза к себе во дворец. Он же ему поклон отдаде и рече: „Честный великий государь цесарь, буду, государь, и вам поклон свой должный отдам“. И цесарь поехал во дворец, а он, российской матроз, прежде ездил в свой дом. И как приехал в свой дом и вошел в полату и рече к прекрасной кралевне: „Любезная моя прекрасная кралевна Ираклия, ныне меня просил сам великий цесарь, чтоб я к нему был во дворец“. Она, королевна, рече: „Свет мой драгий и радость моему сердцу, надобно тебе ехать и цесарю поклон отдать и в нем милость искать, чего того весма надлежит“. ||

Како поехал во дворец к цесарю

Услыша такие слова от прекрасная королевы и убрався вельми, а 14 яко лепо быти великому королю, весь в драгоценном платье, изнизан от камня самых драгих, от которых сияние, яко подобно великим лучам быти, что человеку от очей зрак может отыматца, и своих служащих, которые ездявся за ним, всех вельми украсих, яко подобным министрам быти. И по том украсяся поехал во дворец. И как во дворец приехал, тогда цесарь, увидя приехавшаго российского матроза, с великой радости из своих полат сам вышел и встрел, с радостию в полаты взя и рече: „Друг мой приятный, добрый молодец, благодарствую за твое приятство, что ко мне пожаловал и не оставил моей прозбы“. И также все при нем министры все ему быша радости, а цесарь так был радостен, что пуще и быть не можно.

О разговорах российского матроза с цесарем

И цесарь российского матроза нача подчивать, || сажать с собою за *л. 14 об.* стол, а российский матроз рече: „Государь великий цесарь, мне, государь, недостойно с вашим величеством садитца, понеже не от природнаго ковалерства и знатной фамилии. Достойно мне пред вашим величеством стоять раболепно“. И рече цесарь: „Господине доброй молодец, я тебе рад, хотя бы ты какова звания не был. Изволь со мною садитца“. И посадил неволею и всякими ествы разными почтоша. И как с цесарем сидяше, многие слова в разговорах говорили. Потом цесарь вопросы российского матроза о рождении и о пребывании. Потом же российской матроз цесарю нача о себе поведати всю истину с ясным доказательством, вста из места своего и рече: „Государь великий цесарь, изволь послушать обо мне“. Цесарь сказал: „Изволь сесть и мне поведать“. Потом сяде в стул и нача глаголати: „Я, государь, рожден в российском государстве не от богатаго шляхетства. Отец мой убогой человек, что не имел за скудостию своею дневной пищи, и от той скудости я пошел в матрозы и служил на кораблях || *л. 15* российских многие годы, и было мне от камандоров щастие. Потом для лутчей [науки] отпущен в Галандию и тамо мне и больше щастие было от некоторого галанского купецкаго гостя, яко мне верил вместо себя во всех товарах и во всей казне своей и желал меня наследником учинить всему своему дому. И от него я ходил на кораблях в другие государства с разными товары и прослыл российским матрозом. Потом я восхотел возвратиться в Россию и ведетца с родителями своими, и тот гость отпустил меня в Россию и даде мне 3 карабля, на которых я пошел с наемными людьми. И на море разбиша бурю, и все потопша и люди, токмо я един от потопления избавился, и на остров принесло“. И до того поведал цесарю, что на острове у разбойников был и от них поставлен атаманом, и как содержащую у них прекрасную королевну флоренскую Ираклию обрел, и как от них ушел и королевну с собою увел, и как уже и до его цесарского содержания прибыл и с прекрасною королевною Ираклиею. И оное цесарь выслушав все подробно, очень дивился тому, что многое ево похождение и труды. И рече ему: „Приятной мой доброй молодец, многое твое похождение и достойнее тебя почтить всякому человеку, || *л. 15 об.* а еще тебе будет чести больши от флоренского короля, яко ево дочь ты избавил, а от него, флоренского короля, уже послан адмирал искать, токмо не могут ее сыскать“. И вопросы цесарь: „Пожалуй, скажи мне, доброй молодец, где та королевна?“. Он же рече: „Государь великий, королевна та со мною в твоем государстве, в добром здравии“. И много цесарь разговаривал и назва его, российского матроза, братом и приказал ему дать особливый дворец и от своего дворца все ему кушанье отпущать и министрам своем при нем быть. И приказал ево почитать наипаче себе. И потом цесарь сам к нему почти все дни ездил. А как российский матроз во своем дворце пребывал, то прекрасная королевна Ираклия флоренская забавлялась на арфе и ево учила также играть, которую науку он перенял изрядно, как и она играет. И даде ему королевна завет такой своей волею, что кроме ево за другога в супружество не итить. И жестоко ево своим горячим сердцем любила, яко не могла на него и насмотретца.

О приезде [в] Цесари[ю] из Флоренской земли адмирала, ищущаго пропадшей королевны Ираклии

- л. 16 Во едино время случилось российскому матрозу Василею быть у цесаря во дворце. И сидящим за столом, многие разговоры между собою имели. И в то время у морской пристани учинилась пушечная пальба. То цесарь слышав, послал от себя каморгера и приказал осведомитца, кто прибыл к цесарю. И каморгер немедленно побежал к пристани и подлино осведомился и к цесарю возвратился. И рече каморгер к цесарю: „Государь великий наш цесарь, прибыл в Цесарию из Флоренской земли адмирал для искания пропадшей их королевны“. Тогда цесарь послал ево, каморгера, просить адмирала к себе во дворец. И оной камергер из дворца ездил на пристань и просил того адмирала. И оной прибывшей адмирал во дворец к цесарю приехал. И как у цесаря был, многие разговоры имел. Потом объявляя данный ему лист от короля флоренского о пропадшей их королевне, в котором написано тако: „Аз есмь флоренский кроль Дозберд, послал из Флоренции своего адмирала во все Европии в столичные грады для возлюбленной своей единоутробной дщери, которая в прошлых годех из царства моего некоторыми неприятельскими людьми увезена. И где она моя возлюбленная дщерь || обрящется, то просить тебе, адмиралу, с великой честью, дабы была с честью отдана, понеже уже об ней в великой несносной печали дни своя препровождаю. Аще кто может разсудить, какова родителем по своим детям тяжко, тот может всякую отеческую милость предъявить и возвращение учинить без всякого препятствия. Того ради всепокорно прошю пожаловать, где моя возлюбленная дщерь обретается, для моей печали несносной милосердие показать и возвратно учинить. И тако окончив. Король Дозберд“.
- И как оное пред цесарем прочтено, тогда цесарь рече к брату своему названному, российскому матросу: „Истинно всякому о том грустно“. Потом рече цесарь адмиралу: „Господин адмирал, твоя государыня кралевна обретается здесь, в моем цесарстве, и оную кралевну сей человек, мой названой брат, ее избавил от рук неприятельских“. Тогда адмирал обрадовался и рече российскому матросу: „Государь честный розыдент и брат великого цесаря, пожалуй, прикажи мне уволить показать государыню мою“. Тогда российский матроз рече л. 17 адмиралу: „Господин адмирал, изволь завтра || приезжать ко мне во дворец, то увидишь свою государыню кралевну, а ныне невозможно видеть“. То слышав, адмирал отдаде поклон цесарю и российскому матрозу, поехал на пристань. А российской матроз, посидев у цесаря, поехал в своей дворец. Тогда прекрасная кралевна встретила ево и рече ему: „Государь мой любезный и радость моему сердцу, Василей Иванович, что долго у цесаря был?“. Тогда рече ей Василей: „Любезная моя государыня кралевна, я тебе скажу радостныя слова. От батюшка твоего, короля флоренского, приехал адмирал для тебя и завтра он будет ко мне во дворец и тебе хочет поклон отдать“. Тогда кралевна изменилась из лица и бысть печальна и рече: „Государь мой предражайший и сердцу моему радость, не милы мне твои весты, не желаю того адмирала видеть“. И приказала себе черное платье зделать. И поутру убралась в черное платье, яко старица из монастыря. И приехав поутру адмирал во дворец и возшел в полаты и поклон отдал российскому матрозу. Також, которые при нем были генералы и сенаторы цесарские, всем поклонился. Потом российский матроз его л. 17 об. подчивал и разговор между собою имели. || И по разговорах адмирал

просил видеть свою государыню, то российский матроз вышел из места своего и пришел к прекрасной кралевне в особливую ее полату, где она обреталась, и рече: „Государыня моя, возлюбленная кралевна, адмирал вас желает видеть“. Она же рече: „Не очень мне приятно с ним беседовать, токмо нельзя того миновать. Извольте ево ко мне пустить“. Тогда российский матроз вышел к адмиралу и рече: „Господин адмирал, изволь свою государыню видеть“. И пустил ево к ней в полату. И как вошел адмирал к ней, она же на стуле сядяще печально. И как оной адмирал вошел и стал пред нею раболепно кланятца. И рече адмирал кралевне: „Государыня прекрасная кралевна, здравствуй. Приказал ваш батюшко и матушка донести, что они в добром здравии, токмо об тебе всегда в печалях несносных сокрушаются и чуть живы с печали“. Она же токмо ему промолвила: „Благодарствую, господин адмирал, о возвещении здравия отца моего и матери, а вы разсудите, что мое разлучение невольно“. И потом ничево с ним не говорила. Тогда адмирал вышел от ней и, постояв немного, поехал во дворец к цесарю. И как был у цесаря и просил об отдаче прекрасной кралевны. Тогда цесарь ему, адмиралу, рече: || „Мне в ней воли нет. Как соизво- л. 18 лит брат мой названой. Токмо ее с тобою отпустить невозможно, понеже я отправлю брата своего с нею к вам и дам ему для препровождения людей довольно и своих знатных министров, а вы извольте ехать вперед королю своему возвестить, что она в добром здравии обретается у нас в Цесарии, и донеси, что будет она отправлена с великою от нас честью, и с тем, кто ее избавил от неприятельских рук, понеже ему от короля будет великое воздаяние“.

О умышлении того адмирала

И оной адмирал, выслушав от цесаря, и бысть печален и отдал поклон цесарю и поехал на пристань. И приехавши на пристани, думал, как бы ему обманом увести. И тако шпионски вздумал, что просить российского матроза с прекрасною королевною для провождения и погулять, а их истребить, а ее увести, понеже то мыслил, что король ему обещал, как сыщет, отдать за нево в жену и наследником учинить во всем, для того, что он вдовой. || И мыслив сие, поехал л. 18 об. к российскому матрозу. И как приехал, нача шпионски просить: „Государь великий, цесарской брат, Василей Иванович, доношу вам, государь, что я вас желал видеть своим государем, понеже король наш при старости, а токмо у него оная единая дщерь, государыня наша королевна Ираклия. И то король наш рек такое слово: ежели сыщется дщерь моя возлюбленная Ираклия, хотя каковы ни был человек, токмо в ее меру млад, то отдам в жену и наследником учиню. А вы, милостивый государь, той чести достойны быть, и надеемся мы вам, государю, верно служить. И я в надежде был такой, чтоб вы были со мною отпущены, и о том брата вашего, великого цесаря, просил, но токмо цесарь объявил мне, вас, государя, одного со мною отпустить не желает, а хочет особливо от себя с честью отпустить после меня, а я завтрашное число возвратно один отправляюсь для возвещения такой радости, о чем от нашего короля будет встреча радостная. Того ради вас, государя, покорно прошу завтрашное число ко мне откушать и повеселитца и посмотреть моего отъезду. Пожалуй, государь мой, не оставь прозбы моей. || Прошу со всеми генералами и министрами л. 19 цесарскими, також милости прошу, чтоб и государыня наша кралевна Ираклия пожаловала быть для ради своего батюшка и матушки, и для

того, что и я, старшей адмирал, верно им, государем, служил, и впредь в верности услужить во всем непременно обещаю". Тогда российский матроз, оное выслушав от адмирала, рече ему: „Господин адмирал, готов завтрашняго числа к вам быть и в том вы извольте надежду иметь, что твоей просьбы не оставляю!". Тогда адмирал, поклонясь российскому матросу, яко своему государю, и поехал с великою надеждою на пристань. А как те флоренские афицеры с адмиралом своим завсегда были во дворце у российского матроза, то им от него великая честь имелась быть, и многие им для своей чести и славы давал червонные. И от них, приезжих флоренских афицеров, восприял великую честь и славу, яко такой чести своему адмиралу не воздаваше, и между собою об нем слово говорили доброе и похвальное и нарекали ево милостивым. И как адмирал из дворца от российского матроза прибыл на пристань и призвал своих всех афицеров подкомандующих и отдал

л. 19 об. приказ такова, || чтоб ко утреннему дню были б все ево корабли приправны, також совсем бы все были в поход в готовности, и приказал питья всякова изготовить. И как будет завтра к нему из дворца российской матроз с прекрасной королевною Ираклиею и при них будет множество цесарских министров и генералов, которых приказано поить всяким напиткам допьяна. И чтоб так были пьяны, чтоб сами себя не помнили, а им афицерам своим и другим не крепко пить, а приказал быть опасными: „Чего ради вам отдасться вторительный приказ завтрашняго числа“.

По отъезде адмирала из дворца российского матроза, той российский матроз Василей прииде к прекрасной королевне Ираклии во особливую ее палату, где она з девицами сидела, и рече ей: „Дражайшая моя государыня, прекрасная королевна Ираклия, сего дня приезжал ко мне ваш адмирал и объявил, что завтрашняго дня он отъезжает

л. 20 в ваше отечество и просил, чтобы мы к нему || для такова отъезду были б и с тобою, государынею моею“.

Рече ему прекрасная кралевна Ираклия: „Государь мой любезный и сердцу моему радость и всему моему утешению сладость, драгий, добрый молодец, Василий Иванович, буди воля твоя, государя моего, я тебе не прекословлю. Однако ж вам предъявляю не во гнев, я сумнительна о том, чтоб он, адмирал, чего по-шпионски не учинил, а больше извольте сведома чинить брата вашего, а нашего государя цесаря, что повелит ли тебе к нему без препятствия ехать, понеже того учинить невозможно, что к нему по ево прозбе не быть, для того, что он, адмирал, из отечества нашего едет ко отцу моему и скажет отцу моему о том нашем неприятстве. А больше воля твоя о всем надлежит и о том чинить с воли цесарского величества“.

И потом российский матроз Василей поехал во дворец к цесарю. И как был у цесаря и беседовал с ним, потом ж и то открыв все цесарю, что ево просил адмирал. Потом цесарь рече: „Любезный мой

л. 20 об. брат, надлежит тебе для своей чести быть, о чем он, адмирал, || при бытности своей королю флоренскому оное объявить“. Тогда российской матроз рече: „Государь мой великий цесарь, я вашему величеству объявляю: опасен, чтоб он, адмирал, шпионски чего не учинил над нами“. И цесарь рече: „Любезный мой брат, изволь ехать и с прекрасною королевною без опасения и возми с собою, сколько угодно моих министров и знатных генералов и пажей без сомнения к нему, яко он, адмирал, тебе ничто зло не сотворит“. И побывши во дворце у цесаря и поехал в свой дворец. И приехавши объявил королевне Ираклии все подробно, что цесарь присоветовал ехать для провожде-

ния адмирала флоренского. Рано поутру, на 1-м часу, во дворец к российскому матрозу приехал адмирал и дожидался, как встанет. И как встал оной российской матрос Василей, тогда оной адмирал вошел в полаты и поклонился, яко своему государю, и рече: „Милостивой государь || наш, Василей Иванович, прошу вчерашней моей рабской л. 27 прозбы не оставить“. Тогда российский матрос рече: „Истинно буду и с королевною“. И тот адмирал отдал поклон и поехал с радостью, и приехавши на корабль и нача прибираться с принадлежащим документом, что надобно, и готовить что [для] прибывших гостей. И российский матрос Василей, собравшись со всем дворцом и множеством с ним цесарских министров и генералов и пажей и лакеев, яко всех в прибранстве собралось всякого чина с ним до 2000 человек, и поехал славно на пристань к адмиралу и с прекрасною кралевною Ираклиею флоренской, и с нею, королевною, цесарских дам знатных персон и флерен девиц до 70 лиц. И приехал к нему, адмиралу, словно, которым встреча от него, адмирала флоренского, была вельми изрядно и приятно.

Адмирал флоренский принял честно и в корабль убранной всех забрал и нача прохладатца и питием довольствоваться, и тако уподчевал, что от великого пития все измождаху. Потом адмирал отдал приказ, чтоб парусы || подняв и бежать от цесаря. И оныя, подняв парусы л. 21 об. и отчаливши от берега, и на ту пору воста погода им, флоренска, в пособу, яко единым часом отбежаша от Цесарии до 100 поприщ. А он, адмирал, в корабле с ними для их пагубы прохладящеся, и как отбежав означенное число поприщ, приказал адмирал всех пьяных метать в море. И начаша метать, яко не одинаго оставиша, един российский матрос Василей остался с прекрасною кралевною, и видя такое несчастье, стал адмиралу говорить: „Господин адмирал, неизрядно шутку зашутил и веселие показал, хотя ты на всех изгубил и света лишил, а себе смерти доспел“. Тогда адмирал не яко своему государю раболепно честь воздавше, рыкнув, яко зверь лютый лев, гласом: „Злой сопостат, неприятный и презлы разбойник, яко ты разбойник, бывый разбойник и разбивая по морю карабли и нашу государыню королеву от нас увезе шпионски и хочешь нам быть государем, злой и неприродной человек“. И взя ево за волосы, нача влачити и бить смертельно и бросил за двери к матросам и велел ево бросить в море, а сам остался у королевы || и видя ее упадшу долу от страха. И он ее л. 22 подня, и взя обнаженной мечь, и стал над нею и рече немилостивно: „Государыня королева, живот ли тебе или смерть?“. И королева от страха не может глаголати. Он же, адмирал рече: „Даждь ми ты, королева, такое слово с клятвою от себя, что я сие творил, отцу своему, матере и протчим сего не поведати, а токмо сказать, что взята неприятельскими людьми и продана в Цесарею и как я, адмирал, был в Цесареи и просил у цесаря с честью, токмо цесарь не отдал, а взял з бою. И оное все сказать на мою пользу, а ежели сего не скажете и присланной мне должности мне сейчас не отдать, то сей же час мертву тя учиню. Что, королева, со мною не говоришь, или думаешь, что зло сотворить мне?“. Тогда королева от страху рече адмиралу: „Государь мой, не дай мне, бедной, безвременно умереть, и так я от прежней своей страсти живот свой насадила. Не могу в чюство свое истинное приитить. Вижу свое над собою несчастье, и чего мне миновать не можна. Буди по твоей воли, государя моего, что соизволишь, так и твори“. || Тогда адмирал рече: „Токмо ты, королева, мне дай л. 22 об. верное слово присяжное обо всем не сказывать об моей сей поступке“.

- Она же, королева, даде страха своего ради клятвенное слово, что не поведати никому. Тогда адмирал бысть радостен и нача ея лобзати и с нею забавлятися. А как он российского матроза Василя бив и за дверь из горницы карабельной выкинул и велел своим матросам ево кинуть в море, тогда ево матросы взяша в кают корабельной и думали ево в море бросить по приказу адмиральскому. Токмо вспомянули об нем, что он в Цесарии был к ним милостив и много давал им червонных и сожалели об нем напрасно погубить. Токмо опасны были адмирала и недомышляху, какую ему способу учинить. А он ко всем им припадаху у ног и милости и способу о спасении своем просил слезно. И как прилучися им плыть блиско малого некоего островка, на нем же бе кусты ракитовые великия, густыя. Они же, матрозы флоренския, то усмотря, сыскали в корабле судно маленькое, называемы челночик, ||
- л. 23 яко одному человеку вместитись, и взявши ево, российского матроза, блиско того островка посадили в тот челночек и даша ему некоторую малую лопатку, чтоб ему можно перегрести к островку, и рекоша ему: „Государь наш милостивый, российской матроз и брат царев, прости и не помяни нашей к себе злобы, понеже не от нас сие над тобою такое несчастье учинилось, и прости нас“. И пустили, а сами на корабле поплыли. И сказали адмиралу, что на него навязав пушечное ядро и потопили в море. И адмирал в той надежде остался, что ево жива не оставели, и быст радостен и матросам и афицерам своим даде всякого поила довольство, и веселились во все путешествие. А российской матроз Василей в малом чолночку доплыл до островка и сел в густых кустах. А как они ево в чолнок посадили, даша ему три хлеба на пропитание, и он, российской матроз, взял те хлебы выложил
- л. 23 об. на остров и челнок вытащил и нача на том острове пребывать. || Сяду ему на острове, российскому матрозу Василю и плачущуся горко, неутешно и держателя господна на помощь призывающе, сиде глаголя: „Господи, боже милостивый и щедрый ты, господи, заблудших спасаеши и от напасти избавляеши. Аз есмь грешный и недостойный и во всех грехах повинны и несть достойны до добрих дел, и не смею во грехах своих возрети на высоту небесную, но ты, господи, не хощеши погубити человека, но всякого желаеши спасти и на истинны путь наставити. Помилуй мя, яко немощен есмь, исцели мя, господи, от напасти сея, извести мя от непроходных сих мест, яко пресельник и раб твой есмь и на ты уповаю. Буди, господи, воля твоя надо мною“. Сия ему глаголящу, внезапно предста в видении ему старый муж, сединами украшен. Егда ему видети, бысть он, российской матроз, прирашен. И рече той старый муж к нему: „Что, человекче, скорбиши, о чем
- л. 24 печалишся? Возверзи на господна печаль твою, || яко той спасет тя от печали твоей. Куда твое намерение? В которую страну извести тя, в Цесарию или во Флоренцию?“. Он же рече: „Господине мой, кто еси ты таков избавитель мой явился? Повеждь ми“. Он же отвещав, старый муж, к нему: „Аз есмь раб божий, хожду по морям, заблудших извожду, помощи подаю“. Рече российской матроз: „Господине мой, желание имеется быть во Флоренции“. Тогда он, старый муж, взя малое судно и посади российского матроза в то малое судно, а сам он, сидя на корме с веслом, нача грести, таково быстро побеже морем, яко быстрее облака поднебснаго. И во един час прибегоша на пристань Флоренскаго королевства. Тогда он, старый муж, рече: „Перейди в королевство“. Он же, российской матроз, хотя с себя дати платье доброе, в котором был в Цесарии убран вельми изрядно, что весь в позументах, с камением бриллиантовым и искрами алмазными. И он,

старый муж, в тот час невидим бысть. Тогда российской матрос Василей, не зная, что делать, понеже мысляше в себе как итьтити во град, || что на нем платье доброе, во оном признатен явится, и желаше, где б л. 24 об. такое ветхое сыскать платье. И виде некотораго неимущаго старика нищего, бе на нем платье очень ветхое, все исплачено. Он же, российской матрос, у старога прося платья худое, а свое отдаше. Тогда той старик рече: „Добрый господине, не надлежит тебе старому человеку смеяться. Лутче б тебе мне сотворить милостыню“. То российской матроз, видя старога не дающа з себя платья, взяв ево и насильно повалил и снял с него худое платье, а с себя сняв, отдал ему, а худое надел на себя. А старик, подхвата ево платье, нача бежати. Також и российской матроз от него начаша бежати, чтоб за ним старой не бежал с платьем, да не признатен будет во флорендском королевстве. И прииде российской матрос в столичной королевской град, идеж король Дозберд флоренский пребывает. Егда российской матроз Василей пришел в тот град, то никто ево не познал, мняху тутошнаго жителя || нищаго, понеже он, российской матрос, вельмо твердо их флоренский л. 25 язык знал и все разговоры их, а перенял язык, как был в Цесарии, от прекрасной кралевны Ираклии флоренские. И прииде близ дворца королевскаго и не знаша, где бы себе пристанище учинить, а недалече того дворца невелика келейка, против дворцоваго ходу пригорожены сени невелички. Он же, российской матроз, нача у той келейки стучатца, и вышла к нему старушка очень стара. Он же флоренским языком нача у ней проситца, чтоб ево она к себе до времени пустила пожить. Она ж, старая старуха, многократно отрицашея, не хотяху к себе пустить. Потом, видя ево прискорбна в печали, и пусти. Он же у нея живяше с того числа месяц до прибытия адмирала флоренского из Цесарии с прекрасною кралевной, а живяше у старухи, вельми ей служаше, воду нося и дрова секи и работаше на стороне для добытия себе пищи || промыслом, чинил от своей работы довольство пищи, л. 25 об. от чего той старухе покормка неоскудная от него получалась, и вельми она ему была рада. Да при нем же была королевнина Ираклии собственная золотая арфа, на которой она в бытность в Цесарии учила играть. Егда же людей не прилучится, то он един седяше забавы чинил в ту арфу, монаветы наигрывал, а наипаче играл цесарский мановет, в которой наигрывал разлучение с нею от проклятого, шпионского адмирала. Як начнет играть, то вельми жалостно, что слезы из очей ево капляше, воспоминая прекрасною и любезною королевну. Да и то преудивительно поведать, что как играл ему, российскому матросу, то и тая старая старушка плакаше под ево игру.

По пришествии месяца прибыл адмирал из Цесарии в Флоренское королевство. И как прибыл к пристани, нача ис пушек стрелять, потом афицера || в скорости к королю во дворец послал с радостным изве- л. 26 стием, что прекрасную любезную дщерь привезе. И как оной афицер короля возвести, то король Дозберд слышав бысть радостен и приказал берлин закладовать. А скоро побеже сам король и с королевою шли прежде берлина. Уже с поспешением на дороге догнаше з берлином, в которой король сел и с королевою женою своею и приехав к пристани. И вышел адмирал встречать и кланялся королю. И рече адмирал: „Государь великий наш, король Дозберд, с государынею нашею, здравствуй с радостию, понеже дочь ваша Ираклия мною сыскана в добром здравии“. Потом вышла дочь их, прекрасная королевна Ираклия, ис корабля в черном, лицом печальна и поклонилась отцу и матери своей и ничто же глаголях, токмо въздыхая сердечно. Тогда

- король рече к дочери своей: „Что, моя любезная, унывно и печально
 л. 26 об. и ничево не говоришь? Надобно тебе веселитца, || что в свое отечество
 прибыла, или что мыслишь печально, нам поведай“. Она же рече:
 „Государь мой батюшко, печаль во мне несносная, о котором болю
 своим сердцем“. И рече королева ко отцу своему виршелом что:
 „Во мне печаль такая: был при мне драгий камень, от которого вели-
 кой свет себе имела не токмо что во дни, а наипаче в нощи, чем
 всегда имела забаву, все мое было счастье происходило. И тот камень драгий,
 едучи ис Цесарии, в море утопила“. Сие изглаголав, королева сама
 вся слезами залилась. Тогда король флоренской, отец ее, рече: „Дщерь
 моя любезная, хотя ты тот камень утратила, могу я тот камень в дру-
 гих государствах сыскать. То все наживное, и плачешь и сокрушаешь
 себя напрасно, от неразумия своего, яко тебе поставят, отринная,
 л. 27 люди неразумною, что в тебе || первой случай безумие явилось“. Сие
 король рек, невыразумел дщере своей скрытныя словеса. И королева
 уже больше ничего не рекла. Токмо шпионский адмирал нача тщесла-
 вие объявлять, рече королю: „Государь наш, великий король флорен-
 ской, вашему королевскому величеству доношу. Как я преплыл в Цеса-
 рию и вашу прекрасную королеву обрел у цесаря и просил с честию,
 токмо к тому цесарь не склонялся и честию не отдал, и я обманом
 взял таким образом: некоторую от цесарского двора даму упросил
 втайне, чтоб королеву ко мне для будто свидания привела б, и она
 дама по моей прозбе учинила и королеву ко мне привела, которую
 я взял честно в корабль и побежал по морю от пристани цесарской.
 И была за мною великая погоня, которая догнав учинила со мною
 л. 27 об. баталию великую. И я, ваш адмирал, так храбро поступил || что карабли
 все испробил и в море цесарских людей много потопил, и со всею
 сохранностию ныне прибыл к вашему величеству, и поздравляю вашему
 величеству“. И по окончании адмиральных речей король ему благода-
 рил с почтением великим и поехал с пристани во дворец. И приехав
 во дворец, бысть великая радость и веселье, и по том веселии учини-
 лась пальба во все судки безумолку.
- И по том веселии оный адмирал возымел смелость пред королем
 и рече: „Государь великий наш, король флоренский, милости прошю,
 о чем мое было тцдание и побуждение, и вы изволили обещать мило-
 стивым своим королевским словом, егда как королеву сыщу, оную
 получить мне в супружество“. Тогда король рече: „Мое слово непре-
 менно“. И встал из своего королевскаго места и адмиралу даде руку
 л. 28 и пред всеми министры громко рече объявление: „Господа || министры,
 сего адмирала поставляю вам главнейшаго место себя и отдаю дочь
 свою, прекрасную королеву Ираклию, за службы ево в стране избрал
 место себя наследника, которому быть надлежащим после меня короля“.
 Тогда вси министры, слышав от короля, и рекоша: „Готовы по вашему
 королевскому приказу слушать и почитать“. Тогда король приде
 ко дщери своей, прекрасной Ираклии, и рече ей: „Государыня моя,
 любезная дочь, оставь свою печаль о потопленном драгом камне. Уже
 тебе того печалю не получить, а себе напрасно сокрушаешь безвре-
 менно. Я вам, государыня, донесу: сего дня слово дал своему возлюб-
 ленному адмиралу, что тебе за него выдать в жену и наследником
 для своей старости учинить желаю“. Тогда королева рече: „За волю
 твою, государя моего батюшки, готова. Однако милосердия твоего
 отеческаго прошю покорно, пожалуй не принуждай меня в скорости
 л. 28 об. замужества за сего адмирала, почеже моего намерения еще || не имеется,

а когда мое время будет, то с радостию готова. Токмо еще ныне о том оставления прошю". Егда король слышав сие от дщери своей, прекрасной Ираклии, разгневавшись на нее великим гневом и рече: „Окаянная, тебя просил честию, ты мою прозбу оставляешь. Знатно ты, проклятая, не отеческого рождения и признаваю тебя, проклятую, в бытность в Цесарии свое отечество порудила и заповедь преступила. Буди, проклятая, завтрашнего числа ко браку готова, понеже, не взирая на твои отговорки завтрашнего числа отдам замуж за своего адмирала возлюбленого, за его мне верныя службы и великия услуги". Сия рек король и пошел от тоя королевны, ис полаты. И королевна великую на себя возложи тягость и печаль сердцу своему, понеже что сие ей неугодно и нача горко плакати и вошла в свою спальную камору и сядяще на своей кровати, непрестанно въздыхая и слезы проливая. || А король флоренский веселяся и рече король адмиралу, л. 29 своему нареченному зятю, чтоб готов был х браку, и адмирал нача убираться в надежде. И как день наста, то адмирал, убравшись со всем принадлежащим, и поехал к кирки, и прислал пажа х королю, чтоб немедленно королевну везли. И король флоренский повеле убирать цуки и берлины и дам довольство и девиц. И прииде король к дочери своей, где она сидит, обрете ея печальну и в лице изменну, и в черном одеянии. Рече ей король: „Королевна, дочь моя, почто ты мои слова отеческия оставила и непослушна? Или вправду ты сие восприяла дурость, что меня не слушаеш, отца своего?". Також и мать ее, королевнина, пришла. И король, отец ее, и мать, оба рекоша, что оставила свою печаль. Она же ничего не рекла, токмо жестоко пред ними плачет. Тогда король с великим гневом ополчился и велел с ней черное платье сымать и убирать в драгое королевское платье. Она ж не дала с себя снимать и легла на землю || и омертве, что никак не л. 29 об. можно снять. Тогда король бив ее многократно и велел вести в берлин во всем черном платье. Тогда пажи и лакеи, подхватя оную королевну и посадили в берлин. И с нею девиц и дам довольство отпустили до кирки в разных берлинах, а с нею в берлине только три девицы флерины честнаго лица и поехали к кирки и с королевною Ираклиею прекрасною. И как прилучилося королевне ехать принадлежащим путем к кирки в супружество адмиралу мимо той самой близости кельши, где он, российский матрос Василей, пребывал у богаделенной старушки, и как он увидел, что королевну везут, тогда взя ея любезную арфу, в которую она играла, нача на арфе громко играть мановет жалосной, яко и самому унывну от того быты. И королевна Ираклия услышав и велела остановитца и слушала и по том припозналась, что ее возлюбленной, российской матрос Василей, играет, и возрадовалась своим сердцем и послаша девицу. || И как девида отворя двери, он же ей рекл л. 30 скверно, от чего девка побежаша и королевне сказала. Королевна же не утерпя, сама из берлина выскочив, и побежала в келию, и усмотря российского матроза и узнав, кинулась на выю ево и рече: „О возлюбленный мой дражайший и радость сердцу моему, Василей Иванович, брат цесаря великого, ты или мне приведение тобою являетьца?". И взя его за руку и веде с собою в берлин и рече ко всем пажам и лакеям возвратно ехать во дворец. И оные возвратя поехали во дворец и приехали во дворец. И король флоренский ис палаты выде. Она ж, королевна, из берлина выступя и взя российского матроза за руку и веде в полаты ко отцу рече: „Государь мой батюшко и государыня матушка, ныне моя приде ко мне вся моя радость и вся во мне стала сладость, свой драгии потерянный камень сыскала, тому

- радуюсь сердцем“. Тогда король, зря сие, быть в недоумении, мняше, что их дочь с печали || из ума иступила. И рече король к дочери своей: „Королевна, возлюбленная моя дочь, что сие восприяла, во уме ли своем ты?“. Она же рече: „Истинно, батюшко, во уме своем целом и совершенном. Поведаю, изволь выслушать“. И нача объявлять о шпионском адмиралу все подробно, что он, как она была в содержании у разбойников в пустом острове и как им, российским матрозом, и избавлена и в Цесарию привезена и в чести была, и како он, адмирал, ее нечестию увез и цесарских министров в море побрасал и ее к присяге пригонял с подобострастием. И король, слышав, зело убоися и недоумевахся. И в те поры на пристанищи учинилась пальба великая, приспел цесарь с великим приступом. И от пристани прибежал во дворец ко флоренскому королю генерал цесарской с листом, написанным от цесаря, которой прибежав и королю лист подае, в котором
- л. 37 писано от цесаря тако: || „Королю флоренский, поздравляю вам благополучно пребывать, а нашей прозбы не оставить. Послал к вам от своего войска цесарского и с ними своих министров и сего генерала, подавателя вам листа. Прошу показать к нам милость такую: которой от вас посланной адмирал искать вашей дщери возлюбленной Ираклии, которой приехав к нам честно, а изделал непорядочно. Дочь ваша сыскана была в мое цесарство от российского матроза, которого я возлюбил за ево поостоянство и назвав ево братом. А оной ваш присланной адмирал учинил шпионское, просил вашу дщерь, чтоб ее отпустить с ним к вам. И я того не учинил, а хотел отправить от себя особливо с честью. И для проводов ево, адмирала, по прозбе ево поехали к нему на корабли, и он, шпион, не по должности правящей учинил, всех [в море] моих министров и брата моего изгубил в море и вашу дочь бесчестно взя. Того ради прошу оного своего адмирала, канальского сына, душевредца, за оныя противности учинить кару || всенародную, посадить жива на спиду железную. А ежели того не учинишь, то встану своим войском и возбужу всех европейских королей и раззорю все твое королевство без остатку, и о том не прогневайся, за безумие вашего проклятаго адмирала. И тако остаюсь ваш во услуге“.
- Сия слышав, король флоренской зело убоися и рече к дочери своей: „О, любезная моя дочь, прекрасная королевна Ираклия, елико бо ты не изгубихом и чести б ты лиши“.
- Королевна рече: „О том я, государь батюшко, и сокрушахся безвременно, а вам, государю, за клятвою не смела объявить“. Тогда цесарь послал к кирки 40 человек драбантов вооруженных и приказал стать на карауле, а ему же объявлять. А генерал цесарской познал российского матроза, зело порадовался и рече: „Государь наш, здравствуй“. И все генералы и министры быша радостны о здравии его. И приказа король флоренской столб зделать
- л. 32 каменной || вельми высокой и на нем спиду железную преостру учинить. И послал в кирку по адмирала и велел вести во всем убранстве, как убран был к веселию, и к тому столбу ево приведоша. Тогда он не знаше, что чинить будут. Тогда королевна Ираклия вельми убралась в дорогое цветное платье, и российской матроз Василей убрался ж в королевское платье и вышла к кирки, а адмирал увидел и рече: „Пора, королевна, убратца“. Тогда она рече: „Вот, тебе уготовано, каналия, сей столб за твое проклятое поступление“. Тогда адмирал увидел российского матроза и убоился. И король флоренской велел объявление в народ прочесть. И как прочли, и шпикулятор взя ево за руку и взведе на столп и посадил во всем убранстве на спиду. И после той кары вси возвратишася во дворец. И король вельми был радощен

и нарекл российского матроза зятем и за тем убором учинил супружество, дочь свою || прекрасную королеву, выдал за российского матроза л. 32 об. Василея и нарек ево вместо себя королем флоренским. И как российский матроз Василей совокупися браком с королевною, тогда великое было веселие и пития всякого довольно. И тех цесарских генерала и министров и всех цесарских приезжих великою честью почтиша и дарами драгими обдарих и с честью возвратно к цесарю отпустил. И послал великой подарок к цесарю и писал лист о здравии и о своем пребывании с великим благодарением. И после того начала с веселием и с любовью великою пребывал во флоренском королевстве, и вси ево почитали за старшаго короля. И тесть ево конец житию восприя, по нем наста он, российский матроз, полным королем — Василий, король флоренской. И по погребеню тестя своего, короля флоренскаго, ездил сам в Цесарию для поклонения || брату своему названному и оттудова л. 33 возвратися во флоренское королевство и нача королевствовать. И приживе с прекрасною королевною Ираклию два сына. И пребывал в королевстве флоренском пятьдесят три года, и был ко всем подданным своим благочестив и милосерд. И вси ево прославили великою честью. И поживе оные годы в королевстве и преставися. А всего его житея от рождения, а именно: в матрозы записался двенадцати лет, на караблях служил шесть лет, в Галандии пребывал семь лет, во острове у разбойников два года, в Цесарии год, на королевстве пятьдесят три года, и всего житея его от рождения было восемьдесят один год. Дозде конец истории российского матроза Василия.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОПИСАНИЕ СПИСКОВ ПОВЕСТИ

„ГИСТОРИЯ О РОССИЙСКОМ МАТРОСЕ ВАСИЛИИ КИРИАЦКОМ
И О ПРЕКРАСНОЙ КОРОЛЕВНЕ ИРАКЛИИ ФЛОРЕНСКОЙ ЗЕМЛИ“¹

I. Государственный Исторический музей, собрание И. Е. Забелина, № 187 (229), 4^о, лл. 1—98 (лл. 31—32 и 97—98 чистые), водяной знак бумаги 60—70-х годов XVIII в. Состав: 1) История о российском матросе Василии Кариотском и о прекрасной королеве Ираклии Флоренской земли (лл. 1—30); 2) История о французском князе Петре-Златых Ключей и о неополитанской королеве Магилене (лл. 33—96 об.).

Начало: „В российских Европиях некоторый живяше дворянин, имяше имя ему Иоани по малой фамилии Кариотской“ (л. 2).

Окончание: „И поживе многия лета и с прекрасною королевною Ираклию и потом скончался“ (л. 30).

II. Государственный Исторический музей, № 1283, 4^о, лл. 1—323, водяной знак бумаги второй четверти XVIII в. Состав: 1) Повесть о Францеле Венециане (лл. 1—125 об.); 2) История об Александре российском дворянине (лл. 126—190); 3) История об Арзасе и Размире (лл. 191—208); 4) История об Ипполите и Жулии (лл. 209—260); 5) История о шляхетском сыне (лл. 261—283); 6) Повесть о Василии королевиче Златовласом (лл. 284—299); 7) История о российском матросе Василии Кириатском (лл. 300—323).

Начало: „В российских Европиях некоторый живяше дворянин по малой фамилии Кириатский“ (л. 300).

Окончание: „И поживе многия лета и с прекрасною королевною Ираклию и потом скончался“ (л. 323).

¹ За указание списков „Истории“ о матросе Василии ГИМ, № 1283; ГИМ, собрание А. С. Щукина, № 254; ГБЛ, № 1258 приношу благодарность М. О. Скрипилю. За указание списка Калининского областного музея, № 852(б) приношу благодарность П. Н. Беркову и за содействие в ознакомлении с рукописью И. Ф. Голубеву.

III. Государственный Исторический музей, собрание А. С. Щукина, № 254, 4°, лл. 1—15 об., водяной знак второй половины XVIII в. „Гистория о российском матросе Василии Кириатском, како ходил на кораблях и в других государствах и как он от острова морского от разбойников утек и с собою прекрасную девицу королеву Ираклию флоренскую от них избавил и себе в жену поияв“.

Начало: „В российских Европиях дворянин некоторый живяше“ (л. 1).

Окончание: „И по приезде, пожив лета давна, удостоен королем и быв благополучно скончався“ (л. 15 об.).

IV. Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Q. XV. 110, 4°, лл. 1—37, водяной знак 60-х годов XVIII в. На внутренней стороне обложки много записей разными почерками с именами читателей и владельцев сборника. Одна запись написана тем же почерком, что и две повести сборника. Можно прочесть дату „... 1764 года“. Состав: 1) История о российском матросе Василии Кириатском, как он ходил на кораблях и в других Европиях, и как от острова морского, от разбойников утек и с собою прекрасную девицу королеву Ираклию флоренскую от них избавил и поиял себе в жену“ (лл. 1—20); 2) История о некоем короле Брунцвике и о храбрости его, како он ходил во отоцех морских со зверем лвом (лл. 20—37).

Начало: „В российских Европиях дворянин некоторый живяша, небольшое имение имяше, ему же имя Иван по малой фамилии Кириацкой“ (л. 1).

Окончание: „И поживе довольно лета во благоразумии и до всех подданных милостив и приставился со своею королевною Ираклиною и тако походу и концу“ (л. 20). Текста арии нет.

V. Библиотека Академии Наук СССР, 32.2.13 (рукопись ранее принадлежала А. А. Шахматову), 4°, лл. 1—64, вторая половина XVIII в. Рукопись неполная: в начале недостает трех тетрадей, в середине и в конце вырвано несколько листов. Состав: 1) Повесть о семи мудрецах (лл. 1—40); 2) История о славном рыцаре и кавалере французском королевства имене Лифара и о прекрасной княгине Маргариде (лл. 41—56); 3) Гистория о российском матросе Василии Кириацком и о прекрасной королеве Ираклии Флоренской земли (лл. 56—64).

Начало: „Старый атаман все глаза растерял“ (л. 56).

Окончание: „Нача жалобно играть и петь арию“ (л. 64).

VI. Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина, № 1258, 4°, лл. 1—16 об., конец XVIII в.

Начало: „По некоторых прошедших днях прибыли в Голандию матрозы и с ними Василей“ (л. 1).

Окончание: „И по тому отписанному листу публично онаго своего адмирала при всем десарском войске казнили, жива на кол посадили“ (л. 16 об.).

VII. Калининский областной исторический архив, собрание рукописных книг, № 852 (6), 4°, лл. 2—64, середина XVIII в. Сохранилась старая обложка, на которой имеются три записи: „История о российском матросе Василии Кириацком“, „Сказание о Брунцвике“ и „...Алексадре и Лодвиге“. Первоначально весь сборник, очевидно, состоял из трех повестей. Из них сохранилась первая и часть последней. В конце последней страницы второй повести имеется дата: „... 1748“, написанная тем же почерком, что и повесть о Василии Кириацком.

Начало: „В российских Европиях дворянин некоторый живяше, небольшое имение стяжаше, ему же имя Иоани, по малой фамилии Кириацкой“ (л. 2).

Окончание: „Дожде концу истории российского матроза Василия“ (л. 33). Текста арии нет.

П. Н. БЕРКОВ

К истории русского театра 1720-х годов

(„Диалог о Гофреде, победившем сарацины“)

О „Публичном театре при Московской гошпитале“, действовавшем с конца 1722 года по меньшей мере в течение 20 лет, в советской литературной и театроведческой науке известно очень немного. Наиболее полные сведения об этом театре собраны в статье С. А. Щегловой „Неизвестная драма о смерти Петра I“.¹ На основании доступных ей материалов С. А. Щеглова указала пять пьес, входивших в репертуар „гошпитального театра“ в 1723—1742 годах.

Странным образом из поля зрения исследовательницы выпала безусловно известная ей пьеса „Диалог о Гофреде, победившем сарацины“, находящаяся в той же самой рукописи, по которой С. А. Щеглова издала „Славу печальную“.

Рукопись эта, прежде хранившаяся в Рукописном отделе Библиотеки Академии Наук СССР (под шифром 19.2.30) и затем, в 1930 году, переданная в Институт русской литературы (Пушкинский Дом),² представляет тетрадь обыкновенного формата белой нелинованной бумаги с водяными знаками, употреблявшимися в конце 1720-х, начале 1730-х годов.³ Внизу первой страницы тетради почерком середины XVIII века написано: „Из книг Александр Ригельмана“. А. И. Ригельман (1720—1789) был видным военным инженером середины XVIII века; в последние годы жизни, поселившись в своем имении близ Чернигова, он написал ряд работ по украинской истории; некоторые из них были после его смерти напечатаны.⁴ Следующим, известным нам, владельцем руко-

¹ Труды ОДРЛ, т. VI, стр. 376—383; на стр. 383—404 напечатан текст драмы „Слава печальная“. Еще раньше сводку печатных известий о спектаклях при госпитальной школе дал А. Н. Алелеков в своей „Истории Московского военного госпиталя в связи с историей медицины в России (1707—1907)“ (М., 1907, стр. 120—122). С. А. Щеглова, как и А. Н. Алелеков, использовала сведения Ф. В. Берхгольца, М. И. Соколова и Я. Штелина. Обо всех этих источниках см. далее в настоящей статье.

² Теперешний шифр хранения: Р. II, оп. 1, № 380.

³ С. А. Клепиков. Филigrаны и штемпели бумаг русского производства XVIII—XIX вв. Записки Отдела рукописей Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, вып. 13, М., 1952, стр. 83 (№ 158), 118 (№ 28), 120 (№ 28).

⁴ О А. И. Ригельмане см.: Русский биографический словарь, том „Рейтерн—Рольцберг“, СПб., 1913, стр. 180—181, а также статьи: Анат. Ершов. 1) „Летописное повествование о Малой России“ А. Ригельмана и „Краткая летопись о Малой России“ видана Рубаном. Записки Ніженського ІНО, 1927, кн. VII, стр. 178—193; 2) Сторінка з українського джерелознавства. (До питання про літописні джерела праці А. Ригельмана „Летописное повествование о Малой России“). Ювілейний збірник на честь акад. Д. І. Багалія, Київ, 1927, стр. 841—848.

писи был В. П. Науменко (1852—1919), редактор журнала „Киевская старина“,¹ к которому этот сборник пьес XVIII века попал, повидимому, после смерти Н. А. Ригельмана (ум. в Киеве в 1888 году), внука А. И. Ригельмана. На первой странице рукописи есть карандашная пометка: „1916 от В. Науменко“.

Первая часть рукописи (лл. 1—21) занята драмой „Слава печальная“, с л. 22 по л. 32 об. идет „Диалог о Гофреде, победившем сарацины“; все последующие листы сборника (лл. 33—47 об.) чистые.

„Диалог о Гофреде“, насколько можно установить по существующим библиографиям русской и украинской школьной драмы, печатным и рукописным, — драматическое произведение, до сих пор не известное. Текст его дошел до нас не в полном виде: в рукописи сохранился полностью первый акт (8 сцен) и 3 сцены второго. Рукопись обрывается заголовком: „сцена 4 и кустодом Гигас“,² означаящим, что лист 33 начинался репликой или монологом Гигаса, уже выступавшего во второй сцене того же акта.

То обстоятельство, что „Диалог о Гофреде“ переписан тем же, так называемым „украинским“ почерком, что и „Слава печальная“, может служить основанием для предположения, что обе пьесы восходят к репертуару одного и того же театра или являются произведениями одного и того же автора; не исключена возможность, что правильны оба предположения.

Поскольку о драме „Слава печальная“ по ее пространному заглавию совершенно точно известно, что она „плачевною трагедиею изображена плачевно на феатре публичном в Московской гошпитале чрез хирургической науки учеников 1725 году декабря в 26 день“,³ то естественно предположить, что и „Диалог о Гофреде“ является пьесой из репертуара гошпитального театра.

Из скудных материалов, относящихся к этому театру, известно, что по возвращении Петра I из персидского похода в 1723 году Н. Бидлоо, стоявший во главе Московской гошпитали и находившейся при ней школы, устроил в честь царя комедию.⁴ Однако и Чистович и другие авторы, писавшие об этом спектакле, переносили действие на несколько более позднее время: на самом деле в Москву из персидского похода Петр возвратился 18 декабря 1722 года.⁵ Камер-юнкер герцога голштинского Ф. В. Берхгольц, живший в то время в России, в своем подробном дневнике сохранил сведения и о торжественном въезде Петра в Москву в декабре 1722 года и о посещении им 29 декабря спектакля в гошпитальном театре. Какая пьеса ставилась в этот раз „хирургической науки учениками“, Берхгольц не сообщил. В следующее свое посещение, 4 января 1723 года, он видел пьесу, которую назвал „Историей Александра Македонского и Дария“.⁶

¹ О В. П. Науменко см.: „Україна“, 1924, № 3, стр. 187.

² Гигант (лат.).

³ Рукопись ИРЛИ (Р. II, оп. 1, № 380, л. 1); Труды ОДРА, т. VI, стр. 383.

⁴ И. Рихтер. История медицины в России, т. 3. М., 1820, стр. 100. — Я. Чистович. История первых медицинских школ в России. СПб., 1883, приложение, стр. XC. — Русский биографический словарь, том „Бетанкур—Бякстер“, СПб., 1908, стр. 35. Все эти сведения восходят к „Дневнику“ Ф. В. Берхгольца, на который ссылается И. Рихтер и о котором см. ниже.

⁵ П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. II. СПб., 1852, стр. 579. У С. М. Соловьева (История России. Изд. „Общественная польза“, СПб., 6. г. т. IV, табл. 679) указано 13 декабря 1722 года. Ср. И. И. Голиков. Деяния Петра Великого. Изд. 2-е, М., 1838, т. VIII, стр. 314.

⁶ Дневник камер-юнкера Ф. Берхгольца с 1721 по 1725 г. Изд. „Русского архива“, М., 1903, ч. III, стр. 7.

Если принять во внимание, что Петр только что возвратился с триумфом из персидского похода, вполне естественно, что на сцене гошпитального театра должна была идти пьеса, сюжет которой в какой-то мере был связан с недавними событиями. Таким образом, пьеса о победе, одержанной Александром Македонским над персидским царем Дарием, являлась живым откликом на победы Петра в Персии.

Принято считать, что „История об Александре Македонском и Дарии“ до нас не дошла. По крайней мере, о ней нет упоминаний в „Библиографии русской школьной драмы и театра XVII—XVIII вв.“ В. П. Адриановой-Перетц,¹ а также в картотеке Отдела древнерусской литературы ИРЛИ. Однако я всё же полагаю, что эта пьеса, хотя и не в первоначальном своем виде, до нас дошла и именно она была опубликована В. П. Адриановой-Перетц в сборнике „Старинный театр в России XVII—XVIII вв.“ (Пбг., 1923, стр. 109—142).²

Пьеса эта озаглавлена „Диалог в тферской семинарии бывый июля 8 дня“, главное действующее лицо в ней — Александр Македонский, а в явлении III выступает и Дарий. Повидимому, данная пьеса представляет переработку старой пьесы о тех же лицах и, может быть, даже и не один раз сделанную: явления V и VI совершенно явственно свидетельствуют, что пьеса ставилась при Петре II, явление же VII говорит уже о времени Елизаветы. Кроме того, Берхгольц сообщал, что пьеса об Александре Македонском и Дарии состояла из 18 действий и ставилась два дня подряд, по 9 действий каждый день. Вероятно, Берхгольц имел в виду не действие (акт), а явление. Так, драма „Слава печальная“ состоит из антипролога, пролога, 7 явлений (первое названо по-латински scaena prima) и эпилога; драма „Слава Российская“, ставившаяся в том же гошпитальном театре в 1724 году, состоит, кроме антипролога, пролога и эпилога, из 2 действий, из которых в первом 6, во втором 3 явления; все они имеют как латинское название scaena, так и русское. Заслуживает внимания то обстоятельство, что в сборнике, в котором обнаружена драма „Слава Российская“, эта пьеса названа „Диалог действием персональным в Московской гошпитале... изображенный в 1724-м году“.³

С. А. Щеглова высказала не лишнее основание предположение, что драмы „Слава Российская“ и „Слава печальная“ принадлежат одному автору — Федору Журовскому, „ученику хирургической науки“.⁴ Во второй пьесе, по мнению исследовательницы, Ф. Журовский „несколько усовершенствовал свое уменье“.

Может быть, и „Диалог о Гофреде, победившем сарацины“, и „Диалог о Александре Македонском и Дарии“ (так, полагаю, называлась первая редакция драмы, переработанной в Тверской семинарии) также принадлежали Ф. Журовскому. Напомню, что „Слава Российская“ в рукописи также называется „Диалогом“.

Печатаемый ниже „Диалог о Гофреде“ тематически близок к событиям персидского похода: победа над магометанами-персами легко ассоциировалась с победами Гофреда над сарацинами. В этой пьесе отразились надежды на продолжение борьбы с мусульманскими народами. Самое

¹ Сб. „Старинный спектакль в России“, Л., 1928, стр. 184—197.

² Другой более полный текст этой пьесы под названием „Опера о Александре и Дарии“ опубликован О. М. Бадаличем в работе „Споменици руске школске драме јелисаветинскога времена“ (Оттиск из „Споменика Југо-славјанској академији“, т. 67, Загреб, 1927).

³ Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1892, кн. II, Материалы историко-литературные, 2 стр. XII—XIII.

⁴ Труды ОДРЛ, т. VI, стр. 382.

избрание исторической темы свидетельствует о достаточной культуре автора и о его знакомстве с основными фактами первого крестового похода под руководством Готфрида Бульонского. Ему известно и выступление пустытника Петра Амьенского, который в „Диалоге“ назван Пустелником, и отвлечение крестоносцев от цели похода богатствами стран, через которые лежал их путь (это отразилось в пьесе в монологе Роскоши), и т. д.

В „Славе печальной“ только первое явление названо сценой; в „Диалоге о Гофреде“, как и в „Славе Российской“, все явления называются сценами. Рифма в этой пьесе довольно однообразная и бедная, большей частью глагольная. Почему-то полюбилась автору рифма „серы — стрелы“; ее он употребляет чрезвычайно часто. Ряд стихов не полон, не имеет обязательных 13 слогов; другие стихи, напротив, содержат 14 слогов. Впрочем, возможно, это следует отнести за счет переписчика, который недостаточно разобрался в рукописи, как видно из недописанных в двух местах стихов, которые на полях обозначены крестиками, из нескольких стихов, сперва пропущенных, а затем написанных на полях, наконец, из ряда слов, вписанных позднее тем же почерком, но другими чернилами.

Таким образом, перед нами не оригинал, а копия, и, как указано выше, незаконченная. Тем не менее, данная пьеса и в таком виде представляет для нас интерес: она свидетельствует о культурном уровне ранних русских драматургов, говорит об их политических интересах, характеризует их театральные вкусы, их стремление в меру своих сил и умения разрабатывать историческую, но понятную их современникам тематику.

Полагаю, что „Диалог о Гофреде“ является первым или во всяком случае одним из первых драматических произведений Ф. Журовского и что ставилась эта пьеса 29 декабря 1722 года.

Сравнение почерка рукописи „Славы печальной“ и „Диалога о Гофреде“ с факсимиле рукописи „Славы Российской“, приложенным к изданию этой пьесы проф. М. И. Соколовым, приводит к выводу, что они писаны разными лицами.

В заключение считаю целесообразным присоединить собранные мною данные о Федоре Журовском, первые сведения о биографии которого были сообщены более 60 лет назад М. И. Соколовым в предисловии к публикации „Славы Российской“. С тех пор было издано около 20 томов „Описания документов и дел, хранящихся в архиве Синода“, сверх тех 7 томов, которыми мог воспользоваться М. И. Соколов в 1892 году. В ряде томов этого издания находятся материалы, дополняющие и уточняющие сведения, которыми располагал М. И. Соколов; кое-что из существовавших печатных материалов не было им учтено.

Федор Журовский родился, повидимому, в самом начале XVIII века, а может быть, и в конце XVII века.¹ Происходил он, по указанию Н. И. Петрова, из Украины.² Подтверждением этого указания может

¹ В 1721 году он был направлен в лекарскую школу при Московском госпитале либо после окончания Славяно-греко-латинской академии, либо из последнего класса — „богословии“, т. е. когда ему было около 20 или даже за 20 лет.

² Н. И. Петров. Значение Киевской академии в развитии духовных школ в России с 1721 г. и до половины XVIII в. (оттиск из „Трудов Киевской духовной академии“, 1904, № 5). Киев, 1904, стр. 24. Указанные Петровым в примечании 3-м источники не отвечают действительности; должно быть, при наборе его работы произошла ошибка, в результате которой к Ф. Журовскому было отнесено примечание 3-е, вместо 2-го, где дана ссылка на „Историю Славяно-греко-латинской акаде-

служить то обстоятельство, что в 1737 году Журовский, будучи уже иеромонахом, просил Синод „отпустить его в Киево-Печерский монастырь на прежнем его обещании“ (разрядка моя, — П. Б.).¹ Как известно, выражение „прежнее обещание“ означало, что, будучи отправлен из своего монастыря в какой-либо другой, монах покидал свою обитель при условии возвращения в нее через определенное или неопределенное время. Впрочем, слова „на прежнем его обещании“ могут означать не то, что он был постриженным монахом Киево-Печерской лавры, а что он был студентом Киево-Могилянской академии, находившейся при лавре.

В одном из печатных документов 1734 года глухо указано, что Федор Журовский жил „при доме царевны Марии Алексеевны“.² Когда и в качестве кого жил он там, не сказано. Возможно, что это было до его поступления в Славяно-греко-латинскую академию, а может быть, эти сведения и вовсе неправильны и были даны, как будет показано ниже, с определенной целью.

Во всяком случае, точно известно, что в 1721 году Ф. Журовский был направлен из Славяно-греко-латинской академии „учеником в Московскую гошпиталь для научения хирургическим наукам“.³ Из материалов, собранных М. И. Соколовым, видно, что в гошпитальной школе Ф. Журовский выделялся среди прочих учеников, его имя упоминается в ряде документов на первом месте, большая часть бумаг, писанных в гошпитале в 1720-е годы и хранящихся в архиве Синода, написана, по наблюдению М. И. Соколова, почерком Журовского; это делает правдоподобной мысль М. И. Соколова о том, что Ф. Журовский был одно время гошпитальным писцом.⁴

В 1727 году Ф. Журовский окончил обучение в гошпитальной школе, после экзамена получил звание лекаря (в списке окончивших его имя на первом месте) и был откомандирован, по распоряжению Синода, в Рязань для наблюдения за болезнью епископа рязанского и муромского Гавриила (Бужинского), одного из просвещеннейших духовных лиц того времени, известного переводчика и проповедника. Однако Медицинская канцелярия потребовала возвращения Журовского из Рязани для отправки его в „низовые гарнизоны“, т. е. в города по нижнему течению Волги. О вызове лекаря Журовского в Москву, где тогда находился двор и все правительственные учреждения, был послан указ Гавриилу. Тот ответил, что Журовский месяц назад выбыл в Москву. Позднее Медицинская канцелярия, которой стало известно, что Журовский попрежнему находится в Рязани, снова потребовала его возвращения для отсылки в Астрахань. Гавриил повторил прежний свой ответ, но Журовский так и не явился в Медицинскую канцелярию, где ему угрожало наказание за уклонение от исполнения приказа начальства и в довершение всего отправка в далекую и малопривлекательную по своим тогдашним санитарным условиям Астрахань.⁵

ми“ С. К. Смирнова (М., 1855) без обозначения страницы. У Смирнова на стр. 198 упоминается иеромонах Феофилакт Журовский.

¹ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Синода, т. XVIII, столб. 321 (в дальнейшем этот источник обозначается сокращенно: ОДИДАС).

² ОДИДАС, т. XIV, столб. 25. Царевна Мария Алексеевна, сестра Петра I, умерла в 1723 году.

³ Там же, т. X, столб. 1314.

⁴ Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1892, кн. II, Материалы историко-литературные, 2, стр. XX, XXI и XXIII.

⁵ ОДИДАС, т. VII, столб. 57—58; ср.: Я. Ч и с т о в и ч. История первых медицинских школ в России. СПб., 1883, стр. 60—61.

И вот, чтобы избежать этого, Журовский принял решение постричься в монахи. При соблюдении всех требований, предъявлявшихся в то время к желавшим постричься, Журовский должен был провести в монастыре три года для испытания, но, если бы Медицинской канцелярии стало известно его местонахождение, его как не-монаха должны были бы удалить из монастыря и отдать под суд. Поэтому Ф. Журовский отправился в Саровскую пустынь, где принимали в монахи без соблюдения правил, пожертвовал в монастырскую казну „два слитка серебра, весом фунта с два“ и был пострижен „в монахи строителем Иоанном с наречением Феофилактом“.¹ Как лицо, окончившее Славяно-греко-латинскую академию и имевшее право на священство, Журовский был пострижен не в простые монахи, а в иеромонахи. Вероятно, чтобы скрыть от бдительного ока Медицинской канцелярии свое отношение к лекарю Ф. Журовскому, принимавший монашество указал, что раньше он жил „при доме“ царевны Марии Алексеевны.

Через несколько лет, когда правительство при Анне Иоанновне переехало из Москвы в Петербург, Журовский уже как иеромонах Феофилакт поселился в Заиконоспасском училищном монастыре (Славяно-греко-латинской академии), где с 30 августа 1732 года по 12 декабря 1733 года временно исправлял должность ректора и настоятеля монастыря.² Следует отметить, что ректорство Ф. Журовского совпадает со временем обучения в „заиконоспасских школах“ М. В. Ломоносова.

В дальнейшем Ф. Журовский продолжал жить в Москве. Последние сведения о нем относятся к 1741 году.³

Если верны предположения М. И. Соколова, С. А. Щегловой и мои, то в лице Федора Журовского мы имеем одного из плодovitейших „школьных“ драматургов 1720-х годов: ему можно приписать „Диалог о Гофреде“, „Диалог о Александре Македонском и Дарии“, „Диалог Слава Российская“, „Славу печальную“.

Возможно, что его перу принадлежат и некоторые интермедии. Во всяком случае, интермедия „Цыган и лекарь“, опубликованная Н. С. Тихонравовым в „Летописях русской литературы и древности“ (М., 1859, т. II, отд. 2, стр. 40—42), а может быть, и известная „Шутовская комедия“ связаны с „Московским публичным театром хирургической науки учеников“: слишком уж хорошее знакомство с тогдашней медицинской терминологией обнаруживается в этих произведениях.

Диалог о Гофреде, победившем сарацины

Антипролог

л. 22

Азия низвержена с престола под сарацинскую⁴ с обнаженным мечем лежит рукою, место креста луну содержит; Европа от запада на престоле смотря сидит, а при ея ногама воины храбрые лежат. Воин некто Европы видит Азию, под мечем сарацинским лежащую, и крест христов, возбуждивши прочих бросится на сарацина и уби его, Азию же на престоле первым посади.

¹ ОДИДАС, т. XIV, стлб. 25.

² С. К. Смирнов. История Славяно-греко-латинской академии. М., 1855, стр. 198; ср. ОДИДАС, т. XII, стлб. 485 и 492. К сожалению, т. XIII ОДИДАС, где могли быть документы, связанные с Журовским, в свет не вышел.

³ ОДИДАС, т. XVIII, стлб. 321. В книге И. Чистовича „Феофан Прокопович и его время“ (СПб., 1868, стр. 530) упоминается заступничество Феофилакта Журовского за А. Барсова, бывшего директора Синодальной типографии, арестованного в 1732 году Тайной канцелярией.

⁴ В рукописи сарацинского.

Акт 1

Сцена 1

Ревность

Паде благочестие злата диадима
 паде церквам восточным красота любима
 Гордою супостатов ногою поприанна,
 вместо злата железом люте окованна.
 Увяде крыи прекрасный в руках сарацына,
 погуби всю красоту слепота едина.
 л. 22 об. Сим восточная Азия была упещренна,
 ныне же сам[а] увяде тая низверженна,
 Низверженна в работу, где ныне стенает,¹
 яко свободителя не имать, рыдает.
 Похвала верным уже уже и упраз[д]ниися,
 неверствию супостат лютых покорися,
 Егда благочестие вспомяну, рыдаю,
 от прегор[ь]кой болезни сердцем увядаю.
 Яко колико прежде была прославленна,
 толико от супостат ныне вничтоженна.
 Когда бы мне мужества² прекрепкая сила,
 вскоре бы аз адское племя разрушила.³
 Дабы мне на престол ю паки посадити
 и прежнею честию, як была, почтити,
 Уже бо не жаль сыну, егда поруганна
 будет мать, от кого узами связанна.
 Мать верных Азия, кто ж не возрыдает,
 яко ея супостат ныне обладает.

Благочестие

В работу мя адская принуди держава
 сарацинов неверных, и где ж будет слава
 Моя? сама же как я буду процветати,
 егда мне в нужде враг мой велит пребывати.
 Не дает мне ни мало солнца зрети света
 и тако вижду бедной жити многа лета.
 л. 23 Помози, о Ревность, да свободна буду!
 да имени своего во вся не забуду.

Ревность

Потерпи мало, пошлет бог тя свободити,
 твоих супостатов гордых разорити.

Вера

Доселе пребываю зело утесненна
 в неверствии рыдая, смертне уязвленна
 И не вею, доколь буду в сей нужде мучима,
 доколь в бедах, в теснотах буду одержима;

¹ В рукописи стенает.

² В рукописи мужество.

³ В рукописи разрушили.

Кто мя свободит, веру, в неверствии сушу,
 помощи ниоткуда бедной неимушу?
 Аще кто верный христов сей мя освобождает,
 сей мя от лютых врагов сарадин спасает.
 Егда бо так на долзе буду пребывати,
 и в прегор[ь]кой работе век свой скончевати,
 Не имам нарещися яко есмь христова,
 и умрети за его не буду готова.
 Яко мя в неверствие имать превратити,
 аще не пошлет мя бог кого свободити.
 Уста мне супостат мой всегда заграждает,
 узами железными руже истесняет,
 Уста — христово имя да не похваляют,
 руже же — крест на главу да не подвизают.

л. 23 об. Словом вся утесненна бедна пребываю,
 и кто мене от сих уз исторгнет, не знаю.

Сцена 2

Гофред

Уже пременение ныне рассудите,
 холм низиною, холмом же низину зрите.
 Прежде Азия холмом была вечной славы
 и ныне низиною глубокой неславы.
 Луна ю прегордого врага низложила
 с престола, и под свои нозе покорила.
 Прежде страх, прежде трепет была сарадину,
 ужасе окрестную страну не едину.
 Ныне же сама в страсе бедна пребывает,
 низверженна под мечем супостат рыдает.
 Тем скорбь мне не малая, яко повергает низу
 с престола враг Азию, раздирая ризу
 На ней благочестия, и веры святая
 одевающий в любовь божию благия
 Скорбь, зане супостату сего не довлеет,
 яко Азию в руках верную имеет,
 Яко неверствием [ю] всюду утесняет,
 яко ругающесе сердце ей пронзает.
 Но еще знамения Христа бога смерти
 восхоте. О болезни! вся тыя пожерти,
 Где и ныне стражею верным запрещает,
 видети, лобызати. Сам не почитает.

л. 24 Егда вспомяну, яко враг землю расширяет,
 веру же неверствием своим¹ прогоняет,
 Яко благочестие зело утесненно,
 яко солнце луною веры потемненно,
 Сердце в себе от тяжкой скорби растерзаю,
 многажды размышляя сие, унываю.
 Не хошу оставити Азию рыдати,
 не допущу² христову и веру ругати
 Супостатом, точию прежде всоветую

¹ В рукописи свою.

² В рукописи не допущу.

свободять ли воскорее от врага святую
Землю

(Зде придут советники. До советников глаголет)

Доселе в неверствии вера пребывает,
доселе Азию сей враг обладает,
Жаль мне веры верному, что ж начну творити,
златом ли или мечем сию искупити.
Советуйте!

Советник 1

За веру житие свое полагают,
не златом, но мечем тую свободяют;
Тую¹ орудием верный свободяет,
паче главу, не злато за ню полагает.

[Советник] 2

Мню, яко тебе веру свободити,
тебе за ню на брани главы положить,
За веру прежде кровь свою проливали,
неверным ругати врагом не давали.
л. 24 об. И ныне свободить что воспящает,
кий страх со врагом брань творить запинает.

[Советник] 3

Собственно есть землю верным обладати
восточною; врага же отуду прогнати,
Несть бо там причастия ко зрачному свету,
ни луне темнорачной ко солнцу ответу.
Аще же земля будет святая попрагна,
врагом благочестие, вера поруганна,
То будет причастие. Луна будет тмою,
солнце веры христовой пребудет луною.²
Мы будем неверствия во мраце ходити,
аще не потщимся луну сокрушити.

[Советник] 4

Мечем, глаголет Курций, не златом бывает
брань; тем тебе, да себе всяк приуготовляет
За веру; ю же златом нам не искупити,
разве житие свое за ню положить.

[Советник] 5

За веру, за здравие, ритор повествует,
брань должно есть творити, тем же всяк готует
Орудия на брань своя; где себе не жалеет,
аще веру в памяти и сердце имсет.

¹ В рукописи тем не.

² В рукописи луною.

[Советник] 6

- Не славы, чести ради, страха не боимся,
за веру и умрети все не постыдимся.
- л. 25 Цит крест всем верным, крест есть сила и держава,
в нем наше есть мужество, над врагами слава.
Тем во имя христово дерзай ты прогнати
сарацинов прегордых з земли благодати.
Благодать бо христова тамо не бывает,
где грех, смерти прегор[ь]кой жало, обладает.

[Советник] 7

Неверным ли остави знаменья смерти
своея Азии бог, ю же враг пожерти
Восхоте ныне, кто же тебе отдаст в руки,
аще сами со врагом не пойдем на муки.
И потщимся Азию прежде свободити,
потщимся неверствия от уз разрешити.

[Советник] 8

Кто отчества своего сердцем не желает?
почто ж отчеством верных враг наш обладает?
От земли сея отец Христос вознесся,
нам по отце тая всем верным дадеса.
Тем же не должны есте веру оставляти,
паче должны на врага брань уготовляти.
Бог Давиду дал силу крепко победити
Голиада дать к тебе неверна стробити.

[Советник] 9

- Кто от врагов веру может свободити,
и вси¹ ея тяжкия узы низложити,
Неверный торжествует, яко поруганна
в темнице неверствия сидит окованна.
- л. 25 об. Тем точию предлежит веры не забыти,
мечем, огнем от врагов вскоре свободити.

[Советник] 10

Аще оставим веру во узах стенати,
не должны уже себе верных нарицати.
Верны[й] бо яко веры не отвергает,
паче за ню умрети всем сердцем желает.
Огнь, ни вода верному, ни ужасны серы,
ни ядом исполненни летящие стрелы.
Кая ж вина оставить веру принуждает,
кий страх свободить сию от враг воспящает.

Пустел[ь]ник

Не брани, но покоя свойство мне желати,
понеже покой всем есть возлюбленна мати.

¹ В рукописи вси.

Но егда тебе ныне о брани глаголю,
 тако устрояюща бога творю волю.
 Чтось внутрь сердца толкну мя, в пустыне сидяща,
 о житии пребедном во уме мысляща:
 „Иди, рци Гофреду, брань [да] уготовляет,
 орудия на врага вскоре изошряет.
 Низведет на радость христову стенащу
 веру, в неверствии много лет сидящу.
 Кто ж брань не сотворит и брань кровоточну
 церковь, веру христову свободит восточну.
 Явственно видим, яко веры поношает,
 сарацин неверствием люте утесняет.
 л. 26 Тебе бог храбрость, крепость даде и державу,
 великодушие и во всем мире славу,
 Тем ты вере христовой не даждь погибати,
 не даждь благочестию святу упадати.

Сцена 3

Furia 1

Помышляют лютая на адское племя,
 но не вем, будет ли им разорити время.
 Хотят сарацина, нам верна, истребити.
 но ад весь потщится его сохранить.
 Братия, что сотворим, да его держава
 не погибнет до конца, процветет же слава
 Наша; советуйте все, советуйте, чада,
 да все племя от верных не погибнет ада.

Furia 2

Всуе трудятся, силы подвизают,
 на сарацина меч свой изошряют.
 Мы ему поможем против верных стати,
 самого от рук наших не допустим взяти.
 Аще бы всю силу нам пришло изнурити,
 не дамо, не дамо верным его похитити.
 Куды-нибудь восхотят к нему приставати,
 мы везде пути готовы верным запинати.

[Furia] 3

Аще бы сила наша вес[ь]ма не довлекла,
 сарацина же от рук пустить бы имела,
 л. 26 об. До Люципера ада вскоре посылати,
 он лютейших нам пришлет помоществовати.

(От ада придут)

От ада 1

Кто нам з рук племя вырвет и его державу,
 кто разорит, его же ад распростре славу.
 Се духи лютейшие в помощь сарацину,
 сии з брани не пустят ногу ни едину.

Како бы не имать ад его защищати,
 яко не токмо себе восхоте отдати.
 Но и все племя его в адской есть державе,
 окрестным же всем странам, паче верным яве.
 Грядите, утвердите кустодию всюду,
 аз же помоществовать с прочими буду.
 Подвигнем ветры, воды, волны возбудемо,
 бурею волн морской корабль потоплемо.

[О т а д а] 2

Разорю и, аки прах, воинов развею,
 вожду же самому их вскоре сотру выю.
 Силу мне Люципер даде магмет сохранятьи,
 даде и все¹ племя его защищати.
 Крест мне точию престащен бывает,
 иже ему много много побораает.

Сцена 4

(Море, корабль, на котором крест)

Волнуйте, волнуйте, корабль потопляйте,
 до берегу же ему пристать не давайте.
 л. 27 Ветры жестокие, крепко восшумите,
 волнами морскими корабль превратите.

(*Nic cantus*² на море)

Еолю[ы?], от дна моря волны возбудите,
 Воинство Гофредово, Харибды, пожрите.
 Расступитесь, Сцилли, вскоре пожирайте,
 бури водны морские корабль разбивайте.
 Се пагуба грядет, о горе! — на сарадина,
 адского Люципера возлюбленна сына.

Сцена 5

Го ф р е д

Аще бы во мне было сердце мужественно,
 яко ни Марса острым мечем посеченно,
 Аще бы глава руце в железе кипели,
 ни чтобы без тебе на врага успели.
 Боже, ты крепость, помощь, на прегордых сила,
 яже и фарсиские в море потопила
 Корабле, от нея же сил[ь]ных знемогоша
 Луки, сами, яко гной с пулями, падоша.
 В тебе Самсон тысящей³
 прочна и сокруши челюстию зубы.
 Ты Давида укрепил сам на Голиада,
 фараона во море ты потопил чада.

¹ В рукописи всем.

² Здесь следует пение (лат.).

Стил в рукописи не закончен; против него на полях поставлен крестик.

В твоей суть мадиамли [руце] сокрушенни,
 не хотящии тя в ничто истребленни,
 Ты всю мечем уст своих силу прогоняешь,
 верныя же на враги своя утверждаешь.
 л. 27 об. Се ныне имя твое гор[д]ый поношает
 Сарацин, благочестну веру истребляет.
 Тем даждь мне руку крепку, даждь помощь во брани,
 да возмогу врагом всем пресеци гортани.
 Да впредь крест твой и имя не будут хулити,
 принужденни восхотят Азию пустити.
 Даждь паки, молю тя, гордого стребити
 церковь, благочестие, веру свободити.
 Олтари бо твоя святии раскопаша,
 иконы, оле страха, ныне поругаша,
 Вместо креста твоего, щиты вознесенны
 верныи твои сыны зело угнетенны.

(Глас с небес до Гофреда: дерзай,
 Гофреде, на брань з веры супостатом)

Что слышу? Дерзать с небес глас повелевает,
 на брань противо врагов сердце утверждает.
 Убо иду воинов собрать мужественных
 и присовокупити в вере просвещенных.
 Да не к тому неверных пребудет держава,
 пребудет в святой земле сарацинов слава.

Сцена 6

Гофред

Аще бы и довлело воинства моего,
 но да видит супостат, яко не моего
 Собственного аз ради имени и славы
 или расширения своя держава
 л. 28 Единомышленных желаю собрати,
 но яко все за веру живот полагати
 Готовы,¹ а гордого хотят истребити,
 веру, благочестие, землю свободити.
 И кто ж за веру христову не захочет умерети?
 и за благочестие главы положити?
 Не все ли за мать сыны умирают,
 не согласно ли врага за ню убивают?
 Тем мужественных в вере время собирати,
 время на верную брань сердца утверждати.

(Воини приидут)

Верую христовою вожды просвещенны,
 да будут сердца ваша на брань укрепленны.
 Противо сарацина, веры супостата,
 им же обладаетя земля, до днесь свята.
 За веру всем умерети верным подобает,
 егда за неверствие свое умирает

¹ В рукописи готовыи.

Неверный; кол[ь]ми ж паче и нам не умрети,
 почто за мать сынам нам себе щадети.
 Дадите ми, воини мужественни, слово,
 будет ли против врагов со мною готово
 Сердце и оружие?

[Воины]

Будет.

(NB. Стол и крест на нем)

Воин 1

Основание наше есть вера Христова,
 как орудия наша не будут готова
 л. 28 об. На врага? аще же бо дадим разорити
 основание веру, то истребити
 И нас самих восхошет, тем лучше на стрелы
 пойдём со супостатом, и да будут целы
 Отчества наша. Паче вера процветает,
 и благочестие бог дары умножает.

[Воин] 2

Аще за славу нашу крови проливаем,
 за веси и за грады живот полагаем,
 Как за веру Христову не должны умрети,
 как¹ за благочестие живота щадети
 Готовы на огонь, на меч со врагом на стрелы,
 на тысящныи смерти и гор[ь]кие сери.
 Во знамение сие крест сей лобызаю,
 твое намерение, Гофреде, сполняю.

[Воин] 3

Главы имама своя в брани положити,
 да токмо неверствие нам бы скоренити,
 Тем тебе верность нашу мы все изъявляем,
 егда крест в знамение веры лобызаем.

[Воин] 4

Мы—воини, у нас меч на брань изощренны,
 на врага яростию всякий распаленный,
 Готовы наипаче за веру умрети,
 готовы на бранех главы положити
 Се крест Христов верно лобызаем,
 и за благочестие живот полагаем.

л. 29

[Воин] 5

Не жалею за веру под меч выю дати,
 готов тебе на бранех помоществовати,
 Буди в знамение крест, иже лобызаю,
 и за благочестие готов, умираю.

¹ В рукописи кой.

[Воин] 6

Даждь, боже, и умрети за веру христову,
даждь за церковь святую мне быти готову.
Смерть мне живот будет, умереть мужественно,
умреть за веру святу в бранех мужественно.

Гофред

Радуюся всем сердцем, яко бог собрати
единомысленных мне в своей благодати
Подаде; тем в тимпаны и гусли воспойте,
на веселии нашем вскоре скок устройте.

(Скок малых)

Сцена 7

Роскошь (до воинов)

Коль благо, коль приятно изобил[ь]но жити,
в сластех, нежели в крови на бранех, ходити.
Вместо меча, кровию в руках обагренна,
носить крын, красотою всюду испещренна.
Пир Марса, плачь прегор[ь]кий, вместо хлеба пуле,
вместо пресладких снейдий стрелы дают в туле,
Питие — кровь едина, радость — огонь и сери
в кровавые одеваает в бране Марс порфири.
л. 29 об. День — ночь, свет — тма на бранех бывает,
брат брата превеликой тмы ради не знает.
Сладость же — рай есть, радость процветает мира,
источник сладчайшего медоточна пира.
Сладость кровоточных браней на Марса свирепа
не весть; на огонь воински и на сери слепа.
Тем почто кровоточных браней вам желати,
в гор[ь]кое рыдание себе отдавати.
Аз всем определю, где кто имать быти,
определю, кто имать в роскоши пожити,
Мне точию, не Марсу, воини, служите,
оружия вся своя на страну верзите.
(Отметають оружия, и посаждает их Роскошь разню)

Воин 1

Во брани от великой жажды треба вмрети
и разнею кровию Марса утомити.
Ныне жажды не имам, всегда торжествую,
скорбь нем, что скорбь есть, пресветло ликую.

[Воин] 2

Меч, аще и златый, но смерть в себе крыет,
в огни Марса свирепа не един истлеет.
Ныне аз доволен, страха не боюся,
меча и стрел летящих зде не устрашуся.

[Воин] 3

Ит[т]и на брань со врагом, смерть в очесах зрети,
 ни единыя уже роскоши имети,
 Ныне в очесах моих аз не смерть имею,
 в руках моих сладостей чашею владею.
 л. 30 Вся готова имама, убо торжествуйте,
 оставивше брань с врагом, пресветло ликуйте.

(Бахус сидит)

Сцена 8

Гениуш Гофредов

Где великодушие? Яко прежде брани,
 не Марсу, но сластем служити дали длани.
 Где имя воинское? Где ваша держава?
 тако ли успе ваша всей роскоши слава?
 Откуда воин имя? Яко брань творити
 должен, а творящего пуле кровь испити
 Требе; испити огня и прегор[ь]кой сери,
 воспримать¹ летящие тысящные стрелы,
 Откуда воин, страшный в брани супостату,
 яко меч держит в руках, а не чашу злату.
 Яко гордые врагов главы сокрушает,
 выя вознесенная в крови попирает?
 Откуда честь и славу в отчестве имеет,
 яко за отчество дать себе не жалеет?
 Вы каковы² воины? Кая храбрость ваша?
 сия ли от роскоши данна вама чаша?
 Прежде лобызали крест веру свободити,
 неверствие от земли святой скоренити,
 А ныне бедным сластем служить восхотесте,
 орудия своего зде есть позабысте.
 Рассудите, что есть роскошь, что вера христова,
 вера ко бессмертию вознести готова.
 л. 30 об. Сладость же отрута есть, яже умерщвляет,
 сладким своим питием живот пресецает.
 Тем орудия ваша паки воспримите,
 великодушие и храбрость обновите,
 Грядите мужественно, брань начнем творити,
 не пощадим своя за веру излити
 Крове; бог помощь даст нам, на врага победу,
 поженем³ их со богом, яко не познают следу.

(Брань)

¹ В рукописи воспримать.

² В рукописи каковые.

³ В рукописи пожене.

Акт 2

Антипролог

(Час вся разоряет)

А з и я

Паки, паки во скорбех, бедна, пребываю,
 слезами дни и нощи лице умываю.
 Паки, вместо креста, мне луну принуждает
 держать; вместо же веры в ушеса влагает
 Неверствие; довлеет самую ругати
 мене; почто ж святую веру спровергати?
 Как не жаль, егда в блате злата диадима
 лежит, или порфира зело прелюбима?
 Венец преукрашени добротами — вера,
 а благочестие есть дражайша порфира.
 Как же в сердце прегор[ь]кой не будет печали.
 яко сараини вся сил¹
 Убося иногда трепет приять з брани,
 егда князь Гофред ему пулями гортани
 л. 37 Наполнил; и воинству его сотер вя
 и когда бы, глаголю, мне муж таковыя
 Был силы и крепости, иже свободенну
 сотворил бы мене той и от враг спасенну.
 Христос крепость и сила помоществовати
 готов есть тщащемуся веру сохранятьи.

На де ж да

Господь тебе на радость изведет воскоре,
 паки на первом чести посадит престоле
 Мужем славы бессмертной силы таковыя,
 яко гордого сотрет супостата вяя.
 Вспомяни Израиля, лютейшим гонима
 фараоном, вскоре же вождем свободима
 Моисеем, и тя будет от враг свободивый,
 будет по тебе скорбной и вере ревнивой.
 Точию не болезнуй, прожени печали,
 дабы тебе более тыя не утесняли.

А з и я

Сие наипаче мне сердце растерзает,
 Яко, иде же бе свет, тамо тма сияет.
 Во мне свет правды вечной первие бываше,
 Иже тма неверствия словом прогоняше.
 А ныне ношь велика луны умножися,
 солнце светло христовой веры помрачися.
 Земля моя святая светом просвещенна
 благодати, и паче всех была²
 л. 37 об. Ныне ю неверствие врага помрачило,
 свет во тму темной нощи превратило.

¹ Стих не закончен; против него на полях поставлен крестик.² Стих не закончен; против него на полях поставлен крестик

Надежда

Потерпи мало, будешь, будешь просвещенна,
из тмы неверствия во свет изведенна.
Яко болезнь лютую не скоро прогнати,
такو тму неверствия враг твоих разгнати.

Сцена 2

Европа

(При ея престоле воини будут)

Еда ли не болезнь мне, еда не печали,
яко Азиєю днесь врази зобладали.
Як не имам утробу свою растерзати,
зане под орудием сестра мне и мати
Гордого супостата и не видит света
от множества неверствий чрез многие лета.
Отраднее¹ во узах Иосиф седяше,
Израиль по пустыни много лет хождаше,
А Азия пребедна, врагу покоренна,
веригами по рукам, по ногам сплетенна,
Не им места, где бы Христу честь воздати,
разорили, разорили место супостаты.
Нежель якобы оттуду вскоре ю сторгнути,
куда пристать, обрести к ней не могу пути.

(Сядет на престол)

Памятствую, яко честь во моей державе
мужествен, крепок, силен во бессмертной славе.
л. 32 Но его не вем в лице, скорби моей ради,
между же прочими во мне прозрю чады
(Броси луно, и един от воин переломит)

Гигас (ланцус² в руке левой)

Кто Азию от рук моих дерзнет свободити
и кто мене принудит от узу пустити?
Нест во мире такова;³ поне обладаю
премногими странами, в силе процветаю.
Храбрость мою повсюду мир весь окрест знает,
мои руке и крепость моя обладает.
Ун же Европа хощет противо мне стати?
уне тшится Азию бедна истерзати?
И кто з ея героев со мною на брани
станет? и кии в крови плавати гортани
Будут? Узрим, и уне вера защищати
его будет, или Европа мати?

Герой Европы

Доколе, тмо геены, супостата веры,
славы европейской терзаешь порфиры?

¹ В рукописи отраднее.

² Ланцус (?) — цепь (укр.).

³ В рукописи такового.

У тебе пребедная Азия рыдает,
и еще ж дерзость творя Европу ругает.

(Усече руку левую)

Сцена 3

С м е р т ь

Иногда и аз сил[ь]ных в мире побеждала,
героев мужественных трупом полагала.
л. 32 об. Славен бе Александр торжеством повсюду,
яко несть его ныне, се же есть откуду
Аз сие творю, в брани храбрых сотираю,
сею косою многих, многих полагаю.
Самсон, глаголют, сил[ь]ный, иже побеждаше
тысящей фелистимов¹ и их прогоняше
Ослею челюстею главы сокрушая,²
острые их ногами мечи попирая.
Но аз его мужество, крепость сокрушила,
с прочими крепкими во гроб низложила,
И ныне кто противо мне, пресил[ь]ной, станет,
аки крын от мороза, воскоре увянет.

Г е р о й (противо смерти выдет)

Укрепи мя, о боже, на прегордых силы,
хощу точию, дабы Азию пустили.
Иде же нозе твои святии стояли,
дабы тамо вернии твои пребывали,
Не во век бо враждуешь,³ аще покоренной,
восхотел еси быти, от враг утесненной.

С м е р т ь

Сей мне противостанет в бранех и на море,
но истреблю аз его, истреблю воскоре.

Сцена 4

Г и г а с

¹ Фелистимов написано над строкой другими чернилами, вместо ранее бывшего враждуешь.

² Этот стих написан теми же чернилами, что и слова, указанные в предшествующем примечании.

³ Это слово вписано теми же чернилами.

В. Д. КУЗЬМИНА

Из истории русского демократического театра XVIII века

В русской культуре к середине XVIII века ясно обозначилась классовая дифференциация, она стала отчетливой и в театральном искусстве, где придворному театру с его пышными оперно-балетными спектаклями противостоял городской демократический театр. Именно в нем получили свое выражение те „хотя бы неразвитые, элементы демократической и социалистической культуры“,¹ которые легли в основу дальнейшего развития русского театра и которые в первую очередь должны привлечь внимание советских исследователей.

И. Е. Забелин извлек из материалов Московской полицмейстерской конторы ряд документов, которые характеризуют развитие городского демократического театра в Москве в 1740—1750-е годы.² Известны имена организаторов и участников спектаклей, календарные сроки. Но сведения о репертуаре городского демократического театра отрывочны и неполны. Заголовки отдельных пьес, а иногда только наименование их жанров, сохранились в текстах челобитных о разрешении давать спектакли. На основе наименований пьес можно сделать вывод, что репертуар состоял из разнообразных инсценировок — изредка на библейский сюжет (например „Эсфирский акт“), чаще различных рыцарских и любовных „гисторий“ („Александр Македонский“, „Ипполит и Жулия“), а также из интермедий. Более точные сведения отсутствуют. В одном рукописном сборнике³ удалось обнаружить группу интермедий, повидимому, исполнявшихся в городских демократических театрах Москвы во второй половине XVIII века, что позволяет значительно уточнить прежние сведения о поздней русской интермедии, ее тематике, идейно-художественных особенностях.

Некоторые из этих интермедий близки к ранее известным интермедиям, с Гаером в качестве главного действующего лица, творящего суд и расправу;⁴ другие представляют, подобно интермедиям начала века, насмешку над лекарем;⁵ третьи состоят из грубоватых натурали-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 8.

² И. Е. Забелин. Из хроники общественной жизни в Москве в XVIII столетии. Сборник Общества любителей российской словесности, М., 1891, стр. 560—564.

³ Сборник А. А. Титова № 1627 (по Охранному каталогу), в 4-ку, 136 л., скоропись разных почерков второй половины XVIII века, листы кое-где перебиты; сборник состоит из разных тетрадей, объединенных общим переплетом. Бумага с гербом г. Ярославля (1780-е годы). Сборник хранится в Ленинграде в Гос. Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. В сборнике интермедии занимают 44 листа (лл. 9—38 и 111—124 об.). Ниже публикуются три наиболее интересных интермедии из данного сборника.

⁴ Сборник Титова № 1627, лл. 9, 19, 21 об., 23 об., 24 об., 35, 36 об., 112 об.—114.

⁵ Там же, лл. 31—31 об., 32, 37—38, 120—122.

стических любовных сценок из купеческого или дворянского семейного быта.¹ Не безынтересны интермедии, рисующие рыночные сцены с обязательными образами мошенника, ярыги и цыгана.² В них следует отметить образ крестьянина-сапожника, пришедшего в город на заработки,³ и обедневшего купца, которого разорили „компанейщики“.⁴ Любопытна, повидимому, украинская интермедия о сказывании сказки-небылицы цыганом.⁵

Большинство интермедий данного сборника отличаются ясно выраженным антидворянским и антицерковным направлением. Можно думать, что именно обострение классовой борьбы к середине XVIII века привело к такому усилению этих тенденций в рассматриваемых интермедиях.

Вторая особенность данного сборника состоит в том, что в его составе наряду с типичными интермедиями в виде одной простейшей сатирической сценки с диалогом двух-трех персонажей встречаются также более сложные произведения (из трех, пяти и более сцен), являющиеся, собственно говоря, небольшими бытовыми комедиями. Такова в первую очередь „Интермедия о свадьбе однодворцовой дочери“, представляющая попытку показать на сцене сватовство, смотрины и свадьбу — основные звенья народной свадебной драмы. К сожалению, эта пьеса сохранилась в виде части ролевых списков (отца невесты, невесты, жениха, дружки-цыгана), причем недостает целиком двух ролей: свахи и попа Авери.⁶

Третьей особенностью интермедий данного сборника является связь их с традициями устной народной драмы XVIII века. Отголоски последней дошли до нас либо в отдельных фрагментах на лубочных картинках той поры, либо в позднейших записях, не всегда точно воспроизводящих ее первооснову.

Антидворянская тенденция находит в интермедиях разнообразное выражение. В интермедиях на тему „развращения нравов“ подчеркивается, что обман, бытовой разврат, полная распущенность — обычные явления именно в дворянской среде. Рядом с девушкой-дворянкой, замужней женщиной или вдовой-дворянкой в интермедии постоянно помещается образ „любителя“ и старухи-сводни.

В интермедии высмеивается пристрастие дворян — „шляхетства“ — ко всему чужеземному и пренебрежение к родному языку. „Мне не хочется по-русски говорить“, заявляет дворянин („шляхта“) своей жене и требует, чтобы она училась иностранному языку (см. публикуемый текст).

Отчетливо и ясно звучит антидворянская тенденция в интермедиях, рисующих образ „голового барина“, хорошо известный народной драме. В издаваемой ниже интермедии „шляхта“ Елисей, знакомясь со зрителями, так рекомендует себя:

... я был великого роду.
Зачастую пивал на Москве-реке воду,
Не знаю, которого и году.
Однакож родня-та моя и ныне велика,
Даром, что я подпоясан лыком.

¹ Сборник Титова № 1627, лл. 11 об.—15, 17—19, 24—24 об., 34—36 об.

² Там же, лл. 25, 25 об., 26 об.

³ Там же, л. 26 об.

⁴ Там же, л. 28 об.

⁵ Там же, лл. 10—11 об.

⁶ Разметка чередования всех реплик в списках ролей позволяет реконструировать текст интермедии, оставляя пробелы на месте отсутствующих реплик.

Интермедия высмеивает мнимую военную доблесть дворян. „Шляхта“ Елисей так вспоминает, например, о своем отце:

...батюшка-та мой был воин,
А как кликнут на службу, обнимя голову, и воет.
Под многими он был городами —
За печкой под гредами.

В интермедии высмеивается и костюм дворянского щеголя. Слуга, например, обращается к нему со словами:

Здорово, московской щеголь, веретеном хвост!

Модный сюртук щеголя оказывается сшитым из соляного куля, утащенного с судна на Москве-реке,

А праздничной мой мундир,
На котором три тысячи сорок дир,
Башмачки на мне новы,
Только пяты голы.
А вот у меня золотые пражки,
Только я бы поел орженой каши.

В интермедии неоднократно подчеркивается тяжелое положение крепостных слуг у такого барина; он не обращается к ним иначе как с бранной кличкой, слуги голодают („мы з голоду подохли... мы дубовыми корками передавились“, говорят слуги); барин постоянно угрожает им то рукоприкладством („Каналья, вить я в щоку“!), то батогами, Петрушка, Гаврило, Корпуха, Авдей — слуги „шляхты“ — от всей души презирают и ненавидят своего господина. Их диалоги с барином полны не только явной издевки, но и прямой угрозы расправиться с ним. Недаром, идя на зов барина, слуга захватывает с собой дубину, объясняя свой поступок так:

...сударь, я иду да несу дубину.
Бывает, с тобою побранюся,
Так я ею и оборонюся.

Характерна с этой точки зрения развязка интермедии; после перебранки барина со слугами, сценка завершается таким диалогом:

Шляхта

Бестия, полно тебе болтать!

Слуга

Как я тебя возьму топтать,
Так некому и отнять.

Шляхта

Каналья, вить я в щоку!

Слуга

А я шляхту по боку.

Шляхта

Вить я не стану и месечину давать.

Слуга

Полно, тебе самому по полушке хлеба покупать.

Ш л я х т а

Хошь ли ты, каналья, как я тебя возьму возить?

С л у г а

А я рад на тебе ездить.

Интермедия рисует, таким образом, крепостного слугу, который не хочет терпеть издевательств, а готов дубиной расправиться с ненавистным ему барином, бездельником и обидчиком.

Антицерковная направленность интермедий данного сборника обнаруживается двояко. Она заметна, например, в „Интермедии о свадьбе однодворцовой дочери“ в пародировании церковного обряда¹ и звучит еще отчетливей в сатирическом изображении пьянства, разврата духовенства.² Эта интермедия близка к давно опубликованному тексту из сборника Государственной Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, собрания Тихонравова, № 314,³ отличаясь от нее отсутствием образа цыгана и заменой келейницы — просвирней. В сборнике Титова № 1627 эта интермедия заканчивается сценой попойки и пляски монаха-старца с чернобровой просвирней и приглашенными последней гостями: Гаером, Поляком и Бурлаком.

„Интермедия о свадьбе...“ — резкая сатира на быт духовенства — является наглядным комментарием к известному указу от 21 декабря 1750 года, который, разрешая представление комедий любителями на святках, требовал, чтобы „на русских комедиях в чернеческое и прочее касающееся до духовных персон платье не наряжались“.⁴

Образцом перерастания интермедии в короткую бытовую комедию является „Интермедия о свадьбе однодворцовой дочери“.⁵ Содержание первой сцены — сватовство — изложено во вступительной ремарке: „Выходит однодворец, рассказывает про свое житье и про дочь, выходит сваха, сватает дочь замуж, потом и дочь выходит“. Вторая сцена — смотрины: „Сваха пойдет и выведет жениха и еще гостей смотрит невесты“. В третьей сцене — свадьба: „Выходит цыган и выводит попа“. В ответ на слова жениха:

Батюшко, изволь нас венчать,
Да вели ее мне поцеловать... .

цыган „поставит лестницу к невесте и велит целовать, а, поцеловав, станут плясать“.

В этой интермедии особенно интересна роль дружки цыгана, насыщенная шутками и прибаутками. В ней следует отметить пародийную „роспись приданью“, хорошо известную в лубочных картинках и рукописных текстах XVII и XVIII веков.⁶ Заслуживает также внимания выходной монолог однодворца, который жалуется на „горькое житьишко“ в деревне: „с недороду хлеба голодом не знаю, как быть“. Он приехал в город, чтобы определить дочь работать или выдать ее замуж.

¹ Сборник Титова № 1627, л. 116 об.

² Там же, л. 115—115 об.

³ Н. К. Гудзий. К истории русского театра. I. Интермедия о старце. Известия Таврического университета, кн. I, Симферополь, 1919, стр. 152—158.

⁴ Полное собрание законов. СПб., 1830, т. XIII, стр. 392, № 9824.

⁵ Текст реконструирован по ролевым спискам: роль дружки-цыгана — л. 116—116 об., роль дочери-невесты — л. 116 об., роль жениха (не имеет конца) — л. 117, роль отца невесты — л. 117 об.—118 (не имеет конца), роли свахи и попа отсутствуют.

⁶ Д. Ровинский, ук. соч., т. I, стр. 367 сл. Ср. также: БАН, Собрание Тимофеева, № 1 — „Свадьба знатная. Роспись приданому“, лл. 1—4. ГИМ, Муз. 2857, „Роспись приданому жениху лукавому“ — лл. 132—135.

Для бедной девушки замужество — дело не любви, а житейского устройства. Она не ищет жениха красавца и по сердцу. Невеста так говорит свахе о женихе:

Не то б хорош был собой,
Да имел бы двор свой,
То бы пошла за него неотменно.

Связь с народной драмой в интермедиях очевидна; по всей вероятности, некоторые из них в основе своей имеют литературно обработанные сценки устной народной драмы (ср. диалог „шляхты“ со слугами и устную драму „Голый барин“). Во всех сколько-нибудь разработанных интермедиях действующие лица, как и в устной народной драме, представляют себя зрителям в комическом выходном монологе. На речевой комический эффект, столь частый в устной народной драме, рассчитаны сцены перебранки барина со слугами („Прошка? — Кой чорт окрысился, как бешеная кошка“; „Петрушка! — Кой чорт ворчит, как в лесу лягушка“).

Таким образом, можно с полным основанием сказать, что публикуемые интермедии являются образцами письменной драматургии городского демократического театра XVIII века, которая создавалась на материале русской жизни, в тесной связи с традициями устной народной драмы и была направлена против господствующего класса.

Интермедия о свадьбе однодворцовой дочери¹

[Явление 1]

(Выходит однодворец, рассказывает про свое житье и про дочь, выходит сваха, сватает дочь замуж, потом и дочь выходит).

Однодворец

Здоровым желаю вам быть, бояра и господа!
А я из деревнишки пришел сюда,
Ибо мне в деревне нельзя жить,
Понеже с недороду хлеба голодом не знаю, как быть.
Хочу вам сказать о своем горьком житьишке,
Также и о своей бедной дочеришке.
Я однодворец в старые годы бывал,
А ныне мало имею, так в нищие попал.
Ныне я уж не знаю, чем и питатца,
Ей-ей не имею, как з дочерью жить и пробавлятца.
Не знаю, кормильцы, как и быть
И куды мне голову приклонить.
Хочу дочь ту отдать куды работать,
Чем бы могла и меня пробавлять,
Или замуж ее отдать.
Да не знаю, где жениха соискать.
Не знаете ль вы, господа, жениха или свахи?

(Выходит сваха и говорит. Старик кланяется)

Пожалуй, старушка, не опасайся
И з дочерью моею повидайся.

¹ Интермедия занимает лл. 116—118.

Мы тебя не забудем,
 А за сватанье платить будем.
 Пожалуй, посмотри и мою дочь,
 А уж не увидишь ее, как придет ночь,
 Понеже она по ночам те рыщет,
 А все женихов ищет.
 Велишь ли ее призвать теперя?

С в а х а

.....

(Старик кличет дочь)

Дочь, а дочь!

(и приходит)

Д о ч ь

Кой цорт! ворцишь, старой цорт!

С т а р и к

Дочь, вот сия старушка жениха хочет сосватать тебе,
 Которой будет зятик мне.

Д о ч ь

(свахе)

Пожалуй, старушка, только б был он хорош.

С в а х а

.....

Д о ч ь

Пожалуй, возьми,
 Только не обмани,
 Не то б хорош был собой,
 Да имел бы двор свой,
 То бы пошла за нево неотменно.

[Явление 2]

(Сваха пойдет и выведет жениха и еще гостей смотреть невесты)

Ж е н и х

Здравствуйте, господа дворяне, а все миряне!
 Вот я сюда пришел да и сколько людей нашел.
 Привела меня суды сваха, подыстерня пряха,
 Смотреть невесты.
 Да где ж и сесть? все заняты места.

С в а х а

.....

Жених

Каков та я вам, господа, кажуся?
 Еще лутче буду, как не женюся.
 Хочу я вам о себе сказать,
 Чтоб вы могли о моем имени знать.
 Зовут меня Анкудином,
 А ино называюсь... сыном.
 Жительство я имею в Черной речке под водою,
 Да вот мой и дедушка с бородою.
 В тине там вожуся,
 Да на сваях и сажуся.
 Хочу я ныне женитца,
 Да не знаю, где с ней и спать ложитца.
 Разве в Патисове в лесу
 Или на дерево взнесу,
 Чтоб выпавшись можно в реке искупатца.
 Конечно, другому так не удатца.

Сваха

.....

Жених

А вот и лицо та ее посмотрю,
 Нешто запылил с питья глаза, только про[тру].
 Вишь, какая она лыса.
 Да нам такая и нада белобрыса.

Сваха

.....

Жених

Я ста не вина пришел напитокца,
 Хочу на тебе женитца.

Невеста

Изволь прежде веселитца, а я рада в дом твой
 вселитца.
 Бацка, а бацка, надобно не мешкав отдать за нево,
 Чтобы не разошлось дело таково.

Отец

.....

Жених

Надобно у невесты еще приданово спрашати.

Невеста

Попроси ево, пожалуй, поскорые.

Цыган

.....

Невеста

Сватушка, цыганушка, требует у меня жених росписи
приданому.

Цыган

Вот я скажу ему лукавому
Роспись приданому:
Кичка строченая,
В ней береза точеная.
Подзатыльник красной,
Да поддубрусник атласной.
Сорока строченая,
Да перевяска соломенна золоченая.
Переденка бисером шити
Да костик из дерева липы
В три молота сбиты.
Без ценовки сшита епанча,
Да на занавесы рогожна парча.
Понове сшита кочетыгом с подковыркой
С маленькой дыркой.
Мочальная понки
Да в приданные брать ее оконка,
Хлопеник
Да соломанной мшеник,
Лапотки семерички
Да дубовые чирички,
Подколной тулуп
Да жен[и] горшок на пуп.
И то приданое все [на] лицо,
Как свиное яйцо.
Ну, песей сын, довольно-ль будет тебе приданово сево?

Отец

.....

Жених

.....

Невеста

Прикажете ль свати попросить?

Жених

.....

Невеста

Сватушка, цыганушка, пожалуй теперь
Да приведи с собою карачаровского попа Аверю.

[Явление 3]

(Выходит цыган и выводит попа)

Цыган

Стережися, бережися! Еду из лицари, цыганин
з усами,

А там пребывал
И на конях разъезжал.
Прослышало ухо,
Тонкое брюхо,
Что в вас происходят за манеры,
Новые малoverы?
Хотят женитца,
Со мной увеселитца,
Так меня везде почитают
И сюда призывают.
Без меня, цыганина, нигде не споритца,
А при мне всяк веселитца.
А то я вас здесь оболваню
Да сведу в чухонскую баню.
Вот вам Аверя,
Из Корочарова поц, приехал топеря.

Жених

Батюшко, изволь нас венчать,
Да вели ее мне поцеловать.

(Цыган поставит лестницу к невесте и велит целовать, а поцеловав станут плясать)

Цыган

Ну ж нечего ждать,
Пора гостей з двора провожать.
Провожу вас на небеса
В геенские чудеса.

Невеста

(к отцу)

.....

Отец

Извольте поскоряе окончать.

Жених

Да как бы поскоряе сына зачать.

[Интермедия] вторая о шляхте¹

Поздравляю компании сей,
 А я пришел сюда, шляхта Елисей.
 Полно, батюшки, базуга вшей.
 Воистину и я, шляхта, не плох:
 Полны у меня клапаны блох,
 Вить и я был великого роду,
 Зачастую пивал на Москве-реке воду,
 Не знаю, которого и году.
 Однакож родня-та моя и ныне велика,
 Даром, что я подпоясан лыком.
 Сродство мое нынче в чести,
 О четырех латках в различной шерсти.
 Да мне от них не велика честь,
 И таперь хотели, батюшки, свесть,
 Однакож и я не держал,
 Воистинну со страстей суда забрел.
 Вить я у себя имею охоту,
 Да приказал слуге своему, моту,
 А он, каналья, ейо распустил,
 Знать по [*неразборчиво*] на меня напустил.
 Хотел было меня затравить,
 Ей, насилиу успел двери отворить.
 Ну да я ему заплачу.
 А топерь с вами, господами, разговаритца хочу.
 Тфу, провал, как я был богат,
 Так всяк мне был брат и сват.
 А как оскудел
 Да заслуженой мундир надел,
 Так никто не узнал,
 Хоть бы хто чортом назвал.
 Ека, батюшка, притчина
 Будто не знаю, которого я чину.
 Воистину я был Розбегаева полку капрал
 У меня и [*неразборчиво*] без вести пропал,
 А мы многократно [с] матушкой искали,
 Насилу [*неразборчиво*] з голосу не оттащали,
 А он, знать, был на небесах,
 Либо в земских чудесах.
 Вить батюшка-та мой был воин,
 А как кликнут на службу, обнимя голову, и воет.
 Под многими он был городами—
 За печкой под гредами.
 Неотменно он служил,
 А избу-ту натопят, так он тужил:
 Затем [*неразборчиво*] нельзя на печи-та лежать,
 И думает, как бы убежать.
 Да побывавши на улице, сказывает, что был походным,
 А он дрова колол клином.
 Ну да я, господа, хорош,
 Вот у меня есть грош.
 Вот уже он полдни-та наступят,

¹ *Интермедия занимает лл. 111—124 об.*

Так слуга поедет да гороховеник купит.
 И таков-то я, господа, бывал,
 Што много у себя и крестьян видал.
 А мой-та были крестьяне
 Все лесные палзуны.
 Целу я их вотчину имел,
 А заехать к ним никогда не смел,
 Понеже оне в дальном расстоянии стали,
 Воистинну меня не знали.
 Куда платье-та у меня не скудно.
 Вчера прибежало на Москве-реке судно
 Все [с] сертуками,
 Сиречь с соляными кулями.
 А вот боло, батюшки, сшил я себе сертук,
 Да надеватца-та туг,
 Так только на нево поглядел,
 А слуга мой, каналья, и надел.
 Ему, батюшки, пришел в пору.
 Куда не мало ж у нас было збору.
 А празднишной мой мундир,
 На котором три тысячи сорок дир,
 Башмачки на мне новы,
 Только пяты голы.
 А вот у меня золотые пряжки,
 Только я бы поел орженой кашки.
 Бывало, как я сяду есть,
 Ан и хлеба в честь.
 А я слугам говорю: подавайте кушать!
 Они, канальи, погегут по подоконью слушать,
 А там што-нибудь попросят,
 А всякой на стол мне носят.
 Так я за то на них закричу,
 Воистинну иногда и так прогложу.
 А такое-то усов кушанье бывало,
 Што иному за один глоток мало,
 А имянно:
 От студеных —
 С уксусом солому,
 А поевши отдать иному,
 А из жерких —
 Кишица колотка
 Да лука солотка,
 Сиречь лягушка, рябчик с пухом з духом,
 Да яичка з духом, сиречь болтун,
 Курочка вороная,
 Да кокушечка дворная,
 Сиречь воробей.
 Так и полно есть
 И [неразборчиво] хлеба в честь
 Право бы поел,
 Лишь бы где изобрел
 Печенова теста,
 Забавы место,
 Хотя б было не воложно,

Однако же [*неразборчиво*] не порожно.
 Да вот, господа, вить и слуг-та много имею,
 А кликнуть — и одного не смею.
 Однакож покличу: Слуга!
 Ах, ек они, каналы, занялись,
 И собаки-та все разбрелись.
 Нет, да я хоть именовем-та назову,
 А таки позову:
 Петрушка!

С л у г а

Кой чорт ворчит, как в лесу лягушка?

Ш л я х т а

Ах, батюшки, где-та мой слуга Гаврила?

С л у г а

Ево вчера пустая изба задавила.

Ш л я х т а

Так он, каналия, неможет?

С л у г а

С собаками вместе кости гложет.

Ш л я х т а

Ну, да я ево полечу,
 В три перемены в батоги перекачу.
 Знать, покликать Прошку,
 Авось либо мне поклонится в ножку.
 Прошка?

С л у г а

Кой чорт окрысился, как бешеная кошка?

Ш л я х т а

Ах, бестия, глуп он, насмешник, мой плут,
 Такой он и бежит на двор.
 Ему велел, штобы пива наварил,
 Он, каналия, и жену было мою зарыл.
 Где-та мой слуга Карпуха?
 Он было и матушку ушиб обухом.
 Знать [*неразборчиво*] кликнуть Авдея,
 За ним мало дела. Авдей!

С л у г а

Куда те черт несет! За угол не задень!
 Кошку, сударь, зашибешь,
 А я выду, так и места не найдешь.

Шляхта

Каналья, аль вы оглохли?

Слуга

Да уж мы з голоду подохли.

Шляхта

Никак вы, канальи, зговорились?

Слуга

Да уж мы дубовыми корками передавились.

Шляхта

Пошлите-ко мне хошь пасынкову детину.

Слуга

Вот, сударь, я иду да несу дубину.
Бывает, с тобою побранюся,
Так я ею и оборонюся.
Здорово, московской щеголь, веретеном хвост!

Шляхта

Чю, батюшка, он говорит, бутто великой пост?
Каналья, вить мы не заговелись.

Слуга

Я знаю-то давно проговелись.

Шляхта

Каналья, вить и я сам не едал.

Слуга

А я мало и хлеба видал.

Шляхта

Што ж ты, бестия, не вежливо говоришь?

Слуга

А ты што нас з голоду моришь?

Шляхта

Расканалья, кушать мне собери!

Слуга

Да коево пострела, дьявол тя побери?

Шляхта

Каналья, разве у нас ничем ничего нет?

Слуга

Вон в заходе навалено, что некуда и деть.

Шляхта

Ии, сходи, купи, вот тебе полушка.

Слуга

Да кой на нее дьявол купить? Разве мерзлая лягушка.

Шляхта

Разбестия, лягушка! Лягушка эта скотска.

Слуга

Экай ста скоцка, настоящая еда господска.

Шляхта

Купи чего-нибудь похуже.

Слуга

Да разве камень посуше?

Шляхта

Расканаля, камень? Камня не едят люди.

Слуга

Ии не купить ли ста у кобылы ис под хвоста груди?

Шляхта

Разбестия, груди! Грудь душа не примет.

Слуга

Экой ста не примет, как за ухо кинет.

Шляхта

Как ты, каналья, ничем мне услужить не можешь?

Слуга

Да и ты, шляхта, по нраву избрать не можешь.

Шляхта

Да вот весь живот опустел,
А теперь праздник приспел,
Было б што есть.
Вели, каналья, хошь Карпухе чево принесть.

Слуга

Карпуха, поди, боярин зовет.

2-й слуга

Зачем велел привесть?

Шляхта

А я тебе велел рыбки-та принесть.
Был ли ты на базаре-то?

Слуга

Был, сударь.

Шляхта

Велик ли базар?

Слуга

Не мерил, сударь.

Шляхта

Много ли людей?

Слуга

Не щитал, сударь.

Шляхта

Да купил ли ты рыбы-та?

Слуга

Купил, сударь.

Шляхта

На много ли рыбы-та купил?

Слуга

На грош, сударь.

Шляхта

А друго-ет где грош девал?

С л у г а

А рыбы-та купил?

Ш л я х т а

Бестия, да я тебе дал два гроша.

С л у г а

Я не знаю, сударь, баба-та хороша.

Ш л я х т а

Где друго-ет грош?

С л у г а

А рыбы-та купил.

Ш л я х т а

Да какой ты рыбы-та купил?

С л у г а

Рыбу ерша, да рыбу скок.

Ш л я х т а

Ах, бестия, да скок-лягушка.

С л у г а

То тебе вместо мякушки.

Ш л я х т а

Ах, бестия, плут, насмешник, тут изволь с ним
говорить,

А топерь хочет удавить.

Напоил ли-та, каналья, лошадь?

С л у г а

Напоил, сударь.

Ш л я х т а

Да што у нея губа-та суха?

С л у г а

Не достала, сударь.

Ш л я х т а

Да ты бы, каналья, пролубь-ту подрубил.

С л у г а

Я и так, сударь, ноги-та подрубил.

Ш л я х т а

Ах, бестия, таку ты у меня лошадь-ту извел!

С л у г а

Я сударь, ее на конюшню свел.

Ш л я х т а

Бестия, полно тебе болтать!

С л у г а

Как я тебя возьму топтать,
Так некому и отнять.

Ш л я х т а

Каналья, вить я в щоку!

С л у г а

А я шляхту по боку.

Ш л я х т а

Вить я не стану и месечину давать.

С л у г а

Полно, тебе самому по полушке хлеба покупать.

Ш л я х т а

Хошь ли ты, каналья, как я тебя возьму возить?

С л у г а

А я рад на тебе ездить.

[Интермедия третья¹]

(Сидит шляхта з женою, говорят по-немецки)

Ж е н а

Батька мой, не знаю, что ты болтаешь,
Только вить ты один и знаешь.
А я по-немецки не обучена,
А от тебя будто как отлучена.

¹ Интермедия занимает л. 19 об.

Муж

Ах, мне не хочется по-русски говорить,
А жаль, что тебя так трудить.
Однакож не хочу от себя отлучати,
Буду тебя немецкому языку обучати.

(Гаер вылет)

Здравствуй, мой милостивый господин!
Вижу, что ты сидишь не один,
А слышал, что ты изволишь ведати,
Хочешь отдать жену немецкому языку обучати.
Я готов служить, как ротшему [?] брату,
Не пожалею себя, большую плату
Только извольте дать 100 ру[блев],
А то будет много слов.

Шляхта

Изволь 100 ру[блев] могу дати,
Надобно только хорошенько обучати.

Гаер

Добро, вы извольте от нас отходить, я хочу одно слово
объявити.

Шляхта

Изволь, я не буду мешать,
Что найдешь, изволь сказать.

(Шляхта пойдет. Гаер останется, говорит жене)

Гаер

Ну извольте знать немецкий язык
Не бойсь, не будешь иметь труд велик.

Жена

Пожалуй обучи, ево я готова благодарити,
А, кроме мужа, не знаю чем подарити.

Гаер

Ну, моя сударыня, даром не стыдися —
Язык свой изо рту выпустить потщися,
А я только свой к нему приложу,
То всю свою немецкую науку покажу.
Не надобно и аз буки обучати,
Сейчас можешь все познати.

Жена

Ах, как больно стыдно,
Однакоже, никому не видно.

(Выпустит язык, Гаер будто приставливает свой язык и откусит половину, отчего она залепечет. Гаер побежит прочь).

М у ж (выдет)

Что тебе зделалось, мой друг?
Отчего стало так вдруг?

Г а е р (выдет з жгутом)

Ну, дурак шляхта, я не трусил.
Прилежно у жены твоей язык откусил.

Е. Э. ГРАНСТРЕМ

Сокращения древнейших славяно-русских рукописей

Употребление сокращений в древнейших славяно-русских рукописях есть один из наименее разработанных вопросов славяно-русской палеографии. Сокращения рукописей более позднего времени, особенно сокращения деловой скорописи XVI—XVII веков, исследованы подробнее. Так, в работе Н. С. Чаева и Л. В. Черепнина „Русская палеография“ довольно тщательно изложены основные принципы сокращений в древнерусских актах, а также даны списки сокращений, специальных условных знаков, употреблявшихся для отдельных слов с раскрытием этих знаков.¹

Что касается сокращений рукописной книги древнейшего периода, то в работе Чаева и Черепнина, может быть, впервые в руководстве по русской палеографии, хотя очень бегло, дано правильное толкование причины появления сокращений, так называемых *Nomina Sacra*.

В большинстве же трудов,² как специально посвященных славяно-русской палеографии, так и касающихся истории письма попутно, наряду с рассмотрением каких-либо иных проблем, сокращения древнейших рукописей лишь упоминаются, указываются отдельные подлежащие сокращению слова, толкование же сокращений или не дается вовсе или дается неправильно.

Наиболее подробно древнеславянские сокращения — только в глаголической письменности — разобраны в работе чешского палеографа И. Вайса.³ Вайс не ограничивается простым перечислением сокращений, встречающихся в глаголических рукописях, но выясняет их происхождение и состав (например, указывает сложные слова, выясняет, из каких рукописей то или иное сокращение заимствовано — из латинских или из греческих и т. п.).

Отсутствие интереса исследователей к древнейшим сокращениям не случайно; наиболее отчетливо причина этого выражена И. В. Ягичем в его комментариях к изданию Мариинского четвероевангелия,⁴ где говорится, что в сокращениях древнейших славяно-русских рукописей заметна лишь „рабская зависимость“ славянской письменности от средневековой греческой, от византийской. И в самом деле, до последних

¹ Н. С. Чаев и Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1947, стр. 141—144.

² Е. Ф. Карский. Славянская Кирилловская палеография. М.—Л., 1928, стр. 214, 231—232. — В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1918, стр. 32.

³ J. Vajs. Rukověť hláholské paleografie. Praga, 1932.

⁴ И. В. Ягич. Мариинское четвероевангелие. СПб., 1883, стр. 418.

лет, до новейших исследований советских ученых о происхождении древнерусского литературного языка и письменности, древняя славянская (в том числе и русская) письменность считалась всецело заимствованной, введенной из Византии искусственным путем одновременно с принятием христианства и в интересах церкви; поэтому древние славяно-русские рукописи рассматривались лишь как копии, списки, с византийских образцов, и приведенный выше взгляд на употребление сокращений и отсутствие интереса к ним были естественными.

Надо сказать, что древнейшие рукописи дают основание для того, чтобы считать их только списками с византийских рукописных книг. До наших дней сохранились от XI века почти исключительно богослужебные книги, текст которых представляет собой переводы с греческих текстов, а внешнее оформление во многом следует традициям, установившимся в греческой и латинской средневековой рукописной книге.

Новейшие труды советских ученых,¹ посвященные истории древнерусского литературного языка и древнейшему периоду русской письменности, доказали, что письменность эта возникла на основе потребностей и запросов, выдвинутых развитием древнерусского государства, на основе известного уровня развития культуры, а не была искусственным нововведением.

Рассмотрение сокращений дает некоторые дополнительные сведения для характеристики начального, известного нам в памятниках, периода письменности.

Настоящая статья посвящена сокращениям в русских и болгарских рукописях X—XI веков как памятниках древнейших и лишь бегло касается сокращений более позднего времени, XIII—XIV веков.

Начальный период истории славяно-русской письменности чрезвычайно затруднен для исследования ввиду малого числа сохранившихся памятников и источников. Древнейшие источники представляют собой богослужебные тексты, предметы культа, следовательно, тесно связаны с обрядностью, заимствованной вместе с христианской религией. В этих рукописях представлено лишь церковное, официальное начало письменности, освещенное также и в источниках, где идет речь о возникновении письменности вместе с принятием христианства. Истоки же древнерусской письменности, связанной с потребностями растущей культуры народа, лишь косвенно отражены в источниках и почти не представлены памятниками. Среди памятников можно указать лишь некоторые надписи, печати, монеты, недавно найденные берестяные грамоты.

Наиболее часто встречаются в древнейших рукописях сокращения „священных“ слов — *Nomina Sacra*. Слова эти сокращаются по методу контракции. Они возникли в древних греческих рукописях — именно в христианских текстах — под влиянием древнееврейской тетраграммы, означающей имя бога. Священное имя должно было быть скрытым от взора непосвященных. В средневековой греческой и латинской письменности список священных слов, писавшихся сокращенно, для сокрытия их смысла, значительно вырос.² Понятно, что при переводе еван-

¹ С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946. — Д. С. Лихачев. Возникновение русской литературы. М.—Л., 1952. — П. Я. Черных. Язык и письмо. История культуры древней Руси, т. II, М.—Л., 1951.

² Относительно сокращений в средневековых греческих и латинских рукописях см.: V. Gardthausen. Griechische Paläographie, Bd. II. Leipzig, 1913, стр. 319 сл.; О. А. Добаш-Рождественская. История письма в средние века. 2-е изд., М.—Л., 1936, стр. 163—196; L. Traube. *Nomina Sacra. Versuch einer Geschichte*

гельских текстов с греческого языка на древнеславянский эта система сокращений перешла в славянскую письменность. В глаголических и кирилловских рукописях XI века встречаются сокращения следующих священных слов: 1) заимствованные из греческих рукописей: бог, господь, дух, отец, небо, человек, Давид, Израиль, Иерусалим, Иисус, Христос, сын, мать, крест, спас; 2) заимствованных из латинских рукописей: святой, церковь, глаголати, цесарь, ангел, апостол, сердце, благовословен, владыка, пророк, мученик, мученица, милость, молитва, епископ, архиепископ, язык, поп.

В рукописях употребляются также косвенные падежи перечисленных существительных, прилагательные с тем же корнем (например: небесный, человеческий) и сложные слова, в состав которых входит какой-либо из указанных корней (например: милосердие, благодать).

Писцы некоторых памятников еще колеблются в употреблении сокращений, число сокращаемых слов в них меньше, некоторые слова пишутся то сокращенно, то полностью. Так, в Супрасльской рукописи слово „Исус“ пишется то полностью, то в сокращенной форме. В Маринском четвероевангелии многие слова (ангел, благовословен, бысть, владыка, глаголати и др.) пишутся то полностью, то сокращенно.

Можно привести пример, показывающий, что писцы отчетливо понимали смысл применения сокращений священных слов; так, в Зографском евангелии — одном из древнейших памятников старославянского языка — сокращается слово „дух“ в смысле „святого духа“, но „дух нечистый“¹ пишется полностью.

Как упоминалось выше, сокращения эти образовывались по принципу контракции, т. е. стяжения слова, в первую очередь за счет выпадения гласных, и покрывались титлом. Одновременно с сокращениями Nomina Sacra переписчики славяно-русских рукописей ознакомились и с другими сокращениями, встречающимися в греческой и латинской средневековой письменности. Так, в византийских и латинских рукописях широко применялся метод тахиграфических значков, с помощью которых обозначались как отдельные слоги, так и целые слова. Насколько мне удалось установить, этот метод не оставил никаких следов в славяно-русской письменности. Позднее, к XVI веку, русскими писцами была выработана самостоятельная система знаков, подробно изложенная в работе Чаева и Черепнина. Среди прочих известных средневековым писцам методов сокращений был также способ сокращенного написания слов путем вынесения отдельных букв над написанным в строку словом (табл. 1). Именно этот метод получил наибольшее распространение в славяно-русской письменности, во многих случаях восприняв из сокращений священных слов титло, которым покрывались выносимые наверх буквы. В славяно-русских рукописях XI века уже определенно намечен этот путь как основной, по которому в дальнейшем пошло развитие сокращений в славяно-русской письменности. Кроме того, уже в рукописях XI века, как кирилловских, так и глаголических, встречается ряд слов, сокращавшихся по принципу контракции священных слов, но не заимствованных из иноземной письменности, а образованных самостоятельно переписчиками русских и славянских рукописей (табл. 2). Именно на эти сокращения я и хочу обратить особое внимание.

der christlichen Kürzung. Quellen und Untersuchungen zur lateinische Philologie des Mittelalters, Bd. II, München, 1907.

¹ Евангелие от Матфея, гл. VIII, стих 16; гл. X, стих 1.

Таблица 1

Сокращения с помощью выносных букв

Сокращение	Раскрытие сокращения
бѣ	бысть
въ оно. въ оно вреѣ, въ ѿ	въ оно время
всѣ	всѣмъ
дѣ, днѣ	днѣмъ. днѣ
има	има рекъ
мѣ	мѣсяцъ
нѣ	нѣсть
оученико	оученикомъ
памѣ	память
пѣ, пѣми	пѣнь. пѣньми
ча	часъ
рѣ	рече
съподобѣ	съподобѣ
закѣно	закѣно
дѣ	дѣломъ
многѣмъ бразьнокѣ	многѣмъ бразьнокѣ
намѣ	нашему
лѣ, лѣнми	лѣто. лѣтнми.

Таблица 2

Сокращения, образованные путем контракции

Сокращение	Раскрытие сокращения
амнѣ	аминѣ
бѣтство	богѣство
прѣче	предтече
дѣ, двѣ	дѣва. дѣвица
кнѣ	кнѣза
нѣчю	нынѣчю
прѣта	пречистѣ
трѣ	трѣнце
стрѣць	сѣрастотерѣць
прѣдрѣсть	прѣмоудрѣсть
мѣтель	моучѣтель
чѣсть, нечѣсть	чѣстѣ, нечѣстѣ
цѣство, цѣсерѣвѣ	цѣрѣство. цѣсарѣствѣ
цѣрь, прѣ	цѣсарѣ, цѣсарѣ
па	память
слѣце, слѣчѣннѣ	слѣтѣнѣце. слѣтѣнѣчѣннѣ
бѣцю	богѣродѣцю
сѣртѣ	сѣмртѣ

В глаголических и кирилловских рукописях, помимо заимствованных сокращений, встречаются сокращения следующих слов: аминь, бысть, в оно время, месяц, нечист, ныне, песнь, память, предтеча, царство, богородица, пречиста. Следующие слова сокращаются только в глаголических рукописях: имя рек, диякон. В сокращенном виде встречаются только в кирилловских рукописях слова: князь, богатство, всяк, днесь (день), дева (девица), мучитель, несть, премудрость, рече (возможно — аналогия с „глаголати“), солнце, смерть, сподоби, страстотерпец, троица, ученик, час, чист, законно, многообразный, нашему, лето (летний).

В приведенных списках перечислены лишь сокращения, встречающиеся в тексте рукописей, а не в заголовках или указателях чтений, так как в этих случаях число сокращений гораздо больше, применяются они свободнее и чаще, нежели в связном тексте. Связный текст, будучи каноническим, писался строго по оригиналу, никаких отступлений от принятых традиций не допускалось. Заголовки, месяцесловы, указатели чтений на определенные дни не подчинялись традициям в такой мере и не были канонизованы. Во многом в этих частях рукописей проявляется индивидуальная манера писца. Примером может служить Остромирово евангелие, в котором указанные разделы текста написаны почерком с отчетливо выраженной тенденцией к полууставу.

Приведенные сокращения показывают, что число сокращений не иноземного происхождения в кирилловских рукописях в десять раз больше того же числа в глаголических рукописях. Будь эта разница не так велика, это можно было бы счесть случайностью, обусловленной хотя бы неполным подбором сохранившихся памятников. Но такая большая разница случайной быть не может.

Мне представляется, что наличие большего числа сокращений, развитых самостоятельно, а не заимствованных вместе с официальной письменностью церкви, в кирилловских рукописях русского происхождения указывает на то, что именно кириллица была письмом, применявшимся уже в начальном периоде русской письменности спонтанно; распространение ее, видимо, было менее связано с церковной письменностью. Факт нахождения единственного бытового памятника с надписью глаголицей (на крышке бочонка: „мень“—„налим“) дела не меняет, так как и это явление единично, а в сохранившихся глаголических рукописях нет никаких следов самостоятельности, независимости от письменности, заимствованной вместе с религией из Византии.

В дальнейшем я надеюсь сделать некоторые наблюдения над сокращениями в берестяных грамотах; число опубликованных грамот еще так незначительно, что на основании их нельзя делать никаких наблюдений, тем более выводов.

Особенности употребления сокращений имеют значение не только для характеристики древнейших глаголических и кирилловских рукописей, а также и для истории полуустава. Среди характерных черт, отличающих полуустав от устава, обычно указывается наличие сокращений и выносных букв над строкой. Однако ясно, что здесь идет речь не о наличии сокращений, а о более свободном и частом употреблении их, чем в уставе. Выше я уже сказала о том, в каких именно частях текста наиболее отчетливо заметна тенденция к полууставу. Тот или иной тип письма, новый, входящий в употребление и постепенно вытесняющий ранее употреблявшийся, возникает не сразу. Сперва в письме намечается более или менее определенная тенденция к развитию нового типа письма и лишь значительно позднее этот тип входит в употребление, а прежнее письмо уступает свое место новому. Поэтому я счи-

тала бы правильным при изложении истории русского письма начинать историю полуустава не с середины XIV века, как это обычно делается, а отмечать в памятниках более раннего времени тенденцию к развитию этого типа письма.

Не следует думать, что вопросы употребления большего или меньшего числа сокращений или развития полуустава в уставных рукописях суть вопросы чисто формальные, касающиеся только истории графики. Употребление большего или меньшего числа сокращений, более или менее свободное их применение указывает на известный уровень развития письменности; наличие сокращений, возникших на почве русской письменности, свидетельствует также о высоком уровне развития письменности и достаточном ее распространении, а также подтверждает положение о том, что письменность на Руси возникла на основе внутренних потребностей страны, а не была только искусственным нововведением.

Именно в глаголице, как письме, искусственно введенном, самостоятельное начало проявляется гораздо слабее.

Что касается дальнейшего развития сокращений, то оно должно составить предмет отдельной работы. Здесь я хочу указать лишь на два памятника XIII и XIV века, совершенно с этой стороны не исследованные.

Один из этих памятников — XIV века; это отрывок рукописи, всего в один лист, текст которого написан лигатурами и условными знаками (см. рисунок).¹ В „Описании рукописей библиотеки Ф. А. Толстого“, составленном К. Ф. Калайдовичем и П. М. Строевым, этот листок описан как „образец древнерусского связнописания“. В тексте рукописи употребляются лигатуры, появляющиеся не кое-где, от случая к случаю, а регулярно; так же регулярно употребление условных знаков, а именно: ъ = >; ѣ = .; ѓ = \ ф = +.

В систематическом применении лигатур и условных знаков заметна привычка; видимо, писец прошел некоторую специальную выучку и рассчитывал на читателя, который не будет затрудняться при чтении текста, написанного несколько необычными приемами. Текст этой рукописи — отрывок из слов Григория Назианзина, т. е. текст не богослужебный, а предназначенный для чтения.

Мне известна всего одна рукопись — именно этот листок, — текст которой сплошь написан лигатурами и условными знаками.

В Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина имеется рукопись конца XIII века,² в которой регулярно употребляются подобные лигатуры и изредка встречается условный знак для обозначения выносного ф, именно крестик +. Рукопись эта — Кормчая, написанная в 1284 году в Рязани; текст не богослужебный.

Таким образом, еще один памятник подтверждает, что сокращения древнейших рукописей употреблялись не только для сокращения священных слов.

Интересно отметить, что, как уже упоминалось, в славяно-русской письменности совершенно не нашли применения широко употреблявшиеся в средневековой греческой и латинской письменности другие системы сокращений и условных знаков, кроме сокращений священных имен. В греко-латинской письменности существовали еще в эллинисти-

¹ Хранится в Отделе рукописей Гос. Публичной Библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина под шифром Q п I 21.

² Шифр F п II 1.

ЕЛС. АТ. ТУДАСНЪ ОУЧАТО ОУСА
 ПЕРВЪ НАСРЪ. И ТАКИ МЗАГЛА
 ПЕРВЪСА. И СЪ ИДЪ ВАНЪ БЪ
 БЪ ДР. УМЪ БЛОУТЪ. ИР. ЛДА
 ЗАМЛОНА. УТЪ СЪ ПРАДЪ ИЛ
 СЪ ДЪ. ПЪ ЧЕ ЖЕИ. БЛЪ ФОС. ЦРО
 ИВЪ ЗЪ И УШЕ ТЕМНА. БЛЪ
 ШЕ ЖЕ. НУЪ И ОУЪ. И УТЪ ЖЪ ФВОИ
 ШЕ ОУСРЪ И ША И СРТИ. И ВАИ
 ДЪ ШЛА И ЗНАА. И УМЪ ВАРУ
 МА. НА И ПДА СДА. И НАЗ
 ПР. СКЛА ВЪ ЦАСУ РЕН СЪ
 И УСОУ УТЪ. ЕЛОЖ И ДА
 ПЪ Ж ОУРЕ И СРДЪ. В ПСА РЕ. И
 И ПСО И УТЪ ЖЪ ОУРТЕ И ОУСА
 ЖЪ ЗЪ. ЦЛ. В. И ВЪ ДМУ ЖАР И
 ЖЪ ЛЕ ОУЖ РЕ Л. ВЪ И ОУ РИ
 ДЛ СЪ ДЪ. И И УМЪ ВЪ ПЛ ОУ И
 ЕЛО И ЛОЪ ЗЪ. СЪ Ж ПРА ДЪ
 ТЪ Ж ПР Е ДЪ. НИ Д. И
 ПР СЪ ГЪ. А СЪ И Т И Н
 И ТЪ Ж И Е С П Р Ш Е В И Е СЪ.
 ЛГ. УИ НАСРЪ. БЪ. И БЛА Ж И ШЪ НА
 ЖЪ ОУ. И А С Р Е БЪ С О ДЪ С ПЪ ЕЛО
 В О О С И П Л. И Т Г Д А И С Е В ДЪ
 И И С О ВЪ И М ВЪ ДЪ. ЖЪ И Е Ж П Л
 У В. О П Р О С. В Д Ц О У И Д А. С Е Ж
 В О У Ш Е. О В Ш Х Т Г Д А. И П Р

ОУШЕ СРТИ. СЪ Ж П Р А Б И П
 МЛЪ П О Л Ж Е М У В Ш. П Р Е С
 И С Е К О Т Г О У Д. И П Л И Д
 И НАСР. И Б С А С Т А В А И М С Ц
 Б Л А. Б В Б Е НАСА Р И Е. М П
 Ш А Б Л О Ж И Т И Г А З Л Е Р Д А Т А
 Т Е Ж А Е. П Л А С А Ш. И Т Н А Е. П
 Л А Ш Е Л А Ш. О В Т. И Л А В. П
 Д Ж Е П С Н И Е. Т О У Ж И П Л У И
 Г А Ж Т С А Л. И С П А Ш. И П Р Е
 Ш Е Н С. В Д М Ш Л А. Н Е У В А П У
 Д О У М. И С П Д А И С А М И С Т О
 Т А И В. С П В С В Ш Е И Е П Ш Е Л
 И А З И М Л. И Н А И Л О Л А. И М
 В П Б. И Д Х И Д Р Е М П И. И А
 Л У П О П А М. И А З П Х К А В
 Н С. Ж О С. И П Д И Д Е В Л М
 Ж В. П А С С Е. Т А С П Д И Ж И
 Г Д А П Р С Е С Е А И П П А Х Л. И
 МЪ ЛЪ Ж И. И СЪ И Т Е Ж А Ш.
 И С Т И. Н Е У Т В О П Л А М О Ш А
 БЛОУТА Е В С Т И О У Б О С Т
 И М А Л С. И С В Н А М Ж А С А.
 Ж Р Ш Н О В А С Н О У М. И Е Г
 Д ЛЪ. Б Ж П А З. И О У Т Е Л
 С Р А Д. И Р А М. И С В. Т Е С Е. А П
 У Т В Л С. И В С О Л Б Т Р О У Р
 И Д Р Ж А Е У О Е. Г В Л Т И

Отрывок „Слова“ Григория Богослова, писанный вязью и лигатурами XIV века.

ческую эпоху системы тахиграфии, сокращений, условных знаков для написания отдельных букв и слогов и цельных слов. В славяно-русской и, особенно, в русской письменности уже в древнейших сохранившихся рукописях твердо намечена та система, которая в последующие века развилась и получила наибольшее распространение — система сокращений с помощью выносных букв.

Таким образом, применение сокращений в древнейших славяно-русских рукописях указывает на то, что уже очень рано, в XI веке, славяно-русская письменность развивается самостоятельно, независимо от греко-латинской письменности, что методы сокращений слов были уже тогда намечены своеобразные, независимые от каких-либо иностранных образцов, заимствования замечаются лишь в употреблении слов религиозного характера. Видимо, помимо официальной письменности, более всего представленной в памятниках, существовала письменность иная, употреблявшаяся для бытовых нужд. Но мы не имеем материала для того, чтобы судить об этом роде письменности, и потому вынуждены искать следы ее в богослужебных рукописях.

Разница в применении сокращений в глаголических и кирилловских рукописях подтверждает мысль о том, что глаголица была введена искусственно и больше связана с церковью, между тем как кириллица развивалась спонтанно и в меньшей мере была связана церковными традициями. Неясно еще, почему наибольшее число независимых от иностранных образцов сокращений обнаружено было в кирилловских рукописях русского происхождения.

Наконец употребление сокращений дает некоторые данные для истории возникновения полуустава, а также указывает на то, что во всяком случае в XIV веке в русской письменности существовала система сокращенного письма, позволявшая экономить материал, время и труд писца.

Потребность в употреблении сокращений возникает лишь в то время, когда письменность уже достигает достаточно высокого уровня развития, распространяется в разных слоях населения, применяется для разнообразных надобностей. Сокращения славяно-русских рукописей дают добавочные сведения для суждения о распространении и уровне развития письменности на Руси и в Болгарии в XI—XIV веках.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ПАМЯТНИКОВ

Памятники древнеславянского языка

а) Глаголические

1. Киевский миссал (V. Jagić. Glagolitica. Würdigung neuentdeckter Fragmente. Wien, 1900).
2. Зографское евангелие (Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, глаголич. № 1).
3. Мариинское евангелие (И. Ягич. Памятник глаголической письменности. Мариинское четвероевангелие, с примечаниями и приложениями. СПб., 1883).
4. Ассеманиево евангелие (I. Črnčić. Assemanovo Izborno Evangjelje. Rim, 1878).
5. Синайская псалтирь (С. Н. Северьянов. Синайская псалтирь. Глаголический памятник XI в. Памятники старославянского языка, т. 4, Пгр., 1922).
6. Синайский требник (L. Geitler. Euchologium, Glagolski spomenik manastira Sinai brda. Zagreb, 1882).

7. Македонский (Рыльский) глаголический листок (Г. А. Ильинский. Македонский глаголический листок. Отрывок глаголического текста Ефрема Сирина XI в. Памятники старославянского языка, т. I, вып. 6, СПб., 1909).

8. Охридские глаголические листки (Г. А. Ильинский. Охридские глаголические листки. Отрывок древнецерковно-славянского евангелия XI в. Пгр., 1915).

б) Кирилловские

1. Надпись царя Самуила (П. А. Лавров. Палеографическое обозрение кирилловского письма. Энциклопедия славянской филологии, вып. 4, Пгр., 1914).

2. Саввина книга (В. Н. Щепкин. Саввина книга. Памятники старославянского языка, т. I, вып. 2, СПб., 1903).

3. Супрасльская рукопись (С. Н. Северьянов. Супрасльская рукопись, т. I. Памятники старославянского языка, т. II, вып. I, СПб., 1904).

4. Хиландарские листки (С. М. Кульбакин. Хиландарские листки. Отрывок Кирилловской письменности XI в. СПб., 1898).

5. Листки Ундольского (Е. Ф. Карский. Листки Ундольского. Отрывок Кирилловского евангелия XI в. Памятники старославянского языка, т. I, вып. 3, СПб., 1904).

Памятники русского языка

1. Остромирово евангелие (Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Отдел рукописей, шифр F п I 5).

2. Изборник Святослава 1073 года (по фотолитографическому изданию Общества любителей древней письменности, СПб., 1880).

3. Изборник Святослава 1076 года (Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Отдел рукописей, Эрмитажн. № 20).

4. Новгородские служебные минеи 1095—1097 годов (И. В. Ягич. Новгородские служебные минеи. СПб., 1886).

5. Архангельское евангелие 1092 года (по фототипическому изданию Румянцевского музея, М., 1912).

6. Отрывок Минеи на июль из собрания П. П. Дубровского (Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Отдел рукописей, шифр F п I 36).

7. Путятин Миней (там же, Софийск. № 202).

8. Златоструй из собрания А. Ф. Бычкова (там же, шифр Q п I 74).

В. И. МАЛЫШЕВ

Библиография сочинений протопопа Аввакума и литературы о нем 1917—1953 годов

До настоящего времени нет не только полной библиографии сочинений Аввакума, но даже сводок основной литературы о нем, несмотря на огромное количество работ, посвященных этой личности. Сведения о дореволюционных трудах об Аввакуме и публикациях его сочинений частично могут быть найдены по справочным изданиям А. В. Мезиер¹, С. А. Венгерова², А. С. Пругавина³, Ф. Сахарова⁴ и других⁵. Работы советских ученых об Аввакуме пока не отражены в указателях, остаются до сих пор еще несобранными, находясь подчас в редких изданиях и журналах.

Между тем, советскими исследователями много сделано по изучению жизни и литературной деятельности протопопа Аввакума, и многие стороны его многогранной жизни получили правильное освещение только в наше время.

Протопоп Аввакум — выдающийся новатор в области стиля и языка, человек с большим литературным дарованием. Сочинения его, независимо от идейного их содержания, составляют богатую сокровищницу многоцветного и сочного народного русского языка. Естественно поэтому, что основное внимание советских литературоведов было направлено в первую очередь на изучение языка и стиля протопопа Аввакума, выяснение характерных особенностей его своеобразной писательской

¹ А. В. Мезиер. Русская словесность с XI по XIX столетие включительно, ч. 1. СПб., 1899, стр. 115—116.

² С. А. Венгеров. 1) Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, вып. 1. СПб., 1889, стр. 24—38; 2) Источники словаря русских писателей, т. 1. СПб., 1900, стр. 6.

³ А. С. Пругавин. Раскол-сектантство, вып. 1. Библиография старообрядчества и его разветвлений. М., 1887, стр. 8—12 и др.

⁴ Ф. Сахаров. Литература истории и обличения русского раскола. Систематический указатель книг, брошюр и статей о расколе, находящихся в духовных и светских изданиях, вып. I—III. Тамбов — СПб., 1887, 1892, 1900 (страницы см. по именному указателю к каждому тому).

⁵ А. К. Бороздин. Протопоп Аввакум. Изд. 2-е, дополненное и исправленное, СПб., 1900, стр. III—XVI. — В. Я. Уланов. Опыт методологии истории. М., 1914, стр. 194. — Н. А. Рубакин. Среди книг, т. II. Изд. „Наука“, М., 1913, стр. 276—278. — И. А. Шляпкин. История русской литературы. Программа университетского курса с подробной библиографией. Изд. 2-е, Пгр., 1915, стр. 41—44. Значительная дореволюционная библиография об Аввакуме приведена также в антикварных каталогах, посвященных старообрядчеству и изданных московским и ленинградским магазинами „Международная книга“: каталоги №№ 17, 52, М., 1934; № 75 (библиотека В. Г. Дружинина), Л., 1932, и др.

манеры. В этом направлении велись работы В. В. Виноградова, П. Я. Черных, Н. К. Гудзия, В. П. Адриановой-Перетц, Д. С. Лихачева, В. Л. Комаровича, П. А. Вовчок, А. С. Елеонской, Э. Л. Креммер, В. Н. Шороховой, В. Е. Гусева и других.

Выяснению общественно-политического значения деятельности протопопа Аввакума, его места и роли в истории старообрядчества посвящены работы Н. М. Никольского, Н. К. Гудзия, Л. Е. Анкудиновой и других.

Продолжались поиски и публикации неизвестных произведений протопопа Аввакума и новых материалов о нем (работы В. К. Никольского и других).

В советское время вышло лучшее и наиболее полное издание сочинений протопопа Аввакума, тщательно прокомментированное П. С. Смирновым и Я. Л. Барсковым (Изд. АН СССР, М.—Л., 1927). В этом издании ряд важных сочинений Аввакума был опубликован впервые.

В 1934 году под редакцией и при непосредственном участии проф. Н. К. Гудзия вышло массовым тиражом лучшее научно-популярное издание „Жития“ протопопа Аввакума и некоторых других его сочинений, познакомившее широкие круги советских читателей с наиболее выдающимися творениями Аввакума (изд. „Academia“, М.—Л., 1934).

Отрывки из произведений протопопа Аввакума много раз печатались в советских научных и научно-популярных изданиях, в учебных хрестоматиях. Изучение сочинений Аввакума прочно вошло в вузовские программы и в курсы педагогических техникумов.

Благодаря работам советских ученых (В. К. Никольского и др.), подвергших критической проверке сведения, сообщаемые Аввакумом, его сочинения получили признание ценнейшего исторического источника, без которого не может обойтись ни один историк и литературовед, изучающий быт и нравы XVII века.

Многие советские писатели в поисках яркой и образной русской речи не раз обращались к сочинениям Аввакума. Известно, с каким вниманием изучали „Житие“ и послания Аввакума А. М. Горький, А. Н. Толстой, Д. Бедный, А. П. Чапыгин, В. И. Костылев, В. Я. Шишков, М. М. Пришвин. Писатели Л. М. Леонов, К. А. Федин, Ф. В. Гладков, С. П. Злобин и другие пользуются народным языком и сравнениями из сочинений Аввакума в своих произведениях. Некоторых советских писателей привлекала стойкость самого протопопа Аввакума, и они находили возможным приводить его в качестве примера общественного героизма (А. П. Чапыгин, В. С. Гроссман, О. Ф. Берггольд, В. И. Костылев, А. С. Яковлев и др.).

В советскую эпоху впервые был показан образ протопопа Аввакума на сцене (трагедия „Патриарх Никон“ В. Ф. Бодяновского в Госнардоме). В первые послереволюционные годы художественная инсценировка „Протопоп Аввакум“ шла в некоторых школах Центрально-городского района города Петрограда, в частности в школе, помещавшейся в б. гимназии Штейнберга на Звенигородской улице¹.

Настоящий библиографический указатель охватывает сочинения Аввакума и литературу о нем, напечатанные на русском языке в пределах СССР за период 1917—1953 годов. Не включены в указатель мелкие хроникерские и информационные заметки о вышедших изданиях и исследованиях, посвященных Аввакуму.

¹ Сведения любезно сообщены О. В. Риссом.

Материал в библиографии расположен в хронологическом порядке и разбит на следующие пять разделов: 1) издания текстов, 2) исследования и статьи, 3) диссертации, 4) литературные обработки сочинений Аввакума, 5) упоминания Аввакума в художественной литературе 1917—1953 годов.

Для настоящего указателя были просмотрены книжная, журнальная и газетные летописи, летопись рецензий и многие исследования, касающиеся древнерусской литературы. Однако указатель ни в какой мере не претендует на полноту и может служить лишь материалом для будущей полной библиографии по Аввакуму. Наименее полным, конечно, является последний раздел указателя, содержащий упоминания имени Аввакума в художественной литературе 1917—1953 годов.

В приложении дается библиография изобразительных материалов XVII—XX веков о протопопе Аввакуме. Советские художники не раз обращались к этой теме. Предлагаемая сводка может оказаться не бесполезной при дальнейшей работе над образом протопопа Аввакума.

При составлении библиографии автор пользовался помощью академика В. В. Виноградова, писателя К. А. Федина и профессора Б. М. Эйхенбаума. Во время работы над этим указателем в Москве (Рогожская застава) умер персональный пенсионер Петр Иванович Власов (24 I 1893—16 X 1953), большой знаток старообрядческой литературы, много помогавший мне при собирании сведений об Аввакуме и, в частности, при составлении этого библиографического обзора.

Издания текстов

1. **Книга бесед протопопа Аввакума.** Изд. Археографической комиссии Министерства народного просвещения, Пгр., 1917, XVI+стлб. 241—424+1 (оттиск из первой книги „Памятников истории старообрядчества XVII в.“, Русская историческая библиотека, т. XXXIX).

Напечатана „Книга бесед протопопа Аввакума“ по списку собрания П. Д. Богданова, Q. I. № 1059 (Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина), с разночтениями по нескольким рукописям.

2. **Памятники истории старообрядчества XVII в.,** кн. 1, вып. 1. Изд. АН СССР, Л., 1927 (Русская историческая библиотека, т. XXXIX), 960 стлб.+XCVIII стр.

Напечатаны почти все известные сочинения Аввакума с разночтениями по нескольким спискам.

Перепечатки отдельных отрывков: Хрестоматия по русской истории, т. II. Составил Михаил Коваленский, изд. 2-е, ГИЗ, М., 1922, стр. 178—180; Историко-литературная хрестоматия, ч. II. Древняя русская письменность XI—XVII вв. Составили Н. Л. Бродский, Н. М. Мендельсон, Н. П. Сидоров, изд. 2-е, ГИЗ, М.—Пгр., 1923, стр. 223—224; Русская литература. Хрестоматия для 8-го класса средней школы. Составили Н. Л. Бродский, И. Н. Кубиков, Учпедгиз, [Свердловск], 1945, стр. 54—57; Хрестоматия по истории СССР, т. 1. Составили В. И. Лебедев, М. Н. Тихомиров, В. С. Сыроечковский, изд. 4-е, исправленное и дополненное, Учпедгиз, М., 1951, стр. 478—479 (перепечатано с предыдущих изданий); С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов. Хрестоматия по истории русского литературного языка, ч. 1. Изд. 2-е, Учпедгиз, М., 1952, стр. 306—317; Хрестоматия по древнерусской литера-

туре. Составил Н. К. Гудзий, изд. 5-е, исправленное и дополненное, Учпедгиз, М., 1952, стр. 496—510 (перепечатано с предыдущих изданий).

3. **Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения.** Редакция, вступительная статья и комментарий Н. К. Гудзия, Изд. „Academia“, М.—Л., 1934, 500 стр.

Перепечатка отдельных отрывков: Сборник „Славное море“, Обл. изд., Иркутск, 1949, стр. 251—254 (описание Байкала и Ангары).

4. В. И. Малышев. **Три неизвестных сочинения протопопа Аввакума и новые документы о нем.** Доклады и сообщения Филологического института Ленинградского Государственного университета им. А. А. Жданова, вып. 3, 1951, стр. 255—266.

Напечатаны челобитная царю Алексею Михайловичу, два письма Аввакума (к жене и Авраамью) и документы о пребывании Аввакума на Мезени.

5. В. И. Малышев. **Неизвестные и малоизвестные материалы о протопопе Аввакуме.** Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом), Изд. АН СССР, т. IX, М.—Л., 1953, стр. 387—404.

Напечатаны шесть отрывков из „Жития“ Аввакума по списку Г. М. Прянишникова (Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина); документальные материалы о боровской и сибирской ссылке Аввакума, а также о пребывании его семьи в Мезени, по рукописям Центрального Государственного архива древних актов; библиография печатных изданий „Жития“; описание трех списков „Жития“ и высказывания об этом произведении Д. Н. Мамина-Сибиряка и А. И. Эртеля.

См. также: Труды Отдела древнерусской литературы, т. VIII, 1951, стр. 385—388 (напечатаны три отрывка из Прянишниковского списка „Жития“).

Исследования и статьи

1. А. Уманьский. **Старообрядчество и протопоп Аввакум.** Изд. Союза потребительских кооперативов Нижегородского района, Нижний Новгород, 1919, 51 стр.

Популярный очерк.

См. также: В. А. Мякотин. Протопоп Аввакум. Его жизнь и деятельность. Биографический очерк. Изд. 4-е, Изд. „Задруга“, Пгр., 1917, 144 стр.; С. П. Мельгунов. Великий подвижник протопоп Аввакум. Изд. 2-е, Изд. „Задруга“, М., 1917, 16 стр.; [С. П. Мельгунов]. Протопоп Аввакум. В кн.: Рассказы по русской истории. Под редакцией С. П. Мельгунова, изд. 4-е, Изд. „Задруга“, М., 1918, стр. 219—222; П. И. Власов. Из первоначальной истории старообрядчества. Новооткрытые памятники. „Голос церкви“, 1918, № 1, стр. 10—11; № 4, стр. 198—205; И. А. Кириллов. Старообрядческое просвящение. „Голос церкви“, 1918, № 5, стр. 227, 232.

2. В. [В.] Виноградов. **О задачах стилистики. Наблюдение над стилем „Жития протопопа Аввакума“.** „Русская речь“, сборник статей под ред. Л. В. Щербы (Труды Фонетического института практического изучения языков, под редакцией директора института И. Э. Гилельсона, вып. 1), Пгр., 1923, стр. 195—293.

О формах стиля в „Житии протопопа Аввакума“; символика „Жития протопопа Аввакума“; композиционный анализ „Жития“.

См. также: В. В. Виноградов. 1) Очерки по истории русского литературного языка XVII—XVIII вв. М., 1938, стр. 34—41; 2) Основные этапы истории русского языка. „Русский язык в школе“, М., 1940, № 4, стр. 3.

3. П. С. Смирнов. **Протопоп Аввакум**. В кн.: Историко-литературная хрестоматия, ч. II. Составили Н. А. Бродский, Н. М. Мендельсон, Н. П. Сидоров, изд. 2-е, ГИЗ, М.—Пгр., 1923, стр. 222—223.

4. Б. М. Эйхенбаум. **Иллюзия сказа**. В его кн.: Сквозь литературу. Изд. „Academia“, Л., 1924, стр. 156.

О влиянии сказовой формы сочинений Аввакума на произведения Н. С. Лескова и об использовании последним сочинений Аввакума.

Об использовании Лесковым писаний Аввакума см. также: Н. С. Лесков, Избр. соч., Изд. „Academia“, М.—Л., 1937, стр. XIV (предисловие Б. М. Другова); Л. Гроссман. Н. С. Лесков. М., 1945, стр. 6, 90, 170, 279, 294; В. Гельфельд. Н. С. Лесков. М., 1945, стр. 97—98, 134, 136, 187; Н. С. Лесков, Избр. соч., М., 1946, стр. VIII (вступительная статья Б. М. Другова).

5. П. Я. Черных. **Очерки по истории и диалектологии северно-великорусского наречия**. I. „Житие протопопа Аввакума, им самим написанное“ как памятник северно-великорусской речи XVII столетия. Изд. Иркутской секции научных работников, Иркутск, 1927, 75 стр.

Фонетика, формы склонения и спряжения, ударение.

6. П. Я. Черных. **Очерки по истории и диалектологии северно-великорусского наречия**. II. „Житие протопопа Аввакума, им самим написанное“ как памятник северно-великорусской речи XVII столетия. Изд. Иркутской секции научных работников, Иркутск, 1927, 25 стр.

Формы словообразования, синтаксис.

См. также лингвистические заметки о языке Аввакума: Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к литературному русскому языку. Харьков—Киев, 1937, стр. 25 и др.; И. Елизаровский. Русская речь XI—XIX вв. Архангельск, 1937, стр. 92—93; В. А. Малаховский. Тургенев лингвист. „Русский язык в школе“, 1941, № 1, стр. 17; Г. Винокур. Русский язык. М., 1945, стр. 119—120, 179; Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, т. II. Изд. 4-е, Киев, 1953, стр. 21 и др.

7. В. К. Никольский. **Сибирская ссылка протопопа Аввакума**. Ученые записки Института истории (РАНИОН), т. II, М., 1927, стр. 137—167.

Описание жизни Аввакума в Тобольске. Маршрут его пути в Сибирь. Опубликованы новые документы о тобольской ссылке Аввакума.

См. также: С. Н. Марков. Русские открытия на Северном Ледовитом и Тихом океанах в XVII в. и в начале XVIII в. Морской сборник, М., 1947, № 3, стр. 36.

8. (Без указания автора). **Аввакум**. Сибирская советская энциклопедия, т. 1, Краевое изд., Новосибирск, 1929, стлб. 6—7.

9. В. [К.] Никольский. **Аввакум**. Большая советская энциклопедия, т. 1, М., 1929, стлб. 125—128.

10. А. Д. Седельников. **Аввакум**. Литературная энциклопедия, т. 1, М., 1929, стлб. 24—25.

11. Н. М. Никольский. **История русской церкви.** Изд. 2-е, пересмотренное и дополненное, Изд. „Атеист“, М.—Л., 1931, стр. 141—164.

Разбор религиозных и политических воззрений Аввакума.

См. также по данному вопросу: М. Шейнман. Огнем и кровью во имя бога. М., 1925, стр. 56—58, 64; М. Н. Покровский. Очерки истории русской культуры, ч. II. Изд. 5-е, Пгр., 1923, стр. 43—46; В. Ключевский. Курс русской истории, ч. III. Соцэкгиз, М., 1937, стр. 336—337 (перепечатка с изд. ГИЗ, 1923).

12. Н. [К.] Гудзий. **Протопоп Аввакум как писатель и как культурно-историческое явление.** В кн.: „Житие протопопа Аввакума, им самим написанное“ и другие его сочинения. Изд. „Academia“, М.—Л., 1934, стр. 7—59.

Определение места и значения Аввакума в истории русской культуры. Характеристика Аввакума как писателя.

13. Н. Аммон. **Аввакум.** Энциклопедический словарь, т. 1, изд. 7-е, переработанное, Изд. „Гранат“, М., 1935, стлб. 87—89.

14. Т. Ливанова. **Очерки и материалы по истории русской музыкальной культуры.** Музгиз, М., 1938, стр. 43—44, 50, 66—67, 289, 297, 300.

Отношение Аввакума к современной ему музыке и скоморохам.

См. также: Н. Финдейзен. Очерки по истории музыки в России, т. 1, вып. 3. Л., 1928, прим. № 353.

15. (Без указания автора). **Аввакум [Петров].** Малая советская энциклопедия, т. 1, изд. 2-е, стлб. 47.

16. М. Н. Тихомиров. **Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в.,** т. 1. Соцэкгиз, М., 1940, стр. 159—160.

Автобиография Аввакума—ценный исторический источник и прекрасный литературный памятник.

17. Б. В. Михайловский и Б. И. Пуришев. **Очерки истории древнерусской монументальной живописи со второй половины XIV в. до начала XVIII в.** Изд. „Искусство“, М.—Л., 1941, стр. 89, 97 и др.

Взгляды протопопа Аввакума на современную ему живопись.

См. также на данную тему: И. И. Иоффе. Русский ренессанс. Ученые записки Ленинградского Государственного университета им. А. А. Жданова, Серия филологических наук, вып. 9, 1945, стр. 250—252; Сб. „Искусство Палеха“, Изд. „Academia“, М.—Л., 1934, стр. 18—19.

18. В. П. Адрианова-Перетц. **Протопоп Аввакум.** В кн.: История русской литературы, т. 1, ч. 1. Учпедгиз, М., 1941, стр. 298—304.

Характеристика писательской манеры Аввакума.

19. М. Н. Сперанский. **Древнерусская литература.** Энциклопедический словарь Русского библиографического института, т. 36, ч. VII, изд. 7-е Изд. „Гранат“, [М., 1941], стлб. 182—183.

Определение жанра „Жития“: „Житие“ и старообрядческий агиографический стиль.

См. также: П. И. Власов. История старообрядческой литературы. „Голос церкви“, М., 1918, № 7—8, стр. 332—333; Е. Полетаев и Н. Пунин. Против цивилизации. С предисловием А. В. Луначарского. Пгр., 1918, стр. 132—134. (Между прочим, приводится высказывание протопопа Аввакума о пользе споров и прений для достижения истины).

20. П. Я. Черных. **Говор села Григорово Лысковского района Горьковской области** (к вопросу о севернорусской основе языка протопопа Аввакума). Ученые записки Ярославского Государственного

педагогического института, вып. IV, Русское языкознание, Ярославль, 1944, стр. 77—92.

Язык „Жития“ и других сочинений Аввакума — язык „бывалых людей“ середины и второй половины XVII столетия, сложившийся на московской основе.

21. В. Л. Комарович и Д. С. Лихачев. **Протопоп Аввакум.** В кн.: История русской литературы, т. II, ч. 2, Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 302—322.

Характеристика взглядов и литературной деятельности.

22. В. Е. Гусев. **„Житие протопопа Аввакума“ как художественное произведение.** В кн.: 2-я конференция научных работников Челябинской области. Доклады. Изд. Челябинского Дома ученых, Челябинск, 1948, стр. 29—33.

Тезисы доклада, определяющего границы текста, дающего анализ идейного содержания памятника в связи с движением раскола, анализ стиля, характеристику типичности центрального образа и т. п.

23. В. И. Малышев. **Усть-Цилемское предание о протопопе Аввакуме.** Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, т. VI, М.—Л., 1948, стр. 372—375.

Народное предание об остановке Аввакума в Усть-Цильме в 1667 году. Маршрут его пути в Пустозерск. Мезенские предания об Аввакуме.

См. также: Чтения в Обществе истории и древностей российских, М., 1917, кн. 2, смесь, стр. 29—30 (опубликованы отписка пустозерского воеводы и царский указ от 1681 года о постройке для протопопа Аввакума новой земляной тюрьмы в Пустозерске вместо обветшалой старой); А. В. Лонгинов. Обзор записок графа А. А. Матвеева. „Русская старина“, 1918, № 1—2, стр. 160 (А. А. Матвеев о причине казни Аввакума).

24. Д. М. Лебедев. **География в России в XVII в.** Изд. АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 196.

„Житие“ Аввакума — ценный географический первоисточник.

См. также: М. К. Азадовский. Поэтика „гиблого места“ (из истории сибирского пейзажа в русской литературе). В его кн.: Очерки литературы и культуры Сибири, вып. 1. Обл. изд., Иркутск, 1947, стр. 115—116; Л. С. Берг. Байкал, его природа и значение в народном хозяйстве. М., 1948, стр. 4.

25. А. А. Кайев. **Протопоп Аввакум.** В кн.: Русская литература. Учебник для учительских институтов, ч. 1. Изд. 2-е, переработанное, Учпедгиз, М., 1953, стр. 359—362.

Общий очерк жизни и литературной деятельности.

26. (Без указания автора). **Аввакум.** Большая советская энциклопедия, т. 1, изд. 2-е, М., 1950, стр. 63.

27. В. И. Малышев. **Заметка о рукописных списках „Жития протопопа Аввакума“** (материалы для библиографии). Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, т. VIII, М.—Л., 1951, стр. 379—397.

Описание рукописных списков „Жития“ Аввакума.¹ В приложении напечатаны три отрывка из „Жития“ по списку Г. М. Прянишникова и высказывания русских писателей о „Житии“.

¹ См. еще список „Жития“ Аввакума XVIII века в собрании Ярославского музея, № 121, л. 159 (вторая редакция).

28. И. П. Еремин. **К истории русско-украинских литературных связей в XVII веке.** Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, т. IX, М.—Л., 1953, стр. 294—295.

Прослеживается общность идей, настроений и миропонимания в сочинениях Ивана Вишенского и протопопа Аввакума.

29. Н. К. Гудзий. **Протопоп Аввакум и его сочинения.** В его кн.: История древней русской литературы. Изд. 5-е, переработанное, Учпедгиз, М., 1953, стр. 440—457 (есть и в предыдущих четырех изданиях).

Очерк жизни и литературной деятельности.

См. также: В. В. Сиповский. История русской словесности, ч. 1, вып. 2 (история русской письменности от начала до XVIII в.). Изд. 8-е, Пгр., изд. Я. Башмакова и К⁰, 1917, стр. 246; В. Садовник. Краткий курс истории русской словесности с древнейших времен до конца XVIII в. Изд. 6-е, Т-ва В. Н. Кушнарера и К⁰, М., 1918, стр. 268—270; А. К. Бороздин. История русской литературы, ч. 1. Изд. 2-е, исправленное, Изд. „Сотрудник“, Пгр.—Киев, [1918], стр. 255—260; А. С. Орлов. Древняя русская литература XI—XVII вв. Изд. АН СССР, М.—Л., 1945, стр. 339—342; [В. И. Чичеров]. История древней русской литературы. Конспект курса с методическими указаниями для заочников педагогических институтов. Факультет языка и литературы. М., 1947, стр. 112—117.

Диссертации

1. П. А. Вовчок. **О некоторых типах слов-конкретизаторов в русском языке** (по материалам „Жития протопопа Аввакума“). Кандидатская диссертация. Уральский государственный университет им. А. М. Горького, Свердловск, 1942, 173 стр., рукопись.

2. Э. Л. Кремер. **Синтаксис „Жития протопопа Аввакума“.** Кандидатская диссертация. Тбилисский Государственный университет им. И. В. Сталина, Тбилиси, 1945, 148 стр., рукопись.

3. А. С. Елеонская. **Протопоп Аввакум как писатель.** Кандидатская диссертация. Московский Государственный университет им. М. В. Ломоносова, М., 1946, 216 стр., рукопись.

4. Л. Е. Анкудинова. **Социально-политическая сущность религиозно-общественного движения в русском государстве третьей четверти XVII в.** Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ленинградский Государственный университет им. А. А. Жданова, Л., 1951, стр. 8—12.

В диссертации много места отведено характеристике политических взглядов Аввакума и его сторонников.

5. В. Н. Шорохова. **Наблюдения в области словарного состава „Жития“ Аввакума.** Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Московский Государственный педагогический институт им. В. И. Ленина, на правах рукописи, М., 1953, 16 стр.

Литературные обработки сочинений Аввакума

1. А. Алтаев и Феличе. **Протопоп Аввакум.** В их кн.: Детство знаменитых людей, ч. II. Друзья свободы, ученые, вероучители. М.,

1918, стр. 213—234, с 3 рисунками художника К. Н. Фридберга: 1) Аввакум защищает мать от пьяного отца, 2) Анастасия Марковна не дает отцу бить Аввакума, 3) ребенок Аввакум в Григорове.

См. также: А. Алтаев. Разоренные гнезда. Исторический роман из русской жизни XVII в. Собрание сочинений, т. 9, М., 1928. В романе несколько глав целиком посвящено Аввакуму.

См. также рисунки: Ф. И. Тихомиров. Сожжение Аввакума (на футляре „Жития“ в изд. „Academia“, М.—Л., 1934); В. Л. Бреннерт. Прения протопопа Аввакума с Симеоном Полоцким в келье Чудова монастыря. Эскиз, масло, 1949 (Литературный музей Пушкинского Дома АН СССР); Х. Г. Сайбаталов. Протопоп Аввакум в Пустозерском остроге. Рисунок пером, 1953 (Литературный музей Пушкинского Дома АН СССР).

2. А. П. Чапыгина. **Аввакумово стадо**. В его кн.: Гулящие люди, ч. 1 и 2. Изд. Жургазобъединения, М., 1938, стр. 378—396.

Оценку изображения образа Аввакума в „Гулящих людях“ А. П. Чапыгина см.: Л. Г. Луцкий. Литературное наследие древней Руси и советская историческая проза. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Киевский Государственный университет им. Т. Г. Шевченко, Киев, 1953, стр. 14.

3. В. Ф. Боцяновский. **Патриарх Никон**.¹ Трагедия в 5 действиях и 6 картинах. Пгр., 1923, стр. 49—51, 72—83, 89—96, 119—121, 125.

Первое представление состоялось 27 декабря 1922 года в Петрограде в Государственном театре. Роль Аввакума исполнял И. К. Самарин-Эльский. Оценку исполнителя роли Аввакума см.: „Жизнь искусства“, 1923, № 2, стр. 7 (здесь же карикатура на „театрального Аввакума“). В 1924 году пьеса шла в Житомирском городском театре. К представлению был изготовлен специальный плакат „Суд над Аввакумом“.

Упоминания Аввакума в художественной литературе¹ 1917—1953 годов

1. К. А. Федин. **Похищение Европы**, кн. 2. Изд. 3-е, Изд. „Советский писатель“, М., 1936, стр. 126—127.

Приводится отрывок из „Жития“ Аввакума о ловле протопопом рыбы на озере Иртыше, который читает поморский начетчик, крестьянин рыболлов Никодим Никодимович.

См. также упоминания „Жития“ Аввакума: Н. Ключев. Песнополов, ч. 2. Пгр., 1919, стр. 251; Н. Никитин. Северная Аврора. Воениздат, 1953, стр. 49; М. Пришвин, Собр. соч., т. 1. М., 1935, стр. 181; Г. Свирский. Здравствуй, университет, „Октябрь“, 1952, № 1, стр. 33—34.

2. В. Гроссман. **Власов**. В его кн.: Годы войны. М., 1945, стр. 210.

¹ Мы не приводим здесь упоминания имени Аввакума в произведениях А. М. Горького и А. Н. Толстого, так как нами подготовлены специальные статьи на эту тему. В некоторых изданных томах юбилейного полного собрания сочинений А. Н. Толстого встречаются упоминания имени Аввакума, приводятся многочисленные выписки из его сочинений, сделанные Л. Н. Толстым и свидетельствующие о большом внимании великого русского писателя к языку и стилю протопопа Аввакума (см., например, тт. 8, 1936; 17, 1936; 55, 1937; 63, 1934; 48—49, 1952, и др. (страницы по указателю).

Сержант Власов — „человек могучей аввакумовской души“. См.: также о сильном характере Аввакума: А. Алтаев. Взаблужденная Русь. Исторический роман из русской жизни конца 17 века. Изд. „Жизнь и знание“, М., 1930, стр. 75, 115 и др.; И. Арамилев. Рассказы охотника. Изд. 2-е, Изд. „Советский писатель“, М., 1951, стр. 267; Демьян Бедный. Мы партия труда и партия порядка. „Известия“, 1931, № 4; О. Ф. Берггольд. Ленинград. Стихи и поэмы. М., 1944, стр. 54; Ф. Гладков. 1) Повесть о детстве. М., 1949, стр. 389; 2) Вольница. „Новый мир“, 1950, № 9, стр. 85; Н. Клюев. Песнослов, кн. 2. Пгр., 1919, стр. 140; К. Коничев. 1) Повесть о Федоте Шубине. Л., 1951, стр. 18—19; 2) Архангельские сидельцы. „Литературная газета“, 1948, № 59; В. Костылев. Питирим. М., 1936, стр. 15, 67, 114, 227; Л. Леонов. 1) Скугаревский. М., 1934, стр. 209, 212, 223; 2) Соть. Изд. 3-е, 1932, стр. 30; Л. Мартынов. Повесть о Тобольском воеводстве. Омск, 1945, стр. 78; Александр Морозов. Юность Ломоносова. Архангельское обл. изд., Архангельск, 1953, стр. 255—256; М. Пришвин. 1) Собр. соч., т. III, ГИЗ, 1928, стр. 454 и 457; 2) Осударева дорога. „Огонек“, 1948, № 2, стр. 14; К. Тренев. Пьесы. М., 1946, стр. 61; Конст. Федин. Соч., т. 2. Братья. Госиздат, М., 1952, стр. 320; В. Фигнер. Полн. собр. соч., изд. 2-е, пересмотренное, дополненное и исправленное, М., 1932, т. I, стр. 239; т. V, стр. 266; А. Ширяевец. Мужикослов. М., Изд. „Круг“, 1923, стр. 22; В. Шишков. Ватага. Альманах „Наши дни“, 1924, № 4, стр. 124; И. Эренбург. Полн. собр. соч., т. 1, М.—Л., стр. 228; А. С. Яковлев. Человек и пустыня, кн. II. Изд. 2-е, М.—Л., 1931, стр. 74.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРОТОПОП АВВАКУМ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

Иконописные изображения

1. Неизвестный мастер. **Протопоп Аввакум**. Икона конца XVII—начала XVIII в. Дерево, яичные краски. Размер: 12.5 × 14.6 см. Государственный Исторический музей, собрание А. И. Хлудова, № 4722.

Воспроизведения: „Житие протопопа Аввакума, им самим написанное“, и другие его сочинения. Изд. „Academia“, М.—Л., 1934, стр. 128; „История русской литературы“, т. II, ч. 2, Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 304.

2. Неизвестный мастер. **Протопоп Аввакум**. Миниатюра середины XIX в. Бумага, акварель. Размер: 13 × 15 см. Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина, собрание Г. М. Прянишникова, № 61 (Сборник XIX в., л. 1).

Изображение Аввакума в рост, с книгой в руке.

3. Неизвестный мастер. **Протопоп Аввакум**. Икона уральского письма XIX в. Дерево, яичные краски. Размер: 23.5 × 27.4 см. Государственный Русский музей, № 3047.

В правой части изображен Аввакум, стоящий в рост, со свитком и книгой в руке. В левой части написан пояснительный текст, внизу изображен Аввакум, сидящий в темнице, и боярыня Морозова под окном.

4. Неизвестный мастер. **Протопоп Аввакум**. Икона начала XX в. Дерево, яичные краски. Размер: 31.2 × 35.4 см. Государственный Эрмитаж, № 129.

Поясное изображение Аввакума, с книгой и свитком в руке.

5. А. А. Великанов. **Семь миниатюр, иллюстрирующих отдельные эпизоды из жизни Аввакума**, начала XX в. Акварель. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, собрание древнерусских рукописей, № 23/1953 (сборник сочинений Аввакума, в 4-ку).

6. Неизвестный мастер. **Протопоп Аввакум**. Картина в иконописном стиле современного письма. Дерево, яичные краски. Размер: около 50 × 130 см. Старообрядческая церковь в г. Вильнюсе.

Изображение Аввакума в рост, с книгой и длинным свитком в руке.

7. П. Софронов. **Протопоп Аввакум**. На почтовой открытке размером 9,5 × 15. Рига, 1928.
Погрудное изображение Аввакума в иконописном стиле.

Картины и рисунки русских художников XIX—XX веков¹

1. Неизвестный рисовальщик. **Четыре рисунка, изображающие Аввакума в палате у Никона** (иллюстрации к стихотворению „Легенда о протопопе Аввакуме“), начала XX в. Акварель. Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, столбец начала XX в., № F. IV (19/1922 г.).

Воспроизведения: Исторический сборник „Три века“, под редакцией В. В. Каллаша, т. II, М., 1912, стр. 48. См. также: „Мой журнал“ [А. Е. Бурцева], 1912, № 5.

2. И. Ф. Тюменев (1855—1927). **Протопоп Аввакум в Пустозерской земляной тюрьме**. Холст, масло. Размер: 175 × 250 см. 1888 г. Горьковский областной художественный музей.

Воспроизведения: Нижегородский городской художественный и исторический музей и выставка картин Общества художников исторической живописи, М., 1896, № 87; История русской литературы, т. 1. Под ред. Е. В. Аничкова и А. К. Бороздина, СПб., 1908, стр. 371.

3. П. Е. Мясоедов (1867—1913). **Сожжение протопопа Аввакума**. Холст, масло. Размер: 67,5 × 103,5 вершков. 1897. Местонахождение не известно.

Воспроизведения: „Нива“, 1898, № 8, стр. 114; 1913, № 42, стр. 828 (в красках).

4. С. Д. Милорадович (1852—1943). **Аввакум на пути в Даурию**. Холст, масло. Размер: 123 × 170 см. 1898. Музей истории религии АН СССР (Ленинград). Эскиз (бумага, гуашь; размер: 23,5 × 32,7 см) находится в Литературном музее Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.

Воспроизведения: Иллюстрированный каталог XXVII выставки Товарищества передвижных художественных выставок 1899 г., М., 1899, № 58; „Три века“, т. II, М., 1912, стр. 14.

5. С. Д. Милорадович. **Аввакум в Братском остроге**. Холст, масло. Среднего размера. Около 1899 г. Местонахождение не известно. Один из эскизов принадлежал семье художника И. И. Шишкина.

Описана в романе Л. М. Леонова „Скутаревский“ (М., 1934, стр. 209—210). См. также: Иллюстративный каталог XXVII выставки, М., 1899, № 111.

6. Неизвестный рисовальщик. **Акварельный рисунок, изображающий в центре Аввакума стоящим в рост и по сторонам отдельные эпизоды из его „Жития“, сопровождаемые текстом**, начала XX в. Находился в собрании А. Е. Бурцева.

Воспроизведения: „Всякая всячина“. Художественный сборник, издаваемый А. Е. Бурцевым, СПб., 1909, вып. 20, л. 5. См. также: Записки библиотеки, СПб., 1912, вып. 1, стр. 7—10; „Мой журнал“, СПб., 1912, № 5, стр. 5—6; Полное собрание материалов по биографии, палеографии и искусству изданных в разное время А. Е. Бурцевым, СПб., 1908, т. 1, вып. XI.

7. Н. А. Богатов (1854—1935) и К. В. Лебедев (1852—1916). **Боярыня Морозова посещает протопопа Аввакума в заточении**. Масло. Местонахождение не известно.

Воспроизведения: „Три века“, т. II, М., 1912, стр. 11; Г. В. Плеханов. История русской общественной мысли, т. II, М., 1915, стр. 40.

8. Неизвестный рисовальщик. **Аввакум в темнице**. Гравюра на дереве. „Старообрядческий Вестник“, 1907, № 1, стр. 1.

9. М. В. Викторov. **Протопоп Аввакум в келье Чудова монастыря**. Рисунок пером. 1901. „Русский паломник“, 1907, № 12, стр. 189.

10. Соколов-Северский. **Протопоп Аввакум на костре**. Рисунок пером. „Всероссийский старообрядческий календарь на 1910 г.“, Изд. „Свет и жизнь“, М., стр. 1.

11. К. А. Вещилов. **Протопоп Аввакум на соборе 1666—1667 гг.** Холст, масло, большого размера. 1910. Принадлежала М. Г. Синицину; местонахождение в настоящее время не известно.

Археологическая часть картины выполнена очень небрежно (ряса на Аввакуме XIX в. и др.).

Воспроизведения: „Солнце России“, 1910, № 8, стр. 6; „Нива“, 1910, № 43, стр. 740; 1917, № 4, стр. 1 (эюд).

¹ Работы советских художников указаны в библиографии.

12. И. Степанов. **Протопоп Аввакум**. Рисунок в красках на обложке книги: К. Валишевский. Первые Романовы. Изд. „Современные проблемы“, М., 1911.

13. Б. В. Шергин. **Аввакум на костре**. Бумага, акварель. Размер: 11×26 см. 1914. У В. И. Малышева.

14. Б. В. Шергин. **Сожжение протопопа Аввакума**. Гуашь, 1917. Размер: около 50×60 см. См.: Каталог художественной выставки „Русский Север“, Архангельск, 1917, стр. 9.

С выставки была приобретена в с. Усть-Цильму Коми АССР. Местонахождение в настоящее время не известно.

15. Я. А. Богатенко. (1880—1941). **Аввакум на костре**. Фанера, гуашь. Размер: около 18×40 см. 1919. Рогожская старообрядческая (белокриницкая) церковь (Москва).

16. С. Г. Писахов. **Место сожжения Аввакума в Пустозерске**. Холст, масло. Размер: 30×50 см. 1911. Государственный Литературный музей (Москва).

*ПО РУКОПИСНЫМ СОБРАНИЯМ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА*

В. И. МАЛЫШЕВ

К вопросу об обследовании частных собраний рукописей

В последнее время на страницах нашей печати и на научных совещаниях всё чаще и чаще раздаются голоса о необходимости усиления работы по собиранию рукописного материала и обследованию периферийных архивохранилищ и частных собраний.¹ Это не случайно. Дело собирания и выявления новых памятников письменной культуры прошлого поставлено еще недостаточно хорошо. Практика же последних лет наглядно показала, что в необследованной еще массе рукописного материала имеются ценные для науки сведения. Именно это положение имели в виду и авторы статьи „Литературоведение русского средневековья“, когда еще в 1945 году указывали на „необходимость в широких размерах организовать на местах научное описание рукописей XI—XVIII вв.“.²

Обследование неописанных фондов периферийных архивов, музеев и библиотек по существу не встречает на своем пути затруднений, однако не все руководители заинтересованных учреждений относятся к этому важному делу с должным вниманием. Знакомство же с частными собраниями почти всегда сопряжено с известными трудностями. Основная из них заключается в том, что эти собрания долгое время остаются неизвестными вследствие того, что они никем не учитываются и не регистрируются. О существовании большинства их узнают случайно. Доступ к частным собраниям значительно бы облегчился, если бы имелся печатный орган, в котором помещались хотя бы предварительные сведения о собирателях, но пока такого органа нет. Сами же собиратели очень редко сообщают в печати сведения о своих собраниях.

Между тем, нет ни одного большого фонда, в котором не нашлось бы коллекционера рукописной старины, не говоря уже о Москве и Ленинграде, где известно несколько десятков людей, имеющих рукописные собрания. У редкого из собирателей не найдется интересной для исследователя рукописной книги или документа. Любители и ценители письменных памятников прошлого есть и в районных центрах, и в селах,

¹ Вопросы истории, 1948, № 3, стр. 159; № 9, стр. 134—136; 1950, № 3, стр. 116; 1951, № 10, стр. 115—116. — Известия АН СССР, Серия истории и философии, 1950, № 3, стр. 271. — „Советская книга“, 1950, № 6, стр. 117. — Доклады и сообщения Филологического института Ленинградского Государственного университета им. А. А. Жданова, 1951, № 3, стр. 290. — Известия АН СССР, Отделение литературы и языка, т. XII, вып. 4, 1953, стр. 392, 393, 397.

² А. С. Орлов и В. П. Адрианова-Перетц. Литературоведение русского средневековья. Известия АН СССР, Отделение литературы и языка, т. IV, вып. 6, 1945, стр. 247.

в среде колхозной и сельской интеллигенции. Автору этой заметки приходилось встречаться с собирателями самых различных профессий.¹

Следует заметить, что лица, имеющие рукописи, очень охотно представляют их для ознакомления. Не было ни одного случая отказа в знакомстве с рукописью.

Необходимо как можно скорее и шире развернуть работу по выявлению и описанию таких собраний, привлекая печать и местные культурно-просветительные и научные учреждения. Большую помощь в этом деле могут оказать краеведческие музеи, так как они имеют связь с собирателями. Редакции журнала „Вопросы истории“, систематически дающей сведения о государственных собраниях рукописей, следует обращать внимание на частные рукописные собрания. Можно надеяться, что обследование частных собраний обогатит нашу науку рядом новых находок.

В качестве примера привожу краткое описание четырех неизвестных частных собраний, с которыми мне удалось познакомиться в последнее время. Это собрания Г. М. Залкинда (Москва), С. Н. Быстрова (Ленинград), В. В. Лукьянова (Ярославль) и Н. М. Маслова (Калуга).² Названные собрания не являются наиболее богатыми из известных мне коллекций, но и они показывают, что при более широком и планомерном обследовании можно найти много ценного и интересного рукописного материала.

Собрание Г. М. Залкинда

Григорий Моисеевич Залкинд начал собирать рукописи еще до 1917 года, проживая в г. Казани. Большинство рукописных находок сделано им в этом старинном городе. Юрист по образованию, Г. М. Залкинд сначала интересовался только материалами по истории права, но затем стал приобретать и другие рукописи. Толкучки и ярмарки в городе Казани были одним из тех мест, где он пополнял свое собрание. Немало рукописных книг было приобретено им от казанских старообрядцев.

Переехав в 1936 году в Москву, Г. М. Залкинд не оставил собирательской деятельности и понемногу продолжает пополнять свою коллекцию.

В настоящее время у него имеется свыше 300 рукописей самого различного содержания. К сожалению, мы не имели возможности подробно познакомиться со всей этой большой и интересной коллекцией, так как значительная часть рукописных материалов запакована в ящиках и недоступна для обозрения. Поэтому сведения, сообщаемые ниже о собрании Г. М. Залкинда, только частично основаны на личном просмотре рукописей, а в большей своей части они даются со слов самого собирателя.

Произведения древнерусской письменности в списках XVII—XIX веков занимают значительное место в описываемом собрании. Нам удалось познакомиться со следующими рукописями:

- 1) Повесть о Тимофее Владимирском (XIX в.);
- 2) Сказание о Мамаевом побоище (XVII в.);

¹ См.: Труды ОДРЛ, т. VII, 1949, стр. 455—468, 470—474; т. VIII, 1951, стр. 363—369, 378.

² О собрании Г. М. Залкинда свыше 30 лет назад было напечатано несколько строк Н. Катановым в „Казанском музейном вестнике“ (1920, № 7—8, стр. 39). Однако после этого оно увеличилось в десять раз и давно находится не в Казани, а в Москве. Другие собрания в печати не известны.

- 3) История о начале и основании Выговской пустыни (XIX в.);
- 4) Хронограф (XVIII в.);
- 5) Сказание о Павле Коломенском (XIX в.);
- 6) Иконописный подлинник (XVII в.);
- 7) Златый бисер (XVIII в.);
- 8) Сборник (лицевой), содержащий повесть о старце Герасиме и льве и другие произведения (XVIII в.);
- 9) Повесть об осаде Соловецкого монастыря в 1667—1676 годах, Семена Денисова (XIX в.);
- 10) Поморские ответы (XVIII в.);
- 11) Апокалипсис (лицевой), содержит более двухсот рисунков (конца XVIII в.);
- 12) Ядро Российской истории Манкиева (XVIII в.);
- 13) Сборник русских житий (конца XVI—начала XVII в.), содержащий, между прочим, жития митрополита Филиппа, князей Михаила и Федора Черниговских, митрополита Петра и др.;
- 14) Лимонарь (XVIII в.);
- 15) Жизнеописание Петра Первого (несколько списков XVIII в. сочинений А. Катифора и П. Крекшина).

Большой интерес представляют коллекции дневников, описаний путешествий и частных писем. В этих рукописях имеется немало ценного материала по самым различным отраслям науки. В одном из дневников, например, упоминается Н. Г. Чернышевский; имеются письма конца XVIII—XIX веков, адресованные в Симбирскую губернию.

Не менее интересны и разнообразны литературно-художественные и деловые материалы конца XVIII—XIX веков. Так, среди произведений русских писателей XIX века есть несколько списков „Горя от ума“ Грибоедова, списки сочинений Гоголя, Лермонтова, Л. Н. Толстого и многих других. Есть иностранные сочинения по праву и другим вопросам. Но не только списками представлен этот раздел собрания Залкинда. В нем имеются автографы Грибоедова, Майкова, зарубежных писателей и деятелей конца XVIII—XIX веков.

Отметим большую группу сборников семинарских стихотворений и песен XVIII—XIX веков. В этих сборниках наряду с распространенными стихами встречаются и довольно редкие песни, как, например, об Архангельске, Пугачеве и др.

В бумагах из семейного архива (конца XVII—начала XVIII веков) Московской Большой сотни купца Петра Мялицына имеются сведения о московской торговле XVIII века. В ряде рукописей старинного делопроизводства (столбцы) содержатся данные хозяйственного значения, в частности о землевладении, о крестьянских постройках и пр.

Более сотни листов насчитывает собрание детских рисунков, сделанных детьми беженцев-литовцев в 1914 году.

Г. М. Залкинду принадлежит большое количество фольклорного материала, записанного в Сибири в первые годы Советской власти, полный репертуар и автобиография слепца-исполнителя песен, ездившего на пароходах по рекам Средней России в 1880—1890 годах.

Укажем также коллекцию сборников духовных стихов и сборников старообрядческих стихотворений XVIII—XIX веков, включающих стихотворения, еще не появлявшиеся в печати, несколько сборников заговоров и приговоров и апокрифических сочинений. В коллекции иконописных переводов и припорохов, принадлежавшей старообрядческому книгописцу XVIII века, есть несколько редких и интересных композиций на исторические сюжеты. Есть также карманные лицевые месяце-

слова XVIII—XIX веков и синодики XVIII—XIX веков. Поморские месадесловы выполнены с большим художественным вкусом, красками и золотом (поталью), оформлены изящными переплетами из красного сафьяна и кожи и украшены вытесненными на них растительными орнаментами.

Г. М. Залкинд обладает также рядом редчайших и уникальных изданий XVIII—XIX веков, например словарем Селиванова и др.

Выше мы уже говорили, что в настоящее время не представляется возможным сделать более подробное описание этого собрания. Подготавливаемое же Г. М. Залкиндом в течение многих лет описание своей рукописно-книжной коллекции погибло во время Великой Отечественной войны, когда чуть не погибло и самое собрание, приготовленное для эвакуации в тыл.

Собрание С. Н. Быстрова

Сергей Николаевич Быстров по профессии инженер-кораблестроитель. Интерес к собиранию рукописного материала появился у него давно. Первую рукопись он приобрел еще в 1903 году у себя на родине, в Пензе. Это был, несохранившийся теперь, рукописный сборник XIX века, содержащий описание старообрядческих толков Пензенской губернии.

Однако по-настоящему собирать рукописи С. Н. Быстров начал с 1935 года. Он находил их у ленинградских букинистов, выменивал на предметы старины у своих знакомых собирателей, отыскивал в букинистических магазинах Москвы. Иногда находил их на толкучках.

Сейчас у С. Н. Быстрова имеется более 40 рукописей XIV—XX веков. Это в основном произведения древнерусской литературы, старообрядческие сочинения и сочинения писателей XVIII—XIX веков. Имеется также несколько рукописей на иностранных языках и, в частности, на латинском (лист из Устава XV в.), арабском (Коран XVII в.), санскритском и других. Отметим наиболее ценные **рукописи**:

1) Русский хронограф (XVI в.), в лист, полуустав, переплет; без начала и конца, текст разбит на главы; начинается с главы 6, оканчивается на главе 30;

2) Повесть о Зосиме и Савватии соловецких (конец XVI в.), в 4-ку, полуустав, переплет; есть еще список конца XVII в.;

3) История о Казанском царстве (первая четверть XVII в.), в 8-ку, скоропись; без начала и конца; на полях имеется несколько старинных надписей на татарском языке;

4) Житие Антония Римлянина (первая половина XVIII в.), в лист, полуустав, переплет;

5) Летописец (новгородский) (середина XVIII в.), в 4-ку, скоропись, переплет;

6) История об осаде Соловецкого монастыря, Семена Денисова (середина XVIII в.), в 4-ку, скоропись;

7) Жизнеописание Петра Первого, П. Крекшина (середина XVIII в.), в 4-ку, скоропись, переплет;

8) Летописец Дмитрия Ростовского (середина XVIII в.), в лист, скоропись, переплет;

9) Повесть об Иоанне Римлянине (XVIII в.), в 16-ю долю листа, полуустав, переплет, с 15 рисунками в красках;

10) Поморские ответы (XVIII в.), в 4-ку, скоропись;

11) Летописец (XVIII в.), в 4-ку, полуустав, переплет;

12) История о Петре-Златых ключах (начало XIX в.), в 8-ку, скоропись, тетрадка;

13) Виноград российский, Семена Денисова (первая четверть XIX в.), в 4-ку, поморский полуустав, переплет;

14) „Горе от ума“ Грибоедова (первая половина XIX в.), в 4-ку, скоропись, переплет;

15) „Горе от ума“ Грибоедова (30—40-е годы XIX в.), в 4-ку, скоропись, переплет;

16) О признаках погод в январе месяце (середина XIX в.), в 8-ку, скоропись;

17) „Думы“ и другие стихотворения Рылеева (середина XIX в.), в 4-ку, скоропись, переплет;

18) История о Петре-Златых ключах, с добавлением солдатской песни „Ах салдачка служба“ и др. (середина XIX в.), в 4-ку, скоропись, переплет;

19) Сборник заговоров и заклинаний (XIX в.), в 8-ку, скоропись.

Как и большинство собирателей рукописей, С. Н. Быстров не ограничивается приобретением только одного рукописного материала, но коллекционирует также книги, гравюры и предметы быта. В его собрании поэтому можно встретить наряду с рукописями русские старопечатные книги XVI—XVII веков, редкие издания XVIII—XIX веков, листовки и прокламации XIX—начала XX веков, книги XV—XVII веков, напечатанные на латинском, французском, немецком, польском и других иностранных языках, и даже старинные вещи, вроде дьячей чернильницы XVII века, гуслей и древнего ковша.

Вот далеко не полный перечень наиболее ценных изданий из собрания С. Н. Быстрова:

Старопечатные книги: Апостол (Львов, 1574 г.) и Библия (Острог, 1581 г.)—Ивана Федорова; Триодь (Москва, 1589 г.)—Андроника Тимофеева Невежи; Синописис Иннокентия Гизеля (Киев, 1680 г.); Букварь Карiona Истомина (Москва, 1694 г.) и др.

Издания XVIII—XIX веков: Арифметика Леонтия Магницкого (Москва, 1703 г.); Объявление розыскного дела и суда... на царевича Алексея Петровича... (Москва, 1718 г.); „Россиада“ Хераскова (Москва, 1779 г.); Правда Русская (Москва, 1792 г.); Слово о полку Игореве (Москва, 1800 г.), прекрасной сохранности экземпляр; Записки флота капитана Головинна (СПб., 1816 г.); Песни Кирши Данилова (Москва, 1818 г.); „Горе от ума“ Грибоедова (Москва, 1833 г.); „Мертвые души“ Гоголя (Москва, 1842 г.); Сочинения Гоголя (Москва, 1842 г.; 4 тома) и мн. др.

Иностранные книги XV—XVIII веков. На латинском языке: Сочинения Вильгельма Овернского (Нюренберг, 1496 г.); „Записки о Московии“ Сигизмунда Герберштейна (Базель, 1551 г.); „Историческая библиотека или собрание сочинений избранных писателей историков и географов“ Павела Болдуана (Лейпциг, 1620 г.); „История Владислава, короля польского и шведского“ Станислава Кобержицко-Кобержидкого (Дандиг, 1655 г.). На немецком языке: „Древности иудейские“ Иосифа Флавия (Страсбург, 1597 г.); „Подробное описание путешествия Гольштинского посольства в Москву и Персию“, Адама Олеария (Шлезвиг, 1663 г.). На французском языке: „Искусство кораблестроения“, М. Ромма (Ля-Рошель, 1787 г.); „Элементарный трактат о конструкции судов“, Де-Кастрие (Париж, 1787 г.).

В собрании находится несколько рукописей, переписанных самим собирателем в подражание старинным оригиналам. Они написаны на пергаменте и бумаге, уставом и полууставом, очень искусно и своей

точностью воспроизведения старинного текста могут даже ввести в заблуждение неопытного человека. Это следующие рукописи: „Слово о полку Игореве“, „Сказка о Ерше“, „Повесть о Петре-Златых ключах“ и сборник, составленный из предисловий к старопечатным книгам.

Собрание В. В. Лукьянова

У Владимира Васильевича Лукьянова, технолога по специальности, имеется 76 рукописей XVI—XIX веков. Собираением рукописных материалов он занимается с 1933 года. Большинство рукописей было приобретено им в Ярославле, при помощи местных букинистов А. И. и В. И. Смирновых и С. А. Ласточкина, а также у местных старообрядцев. Другие рукописи были найдены в Ленинграде, где он проживал до 1939 года.

Лукьянов коллекционирует также книги, старинные монеты и русский фарфор. У него имеется более 500 книг по русской истории, палеографии, искусству, художественной литературе (русские классики и советские писатели).

В нумизматической коллекции есть римские, греческие, древнерусские и другие монеты.

Уже несколько лет Лукьянов изучает водяные знаки (филиграни) Ярославской бумажной фабрики и собрал большой и чрезвычайно ценный материал.

Самую значительную часть рукописного собрания В. В. Лукьянова составляют материалы исторического и литературного содержания. Среди них большое место занимают различные документы, начиная с XVII века: приходно-расходные книги, отпускные, купчие, выписи из переписных книг, грамоты и патенты на чины и звания, купчие крепости на землю и крестьян, записи, расписки и пр.

Для характеристики настроения ярославцев в первой половине XIX века и купеческого быта очень интересными представляются письма и записки шуйского купца Щеколдина к сыну Симеону и несколько частных писем, относящихся к XIX веку.

В числе литературных произведений можно назвать повесть о Тверском Отроче монастыре, переводные повести об Антоне и Алунде, о Калеандре и Неонильде, сатиру в стихах, высмеивающую попов, монахов, дворян, чиновников и купцов. Есть сборники стихотворений русских и иностранных писателей XVIII—XIX веков, челобитная Василия Полозова и др.

Богатое художественное оформление имеют следующие рукописи:

1) „Номоканон“ Матвея Властаря (XVII в.), украшенный превосходными миниатюрами, заставками и концовками, исполненными с большим вкусом; как можно заключить по полустертой вкладной записи на книге, первым владельцем этой рукописи был патриарх Никон, пожертвовавший ее в Воскресенский Новоиерусалимский монастырь;

2) Евангелие (XVI в.);

3) Апостол (XVI в.);

4) Синодик (XVII в.);

5) два лицевых правоучительных сборника (XVIII—XIX вв.).

Следует отметить также синодик церкви Николая Надеина в Ярославле XVIII века, содержащий много ценных сведений о ярославских родах и две лицевые рукописи („Стоглав“ и „Житие“ Андрея Уродивого), работы местного иконописца Александра Андреевича Великанова, интересные своеобразной трактовкой старых сюжетов.

Хронологически рукописи В. В. Лукьянова распределяются так: XVI в. — 8; XVII в. — 7, XVIII в. — 25, XIX в. — 15 и XX в. — 1.

Приводим краткое описание наиболее интересных рукописей из собрания В. В. Лукьянова.¹

Литературные и исторические произведения

1) Сборник (1745 г.), в 4-ку, 82 л., скоропись. Содержание: 1) Повесть об Антоне цесаре Римском и о супруге его цесаревне Алунде; 2) Челобитная Василия Полозова; 3) Повесть о Каландре и Неонильде Трапезундской. На л. 1 имеется запись следующего содержания: „Сия тетрадь Главного комиссариата, писаря Алексея Иванова, 1745 году“.

2) Альбом стихотворений и прозы (1810—1840-е годы), записи различными почерками на русском, французском и английском языках, в 4-ку, 146 л., переплет сафьяновый, с двумя серебряными застежками. Содержание: 1) стихотворения Лермонтова („На смерть Пушкина“), Вяземского, Туманского, Веневитинова, гр. Растопчиной, Нелединского-Мелецкого и др.; 2) выписки из прозы и поэзии французских и английских авторов (Байрона и др.). Под некоторыми записями даты (с 1815 по 1843 г.) и названия городов (Петербург, Одесса, Киев, Пятигорск). Л. 30 представляет собой рукописный титульный лист масонского сочинения на французском языке.

3) Сатира в стихах (1830-е годы), в 8-ку, 20 л., скоропись. В произведении высмеиваются попы, монахи, дворяне, чиновники и купцы.

4) Сборник стихотворений и прозы на русском и французском языках (1870—1890-е годы), в 8-ку, 50 л., переплет — папка в коже, с медной застежкой.

5) Слово на восшествие на престол Елизаветы Петровны (XVIII в.), в 4-ку, 13 л., скоропись.

6) Повесть о создании Тверского Отроча монастыря (XVIII в.), в 4-ку, 16 л., скоропись.

7) Сборник слов и сказаний (конец XVII в.), в 8-ку, 100 л., скоропись двух почерков. Содержание: 1) Сказание о двух мужах града Киева Иоанне и Сергии, 2) Повесть о Кукше и Пимене, 3) Повесть о Иоанне архиепископе Новгородском, 4) Слово о Федоре купце, и др.

8) Сборник старообрядческий (XVIII в.), в 8-ку, 298 л., полуустав и скоропись разных почерков. Содержание: 1) Предисловие к Поморским ответам; 2) письма к выговцам — Андрею Денисову и Василию Кондратьеву; 3) Слово надгробное Даниилу Викулину, и другие старообрядческие поморские сочинения. В начале и в конце книги имеются записи владельцев XVIII и XIX вв. (крестьян Ярославской губернии).

9) Повесть о создании церковей Николая-чудотворца, что на Пенье, и Федоровской в г. Ярославле и сказание о чудесах от Федоровской иконы богоматери (1790-е годы), в 4-ку, 25 л., скоропись.

10) Сказание о дивном „видении“ некоей девице в лето 1804-е в Калужской губернии, в городе Козельске (около 1819 г.), в 8-ку, 8 л., полуустав. Старообрядческое (поморское) сочинение.

11) Краткая хронология или показание лет от начала мира по 1774 год (1770-е годы), в лист, 103 л., полуустав. В рукописи имеется одна миниатюра сепией и заставка-рамка в стиле рококо. Автограф Палладия, епископа Рязанского и Муромского.

¹ При составлении настоящей описи мы пользовались сведениями, присланными нам В. В. Лукьяновым.

12) Жизнеописание Кирилло-Новозерского монастыря архимандрита Феофана (около 1838 г.), в 4-ку, 27 л., скоропись. В конце приводится текст завещания Феофана и четыре его письма.

13) Синодик церкви Николая Надеина в Ярославле (XVIII в.), в лист, 80 л. В рукописи содержатся ценные сведения о жителях Ярославля в XVIII в.

Документальные материалы

Хозяйственного значения

1) Челобитная царю Алексею Михайловичу от Лучки Чихачева на суздальца Афанасия Павлова Побединского о разграблении им принадлежавшей Чихачеву деревни Гвоздево (1619 г.).

2) Отпускная крестьянке Ульяне Насоновой от старосты деревни Буторова Петра Шабанова на выход замуж за Афонасия Ливанова (1655 г.).

3) Купчая на продажу Тимофеем Ивановым Корелиным Даниле Дмитриеву Коневу двора с хоромами в Мельничной слободе в Ярославле (1686 г.).

4) Челобитная царям Ивану и Петру Алексеевичам от Пашки Степанова Тимирязева о продаже им поместья в г. Буге Аврааму Иванову (1690 г.).

5) Грамота царей Ивана и Петра Алексеевичей Любимскому воеводе Неклюдову о производстве расследования по поводу обмена поместными землями в Вологодском уезде между помещиками Кашпыровым и Филисовым (1694 г.).

6) Запись об обмене поместья между Федором Ростовцевым и князем Яковым Степановичем Львовым (1695 г.).

7) Челобитная царям Иоанну и Петру Алексеевичам от Дмитрия Ростовцева о приписке ему заброшенных пустошей Калиновце и Бабинцо, находившихся ранее во владении Василия Бестужева (без даты).

8) Расписка Вологодской приказной избы в получении даточных денег с поместья стольника Сергея Федорова Обернибесова (1701 г.; на гербовой бумаге).

9) Запись допроса в Приказной палате городов Копорья и Ямбурга местных жителей о приходе с моря шведов и разорении ими в марте 1711 г. деревни Липовой и других в Копорском уезде (XVIII в.).

10) Выпись с Ростовских переписных книг переписи Евсевья Бартенева да подьячего Дмитрея Ратманова 186-го году (список 1701 г.), в лист, 42 л. На каждом листе — вверху и внизу — штампы с изображением двуглавого орла (первая гербовая бумага). По листам роспись дьяка Онисима Невежина. Переплет — папка с кожаными завязками.

11) Приходо-расходные тетради по церкви Иоанна Предтечи в Ярославле (за 1745—1753 гг.), в 8-ку, 56 л., скоропись разных почерков. На л. 1 запись: „1745 года марта дня тетрадь сия записная росходу сорке деньгам, что куда отдано и ссорено...“. Переплет новый — папка в ситце.

12) Доверенности на оформление купчих и покупку земель и крестьян (1770-е годы), в лист, 34 л., скоропись. Доверенности подписали разные лица, в том числе: гр. Ф. А. Апраксин, гр. П. Б. Шереметев, кн. С. С. Гагарин и др. Все доверенности засвидетельствованы официальными лицами. Без переплета.

13) Доверенности на оформление купчих и покупку земель и крестьян (1770-е годы), в 4-ку, около 200 л. Подписали: гр. В. Г. Орлов,

гр. Г. Г. Орлов, гр. И. И. Воронцов, ярославский губернатор И. А. Заборовский, кн. И. Б. Голицын, гр. А. Г. Орлов-Чесменский, гр. А. Р. Воронцов и др.

14) Доверенности на оформление купчих и покупку земель и крестьян (1793—1796 гг.), в 4-ку, 26 л., скоропись. Доверенности подписали разные лица, в том числе: кн. А. И. Шаховский, премьер-майор Н. Д. Милюков, ростовский купец И. А. Тютин, секунд-майор И. П. Гове и др. Все доверенности свидетельствованы в магистратах и уездных судах и подписаны судьями, секретарями и регистраторами. Сшиты тетрадью, без переплета.

15) Письма и записки шуйского купца Василия Щеколдина к сыну Симеону (1825—1838 гг.), адресованы Михаилу Ивановичу Покотину в Холщевой линии на Щукинском дворе в Петербурге, для передачи сыну Щеколдина Симеону. 9 писем, 13 л., без переплета, отдельными листами и тетрадями. Содержание писем и записок составляют торговые и личные домашние дела, а также выписки из книг священного писания.

Грамоты и патенты

16) Алексея Михайловича — Василию Патрикеевичу Тишину на воеводство в г. Романове (1664 г.).

17) Петра II — Сергею Чебышеву на звание подполковника (1729 г.).

18) Анны Иоанновны — полковнику барону Эверту-Густаву фон-Бою на владение мызой Мойзекиль в Лифляндии (1731 г.).

19) Анны Иоанновны — Ивану Караулову на звание майора (дата не сохранилась).

20) Екатерины II — Федору Перелешину на звание прапорщика (1768 г., 25 октября).

21) Екатерины II — Михаилу Бармосову на звание поручика (1781 г., 13 марта).

22) Екатерины II — князю Дмитрию Щербатову на звание полкового адъютанта гвардии (1784 г., 2 декабря).

23) Екатерины II — Петру Бармасову на звание поручика армии (1785 г., 27 октября).

24) Екатерины II — Александру Юзвицкому на звание капитана армии (1796 г., 10 июля).

25) Павла I — Николаю Куровскому на звание титулярного советника (1797 г., 6 октября).

26) Александра II — князю Ухтомскому Константину о присвоении звания капитан-лейтенанта флота (1862 г., 20 апреля).

Среди старопечатных книг, принадлежащих В. В. Лукьянову, нет сколько-нибудь ценных. Отметим: Букварь (Москва, 1701 г.) и Сборник (Острог, 1588 г.).

Собрание Н. М. Маслова

Николай Михайлович Маслов — бывший музейный работник, ныне пенсионер. У него имеется 20 рукописных книг XVI—XIX веков. Большинство рукописей приобретено им в Калуге. По содержанию большую часть его коллекции составляют старообрядческие полемические сочинения, широко известные в литературе апокрифы („Сон богородицы“ и др.) и культовые книги. Многие из рукописных книг переписаны в Калужской области и, как показывают приписки и записи на полях и корках переплета, принадлежали в XVIII—XIX веках местным кре-

стьянам и мещанам. На нескольких рукописях, не старше XVII века, имеются даты написания их.

Заслуживают внимания следующие рукописные книги.

- 1) Александрия (конец XVII в.),¹ в 4-ку, 166 л., полуустав.
- 2) Лечебник (конец XVII в.), в 4-ку, 216 л., скоропись. Содержит различные рецепты лекарств, ветеринарные и кулинарные рецепты, советы по садоводству, заговоры и т. п. В рукописи есть две интересные приписки, связывающие „Лечебник“ с именем известного деятеля петровского времени — Афанасия Холмогорского. Запись на л. 70: „7204 [1695] г. сентября в 20 день, сочиненный реэст из докторских наук, великим господином преосвященным Афонасием архиепископом Холмогорским“. Запись на л. 173: „207 [1699] г. на прошение преосвященного Афонасия милостию Божию архиепископа Холмогорского и Важского сей рецепт с лекарствы прислан государевы оптики доктором Данеилом Алексеевым сыном Гурчином...“. На первом, чистом листе рукописи помечено: „Из книг Михаила Солодовникова“.
- 3) „Горе от ума“ Грибоедова, в 4-ку, 54 л., красивая мелкая скоропись. Внизу заглавного листа написано: „Переписал для Григория Николаевича Артюхова Абрам Гречинов 18—^{III}_{20—25}—33“.
- 4) Сборник (конец XVIII в.), в 4-ку, 304 л., полуустав и скоропись. В рукописи, между прочим, имеются: „Ода для ленивых, колкой выговор плохому богачам“ и „Сатира господину старинному рифмачу и нескладному вралу“, — оба произведения написаны виршами. Кроме того, в сборнике находятся сочинения старообрядческих писателей Алексея Яковлева, Якова Васильева и „История“ о Филиппе и Терентии и др.

Заканчивая обзор частных собраний, хочется пожелать, чтобы владельцы их сообщали научным учреждениям о имеющихся у них ценных рукописях. Этим они окажут помощь науке.

Сектор древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР с благодарностью сообщает о дружеской помощи, которую ему оказали старший преподаватель Сыктывкарского педагогического института Коми АССР В. Г. Зыкин, колхозник А. М. Бебяков (колхоз „Красный пахарь“, Сольвычегодский район), колхозник И. Н. Заборский (колхоз им. М. И. Калинина, Емецкий район), слушатель Архангельской областной партийной школы Т. Е. Бурдин и писатель К. И. Коницев, приславшие сведения о ценных рукописных материалах, имеющихся в Архангельской области.

¹ Даты написания рукописей, поставленные в скобках, указаны владельцем собрания.

Л. Н. ПУШКАРЕВ

Рукописные сборники литературного характера Центрального Государственного литературного архива СССР

Центральный Государственный литературный архив СССР (ЦГЛА) имеет среди своих фондов необычайно интересную и до сих пор еще малоизученную коллекцию рукописных книг XIV—XIX веков. Краткий обзор ее,¹ а также охранная опись, хранящаяся в ЦГЛА, не в состоянии раскрыть даже в малой степени содержания этой богатой коллекции, так как большая часть входящих в нее книг — это сборники самого различного содержания.

Коллекция в целом пополнялась из различных фондов в разное время; она продолжает пополняться и теперь. Составителями выделены некоторые группы памятников, хотя деление это весьма условно. Так, в коллекции намечены следующие рубрики.

Опись I

1. Жития святых, памяти, каноны, чудеса, службы и т. д. — №№ 1—67.
2. Слова, проповеди, поучения — №№ 68—105.
3. Патерики, цветники, прологи, месящесловы и т. д. — №№ 106—140.
4. Сочинения нравственного характера — №№ 141—150.
5. Сочинения религиозно-философского содержания — №№ 151—164.
6. Древнерусские повести и сказания — №№ 165—199.
7. Разные книги — №№ 200—207.
8. Стихотворения религиозного характера — №№ 208—215.

Опись II

1. Библейские книги — №№ 1—40.
2. Богослужебные книги — №№ 41—76.
3. Синодики — №№ 77—84.
4. Синописи, хронографы, летописи, разные исторические сборники — №№ 85—129.
5. Сочинения о Петре I — №№ 130—141.
6. Сочинения о патриархе Никоне — №№ 142—144.

¹ Центральный Государственный литературный архив СССР. Путеводитель, под ред. Н. Ф. Бельчикова, М., 1951, фонд № 1338, стр. 392—395.

7. Материалы о старообрядцах — №№ 145—175.

8. Лечебники — №№ 176—181.

9. Сочинения по разным вопросам и учебники — №№ 182—218.

10. Разные документы — №№ 219—259.

Как видно из этой краткой описи, указанное деление основано главным образом на внешних признаках. Включение того или иного сборника в ту или иную рубрику определялось чаще всего содержанием первой статьи или повести сборника. Описаны сборники весьма поверхностно, без анализа водяных знаков, нередко ошибки в датировке рукописей более чем на столетие, многие повести описаны по названию первой главы (например, „Троянская история“ в описи названа: „История о царе Пелее, приводящем Язона тщется добыть золотое руно“) и т. д. Всё это заставило заново описать рукописи.

Преобладающее большинство сборников падает на XVII и XVIII века. К XVI веку, преимущественно ко второй его половине, относятся некоторые житийные сборники. Сборники имеют многочисленные читательские пометы, представляющие несомненный научный интерес.

Анализ сборников литературного содержания указывает на то, что часть из них попала в ЦГЛА из рукописных коллекций Шляпкина и Мальцева, хранившихся в свое время в научной библиотеке Саратовского Государственного университета им. Н. Г. Чернышевского и переданных в ЦГЛА в 1941 году. В это же время в ЦГЛА поступили и некоторые материалы из Государственного Литературного музея и из Государственного Исторического музея.

Ввиду того, что в ЦГЛА отсутствуют самые необходимые пособия для работы над древнерусскими текстами, в том числе и указатели водяных знаков Лихачева и Тромонина, при описании пришлось ограничиться датировкой рукописей по почерку. Из водяных знаков бумаги приводятся лишь те, которые являются специфическими для своего времени. При описании дается характеристика почерка, переплета, записей. Содержание рукописей указывается постатейно. В числе рукописей описаны также и лубки конца XVIII—начала XIX века. Заглавия литературных произведений приводятся лишь в том случае, если они отличаются чем-либо от уже известных. При описании шифр рукописи „ЦГЛА, ф. 1338, оп. № 1, д. № 165, 166 и т. д.“ дается сокращенно: № 165, № 166 и т. д.

№ 165. История графини Демиролии или несчастливые действия любви и ревности, XVIII в., в 8-ку, 59 л., скоропись, одним почерком, переплет — картон, обтянутый кожей, на корешке тиснение: „Графиня Демиролия“, на первой крышке переплета по четырем углам тиснение: „НО, 95, G G“. Запись: на суперобложке почерком конца XVIII в.: „По описи под № 116“. Водяной знак — медведь в картуше и буквы „ЯФЗ“.

№ 166. Александрия, XVIII в., без начала и конца, в 8-ку, 173 л., скоропись разных почерков первой половины XVIII в., без переплета. Записи: на л. 117 об. — „1766 году месяца сентября 17 дня преставися от жития сего раба божия Анна. 1744 году преставися“; на л. 118 об. — „Читал Василий Гаврилов Тюнин 1818 году февраля 27 дня. Очнь харашо“.

№ 167. История [об] аглинском милорде Гереоне и о вдовствующей маркграфине Луизе Фридерике Брандбургской, XVIII в., в лист, бумага 1741 г., 141 л., скоропись, почерк нескольких рук, переплет — картон, корешок и углы обтянуты кожей, на корешке тиснение: „Исто-

рия о английском милорде о Гереоне". Скрепа по лл. 2—8: „Из книг Ивана Германова“ (XIX в.).

№ 168. История о аглинском милорде Гереоне и о брандебургской герцугине Фридерике Луизе марграфине, XVIII в., в 4-ку, 123 л., несколькими почерками, переплет — картон, обтянутый кожей, попорчено. Записи на суперобложке: „Сия книга... Ивана Ивановича Рахметьева, служителя ево Дмитрея Баженова“; „Стоит грат пуст, около ево растет куст, в том кусте старец, у того старца ставец, в том ставце перец, в перце горец. Во имя отца и сына и святого духа“; на л. 2 — „Сия книга, глаголемая Четия Минея М. А. Б. В. И. В., подарил я ее Гаврилу Соболеву, перукмахеру“; на л. 2 об. — „Сия тетрадь принадлежит Тяляцкого уезду дворовому человеку Ивану Гракову“; на л. 6 — „1780“.

№ 169. История о дву сицилианских ковалерах Милинтесе и Поламедесе и Прекрасной Арианы и Епихарисе, zelo изрядная и ко чтению умиительная, колики[я] оне в жизни своей на баталиях храбростию и мужеством своим Римскому государству показаша и коликия беда и озлобления от мучителя и кесаря Нерона подъяша, наконец, неизреченные радости сподобишася, XVIII в., в лист, скоропись, несколькими почерками, водяных знаков несколько, преимущественно лигатуры „ГМ“ и „РФ“ в фигурной рамке. Переплет — доски, обтянутые кожей, на корешке тисненый узор и надпись: „История“, наклеен ярлык: „Мальцев Р. 225“, сохранились следы застежек. На л. 1 записи почерком XVIII в.: „Октября в 3 день 1745 году“ и почерком XIX в.: „1830 года марта... Списана песня „Мы живем среди полей и лесов дремучих“. На л. 440 об. запись: „Конец истории 1758 июля 28“.

№ 170. Повесть о белом клобуке, середина XVII в., в 4-ку, 38 л., скоропись, одним почерком, переплет — картон, XX в., на переплете надпись: „Повесть о белом клобуке, № 1247“ (из книг Саратовского Государственного университета). Водяной знак — кувшинчик с виноградом наверху. Начало: „Посыльная грамота Дмитрея Толмача Ноугородскому архиепископу Генадии о белом клобуке. Пречестныя и великия соборныя и апостольския церкви Софеи премудрости божия первопрестольному государю преосвященному архиепископу“. Конца недостает. Обрывается на словах: „Архиепископ же Василий, воспрянув от сна, и от страха и радости дивяся чудесному...“.

№ 171. Повесть о Бове королевиче, XVIII в., в 4-ку, 21 л., скоропись, одним почерком, без переплета. Запись на л. 1 почерком конца XVIII—начала XIX в.: „Список сей про Бову королевичю, Бова славной король богатырь“. Конца нет.

№ 172. Сборник повествовательный, XVIII в., в 4-ку, 37 л., скоропись трех почерков, без переплета. Содержание: 1) История о королевском сыне Леониде и о его предках и о императорской дщере Елипсиаске, лл. 2—8, без конца; 2) История о Милитиере, лл. 1, 9—15, без начала и конца; 3) Повесть о Бове королевиче, лл. 16—37, без начала. Запись переписчика на л. 37: „Писал сию тетрадь Захар Михайлов октября 24 дня 1793 года“; на л. 37 об. почерком конца XVIII—начала XIX в.: „Воспитанник военно-сиротского отделения Дмитрей Волков“.

№ 173. Сказка полная о славном и храбром богатыре Бове королевиче и о прекрасной королевно Дружневне, лубок XIX в., 24 л., без конца, попорченный, со вставками от руки. Иллюстрации позже раскрашены. Записи: на л. 2 об. — „Милостивейший государь любезный братец Александр Иванович“; на л. 3 — расписки о получении метриче-

ских выписей за 1832 г., на л. 7 — запись с датой „1835 г.“, на л. 9 — запись с датой „1822 года“; на л. 12 об.:

„Тверь — прекрасный и любезный
Для чувствительных сердец,
Положением прелесный
И достоин ему честь.
Волга-реченька струиста,
На хребтах своих сребриста“;

на л. 14 об.:

„Сидит кисунык на кухни,
У ней глазунки напухли.
О чем плачешь и грустишь?
Как не плакать, не грустить:
Повар печенку слизал
Да на кисуныку сказал,
Хочет кисуныку побить,
Все ей лапки отрубить“;

на л. 20 об.: „Сия сказка принадлежит приставу Стефану...“.

№ 174. Сказка о Еруслане Лазаровиче, лубок конца XVIII в., 32 л., начинается с л. 4, бумага 1801 г., водяной знак — медведь в картуше и лигатура „ЯМВСЯ“. Записи: на л. 4 об. — „Сия книга погоста Самета дьячка Василья Алексеева“; на л. 10 об. — „Смотрел перо и чернила, перо хорошо и чернила хороши“; на л. 27 об. — „Сия тетрадь погоста Самета“; на л. 29 — начало повести о царе Давиде и сыне его Соломоне, написанное уставом.

№ 175. История о Евдоне, короле гишпанском, и о прекрасной королеве Берфы Неополитанской и о разбойнике Борбозе, XVIII в., в 4-ку, 104 л., скоропись, одним почерком, переплет — картон с холстиной конца XIX в., на корешке ярлык: „Р 993 Мальцев“. Всё реставрировано. Записи на л. 104 об.: „Сия тетрать ... артиллерийской и фотлерикационной писаря Павла Иванова. Он своею рукою писал неложно февраля 9 дня 1758 года“; „Продад артилери ... Павел Иванов сию тетрать зачисто купцу Ивану Иванову, в том подписался“.

№ 176. Повесть о приключении аглинского милорда Георга и о брандербурской марк[г]рафине Фридерике Луизе с присовокуплением к оной истории бывшего турецкого визиря Марцымириса и сардинской королевы Терезии (ч. I, 1796), конец XVIII в., в 4-ку, 94 л., скоропись одной руки, переплет — картон, корешок обтянут кожей, попорчен. Записи: на крышке переплета почерком XX в. — „Я. Богатенко“; на л. 1 почерком конца XVIII в. — „Счастье как прекрасный цвет, который между тернем растет. Ежели ево станешь срывать неосторожно, то оным уколоться можно“; на л. 94 — „Докончана сия книга ноября 4 дня 1796 года“; на л. 94 об. почерком XIX в. — „Сия книга принадлежит московскому купцу Григорью Ивановичу господину купцу“, „Конец третей и последней части“; на крышке переплета почерком XIX в. — „Сия книга Иова Степановича господина Хохлакова. Докончана сия книга ноября 4 дня 1796 года в Москве“.

№ 177. Сказание о славном рыцаре неаполитанском князе Петре-Златых ключах и о прекрасной королеве Магилене, XVIII в., в 4-ку, 81 л., скоропись, одним почерком. Корешок — бумага XX в., на корешке ярлык с надписью: „Шляпки, № 460/206“.

№ 178. Повесть о благородном князе Петре-Златых ключах и о благородной королеве Магилене, лубок конца XVIII — начала XIX в., 7 л., конца нет. Иллюстрации раскрашены. Переплет — синяя бумага конца XVIII в., с записями, имеющими дату „1796“ (л. 1 об.).

№ 179. Повесть о благородном князе Петре-Златых ключах и о благородной королеве Магилене, лубок конца XVIII—начала XIX в., 8 л.

№ 180. Сборник повествовательный, XVIII в., в 4-ку, 76 л., разными почерками, без переплета. Содержание: 1) История о португальском королевиче Франце и о прекрасной королеве Елеонете, лл. 1—16 об.; 2) отрывок (без начала) из Повести о кавалере Делексе, лл. 17—38 об. (1750 г.); 3) Сказание о Акире премудром и о сыне его Ападоне, лл. 39—48 об.; 4) Повесть зело полезна и предивная, яко Сава Грудцын женской ради любви предаде душу свою диаволу, назва его себе братом, и о покаянии о гресех своих, лл. 50—64; 5) Повесть о Григории папе Римском, лл. 66—70; 6) Слово преподобного отца нашего Варлаамия, како хотел уведать премудрость божию, лл. 70 об.—72 об.; 7) Разговор пьющего с непьющим (в стихах), лл. 73—76 об.

№ 181. Изрядная издавна о храбром и славном гишпанском рыцаре Венцыгане и о прекрасной гишпанской королеве Венцывене, XVIII в., в 4-ку, 50 л., скоропись, одним почерком, без переплета, без конца. На л. 1—1 об. — предисловие к истории, на л. 43 — отрывки из повести об Акире Премудром, на лл. 45—46 — записи цифр.

№ 182. Повесть о Францеле Венециане, без начала и конца, XVIII в., в 4-ку, 48 л., скоропись, одним почерком. Переплет — бумага конца XIX в. В конце запись XIX в.: „Конец 1798 г.“.

№ 183. Сказание о Флорине, без начала и конца, XVIII в., в 16-ю долю листа, 86 л., скоропись, без переплета. На л. 1 штамп: „ГЛМ, 9257/2“, то же на л. 86 об.

№ 184. Сборник исторический, XVII в., в 4-ку, 91 л., скоропись разных почерков, переплет — бумага XVIII в. с ярлыком: „Шляпкин, 412, № 164“. Содержание: 1) Сказание о зачатии Царяграда и о царе Константине, како созда. Выписано изъысторий камен, л. 1; 2) О султане Махмете, о взятии Царяграда, л. 4; 3) Царство Диоклетиана и Максимилиана, л. 10 об.; 4) Слово Иоанна Экзарха о создании мира, л. 22; 5) Сказание о твари, л. 29; 6) выписки из Книги бытия, день первый—четвертый, без конца, л. 30 об.; 7) сочинение космогонического характера о небе, луне, солнце, без начала, л. 57; 8) объяснение знаков зодиака, л. 66; 9) О земли и сущих из нее, гл. 12, л. 66 об.; 10) О месяцах (из Моисея законодавца), л. 70; 11) О крестной силе, л. 74; 12) Вопрос о толковании ангельскому образу, л. 76; 13) Книга о часех дневных и ночных, л. 77; 14) О седмицах от рождения, л. 87 об.; 15) Предисловие о месяце марте, л. 90.

№ 185. Сборник исторический, XVIII в., в 4-ку, 15 л., скоропись, переплет — бумага XVIII в., на переплете запись: „Сия тетрадь Бежецкого уезда, Есеницкого заказа, села Деледина, попова сына Ивана Козмина Голикова, ево домовая, а подписал 1775 года месеца декабря в осмынадесяты день“. Содержание: 1) Сказание о славном великом граде Вавилоне (Сказание о Вавилонских регалиях), л. 2; 2) Выписано ж ис книги печатной Епиграмы, сиречь летописца Киевопечерского о начале древнего словенского народа, л. 8; 3) О трех частях света (Азия, Африка, Европа), л. 9; 4) выписки из летописи, л. 10 об.; 5) Повесть о бражнике, л. 12; 6) Сказание о голеньком небогатеньком (Азбука), л. 14.

№ 186. Троянская история, XVIII в., в 4-ку, 68 л., скоропись, одним почерком, переплет — бумага XVIII в. Начало: „История о царе Пелее, приводящем Язона, тщется добыти златое руно“, без конца, оканчивается приходом Улисса Диомида и Антенора к Приаму.

№ 187. Троянская история, XVIII в., в 4-ку, 245 л., скоропись, одним почерком, переплет — картон, корешок обтянут кожей. Записи: на л. 1

почерком конца XVIII в. — „Книга глаголемая... Сия тетрадь села Поводнева диакона Петра Афонасьева, а подписал ево сын Алексей Поводневский 1774-го году“. Начало: „История о царе Пелее, приводящем Язона, да пошлется добыти золотое руно“. Листы в середине книги реставрированы. В конце книги — оглавление, составлено в XVIII в.

№ 188. Исправной человек при дворе, или похождения графа фон Ривера. Поправленное издание критическим рассуждением Г. Ф. Лоень (т. 1. Переводил А. К. П. Л.), XVIII в., в 4-ку, 168 л., скоропись, переплет — картон и кожа XVIII в. Запись на шмуцтителе: „Куплена в ноябре 1911 г. в СПб. у бук[иниста] Ф. Г. Шилова, им привезено из Тихвина из библиотеки князей Мышецких. И. Шляпкин“. На л. 1 штамп: „Библиотека И. А. Шляпкина“, номер его собрания: „302“. Водяной знак „Pro patria“.

№ 189. Книга 1001 ночи, без начала и конца, XVIII в., в 8-ку, 443 л., скоропись, разными почерками, старая пагинация страниц начинается с 742-й, кончается 1819-й, переплет — картон, обтянутый кожей, корешка нет, крышки отстают. Записи почерком XIX в. Скрепя по верхнему обрезу книги: „... Книгою Краснохолмской мещанин Иван Алексеев сын Кошендестов 1822 года июня 8 дня. Книга хороша, только нельзя заниматца“. Книга поступила из ГЛМ.

№ 190. Басни Эзопа, XVII в., в 16-ю долю листа, 160 л., скоропись нескольких почерков (без конца). Переплет утрачен. Записи: на л. 1 почерком XVII в. — „И сам у смерти горькия“, „Книга глаголемая“; почерком XIX в. — „Никиты Литвинова“; на л. 1 об. почерком XVII в. — „Книга глаголемая Эзоп“ (2 раза); на л. 2 об. — именной указатель (без конца), здесь же — „История о Казанском царстве“ (нумерация листов неверная).

№ 191. Сборник басен, XVII в., в 4-ку, 108 л., полуустав, одним почерком, переплет — XIX в., картон, углы и корешок обтянуты кожей, на корешке ярлык: „Р. 952, Мальцев, №“. Записи: скрепа на лл. 1, 7, 9, 18 — „Книга Иванова сына Турчанинова“ (почерк конца XVII — начала XVIII в.); на л. 108 почерком XIX в. — „Сия книга пренадлежит Михаилу Семенову в Москве в Доме Пузина Ивана Леонова“. Сборник без начала и конца, начинается с 20-й басни „О лисице и котях“, кончается 122-й басней „О волке и лисице“.

№ 192. Послание московских купцов с Москвы и хождение их в Царьград, Антиохию, Иерусалим, Египет и на Синайскую гору, XVII в., в 4-ку, 78 л. (без конца), скоропись нескольких почерков, переплет — картон XVIII в. Книга реставрирована. Запись на л. 79: „С 1-го ноября 1874 года. Серия со всеми купонами А. Серебреник“.

№ 193. Хождение Арсения Суханова в Иерусалим, XVIII в., в 4-ку, 176 л., скоропись, переплет — доски, обтянутые тисненой кожей, с застежками, на корешке ярлык с надписью: „Р. 677, Бр. св. креста №“. Записи: на листе переплета почерком XX в., красным карандашом — „Лебед. № 38“; на л. 1 почерком XIX в. — „3. VII дополн. № 580—58.“

18 $\frac{31}{12}$ 86, № 267“; почерком XVII в. — „7157-го года мая с 9-го числа 161-го [года] июня по 7 дни книга, глаголемая Просканитарий, Троицкого Сергиева Богоявленского монастыря строителя старца Арсения Суханова“. Разделяется на три части, местами выдвела, подновлена карандашом. Скрепя XIX в. по лл. 1—9: „Саратовской Архирейской библиотеки“; на л. 176 почерком конца XVIII — начала XIX в.: „... Сию книгу Саратовской мещанин Феодо[r]...“.

№ 194. Хождение Арсения Суханова в Иерусалим, вторая половина XVII в., отрывок без начала и конца, в 4-ку, 27 л., скоропись

разных почерков. На л. 1 ярлык: „Р. 793, Мальцев, №“. Начинается с главы „О горе Елеонстей“, кончается главой „О реке, иже из гор течет“. Запись на л. 27 об., почерком XVIII в.: „Сия книга города Якуцка служилого человека Петра Новгородова“.

№ 195. Хождение Арсения Суханова в Иерусалим, XIX в., в 4-ку, 264 л., устав, переплет — доски, обтянутые тисненой с позолотой кожей, с застежками, на корешке тиснение: „Проскинитария“, надпись чернилами: „Р. 1290, Мальцев, №“. Обрез книги позолочен. Список полный (все 3 части). Оглавление на лл. 1—4.

№ 196. Сборник, XVII в., в 4-ку, 332 л., несколькими почерками, переплет — картон, обтянутый тисненой кожей, с застежками, на корешке надпись красной краской: „Сборник“, ярлык: „399. Шляпкин, № 150“; запись на л. 81: „Творение Андреа Христофорова, сына Белободского, лета христова 1685“. Заставка на л. 97, гравюра на л. 99 (св. Екатерина). Содержание: 1) Отрывок из Космографии (начинается с описания 2-го царства Царьграда), лл. 1—53; 2) Беседа милости со истиною, лл. 54—81; 3) Роспись святым иконам разным явлениям пресвятые владычицы нашей богородицы и приснодевы Марии в разных градах и местех и в разных годех, лл. 82—95; 4) Книга, глаголемая странник, в лето 7100 году Московских купцов Трифона Коробейникова и Юрья Грекова, лл. 97—226; 5) Христианское вкратце учение, лл. 227—233; 6) Молитвы, иже отроцы долг имут исправляти перед учением, л. 235; 7) О книжном учении или разглагольство о тщанностях письмен, лл. 235 об. — 258 об.; 8) Икос акафиста, лл. 258—259; 9) Толкование на псалом Давидов, лл. 260—267 об.; 10) Граница мудрая, в ней же 45 слов (таблицы для исчисления Пасхи и других религиозных праздников), лл. 268—332; 11) Поучение на тему: „Аще кто хошет помне итти, да отвержетца себя и возлюбит крест свой“, лл. 299 об. — 300 об.

№ 197. Царский путь креста господня, вводящий в живот вечный. Сочинение Иоанна Максимовича, архиепископа Черниговского, Новгородского и всего Севера в 1709-м году, XIX в., в 4-ку, 84 л., устав. Начинается со стихотворного вступления и далее в тексте встречаются места, изложенные стихами. Записи: на л. 1 почерком XIX в. — „Вот, что я для тебя сделал. Что же сделал ты, для меня? Человек, ответствуй богу!“; на л. 1 почерком XIX в. — „№ 11. Библиотека свящ. З. А. Колчина“; карандашная помета — „Благословение от честных схимонахини... 14 октября 1865 г. четверток“; лл. 79—83 — позднейшие приписки владельца книги: л. 79 — о том, что значит монашеский образ, л. 82 — выписки из Лествицы духовной.

№ 198. Путешествие в южную половину земного шара и вокруг оного, учиненное в продолжении 1772—1775 годов английскими королевскими судами Резольюцией и Адвентюром, коими начальствовал капитан Иаков Кук. С французского перевел Логгин Голенищев-Кутузов. Часть первая. В Санкт-Петербурге 1795 г. Рукописная копия, XVIII в., в лист, 215 л., скоропись, переплет — картон, вишневая с золотом тисненная кожа, на корешке тиснение: „Путешествие капитана Кука“. Оглавление на лл. 215—215 об.

№ 199. Хождение Трифона Коробейникова (отрывок из описания Иерусалима и службы в церкви), XIX в., в 4-ку, 10 л., без начала и конца, скоропись, без переплета, бумага подмокла, но скоропись четкая.

Н. П. ЖИНКИН

Краткие сведения о рукописях Центральной научной библиотеки Харьковского Государственного университета им. А. М. Горького

(Продолжение)¹

В предыдущем сообщении мы привели сведения о 92 рукописях Центральной научной библиотеки Харьковского Государственного университета им. А. М. Горького. Было указано общее количество рукописей и даны сведения об истории собрания. Но в 1951 году, когда составлялся обзор, нам не удалось описать все наиболее интересные рукописные материалы данного собрания, так как рукописный фонд библиотеки до сих пор еще как следует не разобран. Настоящее сообщение тоже еще не исчерпывает всех ценных материалов библиотечной коллекции. В неразобранной и неописанной ее части, составляющей, правда, уже небольшую долю, могут оказаться еще редкие экземпляры.

Ниже мы даем сведения о 83 рукописях, преимущественно исторического и литературного содержания. Указываем также и наиболее интересные материалы из других разделов. Большинство их, как и прежде описанных, принадлежало ранее библиотеке старого Харьковского университета и Харьковского коллегіума, позднее реорганизованного в Харьковскую духовную семинарию.

Следует отметить, что, кроме славяно-русских рукописей, в библиотеке имеется 230 иностранных рукописей и инкунабул на языках: чешском, польском, китайском, немецком, французском, английском, итальянском, арабском, персидском, латинском, турецком и др. Это сочинения по медицине, философии, языкознанию, рукописи литературного, физико-математического, естественно-научного, алхимического содержания. К сожалению, этот отдел научно совсем еще не обработан. Между тем, только среди инкунабул и палеотипов имеются такие редкие произведения, как „Всемирная хроника“ Шендоля Гартмана (изд. 1493 г.), „Сад здоровья“ (изд. 1491 г.), „Сущность вещей“ Бартоломея английского (изд. 1488 г.), „О бракосочетании Филологии с Меркурием“ Капелла Марциана (изд. 1499 г.) и мн. др.

При описании мы придерживались ранее принятых правил: текст в заглавиях дается в упрощенной орфографии, пунктуация современная.

¹ Начало см.: Труды ОДРЛ, т. IX, 1953, стр. 467—475.

Документальные материалы

1. Юридический документ, датированный 1590 г., июля 14-го дня. Подпись: „Матвей Лоницкий“.
2. Отказная грамота („Список с подлинных книг слово в слово“), вторая половина XVII в., 16 стр.
3. Подлинный рукописный свиток на четырех склеенных листах, относящийся ко времени царствования Ивана и Петра Алексеевичей, содержит опись земельных угодий и их доходных статей.
4. Рукописный свиток — челобитная князя Михаила Ивановича Львова на врача Михаила Руготина, столбец второй половины XVII в.
5. Свиток второй половины XVII в., содержащий перепись податного населения и земельных записок „на речке на Угоне“.
6. Свиток конца XVII в., содержащий перепись податного населения времени царя Петра Алексеевича.
7. Свиток конца XVII и начала XVIII в., содержащий земельно-податную опись разных урочищ.
8. Свиток XVII в., содержащий инструкцию о поместных дачах при верстании на государеву службу.
9. Свиток XVII в. о земельных дачах на Дону.
10. Императорский аттестат на имя секунд-майора Кондратьева о пожаловании ему ордена св. Георгия четвертого класса (с собственноручной подписью Екатерины II), 1792 г., 1 стр.
11. Подлинный универсал Войска Запорожского гетмана Мазепы властям гор. Гадяча и местечка Опошни, „о пожаловании пану Семену Леонтьевичу гетманского покровительства, обороны, ласки и респекту“, дан 1 апреля 1704 г. (с подписью Мазепы и его печатью), выдан в гетманской ставке в Батурине, 1 л.
12. Подлинный универсал гетмана Мазепы, выданный „значному товарищу Войсковому пану Ивану Ломековскому на владение селами Верба и Вишенки... 1687 г. 7 сентября“ (с подлинной подписью гетмана Мазепы и печатью), 1 л.
13. Книга вторая канцелярии Вотчинной коллегии, содержит именной указ о пожалованных вотчинах (Дорогобужской и Спасской), разные купчие и прочее, 1709—1728 гг., 110 стр.
14. Подлинный именной указ Павла I от 25 мая 1800 г. полковнику Брунову, в котором указывалось выступить с вверенным ему батальоном в Ахтырский уезд, в деревни графа Румянцева „для приведения в повиновение тамошних крестьян“ (с собственноручной подписью Павла I), 1 стр.
15. Подлинный именной указ Павла I от 1 июня 1800 г. полковнику Брунову „вернуться из деревень графа Румянцева в г. Симбирск“ (с собственноручной подписью Павла I), 1 стр.

**Исторические и литературные произведения и сочинения
XVIII—XIX веков**

1. Соборное уложение 1674 г. царя Алексея Михайловича, 1714 г., 490 стр.
2. Сводное уложение с приличными великих государей и их императорских величеств указы и с новоуказанными статьями... сведены согласные артикулы, середина XVIII в., 1506 стр.

3. Литовский статут, 1775 г., 301 л.

4. Суд и расправа в правах Малороссийских, обширно на разных местах показанная и здесь в очень краткой и ясной эксцерпт о прекращении горкой в судах волокиты собранная в полное употребление малороссиянам. Списанная року от Рождества Христова 1750, октября 8 дня через Бунчужного товарища Федора Чуйновича.— Посвящается гетману графу Кириллу Григорьевичу Разумовскому, XVIII в., 124 стр.

5. Тимофей Мальчинский. О Российских удельных княжениях (выписано из Зеркала российских государей с 862 по 1794 г.), 1794 г., 121 стр.; изложение обрывается на 1223 г.

6. Регламент Петра Великого о содержании овец в Малой России, копия, 4 стр.; к нему сделана приписка А. Терещенко с указанием на редкость и значение этого Петровского регламента.

7. Сборник, конец XVII—начало XVIII в., 128 стр. Содержание: 1) Повесть о белом клобуке; 2) Повесть о Григории папе; 3) Прения живота и смерти, и другие.

8. Сборник, XVIII в., 465 стр., недостает первых страниц. Содержание: 1) Повесть о пьянстве; 2) Слово о епископе Удоне, и другие.

9. Повесть о спасовом образе и другие статьи, XVIII в., 4 стр.

10. Коляда 1763 года, декабря 22 дня (украинские вирши сатирического содержания), 10 стр.

11. Литературный сборник, XIX в., 418 стр. Содержание: 1) Песня на новый год 1805 пану нашему и батьку князю Алексею Борисовичу Куракину (20 десятистрочных строф на русско-украинском языке, сатирического характера); 2) Просьба обитателей московских к градоначальнику (пародийное использование молитвы „Отче наш“), и другие.

12. Славянские песни с мелодиями. Рукопись имеет даты: „1822“, „1835—1838“, 58 стр.

13. Выписки из сочинений писателей и поэтов XVIII в., конец XVIII—начало XIX в., 420 стр.

14. Сборник, XVIII в., 418 стр. Содержание: 1) Разговор о начале города Чернигова и об учреждении семинарии; 2) Ода графу Потюкому; 3) Канты стихотворные и прозаические произведения; 4) Речь князя А. Б. Куракина и другие речи; 5) копии писем Павла I, Екатерины II и других лиц.

15. Курс словесных наук, 1834 г., 400 стр.

16. К. А. Скворцов. История русской литературы. Лекции главным образом по древнерусской литературе. Запись студента С. С. Лебедева, 1857 г., 408 стр.

17. С. Булгаков. „Розыск о Брынской вере“ Дмитрия Ростовского, 1883 г., 307 стр.

18. С. Добровольский. Поучение Владимира Мономаха. Текст, словоуказатель, перевод и исследование, 1868 г., 278 стр.

19. Записи лекций по просодии, поэтике и риторике в Могиланской академии, 1779 г., 273 стр.

20. „Скользский путь“—драма в 4 действиях, сочинение автора комедии „Карьера“, 57 стр.

21. Надгробное слово над Н. А. Краевичем, конец XVIII в., 8 стр.

22. В. Тузов. О начале русской журналистики, середина XIX в., 48 стр.; рукопись без конца.

23. Н. Орнатский. Н. М. Карамзин и взгляд на происхождение и сущность сентиментального направления, середина XIX в., 35 стр.

24. Сборник, середина XIX в., 359 стр. Содержание: 1) Палецкий. О переписке Курбского с И. Грозным. Опыт исследования языка двух посланий Ивана Грозного; 2) Энгельгардт. Крылов как баснописец; 3) В. Софронов. Ломоносов как филолог, и другие сочинения.
25. М. Петров. Визионеры в истории Могаммед, середина XIX в., 51 стр.
26. Несколько слов о философском синтезе, с приложением этой теории к изучению новой философии, начало XIX в., 49 стр.
27. Философия. Запись лекций студентом Харьковского университета Э. Юзефовым, 1831 г., 290 стр.
28. Предания о панах в Олонецкой губернии, XIX в., 16 стр.
29. Указатель всех статей, помещенных в первом русском журнале „Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие“ с 1755 по 1765 г., 46 стр.
30. Перечень авторов, принимавших участие в издании „Ежемесячных сочинений“ 1755—1765 гг., 7 стр.
31. Каталог книг раскольничьего содержания, поступивших в библиотеку Петрозаводского кафедрального собора из разных мест Олонецкой епархии, 1847 г., 12 стр.
32. О естественной истине или о истинной нравственности, начало XIX в., 56 стр.
33. Историческая пьеса, посвященная Сен-Марсу, фавориту Людовика XIII и противнику Ришелье, машинопись, 200 стр.
34. Л. Рутковский. Наказ императрицы Екатерины II, 1879—1880 гг., 132 стр.
35. Н. Смирнов. „Вертоград многоцветный“ Симеона Полоцкого, XIX в., 273 стр.
36. Я. Самарянов. Итоги литературных сведений о жизни А. С. Грибоедова, середина XIX в., 150 стр.
37. Стихи, говоренные гетману запорожцами на светлый праздник воскресенья Христова в 1791 г., конец XVIII в., 4 стр.
38. История о королевиче Брундвике, начало XVIII в., 124 стр.
39. Пьесы, начало XIX в., 24 стр. 1) Предприятия, или за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь; 2) Домовой, или повадился кувшин по воду ходить, там ему и голову сломить.
40. Феоктист, епископ Белгородский. Стихотворный ответ на просьбу князя Прокопия Васильевича Мещерского о разрешении ему вступить в монашество (Феоктист иронически советует князю вступить не в монастырь, а в армию Кутузова), начало XIX в., 1 л.
41. Греко-римская классическая литература в сравнении с литературой новой, конец XVIII—начало XIX в., 61 стр.; без конца.
42. Т. И. Селиванов. Бумаги его и переписка, всего 30 бумаг и 169 писем к Селиванову от разных лиц и учреждений. Из бумаг отметим: 1) Проект об учреждении в Харькове трубочистой команды; 2) Циркуляр о причинах необыкновенной смертности в конце 1854 года между воспитанницами С.-Петербургских женских учебных заведений; 3) Мысли о прекращении конокрадства в России, и др.
43. П. О. Морозов. Пересказ быliny о Сухмане, 1871 г., 9 стр.
44. Сборник учебных курсов по герменевтике, по теории литературы и прочее, середина XVIII в., 600 стр.
- 45. Сборник речей и стихотворений в честь епископа Слободского, Украинского и Харьковского Христофора Сулимы, произнесенных и составленных разными лицами в период 1800—1812 гг., 430 стр.; сборник украшен фронтисписами и заставками.

Частная переписка

1. Письма Петра Великого (сборник копий писем Петра I с 1700 по 1724 гг.), 406 стр.
2. Письмо прусского короля Фридриха императрице Екатерине II из Потсдама от 26 ноября 1767 г. (благодарность за присылку копии ее „Наказа“), копия, 2 стр.
3. Письма Н. Новикова: племяннице Павле Владимировне от 5 октября 1807 г.; мужу племянницы Николаю Ивановичу от 23 января 1807 г.; ему же по поводу смерти жены его Павлы Владимировны.
4. Письма и бумаги В. Н. Каразина: два письма Тимофею Ивановичу — от 1 мая 1832 г. и от 2 июня 1838 г.; в Совет Харьковского университета от 12 мая 1817 г.; указ об учреждении особого Комитета для выработки новых уставов для Академии Наук и Московского университета от 18 марта 1802 г.; попечителю Петербургского округа Н. Н. Новосильцеву от 24 марта 1803 г. по поводу подготовки помещений для Харьковского университета и приезжающих профессоров и присылки типографии.
5. Сборник писем: 1) М. М. Коцюбинского к профессору Н. Ф. Сумцову; 2) Рудченко к профессору Сумцову; 3) И. Франко к Кобринской (четыре письма).

Церковно-историческая литература

1. Сборник, XVIII в., 326 стр. Содержание: 1) Повесть о Флориевской обители; 2) копия с грамоты Илариона; 3) Духовная Димитрия Ростовского, и другие статьи.
2. Завещание и духовная Стефана Яворского, середина XVIII в., 260 стр.
3. Житие, сказания и чудеса Александра Свирского, XVIII в., 150 стр.
4. Сборник, XVIII в., 252 стр. Содержание: 1) Житие, завещание и чудеса Дмитрия Ростовского; 2) Порядок, как слагать проповеди; 3) Проповеди (повидимому принадлежащие самому автору Сборника, произнесены в разных церквях в 60-х годах XVIII в.).
5. Уведомление о собственноручных записках Иоасафа Горленка, епископа Белградского, сысканных по смерти его 10 декабря 1754 г., с присовокуплением краткого описания о его фамилии; в конце собственноручная надпись писателя Квитки: „Сие уведомление... дано мною в библиотеку Харьковских духовных училищ 23 февраля 1795 г. Примьер-маер Илия Квитка“, вторая половина XVIII в.
6. Собрание догматов богословских, которые через прошлый год в разные времена и из разных трактатов для диспутов на российском языке в Тверской семинарии публично предлагаемы и защищаемы были в Твери в 1765 г. в июле при ректоре архим. Макарии, 270 стр.
7. Проповеди, числом 29, среди них „Слово на мир с Швецией“, конец XVIII — начало XIX в.
8. Августин, епископ Московский. Слова и проповеди, произнесенные в Московском Успенском соборе, начало XIX в., 201 стр.
9. Описание жизни Иоасафа Горленка, епископа Белгородского, взятое из оставшихся его собственноручных записок, начало XIX в., 52 стр.

Рукописи на иностранных языках

1. Разрешение на производство охоты „по милости короля“, с собственноручной подписью Генриха IV, Париж, 22 января 1600 г., пергаментная рукопись с печатью, 1 л.

2. Грамота Карла Лотарингского герцога Гиза от 31 октября 1601 г., с собственноручной подписью Гиза, пергаментная рукопись, 1 л.

3. Обращение к военным начальникам французской армии короля Людовика XIV от 16 декабря 1635 г., с собственноручной его подписью и печатью; имеется надпись по-русски: „Подпись короля Людовика XIV, прозванного Людовиком Великим, в возрасте 16 лет во время Мазарини“, пергаментная рукопись, 1 л.

4. Грамота короля Людовика XIV господину Шевинье от 16 июня 1697 г., с собственноручной подписью короля; надпись на русском языке: „В возрасте 58 лет. Версаль“, пергаментная рукопись, 1 л.

5. Грамота о помиловании Эд. Дюбуа из Дижона, дезертировавшего из армии, с собственноручной подписью короля Людовика XV, скрепленная печатью и подписью князя Шуазеля, Версаль, 6 ноября 1767 г., пергаментная рукопись, 1 л.

6. Разрешение на выезд в Швейцарию и Савойю С. Мюссе от 4 мая 1790 г., с собственноручной подписью Людовика XVI, скрепленное подписью графа Монморена, пергаментная рукопись, 1 л.

7. Письмо Наполеона I к Жозефу Фуше; оригинал с собственноручной подписью Наполеона, 1813 г., Дрезден, 1 стр.

8. Записи учебных курсов на латинском языке (Диалектика, Риторика); упражнения на польском языке, 1738 г., 416 стр.

9. Сборник, XIX в., 102 л. (204 стр.), рукопись на греческом языке. Содержание: 1) Арат. Явления (астрономическая поэма III в. до н. э.); 2) Клеомед. Киличская теория метеоров (космографический трактат II в. н. э.); 3) Никомах. Введение в арифметику (философско-математический трактат около 100 г. н. э.).

В. В. ЛУКЬЯНОВ

Собрание рукописей Ярославского областного краеведческого музея

(Краткий обзор)

Крупнейшим в Ярославской области хранилищем древних рукописей и старопечатных книг является Ярославский областной краеведческий музей. В его фондах в настоящее время находится 1015 рукописей XII—XX веков.

До Великой Октябрьской социалистической революции в музее имелось не более трех десятков рукописных книг. Все остальные рукописи поступили в музей после 1917 года. Значительное количество рукописей было передано в музей из книгохранилища б. Ярославского Спасского монастыря (около 400 единиц)¹ после его закрытия в 1923 году.

Другие рукописи поступили в музей из монастырей и церквей г. Ярославля и Ярославской области, часть рукописных книг была подарена, другие приобретены от разных лиц.

Большинство рукописных книг музейного собрания — культового содержания, но имеется в нем и значительное количество рукописного материала, представляющего интерес для литературоведов и историков русской культуры и быта.

Среди рукописей музея внимания заслуживают книги, имеющие краеведческое значение, например: архив писателя Л. Н. Трефолева (№ 901), состоящий из автографов и рукописных списков его сочинений, личных документов писателя и его писем; архив гр. А. И. Мусина-Пушкина (№ 900); сочинения местного историка Н. Серебренникова (№ 936); Краткий летописец града Углича (№ 156); материалы к истории села Великого (№ 279) и др., а также книги, написанные или переписанные в Ярославской области. Таких книг, охватывающих по вре-

¹ О собрании б. Ярославского Спасского монастыря см.: Владимир-Ярославский Спасо-Преображенский монастырь, что ныне архиерейский дом. Ярославль, 1913, Обзор книгохранилища и архива, стр. 91—112; Ярославские епархиальные ведомости за 1913 г., № 15 и др.; Летопись занятий Археографической комиссии, вып. V, СПб., 1871, стр. 21—29; П. М. Строев. Библиологический словарь. СПб., 1882, стр. 11, 16, 21, 26 и мн. др. (см. указатель в конце словаря); Указатель к Ярославским епархиальным ведомостям за 1860—1912 гг. Ярославль, 1913; Исторические акты Ярославского Спасского монастыря, тт. I (с дополн.), II, III. Изд. И. А. Вахрамеева, М., 1896; Ярославские губернские ведомости, 1854, №№ 8, 28, 42 и др.; Липинский. Указатель к неофициальной части Ярославских губернских ведомостей с 1831 по 1881 гг. Труды Ярославского губернского статистического комитета, т. IX, М., 1885; А. А. Титов. Указатель к неофициальной части Ярославских епархиальных ведомостей за 1860—1892 гг. Сергиев Посад, 1893.

мени написания пять столетий, имеется в собрании несколько десятков.

Большое место в собрании занимают различные сборники и альбомы стихотворений, песен, романсов и прозы писателей и поэтов XVIII—XX веков. Почти все выдающиеся писатели этих трех столетий представлены здесь. Немало имеется в сборниках стихотворений, принадлежащих малоизвестным и местным поэтам. Некоторые сборники стихотворений с нотами, другие содержат семинарские вирши. Вот далеко не полный перечень этих сборников: XVIII в. — №№ 80, 128, 440, 623, 1009; XIX в. — №№ 90, 130, 253, 318, 372, 543, 556, 897, 907.

Укажем также ряд сборников учительного-нравственного содержания: Юности честное зерцало (XVIII в., № 518), Любовный вертоград (XVIII в., № 379), Великое зерцало (XVIII в., № 635), Звезда пресветлая (два списка XVIII в., №№ 550 и 725), Крины сельные (XVIII в., № 391).

Назовем несколько рукописей по народной медицине, прикладным искусствам, естественно-научного содержания, географии, языкознанию и т. п., в том числе: Лечебники (XVIII в., №№ 24, 25 и 259); Травник (XIX в., № 822); Заговор от лихорадки (XVIII в., № 905); рецепты для приготовления краски и лаков, красок для набоек и т. д. (XIX в., №№ 695 и 896); Физиолог (XVIII в., № 153); Космография (XVII в., № 292); Грамматика монголо-бурятского языка (1852 г., № 452); Экономика жизни человеческой (XVIII в., № 791); Арифметика Магницкого (XVIII в., № 674); Грамматика Иоанна Экзарха Болгарского (XVII в., № 572); Укрепление регулярных и нерегулярных крепостей Фон-Дамма, в переводе Ивана Ремизова (XVIII в., № 187); Риторика (на латинском языке, 1799 г., № 585).

В собрании музея имеются такие замечательные памятники древнерусского книжного искусства, как „Слова Григория Богослова“, переписанные в Ярославле монахом Спасского монастыря Ефросином в 1392 г. (№ 32) — одна из древнейших бумажных датированных рукописей; „Пандекты Никона Черногорца“, XII в. (№ 6); „Феодоровское“ (№ 1) и „Спасское“ (№ 2) евангелия XIII в., украшенные превосходными миниатюрами, и ряд других рукописей на пергамене, относящихся к XIII—XV векам.¹

Большое место в собрании занимает русская церковно-историческая литература самых различных жанров. Здесь, между прочим, имеются следующие жития: патриарха Никона, три списка (XVIII в., №№ 342, 931; XIX в., № 797); Зосимы и Савватия Соловецких, пять списков (XVII в., №№ 122, 215, 277, 657; XVIII в., № 381); Федора, Давида и Константина Ярославских (XVI в., № 60; XVII в., № 55; XVIII в., № 444); Кирилла Белозерского (XVII в., № 111; 1789 г., № 549); Проккопия и Иоанна Устюжских (XVII в., № 329); Симона Юрьевецкого (XIX в., № 473); Геннадия Костромского (XIX в., № 638); Варлаама Хутынского (XVI в., № 60; XVII в., № 673); Паисия Углического (XVIII в., № 935); Леонтия Ростовского и Никиты Переяславского (XVI в., № 60). Почти все эти жития сопровождаются дополнительными статьями и сказаниями о „чудесах“. Из многочисленных сказаний о „яв-

¹ И. И. Срезневский. Сведения и заметки о неизвестных и малоизвестных памятниках. СПб., 1867—1876. — П. С. Уварова. Каталог ризницы Ярославского Спасского монастыря. М., 1887 (с 2 фотографиями с рукописи № 2). — С. О. Долгов. Описание евангелия XIII в. Труды 7-го Археологического съезда в Ярославле 1887 г., т. III, М., 1892. — Ф. Ф. Грищенко. Заметка о рукописях Ярославского областного музея. Ученые записки Ярославского Гос. педагогического института, вып. I, Гуманитарные науки, Ярославль, 1943, стр. 113—124 (описание „Служебника“ XIII—XIV вв. и „Слов Федора Студита“ XV в.).

лениях“ от богородичных икон назовем: Толгской (XVII в., № 55; 1738 г., № 207; XIX в., № 456), Тихвинской (XVII в., №№ 85 и 568). Подобные же темы затрагиваются и в следующих номерах рукописей: 91, 780 (сборник сказаний по построению ярославских церквей), 820 („чудеса“ Якова Боровицкого), 630 (об основании села Крест Ярославского уезда), 89 (сборник житий русских святых XVII в.) и др.

Заслуживают внимания также такие рукописи, как „Мечец духовный“ братьев Лихудов в списке XVII в. (№ 461); Челобитная Саввы Романова (XVIII в., № 613); нравоучительные сборники — Крины сельные (XVIII в., № 391), Патерик по алфавиту (XIV—XV вв., № 75); два списка Великого зерцала (XVIII в., №№ 201, 635); Кормчая (XVI в., № 78); сочинения Арсения Мацевича (№ 703); Материалы для истории Костромской семинарии (1765—1800 гг., № 632); Описание Флорищевой пустыни (1840 г., № 495).

Значительное число рукописей содержит материалы по истории ярославских монастырей и городских церквей.

К истории Спасо-Ярославского монастыря относятся: сборник царских и патриарших грамот (1744 г., № 182); описи и описания монастыря (1709 г., № 998; 1787 г., № 493; конец XVIII в., № 37; 1811 г., № 411; 1830 г., № 447); писцовые книги вотчин монастыря (1627—1630 гг., № 81); переписные книги вотчин (1646 г., № 575; 1678 г., № 202); Кормовая книга (XVII в., № 324); выписи из межевых книг (XVII в., № 593); сборник разных заметок по истории монастыря (XIX в., № 466).

Материалы по истории Ярославского архиерейского дома и городских церквей: опись имущества (1853 г., № 281); опись книг библиотеки (1819 г., №№ 344, 365); записи прибывшим вещам (1819 г., № 364; 1834 г., № 450); расходная книга церкви Иоанна Предтечи (1808 г., № 18); приходорасходная книга Ильинской церкви (1755 г., № 862; 1823—1848 гг., № 453); опись Успенского собора (1804 г., № 397); документы церкви Дмитрия Солунского (1671, 1672, 1673, 1708 и 1804 гг.).

По истории отдельных церквей, приходов и церковных учреждений Ярославской епархии: опись Ростовского архиерейского дома (1743, 1785—1798 гг., №№ 343, 359, 367); Летопись церкви с. Ременниц Ярославского уезда (1814—1905 гг., № 876); приходорасходные книги Никольской церкви села Григорьевского (1794—1818 гг., №№ 838 и 839); расходная книга церкви Рождества богородицы (1809—1813 гг., № 837); книга записей достопримечательных событий церкви Спаса села Никольского Салтыковых (1814 г., № 487); описание Югской Дорофеевой пустыни (1850 г., № 940); часть личного архива архиепископа Ярославского Нила (Николая Федоровича Исаковича, 1799—1874 гг.), куда входят его сочинения, переписка и деловые бумаги (№№ 40, 41 и 455).

Следует упомянуть коллекцию синодиков XVII—XVIII веков, украшенных гравюрами и миниатюрами. В них содержатся ценные сведения по истории Ярославской области. Это следующие синодики: Ярославского Спасского монастыря (1656 г., № 536; XVII в., №№ 492 и 538; 1731 г., № 16; 1758 г., № 361; XIX в., №№ 245 и 498); Ярославского казанского монастыря (1650 г., № 35); церкви Ильи пророка в Ярославле (XVII в., № 180); церкви Рождества Христова (XVIII в., № 17); церкви Благовещения и Параскевы-пятницы на Туговой горе (1692 г., № 36); Троице-Колясниковской церкви в Даниловском уезде (XVII в., № 284); Архангельской церкви в Ярославле (XVIII в., № 107); Николо-Надеинской церкви (XIX в., № 666); церкви Ивана Богослова

(1684 г., № 264); Преображения (XVIII в., № 287); Воскресенья (XVII в., № 325); Софийской в селе Савине (XVIII в., № 229); Николы Салтыкова в селе Когаево (XVIII в., № 910); синодик Ивана Лаврентьева сына Катинского из села Вески (1710 г., № 70).

В музее имеется большое количество сборников XV—XIX веков (около 200 единиц), содержание которых, к сожалению, еще не раскрыто. Описание их может дать дополнительные сведения к данному обзору.

В Ярославском музее находится также большое количество (около 400 единиц) славяно-русских старопечатных книг. Однако они не имеют даже краткой описи, хотя среди них находятся такие уникальные вещи, как „Триодь постная“, напечатанная Святополком Фиолем в 1491 году, алфавитный указатель к Евангелию и Псалтири, печати Ивана Федорова, московские анонимные (дофедоровские) издания, несколько экземпляров первого издания Уложения царя Алексея Михайловича и мн. др.

На рукописях и на старопечатных книгах имеется множество ценных вкладных и других записей, а также надписей тайнописью, содержание которых до сих пор не раскрыто.

Приводим ниже краткое описание рукописей исторического и литературного содержания и документальных материалов.

Древнерусские литературные и исторические произведения

1 (145).¹ Повесть временных лет, XVII в., в лист, 170 л., письмо в 2 столбца — мелкий полуустав разных почерков, филигрань — шут с 5 и 7 бубенцами.

2 (60). Сборник Патерик Печерский (в нем и жития русских святых), XVI в., в 4-ку, 461 л.

3 (286). Летопись („Книга с 7043 году по 7177 год, в которых годех, куды были какие походы и роспись воеводам“), XVII в., в лист, 444 л., скоропись.

4 (825). Сборник (в нем Краткий летописец до Алексея Михайловича, Космография, О хождении в Иерусалим Трифона Коробейникова), XVII в., в 8-ку, 430 л., скоропись.

5 (308). Жития русских святых (здесь же Слово Антония Печерского об основании Киево-Печерского монастыря), XVI в., в лист, 208 л., полуустав.

6 (173). Повесть о флорентийском соборе Семиона Суздальца, XVII в., в 4-ку, 64 л., филигрань — герб г. Амстердама.

7 (433). Авраамий Палицин. Сказание об осаде Троице-Сергиевского монастыря, XVII в., в 4-ку, 234 л., скоропись.

8 (154). Авраамий Палицин. Сказание об осаде Троице-Сергиевского монастыря, XIX в., в 4-ку, 103 л., филигрань — корабль, внизу год „1800“.

9 (176). Хронограф, XVII в., в лист, 738 л., филигрань — шут с 5 бубенцами.

10 (258). Сказание об Александре Македонском, ч. I, 1820-е годы, в 4-ку, 140 л. Запись: „Писал плеской мещанин Сто...“.

11 (454). Летописец (главы 129—180, до царствования Петра I, в лист, 151 л., скоропись, папки в коже. Л. 1 — „Глава 129-я. О славенском языке“. Бумага голубая, филигрань — герб г. Ярославля с годом „1810“ и буквы „ЯМВСЯ“. На л. 151 об. — запись: „Это есть список с той

¹ Цифра в скобках — номер по инвентарной описи.

части летописца (имеющегося у графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина...), в которой началось повествование о России. Подобный ему список зделан и для Ярославской Семинарской библиотеки. Генваря 26 дня 1811 года“.

12 (156). Краткий летописец града Углича, 1810-е годы, в 4-ку, 91 л.

13 (97). Стоглав, XVIII в., в 4-ку, 205 л., филигрань с годом „1772“, полуустав.

14 (619). Стоглав, XVIII в., в 4-ку, 141 л., скоропись.

15 (924). Повесть о царевице Дмитриии Углическом, XVIII в., в 4-ку, 21 л.

16 (925). Сборник, XVIII в., в 4-ку. Содержание: Повесть о царице и львице; Повесть о царевице Дмитриии Углическом.

17 (289). Уложение царя Алексея Михайловича, XVII в., в лист, 421 л., скоропись. Запись: „Писал сию книгу Ф. Б. Л.“.

18 (288). Уложение царя Алексея Михайловича, XVIII в., в лист, 164 л., скоропись. Запись: „Писал монах Арсений Гурьев“.

19 (192). Уложение царя Алексея Михайловича, XVIII в., в лист, 188 л., филигрань — буквы „РФ“ и „АГ“.

20 (262). Сборник, XVIII в., в 4-ку, 96 л. Содержание: Сказание об осаде Тихвина в XVII в.; Видение протопopa Терентия; Повесть о создании Тихвинского богородидкого монастыря, и др.

21 (798). Житие протопopa Аввакума, XIX в., в 8-ку, 138 л., полуустав.

22 (121). Сборник сочинений протопopa Аввакума, XVIII в., в 4-ку, 167 л. Содержание: Челобитная царю; Книга бесед; Житие и другие сочинения Аввакума.

23 (965). Аввакум протопop. Послания, XVIII в., в 8-ку, 137 л.

24 (468). Повесть о Варлааме и Иоасафе, с дополнениями, 1641 г., в 4-ку, 140 л., полуустав.

25 (777). Повесть о Варлааме и Иоасафе, XVII в., в 4-ку, тетрадь, 217 л., полуустав.

26 (155). Повесть о Варлааме и Иоасафе, XVIII в., в 4-ку, 109 л., филигрань — герб г. Ярославля с буквами „ЯФЗ“.

27 (829). Повесть о Иосифе Прекрасном, XVIII в., в 8-ку, 40 л., скоропись.

28 (932). Повесть о Франциле Венциале, XVIII в., 130 л., полуустав.

29 (291). Алексей Лызлов. История скифская, XVIII в., в лист, 516 л., полуустав.

30 (261). Иосиф Флавий. О войне иудейской, 1706 г., в 4-ку, 267 л. (2 гравюры).

31 (429). Феофан Прокопович. Мнение о неудобноносимом законном иге, 1713 г., в 4-ку, 160 стр., скоропись.

32 (345). Увещания и приклады политические, XVIII в., в лист, 172 л., скоропись, филиграни — буквы „ФАГ“ и „АГБ“.

Документальные материалы

1 (181). Книга документов Бреславского Уездного Суда, 1620 г. в лист, 44 л.

2 (200). Выписи из писцовых книг Пошехонского и Московского уездов на поместья и вотчины князя Михаила Ивановича Шелешпальского и Алексея Тимофеевича Лихачева, 1682—1691 гг., в 4-ку, 124 л.

3 (1006). Выпись из книг письма и меры Новоторжского уезда за 134—135 гг., 1682 г., столбец в 6 полос.

4 (1007). Выпись из Костромских книг письма и меры за 137, 138 гг., 1683 г., столбец в 7 полос.

5 (1008). Архив Ельчаниновых (рядная запись 1667 г., списки с грамот и челобитных 1641—1689 гг.).

6 (191). Книга документов Угличской провинциальной канцелярии, 1733 г., в лист, 318 л.

7 (383). Расходная книга неизвестной помещицы, 1748—1783 гг., в 4-ку, 97 л., скоропись.

8 (1010). Книга записей по хозяйству неизвестного ярославского помещика, 1838—1861 г., в 4-ку, скоропись.

9 (349). Экономическая опись владений и запись расходов Ярославского помещика Розина, XIX в., в лист, около 100 л., скоропись.

10 (857). Каталог дач и владельцев по генеральному плану г. Ярославля, XIX в., в лист, 161 л.

Сочинения писателей XVIII—XIX веков

1 (681). Сборник сочинений М. В. Ломоносова и Ивана Лисицина, XVIII в., в 4-ку, 250 л.

2 (1012). В. А. Жуковский. Громобой. Русская баллада (1-я часть баллады „12 спящих дев“) и др., 1820-е годы, в 4-ку, 15 л., скоропись.

3 (42). А. С. Грибоедов. Горе от ума, 1831 г., в 4-ку, 92 л., филигрань — геральдическая лилия с буквами по сторонам и годом „1831“.

4 (43). То же, XIX в., в 4-ку, 79 л., филигрань — буквы „УФНСП“ и год „1830“.

5 (44). То же, XIX в., в 4-ку, 98 л., филигрань — буквы „ФКНГ“ и год „1832“.

6 (45). Н. В. Гоголь. Мертвые души, ч. II, XIX в., в 4-ку, 114 л., бумага без филиграни.

7 (46). Н. В. Гоголь. Авторская исповедь, XIX в., в 4-ку, 32 л.

8 (859). Ф. Г. Шаховский. Волков. Пьеса, XIX в., в лист.

9 (994). Я. Б. Княжнин. Вадим Новгородский, 1813 г., в 4-ку.

10 (38). А. С. Пушкин. Бахчисарайский фонтан; стихи: Элегия, Воспоминание, Прощание, 1820-е годы, в 4-ку, 16 л., филигрань — герб г. Ярославля и год „1824“.

11 (39). А. С. Пушкин. Евгений Онегин, ч. 1, 1820-е годы, в 4-ку, 74 л., филигрань — буквы „ЛФСАЛ“ и год „1827“.

12 (267). К. Ф. Рылеев. Войнаровский, 1830-е годы, в 8-ку, 65 стр., скоропись, филигрань — буква „Б“ и год „1830“.

13 (507). П. Ершов. Конек-горбунок, XIX в., в 4-ку, скоропись.

14 (1014). П. Ершов. Конек-горбунок, XIX в., в 8-ку, скоропись.

15 (1015). П. Ершов. Конек-горбунок, XIX в., в 8-ку, скоропись.

16 (920). Н. А. Некрасов. Стихотворения 1842—1871 гг. Переписаны воспитанником Ярославской духовной семинарии Павлом Тихвинским, в 4-ку.

17 (1000). 1855 год. Поэма, XIX в., в лист, 13 стр.

18 (751). Панорама в 1848 г. (Характеристики некоторых ярославцев того времени — сатира в стихах), в 8-ку, 8 л., скоропись.

19 (997). Неудачник. Повесть, XIX в., в лист.

20 (900). Архив семьи гр. Мусиных-Пушкиных за 1829—1914 гг. (переписка частного и делового характера, телеграммы, документы), около 600 л.

21 (1005). И. С. Тургенев. Письмо Ф. А. Бурдину, автограф, без даты.

22 (332). Андрей Аргентов. Путевой журнал миссионерских походов по Чукотской земле. Писал А. Аргентов в г. Чауне, 1851 г., в лист, 27 л., скоропись.

23 (919). С. Я. Дерунов. 5-я розовая книжка юношам-грамотеям (стихотворения), XIX в., в 4-ку.

24 (687). Н. Поздеев. Мелкие стихотворения, XIX в., в 4-ку, 10 л., скоропись.

25 (688). Н. Поздеев. Этюд, 1874 г., в 4-ку, 43 стр., скоропись.

26 (855). Кантата в память 25-летия со дня смерти Н. А. Некрасова. Текст С. А. Мусина-Пушкина. Музыка Б. Азанчеева, XIX в., в лист.

27 (899). Письма разных лиц к К. Ф. Некрасову. (Переписка по книгоиздательству и частная. В числе писем: 1—К. Бальмонта, 6—А. Блока, 1—И. Бунина), 1867—1916 гг., 599 л.

28 (901). Архив Л. Н. Трефолева. (Рукописи поэта, письма, гранки, документы, копии его произведений), 1855—1935 гг., 680 л.

29 (936). Н. Серебряников. Сочинения, XIX в., в 8-ку, 123 л.

30 (23). А. В. Ступин.¹ Записки из жизни, XIX в., в 4-ку, 192 л.

31 (917). Дневник А. Дмитриева, 1897 г., в 4-ку.

32 (279). Материалы к истории села Великого. Составил Ведерников, XIX—XX в., в 4-ку, 14+19+16 л.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПИСОК ПЕРГАМЕННЫХ РУКОПИСЕЙ ЯРОСЛАВСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

1 (6). Пандекты Никона Черногорца, XII в., в лист, 204 л., переплет — доски в коже, конца нет.

2 (1). Евангелие-апракос (Федоровское), XIII в., в лист, 223+1 н. л., конца нет, 5 миниатюр.

3 (2). Евангелие-апракос (Спасское), XIII в., в лист, 131+1 н. л., 2 миниатюры, переплет — доски, покрытые шелком, начала и конца нет.

4 (5). Сборник, XIII в., в лист, 266 л., доски в коже, начала и конца нет.

5 (13). Служебник, XIII—XIV вв., в 8-ку, 142 л.

6 (4). Евангелие-апракос, XIV в., в лист, 152 л., переплет — доски в шелке. Начала и конца нет.

7 (9). Псалтирь, XIV в., в 4-ку, 177 л., переплет — доски в коже.

8 (10). Минея служебная за декабрь, XIV—XV вв., в 4-ку, 168 л.

9 (11). Минея служебная за октябрь, XIV—XV вв., в 4-ку, 116 л.

10 (223). Минея служебная за май месяц, XIV в., в 4-ку, 115 л., переплет — доски в коже.

11 (12). Синоксарь, XV в., в 4-ку, 105 л.

12 (7). Толкования, XV в., в 4-ку, 204 л., переплет — доски в коже.

13 (8). Богородичник, XV в., в 8-ку, 200 л.

14 (3). Слова Федора Студита, XV в., в лист, 166 л., переплет — доски в коже, конца нет.

15 (47). Ставленная грамота патриарха Иова дьяку Филиппу Иоснину на служение попом в церкви Екатерины Великомученицы, 9 мая 1595, в лист, Москва; к грамоте привешена круглая печать красного воска.

¹ А. В. Ступин (1776—1861) — академик, основатель Арзамасской школы живописи. Его „Записки“ опубликованы в „Сборнике Щукина“ (вып. 3, М., 1904, стр. 369—482).

Н. М. МАСЛОВ

Краткие сведения о рукописях Калужского областного краеведческого музея

Большая часть рукописного фонда Калужского областного краеведческого музея состоит из рукописей собрания бывшего Калужского исторического музея, основанного в 1897 году. Очень незначительное количество рукописных книг было куплено у частных лиц. Часть рукописей перешла из собраний П. А. Трейтера, В. В. Шангина, И. Д. Четыркина, Н. П. Глухарева и других местных собирателей.

В 1918—1919 годах Калужский отдел народного образования направил работников Городского исторического музея в уезды для отбора и вывоза из бывших помещичьих имений и закрывшихся монастырей художественных и исторических ценностей, книг, редких предметов быта. К сожалению, недостаточность средств не позволила тогда в полной мере охватить обследованием все бывшие „дворянские гнезда“ и монастырские хранилища. Всё же было вывезено большое количество предметов искусства и старины, а также книг. Они значительно пополнили фонды музея. Несколько интересных рукописных книг поступило из бывшего имения Гончаровых „Полотняный Завод“, с которым связаны воспоминания о пребывании в нем А. С. Пушкина, и из бывшего имения Горчаковых „Борятино“ (б. Тарусского уезда).

В настоящее время рукописный фонд музея состоит из рукописных книг, столбцов, преимущественно XVII—начала XVIII века, и рукописей местных краеведов. В настоящем обзоре даются сведения лишь о рукописных книгах XVI—XIX веков. Некоторые из музейных рукописей были в свое время известны архимандриту Леониду (Кавелину).¹ Сведения же о большинстве рукописей сообщаются впервые.

Кроме рукописей, в музее хранится около десяти старообрядческих сочинений, размноженных на гектографе. Все они относятся к концу XIX века и по содержанию представляют собой полемические произведения, направленные против так называемых „беглопоповцев“.

Следует отметить, что собрание рукописей музея не имеет своего специального помещения, не систематизировано, не объединено общим учетом и размещено по разным отделам музея, что не только затрудняет пользование ими, но и сказывается на сохранности материалов.

¹ Леонид. Обзорение рукописей и старопечатных книг в книгохранилищах монастырей, городских и сельских церквей Калужской епархии. Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете, кн. 4, М., 1865. Эти рукописи нами отмечаются в тексте сокращенно: Леонид. Обзорение.

Столбцы в значительной части были собраны Калужской ученой архивной комиссией и описаны (числом около 300) калужским краеведом П. А. Трейтер.¹

Ниже дается краткое описание наиболее интересных рукописей Калужского музея.

1. Сборник выписок из Уложения Алексея Михайловича, XVII в., в 4-ку, 134 л., скоропись.

2. Разрядная книга (с 1489 по 1625 г.), XVII в., в лист, 652 л., скоропись, переплет. По листам запись: „... у государева дома стольника князь Степана Васильевича Ромодановского Стародубского“.

3. Миния месячная. Месяц февраль, XVI в., в 4-ку, 213 л., полуустав, переплет. На первом листе запись: „Принадлежит Лихвинскому Покровскому Доброму монастырю 1854 года“.

4. Книга премудрость Иисуса сына Сирахова, конец XVIII в., в 4-ку, 55 л., полуустав, без последнего листа. На л. 35 запись: „В этой книге семь тетрадей, а во всякой тетради по 8 листов тарусово купца Константина Михайлова, сына Емцова“.

5. Георга Енгельгарда фон Ленеиса, наследного господина в Релинге и Неседофе, Княжеского Вольфенбигельского Берграта и сталмейстера в Волфенбигеле, основательное и ясное описание о Горокопстве... Вновь издано в Стокгольме и Гамбурге. Печатано в Лейпциге у Кристофа Гинтера, лета Христова 1690. В 2 книгах. Книга 2-я озаглавлена: „Подземная экономия, достоверное описание в глубине земной растущих вещей яко всяких руд металей минералов... В Франк Форте, что на Мене реке, в лета Г дня 1703 г.“, XVIII в., в лист, 600 л., скоропись, переплет. В книге дано описание горного дела, организации Бергколлегии, металлургии, пробирного дела и т. п.

6. Ревизская выпись Троицкого Лютикова монастыря, 1744 г., в лист, 24 л., скоропись.

7. Поместная книга, XVIII в., в лист, 496 л., красивая скоропись, переплет. На полях круглый штамп: „Библиотека в Борятине кн. С. Д. Горчакова“.

8. Возражение патриарха смиренного Никона Паисию Лигариду и ответы последнего, 1766 г., в лист, 451 л., скоропись, кожаный переплет.

9. Старообрядческий иконописный подлинник, конец XVIII в., в 4-ку, скоропись. Содержание: Слово обличительное против Никона; выписки из Патерика, Пчелы и др. Книга имеет штамп: „Библиотека Василия Васильевича Шангина“.

10. Список из Родословной книги, списанный в Троицко-Сергиевом монастыре, XVIII в., в лист, 107 л., скоропись, переплет.

11. Сборник, XVIII в., в лист, 409 л., полуустав, кожаный переплет. Содержание: Повесть о Владимирской иконе; История о Варлааме и Иоасафе; Житие Александра Невского.

12. История короля шведского Каролуса XII Вольтера, XVIII в., в лист, 188 л., скоропись, кожаный переплет. На первом (чистом) листе запись: „Из книг А. Ганчерова, писана 1789 г. в Москве“. На бумаге водяные знаки: „1788 г.“, „А. Г.“. Книга из Полотнянозаводской библиотеки Гончаровых. Принадлежала, повидимому, не основателю Полотняного Завода А. А. Гончарову, так как он умер в 1788 г., а его внуку А. Н. Гончарову, деду жены А. С. Пушкина. Филигрань

¹ П. А. Трейтер. Опись столбцов и других документов XVII и XVIII вв., поступивших в Архив Калужской губернской ученой архивной комиссии из Губернского статистического комитета. Известия Калужской ученой архивной комиссии, вып. 1, Калуга, 1899.

бумаги Полотняно-заводской бумажной фабрики. Книга была, вероятно, переписана с какого-то русского перевода, сделанного вскоре после издания „Истории Карла XII“ во Франции и ходившего в России в рукописном виде. Печатные издания этого произведения Вольтера появились у нас на русском языке гораздо позднее 1746 г.

13. Сборник (старообрядческий) кратких поучений, XVIII в., в 8-ку, 56 л., полуустав, переплет.

14. Сборник, XVIII в. (Житие Василия Нового, и др.), в 4-ку, полуустав.

15. Устав монастырский, XVII в., в 4-ку, полуустав мелкий.

16. Страсти Христовы, 1770 г., в 4-ку, скоропись.

17. Вкладная книга Борисо-Глебской церкви в г. Боровске, 1690 г., в 4-ку, 21 л., скоропись, кожаный переплет. Имеется штамп: „П. А. Глухарева в Боровске“.

18. Розыск Дмитрия Ростовского, XVIII в., в 4-ку, скоропись.

19. Сказание о Пафнутии Боровском, XVIII в., в 4-ку, полуустав, кожаный переплет. Две миниатюры Пафнутия Боровского.

20. Службы на разные праздники, XVI в., в 4-ку, 356 л., мелкий полуустав, переплет. Нет первого листа. Запись: „Принадлежит Лихвинскому Покровскому Доброму монастырю 1854 г.“.

21. Уложение Алексея Михайловича, XVII в., в 4-ку, 25 перенумерованных и сшитых тетрадей, без начальных и конечных листов, скоропись, переплет. На внутренней стороне нижней крышки переплета запись: „Сия книга принадлежит Осипу Васильевичу, сыну Васильеву, декабря 25 дня 1817 г., Малоярославца“.

22. Учителя Самоила обличение на иудейская блужения Мессуина пришествия еще чающих, XVII в., в 4-ку, 194 л., скоропись. На полях листов запись: „Сия книга обличение учителя Самоила на Иудейская блужения боярина и оружничего боярина Богдана Матвеевича Хитрова и сей книге по обещанию боярина и дворецкого, и оружничего Богдана Матвеевича быть в Лютикове монастыре“. Запись в конце книги: „Повелением архиепископа Геннадия преложил на русский язык Митя-толмач, лета 7009 [1501] году, Николая Делира на богоотметных иудеов“. На одном из листов, тем же почерком написано: „184 [1676] году книга учителя Самоила“ (Леонид. Обзорение, стр. 33, № 6).

23. Молебное пение в нашествие варвар XVIII в., в 4-ку, 66 л., полуустав. На первом листе запись: „Принадлежит Лихвинскому Покровскому Доброму монастырю 1854 года“.

24. Повести из Великого Зеркала, XVII в., в 4-ку, 101 л., скоропись, переплет. В конце оглавления запись: „1666 писана сия книга Никитою Глупцовым“.

25. Сборник, XVIII в., в 4-ку, полуустав, переплет. Содержание: Слово инока Авраамия; Повесть о благополезных (выписано из древних летописцев римского Кроника).

26. Книга о вере, XVII в., в лист, 193 л., скоропись. На последнем листе запись: „Повелением ... Алексея Михайловича по слову и благословению святейшего Иосифа патриарха Московского и всея Руси начата бысть печатати сия новая книга в лето 7156 [1648] месяца марта в 1 день. Да веси читатель и о сем книга о вере печатная имеет 189 листов, а на странице строк по двадцать пять“.

27. Триодь постная, начало XVII в., в лист, мелкий полуустав. Без начала и конца.

28. Евангелие толковое, XVI в., в лист, полуустав. Из Успенского собора г. Перемышля (Калужская обл.).

29. Сборник религиозно-учительных произведений, XVIII в., в лист, частью полууустав, частью скоропись. Книга иллюстрирована вклеенными гравюрами; на одной из них, изображающей погребение св. Екатерины, выгравировано: „Захарий Самойлов изобразил 1700“. В конце — вирши и запись об основании монастыря Новый Иерусалим в 7165 (1657) г.

30—31. Выписка из Уложения Алексея Михайловича, XVIII в., в 4-ку, скоропись.

32. Ирмологий крюковой, XVII в., в 4-ку, переплет.

33. Октоих, XVI в., в лист, 409 л., полууустав, в два столбца, переплет. На первом листе записи: „Лета 7078 [1570] сию книгу октаи положил Василий Степанов, сын Кологривов, в церкви в Пятници святых“; „Принадлежит Лихвинскому Покровскому Доброму монастырю 1854 года“.

34. Устав о христианском житии, XVIII в., в 8-ку, полууустав, переплет.

35. Наука морских навигатуров, XVIII в., в 8-ку, мелкая скоропись, переплет. Содержит правила и наставления по кораблевождению, с чертежами и таблицами. На л. 1 запись: „Наука морских навигатуров Морскова флоту служителей Ивана Моркова, Федора Исакова, 1716 г.“.

36. Прохладный вертоград или лечебник, начало XVIII в., в лист, 232 л., скоропись, переплет. По листам запись: „Еиа императорского величества лакея Василия Андреева, сына Севринова, а подписал ее Василий Севринов своею рукою“.

37. Сборник, XVII в., в 4-ку, полууустав, кожаный переплет. Содержание: Стих Иоасафа царевича, и др.

38. Евангелие толковое, XV в., в 4-ку, 230 л., мелкий полууустав, переплет ветхий. На обороте последнего листа тем же почерком подписано: „Списана бысть благовествование сие в лета 6972 [1464] месяца ноемвриа 29 на память преподобномученицы Анастасии и преподобного отца Авраама при благоверном князи Иоанне Юрьевичи во Одоев в Пречистыя дом честнаго зачатия“. На л. 1 запись: „Принадлежит Лихвинскому Покровскому Доброму монастырю 1854 года. Архимандрит Феофилакт“ (Леонид. Обзорение, стр. 17, № 2).

39. Прекрасныя Арианы бедственные и любезная история Мелентеса Полемедеса, XVIII в., в лист, скоропись, переплет.

40. Сборник, XVIII в., в 4-ку, полууустав, без последних листов, переплет.

41. Синодик Калужского Лаврентьева монастыря, XVII в., в 4-ку, 146 л., полууустав. На л. 1 (чистом) запись: „Книга сия Синодик принадлежит Калужскому Лаврентьеву монастырю, состоящему в ведении Калужского архиерейского дома 1888 г. ноября 18 дня“. Там же карандашная помета: „Писан между 1676 и 1680 г.“ (Леонид. Обзорение, стр. 17, № 1).

42. Синодик Троицкого Лютикова монастыря, XVII в., в лист, 192 л., полууустав, кожаный переплет. На первом листе в фигурной рамке запись: „172 [1664] г. июля в 28 день строил сию книгу Синодик Живоначальные Троицы в Лютиков монастырь околичней и оружейничей Богдан Матфеевич Хитрово по своих родителей“ (Леонид. Обзорение, стр. 34, № 12).

43. Вкладная книга Казанской под горой церкви в Калуге XVIII в., в лист, 161 л., полууустав, кожаный переплет. На обороте л. 1 запись: „1709 г. стала сия книга вкладная, что в каменную церковь на цер-

ковное строение збирать за бумагу и за предисловие, и за образ, и за герб, и за переплетку денег рубль тринадцать алтын". Содержит также сказание о принесении Казанской иконы из Вязников в Калугу. На одном из листов изображен пером с подкраской самый образ.

44. Сборник поучений и житий святых, XVII в., в лист, 547 л., скоропись, кожаный переплет. Состоит из 59 глав. По листам запись: „Лета 7184 [1676] марта в 21 день сия книга, глаголемая Соборник, боярина и оружейничего Богдана Матвеевича, зовомого Иова Хитрово, а писана сия книга в ней же многих святых великих отец душеполезных жития по его, боярина и оружейничего Богдана Матвеевича, вере в нынешнем во 184 году, по обещанию его быти сей книге в Перемышльском уезде у Троицы в Лютикове монастыре по родителям его во веки на помин“. Запись поздняя: „Принадлежит Перемышльскому свято Троицкому монастырю, 1854“ (Леонид. Обзорение, стр. 28, № 5).

45. Выпись из книги Перемышльского уезду письма и меры и межеванья стольника Еремея Леонтьевича Пятово да подьячего Григория Зернова, XVII в., в 4-ку, 17 л., скоропись.

46. Выпись ис книг Перемышльского уезду письма и меры и межеванья стольника Еремея Ларионовича Пятово да подьячева Григория Зернова в 193 [1685] г. в Подгородном стану. Выпись эта, как видно из текста, дана Лютикова монастыря архимандриту Моисею с братиею на их вотчинные владения. Здесь же, данная тому же архимандриту Моисею в 194 [1686] г. выпись из книг Воротынского уезда письма и меры и межеванья Михаила Петровича Свечина да подьячего Саввы Рогачева на приписную их вотчину упраздненного Архангельского монастыря, XVII в., в 4 ку, 111 л., скоропись, кожаный переплет (Леонид. Обзорение, стр. 33, № 9).

47. Выпись с оболенских писцовых и межевых книг письма и меры и межеванья Федора Цудерина да подьячего Ивана Максимова 135 и 136 и 137 [1627—1629] г., XVII в., в 4-ку, 156 л., скоропись, без последних листов.

48. Октоих на последние 4 гласа, XVI в., в лист, 257 л., полуустав, в два столбца, кожаный переплет. На л. 1 запись: „Принадлежит Лихвинскому Покровскому Доброму монастырю 1854 года“.

49. Старобрядческий сборник, XIX в., в 4-ку, 112 л., полуустав на гектографе, переплет. Содержание: Описание страдания новых мучениц княгинь Феодосии Морозовой и Евдокии Урусовой и Марии, соузницы их, в лето 6170 [1662] г.; ряд сказаний.

50. Путешествие из Петербурга в Москву А. Н. Радищева и разные выписки и заметки бригадира Сверчкова, конец XVIII—начало XIX в., в лист, 288 л., скоропись, картонный переплет. Рукопись была приобретена от П. А. Трейтера. „Бригадир Сверчков“ в тексте не упоминается, вероятно, его фамилия стояла на утраченном начальном листе (в книге нехватает несколько первых и последних листов).

В середине книги имеется „Список крестьянам генерала майора и кавалера Алексея Степанова, сына Сверчкова, состоящих в разных губерниях и деревнях с показанием мужского и женского полу, каких лет и какой оброк положен значится ли же, генваря 5 дня 1804 г.“. В списке перечислены крестьяне по Тамбовской, Владимирской и Рязанской губерниям. Общее количество их не превышает 200 душ. Около некоторых фамилий стоят пометки: „отпущен на волю“. Вероятно, А. С. Сверчков начал свою книгу, будучи бригадиром, и продолжал ее, находясь уже в чине генерал-майора. А. С. Сверчков

заносил в нее всё, что, по его мнению, заслуживало внимания. Здесь и выписки из газет и журналов, анекдоты, шуточные стихотворения, описания русских посольств, роспись рекрутского набора, указы Петра I, челобитные крестьян, выписи из разрядных книг, географические сведения, политические памфлеты и т. п. Всего имеется свыше ста записей. Образцы заглавий некоторых из них: Запрос Державину (стихотворение); Свидание двух теней (диалог); Прошение генерал-губернатору А. А. Беклешову Карачевской округи, села Буды от экономического крестьянина Ивана Говорухина с товарищи (начинается словами: „Оглянись, государь, Александр Андреевич, на наши горькие слезы...“); Список подписавшихся под „сентенциею о царевиче Алексее Петровиче“; Игра в бостон; Рекрутский набор; Вредный прожект графа Стройновского и на то возражение; Разговор в Елисейских полях теней; Трактат Ажедимитрия, царевича Гришки Отрепьева ростриги, с воеводою Сандомирским Мнишком; Песнь масонская; Старинная экзерциция, и т. д.

Ряд записей посвящен борьбе с Наполеоном Бонапартом: Речь, говоренная князем Багратионом, командующим второю западною армиею против франдузов; Песнь солдатская по случаю войны 1812 г. с французом; Заповеди Бонапарта; Сокращение разговора между королем Неаполитанским и генералом Милорадовичем 26 сентября 1812 г.; На новый 1813 г., и др.

Книга начата была в 1790-х годах, что устанавливается филигранью бумаги: „1790“. Закончена в 1814 г., на что указывает запись в самом конце книги: „В Париже при государе статс-секретарь Нессельроде“. Таким образом, „выписки и заметки“ бригадира Сверчкова охватывают собой период почти в четверть века.

„Путешествие из Петербурга в Москву“ занимает 109 л., текст почти во всем совпадает с печатным изданием. Возможно, что кто-то читал, а несколько человек, в том числе бригадир Сверчков, записывали текст, воспроизводя на бумаге слышанное, кто как умел. За то, что „Путешествие“ переписывал не „переписчик“, а сам владелец книги, говорит тот факт, что она вся, за малыми исключениями, писана одним и тем же беглым почерком, красивой мелкой скорописью, характерной для XVIII в. Он отдаленно, по стилю, напоминает почерк писем самого Радищева, но только почерк Сверчкова более запутанный, сложный, читаемый первоначально с трудом. Список Калужского краеведческого музея ближе всего подходит к списку Литературного музея в Москве, принадлежавшему ранее семье Николевых.¹

¹ Ср. Я. Л. Барсков. Материалы к изучению „Путешествия из Петербурга в Москву“ А. Н. Радищева. Изд. „Academia“, М.—Л., 1935.

Н. П. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Отчет об археографической командировке в г. Иваново

В сентябре 1952 года Сектор древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР командировал меня в г. Иваново с целью выявления в местных архивохранилищах материалов, имеющих интерес для исследователей древнерусской литературы, языка, культуры и быта.

Мною были обследованы собрания рукописных и старопечатных книг Областного исторического архива и Областного краеведческого музея.

В Ивановской областной библиотеке рукописных и старопечатных книг не оказалось.

Рукописных и старопечатных книг в архиве и музее имеется довольно много; в архиве хранятся рукописных книг — 51, старопечатных книг XVI—XVII веков — свыше 100, в музее: рукописей — до 600, старопечатных книг XVI—XVIII веков — 186 и около 170 документов XV—XVIII веков.

Рукописные и старопечатные собрания областного архива образовались из фондов б. Николо-Шартомского монастыря (Шуйский район Ивановской области) и б. Макарьево-Унженского монастыря (Макарьевский район Костромской области).

Фонд б. Николо-Шартомского монастыря (по описи № 22) содержит старопечатные книги XVI—XVIII веков и богатый актовый материал по монастырскому землевладению, начиная с 1594 по 1917 год. Рукописных книг в этом фонде нет, а старопечатные книги главным образом служебного и богословского содержания.

Фонд б. Макарьевско-Унженского монастыря (по описи № 30) насчитывает рукописных книг — 51, старопечатных книг — свыше 80 и значительное количество актового материала.¹

Рукописные и старопечатные фонды Ивановского областного архива хранятся неудовлетворительно: большинство рукописей и книг находятся в непригодном помещении, не имеют инвентарных этикеток и топографических указателей. Обследование фонда было поэтому очень затруднено, некоторые из ценных рукописных книг не удалось разыскать и обследовать.

Большинство рукописных и старопечатных книг Ивановского областного музея принадлежало ранее Д. С. Бурялину, к которому они

¹ Часть рукописей Макарьевско-Унженского монастыря в свое время была описана И. В. Херсонским: 1) Описание старинных рукописей, хранящихся в архиве Макарьевско-Унженского монастыря. Кострома, 1887. 2) Летопись Макарьевско-Унженского монастыря, вып. II. Кострома, 1892, стр. IV—VI.

поступили от московских книгопродавцев Клочкова, Большакова и других, из собрания московского купца Каретникова, тейковского фабриканта Попова, из библиотеки А. А. Титова, из молельни Миндовского и других мест.

В послереволюционное время часть рукописей и книг поступила в музей из местных монастырей и церквей.

Большинство рукописных книг музея — культового содержания, очень многие из них написаны на латинском, греческом, арабском, армянском, грузинском, персидском и других языках. Славяно-русских рукописей около 150.

Коллекция актового материала музея, как указано выше, содержит свыше 170 единиц хранения — различных грамот, столбцов и т. д. Большинство из них — жалованные царские грамоты на поместья, гражданские и военные звания, чины и награды. Три грамоты о пожаловании поместьями относятся ко временам царей Алексея Михайловича, Ивана и Петра Алексеевичей; остальные грамоты XVIII и XIX веков. Есть ряд хозяйственных документов XVIII века Вязниковского Благовещенского монастыря, в том числе о сдаче монастырских пустошей (Мокеевской и Пронинской) в аренду крестьянам деревни Олтушево.

В отличие от архива рукописные и старопечатные книги музея хранятся в сухих, отапливаемых, хорошо проветриваемых комнатах, в просторных застекленных книжных шкафах и на открытых стеллажах.

Однако обследование рукописного и старопечатного книжного фонда музея затруднялось тем, что музей организовал в книгохранилище стационарную выставку и тем закрыл доступ к некоторым шкафам, а в книгохранилище нет топографического ключа. Вследствие этого часть старопечатных книг не была обследована, а на розыски других книг тратилось много лишнего времени.

На все рукописные и старопечатные книги архива и музея имеются инвентарные описи, но они составлены коротко и неточно и не дают правильного представления о собрании.

Большинство рукописных и старопечатных книг Ивановского архива и музея относятся к церковно-служебным и религиозно-поучительным.

Ниже сообщаются краткие сведения о наиболее интересных рукописных и старопечатных книгах Ивановского областного архива и Ивановского областного музея.

Рукописные книги Ивановского областного архива

1 (1091).¹ Кормчая, середина XVI в., в пол-листа, полуустав, кожаный переплет. Запись по листам: „Лета 7068 [1560] месяца ноября в 18 день... Правило дана в пресвятую обитель к святым страстотерпцем христовым Флору и Лавру и преподобному отцу Макарию Унженскому и Желтоводскому чудотворцу по Прокопье по Ондрееве, сыне Черново-Каменского, при строителе Протасие, а ему душа Прокопьева поминать, и которые строители и игумены будут по нем у чудотворца, и им пожаловать ево поминати ж“.

2 (1084). Лествица, XVI в., в 4-ку, полуустав, кожаный переплет. Записи: „Положил сию книгу, глаголемую Лествицу, с Москвы Богоявленского монастыря, что за Ветошным рядом, черной поп Иона в Галицкой уезд в Ветлучскую волость, в новую пустынь на реке на Канше,

¹ Цифры в скобках — номера по инвентарной описи Ивановского областного архива, Отдел дореволюционных фондов, ф. № 30, инв. оп. № 1, т. II.

в дом всемирному Воздвижению, по душе своей и по родителех, кои в сей книге написаны от верхняя доски на простом листу"; „Дана сия книга один рубль шесть алтын четыре деньги“; „А тетратей в сей книге 55 тетратей, а в сих листов писанных и неписанных 1000 без трех листов“.

3 (номера нет). Трефологийон, XVI в., в пол-листа, полуустав, кожаный переплет. Запись: „Лета 7118 [1610] году генваря 24 дня при державе государя царя и великого князя Василия Ивановича, всея Руси самодержца, и при царице и великой княгине Марье Петровне, и при благоверной царевне Анастасие, и при святейшем патриархе Ермогене Московском и всея Руси положил в дом живоначальные троицы и великого чудотворца Макария Желтоводского и Унженского чудотворца книгу Трефолой с марта месяца на полгода нижегородец посадской человек Офонасей Яковлев, сын Шеин, при игумене Евстафее з братьею по душам своих родителей, и игумену Евстафию з братьею о нашем здравье бога молити, а родителей поминати...“.

4 (814). Лествица, первая половина XVI в., в 4-ку полуустав, кожаный переплет. Запись: „Сия книга в лето 7118 [1610] декабря в 23 день при державе государя царя и великого князя Василия Ивановича всея Росии и при святейшем Ермогене патриархе Московском и всея Росии после Костромского от государевых изменников и литовских людей разгрому по совету Павлова монастыря игумена Филарета з братиею дана на Кострому на посад в Богоявленской монастырь при игумене Арсение з братиею для их монастырского разорения“.

5 (1099). Служба Николаю-чудотворцу, Параскеве-пятнице и др., XVI в., в 4-ку, полуустав, кожаный переплет. Запись: „Лета 7119 [1611] году февраля в 21 день положил книгу сию живоначальной троице и преподобному чудотворцу Макарию в дом старец Митрофан...“.

6 (1086). Ефрем Сирин, конец XVI в., в 4-ку, полуустав, кожаный переплет. Запись: „Лета 7126 [1618] года мая в 20 день положил сию книгу, глаголемую Ефрем Сирин, в дом к живоначальныя троицы на Унже, во обитель преподобнаго Макарья Желтоводского-чудотворца Шейбалкския волости от воскресенья христова не отнести никому, а подписал книгу Петрушка сам своею рукой лета 7126 [1618] мая в 20 день“.

7 (1321). Пролог, XVI в., в пол-листа, полуустав, кожаный переплет. Запись: „Лета 7130 [1622] июля, сию книгу Прелог в дом живоначальные троицы и преподобнаго и богоноснаго отца нашего Макария Унженского-чудотворца краичей Михайла Михайлович Салтыков по своих родителех, родители ево поминать и в сенники [синодики] написать, а о матери ево иноке Евникее Андреевне и о брате его боярине Борисе Михайловиче, и о сестре кнегине Марфе Михайловнай, и о брате ево Исакие Михайловиче, и о невестке Суфие Ивановнай, и о жене ево Просковьи Ивановнай, и о их чадах, еже даст бог, о здравие бога молить... А дана сия книга в дом живоначальныя троицы и преподобнаго отца нашего Макария Унженского-чудотворца при игумене Изосиме да при келаре старце Андронике“.

8 (1085). Лествица, вторая половина XVI в., в 4-ку, полуустав, кожаный переплет. Запись: „Лета 7142 [1634] года июля в 25 день положил сию книгу святаго Ивана Лествечника в дом преподобнаго отца нашего Макария Желтоводскаго и Унженского-чудотворца... Подольской воскресенской поп Иван Марков“.

9 (1087). Слово Ивана Златоуста, вторая половина XVI в., в 4-ку, полуустав, кожаный переплет. Записи: „...площадному подъячому Ивану Казакову“; „Лета 7102 [1594] восьмый день сию святую книгу Златоуст с мытаря и фарисея и до всех святых в дом чудотворца

Николы и великого предтечи Иоанна в Старые Кузнецы за Язуу дал Иван Федоров сын Казаков“; „Лета 7161 [1653] году... Городедь... Офонасий, сын Шеин... книгу, глаголемую Златоуст, до обители живоначальные троицы и великого чудотворца преподобного отца Макария Желтоводького и Унженского-чудотворца при игумене Зосиме...“.

10 (1069). Минея (март—апрель), 1605 г., в пол-листа, полууустав, кожаный переплет. Запись на 208 листе: „При державе благочестиваго государя царя и великаго князя Бориса Федоровича всея Русии и великаго государя благороднаго царевича князя Федора Борисовича всея Русии при исправе благочестия и наставника веры истинныя великаго господина святейшаго вселенского патриарха Иева и всеа Русии написана сия книга в лето 7113 [1605] во области града Холму сиреч в вопщий дом великие христовы мученицы Пятницы и великого чудотворца Николы и апостола Иякова Алфеева, прибежищем и теплою верою и велением князя Ивана Петровича Шаховского Ярославского, еже речеса в Тухомичах, а писал юнейший в рабех его Олферко, а прозвище Ворон. Сия изрек, молю вы, отцы и братие, господа ради не клените, аще где обрящете в книге сей благословенней описи или недописи или кое неудообразное слово, мне написано малоумия моего ради, и аз его на себе убо не взях, но предах его церкви и вам, вы таковая, государие, бога ради исправляйте собою, мзду от бога избретете сопровтив дел своих. Аминь“.

11 (1070). Минея (ноябрь—декабрь), 1605 г., в пол-листа, полууустав, кожаный переплет. Запись на обороте первого листа: „При державе царской и великаго государя и великаго князя Бориса Федоровича, всея Руси самодержда Руския земли и всего российского государства, и сына его государя нашего царевича князя Федора Борисовича, всея Руси, при их царском величестве написана сия книга именем Минея месящная по раденью и повеленью князя Ивана Петровича Шеховского, а писа сию книгу, Минею, месящную, многогрешный раб княж Иванов, человек Петровича Шеховского Алферко, Васильев сын, а прозвище Ворон, а совершена сия книга лета 7113 [1605] года месяца сентября на память преподобного отца нашего и равно ангелом Семииона Столпника на архимандрита-чудотворца. Аминь“.

12 (1080). Поучительные слова, 1607 г., в 4-ку, полууустав, кожаный переплет. На л. 312 запись: „Лета 7115 [1607] году писана сия книга во обители чудотворца Макария, что на Унже“.

13 (1093). Толкование вкратце на 16 слов Григория Богослова, первая половина XVII в., в 8-ку, полууустав, кожаный переплет. Запись: „Лета 7150 [1642] года сию книгу Григория Богослова приложил во обитель на Унжу чудотворца Макария Желтоводского и Унженского гость Надея и сын ево Семен Светешниковы...“.

14 (номера нет). Житие Андрея Юродивого, XVII в., в 8-ку, полууустав, переплет. Записи: „...Симеонов сын Второвых лета 7176 [1668] марта в 27 день... никому сию книгу не заложить, не продать, никому же не покорыствовать книгою“; „Лета 7179 [1671] году сия книга Житие Андрея христа ради уродиваго живоначальные троицы и преподобного чудотворца Макария ризничева старца Феодосия Второва“.

15 (1102). Житие Зосимы и Савватия, вторая половина XVII в., в 4-ку, полууустав, кожаный переплет. Запись: „Писана сия книга лета 7177 [1669] году марта 24 дня по указу государя своего отца игумена Никиты с братьею“.

16 (1098). Житие Макария Унженского, 1697 г., в 8-ку, скоропись, кожаный переплет. Запись с 2 по 72 лист: „Лета 7205 [1697] году

апреля в день построил сию книгу о чудесех чудотворца Макария Желтовоцкого и Унженского, яже есть на Унже, по обещанию своему сея святыя обители монах Леонид, а сию книгу... из казенных келлии ни продати, ни отдати, ни заложити никому ни в чем, аще кому сию книгу отдати или продадут или у кого в чем заложат, да судится со мною в будущем веде... а на книге подписал яз монах Леонид своею многогрешною брэнною рукою...“.

17 (1097). Житие Макария Унженского, XVII в., в 8-ку, полуустан, переплет.

18 (1096). Житие Авраамия Галицкого (на Чухломе), первая четверть XVIII в. (до 1715 г.), полуустан, кожаный переплет.

19 (номера нет). Минея праздничная—нотная, начала XVIII в., в 16-ю долю листа, полуустан, переплет. Запись: „1717 году месяца мая в 6 день положил сии книги певчие, именуемые Трезвоны, Макарьева Унженского монастыря обители уставщик иеродиакон схимонах Лаврентий, приказал по отшествии жития сего отдать сию книгу в ту же обитель чудотворца Макария ради поминовения души своея“.

20 (1094). Пчела, 1702 г., в 4-ку, полуустан, кожаный переплет. Запись: „Писана книга сия Пчела в Макарие, в монастыре на Унже, в лето от сотворения мира 7211, от рожества же по плоти бога слова в 1702 году. П. І. В. М.“.

21 (1095). Сборник, первая четверть XVIII в., в 4-ку, полуустан, кожаный переплет. Содержание: Повесть о Псково-Печерском монастыре; Хождение Трифона Коробейникова в 1582 г.; Сказание о походе новгородцев на Устюг Великий в 1398 г.; ярлыки ордынские митрополитам и всем церковным людям и др.

22 (дополн. оп., № 58). Описание Макарьева Унженского монастыря, составленное из подлинных бумаг в 1834 г.

Рукописные и старопечатные книги Ивановского областного краеведческого музея

Рукописи XV—XVII веков

1 (239).¹ Сборник евангельских чтений, XV в., на бумаге, в поллиста, устан, письмо юсовое, переплет из цветной шелковой ткани XVIII в. По листам есть запись на болгарском языке. Книга поступила, как значится в инвентарной описи, из бывшего Спасского монастыря в Ярославле. В конце рукописи при переплете была вклеена грамота XVIII в., в которой говорится о том, что „великоустюжской купец Афонасей Попов изъяснял, что по данной ему обще з братом ево Стефаном из государственной мануфактур-коллегии привилегии велено в доме их завезть финифтяную с накладною серебром и золотом, также черневою бронною работою курioзных вещей фабрику, каковые де до ныне никем еще не заведены“. И далее: „Искусство того художества не токмо уже в государстве первое, но и в здешней провинции давно уже...“. Конец заклеен. В грамоте есть ссылка на указ Анны Ивановны 1734 г.

2 (11). Синаксарь, XVI в., в 4-ку, устан, переплет. Запись: „Лета 7058 [1550] продал книгу попу Терентию Иванскому Синоксарь Федор Васильев сын Махавин, а подписал своею рукою“.

¹ Цифры в скобках—номера по инвентарной описи Ивановского областного музея („Рукописи“).

3 (1). Евангелие, середина XVI в., в пол-листа, устав, переплет. Записи: „Сию благоглаголанную книгу святое Евангелие дала х пречистой к рождеству на престол... Семенова жена Гаврилова Фетинья Елизарова по матери своей по Елизавете... протопопаве по Пелагеи Ивановне, а хто либы сию книгу от пречистой богородицы возмет или кто ли продаст, судит тому бог в день он“; „Лета 7079 [1571] году положил поп Иван Гнездиловский Михайлу архангелу на престол полтину денег по своих родимихе и по своей душе“.

4 (2). Пролог, XVI в., в пол-листа, полуустав, кожаный переплет. Запись: „...с сентября положил Третьяк Семенов, сын Стеблева, по своих родителей во храм преподобного Семииона Столпника и святых чудотворцев Федора, Давида и Константина при благоверном царе великом князе Иване Васильевиче, при архиепископе Ростовском Никандре. Сею книгою у тое церкви не властуется ни поп, ни дьякон, ни по них иные попы и дьяконы и их всякому прихожанину сею книгою не властоватися“. Позднейшая запись: „Сия книга Пролог Ивана Раткова“.

5 (7). Ефрем Сирий, XVI в., в 4-ку, полуустав, переплет. Позднейшая запись на нижней корке переплета: „Сия книга, глаголемая Ефремова, деревни Савиной крестьянина Егора Денисова“. Дальше карандашом записано: „20 р. Грязовец, Александру Федоровичу Попову передать в деревню Баранцево Алексею Смирнову“.

6 (8). Зерцало богословия (с печатного 1618 г.), XVII в., в 4-ку, скоропись, переплет. Первая запись свидетельствует, что книга сначала принадлежала деду и отцу А. В. Суворова: „Сыну моему Василью Ивановичу от отца твоего Ивана. Иван Суворов, Василей Суворов“.¹ В других записях отмечены дальнейшие владельцы книги: елатомский купец М. М. Умнов (1755 г.), елатомский мещанин Н. Суханов (1780 г.), мещанин города Касимова А. И. Милованов и мещанин города Касимова Петр Алексеев.

7 (23). Разные поучения, XVII в., в 4-ку, скоропись. На нижней обложке картонного переплета вклеена таблица, излагающая один из способов тайнописи XVIII в.

8 (4). Хронограф, XVII в., полуустав, скоропись.

9 (159). История Римского царства, XVII в., скоропись. Есть статьи о скифах и славянах, о российском царстве.

10 (160). Сказание о Мамаевом побоище, XVII в., скоропись.

11 (190). Уложение царя Алексея Михайловича, XVII в., скоропись.

Рукописи XVIII века

12 (283). Описание и история герба Мельгуновых.

13 (144). Сказания апокрифические.

14 (199). Стих о Иосифе прекрасном и др.

15 (205). Повесть о семи мудрецах и др.

16 (276). Поучение о винном пьянстве.

17 (б. н.). Д. И. Фонвизин. Бригадир.

18 (533). Оратория, положена на музыку по приказанию князя Потемкина.

19 (44). Поморские ответы пустынножителей в защиту своей веры.

20 (61). Поморские ответы.

21 (97). Повесть о патриархе Никоне.

¹ В Ивановском областном музее экспонируется деревянное кресло В. И. Суворова, датированное 1741 годом, из имения В. И. Суворова — с. Дьяково Лежневского района Ивановской области.

- 22 (167). Уложение царя Алексея Михайловича.
- 23 (178). Уложение царя Алексея Михайловича.
- 24 (186). Сказание о Мамаевом побоище.
- 25 (255). Повесть о патриархе Никоне.
- 26 (272). Ответы нижегородские (Питириму).
- 27 (323). Летописец краткий московский, 1718 г. Писан подьячим патриаршего приказа Леонтием Строителевым.
- 28 (688). А. Федоров. Историческое собрание о граде Суждале.
- 29 (40). Письмо А. В. Суворова к Храповицкому, 1777 г., автограф.

Рукописи XIX века

- 30 (548). Сборник заговоров от разных болезней.
- 31 (656). История о страдальцах Соловецких Семена Денисова.
- 32 (214). Сборник выписок из различных книг (из соч. Державина, Хераскова и др.).
- 33 (645). Повести неизвестного автора: Мария и услад, Васильев вечер.
- 34 (563). К. Рылеев. Голос осужденного в темнице; прощальное письмо к жене.
- 35 (528). А. С. Пушкин. Кавказский пленник (копия, 1837 г., 22 августа).
- 36 (370). Собственноручные исправления Л. Н. Толстого из 3-й главы „Воскресения“ (один лист).
- 37 (552—555). Письма С. А. Толстой, М. Л. Сухотиной, С. Н. Толстой и С. Стахович Д. С. Бурылину, 1908—1919 гг. Всего 49 писем.
- 38 (556). Часть собственноручно исправленного письма Л. Н. Толстого „К либералам“, 31 августа 1896 г.
- 39 (158). Л. Н. Толстой. Письмо к другу. Автограф.
- 40 (655). А. М. Горький. Замечания и краткий ответ на письмо и стихотворения А. И. Блохину. Автограф.
- 41 (691). А. П. Чехов. Письмо Л. Н. Трефелеву (без даты).

Старопечатные книги XVI—XVIII веков

Кроме рукописей, в Областном музее имеется до 200 старопечатных славяно-русских книг XVI—XVIII веков. Назовем из них наиболее ценные и имеющие интересные записи.

- 1 (4469). Апостол Ивана Федорова, 1564 г., без начала, недостает первых 19 листов и изображения Луки.
- 2 (4489). Псалтырь, печати Ивана Федорова, 1580 г.
- 3 (4490 и 5020). Библия, печати Ивана Федорова, 1581 г., Острог.
- 4 (4730). Цветник Дорофея, 1590 г., Гродно.
- 5 (4447). Поучения Василия Великого, 1594 г., Острог.
- 6 (4448 и 4449). Октай, 1594 г., печати Андроника Тимофеева Невежи.
- 7 (421 и 4718). Евангелие, 1595 г. (?). Запись по листам: „Сию книгу положил в дом к Михайлу архангилу Никита Григорьевич Строганов по своим родителем“.
- 8 (4738). Триодь постная, 1622 г. Запись по листам: „Лета 7132 (1624) сия глаголемая книга Треодь постная Великие слободы домовая Воскресения Христова и Николы чудотворца куп[ле]на на Москве у Осипа Семенова Облезова на церковные деньги, а дано три рубли при старосте церковном при Михаиле Кудрине, подписал сию книгу воскресенский дьячок Андрейко Андреев“.
- 9 (4573). Минейя (июль), 1629 г. Записи: „...Константин тоа.. Лихачев...“ (запись срезана при переплете); „Сия книга Менея церкви свя-

тых всехвальных апостол Петра и Павла, что за Москвою рекою у Калужских ворот“.

10 (4739). Октай, 1631 г. Запись: „Лета 7141 [1633]... на память святого священномученика Василия, презвитера Анкирския церкви, положил сию книгу Октай в дом честнаго и славнаго рожества пречистыя богородицы бывшей пономар Петр, тое ж церкви старец Павел, благовещенского монастыря при священниках при Гаврииле да при Иване и диаконе Сергии, и потом тому старцу Павлу в ту книгу не вступатися, ни роду его, ни племени и сие книги ис церкви рожества пречистыя богородицы не вынести. А кто сию книгу из церкви рожества пречистыя богородицы вынесет, и он со мною суд имат на страшном суде, а подписал сию книгу тоя ж церкви рожества пречистыя богородицы поп Иван своею рукою“. Другая поздняя запись: „Сия книга романовъца посадского человека Семена Пищальникова 1727 г.“.

11 (4806). Триодъ цветная, 1636 г. Запись по листам: „Лета 7158 [1650] году февраля в 23 день в Суздальской уезд, в Марьинской стан, в сельцо Михайловское, в вотчину Афанасия да Лаврентия, да Алексея, ратмановых детей ... к церкви рожества пресвятыя богородицы того же сельца Михайловского деревни Карпова крестьяне Тимофей да Китай, да Стефан Федоровы, дети Матвеева Бойцова, приложили сию книгу Треодъ цветную по своих родителей“.

12 (4737). Октай, 1639 г., Москва. Запись по листам: „Сию книгу пожаловал государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Руси в Переславль Залеской в собор Преображенья спасова. Дана ис приказа Большого дворца при протопопе Илье з братьею лета 7149 [1641] года февраля в 10 день“.

13 (4807). Апостол, 1644 г., Москва. Запись по листам: „... в церковь Илии пророка во ... Иван Григорьев ... Шихирев своею рукою, а в церковь дан к Илье, что на Ух [те] на реке, в Ухтомской волости в сию церковь ... а что ... подписал, чтобы той Апостол дан сорокоутом от памаря, от просвирни и от старца Леванида, и тому писаному верить“.

14 (4476). Минейя общая, 1646 г., Москва. Запись по листам (первых листов нет): „... да Алексею человеку божию при игумене Моисее, да при черном попе Антоние по ельчанину по Тимофею Коняхину, что поминати его за упокой, а подписал сию книгу того жатронского монастыря чернай старец Саватей Цашилов“.

15 (4461). Апостол, 1649 г., Москва. Запись: „Сия книга, глаголемая Апостол, приложили в церковь Ильи пророка да Николе чудотворьцу Тихон да Ульяна Ивановы дети, да Денис Ермолав, сын Гвоздев, да священник Петр [с] своими крестьяны с Максимом да с Радивоном... да тово ж села Озеридь Ивановы крестьяне Потемкина“.

16 (4462). Апостол, 1651 г., Москва. Записи: „Лета 7160 [1652] года в марте месяца купле[на] книга, Апостол глаголемая, а купил сию книгу Апостол на Москве в книжном ряду у торговава человека купил подьячий Федор Софонов сын Дементьев“; „Сия книга Апостол церкви Знамения богоматери слободы ... Знаменское тож, а подписал священник Ияков своею рукою“; „Сия книга града Тулы церкви Николая, что за земляным валом, дан сей Апостол ...“.

17 (4809). Беседы Иоанна Златоуста, 1665 г., Москва. Запись: „Сия книга Государственной военной коллегии канцеляриста Тита Кудрявцева, 1724 года, марта 8 дня“.

В. А. ПЕТРОВ

Археографическая поездка в города Даугавпилс и Ригу Латвийской ССР для сбора рукописей

В декабре 1952 года (с 3 по 17 декабря) Библиотека Академии Наук СССР организовала археографическую поездку в Латвийскую ССР для сбора рукописей, находящихся в частных собраниях. В ней приняли участие автор статьи и известный собиратель древних рукописей Ф. А. Каликин. Объектом поездки выбрана была Латвийская ССР потому, что здесь, по имевшимся сведениям, у местных старообрядцев находилось значительное количество рукописей.¹

Всего за время поездки было приобретено 29 рукописей, кроме того, уже в начале 1953 года из г. Даугавпилса были присланы 5 рукописей, хранившихся в местной православной церкви, с которыми удалось познакомиться во время поездки и которые потом были приобретены библиотекой. Была приобретена также и фотокопия летописца Курляндского.

Наибольшее количество рукописей было приобретено в Даугавпилсе и его предместье г. Грива — 26 рукописей и 1 фотокопия, из них: 1 — у Гривской старообрядческой общины, 5 — у единоверческой церкви в г. Даугавпилсе, остальные — у частных лиц. В Риге было приобретено 8 рукописей у частных лиц.

Во время пребывания в Даугавпилсе выяснилось, что ряд рукописей находится за пределами города, однако состояние погоды, вызвавшее перерыв в работе загородных автобусов, помешало поездкам за город.

В Риге удалось познакомиться с ценным собранием рукописей Гребеншиковской старообрядческой общины² и рукописным собранием Библиотеки Академии наук Латвийской ССР.

Из числа приобретенных рукописей 10 относятся к XVI и XVII векам, 16 — к XVIII и 8 — к XIX векам. Рукописей с миниатюрами и заставками — 3.

По своему содержанию эти рукописи распределяются следующим образом: рукописей исторического или литературного содержания (включая сборники смешанного состава) — 14; рукописей церковно-полемиического характера (старообрядческого) — 8 (в некоторых из них есть статьи исторического характера); культовых книг XVI и XVII веков, ценных в палеографическом отношении, — 8. Наконец, одна рукопись по естественно-научным вопросам, одна — по богословию, интересная своими сведениями о русских переводах греческого текста в XVIII веке,

¹ См.: В. И. Малышев. Заметки о рукописных собраниях Ленинграда, Риги, Двинска и других городов. Труды ОДРЛ, т. VII, 1949, стр. 465—467. Устно В. И. Малышев сообщил дополнительные сведения.

² Краткие сведения об этом собрании см.: В. И. Малышев, ук. соч., стр. 465.

и 2 нотные рукописи XVII века (одна из них с вкладной записью и записью писца).

Приводим краткое описание всех приобретенных рукописей.

1. Хронограф третьей редакции 2-го разряда, конец XVIII в., в лист, 528 л., скоропись, переплет. В составе Хронографа: Послание старца Елеазарова монастыря Филофея к дьяку Михаилу Мисюрю Мунехину. К Хронографу примыкает Родословие русских князей и царей (Собрание текущих поступлений, № 676. Далее сокращенно: С. т. п.).¹

2. Сборник исторический, середина XVIII в., в лист, 99 л., скоропись, переплет — картон в светлой коже. Содержание: выдержки из соборных постановлений; слова и поучения; отрывки из Великого Зерцала, Жития Антония Великого, Марка Афинского и др.; отрывки Печерского патерика, Жития Иоанна архиепископа Новгородского, Арсения Коневского; Повесть о белом клобуке (распространенной редакции); отрывки Новгородской третьей летописи (От истории киевские зачало Великому Новуграду, Летописец сведен вкратце); летописные известия о закладке новгородских церквей, доведенные до 1527 г. (С. т. п., № 677).

3. Повесть о белом клобуке (распространенной редакции), XIX в., в 8-ку, 56 л., полуустав, переплет картонный (С. т. п., № 678).

4. Служба, житие и чудеса Савватия и Зосимы Соловецких, XVIII в., в 4-ку, 189 л., полуустав, переплет — картон в коже; последнее чудо — 1645 г. (С. т. п., № 679).

5. Житие Корнилия Выгорецкого, XIX в., в 8-ку, 110 л., полуустав, переплет — доски в коже (С. т. п., № 680).

6. Великое зеркало, 685 глав, XVIII в., в лист, 358 л., полуустав, переходящий в скоропись, переплет — доски в коже, оглавление заканчивается 667 главой (С. т. п., № 681).

7. Сборник, XVIII в., в 8-ку, 269 л. и 2 л. при переплете, полуустав, переплет — доски в коже, разбит в корешке. Содержание: Слова и поучения; История о отцах и страдальцах соловецких Семена Денисова; Соловецкая челобитная 1668 г.; Хождение Трифона Коробейникова; Отрывок жития черниговского князя Михаила; Повесть о хмельном питии (о винокурении); Повесть о Вавилоне (Слово царя Уалея о граде Вавилоне); выписки из Великого Зерцала, Пчелы, Измарагда, Кормчей; Устав правилу Кириллова монастыря, и др. (С. т. п., № 682).

8. Сборник, XIX в., в 8-ку, 289 л., полуустав, переплет — доски, оклеенные бумагой. Содержание: Повесть о 12 снах царя Мамера; Повесть о старце Галичине в Павлове пустыни 1490 г.; стихи о русских князьях Борисе и Глебе, на воспоминание смертного часа, Иосафа царевича индийского, о плаче богородицы; Слово Мефодия Патарского о втором пришествии и о антихристе; отрывок из Страстей Христовых; Слово о купце и Иверской иконе богородицы; другие слова и поучения, богослужебные тексты (С. т. п., № 697).

9. Сборник, XIX в., в 12-ю долю листа, 299 л., полуустав, переплет — доски в коже. Содержание: отрывок (4 л.) Жития Александра Невского (текст близок к редакции Василия Варлаама); отрывки из Звезды Пресветлой, Повести о Варлааме и Иоасафе; Житие Василия Нового; Скитский патерик; Житие Марии, и др. (С. т. п., № 683).

10. Сборник, XIX в., в 8-ку, 214 л., полуустав, переплет — доски в коже. Содержание: Слова и поучения; Сказание о явлении Тихвинской иконы богородицы; Прение живота со смертью; Слово о злых

¹ В скобках — шифр Рукописного отдела Библиотеки Академии Наук СССР.

женах и добрых; Житие Михаила игумена Кименской обители (Афон), и др. (С. т. п., № 684).

11. Сборник стихов и псалмов, начало XIX в., в 8-ку, 158 л., полуустав, переплет картонный. Сборник разделен на 62 главы, в оглавлении указано 15. Начинается стихами о Иоасафе царевиче. Среди стихов: Утреннее размышление о величестве божии; О что ты в горести напрасно на бога рспшешь человек (М. В. Ломоносова). В главе 62—Газеты на окончание века сего (начало: „На сих днях выехал кульер из ада . . .“). На крышках переплета запись о принадлежности рукописи Т. О. Рогулеву, от 20 января 1820 г., и К. О. Батинькову, от 26 февраля 1860 г. (С. т. п., № 685).

12. Сборник, XVIII в., в лист, 239 + 1 л., переплет — доски в коже. 128 миниатюр. Содержание: Страсти Христовы; Слово Палладия мниха о втором пришествии и страшном суде (С. т. п., № 702).

13. Сборник, XVIII в., в 8-ку, 211 л., скоропись, переплет — доски в коже. Содержание: Слова и поучения из Маргарита, Пален, Измарагда, Алфавита, отцов церкви; отрывок Жития Макария Желтоводского; выписки из Печерского патерика; Слово Максима Грека (С. т. п., № 703).

14. Сборная рукопись, XVIII в., в 8-ку, 242 л., полууставная скоропись и полуустав разных почерков, переплет — доски в коже. Содержание: Слова Григория Богослова, Иоанна Дамаскина, Епифания Кипрского; отрывок грамматических правил, о круге солнечном и лунном; последование церковного пения архиепископа новгородского Геннадия; Хождение Трифона Коробейникова, и др. (С. т. п., № 699).

15. Сборник, XVIII в., в 8-ку, 148 л., скоропись, переплет картонный. Содержание: О познании обычаев человеческих по возрасту тела (третья часть неизвестного сочинения); астрономическая статья; лечебник. В конце рукописи различные записи XIX в. (до конца 50-х годов) (С. т. п., № 698).

16. Богословие Иоанна Дамаскина, перевод с греческого, 1772 г., в 4-ку, 335 л., скоропись, переплет — картон в коже. Копия с ненапечатанного перевода, сделанного в Новгороде, в монастыре Антония Римлянина, учителем семинарии иеромонахом Иеронимом. Многочисленные исправления перевода сделаны протоиереем Новгородского Дворецкого (на Ярославле дворце) собора Алексеем Иродионовым. На лл. 330—334 об. — обращение к читателю Алексея Иродионова, датированное 4 сентября 1775 г., об истории переводов сочинений Иоанна Дамаскина и о своем участии в исправлении одного из переводов. По листам запись (частично стертая) 1772 г. о принадлежности книги Николаевскому собору и об исправлении перевода Алексеем Иродионовым (С. т. п., № 686).

17. Сборник певческий на крюковых нотах, XVII в., в 8-ку, 382 л., полуустав, переплет — доски в коже. Содержание: Ирмологий, Октоих, Всенощная служба, и др. Вкладная запись 1671 г., М. И. Апрелевой с детьми и запись писца Федора Демьяновича Апрелева (С. т. п., № 687).

18. Сборник на крюковых нотах (Обиход), XVII в., в 8-ку, 293 л., полуустав, переплет — доски в коже, две заставки. Часть листов выпадает. В песнопениях упоминается царь Алексей Михайлович (С. т. п., № 688).

19. Четвероевангелие, XVI в., в лист, 199 л., полуустав, переплет — доски в коже, три примитивные заставки (С. т. п., № 712).

20. Четвероевангелие, XVI в., в лист, 289 л., полуустав, переплет — доски в коже (С. т. п., № 713).

21. Четвероевангелие, XVII в., в 8-ку, 521 л., полуустав, переплет — доски в бархате, с металлическими украшениями, золотой обрез, четыре миниатюры, десять заставок (С. т. п., № 700).

22. Апостол, XVI в., в лист, 312 л., переплет — доски в коже, две заставки (С. т. п., № 690).

23. Триодь постная, XVI в., в лист, 453 л., полууустав, переплет — доски в коже (С. т. п., № 689).

24. Минея служебная за ноябрь, XVI в., в лист, 236 л., в два столбца, переплет — доски в коже. Начало не сохранилось, лл. 31 дописаны в XVIII в. (С. т. п., № 715).

25. Минея служебная за март, XVI в., в лист, 157 л., в два столбца, переплет — доски в коже (С. т. п., № 716).

26. Сборник служб русских святых, XVI в., в лист, 312 л., в два столбца, полууустав, переплет — доски в коже (С. т. п., № 714).

27. Поморские ответы, XVIII в., в 8-ку, 495 л., полууустав, переплет — доски в коже, три миниатюры (одна не окончена), многочисленные заставки и буквицы. В конце — История краткая о ответах (С. т. п., № 691).

28. Меч духовный Алексея Самойловича, т. 2, ч. 2 и 3, XVIII в., в 4-ку, 269 л., поморский полууустав, переплет — доски в коже (С. т. п., № 692).

29. Старообрядческое полемическое сочинение „Известное рассмотрение духовное явственного и прикровенного в писаниях святых разумения“, середина XVIII в., в 8-ку, 213 л., полууустав, переплет — доски в коже, одна заставка. Среди выписок из различных книг: Повесть о белом клобуке; Послания старца Филофея, и др. В конце книги — Житие священномученика Харлампия (С. т. п., № 693).

30. Сборная рукопись: старообрядческий сборник и Соловецкая челобитная, XVIII в., в 8-ку, 244 л., переплет — доски в коже. В составе сборника: предисловие к Диаконовым ответам, поморской редакции; Беседа беспоповца Федосия Васильева с православным, 1707; Обновление ныне в России латинских, люторских и прочих многих ересей, их же прежде не бе; История о отцах и страдальцах соловецких, Семена Денисова (С. т. п., № 694).

31. Показание о кресте Христовом (старообрядческое полемическое сочинение) с дополнительными статьями, XVIII в., в 4-ку, 114 л., полууустав (два почерка), переплет картонный в коже. В настоящем списке 15 разделов. У В. Г. Дружинина имеется указание на единственный (Уваровский) неполный список в 11 разделов (Писания русских старообрядцев. СПб., 1912, стр. 368, № 406) (С. т. п., № 695).

32. Сборная рукопись старообрядческих полемических сочинений, XVIII—XIX вв., в 4-ку, 305 л., полууустав разных почерков, переплет — доски в коже. Содержание: сочинение против беглопоповцев, 1762 г., июль 15; выписки из поморских ответов, Дьяконовых ответов и др. (С. т. п., № 696).

33. Сборник сочинений Андрея Денисова, Семена Денисова, Саввы Романова и др., XIX в., в 4-ку, 151 л., переплет — доски в коже, одна заставка. Ср.: В. Г. Дружинин. Писания русских старообрядцев, стр. 288, № 21; стр. 403, № 566; стр. 138, № 8; стр. 92, № 6; стр. 242, № 243; стр. 102, № 51; стр. 88, № 2 (С. т. п., № 701).

34. Сборник старообрядческий, XIX в., в 4-ку, 106 л., полууустав, переплет картонный. Содержание: постановления старообрядческих соборов в Латвии — в мызе Варнове Динабургского уезда, 1832 г.; в Норской и Злынской обители (так называемой Стародубской), 1836 г.; в селе Дягутах, 1830 г., и другие статьи (С. т. п., № 704).

Н. Д. РУСИНОВ

Собрание памятников древнерусской письменности Угличского Государственного архива Ярославской области

В Угличском архиве хранятся памятники древнерусской литературы как угличского, так и неугличского происхождения. Одни из них в свое время имели распространение среди угличан и поступили в Угличский архив или непосредственно от них, или через посредство Угличского краеведческого музея. О других памятниках не известно, каким образом они оказались в Угличском архиве.

Наличие небольшого числа памятников древнерусской литературы в Угличском архиве объясняется в первую очередь, видимо, тем, что часть памятников была скуплена у угличан и вывезена из Углича еще до Октябрьской революции любителями старины (среди последних могли быть, например, историк М. Н. Погодин, братья К. С. и И. С. Аксаковы¹ и др.). Кроме того, по свидетельству ряда угличских и неугличских летописей,² многие памятники погибли от неоднократных пожаров в Угличе во время нашествия татар и польско-литовских интервентов.

Часть памятников хранится еще у жителей Углича (о чем Угличскому архиву известно достоверно).

В Угличском архиве отсутствуют местные литературные памятники периода до XVII в. Однако по местным памятникам XVII в. можно думать, что возникновение их во многом определялось идущей от более ранних веков литературной традицией. Например, вероятно, следует поставить в связь с этой литературной традицией³ появившееся вскоре или сразу же после польско-литовской интервенции „Сказание о разорении града Углича“,⁴ которое было использовано Супоневской угличской летописью. Эта летопись, в основном освещающая период „смутного времени“ в Угличе, сделала попытку по данным общерусских летописей и народных преданий хоть как-то восстановить более раннюю историю Углича.

Здесь мы сообщаем сведения о хранящихся в Угличском архиве памятниках древнерусской литературы в хронологическом порядке возникновения списков этих памятников. В скобках указываются шифры, под которыми хранятся рукописи в Угличском архиве.

¹ См. газету „Угличанин“ за 1907 г., № 94.

² См. Супоневскую угличскую летопись (Угл. архив, ф. № 52, оп. 1, ед. хр. 7, л. 10 об.).

³ Коренное угличское население и сейчас хранит в своей памяти много преданий из местной истории, любит и бережет их.

⁴ Самостоятельный текст этого сказания хранится в Москве в Государственной Библиотеке СССР им. В. И. Ленина (Музейное собрание, № 2870).

XIV век

1 (ф. 49, оп. 1, ед. 1). Отрывки Евангелия, начало XIV в., на пергамене, устав, 2 л.

2 (ф. 49, оп. 1, ед. 2). Четвероевангелие, конец XIV-начало XV в., полуустав, 344 л. Принадлежало Угличскому Покровскому монастырю.

XVI век

3 (ф. 49, оп. 1, ед. 3). Сборная рукопись, полуустав. Состав: 1) Патерик Печерский, лл. 1—298, начало утрачено, датирован 1534 г.; писцом сделана приписка: „В лето 7042 [1534 г.] написана бысть сиа книга, глаголемая патерик печерский в богоспасаемом граде Киеве... а повелением ... игумена ... Архистратига Михаила Выдубецкого, а писал ... священноиерей Иаковъ, служитель святого Василиа иже у Киеве под Замком“; 2) Житие Антония Великого, лл. 299—364; имеет позднейшие приписки; запись: „Сей книге цена пуд двадцать фунтов с четвертью“; 3) Мучение Екатерины и Виргилия и слова и поучения Василия Великого, Анастасия Синайского и др., лл. 365—438.

4 (ф. 49, оп. 1, ед. 4). Апостол, 1597 г., полуустав, 231 л. Имеет миниатюры, орнаментацию и множество позднейших замечаний и приписок, среди которых сообщение, что чья-то жена (может быть, какого-то владельца рукописи) Домна умерла в „1771 г. в бывшее в городе Стародубе неблагополучие“.

XVII век

5 (ф. 52, оп. 1, ед. 2). Отрывок из Угличской летописи, XVII в., скоропись, 1 л. Отрывок заключает статью 21: „О обселении и обновлении града Углича по литовском разорении“.

6 (ф. 52, оп. 1, ед. 1). Сборник, скоропись. Состав: 1) Летопись, лл. 1—190, освещает события общерусские, московские, новгородские, отчасти угличские и другие события польско-литовской интервенции начала XVII в. и последующего периода; заканчивается выпиской из печатного текста о военных событиях под Чигирином в 1670 г.; 2) Казанская история, лл. 191—265, без конца.

7 (ф. 49, оп. 1, ед. 13). Сборник, полуустав, орнаментирован, 339 л. Состав: 1) Книга о правой вере, лл. 1—58; 2) Апокалипсис с толкованиями, лл. 59—220; 3) Пчела, лл. 221—290; 4) Стоглав, лл. 291—299; 5) Сказание об Иоанне Дамаскине, лл. 300—310, и другие статьи.

8 (ф. 49, оп. 1, ед. 12). Сборник, полуустав. Состав: 1) Служба и чудеса углецкого князя Романа, лл. 36—105; 2) Служба и Житие Паисия Угличского, лл. 106—150, и др., лл. 1—35, 151—182.

9 (ф. 49, оп. 1, ед. 10). Житие и чудеса Паисия Углецкого, полуустав, 90 л. Имеет множество пометок угличан, которым принадлежала рукопись.

10 (ф. 49, оп. 1, ед. 5). Житие Григория Омиритского, полуустав, 139 л. Принадлежало старообрядческой Выжиловской моленной в угличе.

11 (ф. 49, оп. 1, ед. 11). Житие Логгина-сотника и служба ему, устав, орнаментировано, 100 л. Имеет плохо сохранившуюся скрепу по листам с указанием даты „1697 г.“.

12 (ф. 49, оп. 1, ед. 14). Житие царевича Дмитрия, полуустав, 18 л., орнаментировано, сохранность хорошая. На обтянутом кожей переплете золотое тиснение: „Дар Угличскому музею от камер-юнкера

Ф. А. Бычкова". Запись на полях: „Лета 7114 [1606 г.] февраля в 17 день, сия книга глаголемая...“¹ Редакция начала XVII в.

XVIII век

13 (ф. 49, оп. 1, ед. 6). Сборник, скоропись разных почерков, орнаментирован, 270 л. Состав: 1) Палея, лл. 1—141; 2) Кормчая книга, лл. 142—244; 3) Беседа Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого, лл. 245—266; 4) Летописец, лл. 266—270; 5) Толкование религиозно-обрядовых слов, лл. 270—272. Датирована лишь Беседа: „1748 г.“.

14 (ф. 49, оп. 1, ед. 21). Сборник, устав. Состав: 1) Повесть о табаке, лл. 1—20; 2) выписки из сочинений Максима Грека, Звезды пресветлой и из других книг. Сборник старообрядческого происхождения.

15 (ф. 49, оп. 1, ед. 9). Сборник, скоропись. Состав: 1) Житие Макария Римлянина, лл. 1—7; 2) Исповедание грехов генеральное, лл. 8—9; 3) Слово о Иоанне Стратилате, лл. 10—16; 4) Правила нравоучительные, лл. 17—22.

16 (ф. 52, оп. 1, ед. 6). Житие Петра Первого, Петра Крекшина, скоропись, с одной миниатюрой, 96 л.

17 (ф. 49, оп. 1, ед. 19). Апокалипсис Иоанна Феолога, скоропись, 14 л., конец утрачен.

18 (ф. 49, оп. 1, ед. 17). Житие царевича Дмитрия, скоропись, 19 л., с одной миниатюрой. Запись: „1709 года февраля в ... день сия книга ... письмо руки преосвященного Дмитрия, митрополита Ростовского и Ярославского“. Имеет незначительные разночтения с печатным текстом.

19. Житие царевича Дмитрия Угличского, 2 списка (Дмитрия Ростовского), полуустав, оба с большим количеством миниатюр.

20 (ф. 49, оп. 1, ед. 8). Житие Иоанна Чеполосова и старообрядческая Служба в честь его, полуустав, с большим количеством миниатюр. Указан автор Службы — старообрядец Фока Странник.

XIX век

21 (ф. 52, оп. 1, ед. 7). Сборник, скоропись. В состав сборника входят два списка угличских летописей (Супоневская и др.).

22 (ф. 52, оп. 1, ед. 8). Угличская Супоневская летопись, скоропись, 26 л., без начала и конца. Содержит, между прочим, упомянутую выше Повесть о разорении г. Углича.

23 (ф. 49, оп. 1, ед. 59). Повесть о Иоанне Чеполосове, скоропись, 10 л., конец утрачен. Имеет приписки на полях, сделанные рукою писца. Отличается от упомянутого выше списка.

24 (ф. 49, оп. 1, ед. 26). Житие Адриана Пошехонского, скоропись, 28 л.

25 (ф. 49, оп. 1, ед. 34). Заклинательные молитвы и заговоры, скоропись, 13 л. На обложке надпись: „Дар редактора газеты «Голос Угличанина» Михаила Степановича Соколова“.

Кроме вышеперечисленных рукописей, в Угличском Государственном архиве есть и другие, непосредственно связанные с культовой письменностью (молитвы, апокалипсисы, теософские рассуждения и другие от XVIII—XIX вв.; см. ф. 49, оп. 1 и ф. 52, оп. 1).

¹ Далее одно слово не разобрано.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, НАПЕЧАТАННЫХ В I—X ТОМАХ „ТРУДОВ ОТДЕЛА
ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ“ (1934—1954 гг.)

Адрианова-Перетц В. П. Древнерусская литература и фольклор. (К постановке проблемы). VII, стр. 5—16.

Адрианова-Перетц В. П. Задонщина. Текст и примечания. V, стр. 194—224.

Адрианова-Перетц В. П. Задонщина. (Опыт реконструкции авторского текста). VII, стр. 201—255.

Адрианова-Перетц В. П. Из сатирической литературы первой четверти XVIII века. Сатира на Феодосия Яновского. IV, стр. 199—206.

Адрианова-Перетц В. П. Историческая литература XI—начала XV века и народная поэзия. VIII, стр. 95—137.

Адрианова-Перетц В. П. Исторические повести XVII века и устное народное творчество. IX, стр. 67—96.

Адрианова-Перетц В. П. Крестьянская тема в литературе XVI века. X, стр. 200—211.

Адрианова-Перетц В. П. Новые материалы по истории русского школьного театра XVIII века. I. Троицкий диалог. II. К истории школьного театра в Астрахани. IV, стр. 207—222.

Адрианова-Перетц В. П. Образцы общественно-политической пародии XVIII—начала XIX века. III, стр. 335—366.

Адрианова-Перетц В. П. Основные задачи изучения древнерусской литературы в исследованиях 1917—1947 годов. VI, стр. 5—14.

Адрианова-Перетц В. П. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. I. Повесть о куре и лисице. II. Повесть о попе Савве. II, стр. 215—282.

Адрианова-Перетц В. П. Очерки из истории русской сатирической литературы XVII века. III. Азбука о голом. IV. Калязинская челобитная. III, стр. 153—193.

Адрианова-Перетц В. П. Праздник кабацких ярыжек. Пародия-сатира второй половины XVII века. I, стр. 171—247.

Адрианова-Перетц В. П. Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского. V, стр. 73—96.

Айналов Д. В. Заметки к тексту „Слова о полку Игореве“. I. Плач Ярославны. II. Не быть кликну. III. На каком инструменте играл Боян. IV, стр. 151—158.

Айналов Д. В. Замечания к тексту „Слова о полку Игореве“. I. Птиць подобю. 2. Стружне. 3. Струги ростре на кусту. 4. Того внуку. II, стр. 81—94.

Айналов Д. В. К истории древнерусской литературы. I. Эпизод из сношений Киева с Западной Европой. II. Иллюстрации к Хронике Георгия Амартола. III. Замечания к тексту „Слова о полку Игореве“. III, стр. 5—25.

Алексеев М. П. Англо-саксонская параллель к „Поучению Владимира Мономаха“. II, стр. 39—80.

Бабкин Д. С. Русская риторика начала XVII века. VIII, стр. 326—353.

Бакланова Н. А. Вирши-панегирик петровского времени. IX, стр. 405—407.

Бакланова Н. А. К вопросу о датировке „Повести о Савве Грудцыне“. IX, стр. 443—459.

Бакланова Н. А. О датировке „Повести о Ерше Ершовиче“. X, стр. 310—331.

Берков П. Н. Библиографический указатель научных печатных трудов акад. А. С. Орлова и литературы о нем. V, стр. 5—14.

Берков П. Н. К библиографии западных изучений и переводов „Слова о полку Игореве“. II, стр. 151—155.

Берков П. Н. Заметки к истории изучения „Слова о полку Игореве“.

1. Первое объявление о продаже „Слова“.
2. К истории гибели рукописи „Слова“.
3. К вопросу о первом упоминании о „Слове“.
4. К библиографии переводов „Слова“.
5. Малоизвестный перевод „Слова“ на английский язык. V, стр. 129—138.

Берков П. Н. К истории русского театра 1720-х годов. („Диалог о Гофреде, победившем сарацины“). X, стр. 389—407.

Берков П. Н. О так называемых „петровских повестях“. VII, стр. 419—428.

Берков П. Н. и В. И. Малышев. Новонайденное беллетристическое произведение первой половины XVIII века. („Повесть о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“). IX, стр. 408—426.

Благоевская Е. В. Экземпляры первого издания „Слова о полку Игореве“ в Государственной Публичной исторической библиотеке. X, стр. 249—250.

Богатов И. П. Древнерусские рукописи и старопечатные книги Муромского краеведческого музея Владимирской области. IX, стр. 460—466.

Богатырев П. Г. Обзор переводов „Слова о полку Игореве“ и статей о нем, вышедших в Чехословакии после второй мировой войны. X, стр. 253—259.

Бражников М. В. Русские певческие рукописи и русская палеография. VII, стр. 429—454.

Будовниц И. У. „Изборник“ Святослава 1076 года и „Поучение“ Владимира Мономаха и их место в истории русской общественной мысли. X, стр. 44—75.

Будовниц И. У. Памятник ранней дворянской публицистики (Моление Даниила Заточника). VIII, стр. 138—157.

Виноградов В. В. „Слово о полку Игореве“ и русская культура. VIII, стр. 11—16.

Водовозов Н. В. С. К. Шамбинаго (1871—1948). VII, стр. 481—486.

Гранстрем Е. Э. К вопросу о происхождении глаголической азбуки. IX, стр. 427—442.

Гранстрем Е. Э. Сокращения древнейших славяно-русских рукописей. X, стр. 427—434.

Григорьян К. Н. Из истории русско-армянских культурных связей X—XVII веков. IX, стр. 323—336.

Гудзий Н. К. С. А. Бугославский (некролог). VI, стр. 410—413.

Гудзий Н. К. Судьбы печатного текста „Слова о полку Игореве“. VIII, стр. 31—52.

Гуссов В. М. Историческая основа Моления Даниила Заточника. VII, стр. 419—418.

Данилов В. В. К характеристике „Хождения“ игумена Даниила. X, стр. 92—105.

Данилов В. В. „Октавий“ Минуция Феликса и „Поучение“ Владимира Мономаха. V, стр. 97—107.

Данилов В. В. Сборник песен XVII столетия — Ричарда Джемса и П. А. Квашнина. II, стр. 165—180.

Дмитриев Л. А. Глагол „каяти“ и река Каяла в „Слове о полку Игореве“. IX, стр. 30—38.

Дмитриев Л. А. О датировке „Сказания о Мамаевом побоище“. X, стр. 185—199.

Дмитриев Л. А. Юбилей первого издания „Слова о полку Игореве“ (1800—1950). VIII, стр. 415—423.

Дмитриев Ю. Н. Мелётовские фрески и их значение для истории древнерусской литературы. VIII, стр. 403—412.

Дмитриев Ю. Н. Теория искусства и взгляды на искусство в письменности древней Руси. IX, стр. 97—116.

Евгеньева А. П. О некоторых поэтических особенностях русского устного эпоса XVII—XIX веков. (Постоянный эпитет). VI, стр. 154—189.

Евгеньева А. П. „Сказание о киевских богатырях, как ходили во Царьград и как побили цареградских богатырей, učinили себе честь“ (по списку XVII века). Заметки о языке и стиле. V, стр. 108—128.

Евгеньева А. П. Язык устной русской поэзии. (Синонимия). VII, стр. 168—211.

Еремин И. П. „Декаламация“ Симеона Полоцкого. VIII, стр. 354—361.

Еремин И. П. Драма-игра „Царь Ирод“. IV, стр. 223—240.

Еремин И. П. Из истории древнерусской публицистики XI века. (Послание Феодосия Печерского к князю Изяславу Ярославичу о латинянах). II, стр. 21—38.

Еремин И. П. Киевская летопись как памятник литературы. VII, стр. 67—97.

Еремин И. П. К истории древнерусской переводной повести. III, стр. 37—57.

Еремин И. П. К истории общественной мысли на Украине второй половины XVII века. X, стр. 212—222.

Еремин И. П. К истории русско-украинских литературных связей в XVII веке. IX, стр. 291—296.

Еремин И. П. Литературное наследие Феодосия Печерского. V, стр. 159—184.

Еремин И. П. Поэтический стиль Симеона Полоцкого. VI, стр. 125—153.

- Еремин И. П. „Слово о полку Игореве“ в советском литературоведении. VI, стр. 15—23.
- Жинкин Н. П. Краткие сведения о рукописях Центральной научной библиотеки Харьковского Государственного университета им. А. М. Горького. IX, стр. 467—475.
- Жинкин Н. П. Краткие сведения о рукописях Центральной научной библиотеки Харьковского Государственного университета им. А. М. Горького. (Продолжение). X, стр. 466—471.
- Зарубин Н. Н. Заря утренняя или вечерняя. (Из комментария к „Слову о полку Игореве“). II, стр. 95—150.
- Зимин А. А. О политической доктрине Иосифа Волоцкого. IX, стр. 159—177.
- Зубов В. П. Елифаний Премудрый и Пахомий Серб. (К вопросу о редакциях „Жития Сергия Радонежского“). IX, стр. 145—158.
- Карская Т. С. „Хождение за три моря“ Афанасия Никитина на чешском языке. IX, стр. 476—478.
- Кимеева Е. Н. „Послание митрополиту Даниилу“ Федора Карпова. IX, стр. 220—234.
- Колесникова Т. А. Общественно-политические взгляды Ермолая-Еразма. IX, стр. 251—265.
- Комарович В. Л. К литературной истории повести о Николе Зарайском. V, стр. 57—72.
- Кравчинская В. А. и Ширяева П. Г. Две былины в записях конца XVII—XVIII века. 1. Былина об Иване Гоодиновиче. 2. История о двух сильных богатырях Илье Муромце и Соловье-разбойнике. VI, стр. 339—371.
- Кудрявцев И. М. Две лирические песни, записанные в XVI веке. IX, стр. 380—386.
- Кудрявцев И. М. Заметка к тексту „С той же Кааял Святоплък“ в „Слове о полку Игореве“. VII, стр. 407—409.
- Кудрявцев И. М. „Послание на Угру“ Вассиана Рыло как памятник публицистики XV века. VIII, стр. 158—186.
- Кузьмина В. Д. Из истории русского демократического театра XVIII века. X, стр. 408—426.
- Кузьмина В. Д. Новый список „Девгениева деяния“. IX, стр. 339—360.
- Лапидский И. П. Почесть о суде Шемяки и судебная практика второй половины XVII века. VI, стр. 60—99.
- Лапшина Р. Г. Феодосий Косой — идеолог крестьянства XVI века. IX, стр. 235—250.
- Лихачев Д. С. Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского. V, стр. 36—56.
- Лихачев Д. С. Еллинский летописец второго вида и правительственные круги Москвы конца XV века. VI, стр. 100—110.
- Лихачев Д. С. Изображение людей в летописи XII—XIII веков. X, стр. 7—43.
- Лихачев Д. С. Летописные известия об Александре Поповиче. VII, стр. 17—51.
- Лихачев Д. С. Некоторые вопросы идеологии феодалов в литературе XI—XIII веков. X, стр. 76—91.
- Лихачев Д. С. Общественно-политические идеи „Слова о полку Игореве“, VIII, стр. 17—30.
- Лихачев Д. С. О русской летописи, находившейся в одном сборнике со „Словом о полку Игореве“. V, стр. 139—141.
- Лихачев Д. С. Плач о реке Нарове 1665 года. VI, стр. 333—338.
- Лихачев Д. С. Повести о Николе Зарайском. Тексты. VII, стр. 257—406.
- Лихачев Д. С. Послание Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь 1573 года. VIII, стр. 247—286.
- Лихачев Д. С. Проблема характера в исторических произведениях начала XVII века. VIII, стр. 218—234.
- Лихачев Д. С. Социальные основы стиля „Моления“ Даниила Заточника. X, стр. 106—119.
- Лихачев Д. С. Юбилей члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. VI, стр. 407—409.
- Лукьянов В. В. Собрание рукописей Ярославского областного краеведческого музея. (Краткий обзор). X, стр. 472—478.
- Лурье Я. С. Новые стиски „Царева государева послания во все его Российское царство“. X, стр. 305—309.
- Малышев В. И. Библиография сочинений протопопа Аввакума и литературы о нем 1917—1953 годов. X, стр. 435—446.
- Малышев В. И. „Житие Александра Невского“ (по рукописи середины XVI века, Гребенщиковой старообрядческой общины в г. Риге). V, стр. 185—193.

Малышев В. И. Заметки о рукописных собраниях Ленинграда, Черновиц, Риги, Двинска и других городов. VII, стр. 455—468.

Малышев В. И. Заметки о рукописных собраниях Петрозаводска и Тобольска. V, стр. 147—158.

Малышев В. И. Заметка о рукописных списках Жития протопопа Аввакума. (Материалы для библиографии). VIII, стр. 379—397.

Малышев В. И. К вопросу об обследовании частных собраний рукописей. X, стр. 449—458.

Малышев В. И. Неизвестные и малоизвестные материалы о протопопе Аввакуме. IX, стр. 387—404.

Малышев В. И. Новый список Слова Даниила Заточника. VI, стр. 193—200.

Малышев В. И. Отчет о командировке в село Усть-Цильму Коми АССР. VII, стр. 469—480.

Малышев В. И. Отчет об археографической командировке 1950 года. VIII, стр. 362—378.

Малышев В. И. Сведения о собраниях рукописей и старопечатных книг в некоторых городах северных областей. IV, стр. 247—253.

Малышев В. И. Стихотворная параллель к „Повести о Горе и Злочастии“ (стих „покаянный“ о пьянстве). V, стр. 142—146.

Малышев В. И. Усть-Цилемское предание о протопопе Аввакуме. VI, стр. 372—375.

Малышев В. И. и Берков П. Н. Новонайденное беллетристическое произведение первой половины XVIII века. („Повесть о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“). IX, стр. 408—426.

Масленникова Н. Н. Идеологическая борьба в псковской литературе в период образования русского централизованного государства. VIII, стр. 187—217.

Маслов Н. М. Краткие сведения о рукописях Калужского областного краеведческого музея. X, стр. 479—484.

Маслов С. И. Киевские экземпляры „Слова о полку Игореве“ в издании А. И. Мусина-Пушкина. X, стр. 251—254.

Мещерский Н. А. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 году. X, стр. 120—135.

Моисеева Г. Н. Автор „Казанской истории“. IX, стр. 266—288.

Моисеева Г. Н. Гистория о российском матросе Василии Кириацком. (К вопросу о составе и происхождении повести). X, стр. 358—388.

Назаревский А., Б. Райзман, А. Татаренко. Празднование в Киеве 150-летия со времени напечатания „Слова о полку Игореве“. VIII, стр. 424—426.

Николаева М. В. „История о Ярополе царевиче“ и сказочно-былинная традиция. VII, стр. 52—66.

Орлов А. С. „Гистория об Илье Муромце и Соловье-разбойнике“. IV, стр. 241—246.

Орлов А. С. Дева-Лебедь в „Слове о полку Игореве“. (Параллели к образу). III, стр. 27—36.

Орлов А. С. Литературные источники Повести о Мамаевом побоище. II, стр. 157—163.

Орлов А. С. О Галицко-Волынском летописании. V, стр. 15—35.

Перетц В. Н. Академическое издание Моления Даниила Заточника (Памятн. древнерусск. литературы, вып. 3, 1932). I, стр. 341—350.

Перетц В. Н. К вопросу о сравнительном методе в литературоведении. I, стр. 327—339.

Петров В. А. Археографическая поездка в города Даугавпилс и Рига Латвийской ССР для сбора рукописей. X, стр. 493—496.

Пини О. А. Выставка „Слова о полку Игореве“ в Литературном музее Института русской литературы АН СССР. VIII, стр. 427—432.

Подобедова О. И. „Повесть о Петре и Февронии“ как литературный источник житийных икон XVII века. X, стр. 290—304.

Позднеев А. В. Песнь о взятии Азова в 1696 году. X, стр. 353—357.

Позднеев А. В. Экземпляры первого издания „Слова о полку Игореве“ в некоторых московских государственных книгохранилищах и частных собраниях. (Библиографическая заметка). X, стр. 244—248.

Покровская В. Ф. Неизвестный список „Слова“ Даниила Заточника. X, стр. 280—289.

Покровская В. Ф. Повесть о Фроле Скобееве. (По неизданному Тихонравовскому списку с вариантами по всем известным спискам). I, стр. 249—297.

Покровская В. Ф. Повесть об испанском королевиче Бруке и его супруге. Мелеонии. (К истории переводной литературы XVII века). IV, стр. 176—198.

Покровская В. Ф. Стихотворная автобиография подьячего XVIII века. II, стр. 283—300.

- Попов П. Н. Неизвестная драма петровской эпохи „Иудифь“. III, стр. 195—253.
- Прийма Ф. Я. Зориан Доленга-Ходаковский и его наблюдения над „Словом о полку Игореве“. VIII, стр. 71—92.
- Прийма Ф. Я. Наблюдения А. Н. Оленина над „Словом о полку Игореве“. IX, стр. 39—48.
- Прийма Ф. Я. „Слово о полку Игореве“ в литературной жизни начала XIX века. (Материалы). X, стр. 229—243.
- Пушкарев Л. Н. Новый список „Сказания о киевских богатырях“. IX, стр. 361—370.
- Пушкарев Л. Н. Рукописные сборники литературного характера Центрального Государственного литературного архива СССР. X, стр. 459—465.
- Райzman Б., А. Назаревский, А. Татаренко. Празднование в Киеве 150-летия со времени напечатания „Слова о полку Игореве“. VIII, стр. 424—426.
- Ржиган В. Ф. Опыты по истории русской публицистики XVI века. Максим Грек как публицист. Приложение: Неизданные сочинения Максима Грека — „Послание великому князю Василию III“, „Послание царю Ивану IV“, „Об Александре Македонском“. I, стр. 5—120.
- Робинсон А. Н. Жанр поэтической повести об Азове. VII, стр. 98—130.
- Робинсон А. Н. Поэтическая повесть об Азове и политическая борьба донских казаков в 1642 году. VI, стр. 24—59.
- Рождественский Н. П. Отчет об археографической командировке в г. Иваново. X, стр. 485—492.
- Рождественский Н. П. Славяно-русские рукописи и старопечатные книги Вязниковского и Мстерского краеведческих музеев Владимирской области. VIII, стр. 392—402.
- Розов Н. Н. Повесть о Новгородском белом клубке как памятник общерусской публицистики XV века. IX, стр. 178—219.
- Н. Д. Русинов. Сборник памятников древнерусской письменности Угличского Государственного архива Ярославской области. X, стр. 497—499.
- Рыдзевская Е. А. Легенда о князе Владимире в саге об Олафе Трюгвасоне. II, стр. 5—20.
- Салмина М. А. „О причинах гибели царств“, сочинение начала XVII века. X, стр. 332—352.
- Седелъников А. Д. Следы стригольнической книжности. I, стр. 121—136.
- Скрипиль М. О. „История“ о взятии Царьграда турками Нестора Искандера. X, стр. 166—184.
- Скрипиль М. О. Литературная история „Повести о Иулиании Вяземской“, IV, стр. 159—175.
- Скрипиль М. О. Народная русская сказка в литературной обработке конца XVII—начала XVIII века. („Повесть о купце, купившем мертвое тело“). VIII, стр. 308—325.
- Скрипиль М. О. Неизвестные и малоизвестные русские повести XVII века. 1. Повесть о разуме человеческом. 2. Слово о купце и сыне его и жене сыновне. 3. Повесть о купце Григории. VI, стр. 324—332.
- Скрипиль М. О. Повесть о Петре и Февронии муромских в ее отношении к русской сказке. VII, стр. 131—167.
- Скрипиль М. О. Повесть о Петре и Февронии. Тексты. VII, стр. 215—256.
- Скрипиль М. О. Повесть о Савве Грудцыне. 1. История изучения повести. 2. Историко-бытовая основа повести. II, стр. 181—214.
- Скрипиль М. О. Повесть о Савве Грудцыне (окончание). 3. „Повесть о Савве Грудцыне“ и переводные сборники религиозных легенд конца XVII века. 4. Отношение „Повести о Савве Грудцыне“ к старорусской литературной традиции. III, стр. 99—152.
- Скрипиль М. О. Повесть о Савве Грудцыне. Тексты. V, стр. 225—308.
- Скрипиль М. О. Повесть о Тимофее Владимирском. VIII, стр. 287—307.
- Скрипиль М. О. Повесть о Улиании Осорьбиной. (Исторические комментарии и тексты). VI, стр. 256—323.
- Скрипиль М. О. „Сказание о Вавилоне граде“. IX, стр. 119—144.
- Советов С. С. „Слово о полку Игореве“ в польском переводе Юлиана Тувима. X, стр. 260—268.
- Сперанский М. Н. Критико-библиографические заметки о новых трудах по истории древнерусской литературы. I, стр. 351—359.
- Сперанский М. Н. Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI—XVII веков. X, стр. 136—165.
- Сперанский М. Н. Эволюция русской повести в XVII веке. I, стр. 137—170.
- Стеллецкий В. И. Перевод „Слова о полку Игореве“ Н. М. Карамзина. VIII, стр. 68—70.

- Татаренко А., А. Назаревский, Б. Райзман. Празднование в Киеве 150-летия со времени напечатания „Слова о полку Игореве“. VII, стр. 424—426.
- Тихомиров М. Н. Где и когда было написано „Слово о погибели русской земли“. VIII, стр. 235—244.
- Тихомиров М. Н. Городская письменность в древней Руси XI—XIII веков. IX, стр. 51—66.
- Тихомиров М. Н. „Написание“ Даниила Заточника. X, стр. 269—279.
- Чернобаев В. Г. Политические пародии в старой польской литературе и на Западе. III, стр. 255—333.
- Шамбинаго С. К. Повести о начале Москвы. III, стр. 59—98.
- Шарлемань Н. В. Заметки натуралиста к „Слову о полку Игореве“. VIII, стр. 53—67.
- Шарлемань Н. В. Из комментариев к „Слову о полку Игореве“. X, стр. 225—228.
- Шарлемань Н. В. Из реального комментария к „Слову о полку Игореве“. VI, стр. 111—124.
- Шахматов А. А. „Повесть временных лет“ и ее источники. IV, стр. 9—150.
- Шепелева Л. С. Культурные связи Грузии с Россией в X—XVII веках. IX, стр. 297—322.
- Шептаев Л. С. „Послание дворительное недругу“. (Посадская сатира XVII века). IX, стр. 371—379.
- Ширяева П. Г. и В. А. Кравчинская. Две былины в записях конца XVII—XVIII века. 1. Былина об Иване Годиновиче. 2. „История о двух сильных богатырех Илье Муромце и Соловье-разбойнике“. VI, стр. 339—371.
- Шеглова С. А. Неизвестная драма о смерти Петра I. VI, стр. 376—404.
- Щепкина М. В. Замечания о палеографических особенностях рукописи „Слова о полку Игореве“. (К вопросу об исправлении текста памятника). IX, стр. 7—29.
- Яковлев М. А. Сравнительный метод в исследованиях о русской литературе эпохи феодализма. I, стр. 299—326.
-

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От редакции	3
<i>Исследования и статьи</i>	
Д. С. Лихачев. Изображение людей в летописи XII—XIII веков	7
И. У. Будовниц. „Изборник“ Святослава 1076 года и „Поучение“ Владимира Мономаха и их место в истории русской общественной мысли	44
Д. С. Лихачев. Некоторые вопросы идеологии феодалов в литературе XI—XIII веков	76
В. В. Данилов. К характеристике „Хождения“ игумена Даниила	92
Д. С. Лихачев. Социальные основы стиля „Моления“ Даниила Заточника	106
Н. А. Мещерский. Древнерусская повесть о взятии Царьграда Фрягами в 1204 году	120
М. Н. Сперанский. Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI—XVII веков (вступительная часть статьи В. Д. Кузьминой)	136
М. О. Скрипиль. „История“ о взятии Царьграда турками Нестора Искандера	166
Л. А. Дмитриев. О датировке „Сказания о Мамаевом побоище“	185
В. П. Адрианова-Перетц. Крестьянская тема в литературе XVI века	200
И. П. Еремин. К истории общественной мысли на Украине второй половины XVII века	212
<i>Материалы и сообщения</i>	
Н. В. Шарлемань. Из комментариев к „Слову о полку Игореве“	225
Ф. Я. Прийма. „Слово о полку Игореве“ в литературной жизни начала XIX века. (Материалы)	229
А. В. Позднеев. Экземпляры первого издания „Слова о полку Игореве“ в некоторых московских государственных книгохранилищах и частных собраниях. (Библиографическая заметка)	244
Е. В. Благовещенская. Экземпляры первого издания „Слова о полку Игореве“ в Государственной Публичной исторической библиотеке	249
С. И. Маслов. Киевские экземпляры „Слова о полку Игореве“ в издании А. И. Мусина-Пушкина	251
П. Г. Богатырев. Обзор переводов „Слова о полку Игореве“ и статей о нем, вышедших в Чехословакии после второй мировой войны	255
С. С. Советов. „Слово о полку Игореве“ в польском переводе Юлиана Тувиима	260
М. Н. Тихомиров. „Написание“ Даниила Заточника	269
В. Ф. Покровская. Неизвестный список „Слова“ Даниила Заточника	280
О. И. Подобедова. „Повесть о Петре и Февронии“ как литературный источник житийных икон XVII века	290
Я. С. Лурье. Новые списки „Царева государева послания во все его Российское царство“	305
Н. А. Бакланова. О датировке „Повести о Ерше Ершовиче“	310
М. А. Салмина. „О причинах гибели царств“, сочинение начала XVII века	332
А. В. Позднеев. Песнь о взятии Азова в 1696 году	353

	Стр.
Г. Н. Моисеева. История о российском матросе Василии Кириацком. (К вопросу о составе и происхождении повести)	358
П. Н. Берков. К истории русского театра 1720-х годов („Диалог о Гофреде, победившем сарацины“)	389
В. Д. Кузьмина. Из истории русского демократического театра XVIII века	408
Е. Э. Гранстрем. Сокращения древнейших славяно-русских рукописей	427
В. И. Малышев. Библиография сочинений протопопа Аввакума и литературы о нем 1917—1953 годов	435

По рукописным собраниям Советского Союза

В. И. Малышев. К вопросу об обследовании частных собраний рукописей	449
Л. Н. Пущкарев. Рукописные сборники литературного характера Центрального Государственного литературного архива СССР	459
Н. П. Жинкин. Краткие сведения о рукописях Центральной научной библиотеки Харьковского Государственного университета им. А. М. Горького (Продолжение)	466
В. В. Лукьянов. Собрание рукописей Ярославского областного краеведческого музея. (Краткий обзор)	472
Н. М. Маслов. Краткие сведения о рукописях Калужского областного краеведческого музея	479
Н. П. Рождественский. Отчет об археографической командировке в г. Иваново	485
В. А. Петров. Археографическая поездка в города Даугавпилс и Ригу Латвийской ССР для сбора рукописей	493
Н. Д. Русинов. Собрание памятников древнерусской письменности Угличского Государственного архива Ярославской области	497

Указатель статей, напечатанных в I—X томах „Трудов Отдела древнерусской литературы“ (1934—1954 гг.).	500
--	-----

215660

